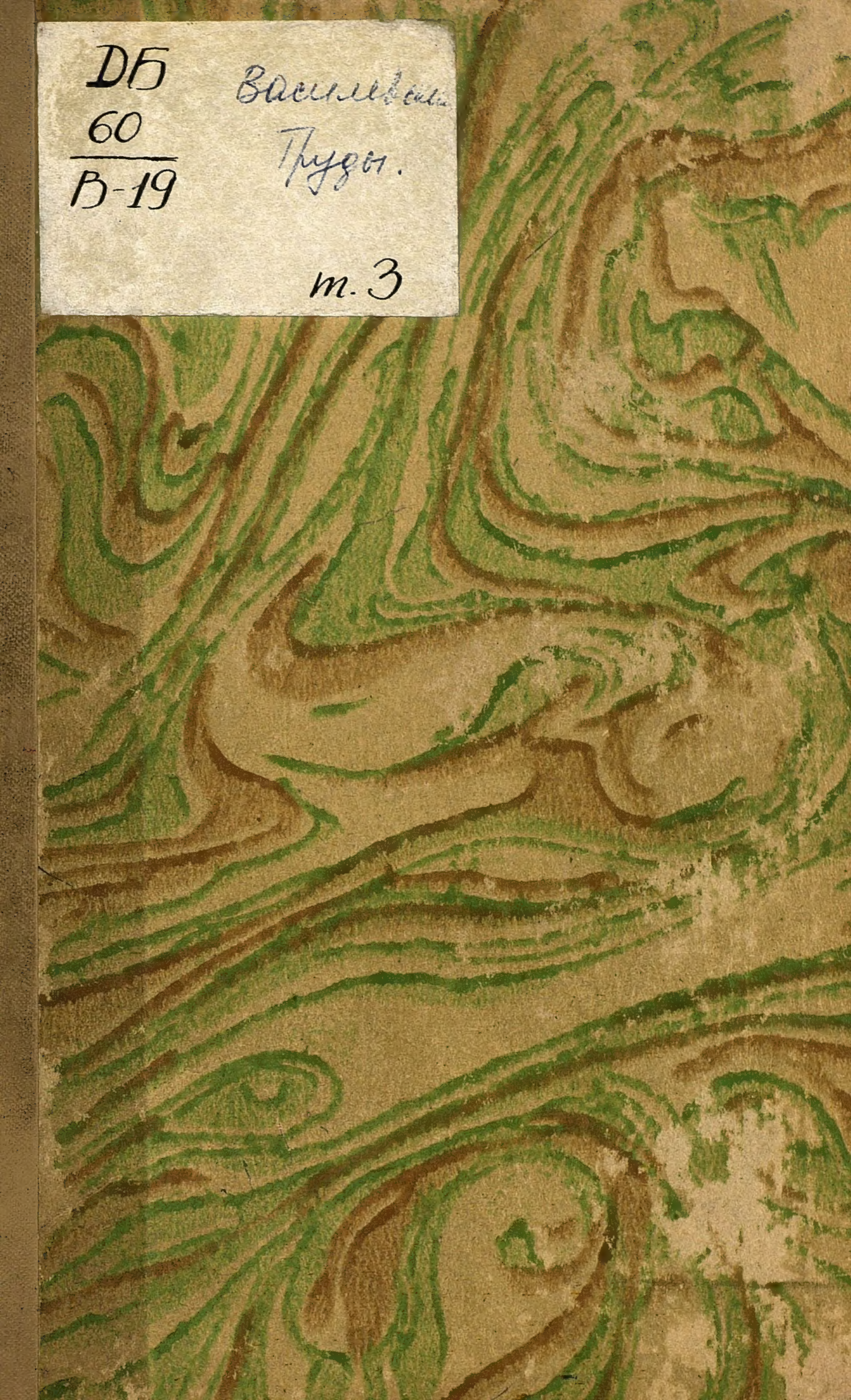

ДБ
60
В-19
Васильев
Труды.
т. 3

Надорван титул

18/X-06

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Декабрь 1915 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По хронологическому порядку, принятому для изданія «Трудовъ В. Г. Васильевскаго», за первыми семью «русско-византійскими отрывками», впервые вышедшими въ свѣтъ въ годы отъ 1875 до 1878, а теперь занимающими второй томъ этого изданія, долженъ былъ слѣдовать трудъ, имѣющій своимъ предметомъ житіе св. Георгія Амастридскаго. Онъ и слѣдуетъ въ предлежащемъ третьемъ томѣ «Трудовъ», но дается здѣсь не въ первой редакціи, въ какой былъ напечатанъ въ качествѣ восьмаго «русско-византійскаго отрывка» въ 1878 году, а въ той новой обработкѣ, которая въ сочетаніи съ переработкой вышедшаго въ первый разъ въ 1889 г. изслѣдованія о житіи св. Стефана Сурожскаго появилась въ 1893 г. подъ заглавіемъ «Русско-византійскія изслѣдованія».

Для переизданія въ «Трудахъ» тексты житій сличены съ оригиналами. Греческіе тексты обоихъ житій свѣрены академикомъ Никитинымъ. Въ его распоряженіи были для житія Георгія Парижская рукопись, высылавшаяся по ходатайству Академіи Національной Библіотекой въ Петроградъ, а для житія Стефана — фотографія Халкинской рукописи, изготовленная по распоряженію директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, академика Успенскаго.

Въ примѣчаніяхъ къ греческимъ текстамъ оговорены всѣ допущенныя въ нихъ уклоненія отъ рукописей, кромѣ перемѣнъ интерпункціи и исправленія такихъ безграмотностей, которыя не имѣютъ значенія ни для смысла текстовъ, ни для исторіи языка. Не оговорены мелочныя отличія новаго изданія отъ прежняго, такія, напр., какъ разстановка знаковъ препинанія или какъ возстановленныя теперь по рукописи формы съ такъ называемымъ νῦ ἐφελκυστικόν. Во избѣжаніе недоразумѣній, можетъ быть, не излишне будетъ замѣтить, что на свидѣтельствѣ рукописи осно-

ваны также принятыя въ новомъ изданіи чтенія: стр. **4**, 10 ὧν ὁ (вмѣсто читавшагося въ первомъ изданіи ὧν), **8**, 2 ἤ (вмѣсто ἐκ), **8**, 5 συνεχῶς φοιτῶσα (вмѣсто φοιτῶσα), **11**, 8 εὐδοξίαν (вмѣсто εὐδοκίαν), **71**, 4 Χριστῷ Ἰησοῦ (вмѣсто Χριστῷ).

Особенно многочисленныя оговоренныя и неоговоренныя уклоненія отъ перваго изданія пришлось допустить въ греческомъ текстѣ житія Стефана Сурожскаго. Повидимому, тотъ, кто изготовилъ копію рукописи для перваго изданія, многихъ мѣстъ текста, изложеннаго очень неумѣло и невразумительно, не понималъ или не разбиралъ и не стѣснялся давать въ своей копіи не то, что̀ видѣлъ въ оригиналѣ, а то, что̀ по соображеніямъ часто неудачнымъ желалъ въ немъ видѣть.

Славянскій текстъ житія Стефана свѣренъ съ рукописью Московской Духовной Академіи академикомъ Шахматовымъ.

Подготовка къ печати текста изслѣдованій и, въ большинствѣ случаевъ, провѣрка цитатъ исполнены П. В. Безобразовымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе въ Житіе св. Георгія Амастридскаго: стр.

I. Обозрѣніе литературы . . . . I—XI
II. Исторія и описаніе Парижскаго кодекса . . . . XI—XXI
III. Историческія свѣдѣнія объ Амастридѣ . . . . XXI—XXVII
IV. Содержаніе памятника или изложеніе Житія Георгія . . . XXVII—XLIII
V. Цѣльность сочиненія и независимость отъ Фотія . . . . . XLIV—LIII
VI. Провѣрка историческихъ и біографическихъ данныхъ . . . LIII—LXXVI
VII. Характеристическое умолчаніе объ иконахъ и объясненіе онаго . . . . LXXVII—LXXXVIII
VIII. Діаконъ Игнатій, какъ вѣроятный авторъ Житія, и Амастридскій епископъ Іоаннъ . . . . LXXXVIII—CVIII
IX. О русскомъ имени и русскомъ нашествіи . . . . CVIII—CXLI

Введеніе въ Житіе св. Стефана Сурожскаго:

I. Обозрѣніе литературы . . . . CXLII—CLVI
II. Историческія свѣдѣнія о Сурожѣ . . . . CLVI—CCVII
III. Древнѣйшіе источники о жизни Стефана Сурожскаго. CCVIII—CCXVIII
IV. Краткое греческое Житіе Стефана Сурожскаго . . . CCXVIII—CCXXIII
V. Содержаніе подробнаго славяно-русскаго Житія и критическія замѣчанія къ оному . . . . CCXXIII—CCXL
VI. Заимствованія изъ Житій Іоанна Златоустаго и Петра митрополита . . . . CCXL—CCLXIII
VII. Составъ первоначальнаго Житія и чудеса . . . . CCLXIII—CCLXXXVIII

	стр.
Житіе св. Георгія Амастридскаго (тексты русскій и греческій)	1— 71
Житіе краткое св. Стефана Сурожскаго (тексты греческій и русскій)	72— 76
Житіе (подробное) св. Стефана Сурожскаго (текстъ русскій).	77— 98
Указатели именъ личныхъ и географическихъ	99—121
Поправки и дополненія	122

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ *.

ЖИТІЯ

свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго.

Введеніе и греческіе тексты съ переводомъ.—Славяно-русскій текстъ.

---

* «Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи. 1882—1884 гг. Выпускъ девятый. 1893 г.»

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ ЖИТІЕ СВ. ГЕОРГІЯ АМАСТРИДСКАГО.

I.

Обозрѣніе литературы.

Въ 1658 году іезуиты Іоаннъ Болландъ и Годефридъ Геншенъ, славные въ лѣтописяхъ науки основатели монументальнаго великолѣпнаго зданія, именуемаго «Дѣянія святыхъ», Acta Sanctorum, обнародовали три тома своего сборника за мѣсяцъ февраль. Здѣсь подъ 21 числомъ помѣщено было въ латинскомъ переводѣ съ греческаго Житіе Георгія Амастридскаго — по обыкновенію съ обширнымъ предварительнымъ комментаріемъ (Commentarius praevius). Комментаторъ сдѣлалъ замѣчаніе, которому впрочемъ онъ не придавалъ никакой важности, что въ концѣ Житія говорится объ одномъ изъ первыхъ нашествій Русскихъ на Византійскую имперію[1]).

Прошло двѣсти лѣтъ, прежде чѣмъ не лишенное важнаго историческаго содержанія назидательное произведеніе древняго византійскаго агіографа нашло себѣ не только благочестиваго — такихъ мы должны предполагать большое число, — но въ то же время и научно-образованнаго читателя въ той странѣ, которой всякое древнее извѣстіе и всякая новая подробность о народѣ

---

1) Vitam hanc auctor anonymus composuit, instigatu Ioannis cujusdam. Scriptam conjicio circa tempora Basilii fortasse Macedonis, aut Leonis Sapientis. Meminit certe incursionis Russorum, qui Michaëlis III ac Bardae ejus avunculi temporibus imperii Romani fines infestasse leguntur.

«Росъ» всего ближе касались. Ни иностранные насадители ученой
исторической критики въ нашемъ отечествѣ — мы разумѣемъ
II основателей скандинавской теоріи происхожденія русскаго народа
и государства, — ни первые ихъ русскіе противники не обнару-
жили знакомства съ изданіемъ болландистовъ; между тѣмъ для
противниковъ теоріи Житіе Георгія, несомнѣнно, могло бы
послужить вполнѣ пригоднымъ оружіемъ. Только въ 1844 году,
въ первомъ томѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древ-
ностей, появилась небольшая статья «О походѣ Руссовъ на Су-
рожъ», сообщенная М. П. Погодинымъ и потому долго призна-
вавшаяся его собственнымъ произведеніемъ, но, какъ теперь
извѣстно, на самомъ дѣлѣ написанная покойнымъ и незабвеннымъ
въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія дѣятелемъ, протоіереемъ
А. В. Горскимъ[1]). Обладавшій обширною начитанностію, авторъ
обращалъ вниманіе русскихъ изслѣдователей на два легендарныхъ
источника, въ которыхъ одинаково рѣчь шла о какихъ-то весьма
древнихъ военныхъ походахъ Руси, то есть, на сказаніе о чуде-
сахъ св. Стефана Сурожскаго, уже отчасти извѣстное тогда изъ
описанія Румянцевскихъ рукописей Востокова, и на Амастридское
Житіе, оставшееся, какъ сказано, совершенно невѣдомымъ. По
своей обычной скромности, Горскій не дѣлалъ никакого шума и
никакихъ рѣзко поставленныхъ выводовъ изъ своихъ сообщеній;
онъ только полагалъ, что разсказъ о чудѣ, совершившемся надъ
русскимъ княземъ въ Сурожѣ, то есть, въ городѣ южнаго Крым-
скаго берега, объясняется разсказомъ о подобномъ же событіи
при нашествіи Русскихъ на Амастриду, лежавшую на противо-
положномъ малоазіатскомъ побережьѣ Чернаго моря; и такимъ
образомъ, подалъ поводъ къ неправильному представленію о то-
жествѣ историческаго событія, лежащаго въ основѣ обоихъ ска-
заній[2]). Какъ бы то ни было, Амастридская легенда, вмѣстѣ съ
III Сурожскою, сдѣлалась, послѣ появленія статьи Горскаго, новымъ
предметомъ распри между двумя школами изслѣдователей древ-

1) Погодину приписывалъ статью А. А. Куникъ, Die Berufung der schw. Rodsen, II, 346. Поправка сдѣлана имъ же: О Запискѣ Готскаго топарха (Записки Имп. Академіи Наукъ, т. XXIV, стр. 97).

2) Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, т. I (Одесса, 1844) стр. 195, 196.

нѣйшей русской исторіи. Скандинавская школа, ученый скипетръ которой переходилъ въ руки А. А. Куника, должна была доказывать, что въ Амастридской, равно какъ и въ Сурожской легендахъ, не только не слѣдуетъ видѣть какого-либо свидѣтельства о неотмѣченныхъ русскою лѣтописью дѣяніяхъ народа Руси ранѣе 862 года, что̀, очевидно, подрывало бы лѣтописный разсказъ о призваніи Рюрика съ братьями, — но что, напротивъ, въ обѣихъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же давно извѣстномъ фактѣ, именно о походѣ на Царьградъ и сосѣднія византійскія владѣнія норманно-русскаго вождя Аскольда и послѣдовавшемъ его обращеніи въ христіанскую вѣру, что̀, какъ извѣстно, произошло не ранѣе 865 года. Въ такомъ смыслѣ написаны были первыя статьи А. А. Куника, посвященныя этому вопросу и устарѣвшія только въ томъ отношеніи, что позднѣе онъ болѣе освободился отъ впечатлѣнія статьи Горскаго и увидѣлъ совершенную разность содержанія двухъ легендъ, вслѣдствіе чего Сурожскую легенду пріурочилъ къ походу Владиміра въ Тавриду и къ его крещенію[1]). Противники скандинавской теоріи, а равно и такіе послѣдователи, которые склонялись къ ней только по критическому разсудку, безъ сердечнаго влеченія, не имѣли никакого интереса сводить Сурожскую и Амастридскую повѣсти все къ одному и тому же походу 865 года; они сейчасъ же признали, что тутъ разумѣются два событія различныя между собою и отличныя отъ Аскольдовой исторіи 865 года, и даже стали утверждать, что нашествіе Руси на Амастриду относится къ до-рюриковскимъ временамъ. Такой взглядъ былъ высказанъ въ вышедшей IV
черезъ два года послѣ появленія статьи Горскаго (въ 1846 году) «Исторіи христіанства въ Россіи до св. Владиміра» — архим. Макарія. С. М. Соловьевъ тоже признавалъ, что, какъ извѣстіе, находящееся въ Житіи Стефана Сурожскаго о нападеніи на Сурожъ русскаго князя Бравалина и о крещеніи его тамъ, такъ равно подобное же извѣстіе въ жизнеописаніи Георгія Амастрид-

---

1) Berufung, II, 343—348. Затѣмъ статья въ академическомъ Бюллетенѣ за 1845 г.: «Der Raubzug und die Bekehrung eines Russenfürsten, nach der Biographie des Bischofs Georg von Amastris», von E. Kunik (lu le 17 Octobre 1845).— См. также статью «О Запискѣ Готскаго топарха», гдѣ вопросу объ Амастридской и Сурожской легендѣ посвящены стр. 97—116; см. особенно стр. 97, 98.

скаго, относятся къ двумъ событіямъ болѣе раннимъ, чѣмъ Аскольдовъ походъ; почтенный русскій историкъ до конца остался при такомъ мнѣніи, хотя отъ него отказался первый его выразитель, преосв. Макарій, на коего дѣлается ссылка въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Преосв. Филаретъ въ своей Исторіи Русской церкви, хотя и стоялъ на точкѣ зрѣнія антинорманской, относительно похода Руссовъ, упомянутаго въ біографіи Амастридскаго епископа, держался такого мнѣнія, что тутъ разумѣется нашествіе Игоря, описанное у продолжателей Амартола и въ нашей первоначальной лѣтописи; предположеніе основывалось на томъ, что въ обоихъ описаніяхъ есть черты сходныя, и что Георгій скончался въ началѣ IX столѣтія[1]). С. А. Гедеоновъ въ «Отрывкахъ изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ» (Записки Академіи Наукъ 1862—1863 гг.) высказалъ такую догадку, что обѣ легенды, Амастридская и Сурожская, «взяты изъ одного древнѣйшаго греческаго источника, восходившаго въ первоначальной редакціи за 865 годъ» и, слѣдовательно, гласившаго о до-рюриковской Руси. Въ позднѣйшей обработкѣ прежнихъ изслѣдованій въ одно цѣльное сочиненіе «Варяги и Русь» онъ тоже остается вѣрнымъ своему предположенію, не пытаясь чѣмъ-нибудь подкрѣпить его и, напротивъ,
v признаваясь, что критикѣ еще только предстоитъ выяснить это «въ высшей степени важное свидѣтельство о существованіи Славянской до-Варяжской Руси»[2]). Новѣйшіе антинорманисты если упоминаютъ объ Амастридскомъ событіи, то естественнымъ образомъ относятъ его къ до-рюриковскимъ временамъ и находятъ здѣсь лишнее доказательство въ пользу исконнаго существованія славянской или во всякомъ случаѣ не норманской Руси. Такъ поступаетъ Д. Ѳ. Щегловъ (въ статьѣ «Новый опытъ объясненія первыхъ страницъ Русской исторіи», Журналъ минист. народн. просвѣщенія 1874 г.); другіе представители этой школы, какъ И. Е. Забѣлинъ, обходятъ молчаніемъ повѣсть греческаго житія и довольствуются однимъ Сурожскимъ сказаніемъ.

---

1) Исторія Русской церкви. Сочиненіе Филарета, архіепископа харьковскаго. Періодъ первый. Изданіе третье. Москва, 1857 (Печатано съ изданія 1849 года), стр. 8 сл.

2) Варяги и Русь, ч. II, стр. CXII, прим. 293.

Интересно отношеніе къ Амастридской легендѣ Д. И. Иловайскаго. Въ сущности онъ не имѣетъ о ней своего опредѣленнаго взгляда и готовъ раздѣлять каждое изъ высказанныхъ мнѣній. Онъ готовъ допустить, что, если Русь въ 864 (sic) году отважилась сдѣлать нападеніе на Царьградъ, то, понятно, она уже хорошо была знакома съ Чернымъ моремъ и его берегами, что, слѣдовательно, этотъ первый набѣгъ на столицу Византійской имперіи не былъ вообще ея первымъ набѣгомъ на предѣлы имперіи, и что такимъ образомъ намъ становятся болѣе понятными извѣстія о Руси, встрѣчающіяся въ житіяхъ св. Георгія, епископа Амастридскаго, и св. Стефана, епископа Сурожскаго. Тѣмъ не менѣе, на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ онъ считаетъ возможнымъ пріурочивать легенды и къ болѣе позднимъ историческимъ событіямъ и лицамъ. Описаніе русскаго нашествія на Амастриду напоминаетъ ему, какъ и преосв. Филарету, византійскія описанія Игорева нашествія на Виѳинскіе берега и вызываетъ замѣчаніе, что нѣтъ ничего удивительнаго, если во время этого нашествія Русь успѣла заглянуть и въ Амастриду [1]).

Съ той и другой стороны высказано много вѣрныхъ замѣ- VI
чаній. Но, вообще говоря, аргументы, направленные противъ норманистскихъ изслѣдованій академика Куника, основываются болѣе на общихъ соображеніяхъ, на разныхъ ученыхъ историческихъ сочувствіяхъ, тогда какъ онъ представилъ формальныя, чисто ученыя, такъ сказать, техническія доказательства въ пользу своей теоріи, по которой Амастридское сказаніе остается тожественнымъ въ своемъ содержаніи съ другими извѣстіями о нашествіи Росовъ 865 года.

Уже въ 1845 году Русская исторія получила отъ А. А. Куника драгоцѣнный подарокъ, греческій текстъ той части Амастридскаго Житія, въ которой идетъ рѣчь о нашествіи Росовъ на Пафлагонскій берегъ Малой Азіи [2]). Важность этого пріобрѣтенія, сдѣланнаго при помощи ученыхъ связей съ знаменитымъ парижскимъ эллинистомъ Газе, никто не былъ способнѣе оцѣнить, какъ самъ его виновникъ. Онъ сличилъ греческую фразео-

---

1) Разысканія о началѣ Руси. Второе изданіе. Москва, 1882 г., стр. 323, 325.

2) Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie de Saint-Pétersbourg. Tome III, № 3 (1845): Der Raubzug и т. д.

логію отрывка, описывающаго дѣйствія и характеръ варварскихъ
посѣтителей Амастриды, съ характеристикою тѣхъ же самыхъ
свирѣпыхъ и жестокихъ Росовъ въ окружномъ посланіи патріарха
Фотія и открылъ многія черты буквальнаго сходства между двумя
текстами; а это не иначе могло быть объяснено, какъ заимство-
ваніемъ, при которомъ оригиналомъ служило произведеніе па-
тріарха, а копіей — фразеологія неизвѣстнаго по имени агіо-
графа. Такъ какъ окружная грамота Фотія къ восточному духо-
венству была разослана только въ 866 году, то отсюда вытекало
прямое заключеніе, что Житіе Георгія Амастридскаго написано
позже этого года и что оно не сообщаетъ какихъ-либо самостоя-
тельныхъ свѣдѣній о Руси, Росахъ, а только повторяетъ или
присвояетъ себѣ извѣстіе объ Аскольдовыхъ Росахъ 865 года,
къ которымъ относятся слова Фотіевой энциклики. Такой аргу-
VII ментаціи, повторенной на русскомъ языкѣ въ статьѣ о Запискѣ
Готскаго топарха, другая сторона не могла до сихъ поръ проти-
вопоставить какого-либо рѣшительнаго и въ такой же степени
осязательнаго, такъ сказать, матеріальнаго опроверженія. Ука-
занія на то, что и Георгій Амастридскій, и Стефанъ Сурожскій
жили оба въ концѣ VIII вѣка, и что чудеса, совершившіяся
вскорѣ по ихъ кончинѣ, могутъ относиться еще къ первой поло-
винѣ IX вѣка, что это было бы даже естественнѣе, что нѣтъ
никакой необходимости отвергать возможность русскихъ набѣ-
говъ на при-Понтійскія страны ранѣе 866 (= 865) года, это
суть только общія и произвольныя разсужденія, если между
Амастридскимъ Житіемъ и Фотіевою грамотою въ самомъ дѣлѣ
существуетъ такое близкое родство, какое указывалъ А. А. Ку-
никъ. На первый взглядъ болѣе вѣско замѣчаніе С. А. Гедео-
нова, что, если бы слагатель Амастридской легенды имѣлъ въ
рукахъ посланіе Фотія, то не могъ бы умолчать о послѣдовав-
шемъ за походомъ 865 года крещеніи Руси, что съ другой сто-
роны русскій агіологъ Сурожской легенды никогда не замѣ-
нилъ бы славное имя Владиміра темнымъ указаніемъ на бранли-
ваго князя. Но противъ послѣдняго возраженія довольно припом-
нить только собственное правдоподобное мнѣніе автора «Отрыв-
ковъ о Варяжскомъ вопросѣ», что древнѣйшій источникъ Сурож-
ской легенды есть греческій: въ такомъ случаѣ именно въ немъ-то

и могло не быть русскаго собственнаго имени, и, слѣдовательно, русскому агіографу приходилось не замѣнять, а только удерживать выраженія подлинника. А что касается молчанія о крещеніи Руси, то 1) можно найти нѣсколько объясненій такому пропуску, въ родѣ того, что крещеніе совершилось внѣ Пафлагоніи и, слѣдовательно, выходило изъ тѣсной рамки событій, имѣющихъ отношеніе къ основной темѣ сочиненія, и т. п.; а 2) съ другой стороны въ Житіи все-таки могутъ быть усмотрѣны довольно прозрачные намеки на имѣющее послѣдовать обращеніе и крещеніе предводителя пораженныхъ чудесною силою русскихъ варваровъ.

Сомнительная и слабая сторона объясненій А. А. Куника VIII
заключалась въ томъ, что онъ не подвергъ изученію всего памятника, а взялъ только одну его послѣднюю и небольшую часть; между тѣмъ въ виду важности вопроса и предполагаемыхъ результатовъ нужно было употребить всѣ усилія для отысканія признаковъ, опредѣляющихъ ближе принадлежность автора къ той или другой эпохѣ. Спрашивается притомъ: выдается ли языкъ автора при описаніи русскаго нашествія какими-нибудь особенностями отъ обычной его фразеологіи, и такъ ли значительны эти особенности, чтобы необходимо было искать имъ объясненія въ заимствованіи чужихъ оборотовъ и отдѣльныхъ выраженій? Пробѣлъ, нами указываемый, отчасти объясняется тѣмъ, что А. А. Куникъ только гораздо позже своихъ изслѣдованій, опредѣлившихъ его взглядъ на данный вопросъ, получилъ полный списокъ Житія, находящагося въ извѣстномъ кодексѣ Парижской національной библіотеки. Онъ самъ указалъ возможность провѣрки его результатовъ и необходимость подвергнуть строгой критикѣ весь составъ Житія. Это отчасти было исполнено нами въ изслѣдованіяхъ, помѣщавшихся въ Журналѣ минист. народн. просвѣщенія (1878 г., февраль и мартъ) подъ общимъ заглавіемъ: «Русско-Византійскіе отрывки». При своей работѣ мы уже и тогда имѣли возможность пользоваться полною копіей Амастридской легенды, свѣренною съ подлинникомъ самимъ Газе и пожертвованною А. А. Куникомъ въ библіотеку Академіи Наукъ. Само собою разумѣется, что, когда изслѣдованіе должно основываться на изученіи стиля и особенностей рѣчи, никакіе самые точные переводы не могутъ замѣнить подлинника. Когда

затѣмъ Археографическая Коммиссія рѣшила напечатать вполнѣ текстъ обоихъ памятниковъ, столь важныхъ по своему отношенію къ основному вопросу первоначальной русской исторіи, и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доступными для каждаго ученаго, желающаго составить свое собственное самостоятельное мнѣніе, то, при ея содѣйствіи, мы получили возможность ближе ознакомиться
IX съ тѣмъ парижскимъ кодексомъ, въ которомъ заключается Житіе Георгія Амастридскаго. Въ настоящее время греческій текстъ издается нами вполнѣ, вновь провѣренный по подлиннику и съ указаніемъ нѣкоторыхъ новыхъ варіантовъ, происшедшихъ отъ поправокъ позднѣйшей второй руки; онъ сопровождается переводомъ на русскій языкъ, долженствующимъ облегчить для всякаго желающаго уразумѣніе этого памятника, написаннаго довольно тяжелымъ и надутымъ языкомъ, отличающагося утомительною растянутостью и отчасти скучною риторикою. Такъ какъ статья наша, напечатанная болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, не можетъ считаться легко для всѣхъ доступною, такъ какъ, съ другой стороны, она требовала нѣкоторыхъ дополненій — особенно въ виду сдѣланныхъ на нее, хотя слегка и бѣгло — замѣчаній со стороны академика А. А. Куника и д-ра фонъ-Гутцейта[1]), то мы рѣшились воспользоваться представившимся удобнымъ случаемъ, чтобы вновь обратиться къ изученію вопроса. Мы должны признаться, что возраженія г. фонъ-Гутцейта, изложенныя въ его небольшой статейкѣ, помѣщенной въ академическомъ изданіи, не измѣнили нашего первоначальнаго мнѣнія, хотя А. А. Куникъ и сопровождалъ ихъ заявленіемъ своего сочувствія и согласія; такъ что прежняя наша статья могла остаться во многомъ тоже неизмѣнною и послужить основою нижеслѣдующаго разсужденія, которое должно было сопровождать изданіе текста въ качествѣ введенія или предварительнаго комментарія (commentarius praevius). Тѣмъ не менѣе мы имѣли въ виду сдѣланныя намъ замѣчанія и отвѣчаемъ на нихъ въ своемъ мѣстѣ. Наиболѣе важнымъ

1) Ueber die Lebensgeschichte des heil. Georgios von Amastra und die Zeit ihrer Abfassung. Von Dr. W. von Gutzeit. — Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens des h. Georg von Amastris. Ein Beitrag zur Aufklärung der russisch-byzantinischen Chronologie des 9-ten Jahrhunderts von E. Kunik (Mélanges russes, tirés du Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg. T. V. 20 Mai 1880—10 Mars 1881).

пробѣломъ, который замѣченъ былъ нами самими при пересмотрѣ старой статьи нашей, мы считаемъ недостаточное вниманіе къ имени Іоанна, который въ Житіи Георгія названъ знаменитымъ и по внушенію котораго авторъ взялся за свой трудъ. А. А. Куникъ свои соображенія объ Амастридской легендѣ заключилъ нѣкогда пожеланіемъ, чтобы кому-нибудь удалось открыть, кто такой былъ этотъ знаменитый Іоаннъ. Мы полагаемъ, что отвѣтъ давно находился на лицо, но только мы его просмотрѣли...

Въ заключеніе этой вводной главы мы обязаны исполнить долгъ благодарности по отношенію къ ученому и любезному товарищу нашему В. К. Ернштедту, который, какъ и въ другихъ случаяхъ, оказалъ намъ весьма цѣнную помощь при изданіи и приготовленіи къ печати греческаго текста.

II.

Исторія и описаніе Парижскаго кодекса.

Житіе Георгія Амастридскаго до сихъ поръ извѣстно только по одной рукописи, исторія которой довольно любопытна. При королѣ Генрихѣ IV, въ самомъ концѣ XVI столѣтія, поступило въ Парижскую королевскую библіотеку богатое собраніе латинскихъ и греческихъ манускриптовъ. Оно составлено было въ Италіи однимъ изъ Медичисовъ, ученымъ кардиналомъ Николо Ридольфи, племянникомъ папы Льва X, при помощи знаменитаго грека Яни Ласкариса († 1534), потомка греческихъ императоровъ, эллиниста и гуманиста, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ Флорентійскому и Французскому дворамъ. Въ составъ этого собранія входилъ и сборникъ, содержащій Житіе Георгія; до сихъ поръ на переплетѣ значится нумеръ, указывающій мѣсто, какое кодексъ занималъ въ библіотекѣ Ридольфи. Такъ какъ Яни Ласкарисъ для пріобрѣтенія рукописей совершилъ двѣ поѣздки на Востокъ, то, конечно, греческія пріобрѣтенія Ридольфи, только отчасти умноженныя Софіаномъ и Деварисомъ (Matthieu Devaris), позднѣйшими библіотекарями, всего скорѣе оттуда вели свое начало. Послѣ смерти перваго владѣтеля

(† 1550) собраніе куплено было у наслѣдниковъ Ридольфи Петромъ
XI Строцци, страстнымъ любителемъ книгъ и такимъ же цѣнителемъ греческихъ рукописей, когда онъ прибылъ въ Италію во главѣ французской арміи, посланной на помощь Сіенѣ. Строцци перенесъ свои книжныя сокровища во Францію, гдѣ онъ служилъ съ отличіемъ и достигъ званія маршала. Затѣмъ, когда онъ былъ убитъ при осадѣ города Тіонвилля въ 1558 году, ихъ захватила въ свое владѣніе королева Катерина Медичи подъ пустымъ предлогомъ родства съ умершимъ, а на самомъ дѣлѣ въ силу своей власти и пристрастія къ рѣдкимъ книгамъ и манускриптамъ; она, правда, дала обѣщаніе вознаградить надлежащимъ образомъ сына убитаго маршала, но это обѣщаніе осталось неисполненнымъ. Послѣ кончины (въ 1589 г.) не добромъ прославленной королевы-итальянки, составленная ею богатая библіотека попала въ руки ея кредиторовъ, такъ какъ королева оставила мало денегъ и много долговъ. Кредиторы требовали продажи вещей, а также и книгъ; на все наложены были печати, потомъ явились комиссары счетной палаты (la chambre des comptes). Однако многимъ казалось, что книги покойной королевы должны составлять достояніе государства, и что въ общественномъ интересѣ не слѣдуетъ допускать раздробленія драгоцѣнной коллекціи, украшавшейся рѣдкими манускриптами. Особенно настаивалъ на этомъ ученый президентъ де-Ту (de Thou), и благодаря его стараніямъ явились королевскіе указы (ордонансы) и постановленія парламента, присуждавшія передачу коллекціи въ пользу ко-
XII роны[1]). Съ тѣхъ поръ занимающій насъ кодексъ сталъ входить

1) Исторія собранія королевы Катерины разсказана нами главнымъ образомъ по Делилю: Léop. Delisle, Le Cabinet des manuscrits, I, 207 (manuscrits de Catherine de Médicis). — Спеціальныя статьи не всѣ были для насъ доступны; извѣстны слѣдующія: E. Bonaffé, Inventaire des meubles de Catherine de Médicis en 1589, Paris 1874. — Le Roux de Lincy, Notice sur la bibliothèque de Catherine de Médicis, Bulletin du bibliophile, année 1858, 13 série, p. 915—941. — Aubé, Un supplément aux acta sincera de Ruinart, Revue archéologique, 1884, Avril, p. 223. (Здѣсь издано житіе Нестора Памфилійскаго, находящееся въ описываемомъ кодексѣ). — Omont, Un premier catalogue des manuscrits grecs du cardinal Ridolfi: Bibliothèque de l'école des chartes, XLIX (1888). Подъ этимъ заглавіемъ Omont обнародовалъ первый набросокъ каталога рукописей Ридольфи, составленнаго Деварисомъ, но не полнаго. Каталогъ показывалъ 618 греческихъ манускриптовъ, которые теперь всѣ находятся въ Національной библіотекѣ. Монфоконъ (Bibliotheca bibliothecarum) напечаталъ нѣкогда только

въ составъ Королевской или Національной библіотеки, въ которой рукописи королевско-медицейскія первоначально составляли особый отдѣлъ; онъ числился подъ №№ 133, 1057, 2010, 1452; послѣдній нумеръ есть тотъ, подъ которымъ онъ значится въ отдѣленіи греческихъ рукописей настоящаго времени и подъ какимъ былъ описанъ въ каталогѣ манускриптовъ Королевской (теперь Національной) библіотеки. По внѣшнему виду это есть томъ малаго in fol., содержащій въ себѣ 227 пергаментныхъ листовъ, писанный въ два столбца, каждый по 33 строки. По своему содержанію сборникъ издавна приписывался Симеону Метафрасту, какъ автору статей, въ немъ заключающихся, и уже въ 1589 году былъ каталогизованъ подъ титуломъ: Simeon Metaphrastes, mensis Februarius[1]); но, какъ сейчасъ увидимъ, такое обозначеніе основано на недоразумѣніи. Нѣсколькихъ, но очень немногихъ листовъ въ сборникѣ не достаетъ, именно въ началѣ и въ концѣ его. Содержаніе его слѣдующее[2]):

1) (Начала нѣтъ)..... *Γορδιανοῦ τε τελευτήσαντος καὶ Φιλίππου ἀσεβοῦς διαδεξαμένου τὴν ἀρχὴν* и т. д. Рѣчь идетъ о св. Трифонѣ, содержаніе составляетъ его мученіе.

2) Fol. 4 verso. *Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ* (дни мѣсяца обыкновенно обозначаются на полѣ наверху страницы). *Θαύματα τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλόμαρτυρος Τρύφωνος.* Начало: *Ἀρχὴ τῶν ἄθλων αὐτοῦ ἐγένετο ἐν Καμψάδου κώμῃ.* (Одинъ или нѣсколько листовъ утеряны и вслѣдствіе того конца нѣтъ).

3) Fol. 6. Не имѣющая начала рѣчь на Срѣтеніе Господне или на Симеона Богопріимца (въ оглавленіи кодекса она не обозначена).

4) Fol. 8. *Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ. Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Σωφρονίου ἀρχιεπισκόπου Ἱεροσολύμων εἰς τὴν ἀπαντὴν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ.* Начало: *Ἄλλο Χριστοῦ τοῦτο μυστήριον.* XIII

5) Fol. 15 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ δ̅. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου*

извлеченіе изъ каталога Девариса; подлинникъ его теперь утраченъ, а въ XVI вѣкѣ хранился въ библіотекѣ Орсини.

1) На оборотѣ пустого перваго листа позднѣйшимъ противъ рукописи почеркомъ тоже написано: *τοῦ μεταφράστου Φευρουάριον. Ἔστι δὲ ἄναρχος καὶ ἀτελής.*

2) <Ср. Catalogus codicum hagiographicorum graecorum bibliothecae nationalis Parisiensis ed. hagiographi Bollandiani et Henricus Omont, Par. 1896, p. 118—121>.

καὶ ἀοιδίμου πατρὸς ἡμῶν Νικολάου ἡγουμένου γεγονότος τῆς εὐαγεστάτης μονῆς τῶν Στουδιοτῶν. Начало: *Τοὺς ὀλυμπίους ἀγῶνας.*

6) Fol. 33 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ε̅. Ἄθλησις τῆς ἁγίας καὶ καλλινίκου μάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Ἀγάθης.* Начало: *Βασιλεύοντος Δεκίου καίσαρος.*

7) Fol. 37 r. *Ἄθλησις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀβρααμίου ἐπισκόπου γενομένου Ἀρβὴλ πόλεως.* Начало: *Ἐν τῷ πέμπτῳ ἔτει τοῦ καθ' ἡμᾶς διωγμοῦ...* Но здѣсь только начало статьи, затѣмъ опять пропускъ листовъ, такъ что на листѣ 38 оканчивается неизвѣстно — то ли самое мученіе Авраамія. Самое оглавленіе послѣ было зачеркнуто.

8) Fol. 38 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ζ̅. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Παρθενίου ἐπισκόπου γενομένου Λαμψάκου.* Начало: *Πόθῳ καὶ ἀγάπῃ κινούμενος.*

9) Fol. 44 r. *Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Θεοδώρου τοῦ στρατηλάτου.* Начало: *Ὥσπερ φαίνει ὁ ἥλιος.*

10) Fol. 48 v. *Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ. Ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα Θεόδωρον τὸν στρατηλάτην Νικήτα δούλου Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ φιλοσόφου.* Начало: *Τί λαμπρὰ καὶ διαυγής.*

11) Fol. 57 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ η̅. Βίος σὺν ἐγκωμίῳ εἰς τὸν ἐν ἁγίοις πατέρα ἡμῶν καὶ θαυματουργὸν Γεώργιον, τὸν ἀρχιεπίσκοπον Ἀμάστριδος.* Начало: *Οἱ πρὸς τοὺς γυμνικοὺς ἀγῶνας.*

⟨11[a]) *Τοῦ μακαρίου Θεοδωρήτου, ἐπισκόπου Κύρου, εἰς τὸν προφήτην Ζαχαρίαν ὑπόθεσις.*⟩

12) Fol. 75 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ θ̅. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Νικηφόρου καὶ κατὰ μνησικακίας.* Начало: *Ἦν τις πρεσβύτερος.*

13) Fol. 77 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ θ̅. Μετάφρασις τοῦ ἁγίου μάρτυρος Νικηφόρου συγγραφὲν παρὰ Ἰωάννου ἐπισκόπου Σάρδεων.* Начало: *Πολλοῖς ἡ ταπεινὴ φύσις ἡμῶν.*

XIV 14) Fol. 83. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ι̅. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Χαραλαμπίου.* Начало: *Βασιλεύοντος τοῦ κυρίου ἡμῶν.*

15) Fol. 89 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ια̅. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου καὶ*

ἐνδόξου ἱερομάρτυρος Βλασίου ἐπισκόπου γενομένου Σεβαστείας. Начало: *Ἡνίκα ὁ καιρὸς τῶν εἰδώλων.*

16) Fol. 94 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ιβ. Τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον Μελέτιον ἐπίσκοπον Ἀντιοχείας καὶ εἰς τὴν σπουδὴν τῶν συνελθόντων.* Начало: *Πανταχοῦ τῆς νοερᾶς.*

17) Fol. 97 v. *Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ. Βίος ἐν συντόμῳ τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Μελετίου ἀρχιεπισκόπου Ἀντιοχείας.* Начало: *Οὗτος ὁ ἀοίδιμος καὶ μέγας ἐν ἀρχιερεῦσι.*

18) Fol. 102 r. *Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ. Ἄθλησις τῶν ἁγίων χιλίων τριῶν τῶν ἐν Νικομηδείᾳ τελειωθέντων.* Начало: *Ἐγένετο ἐν τοῖς καιροῖς τῆς βασιλείας Διοκλητιανοῦ.*

19) Fol. 103 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ιγ. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Μαρτινιανοῦ.* Начало: *Ἔστιν ὄρος ἔγγιστα Καισαρείας τῆς πόλεως Παλαιστίνης καλούμενον τόπος Κυβωτοῦ.*

20) Fol. 110 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ιδ. Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἄσκησις τοῦ ἁγιωτάτου καὶ μακαριωτάτου Αὐξεντίου.* Начало: *Τῶν ἀρχαιοτέρων πατέρων ἔργοις καὶ λόγοις.*

21) Fol. 128 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ιε. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου ἀποστόλου Ὀνησίμου μαθητοῦ γεγονότος Παύλου τοῦ ἀποστόλου· συγγραφεῖσα παρὰ Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου.* Начало: *Χαίρει καὶ γένος οἰκετικόν.*

22) Fol. 131 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ις. Ἄθλησις τῶν ἁγίων καὶ ἐνδόξων τοῦ Χριστοῦ μαρτύρων· Παμφίλου, Οὐάλεντος, Παύλου, Σελεύκου, Πορφυρίου, Θεοδούλου, Ἰουλιανοῦ Αἰγυπτίων, συγγραφεῖσα παρὰ Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου.* Начало: *Καιρὸς δὴ καλεῖ.*

23) Fol. 136. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ιζ. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Θεοδώρου τοῦ τήρωνος.* Начало: *Μαξιμιανὸς καὶ Μαξιμῖνος οἱ βασιλεῖς.*

24) Fol. 139 r. *Χρυσίππου πρεσβυτέρου Ἱεροσολύμων ἐγκώ-* XV
μιον εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα Θεόδωρον τὸν τήρωνα καὶ μερικὴ τῶν ἀπείρων αὐτοῦ θαυμάτων διήγησις. Начало: *Μάρτυρος ὑπερλάμποντος ἐν τοῖς μάρτυσιν* (двѣнадцать чудесъ).

25) Fol. 150 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ιη. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου Λέοντος καὶ Παρηγορίου μαρτυρησάντων ἐν Πατάροις τῆς Λυκίας πρὸ μιᾶς καλανδῶν Ἰουλίου.* Начало: *Ποικίλαις μὲν τοῦ διαβόλου.*

26) Fol. 153 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ ιθ. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου πατρὸς ἡμῶν Αὐξιβίου ἀρχιεπισκόπου γεγονότος Σολίας ἐν τῇ τῶν Κυπρίων νήσῳ*. Начало: *Βούλομαι διηγήσασθαι*.

27) Fol. 159 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ κ. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀλεξάνδρου*. Начало: *Ὁ ἁγιώτατος καὶ μακαριώτατος*.

28) Fol. 174 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ κα. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μαυρικίου καὶ τῶν ἑβδομήκοντα μαθητῶν αὐτοῦ*. Начало: *Μαρτύρων μνήμη*.

29) Fol. 180 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ κβ. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Σαδὼθ ἐπισκόπου γεγονότος καὶ τῶν μετ' αὐτοῦ ρκη μαρτυρησάντων ἐν τῷ δευτέρῳ ἔτει τοῦ διωγμοῦ*. Начало: *Μετὰ τὸ τελειωθῆναι τὸ μαρτύριον τοῦ ἁγίου Συμεῶνος*.

30) Fol. 182. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ κγ. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἁγίου καὶ μακαρίου μάρτυρος Πολυκάρπου ἐπισκόπου γε<νομένου Σμύρνης τῆς Ἀσίας*. Начало: *Ἐγράψαμεν ὑμῖν*. — Fol. 192 v. *Ἄθλησις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Πολυκάρπου ἐπισκόπου γενομένου> Σμύρνης τῆς κατὰ Ἀσίαν κειμένης*. Начало: *Ἡ ἐκκλησία τοῦ Θεοῦ ἡ παροικοῦσα Σμύρναν*.

31) Fol. 196 v. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ κδ. Διήγησις θαυμαστὴ ὅπως εὑρέθη ἡ τιμία κεφαλὴ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ τοῦ Χριστοῦ*. Начало: *Μοναχοὶ δύο τῆς ἑώας ὁρμώμενοι*.

32) Fol. 198 r. *Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ. Ἡ εὕρεσις τῆς τιμίας καὶ σεβασμίας κεφαλῆς τοῦ προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ τοῦ Χριστοῦ Ἰωάννου*. Начало: *Ἐπεφάνη ὁ τρισόλβιος*.

33) Fol. 201. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ κε. Ἰγνατίου μοναχοῦ μερικὴ*
XVI *ἐξήγησις εἰς τὸν βίον τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ταρασίου ἀρχιεπισκόπου γεγονότος τῆς θεοφυλάκτου Κωνσταντινουπόλεως*. Начало: *Μέλλων ἀπείρῳ μεγέθει πελάγους*.

34) Fol. 222 r. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ κς. Βίος καὶ πολιτεία ἐν συντόμῳ τοῦ ἁγίου Πορφυρίου ἐπισκόπου Γάζης*. Начало: *Ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν Πορφύριος*.

35) Fol. 226. *Μηνὶ τῷ αὐτῷ κθ. Ἄθλησις τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Νέστορος ἐπισκόπου γεγονότος Πέργης τῆς Παμφυλίας*. Начало: *Ἐν ταῖς ἡμέραις Δεκίου βασιλέως*.

36) Fol. 227 v. *Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Παύλου τοῦ Κορινθίου τοῦ διὰ Χριστὸν ἐπονομασθέντος τοῦ σαλοῦ* (только начало житія, первыя слова стерты).

Итакъ оказывается, что кодексъ № 1452 содержитъ въ самомъ дѣлѣ собраніе житій святыхъ за февраль мѣсяцъ и есть ни болѣе, ни менѣе какъ одна часть древнѣйшей греческой Минеи-Четьи. Порядокъ, въ которомъ житія расположены, почти тотъ же самый, какой находимъ во Флорентійскихъ святцахъ X вѣка, напечатанныхъ у Бандини, въ каталогѣ рукописей Лаврентійской библіотеки, а также въ греческой московской Минеѣ за февраль мѣсяцъ, <Menologii anonymi Byzantini--quae supersunt ed. B. Latyšev, fasc. I, Petrop. 1911>. Одно изъ частныхъ отличій касается именно памяти Георгія Амастридскаго. Въ Парижскомъ сборникѣ Житіе Георгія поставлено подъ 8 днемъ февраля, но въ Флорентійскихъ святцахъ этотъ день оставленъ незамѣщеннымъ или пустымъ, да и подъ другими днями имени нашего святаго не значится; точно такъ же его жизнеописаніе отсутствуетъ и въ московской синодальной Минеѣ XI вѣка. Вообще, какъ мы уже упомянули, парижская королевско-медицейская рукопись есть до сихъ поръ изъ всѣхъ приведенныхъ въ извѣстность единственная, въ которой встрѣчается интересующій насъ памятникъ. На этотъ счетъ издатели Acta Sanctorum въ предварительномъ комментаріи къ издаваемому латинскому переводу сообщаютъ слѣдующее: списокъ Житія Георгія Амастридскаго приготовленъ былъ по парижской рукописи Павломъ Петавіемъ (Petau) и былъ имъ подаренъ извѣстному ученому XVII
іезуиту Фронтон-ле-Дюку (Fronto Ducaeus, Fronton-le-Duc), занимавшемуся изданіемъ греческихъ отцовъ церкви; Фронтонъ, сдѣлавъ переводъ первыхъ двухъ главъ на латинскій языкъ, переслалъ все вмѣстѣ Гериберту Росвейде (Rosweyde), одному изъ главныхъ сотрудниковъ въ монументальномъ предпріятіи Болланда; Росвейде, однако, имѣлъ и другой списокъ, впрочемъ не полный, о которомъ послѣ нельзя было сказать съ рѣшительностію, былъ ли онъ сдѣланъ съ того же самаго оригинала Парижской библіотеки, или съ какого другого; въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ замѣчалось отличіе, но незначитель-

ное[1]). Во всякомъ случаѣ, слѣды этого второго экземпляра или другой редакціи Житія, если таковой или таковая существовали, были совсѣмъ потеряны. Въ греческихъ служебныхъ минеяхъ и въ синаксаріяхъ (то есть, сборникахъ краткихъ житій, помѣщаемыхъ при канонахъ святымъ по шестой пѣснѣ), какъ въ рукописныхъ, такъ въ печатныхъ, празднованіе памяти Георгія Амастридскаго относится уже къ 21 февраля, и подъ этимъ числомъ помѣщается краткое о немъ сказаніе, составленное на основаніи того другого — подробнаго[2]). Значитъ въ греческой церковной литературѣ не безызвѣстно было и подробное Житіе, но объ этомъ мы можемъ судить только по отраженію его въ синаксарномъ изложеніи. Въ Минологіи императора Василія совсѣмъ нѣтъ имени Георгія Амастридскаго. Обращаясь къ прочимъ статьямъ и вообще къ составу Парижской медицейской февральской Минеи, мы можемъ сдѣлать такое наблюденіе, что въ ней вообще нѣтъ статей позднѣе второй половины девятаго вѣка по содер-
XVIII жанію и позднѣе первой половины десятаго вѣка по времени сочиненія; вопреки надписанію, сдѣланному, кажется, первымъ каталогизаторомъ собранія Ридольфи, житія большею частію являются здѣсь въ своемъ первоначальномъ или оригинальномъ видѣ, а не въ позднѣйшей передѣлкѣ Симеона Метафраста, который, какъ теперь доказано, жилъ и трудился въ концѣ десятаго вѣка и въ началѣ одиннадцатаго. Наиболѣе позднія статьи суть: 1) Житіе патріарха Тарасія (№ 33), написанное діакономъ Игнатіемъ, его младшимъ современникомъ, слѣдовательно жившимъ въ концѣ VIII вѣка и въ первой половинѣ девятаго. Замѣтимъ, что уже въ московской синодальной Минеѣ XI вѣка вмѣсто того помѣщено сокращенное житіе патріарха. 2) Похвала великомученику Ѳеодору Стратилату (№ 10), авторомъ которой названъ Никита Философъ; подъ этимъ прозваніемъ разумѣется

1) Eam vitam ex codice graeco bibliothecae Regis describi curarat Paulus Petavius, donaratque Frontoni Ducaeo nostro, versaque a se Latine priora duo capita: Fronto ad Heribertum Rosweydum misit, qui et aliud nactus erat exemplar, sed mutilum: an ex eodem codice, dubito, cum in quibusdam verbis discrepantia insit, sed exigua.

2) Болландисты (Геншенъ?) указываютъ на изданіе Цитерейскаго епископа; разумѣются: *Μαξίμου ταπεινοῦ ἐπισκόπου Κυθήρων Βίοι ἁγίων ἐκ τῆς ἑλληνικῆς γλώττης. Ἐνετίῃσι* 1656 и ранѣе. ‹Cp. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae, ed. Delehaye, col. 481 sq.›

либо тотъ самый Никита Давидъ Пафлагонянинъ, который написалъ біографію патріарха Игнатія и былъ нѣсколько моложе патріарха Фотія, либо другой Никита Философъ — византіецъ, уже современникъ Фотія, то есть еще болѣе ранній писатель[1]). Еще выше мы встрѣчаемъ жизнеописаніе Николая Студита; онъ скончался въ 868 году, какъ это указано въ концѣ сочиненія безыменнымъ его авторомъ, и этотъ послѣдній жилъ во всякомъ случаѣ ранѣе возвращенія Крита подъ власть византійскую, то есть, ранѣе 961 года, ибо онъ предполагаетъ, что этотъ островъ находится подъ властію Агарянъ. Объ одной статьѣ (№ 13) прямо сказано, что это есть метафразъ, передѣлка или переложеніе болѣе стариннаго подлинника, но за то и прибавлено, что переработка или новое изложеніе принадлежитъ Іоанну, епископу Сардійскому, а Іоаннъ Сардійскій извѣстенъ по письмамъ къ нему Θеодора Студита и, слѣдовательно, жилъ въ концѣ восьмого и въ началѣ девятаго вѣка. Есть другія житія, о которыхъ въ самомъ оглавленіи ихъ, какъ оно читается въ рукописи, xix
замѣчено, что они предлагаются въ сокращенномъ видѣ — таковы житія Мелетія Антіохійскаго (№ 17) и Порфирія Газскаго (№ 34), но при этомъ намъ не подано ни малѣйшаго повода предполагать, что сократителемъ былъ Симеонъ Метафрастъ. Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи, воспоминаемое 24 февраля, есть событіе, относимое ко времени императоровъ Валентиніана и Маркіана (къ 467 году) и къ городу Емесѣ[2]); и намека нѣтъ на позднѣйшее перенесеніе главы въ Константинополь при Никифорѣ Фокѣ.

Результатъ касательно древности кодекса, отсюда вытекающій, вполнѣ сходится съ палеографическимъ замѣчаніемъ соста-

---

1) О томъ, нужно или нѣтъ различать двухъ Никитъ, носящихъ ученые титулы то философа, то ритора, намъ здѣсь нѣтъ нужды разсуждать, отсылаемъ читателя къ статьѣ Алляція de Nicetis (Mai, Nova Bibliotheca Patrum, t. VI, pp. 3—9, cap. IV. V) и къ сочиненію Гергенрётера (Hergenröther) Photius, II, 645 сл.

2) Повѣствованіе начинается (fol. 196) словами: *Μοναχοὶ δύο τῆς ἑώας ὁρμώμενοι* — и рѣчь идетъ съ начала о томъ, какъ глава Предтечи отыскана была двумя монахами въ домѣ Ирода, а затѣмъ у нихъ похищена однимъ приставшимъ на дорогѣ спутникомъ изъ Емесы, а затѣмъ (fol. 198 r.) слѣдуетъ настоящій разсказъ о (новомъ) открытіи главы въ городѣ Емесѣ, сообщаемый отъ лица участника, по имени Маркелла: *Ἐπεφάνη ὁ τρισόλβιος*. Въ московской синодальной Минеѣ XI в. начало повѣсти иное: *Πάλιν ἡμῖν ὁ ἱερός*.

вителей каталога, отнесшихъ манускриптъ къ десятому вѣку, что въ свою очередь подтвердилъ такой большой знатокъ палеографіи, какъ К. Б. Газе[1]). Житіе Георгія Амастридскаго, вошедшее въ составъ сборника, очевидно, еще древнѣе и, подобно другимъ выше означеннымъ статьямъ, должно быть признано произведеніемъ девятаго вѣка. — Отъ себя мы прибавляемъ, что, если бы нашлись внутренніе признаки, доказывающіе принадлежность всего нашего памятника или какой-либо части его еще къ первой половинѣ девятаго, то съ точки зрѣнія внѣшней исторіи текста къ такому пріуроченію не оказалось бы никакихъ препятствій, а скорѣе напротивъ: нужно имѣть въ виду, что прежде чѣмъ Житіе Георгія Амастридскаго попало въ этотъ кодексъ десятаго вѣка, оно должно было нѣсколько времени обращаться среди публики отдѣльно, и при томъ не мало времени, такъ какъ въ редакціи уже оказались нѣкоторыя неисправности. Слѣдующіе
XX за симъ анализъ Житія и потомъ разборъ отдѣльныхъ его подробностей главнымъ образомъ имѣютъ цѣлію отысканіе такихъ внутреннихъ признаковъ, по которымъ можно было бы точнѣе опредѣлить время его написанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще оцѣнить его историческое достоинство. Чтобы объяснить важность нашей задачи, припомнимъ ранѣе высказанныя мнѣнія относительно нападенія Руси на Амастриду, то есть, объ одномъ изъ посмертныхъ чудесъ Георгія: мнѣніе (преосв. Филарета), которое пріурочивало нашествіе къ морскому и неудачному походу Игоря, почти устраняется внѣшнею исторіею нашего текста, ибо довольно неправдоподобно, чтобы въ кодексъ десятаго вѣка успѣлъ быть внесеннымъ разсказъ о событіи, случившемся около половины этого столѣтія, и при томъ уже прошедшій черезъ другіе болѣе ранніе списки. Такъ какъ у насъ рѣчь должна идти о девятомъ столѣтіи, а почти въ самой серединѣ его приходится извѣстная разграничительная черта, заключающаяся въ возстановленіи иконопочитанія послѣ долгаго господства иконоборческихъ императоровъ, то очевидно, что наибольшее вниманіе намъ слѣдуетъ направить на отношеніе нашего памятника именно къ

---

1) ‹См. отрывокъ изъ его письма къ А. А. Кунику въ Bulletin de la cl. hist.-philol. de l'Ac. Imp. des Sc. de St.-Pet., III, 35›.

вопросу объ иконопочитаніи: заранѣе скажемъ, что оно представляется намъ весьма страннымъ и своеобразнымъ въ томъ смыслѣ, что, несмотря на очевидное присутствіе намековъ на иконы, несмотря на частое повтореніе ходячихъ выраженій иконоборческой эпохи, авторъ какъ будто съ намѣреніемъ избѣгаетъ необходимости прямо высказаться по вопросу, раздѣлявшему всѣ тогдашніе умы.

III.

Историческія свѣдѣнія объ Амастридѣ.

Мы должны сказать нѣсколько словъ о родинѣ святаго Георгія
и главномъ поприщѣ его духовныхъ подвиговъ, о городѣ Ама-
стридѣ. Амастрида *(Ἄμαστρις*—род. *ιδος)* или Амастра *(Ἄμαστρα)*,
теперь Амассера, приморскій городъ въ Малой Азіи между Пен-
дераклією и Синопомъ въ Пафлагоніи, насупротивъ «Бараньяго
мыса» (Аю-дага) на Таврическомъ полуостровѣ, по словамъ Стра- XXI
бона, возникла вслѣдствіе соединенія въ одну общину четырехъ
старинныхъ поселеній, Сисама, Китора, Кромны и Тія, изъ коихъ
первыя три упоминаются еще у Гомера. Главною виновницей
образованія составной общины была жена тиранна города Ге-
раклеи, Діонисія, племянница персидскаго царя Дарія Кодомана,
сообщившая общинѣ свое имя, которое и осталось за нею на-
всегда, подвергшись небольшимъ измѣненіямъ. Послѣ греко-рим-
скаго періода въ существованіи города нужно различать три пе-
ріода: 1) Византійскій, который продолжался до второй половины
XIV вѣка, когда имъ овладѣли Турки (точный годъ этого со-
бытія неизвѣстенъ, но сосѣднюю Гераклею такая участь по-
стигла въ 1360 году); византійцы именовали городъ то Амастрой
(Ἄμαστρα, ης), то Амастридою *(Ἄμαστρις, ιδος)*, а иногда
Кромною. 2) Генуезскій, наступившій вслѣдъ за недолговре-
меннымъ прямымъ господствомъ Турокъ ранѣе 1398 года: Ама-
стрида тогда именовалась Самастро или Самастри. 3) Новѣйшій
турецкій со времени покоренія ея султаномъ Магометомъ II въ
1459 году, при чемъ двѣ трети населенія насильственно переве-
дены были въ Константинополь. Амассера, какъ называется по-

селеніе со времени турецкаго владычества, расположена теперь на узкомъ мѣстѣ двойного полуострова, вдающагося въ море, что̀ подало поводъ одному византійскому писателю употребить выраженіе «островъ Амастрида»[1]). Одна половина этого полуострова соединяется съ твердою землею посредствомъ небольшой песчаной косы, а другая связывается съ первой невысокой насыпью (par une chaussée), заливаемой волнами моря при сколько-нибудь сильномъ вѣтрѣ. Здѣсь находятся по ту и другую сторону двѣ гавани, нѣкогда защищенныя плотинами или моломъ, но теперь вслѣдствіе разрушенія искусственнаго сооруженія одна изъ нихъ уже не представляетъ надежнаго убѣжища для судовъ. Развалины
XXII плотинъ, впрочемъ, остаются и вмѣстѣ съ остатками водопроводовъ, построенныхъ изъ гранита и кирпича, напоминаютъ о генуезской эпохѣ. Памятники болѣе глубокой древности встрѣчаются по сосѣдству въ окрестностяхъ; они обращали на себя вниманіе еще въ средніе вѣка. Вотъ какъ описываетъ средневѣковую Амастриду (Самастро) испанскій путешественникъ Клавихо, посѣтившій эти мѣста въ 1403 году. «Городъ Самастро принадлежитъ Генуезцамъ и стоитъ на турецкой землѣ у самаго моря, на высокомъ холмѣ, а впереди этого холма, глубже въ море, стоитъ другой также высокій холмъ, соединенный съ тѣмъ, на которомъ построенъ городъ; ихъ оба окружаетъ одна стѣна, и съ одного холма, который очень высокъ, на другой идетъ огромный сводъ въ видѣ моста, по которому и ходятъ. Тамъ есть двѣ гавани: одна съ одной стороны, а другая съ другой. Городъ маленькій, и дома въ немъ тоже маленькіе; а внѣ города были большія разрушенныя зданія: церкви, дворцы и дома, и казалось, что прежде самое лучшее было то, что̀ теперь стояло внѣ и что̀ теперь было въ развалинахъ»[2]). Позади садовъ теперешней амастридской низменности сохранились основанія и стѣны обширнаго дворца византійской эпохи, а далѣе близъ горы св. Георгія остаются донынѣ мраморныя ворота, имѣющія видъ тріумфальной

1) Theophan. Chron., I, 375, ed. de Boor.

2) Клавихо, Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ въ 1403—1406 гг., съ переводомъ и примѣчаніями подъ редакціею И. И. Срезневскаго въ Сборн. отдѣл. Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, томъ XXVIII, 1881, стр. 109—110.

аркп. Французскій путешественникъ настоящаго столѣтія, оставившій наиболѣе подробный отчетъ о положеніи этихъ мѣстностей, говоритъ о монументальной колоннѣ съ барельефами, о мощеной дорогѣ, о храмахъ и баняхъ (термахъ), о висячихъ садахъ, происхожденіе которыхъ приписывается персидскимъ вкусамъ племянницы Дарія, о храмѣ Мира, воздвигнутомъ въ эпоху Римской имперіи галльскимъ легіономъ, объ амфитеатрѣ, о базиликѣ съ надписями Клавдія Лепида и его жены[1]). По другимъ сообще- XXIII
ніямъ, въ двухъ километрахъ отъ нынѣшняго города, между горами Цхакра *(Τσχάκρα)* къ востоку и между высотами Бартины (Парѳенія) къ югу, на вершинѣ большого холма, заросшаго густымъ, едва проходимымъ лѣсомъ, находятся слѣды древняго кладбища съ остатками старинной церкви, со множествомъ высѣченныхъ въ скалѣ гранитныхъ усыпальницъ, изъ коихъ иныя имѣютъ сходство съ римскими колумбаріями и по всѣмъ признакамъ древнѣе стѣнъ прежней Амастриды, относящихся къ византійской эпохѣ[2]).

Свидѣтельства писателей подтверждаютъ то, что̀ говорятъ развалины, и указываютъ прямо на цвѣтущее состояніе города не только въ римское, но и въ византійское время, причемъ оказывается, что причиною благосостоянія и богатства жителей были отчасти торговыя связи съ противоположнымъ берегомъ Чернаго моря. Никита Пафлагонянинъ, писатель, относимый къ концу IX и началу X вѣка, съ восторгомъ восклицаетъ: «Амастра *(Ἀμάστρα),* око Пафлагоніи и, лучше сказать — едва не всей вселенной. Въ нее, какъ на общее торжище, стекаются Скиѳы, живущіе по сѣверной сторонѣ Евксина, а равно и тѣ, которые расположены къ югу; они приносятъ сюда свои товары и получаютъ взамѣнъ то, что̀ есть у нея. Это городъ, находя-

1) Eugène Boré, Correspondance et mémoires d'un voyageur en Orient (Paris, 1840), I, 231—239. Ср. Texier, L'Asie mineure (малое изданіе), p. 623. Впрочемъ здѣсь Амассерѣ посвящено только нѣсколько строкъ. Hommaire de Hell (Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase etc., Paris, 1844) наиболѣе отчетливо описываетъ положеніе Амассеры. <Ср. F. Hasluck, Genoese heraldry and inscriptions at Amastra. The annual of the British School at Athens, N. XVII>.

2) Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ небольшой статьи, помѣщенной въ Константинопольскомъ *Σύλλογος* за 1870—1871 г. Въ статьѣ было обѣщано приложеніе надписей, найденныхъ въ Амастридѣ, но въ томъ экземплярѣ, который былъ въ нашихъ рукахъ, приложенія нигдѣ нѣтъ.

щійся въ центрѣ между восточнымъ предѣломъ и западнымъ; во всемъ, что̀ привозится сушей или моремъ, здѣсь нѣтъ недостатка; онъ щедро снабженъ всѣми удобствами, пышными постройками и крѣпкими стѣнами, прекрасными гаванями и жителями издревле знатными» [1]). Константинъ Багрянородный говоритъ о пафлагон-
XXIV скихъ корабляхъ, которые привозили въ Корсунь, кромѣ другихъ товаровъ, вино и хлѣбъ, и заставляетъ предполагать постоянное присутствіе судовъ корсунскихъ въ пафлагонскихъ портахъ. Но, конечно, не Корсуняне разумѣются подъ именемъ Скиѳовъ, живущихъ на сѣверныхъ берегахъ Понта и посѣщающихъ амастридскій рынокъ; всего скорѣе тутъ идетъ рѣчь о Русскихъ, торговыя сношенія которыхъ съ Византіею, засвидѣтельствованныя договорами Олега и Игоря, начались, очевидно, ранѣе того и могли быть хорошо извѣстны Никитѣ Пафлагонскому, современнику императора Льва Мудраго. Когда мы будемъ говорить о таврическомъ Сурожѣ, то должны будемъ болѣе остановиться на подробностяхъ, касающихся греческой черноморской торговли, и тогда увидимъ, что роль, которая принадлежала въ ней Русскимъ, искони считалась весьма значительною. На всякій случай нужно, впрочемъ, упомянуть и о таврическихъ Готахъ; о связяхъ послѣднихъ съ противолежащимъ берегомъ Чернаго моря и въ частности съ Амастридою мы знаемъ изъ житія Іоанна, епископа Готскаго, который около 790 года искалъ здѣсь убѣжища отъ Хазаръ, господствовавшихъ на полуостровѣ. О Печенѣгахъ не могло быть рѣчи, такъ какъ сами они не ѣздили по морямъ, да и не успѣли еще въ началѣ IX вѣка распространить свои кочевья по Тавридѣ.

Первое насажденіе христіанства въ Амастридѣ мѣстнымъ преданіемъ было приписываемо св. апостолу Андрею, который, по словамъ монаха Епифанія, жившаго въ иконоборческій періодъ и описавшаго хожденія первозваннаго апостола, посѣтилъ Кромну, послѣ наименованную Амастридой, и поставилъ здѣсь епископомъ Пальма. Пальмомъ же называется тотъ епископъ церкви Амастридской и Понтійской, который былъ въ сношеніяхъ съ Діонисіемъ Коринѳскимъ и слѣдовательно жилъ въ

---

1) Nicetae Paphlagonis, in Laudem S. Hyacinthi Amastreni: Patr. gr. 105, 421.

третьемъ вѣкѣ[1]). Христіанство восторжествовало здѣсь не безъ
борьбы; о временахъ гоненія напоминали мощи мученика Іакинѳа,
главная мѣстная святыня и, по выраженію Никиты Пафлагон-
скаго, епископа въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Дадибрахъ, лучшій его XXV
оплотъ и защита противу враговъ. Каждый годъ въ день, посвя-
щенный воспоминанію о святомъ мученикѣ, предъ гробницею,
заключавшею въ себѣ священные останки, совершалось, какъ
разсказываютъ, особенное чудо, состоявшее въ томъ, что изъ
глубины ея вылеталъ съ шумомъ прахъ или пепелъ.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи Амастрида входила въ составъ Гангрской митрополіи и была простою епископіей до временъ, о которыхъ повѣствуется въ издаваемомъ нами памятникѣ, то есть, до начала IX столѣтія, когда она вслѣдствіе стараній Георгія и расположенія къ нему верховной власти достигла самостоятельнаго положенія и болѣе высокой степени въ ряду эпархій. Изъ іерарховъ Амастриды послѣ Пальма извѣстны слѣдующіе[2]): 1) современникомъ Іакинѳа, пострадавшаго при Діоклетіанѣ, былъ поименованный въ краткомъ житіи его 2) Ираклій или Ираклидъ; на первомъ вселенскомъ соборѣ присутствовалъ 3) Исихій, или по другому чтенію Евпсихій (Евтихій, Евфроній). 4) Въ половинѣ пятаго вѣка подъ актами Халкидонскаго собора подписался одинъ мѣстный пресвитеръ вмѣсто своего епископа Ѳемистія Амастридскаго. 5) Посланіе Пафлагонскаго собора къ императору Льву (457—474) было подписано Сатурниломъ, епископомъ города Амастриды. 6) На соборѣ Константинопольскомъ при патріархѣ Минѣ (въ 536 г.) присутствовалъ и подписался епископъ Астерій. 7) На шестомъ вселенскомъ соборѣ (680 г.) мы встрѣчаемъ упоминаніе объ епископѣ Комитѣ *(Κωμιτᾶ, τοῦ ἁγιωτάτου ἐπισκόπου)*, который, хотя лично и не присутствовалъ, но былъ представленъ діакономъ Иринархомъ. 8) Преемникомъ его нужно считать Зоила, который точно такимъ же образомъ упоминается въ дѣяніяхъ такъ называемаго пятошестого собора. 9) Вслѣдъ затѣмъ нашъ руководитель въ общемъ знакомствѣ со списками греческой и восточной іерархіи

1) Eusebii Hist. eccl. IV, 23, 6.
2) См. Le Quien, Oriens christianus, tom. I, pp. 561—565.

XXVI (Ле-Кьенъ) называетъ Іоанна на основаніи одного очень поздняго свидѣтельства и относитъ его, повидимому, къ первому періоду иконоборства[1]). Мы должны будемъ провѣрить данныя объ этомъ Іоаннѣ и сдѣлаемъ это ниже. 10) На седьмомъ вселенскомъ соборѣ присутствовалъ Григорій, епископъ Амастры *(Γρηγόριος ἐπίσκοπος Ἀμάστρης);* онъ подписался подъ опредѣленіями четвертаго засѣданія и упоминается въ протоколахъ прочихъ[2]). 11) Преемникомъ его приходится считать нашего Георгія, какъ это видно уже изъ упоминанія его въ житіи Іоанна Готскаго, который удалился изъ Крыма въ Амастриду послѣ седьмого вселенскаго собора. 12) На соборѣ 869—870 года противъ Фотія въ числѣ архіепископовъ помѣщенъ Стефанъ Амастридскій; въ актахъ, сохранившихся въ латинскомъ переводѣ Анастасія, значится его подпись, которая гласитъ, что онъ охотно принялъ все, что̀ было постановлено и опредѣлено въ засѣданіяхъ этого собора[3]). Не лишнее замѣтить, что епископы, посвящённые Фотіемъ, кромѣ трехъ извѣстныхъ и поименованныхъ въ актахъ, не были допущены къ участію въ засѣданіяхъ собора 869 года; такъ какъ въ числѣ ихъ нѣтъ Стефана, то отсюда слѣдуетъ, что онъ поставленъ былъ ранѣе, либо Игнатіемъ, либо Меѳодіемъ. Равнымъ образомъ онъ не значится въ числѣ тѣхъ, которые были допущены во второмъ засѣданіи (8 окт. 869 г.), какъ посвященные Меѳодіемъ или Игнатіемъ, но временно уклонившіеся на сторону Фотія, а теперь раскаявшіеся и возвратившіеся къ Игнатію. Изъ этого слѣдуетъ, что Стефанъ всегда держался Игнатія[4]).
XXVII Преемникомъ Стефана былъ: 13) Евдокимъ. Въ актахъ Фотіева собора 879 года онъ помѣщенъ въ числѣ митрополитовъ, но вѣроятно не имѣлъ такого титула, а приравненъ къ нимъ вслѣдствіе своей автокефальности, ибо такіе архіепископы не

---

1) Ad tempora iconomachiae proxima revoco Ioannem Amastridis, quem vir clarissimus Nicolaus à Papadopoli appellat in praenotationibus mystagogicis, ubi morem Graecorum omnes liquores per quadraginta situlas expiandi defendit.

2) Mansi, XIII, 395. XII, 1099 *(Ἀμάστριδος)*. XIII, 573.

3) Stephanus misericordia Dei archiepiscopus Amastridis omnia, quae in sancta et universali synodo judicata sunt et definita, libenter suscipiens subscripsi manu propria: Migne, Patrol. lat. t. 129, 178 (actio X). Cp. p. 148. Conciliorum collectio regia, XXIII, 359, 411. Mansi, XVI, 309. Hergenröther, Photius II, 76.

4) Hergenröther, Photius II, 82—84. 88.

всегда отличались отъ собственныхъ митрополитовъ[1]). Возведеніе Амастридской каѳедры на степень митрополіи послѣдовало либо при Львѣ Мудромъ, либо при Константинѣ Багрянородномъ; въ спискахъ, обозначаемыхъ именемъ перваго, она вообще значится въ числѣ митрополій[2]). Дальнѣйшія имена представляютъ для насъ второстепенный интересъ. 14) Около времени Михаила Кирулларія извѣстенъ только по названію Никифоръ, упоминаемый въ статьѣ о перемѣщеніяхъ *(περὶ μεταϑέσεων)*. 15) При патріархѣ Іоаннѣ Ксифилинѣ въ 1083 году подписалъ одно синодальное постановленіе митрополитъ Амастриды, не названный по имени. 16) При царѣ Іоаннѣ Комнинѣ на соборѣ противъ богомиловъ участвовалъ также не поименованный Амастридскій іерархъ. 17) Затѣмъ при Мануилѣ по поводу собора 1144 года становится извѣстнымъ Константинъ. 18) Въ 1156 г. на соборѣ противъ Сотириха засѣдалъ Іоаннъ II. 19) На Никейскомъ соборѣ 1242 года поименованъ митрополитъ Амастриды Николай. 20) При Михаилѣ Палеологѣ подписалъ грамоту къ папѣ о соединеніи церквей не названный по имени митрополитъ Амастриды. 21) Послѣднее извѣстное имя относится къ 1351 году, когда осуждена была при патріархѣ Каллистѣ ересь Варлаама и Акиндина (противупаламитовъ) при участіи митрополита Амастридскаго Каллиника[3]). Обращаемся къ самому Георгію Амастридскому и начинаемъ изложеніемъ его Житія.

IV.

Содержаніе памятника или изложеніе Житія Георгія. XXVIII

Вступленіе начинается обычнымъ въ произведеніяхъ такого рода заявленіемъ автора о своемъ недостоинствѣ и неспособности

---

1) Mansi, XVII, 373 и сл. Hergenröther, Photius II, 452. Послѣдній сравнилъ текстъ Манси съ нѣсколькими ватиканскими и мюнхенскими рукописями и сдѣлалъ на основаніи ихъ многія поправки въ чтеніяхъ именъ. Ср. Gelzer, Zur Zeitbestimmung der griechischen Notitiae episcopatuum: Jahrbücher für protestantische Theologie, Bd. 12 (1886), стр. 532. 535.

2) Gelzer, ibid., стр. 537.

3) Le Quien, l. c.

надлежащимъ образомъ исполнить свою задачу. Однако посреди общихъ мѣстъ можно отличить фактическія указанія на то, что авторъ въ первый разъ берется за литературный трудъ, состоящій въ составленіи житія, долженствующаго быть прочитаннымъ публично, то есть, при церковномъ богослуженіи, и что онъ при этомъ уступаетъ поощреніямъ старшихъ. «Готовящіеся къ гимнастическимъ состязаніямъ не прежде къ тому допускаются, какъ докажутъ въ предварительныхъ упражненіяхъ соотвѣтствующую испытанію физическую способность. А насъ и прежде всякаго опыта и нимало не запасшихся чѣмъ либо достойнымъ настоящаго состязанія духовные подвигоположники толкаютъ на арену слова» (гл. 1) и т. д. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на предварительное общее прославленіе святаго, составляющее (гл. 2) какъ-бы программу цѣлаго сочиненія. «Кто не знаетъ сего божественнаго Георгія, слава котораго прозвучала отъ края до края, котораго чудеса многочисленны, а подвиги еще того многочисленнѣе? Онъ былъ угоденъ въ глазахъ царей ради своего пророческаго дара и былъ уважаемъ сановниками ради необычайности чудотворенія; онъ былъ извѣстенъ блескомъ своей добродѣтели патріархамъ ранѣе своего священства и для всѣхъ прежде испытанія былъ почтеннымъ и желаннымъ; образецъ подвижниковъ, украшеніе іереевъ и опора міранъ, онъ былъ страшенъ для враговъ и дорогъ для своихъ» и т. д. Важно то, что здѣсь уже заключаются намеки не только на дѣянія святаго при жизни, но и на посмертныя его чудеса.

Потомъ начинается самое жизнеописаніе.

Родители святаго были люди благородные и знатные, но болѣе живущіе по Богу, чѣмъ внимающіе плоти. Отецъ носилъ имя Θеодосія, а мать называлась Мегеθо. Была ли она наименоXXIX вана такъ согласно съ тѣмъ, чѣмъ она раньше сдѣлалась, или же она сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало быть по ея прозванію, во всякомъ случаѣ она дѣйствительно была «величайшимъ храмомъ» добродѣтелей. Даръ Божій, сошедшись съ «величіемъ благодати», принесли плодъ, вполнѣ достойный божественнаго даянія [1]).

1) Авторъ довольно искусно, но уже слишкомъ долго играетъ словами: Мегеθо, которое происходитъ отъ существительнаго, означающаго величіе, и Θеодосій, что значитъ даръ Божій, даяніе Божіе.

Они жили въ городѣ Кромнѣ, находившемся по сосѣдству съ знаменитою Амастридой. Кромна не славилась ни богатствомъ, ни какимъ-либо значеніемъ и, если сдѣлалась извѣстною, то развѣ какъ мѣсто жительства родителей святаго. Чета долго оставалась бездѣтною, и только послѣ продолжительныхъ и усердныхъ молитвъ Богъ даровалъ ей сына, заранѣе обреченнаго на служеніе Ему.

Во время беременности Мегеѳо посѣщала усердно божественные храмы и горячо молилась. Случилось однажды, что лица, принадлежавшія къ городскому управленію, сидя въ преддверіяхъ храма, увидѣли ее и, принявъ посѣтительницу за обычную простую женщину, обошлись съ нею непочтительно, какимъ-то образомъ оскорбили ее. Ночью каждый изъ нихъ посѣщенъ былъ одинаковымъ видѣніемъ: какой-то страшный мужъ съ палицею въ рукахъ и съ убійственнымъ взглядомъ грозилъ имъ всѣми злыми карами. Когда виновные, не понимая своей вины, обращались съ вопросами о причинѣ гнѣва, то услышали въ отвѣтъ, что вина ихъ есть неуваженіе, оказанное собственному «ихъ архіерею», а затѣмъ разъяснилось, что архіерей былъ тотъ младенецъ, который находился въ утробѣ оскорбленной ими женщины. На другое утро всѣ какъ бы по соглашенію явились къ матери святаго и, припадая къ стопамъ ея, просили прощенія, при чемъ объяснили ей причину своего раскаянія. Послѣ этого жена отправилась къ одному благочестивому мужу, чистотою жизни пріобрѣвшему даръ видѣть будущее, разсказала ему о случившемся и отъ него узнала о будущемъ съ такою же отчетливостію, какъ бы это уже было настоящее; именно — узнала о XXX
рожденіи у нея сына, о его наименованіи, о его священномъ помазаніи, о предстоящей ему славѣ. Чрезъ нѣсколько времени дѣйствительно у благочестивыхъ родителей родился младенецъ мужескаго пола. Когда младенцу былъ третій годъ, онъ разъ подвергся большой опасности, что̀ въ Житіи приписывается прямому дѣйствію злой дьявольской силы. Младенецъ, оставшійся наединѣ, попалъ въ огонь и обжогъ себѣ руки и ноги. Однако во̀-время вынутый изъ огня и послѣ надлежащей врачебной помощи, Георгій остался въ живыхъ. Когда онъ сдѣлался способнымъ къ ученію, его отдали школьнымъ наставникамъ. Онъ про-

шелъ все «енкиклическое» образованіе, какъ «наше», то есть, духовное, такъ и «внѣшнее», то есть, свѣтское, первое усвоивъ вполнѣ, изъ другого извлекая полезное.

Когда онъ достигъ мужескаго возраста, преуспѣвая въ дѣятельномъ любомудріи, то его дядя, занимавшій епископскую каѳедру на его родинѣ (то есть, въ Амастридѣ), причислилъ его къ церковному клиру, чтобы онъ могъ усвоить себѣ церковные законы и всякое церковное благоустройство и порядокъ. Съ этого времени онъ дѣлается «желаннымъ» своему дядѣ, еще болѣе желаннымъ всему церковному чину, преобразуя всѣхъ къ лучшему, однихъ словами, другихъ своимъ образомъ жизни. Онъ у всѣхъ считался іереемъ еще ранѣе священства и жрецомъ прежде (дарованной къ тому) благодати. Онъ отличался кротостію, тихостію и мягкостью нрава, твердостію разума, дружелюбною рѣчью и красотою дѣлъ.

Онъ возжелалъ совсѣмъ удалиться отъ мира, искать жизни пустынной, дабы въ полной безмятежности ума ежедневно бесѣдовать съ Богомъ, подражая Иліи, Моисею, Предтечѣ... Вслѣдствіе того онъ тайно покидаетъ свое отечество (отечественный городъ), не позаботившись о какихъ-либо удобствахъ путешествія, не взявъ съ собою ни сумы, ни жезла, не нося съ собою мѣди въ поясѣ, не сопутствуемый толпою рабовъ: только одинъ домашній слуга и одно вьючное животное достаточно было для всѣхъ потребностей его исхода. Всего менѣе онъ заботился о
XXXI старости родителей: пресловутое и благовидное препятствіе на пути къ лучшему.

Достигнувъ подножія горы, которая называлась Агріосирикійскою, онъ отсылаетъ и отрока съ подъяремнымъ животнымъ домой, уединяется отъ всякаго мірского сношенія, приближается къ Богу и, руководимый имъ, направляется во внутреннѣйшія части этой горы. Лѣсъ разнообразныхъ и всяческихъ деревьевъ, выросшій самъ собою кругомъ ея вершины, служитъ здѣсь какъ бы живою оградою; трудно-проходимыя скалы запирали доступъ со всѣхъ сторонъ. Сюда не достигалъ никакой городской шумъ, и ничто не привлекало сюда какого-либо путника. На самой вершинѣ горы Георгій отыскалъ пещеру, въ которой нашелъ себѣ убѣжище одинъ мужъ, отрекшійся отъ всякой мірской

суеты и чистотою своей жизни такъ угодившій Богу, что сподобился пророческаго дара. Къ этому подражателю Моисея и Иліи теперь приходитъ мужъ, подобный Аарону или Елисею, ибо, согласно съ извѣстнымъ изреченіемъ, Богъ приводитъ подобнаго къ подобному. Георгій былъ принятъ старцемъ съ большимъ благорасположеніемъ и поселился вмѣстѣ съ нимъ въ пещерѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ постриженъ въ иноки почтеннымъ старцемъ и надѣлъ на себя схиму. Предъ своею кончиною, близость которой онъ заранѣе предузналъ, старецъ-подвижникъ призвалъ къ себѣ Георгія, предсказалъ ему будущее и велѣлъ ему переселиться въ монастырь, который у туземцевъ именуется Вонисса, и въ которомъ его ожидалъ безпрепятственный и благорасположенный пріемъ. Это — та Вонисса, пишетъ біографъ, о которой такъ много говорятъ, и которая славится добродѣтелью, въ которой совокупность монаховъ ведетъ на землѣ равноангельскую жизнь, освободившись отъ всякаго земнаго помышленія. Поселившись здѣсь, Георгій продолжалъ преуспѣвать въ благочестіи и подвигахъ аскетическихъ... Онъ непрестанно размышлялъ о Священномъ Писаніи и внимательно читалъ переданныя письменно житія блаженныхъ мужей; въ нихъ онъ находилъ какъ бы нѣкія «одушевленныя иконы» для жизни по Богу. XXXII
Не мало прошло такимъ образомъ времени, но вмѣстѣ съ временемъ возростали и подвиги совершенствованія у Георгія. Взошедши на высшую ступень лѣствицы добродѣтелей и очутившись какъ бы на воздушной высотѣ, онъ не могъ болѣе оставаться невидимымъ, какъ не можетъ скрыться свѣтильникъ, стоящій вверху горы. Слава его достигла родины. Когда тамъ скончался предстоятель той церкви, Господь внушилъ соотечественникамъ святаго совѣтъ богоугодный и весьма подходящій къ тогдашнему времени — избрать въ архіереи того, который былъ іереемъ до своего рожденія, и отправить къ нему посольство, чтобы онъ уступилъ и принялъ священноначаліе. И вотъ отправляется къ нему избранная часть города, частію члены священнаго собора, частію представители городского управленія и, прибывши въ монастырь, держатъ рѣчь къ Георгію отъ имени города, его воспитавшаго, и церкви, его воздоившей... Однако они не могли убѣдить избранника принять на себя избраніе: Георгій настойчиво

отказывался, предоставляя другимъ желающимъ и честь предстоятельства въ народѣ и помазаніе архіерейства, такъ какъ самъ онъ навсегда отрекся отъ міра и жизни въ мірѣ. Когда послы убѣдились въ непреклонности подвижника, они рѣшились на дѣло нѣсколько дерзновенное, если можно такъ выразиться, а не слѣдуетъ скорѣе догадываться о внушеніи свыше. Они совѣщаютъ совѣтъ, исполненный благочестія и дерзости: насильственною рукой они увлекаютъ святаго противъ воли. Надъ нимъ совершена была добрая тиранія. Когда такимъ образомъ положено было нѣкоторое начало надеждѣ, они, то есть, городскіе представители, отправились съ возможною поспѣшностію въ царствующій городъ: длина пути сокращалась усердіемъ, и надежда облегчала бывающіе въ путешествіи труды, а вѣра приготовляла успѣхъ, превращая трудное въ легкое. Въ самомъ дѣлѣ въ столицѣ все оказалось благопріятнымъ для цѣли. Патріархомъ былъ Тарасій, который не только былъ расположенъ въ пользу выбора, но даже призналъ въ избранномъ лицо себѣ знакомое... Вотъ въ чемъ состояла исторія, относящаяся еще ко времени
XXXIII юности Георгія. Когда еще великій Тарасій не восходилъ на первосвященническій тронъ, а числился въ придворномъ чинѣ, исполняя тайную царскую службу, что̀ на языкѣ италійскомъ называется секретарствомъ, случилось однажды, что, когда онъ совершалъ всенощное псалмопѣніе и раздавалъ плату народу, прибылъ въ храмъ великій Георгій, сопровождавшій своего дядю, и подобно другимъ своимъ сверстникамъ принималъ участіе въ пѣснопѣніи. Псалмопѣніе было кончено, и время было раздавать пѣвцамъ плату. Тарасій выдавалъ ее по порядку каждому, но, когда очередь дошла до Георгія, тотъ отказался принять деньги, сказавъ, что получитъ лучшую награду въ будущей жизни. Воспоминаніе объ этомъ случаѣ, возбудившемъ нѣкогда удивленіе Тарасія къ добродѣтели и уму мальчика, воскресло теперь въ его памяти. Патріархъ былъ расположенъ сейчасъ же исполнить желаніе амастридскихъ жителей и посвятить Георгія. Но посольство отъ императора, а лучше сказать, дѣйствіе зависти, остановило на нѣкоторое время готовность патріарха. Ибо на тотъ же самый епископскій престолъ назначался самимъ императоромъ другой. Но приказаніе самодержца никакъ не заставило боже-

ственнаго архіерея предпочесть ложь истинѣ, почтить лицо царское или убояться руки тиранской, или уже уступить лести. Тарасій, созвавши весь духовный соборъ и выведши на средину обоихъ мужей, какъ Матѳія и Никанора, сдѣлалъ испытаніе обоимъ, какъ во всемъ другомъ, такъ особенно въ томъ, что касалось церковнаго благоустройства. Согласіе іереевъ и общій голосъ рѣшили дѣло въ пользу Георгія. Онъ получаетъ помазаніе іерейства и отсылается на родину, но съ тѣмъ, что опять воротится въ столицу. Въ это время онъ сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ, для всѣхъ желаннымъ и почтеннымъ: для царей, властителей и властвуемыхъ, для могучихъ и бѣдныхъ. Получивъ отъ патріарха то, чего искали, представители Амастриды воротились домой вмѣстѣ съ своимъ избранникомъ.

Итакъ, Георгій прибылъ въ отечество, которое онъ потомъ сдѣлалъ славнымъ и знаменитымъ. Пользуясь своимъ дерзновеніемъ передъ царемъ, онъ между прочимъ доставилъ своему отечеству то преимущество, что оно перестало быть подъ чужою властью. Ибо тотъ, кто въ это время управлялъ Гангрскою митрополіей, встрѣтилъ весьма недружелюбно Георгія, обнаруживъ злонравіе и грубость тщеславнаго или же ненавидящаго людей человѣка, не почтивъ въ немъ благодати Духа Святаго. Онъ оттолкнулъ великаго митрополита вышняго Іерусалима, когда сей подъ образомъ послушанія явился къ нему на представленіе. Можетъ быть, въ этомъ нужно видѣть дѣло Промысла, все устроящаго ко благу, ибо это жестокосердіе повело къ тому, чтобы лучшее не оставалось подъ властію худшаго. Именно: это было причиною, что отечество Георгія перестало быть подчиненнымъ (въ іерархически-церковномъ отношеніи) какому-либо другому престолу, и что согласно съ прошеніемъ святаго царская рука устроила это иначе и согласно съ требованіями справедливости. Впрочемъ, это случилось, оговаривается нашъ жизнеописатель, много послѣ и упомянуто здѣсь потому, что къ этому пришла рѣчь. Пусть она теперь возвратится къ своему предмету, то есть, къ прибытію святаго на родину. XXXIV

Когда городу было возвѣщено его прибытіе, то можно было видѣть всеобщее стеченіе народа; старцы, забывъ о своей старости и обнаруживая юношескую бодрость, спѣшили на встрѣчу,

больные получали крѣпость, женщины отрицались своей слабости. Принятый съ горячею любовію, Георгій съ своей стороны обнаружилъ такую же ревность къ устройству своей церкви, впрочемъ поступая въ этомъ дѣлѣ вполнѣ разсудительно и разумно. Въ одно и то же время все совершалось и все было предметомъ вниманія, и прежде всего благочиніе алтаря, устройство священнаго чина. Смотря на него, какъ на нѣкое начертаніе первообраза, члены Амастридской паствы получали въ своихъ душахъ неизгладимое отраженіе образовъ добродѣтели, начертываемыхъ рѣзкими чертами. Заботливость Георгія о своей ро-
XXXV динѣ, о ея внѣшнемъ благосостояніи и безопасности также не подлежитъ сомнѣнію и была доказана многими примѣрами.

Съ особенною подробностію и живостію красокъ авторъ описываетъ нашествіе Сарацинъ на сосѣднія съ Амастридою мѣстности и чудесное спасеніе города.

Было нашествіе непріятелей, и притомъ болѣе тяжкое какихъ-либо и когда-либо упоминаемыхъ нашествій. Всякій полъ и всякій возрастъ былъ увлекаемъ въ плѣнъ руками беззаконныхъ. Тѣ, которые были способны къ оружію, а равно старцы и дѣти, были предаваемы смерти мечомъ. Съ одними такъ поступали изъ страха, чтобъ они не предприняли что-либо смѣлое или же дерзкое; другіе были истребляемы какъ безполезные и не обѣщающіе никакой выгоды или вслѣдствіе того, что они были сокрушены старостію, или же вслѣдствіе несовершеннолѣтія. А то, что къ оружію было не способно, но еще къ чему-либо годно, то отдѣлялось на службу въ позорномъ рабствѣ. Полна была земля крови, села полны рыданій, все полно плача. Агарянское колѣно относительно жестокости не уступаетъ нисколько персидской свирѣпости, но еще во столько-же превосходитъ Персовъ грубостію, во сколько уступаетъ имъ въ мужествѣ. На рукахъ матерей ихъ дѣти подвергались безвременной смерти мечомъ; онѣ сами впередъ подставляли шею острію меча, чтобы не видѣть собственными глазами, какъ гибнутъ бѣдные питомцы ихъ отъ рукъ непріятельскихъ. Кто бы могъ живо представить все многообразіе этого бѣдствія: суровость, жестокость и звѣрство враговъ и то, какъ дитя въ одно и то же время припадало къ матернимъ сосцамъ и получало смертельный ударъ въ свои внутрен-

ности; какъ бѣдная мать держала грудь въ устахъ дитяти и при-
нимала кровь въ родное лоно! Часто врагъ, сильный своею рукою,
однимъ ударомъ меча поражалъ и мать вмѣстѣ съ ея младенцемъ.
Кто бы могъ описать вопли и рыданія отцовъ, послѣднія объятія
сыновей! Дѣти, похищаемыя изъ рукъ отцовскихъ, представляли
страшное зрѣлище для родителей. Но вотъ чудо: среди всѣхъ
этихъ сценъ святой (Георгій) не растерялся душой отъ страха,
не думалъ о томъ, какъ бы избѣжать собственнаго плѣна, не XXXVI
помыслилъ и не сдѣлалъ ничего неблагороднаго, но высоко под-
нявъ свою главу, взявъ въ руки побѣдное знамя креста и держа
щитъ вѣры, пробѣгаетъ сосѣднія села; при нашествіи враговъ,
какъ добрый пастырь при нашествіи волковъ, онъ собираетъ
всѣхъ пасомыхъ и, утвердивъ ихъ внутри града, какъ бы внутри
ограды, самъ обходитъ кругомъ внѣ безоружный, подвергаясь
опасности за отечество, полагая душу за овцы, подражая па-
стырю, архіерею и Господу. Что же Господь чудесъ, дѣлающій
одного способнымъ преслѣдовать тысячу и двумъ дающій силу
противу многихъ тысячъ? Тотъ, кто обходомъ семи іереевъ и
равночисленнымъ трубнымъ звукомъ низвергъ Іерихонскія стѣны,
спасаетъ теперь обходомъ одного іерея городъ многолюдный и
обращаетъ вспять народъ, исполненный бѣшенства, стремящійся
стереть съ лица земли все наслѣдіе Христа, поражая его и побѣ-
ждая молитвами, какъ стрѣлами, и заставляя унести домой свой
стыдъ. По истинѣ, согласно съ извѣстнымъ изреченіемъ, доброде-
тель мужа уважаетъ и врагъ, хотя и не по доброй волѣ, но по
принужденію. Такъ и тогда можно было видѣть бѣгущихъ, когда
никто не преслѣдовалъ, падающихъ, когда никто не пускалъ
стрѣлъ... Что можетъ быть страннѣе, чѣмъ это истинное со-
бытіе? Въ древности Моисей обратилъ въ бѣгство Амалика воз-
дѣяніемъ рукъ, нося образъ и начертаніе большаго таинства;
но не безъ труда и не безъ крови достался ему тогда трофей,
онъ все-таки нуждался для этого во многихъ <отборныхъ мужахъ>
желѣзоносныхъ...

Другое чудо, которое авторъ Житія называетъ еще болѣе уди-
вительнымъ, состояло въ слѣдующемъ: взяты были купцы Геор-
гіева города и заключены были подъ стражею въ Трапезунтѣ вслѣд-
ствіе ложнаго доноса о нарушеніи таможенныхъ правилъ. Они

преданы были воеводою на заключеніе въ государственной темницѣ, въ ожиданіи смертной казни. И можно было видѣть, какъ у этихъ людей, ожидающихъ смерти, <подобающей злодѣямъ,> измѣ-
XXXVII нились и опали лица, омрачилась всякая красота, ослабѣла всякая физическая сила, помрачилось отъ слезъ зрѣніе. Дѣти, домашніе и сродники взывали къ Богу, обращались ко святому: «Поспѣши на помощь нашу, избавь отъ несправедливой казни невинныхъ, не попусти имъ погибнуть смертію злодѣевъ. Да не совершитъ среди насъ зависть свойственное ей злодѣяніе; да не причинитъ нашей родинѣ позора наша кровь, пролитая на чужой землѣ». При этомъ они разрывали одежды, посыпали главы пепломъ. Такая печаль и такія моленія подѣйствовали на Георгія. Онъ не убоялся длинноты предстоящаго ему пути, ни зимняго времени и труднаго плаванія, но, какъ скоро услышалъ просьбы, тотчасъ добровольно собрался въ путешествіе. Онъ взошелъ на корабль и поплылъ на помощь несправедливо угнетеннымъ. Все оказалось благопріятнымъ его намѣренію: море кроткимъ движеніемъ своихъ волнъ тихо несло корабль далѣе и только что не говорило голосомъ о своей готовности служить человѣку Божію... [1]). Но діаволъ однако забѣжалъ впередъ и приготовилъ препятствія святому въ самомъ Трапезунтѣ, нашедши себѣ орудіе въ лицѣ помощника воеводы, который на діалектѣ италійскомъ именуется кортисъ (то есть, comes cortis). Этотъ чиновникъ, какъ скоро узналъ о причинѣ прибытія святителя, привелъ въ движеніе заостренный на подобіе бритвы языкъ свой и возобновилъ противъ Амастридянъ обвиненія, на нихъ взведенныя, даже усилилъ, отягчилъ оныя и прямо заявлялъ, что они достойны смерти. Его внушеніямъ поддался и воевода. Что же дѣлаетъ Господь? Онъ поражаетъ слѣпотою зрѣніе его (то есть воеводы) супруги за то, что онъ явился непослушнымъ предъ рабомъ Его. Наказаніе послужило къ вразумленію упорнаго: онъ прибѣгнулъ теперь ко святому съ просьбами, мольбами, слезами и рыданіями, исповѣдуя грѣхъ, обѣщая исправленіе. Георгій тотчасъ возвратилъ божественною силою зрѣніе супругѣ правителя. Теперь, когда

1) Несмотря на всю естественность факта, писатель, по своей обычной склонности находить вездѣ чудо, и здѣсь распространяется на ту тему, что святому должна служить вся природа.

они явнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію образомъ испытали XXXVIII чудотворную силу Георгія, они уже немедленно освободили заключенныхъ, прося у святаго прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ... Во время пребыванія въ Трапезунтѣ одна благочестивая жена, сгорая божественною любовію, просила святаго отслужить въ ея «молитвенномъ домѣ» литургію. Георгій согласился, но при этомъ также не обошлось безъ чуда. Женщина, принявшая Георгія въ домъ, забыла приготовить хлѣбъ и вино, необходимые для совершенія богослуженія, но когда потребность въ нихъ наступила, то они, по молитвѣ епископа, явились сами собою неизвѣстно откуда (слѣдуетъ очень длинное, исполненное невыносимой декламаціи прославленіе этого чуда).

Послѣ того какъ Трапезунтъ сподобился такихъ чудесъ, святой долженъ былъ воротиться въ отечество, которому онъ принесъ какъ бы въ даръ освобожденныхъ согражданъ; а отсюда ему пришлось опять отправиться въ столицу, ибо онъ столь сдѣлался желаннымъ для императрицы Ирины, державшей тогда скипетръ Римской имперіи, и для ея сына, Константина, что они не могли вынести долгаго его отсутствія, но открыто вынуждали его всегда оставаться съ ними, раздѣлять съ ними царство и благонаправлять бразды власти, хотя онъ всегда отвращался отъ пребыванія во дворцѣ и отъ близости къ самодержцамъ, какъ бы считая это чѣмъ-то въ высшей степени постыднымъ. Во время пребыванія въ царственномъ городѣ опять случилось нѣчто странное, обнаружившее присутствіе пророческаго дара въ Георгіи. Въ эти годы государственными доходами завѣдывалъ логоѳетъ Никифоръ, находившійся въ числѣ первыхъ друзей и знакомыхъ Георгія, причемъ онъ не только въ дѣлахъ, касающихся души, но и въ томъ, что̀ касалось мірского поведенія, имѣлъ руководителемъ святаго. Этотъ-то Никифоръ пожелалъ пріобрѣсти покупкою домъ и сообщилъ о своемъ намѣреніи всегдашнему своему наставнику. Стремленіе его было остановлено, но за то подано было указаніе на ожидающее его царское достоинство. Именно, святой сказалъ ему, что спустя немного времени онъ XXXIX сдѣлается наслѣдникомъ одной вдовствующей жены, владѣющей большими домами. Рѣчь шла, какъ оказалось послѣ, о царицѣ Иринѣ, послѣ которой Никифоръ получилъ власть. И тогда онъ

не понялъ загадочнаго смысла словъ, а когда предсказанное сбылось, то онъ уразумѣлъ пророческій даръ святаго и уже ни во что цѣнилъ царскую діадему и всю свою власть въ сравненіи съ тѣмъ преимуществомъ, чтобы раздѣлять время и пищу со святымъ. Онъ презиралъ и самую порфиру для того, чтобы тайно одѣваться въ его рубашку и покровъ, и это онъ считалъ за нѣкоторый талисманъ и укрѣпленіе своего царства. Онъ пренебрегалъ высокими кроватями и повергалъ себя на землю, чтобъ участвовать въ этомъ высокомъ возлежаніи на землѣ и бдѣніи. Такъ это было. Теперь же, говоритъ авторъ, припомнивъ еще единое изъ многаго, будемъ направлять слово къ окончанію.

Совершая однажды плаваніе чрезъ Евксинскій Понтъ въ свое отечество, святой прибылъ на одно мѣсто, гдѣ находится устье рѣки Сангарія, текущей по странѣ Галатовъ. Вѣтеръ, дувшій съ твердой земли, вздымалъ волны и поднялъ такую страшную бурю, что не было никакой возможности держаться на морѣ, <нерѣдко поглощавшемъ здѣсь> пловцовъ вмѣстѣ съ ихъ судами. Тогда святой, едва выбравшись на сушу при помощи гребцовъ, сталъ на берегу и, воздѣвъ руки къ небу, запретилъ вѣтру и укротилъ бурю, и вслѣдъ затѣмъ этотъ буйный вѣтеръ сейчасъ же остановился, ни разу не дунувъ, связанный какъ бы узами приказаніемъ святаго. Какое чудо можетъ сравниться съ этимъ по своей силѣ! восклицаетъ писатель Житія. Изгонять демоновъ, исцѣлять болѣзни, совершать рой другихъ чудесъ, которыми полны всякое писаніе и всякое твореніе, — не великое дѣло для святыхъ, сохранившихъ незапятнаннымъ подобіе образу. Но повелѣвать вѣтрами и бурями это уже дѣло божескаго естества, которому Георгій уподобился, сколько это доступно, высотою своего безстрастія и чистоты. Никто не остался лишеннымъ доли участія
XL въ его чудесахъ. Тѣ, которые по рожденію были участниками его жизни, уже тогда самымъ щедрымъ образомъ были облагодѣтельствованы послѣдовательнымъ рядомъ его удивительныхъ чудотвореній; а тѣ, которымъ этого не досталось на долю, которые еще только имѣли явиться на свѣтъ въ ближайшее имѣющее наступить время, для тѣхъ его благодѣянія, какъ въ сокровищницѣ, хранились для будущаго, пока они не были оказаны. Даже было бы позволительно сказать, что и прежніе, давно усопшіе

святые получили нѣкую долю славы отъ этихъ чудесъ, потому что подражаніемъ имъ онъ достигъ способности творить ихъ. Великое дѣло видѣть предъ собою такіе первообразы, но еще болѣе великое дѣло — имѣть такого себѣ подражателя. Отличный живописецъ, воинъ, подражавшій въ бою мужеству царя, равнымъ образомъ переноситъ славу на первообразъ.—Затѣмъ слѣдуетъ длинное и весьма риторическое сравненіе Георгія съ другими святыми, составлявшее, повидимому, необходимую принадлежность похвалы, написанной по правиламъ школы. Онъ изобразилъ въ себѣ Іосифа, Моисея и Аарона, онъ показалъ твердость мучениковъ и т. д. О самой кончинѣ Георгія говорится очень кратко. Онъ умеръ за два дня до десятаго дня мѣсяца Дистра: довольно странное выраженіе, которое, можетъ быть, нуждается въ исправленіи. При его погребеніи можно было видѣть стеченіе царей и архіереевъ и ихъ слезы, неутѣшный плачъ правителей и управляемыхъ. Онъ былъ скрытъ во гробѣ, какъ приличествовало человѣку, но однако не былъ покрытъ забвеніемъ, но блистаетъ чудесами. Мы покажемъ это, говоритъ авторъ, немногими примѣрами изъ многихъ...

«Мы не будемъ описывать безчисленнаго множества его чудесъ послѣ разлученія съ земною жизнію: но упомянемъ объ одномъ или двухъ изъ такихъ его чудесъ и затѣмъ окончимъ свою рѣчь. Былъ сильный дождь, подобный какъ бы новому потопу. Домы и храмы были полны водою, отчасти текущею сверху черезъ крыши, отчасти проникающею снизу черезъ двери; городъ, на который со всѣхъ сторонъ напирали волны, какъ бы плавалъ въ морѣ, колебался въ своихъ основа- XLI
ніяхъ и угрожалъ разрушеніемъ, если бы только Высшій Промыслъ не внялъ заступленію святаго. Заступленіе было обнаружено такимъ чудомъ. Когда храмъ наполнился водою, то эта вода никакъ не приближалась ко гробу святаго, но влажная и жидкая стихія претворилась въ нѣчто совсѣмъ противоположное и стала по ту и другую сторону гробницы, какъ нѣкая твердая и неподвижная стѣна, такъ что гробницы не коснулась даже малѣйшая сырость. Затѣмъ авторъ обращается къ послѣднему наиболѣе для насъ важному проявленію чудотворной силы умершаго.

«Было нашествіе варваровъ, Руси, народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія. Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность уже однимъ своимъ видомъ, ни въ чемъ другомъ, что свойственно людямъ, не находя такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, они — этотъ губительный и на дѣлѣ и по имени народъ — начавъ разореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигли наконецъ и до отечества святаго, посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ».

Слѣдуетъ описаніе жестокостей, совершаемыхъ варварами, которыя напоминаютъ автору древнее таврическое избіеніе иностранцевъ, у нихъ сохраняющее свою силу; упоминаются религіозные обряды язычниковъ, ихъ беззаконныя возліянія и жертвы; они воздавали и поклоненіе лугамъ, источникамъ и деревьямъ. Когда варвары вошли во храмъ, они увидѣли гробницу, хотѣли ее ограбить, но вдругъ они почувствовали себя разслабленными въ рукахъ и ногахъ и, связанные невидимыми узами, оставались совершенно неподвижны. Ихъ предводитель, увидѣвъ необычайное явленіе, исполнился страха и ужаса и приказалъ привести къ себѣ одного изъ плѣнниковъ, чтобы узнать отъ него, какого Бога силою произошло случившееся и чья была гробница, предъ которою совершилось чудо.—Опускаемъ довольно длинную
XLII бесѣду варварскаго князя съ христіанскимъ плѣнникомъ, отсылая читателя къ самому подлиннику и къ приложенному при немъ переводу. Вождь варваровъ узналъ, что для умилостивленія христіанскаго Бога онъ долженъ чрезъ посредство христіанъ принести угодную ему жертву, то есть, елей и воскъ, освободить плѣнниковъ и оказать почтеніе къ храмамъ. Когда это было исполнено, варвары избавились отъ божественнаго гнѣва; устроено было нѣкоторое примиреніе и соглашеніе ихъ съ христіанами, и они уже болѣе не оскорбляли святыни и не оскверняли храмовъ... Слѣдуетъ затѣмъ патетическое обращеніе къ гробницѣ святаго, которая поборола силу цѣлаго народа, и которой слава достигла до предѣловъ океана, и наконецъ — молитвенное воззваніе къ самому святому. Ораторъ проситъ, чтобы онъ снизошелъ къ смѣлости, съ которою онъ взялся за составленіе ему похвалы, и ука-

зываетъ лицо, которое побудило его къ такому непосильному предпріятію. «Мое предпріятіе не есть проявленіе легкомыслія, но произведеніе горячей вѣры и дружбы къ подвигнувшему меня на него знаменитому и славному Іоанну, любителю изящнаго. Побуждаемый его увѣщаніемъ, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ непослушаніи, я пустился въ это море похвалъ» и т. д.

Въ заключеніе этого обозрѣнія, не лишнимъ считаемъ привести краткое Житіе Георгія, или Синаксарь, встрѣчаемый въ печатныхъ греческихъ минеяхъ. Какъ показываютъ нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, особенно въ концѣ, гдѣ говорится объ іерархической дѣятельности Георгія, Синаксарь этотъ составленъ именно по той самой редакціи Житія, которое мы теперь изучаемъ.

Ὁ Γεώργιος, καὶ λιπὼν τὸ σάρκιον,

Πολλοῖς γεωργεῖ ψυχικὴν σωτηρίαν.

Οὗτος εὐσεβῶν ἔφυ γονέων, Θεοδώρου καὶ Μεγεθοῦς προσαγορευομένων, τὴν Κρώμνην δὲ πατρίδα κεκτημένων. οἳ τὸν βίον ἐν ἀπαιδίᾳ διανύοντες εὐχῇ καὶ νηστείᾳ τὸ θεῖον ἐλιτάνευον δοθῆναι αὐτοῖς τέκνον· ὃ καὶ γέγονε. διὰ γὰρ τῆς θείας φωνῆς τήν τε σύλληψιν καὶ τὴν κλῆσιν καὶ τὸ τῆς ἱερωσύνης χάρισμα τοῦ μέλλοντος ἐξ XLIII *αὐτῶν τεχθῆναι, πρὸς βαθὺ γῆρας ἐλάσαντες, ἐμυήθησαν. τεχθέντος δὲ αὐτοῦ καὶ τὰ τῆς νεότητος ἡδέα ἀπωθουμένου καὶ τῶν μενόντων ἀντιποιουμένου, καὶ τῶν μαθημάτων, τῶν τε θείων τῶν τε ἀνθρωπίνων, μηδόλως κατολιγωροῦντος θεωροῦντες οἱ γονεῖς αὐτοῦ τὸν καλὸν δρόμον τοῦ παιδὸς ἐδόξαζον τὸν Θεόν. ἱκανῶς οὖν παιδευθεὶς καὶ τῆς πατρίδος ἀπαναστὰς καταλαμβάνει τὸ ὄρος τῆς Συρικῆς· καὶ εὑρὼν γέροντα ἐκεῖσε τίμιον, παρ᾽ αὐτοῦ λαμβάνει τὸ ἀγγελικὸν σχῆμα. καὶ τὸν βίον ἐκείνου λιπόντος, τὴν Βόνισσαν καταλαμβάνει, πάσῃ σκληραγωγίᾳ καὶ ἀσκήσει ἑαυτὸν καθυποβαλών. ἐπεὶ δὲ ὁ τῆς ἐκκλησίας Ἀμάστριδος πρόεδρος ἀπεβίω, καὶ μὴ βουλόμενος ἀνάγεται οὗτος ὁ ἅγιος εἰς τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον, ὡς λύχνος ἐπὶ τὴν λυχνίαν, ψήφῳ θείᾳ καὶ συμφωνίᾳ ἱερέων. ἀπάραντος δὲ αὐτοῦ τῆς βασιλευούσης καὶ τὸν αὐτοῦ θρόνον καταλαβόντος, ὁμοῦ πάντα ἐτελεῖτο καὶ ἐσπουδάζετο· διατάξεις ἱεραί, εὐκοσμία τοῦ βήματος, κατάστασις τοῦ ἱερατικοῦ συστήματος, ὀρφανῶν καὶ χηρῶν προστασία καὶ πτωχοτροφία, χρεῶν ἀποκοπαὶ καὶ ἡ πρὸς τὸ θεῖον εὐσέβεια, πρὸς τούτοις δὲ καὶ θεοσημίαι καὶ τεράστια παν-*

τοῖα τελούμενα δι᾿ αὐτοῦ. οὕτω καλῶς τὸν βίον περάνας τῶν τῇδε μετέστη ἐν εἰρήνῃ, τὸ πνεῦμα τῷ Θεῷ ἀποδούς [1]).

То есть:

«И оставивъ тѣло, Георгій многимъ доставляетъ душевное спасеніе.

Онъ родился отъ благочестивыхъ родителей по имени Ѳеодора и Мегеѳы, имѣвшихъ свою родину въ городѣ Кромнѣ. Проводя <бездѣтную> жизнь, молитвой и постомъ они умолили Бога даровать имъ сына. Это исполнилось. Достигши глубокой старости, они удостоились божественнаго извѣщенія о зачатіи, имени и о благодати священства имѣющаго отъ нихъ родиться. Когда же онъ явился на
XLIV свѣтъ, то онъ отвергалъ всѣ удовольствія юности и стремился къ пребывающему, но не пренебрегалъ, однако, наукою духовною, равно какъ и свѣтскою. Родители его, видя благое теченіе дитяти, прославляли Бога. Итакъ, довольно наставленный, онъ, оставивъ родину, достигаетъ горы Сирикійской и, нашедши тамъ честнаго старца, принимаетъ отъ него ангельскій образъ, а когда тотъ окончилъ свою жизнь, то обращается въ Вониссу, гдѣ подвергаетъ себя всякой тѣснотѣ и подвижничеству. Когда же умеръ предстоятель церкви Амастридской, то сей святый противу желанія своего возводится на тронъ архіепископскій, какъ свѣтильникъ на свѣщницу, божественнымъ избраніемъ и согласіемъ іереевъ. Когда онъ оставилъ столицу и занялъ свой престолъ, тогда все совершалось и все было предметомъ заботы за разъ; божественныя правила, благочиніе алтаря, устройство священническаго чина, заступленіе за сиротъ и вдовъ, питаніе нищихъ, сбавка долговъ, благочестіе къ Богу, а вмѣстѣ съ тѣмъ—божественныя знаменія и всяческія чудеса, имъ творимыя. Такимъ образомъ совершивъ добре свою жизнь, онъ преставился отсюда въ мирѣ, предавъ духъ свой Богу».

Синаксарь этотъ, какъ сказано выше, въ греческихъ минеяхъ всегда помѣщается подъ 21 февраля, тогда какъ Парижскій ко-

1) Греческая служебная минея по Венеціанскому изданію <1895> года. Въ Синаксаристѣ святогорца Никодима (*Συναξαριαστὴς τῶν δώδεκα μηνῶν ὑπὸ Νικοδήμου Ἁγιορείτου, Ἀθήνησι,* 1868) то же самое, но только языкъ подновленъ и прибавлены въ скобкахъ нѣкоторыя толкованія собственныхъ именъ, иногда совсѣмъ неудачныя. <Ср. Synaxar. eccl. Constantinopol. col. 481 sq.>.

дексъ въ оглавленіи и заглавіи Житія относитъ память святаго къ 8 числу этого мѣсяца. Возникаетъ вопросъ, какъ произошло такое разногласіе. Мы думаемъ, что главная причина заключается въ искусственности словеснаго оборота, которымъ день кончины Георгія былъ обозначенъ первоначальнымъ авторомъ Житія, и что это искусственное и нѣсколько темное выраженіе не было надлежащимъ образомъ понято и даже прямо искажено копіистомъ десятаго вѣка, который переписывалъ древнѣйшія житія, отобранныя для теперешней Парижской Минеи, такъ что болѣе правильное преданіе сохранилось, напротивъ, въ греческой церкви. Неопредѣленность содержалась уже въ самомъ македонскомъ названіи мѣсяца. По Исихію и Свидѣ Дистръ соотвѣтствуетъ марту, но православные Греки X-го вѣка, очевидно, XLV
находили возможнымъ пріурочивать его къ февралю; это вполнѣ ясно по отношенію къ датѣ Парижской рукописи: составитель Минеи назначилъ для Георгія восьмое число февраля потому, что странное выраженіе *τῇ πρὸ δύο τῆς δεκάτης* (за два дня до десятаго) онъ понялъ какъ восемь, а Дистръ принялъ за февраль. Вѣроятно, что за февраль принимали этотъ македонскій мѣсяцъ и тѣ, которые были виновниками помѣщенія памяти святаго подъ 21 февраля, но тогда слѣдуетъ предположить, что они имѣли предъ глазами какое-нибудь другое чтеніе, какой-нибудь другой подлинникъ, принадлежащій къ другой фамиліи, чѣмъ оригиналъ Парижскаго кодекса. Чтобы получить 21 число изъ вышеприведенной греческой фразы, ее нужно будетъ измѣнить слѣдующимъ образомъ: читать либо *τῇ πρώτη πρὸς δύο δεκάδας* (въ первое къ двумъ декадамъ), либо *τῇ πρώτη τῆς εἰκάδος* (= *πρώτη μετ' εἰκάδα*, въ первое послѣ двадцати). По византійскому словоупотребленію возможно то и другое, и въ возстановленіи возможнаго и болѣе обычнаго счета дней мѣсяца и заключается, по нашему мнѣнію, разъясненіе загадки. Римскій счетъ впередъ (за десять, за двѣнадцать дней до Дистра — марта) представлялъ бы нѣчто совсѣмъ необычное и при томъ ничего не разъяснялъ бы.

V.

Цѣльность сочиненія и независимость отъ Фотія.

Касательно состава произведенія, предложеннаго нами въ довольно обширномъ извлеченіи, касательно отношенія между различными его частями и отдѣлами, были высказаны — правда, мимоходомъ — такія предположенія и догадки, которыя можно устранить безъ дальнихъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что эти предположенія не были подкрѣпляемы какими-либо точными наблюденіями надъ текстомъ, а просто имѣли видъ гаданій a priori.
XLVI Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что все наше Житіе, начиная отъ вступленія и кончая молитвеннымъ обращеніемъ ко святому, написано однимъ и тѣмъ же авторомъ и за одинъ разъ, что всякія очень обычныя и очень легкія предположенія о вставкахъ и приставкахъ, которыя могли бы служить къ удобствамъ той или другой школы, той или другой теоріи, будутъ и совершенно излишними, и совершенно праздными. Не говоря о полной тожественности языка, стиля и литературныхъ пріемовъ во всемъ Житіи отъ начала до конца, — что̀, полагаемъ, не совершенно исчезло даже въ нашихъ извлеченіяхъ, — единство всѣхъ частей занимающаго насъ сочиненія обнаруживается изъ тѣсной связи начальной вступительной части (приступа), въ которой сообщается какъ бы краткая программа всего послѣдующаго изложенія, съ другими отдѣлами, слѣдующими одинъ за другимъ въ законномъ риторическомъ порядкѣ. Въ приступѣ между прочимъ дѣлается указаніе на чудеса святаго, которыми онъ сдѣлался страшенъ для враговъ и вслѣдствіе которыхъ его слава достигла крайнихъ предѣловъ земли. Отсюда видно, что тотъ, кто писалъ начало сочиненія, уже имѣлъ въ виду и Сарацинское нашествіе, о которомъ говорится въ серединѣ Житія, и чудо, совершившееся надъ Русскими, поставленное въ самомъ концѣ его. И наоборотъ, послѣдняя патетическая часть сочиненія, безъ которой оно точно также не могло бы появиться въ свѣтъ, какъ и безъ приличнаго вступленія, тѣсною внутреннею и внѣшнею связью соединена съ предшествующимъ повѣствованіемъ о посмертныхъ

чудесахъ святаго и возвращается къ нимъ въ нѣсколькихъ очень прозрачныхъ намекахъ: одинъ изъ нихъ опять говоритъ о славѣ гроба, достигшей до предѣловъ океана. Наконецъ и въ срединѣ сочиненія, вслѣдъ за сообщеніемъ о кончинѣ преподобнаго, сейчасъ же обѣщается намъ, въ видѣ образчика, повѣсть объ одномъ или двухъ изъ безчисленныхъ чудесъ его; при этомъ второе чудо, заранѣе предполагаемое только по наружности нерѣшительною и неопредѣленною фразой, именно есть русское чудо... Существуетъ только одинъ, весьма притомъ слабый при- XLVII
знакъ, который могъ бы повести къ предположенію о двойной редакціи сочиненія, о послѣдовательномъ участіи двухъ писательскихъ рукъ въ составленіи Похвалы-Житія. Мы должны отмѣтить этотъ признакъ ради полноты нашего комментарія. Въ самомъ началѣ Житія, въ первой или второй его строкѣ, мы находимъ фразу, въ которой безъ всякой нужды и внѣ какой-либо логической и грамматической связи одно синонимическое выраженіе поставлено подлѣ другого: *Οἱ πρὸς τοὺς γυμνικοὺς ἀγῶνας ἀποδυόμενοι σκάμματα οὐ πρότερον εἰς τοῦτο παρὰ τῶν τοιούτων ἐπιστατούντων καταλέγονται, πρὶν ἂν σύνδρομον τῇ πείρᾳ τὴν φυσικὴν ἐν προγυμνάσμασιν ἐνδείξαιντο ἐπιτηδειότητα.* По-русски это можетъ быть передано такъ: «Тѣ, которые къ гимнастическимъ играмъ готовятся къ состязаніямъ, не прежде къ тому допускаются завѣдывающими тѣмъ лицами, какъ докажутъ въ предварительныхъ упражненіяхъ соотвѣтствующую предстоящему испытанію физическую способность»[1]). Очевидно, что въ подлин-

---

1) Синонимическія выраженія: *ἀποδύομαι πρὸς σκάμμα, ἀποδύομαι πρὸς ἀγῶνα,* любопытныя тѣмъ, что въ нихъ сохранялось воспоминаніе еще о древнихъ эллинскихъ обычаяхъ, встрѣчаются довольно часто у византійскихъ церковныхъ писателей. Напримѣръ: *ἀποδύεται πρὸς σκάμμα* у Никиты Пафлагонскаго (in Laud. Anast., Patrol. Gr., 105, 348); *ἀπεδύσατο πρὸς ἀγῶνας* у Θеодора Студита (Serm., Patrol. Gr., 99, 520). О Метафрастѣ, прославившемъ мученическіе подвиги, говорится: *τὰ μαρτυρικὰ σκάμματα πολλοῖς πόνοις καταλλύναντι* (Balsam., Ralli, Syntagma can. II, 453) или: *τὰ τῶν ἁγίων μαρτύρων σκάμματα - συγγραψάμενος* (ibid. VI, 492 въ комментаріяхъ М. Властаря). Ср. Страданіе 42 мучениковъ Аморейскихъ, соч. Еводія: ‹Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ, изд. Васильевскій и Никитинъ, въ Зап. Имп. Акад. Н., VIII серія, по Историко-Филол. Отд., т. VII, № 2, стр. 61,6›: *τὰ τῶν Χριστοῦ μαρτύρων σκάμματα*; Spicileg. rom., X, 107; Житіе преп. Аθанасія Аθонскаго ‹изд. Помяловскій›, стр. 1,22: *τὰ μὲν οὖν τὸν λόγον μοι πεποιηκότα καὶ πρὸς τοῦτον ἀποδύσασθαι παρορμήσαντα τὸν ἀγῶνα...*

никѣ и въ переводѣ есть одно лишнее слово; однако, нѣтъ никакой необходимости предполагать, что оно принадлежитъ какой-либо позднѣйшей вторичной редакціи. Легкая стилистическая ошибка могла быть сдѣлана переписчикомъ, и всякое затрудненіе устраняется при помощи весьма простой поправки, указанной нами при изданіи текста внизу страницы[1]).

XLVIII Очень естественно, что предметомъ исключительнаго вниманія русскихъ изслѣдователей долго оставалась послѣдняя часть Житія, въ которой говорится о нашествіи Руси, и что когда сознавалась потребность отвѣчать на вопросъ о времени появленія Житія въ свѣтъ, о времени его написанія, то отвѣтъ былъ отыскиваемъ именно въ этой послѣдней, болѣе выдающейся части. Кто считалъ вѣроятнымъ, что легенда о посмертныхъ чудесахъ святаго первоначально составляла нѣчто самостоятельное и отдѣльное отъ прочихъ частей Житія, тотъ и вовсе не имѣлъ побужденія изучать все произведеніе въ цѣлости. Но теперь, когда мы убѣждены, что все Житіе Георгія Амастридскаго отъ начала до конца представляетъ одно нераздѣльное цѣлое, мы одинаково имѣемъ право искать признаковъ, опредѣляющихъ эпоху писателя, какъ въ первой, такъ и во второй части его произведенія: если бы оказалось, что въ повѣствованіи о событіяхъ земной жизни угодника есть черты, несомнѣнно указывающія на первую половину IX вѣка, то изъ этого слѣдовало бы, что и легенда о чудѣ при гробницѣ святаго записана ранѣе 862 года и т. д. Мы намѣрены идти именно этимъ путемъ, то есть, искать отвѣта на интересующій насъ вопросъ путемъ анализа, простирающагося на цѣлое произведеніе. Но прежде чѣмъ приступить къ этому, намъ нужно показать, почему другой кратчайшій путь, давно указываемый наиболѣе опытнымъ руководителемъ, представляется намъ совершенно ненадежнымъ.

Мы уже упомянули о томъ пріемѣ, посредствомъ котораго академикъ А. А. Куникъ доказывалъ принадлежность Амастрид-

---

1) Вмѣсто *πρὸς τοὺς γυμνικοὺς ἀγῶνας ἀποδυόμενοι σκάμματα*, слѣдуетъ читать: *πρὸς τὰ τοῦ γυμνικοῦ ἀγῶνος ἀ. σ.* Выраженіе *σκάμμα τῶν ἀγώνων* встрѣчается въ Житіи царицы Θеодоры, читаемомъ въ Недѣлю Православія и вновь издаваемомъ по списку Британскаго музея В. Э. Регелемъ (Analecta byzantinorussica, p. 3,9). Другое явленіе — на стр. 45,14 Житія Георгія (см. греческій текстъ), гдѣ вставлено совсѣмъ лишнее и ненужное слово — *ἐπισυμβήσεται*.

скаго Житія Фотіевскому и Рюриковскому времени, но не болѣе раннему. Онъ находилъ, что греческая фразеологія легенды, описывающей дѣйствія и поведеніе варварскихъ посѣтителей Амастриды, совершенно сходствуетъ съ характеристикою тѣхъ же самыхъ свирѣпыхъ и жестокихъ Росовъ въ окружномъ посланіи XLIX
патріарха Фотія, что черты буквальнаго сходства рѣшительны и явны и обличаютъ несомнѣнность прямого заимствованія, сдѣланнаго агіографомъ изъ грамоты патріарха. Уважаемый академикъ представляетъ дѣло такимъ образомъ: сочинитель легенды о святомъ Георгіи былъ обитателемъ Пафлагоніи, куда также, какъ и въ другія мѣста, «пришелъ экземпляръ окружного посланія, которое патріархъ Фотій въ 866 году разослалъ по всему восточному духовенству, и въ которомъ онъ сообщалъ о нашествіи Росовъ въ 865 году и о послѣдовавшемъ вскорѣ затѣмъ учрежденіи епископства въ Кіевѣ». Онъ, то есть, сочинитель нашего Житія, «долженъ былъ жить именно въ это время, ибо въ своей характеристикѣ Росовъ онъ не только подражалъ характеристикѣ ихъ, представленной въ окружномъ посланіи, но даже прямо выхватилъ изъ него иныя отдѣльныя выраженія». Вслѣдъ за почтеннымъ авторомъ приведенныхъ строкъ, которыя намъ предстоитъ оспаривать, мы приводимъ рядомъ соотвѣтствующія мѣста изъ грамоты Фотія по изданію Валетты (*Βαλέττα, Φωτίου ἐπιστολαί*, p. 178), и изъ Житія (p. 64,3 sqq.), чтобы всякій могъ наглядно убѣдиться въ дѣйствительности или недѣйствительности предполагаемаго родства между двумя текстами:

Καὶ γὰρ οὐ μόνον τὸ ἔθνος τοῦτο τὴν εἰς Χριστὸν πίστιν τῆς προτέρας ἀσεβείας ἠλλάξατο, ἀλλά γε δὴ καὶ τὸ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον καὶ εἰς ὠμότητα καὶ μιαιφονίαν πάντας δευτέρους ταττόμενον, τοῦτο δὴ τὸ καλούμενον τὸ Ῥῶς, οἳ δὴ καὶ κατὰ τῆς ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς, τοὺς πέριξ αὐτῶν δουλωσάμενοι, κἀκεῖθεν ὑπέρογκα φρονηματισθέντες, χεῖρας ἀντῆραν.

Ἔφοδος ἦν βαρβάρων τῶν Ῥῶς, ἔθνους, ὡς πάντες ἴσασιν, ὠμοτάτου καὶ ἀπηνοῦς καὶ μηδὲν ἐπιφερομένου φιλανθρωπίας λείψανον· θηριώδεις τοῖς τρόποις, ἀπάνθρωποι τοῖς ἔργοις, αὐτῇ τῇ ὄψει τὴν μιαιφονίαν ἐπιδεικνύμενοι, ἐπ᾽ οὐδενὸς τῶν ἄλλων ὧν πεφύκασιν ἄνθρωποι χαίροντες, ὡς ἐπὶ φονοκτονίᾳ. τοῦτο δὴ τὸ φθοροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα, ἀπὸ τῆς Προποντί-

L *δος ἀρξάμενον τῆς λύμης καὶ τὴν ἄλλην ἐπινεμηθὲν παράλιον, ἔφθασεν καὶ μέχρι τῆς τοῦ ἁγίου πατρίδος.*

А. А. Куникъ пишетъ: «Народу, о которомъ многіе много разъ слыхали, соотвѣтствуетъ народъ, который какъ всѣ знаютъ». то есть, *τὸ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον* = *ἔθνους, ὡς πάντες ἴσασιν.* «Между тѣмъ какъ Фотій приписываетъ Росамъ высшую степень грубости и кровожадности, у панегириста они являются совершенно грубымъ и дикимъ народомъ», то есть, *ὠμότης καὶ μιαιφονία* = *ἔθνος ὠμότατον καὶ ἀπηνές.* «Фотій употребляетъ эти два существительныхъ для того, чтобы сказать, что Россків народъ превосходитъ всѣхъ другихъ людей въ грубости и кровожадности, между тѣмъ какъ сочинитель Житія видитъ въ немъ народъ, въ которомъ нѣтъ слѣда человѣколюбія», то есть, *εἰς ὠμότητα καὶ μιαιφονίαν πάντας δευτέρους ταττόμενον* = *μηδὲν ἐπιφερόμενον φιλανθρωπίας λείψανον.* «Въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ онъ (сочинитель Житія), повидимому, только развиваетъ то, что̀ было приведено Фотіемъ какъ черты, отличающія Росовъ отъ всѣхъ другихъ народовъ; онъ называетъ ихъ *ἀπάνθρωποι τοῖς ἔργοις, αὐτῇ τῇ ὄψει τὴν μιαιφονίαν ἐπιδεικνύμενοι* (безчеловѣчные дѣлами, обнаруживающіе свою кровожадность однимъ своимъ видомъ), при чемъ какъ Азіатецъ, присмотрѣвшійся къ смугловатому цвѣту лица, указываетъ на румяный цвѣтъ лица сѣверныхъ людей[1]). Фотіево простое наименованіе этого столь кровожаднаго народа дѣйствительнымъ его
LI именемъ также не удовлетворяетъ азіатскаго ритора; онъ не хочетъ повторять имени *Ῥῶς,* которое онъ уже употребилъ въ самомъ началѣ своей характеристики; но слова патріарха Фотія:

---

1) Кромѣ извѣстнаго мѣста изъ Ліутпранда, гдѣ говорится, что Русь называется у Грековъ *Ῥούσιος,* Rúsios (Красный), по физическимъ своимъ признакамъ (a qualitate corporis), объясненіемъ къ словамъ, приведеннымъ въ текстѣ изъ Житія, можетъ еще служить разсужденіе патріарха Никифора (Antirrhet., II, cap. 10, Patrol. gr., 100, 352 C) о значеніи краснаго цвѣта, которымъ отличался конь, носившій всадника въ видѣніи пророка Захаріи. Красная краска есть символъ ярости, кровопролитія и военнаго пыла сражающихся — *τὸ δὲ τοῦ χρωτὸς εἶδος, ᾧ τὸ θυμικὸν ὡς αἱμόχρουν καὶ ὑπέρυθρον καὶ πυρίπνουν τῶν μαχομένων τεκμηριοῦται, τὴν κατά τινων πολεμίων ἐθνῶν ὀργὴν ὑπαινίττεται.*

именно такъ называемый народъ Росовъ *(τοῦτο δὴ τὸ καλούμενον τὸ Ῥῶς)*, даютъ ему поводъ намекнуть на смыслъ, который, въ его воображеніи, имя это можетъ имѣть на греческомъ языкѣ: этотъ подлинно столько же на дѣлѣ, сколько и по имени вредоносный народъ *(τοῦτο δὴ τὸ φθοροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα)*[1])... Дальнѣйшихъ темъ для парафразъ Фотіева характеристика агіографу не представляла».

Указанія, нами сейчасъ приведенныя, имѣли тѣмъ болѣе цѣны, что первоначально они были высказаны тогда, когда пріемъ буквальнаго сличенія текстовъ еще не сдѣлался обычнымъ и самымъ общедоступнымъ орудіемъ критики, а тѣмъ менѣе успѣлъ повести къ злоупотребленіямъ и странностямъ новѣйшаго времени. Извѣстно, что зависимость одного автора отъ другого въ отношеніи изложенія нерѣдко теперь доказывается такимъ сходствомъ ихъ выраженій, какое совершенно достаточно могло бы оправдываться единствомъ или сходствомъ сюжетовъ или предметовъ, о которыхъ предстояло говорить тому и другому. Понятно, что два писателя, которымъ придется говорить, положимъ, о краснокожихъ индѣйцахъ, непремѣнно скажутъ оба что-нибудь сходное по содержанію, а потому и по выраженіямъ, хотя бы они вовсе не знакомы были съ произведеніями одинъ другого и сочиняли совершенно независимо другъ отъ друга; несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что эпитеты «краснокожій» и «дикій» окажутся общими у обоихъ, хотя и совсѣмъ не заимствованными. Между тѣмъ, судя по инымъ образцамъ новѣйшаго критическаго искусства, въ отношеніи къ древнимъ и стариннымъ писателямъ такое или подобное сходство было бы уже доказательствомъ прямого заимствованія и чуть не плагіата. Къ счастію, многіе такого рода опыты, прямо и осязательно оказавшіеся неудачными, сдѣлали то, что осторожность и недо- LII
вѣріе начинаютъ признаваться въ подобныхъ обстоятельствахъ болѣе соотвѣтствующими научнымъ требованіямъ. Если, отправляясь отъ такихъ принциповъ, мы обратимся опять къ сравнительнымъ наблюденіямъ А. А. Куника, составлявшимъ оболь-

1) Вѣроятно, и здѣсь имѣется въ виду названіе Руси, напоминающее слово *ῥούσιος* красный, что̀ въ символическомъ толкованіи значило кровавый, яростный, гнѣвный.

стительную и привлекательную новость въ 1847 году, то должны будемъ признаться, что сходство между двумя текстами, напечатанными на предыдущей страницѣ, вовсе не представляется намъ столь разительнымъ, чтобъ оно способно было обезоружить всякія сомнѣнія. Сходство выраженій, во-первыхъ, не такъ велико и осязательно, а во-вторыхъ, оно отчасти объясняется единствомъ предмета, о которомъ обязаны были говорить оба писателя, можетъ быть, совершенно независимо другъ отъ друга. Справедливо или нѣтъ, но за Росами водилась въ древнѣйшія времена такая прочная репутація жестокости и свирѣпства, что каждый Византіецъ, какъ скоро начиналъ говорить о нашихъ предкахъ, сейчасъ же ощущалъ стремленіе обозвать ихъ соотвѣтствующими, весьма нелестными эпитетами. «Жестокость и грубость», «жестокость и кровожадность», «звѣрство и отсутствіе всякихъ признаковъ человѣколюбія»—все это довольно общія мѣста и обычныя выраженія, вовсе не характеристичныя, когда они прилагаются къ языческому, враждебному и воинственному племени. Но, что̀ для насъ особенно важно, почти всѣ слова и обороты, какими писатель Житія характеризуетъ варваровъ, посѣтившихъ окрестности Амастриды, не только вообще обычны, но именно
LIII обычны ему самому [1]). Если мы сравнимъ описаніе нашествія Сарацинскаго (стр. 38 сл.) съ изображеніемъ русскихъ жестокостей, то увидимъ, что и въ отношеніи къ Арабамъ авторъ Житія употребляетъ такія же выраженія, какія потомъ приложены къ Русскимъ: «Агарянское колѣно превосходитъ Персовъ грубостію: *τοσοῦτον δὲ μᾶλλον καὶ λίαν ἀπηνέστερον...*». «Суровость, жестокость и звѣрство»—характеризуютъ Арабовъ, точно также, какъ и Рус-

1) Какъ вообще обычны эти выраженія, могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе случайно подобранные примѣры. Левъ Армянинъ по выраженію Никиты Пафлагонскаго имѣетъ *τὴν ἀπηνῆ καὶ θηριώδη ψυχήν* (Vita Ignatii patriarchae: Patrol. gr., 105, 492); патріархъ Игнатій отданъ былъ въ руки одному сановнику *ὠμοτάτῳ καὶ ἀπηνεστάτῳ* (ibid. p. 569). Тотъ же самый Левъ Армянинъ въ словѣ на перенесеніе тѣла патріарха Никифора именуется *ὁ ἄγαν ἀπηνὴς καὶ ὠμότατος Λέων (Μνημεῖα ἁγιολογ. ἐκδ. ὑπὸ Θεοφίλου Ἰωάννου, Βενετίᾳ* 1884, p. 117). Въ похвалѣ Плотина Великомученику Димитрію Максиміанъ характеризуется какъ царь-гонитель *ὠμότατός τε καὶ ἀπηνέστατος* (Cod. Paris. 501, fol. 118 r.). Въ новеллахъ находимъ выраженіе *φθοροποιὸν καὶ λοιμῶδες νόσημα* (Zachariae, Ius Graecorom., III, 50) и опять — *ἀδικίαν θηριωδεστάτην καὶ ἀπηνεστάτην* (ibid. p. 264). Амартолъ (ed. Muralt, p. 624) приписываетъ Юстиніану II *τὴν ἀπήνειαν καὶ ὠμότητα.*

скихъ. *Τὴν τῶν πολεμίων ἀπήνειαν, τὴν ὠμότητα, τὴν θηριωδίαν:* всѣ три слова повторяются въ обоихъ отрывкахъ, тогда какъ у Фотія нѣтъ слова *ἀπήνεια*. Сверхъ того, ненависть къ людямъ и грубость — *μισανθρωπίας τὸ ἀπηνὲς* — приписываются и Гангрскому митрополиту, который неблагосклонно принялъ Георгія, посвященнаго во епископы (текстъ Житія, стр. 33,6). Выраженіе Фотія, что «Россній народъ относительно жестокости и кровожадности оставляетъ всѣхъ другихъ позади себя» *(εἰς ὠμότητα καὶ μιαιφονίαν πάντας δευτέρους ταττόμενον),* имѣетъ весьма мало общаго съ фразою агіографа: «народъ, въ которомъ нѣтъ слѣда человѣколюбія» *(μηδὲν ἐπιφερομένου φιλανθρωπίας λείψανον).* За то въ грамматическомъ строѣ фразы, говорящей, что русскіе ни въ чемъ другомъ, что̀ свойственно людямъ, не находили такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, мы узнаемъ излюбленный оборотъ нашего писателя (*πέφυκα* и *πεφύκασι*—постоянно встрѣчаются въ Житіи въ значеніи естественно, обычно: см. текстъ Житія, стр. 6,11. 16,2. 22,4. 23,3. 33,10. 46,14. 60,11). «Многажды многими повѣдываемый народъ Росъ» (= пресловутый), и «народъ, о которомъ всѣ знаютъ», — выраженія сходныя не по буквѣ, а по смыслу. Если мы предположимъ, что выраженіе Фотія имѣло фактическое основаніе, что Русь была въ самомъ дѣлѣ «пресловутымъ» народомъ, что имя ея было уже часто на языкѣ Грековъ ранѣе 866 года, то очевидно, что авторъ Житія, писавшій хотя бы и немного ранѣе того, не нуждался въ тѣхъ или другихъ офиціальныхъ документахъ, чтобы LIV
вычитать это имя и потомъ признать его общеизвѣстнымъ. Повидимому, наиболѣе значенія можетъ имѣть совпаденіе фразы: *τοῦτο δὴ τὸ φθοροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα* съ Фотіевымъ выраженіемъ: *τοῦτο δὴ τὸ καλούμενον τὸ Ῥῶς*. Но въ греческомъ подлинномъ текстѣ Житія можно найти цѣлый рядъ доказательствъ, что подобнаго рода выраженіе свойственно нашему писателю безъ всякихъ заимствованій. Стр. 4,4: *κατὰ τοῦτο δὴ τὸ τοῦ Παύλου σεμνολόγημα.* 5,10: *οὗτοι δὴ, οὗτοι τῆς πλησίον τῆς περιβλέπτου Ἀμάστριδος οἰκήτορες γεγονότες τῶν Κρωμνηνῶν πολίχνης.* 18,9: *τοῦτο δὴ τὸ πολυθρύλητον--κώλυμα* и т. д. Выводъ отсюда слѣдуетъ такой, что въ своей характеристикѣ Росскаго народа авторъ Похвалы Георгію Амастридскому ни-

сколько не отступилъ отъ своей обычной фразеологіи, что всѣ реченія и обороты, которыми онъ тутъ пользуется, составляютъ его собственное достояніе, что онъ не имѣлъ никакой нужды брать у другихъ то, что̀ самъ имѣлъ въ изобиліи. Однимъ словомъ предположеніе, что окружное посланіе Фотія служило источникомъ для автора Амастридской легенды, не имѣетъ за собою твердаго основанія. Выдержанность манеры и слога отъ начала до конца, единство литературныхъ пріемовъ, лексическаго состава, грамматическаго строя рѣчи въ цѣломъ произведеніи — все это доказываетъ, что авторъ вообще не нуждался въ нищенскомъ сборѣ фразъ по мелочамъ и для двухъ-трехъ строкъ, ничѣмъ особымъ не выдающихся, не обратился бы, безъ всякой видимой причины, къ сочиненіямъ Фотія.

VI.

Провѣрка историческихъ и біографическихъ данныхъ.

Весьма замѣчательно и на первый разъ совершенно загадочно отношеніе автора Амастридской легенды къ тому вопросу, который наиболѣе занималъ современную ему или во всякомъ
LV случаѣ близкую ему эпоху, то есть, къ вопросу о почитаніи или отверженіи иконъ. Отношеніе это можетъ быть обозначено однимъ словомъ: умолчаніе, полное по наружности отсутствіе всякихъ симпатій въ ту или другую сторону. Никакъ нельзя утверждать, что автору не было повода высказать свои воззрѣнія; никакъ нельзя объяснить молчанія объ иконахъ тѣмъ, что дѣятельность Георгія Амастридскаго, героя біографіи и Похвалы, падала на православный промежутокъ между двумя иконоборческими періодами, промежутокъ, представляемый царствованіями Константина (780—797 гг.), его матери Ирины (797—802 гг.), Никифора Логоѳета (802 — 811 гг.) и Михаила Рангавія (811—813 гг.). Вникнемъ ближе въ обстоятельства жизни Георгія, особенно съ хронологической точки зрѣнія, и попытаемся разгадать то, что̀ есть темнаго въ нашемъ памятникѣ.

Такъ какъ Георгій былъ посвященъ въ епископы около

790 года (какъ мы это ниже увидимъ), такъ какъ уже въ то время
каноническимъ для этого возрастомъ признавался тридцатилѣтній,
то его рожденіе должно быть отнесено приблизительно къ 760
году[1]). Слѣдовательно дѣтство Георгія протекло еще въ царство-
ваніе Константина Копронима (744—775 гг.), наиболѣе ревност-
наго гонителя иконъ и монашества. Совершенно не сбыточно,
чтобы эдикты и мѣры этого ненавистника иноковъ и образовъ не
достигали Пафлагоніи и Амастриды. Изъ Житія Андрея Перво-
званнаго, которое было написано монахомъ Епифаніемъ въ концѣ
VIII вѣка, либо въ началѣ IX, мы знаемъ, что въ городъ Синопъ,
не очень отдаленный отъ родины Георгія, именно при Константинѣ
Копронимѣ приходили ревностные иконокласты съ цѣлію уничто- LXI
жить тамъ древнія всѣми почитаемыя мозаики[2]). Съ другой сто-
роны, изъ Житія Стефана Новаго[3]) мы знаемъ, что именно въ
761 году началось прямое преслѣдованіе иконопочитателей, въ
особенности монаховъ, какъ противниковъ царской воли и нару-
шителей соборнаго постановленія 754 года. Изъ этого слѣдуетъ,
что авторъ жизнеописанія, если онъ сознавалъ хронологическія
отношенія, восхваляя благочестіе родителей святаго, долженъ
былъ непремѣнно указать на высшій и главнѣйшій признакъ бла-
гочестія, на вѣрность ихъ иконопочитанію. Вмѣсто того онъ какъ бы
нарочно остается въ области совершенно неопредѣленныхъ и ту-
манныхъ выраженій, которыя только потому не могутъ быть на-
званы общими мѣстами, что совершенно не походятъ на обычные
пріемы агіографовъ этой эпохи (ср. Житіе Стефана Новаго).
Описываются усердныя молитвы безплодныхъ родителей Георгія,
упоминается обѣтъ, данный ими посвятить его Богу. Нужно при-

---

1) Первая статья второй книги такъ называемыхъ Апостольскихъ правилъ ‹Constitutiones Apostolicae ed. Funk› гласитъ, что епископъ долженъ быть пятидесяти лѣтъ; впрочемъ другіе вмѣсто *πεντήκοντα* читаютъ *τριάκοντα*. (См. Pitra, Iuris ecclesiastici monumenta, I, 134). Во всякомъ случаѣ, какъ указываетъ Питра (p. 216, примѣч.), это имѣло силу развѣ до VI столѣтія, когда явилось постановленіе Юстиніана, опредѣляющее 35 лѣтъ для епископа и пресвитера (Nov. 123); но и это не соблюдалось строго, допускался и тридцатилѣтній возрастъ. Въ Номоканонѣ изъ 14 титуловъ назначается для пресвитера 30 лѣтъ, а для епископа 35. Pitra, II, 476.

2) Dressel, Epiphanii edita et inedita, Paris., 1843, p. 47. Хожденіе Первозваннаго напечатано также у Миня, т. 120.

3) См. Patrol. gr., 100, 1112 sq. — ‹Ср. «Труды В. Г. Васильевскаго», II, 334›.

помнить, что мы должны при этомъ подразумѣвать внѣшнія символическія дѣйствія, подобныя тѣмъ, какія перечисляются, напримѣръ, въ посланіи Михаила II Косноязычнаго къ Людовику Благочестивому. Когда иконы отправляли даже роль воспріемниковъ при крещеніи дѣтей, когда постриженіе въ монахи и даже причащеніе совершалось для большей силы при помощи образовъ
LVII и статуй[1]), тогда вовсе не были странны и обѣты, даваемые передъ иконами бездѣтными супругами, какъ это описано въ Житіи Стефана Новаго. Но обѣтъ, данный до рожденія, сообразно съ господствовавшимъ обычаемъ, основаннымъ, повидимому, на ветхозавѣтныхъ прецедентахъ, требовалъ подтвержденія, обряднаго и формальнаго посвященія младенца Богу, что̀ выражалось положеніемъ его къ подножію той или другой иконы. И въ нашемъ Житіи есть намекъ на подобное дѣйствіе, но только намекъ, а вмѣсто образовъ или иконъ при этомъ говорится о «первообразахъ». Припомнивъ примѣры Авраама и Сарры, Анны и Самуила, авторъ Житія (стр. 7, 5) сообщаетъ намъ, что родители святаго, взирая благочестивою мыслію на такіе первообразы (*ἀρχέτυπα*), какъ бы по взаимному соглашенію перестали просить себѣ наслѣдника или опору старости, но рѣшились, если родится у нихъ сынъ, отдать его въ видѣ приношенія Богу.

Далѣе идетъ рѣчь о воспитаніи и обученіи святаго. Мы знаемъ, какія обвиненія раздаются у древнихъ и новыхъ историковъ противъ иконоборческихъ императоровъ. Ѳеофанъ говоритъ, что Левъ Исавръ отчасти прямо уничтожилъ училища, отчасти принудилъ ихъ закрыться, отнявъ у нихъ содержаніе, которое они до тѣхъ поръ получали. Въ связи съ этимъ извѣстіемъ находится другое, болѣе тяжкое, но рѣшительно ложное обвиненіе, что этотъ императоръ былъ сознательнымъ виновникомъ пожара, истребившаго высшее ученое учрежденіе имперіи, Византійскую

1) Baron., Annal. ecclesiast., sub anno 824 <t. IX, p. 783 sq.>: Psallebant et adorabant, atque ab iisdem imaginibus auxilium petebant; plerique autem linteaminibus easdem imagines circumdabant, et filiorum suorum de baptismatis fonte susceptrices faciebant. Alii vero religiosum habitum monasticum sumere volentes - - - adhibitis imaginibus, quasi in sinum earum decidere capillos illorum sinebant. - - - Alii autem corpus Domini in manus imaginum ponebant, unde communicare volentes accipere fecerunt и т. д. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (Lib. I, № 17: Patrol. gr., 99, 961) Ѳеодоръ Студитъ восхваляетъ нѣкоего спаѳарія Іоанна за то, что онъ сдѣлалъ икону воспріемницею новорожденнаго при крещеніи.

академію[1]). Областные воеводы Константина Копронима, закрывая монастыри, предавали огню «монашескія и отеческія книги» (*τὰ μοναχικὰ καὶ πατερικὰ βιβλία*), хотя и давали пощаду другимъ книгамъ, въ числѣ которыхъ могли быть и не однѣ библіи[2]). О Михаилѣ Косноязычномъ (820—829 гг.) мы читаемъ у одного LVIII
изъ позднѣйшихъ писателей, что, самъ будучи совершенно необразованнымъ и почти безграмотнымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ сдѣлать невѣжество для всѣхъ обязательнымъ и смотрѣлъ враждебно даже на простую грамотность и первоначальныя дѣтскія школы[3]). Никакого намека на что-либо подобное, никакихъ указаній на препятствіе къ образованію нѣтъ въ Житіи Георгія. Напротивъ, о немъ прямо сказано, что онъ получилъ «энциклическое образованіе», а подъ этимъ выраженіемъ разумѣется полный курсъ наукъ, соотвѣтствующій латинскому средневѣковому trivium и quadrivium[4]). Самъ писатель Житія, не упустившій сообщить намъ указанную черту и, по всѣмъ признакамъ, едва однимъ поколѣніемъ младшій Георгія Амастридскаго, имѣлъ, очевидно, полную возможность достигнуть того близкаго знакомства

---

1) О закрытіи школъ см. Theophan., 405,11 de Boor. О поджогѣ говоритъ только позднѣйшая редакція хроники Амартола и писатель XII вѣка Кедринъ; достовѣрность извѣстія давно заподозрѣна.

2) Theophan., 446,1—4. Ср. Niceph. Patr., Antirrhet. contra Eusebium: Spicilegium Solesm. I, 503. Здѣсь говорится, что иконоборцы усердно разыскивали сочиненія, которыя бы могли свидѣтельствовать въ ихъ пользу.

3) Cedren., II, 74: *μηδὲ τοὺς νέους παιδοτριβεῖσθαί που συγχωρεῖν.*

4) Стр. 14,7 (текста): *καὶ παιδεύεται μὲν πᾶσαν ἐγκύκλιον παίδευσιν, ὅση τε ἡμετέρα καὶ ὅση τῶν ἔξωθεν.* Наиболѣе отчетливое перечисленіе предметовъ, входившихъ въ кругъ этого образованія, содержится въ Житіи патріарха Никифора († 829 г.), принадлежащемъ діакону Игнатію, современнику и ученику его (p. 149 sq. de Boor.). На первомъ планѣ стоитъ грамматика, части которой научаютъ различать правильныя выраженія отъ неправильныхъ, чистую эллинскую рѣчь отъ всякой другой, и даютъ основаніе для стихосложенія: всѣмъ хотя отчасти знакомымъ съ этимъ искусствомъ извѣстно, какъ силенъ былъ въ немъ Никифоръ. Затѣмъ слѣдуетъ риторика: не трудно убѣдиться всякому въ сладости и пріятности, которыми отличаются упражненія Никифора на многозвучной риторской цитрѣ. Отвергнувъ излишнюю многорѣчивость и болтливость и все, что̀ склоняется къ софистическому празднословію и суемыслію, онъ стремился къ разборчивости и чистотѣ рѣчи, что̀ сообщало его сочиненіямъ грацію и пріятность. (Пропускается діалектика). Что̀ же касается математической четверицы (*τῆς μαθηματικῆς τετρακτύος*), то онъ достигъ одинаковыхъ успѣховъ въ астрономіи... геометріи... музыкѣ... и ариѳметикѣ... — Затѣмъ уже слѣдуютъ высшія занятія философіей, задачи и проблемы которой подробно исчисляются у діакона Игнатія.

съ правилами грамматики и риторики, которое пріобрѣтается только упражненіемъ и школой и весьма сильно отзывается на первомъ его литературномъ опытѣ. Не смотря на одинъ легкій
LIX промахъ, указывающій какъ бы на недостаточно твердое знакомство съ Гомеромъ[1]), мы должны предполагать, что образцами для его школьныхъ предыдущихъ упражненій, а также источникомъ фразеологіи, служили все-таки не одни духовные, но и древніе эллинскіе писатели, а также книги, сохранявшія школьный матеріалъ, полученный въ наслѣдство отъ древности. Впрочемъ, есть много другихъ основаній ожидать, что какъ извѣстія византійскихъ писателей о гоненіи на школы и науки со стороны иконоборческихъ императоровъ, такъ и мнѣнія новыхъ ученыхъ о крайнемъ упадкѣ образованія въ VIII вѣкѣ — сравнительно съ предшествующимъ и послѣдующимъ столѣтіями — при ближайшей повѣркѣ окажутся достаточно преувеличенными: они отчасти основываются на смѣшеніи церковнаго и монастырскаго просвѣщенія съ общимъ и ученымъ, между тѣмъ какъ даже и въ VIII вѣкѣ полнаго совпаденія между этими двумя понятіями не было, и «внѣшняя мудрость» семи искусствъ всегда отличается отъ духовной. На Западѣ Греція продолжала слыть «матерью словесности, родительницею философовъ и покровительницею всѣхъ свободныхъ наукъ» — даже и тогда, когда на византійскомъ престолѣ сидѣлъ Михаилъ Аморейскій, запрещавшій будто бы дѣтямъ учиться грамотѣ[2]).

Впрочемъ какихъ-либо спеціальныхъ упрековъ противъ иконоборческихъ императоровъ мы тѣмъ менѣе могли бы ожидать
LX въ нашемъ памятникѣ, что онъ вообще избѣгаетъ говорить о

---

1) Писатель говоритъ о городкѣ Кромнѣ, что она знаменита не столько богатствомъ или знатностью своихъ гражданъ, сколько тѣмъ, что именно здѣсь жили родители Георгія. Онъ забылъ, что Кромна знаменита своею древностію, и что ея имя встрѣчается въ каталогѣ кораблей у Гомера (Iliad., II, 855): *Κρῶμνάν τ' Αἰγιαλόν τε καὶ ὑψηλοὺς Ἐρυθίνους.*

2) Itaque temporibus gloriosi et orthodoxi Hludowici imperatoris Graecia, quae se matrem verborum et genitricem philosophorum et omnium liberalium artium fautricem appellari contendit, de his superstitionibus superfluis (о почитаніи иконъ) omnem gentem latina lingua utentem consulere tentavit: Liber adversus Graecos Энея Парижскаго d'Achery, Spicileg., I, 117; Simson, Ludwig der Fromme, I, 252. Авторъ Житія патріарха Никифора (р. 165,28 de Boor.) говоритъ о времени Льва Армянина, что иконоборцы дорожили книгами, содержащими обличеніе идолопоклонства, находя въ нихъ поддержку своимъ воззрѣніямъ.

нихъ и не называетъ ни одного изъ тѣхъ правителей, которые сидѣли на престолѣ ранѣе православныхъ Ирины и Константина. Вѣроятно, уже къ періоду совокупнаго правленія сейчасъ названныхъ матери и сына, но не иначе какъ къ первымъ годамъ его — то есть, все-таки къ иконоборческому времени — относится то извѣстіе (гл. 9), въ которомъ мы встрѣчаемся съ дядею юнаго Георгія. «Когда Георгій достигъ мужескаго возраста и усердно подвизался впередъ въ дѣятельномъ любомудріи, его взялъ къ себѣ [архі]іерей и дядя его, который управлялъ тогда отечественнымъ престоломъ, съ тѣмъ чтобы (его племянникъ) познакомился съ церковными установленіями и могъ быть посвященъ во всякое церковное благоустройство». Достиженіе мужескаго возраста предполагаетъ здѣсь двадцатилѣтній (не болѣе) возрастъ, такъ что вступленіе Георгія въ церковный клиръ своего дяди будетъ относиться — самое позднее (такъ какъ для рожденія его 760-й годъ есть наибольшая возможная цифра) — къ 780 году. Съ этимъ вполнѣ сходится замѣтка, къ которой мы еще должны будемъ воротиться, что, когда Георгій — очевидно, послѣ перехода къ дядѣ — посѣтилъ вмѣстѣ съ нимъ столицу, то тамъ Тарасій еще не былъ патріархомъ (онъ сдѣлался патріархомъ въ 784 году), а самъ герой Житія и уже извѣстнаго намъ разсказа былъ еще юношею (стр. 30, 1 сл. *καὶ τὴν τοῦ νέου ἀρετὴν θαυμάσας*: говорится о Тарасіи). Какъ бы то ни было, совершенно ясно, что дядя Георгія занималъ епископскій престолъ въ такое время, когда оффиціально все-таки господствовало иконоборство, хотя уже и ослабѣло гоненіе противъ людей, державшихся противоположнаго образа мыслей и не признававшихъ собора 754 года. Извѣстно далѣе, что еще при Константинѣ Копронимѣ вся высшая церковная іерархія болѣе или менѣе искренне, болѣе или менѣе вынужденно — покорилась, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, требованіямъ свѣтской власти и примѣру патріарха въ Константинополѣ; только меньшинство запятнало себя иконоборческимъ усердіемъ и даже преслѣдованіемъ противниковъ. Послѣ этого намъ было бы весьма любопытно узнать, къ какому раз- LXI
ряду принадлежалъ епископъ Амастридскій. Мы имѣемъ право догадываться — хотя, къ немалому удивленію, опять этого не отмѣчено въ Житіи —, что дядя Георгія присутствовалъ на второмъ

Никейскомъ соборѣ (787 г.), и въ такомъ случаѣ мы узнаемъ его въ томъ епископѣ Амастриды Григоріи, который подписался подъ опредѣленіями <седьмого и второго> засѣданія (*Γρηγόριος ἐπίσκοπος Ἀμάστρης*) и упоминается въ протоколахъ <шестого>[1]). Этотъ Григорій, какъ это ясно изъ актовъ соборнаго дѣянія, съ самаго начала и безъ всякихъ колебаній сталъ на сторону Ирины и Тарасія, уже заявившихъ себя рѣшительными приверженцами иконопочитанія; онъ не находился въ числѣ тѣхъ епископовъ, которые дождались открытія соборныхъ засѣданій въ Никеѣ, чтобы заявить свое присоединеніе къ православію, и, подобно Григорію Неокесарійскому, были прежде завѣдомыми противниками иконопочитанія[2]). Авторъ Житія могъ, слѣдовательно, не нарушая истины, сказать что-нибудь въ похвалу выводимаго имъ на сцену лица и указать хотя бы на его истинное благочестіе и ревность по правой вѣрѣ. Онъ предпочелъ поступить здѣсь такъ же, какъ и въ отношеніи къ родителямъ святаго, то есть, умолчалъ объ отношеніяхъ его къ жгучимъ вопросамъ времени. Послѣ этого уже совершенно естественно, что агіографу не пришло на умъ сообщить какія-либо особенныя указанія, почему и какъ въ смутное и тяжелое для иноковъ время могъ процвѣтать въ Пафлагоніи общежительный монастырь Вонисса. Видно, что онъ хорошо знакомъ съ этимъ монастыремъ, а также съ названіями
LXII другихъ мѣстностей въ Пафлагоніи, какова (стр. 19, 4) Агро-Сирикійская гора, указать современное наименованіе которой довольно трудно. Что̀ касается (стр. 21, 5.7) Вониссы, то мы должны ограничиться тѣмъ предположеніемъ, что, вѣроятно, этотъ же монастырь разумѣется подъ Вонисами (*Βονισῶν*), игуменъ которыхъ упоминается въ дѣяніяхъ собора 787 года[3]). Обитель сла-

---

1) Mansi, Concilia XIII, 336; XII, 1099 (здѣсь чтеніе: *Ἀμάστριδος*); XIII, 573.

2) Таковы, кромѣ Григорія Неокесарійскаго, были епископы Иконія, Пессинунта, Писидіи, Анкиры, Аморія, Миръ, Гіерополя, Никеи, Родоса, Карпаѳа. Интересно, что иконоборство было сильно въ краяхъ, сосѣдственныхъ съ Пафлагоніей.

3) Mansi, XIII, 156. Хотя все-таки нѣтъ полнаго тожества между двумя написаніями весьма созвучныхъ словъ: въ Житіи *Βόνυσσα*, асс. *Βόνυσσαν*; въ актахъ (*Βόνισαι?* genit.) *Βονισῶν*. Впрочемъ, авторъ Житія, очевидно знакомый лично съ монастыремъ, говоритъ, что Вонисса есть туземное (простонародное) названіе: *μονὴν -- ἣν οἱ ἐγχώριοι Βόνυσσαν προσαγορεύουσιν*... Въ Каппадокіи около г. Нигде есть теперь селеніе Ванисса (*Ρίσου, Καππαδοκ.* р. 107), но это

вилась подвижническою жизнію своей братіи и въ то время, какъ писалъ нашъ авторъ свое Житіе; онъ говоритъ о ней тономъ теплаго участія и съ глубокимъ уваженіемъ.

Можетъ быть считаемо случайностію то обстоятельство, что авторъ, легко переносящійся мыслію въ мѣстную географическую обстановку своихъ пафлагонскихъ монаховъ, оставляетъ совершенно въ сторонѣ условія времени, которыя, конечно, давали себя чувствовать и внутри монастырской ограды. Но вотъ опять явленіе, за которымъ можно подозрѣвать разсчетъ и умыселъ. Почему путешествіе Георгія съ своимъ дядею въ Константинополь не помѣщено въ ряду событій, относящихся къ его юношескому возрасту, выдѣлено изъ рамокъ хронологической послѣдовательности и сообщено только въ видѣ воспоминанія патріарха Тарасія изъ времени его придворной службы? Не въ томъ ли заключается причина, что если бы этотъ эпизодъ былъ разсказанъ на своемъ надлежащемъ мѣстѣ, то сейчасъ же сдѣлались бы необходимыми нѣкоторыя объясненія или припоминанія, казавшіяся автору нежелательными? Нѣтъ сомнѣнія, что въ той LXIII
церкви, въ которой Георгій вмѣстѣ съ другими пѣлъ священные гимны, еще не были возстановлены иконы, что во храмѣ господствовали еретики, общенія съ которыми такъ усердно избѣгали ревностные иконопочитатели. Чтобы это измѣнилось, нужно было сначала собраться седьмому вселенскому собору и протоасикриту Тарасію, раздававшему плату псалмистамъ, предстояло еще быть избраннымъ въ патріархи и поставить условіемъ своего согласія соборъ и возстановленіе иконъ. Очевидно, что дядя Георгія такъ или иначе жилъ въ мирѣ съ господствовавшимъ въ его время направленіемъ. Это можно понять, читая внимательно наше Житіе. Авторъ, конечно, не намѣренъ былъ абсолютно утаивать фактъ, который легко могъ быть оправданъ страхомъ насилія и гоненія, но въ то же время онъ не находилъ удобнымъ указать на него прямо.

слишкомъ далеко отъ Амастриды. Замокъ *(κάστρον)* Вонита *(Βόνητα)*, упоминаемый въ письмахъ Ѳеодора Студита (Mai, Nov. Biblioth., VIII, 10) и въ Житіи Николая Студита, находился въ темѣ Анатоликонъ и сюда тоже не идетъ. Агро-Сирикійская гора, можетъ быть, соотвѣтствуетъ теперешнему Сагра-дахъ (на востокъ отъ Амассри). Объясненіе въ Синаксаристѣ Никодима, что Вонисса или, какъ тамъ читается, Воница *(Βόνιτζαν)*, находится въ Акарнаніи близъ Ксеромеро *(Ξερόμερον)*, куріозно.

Дальнѣйшая жизнь Георгія падаетъ на двадцатипятилѣтній періодъ православія. Въ Житіи совсѣмъ не отмѣченъ переходъ отъ одного періода къ другому; даже при имени Тарасія не упомянуто о главной его заслугѣ, состоявшей въ возобновленіи иконопочитанія, и совсѣмъ пропущенъ второй Никейскій соборъ, послѣднія засѣданія котораго, какъ извѣстно, происходили въ самой столицѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что Григорій, епископъ Амастриды, участвовавшій въ засѣданіяхъ этого собора, именно и былъ дядею Георгія, которому онъ прежде сопутствовалъ въ другомъ путешествіи. Такъ какъ Георгій сдѣлался епископомъ не позднѣе 790 года, то есть, былъ посвященъ не болѣе какъ чрезъ три года послѣ собора 787 года, то естественно полагать, что именно этотъ вышеупомянутый Григорій и былъ его непосредственнымъ предшественникомъ. А что Георгій вступилъ на епископскую каѳедру именно около 790 года, это слѣдуетъ изъ отношеній его къ Іоанну Готскому: когда тотъ, вскорѣ послѣ Никейскаго собора, принужденъ былъ искать убѣжища на противоположномъ берегу Чернаго моря, то онъ при-
LXIV нятъ былъ въ Амастридѣ Георгіемъ[1]). На то, что Георгій сдѣлался епископомъ не ранѣе 790 г., довольно ясно намекаетъ разсказъ (гл. 19) о желаніи царя или самодержца возвести на Амастридскую каѳедру своего собственнаго кандидата. Такъ какъ здѣсь говорится объ одномъ царѣ и самодержцѣ, то нужно разумѣть то время, когда Константинъ VI, лишивъ свою мать Ирину власти и титула царскаго,—а случилось это именно въ 790 году,—сталъ управлять государствомъ самостоятельно. Съ другой стороны, новопосвященный епископъ послѣ пріобрѣлъ расположеніе императрицы Ирины, управлявшей государствомъ, и ея сына Константина. Въ 792 году Константинъ примирился съ своею матерью, возвратилъ ей императорскій санъ, такъ что съ этого

1) Vita S. Iohannis Gothi: Acta Sanctor., t. V, 26 Iunii, cap. I, 5 et 6. Въ пятомъ параграфѣ говорится о бѣгствѣ Іоанна въ Амастриду, а въ шестомъ объ его тамъ кончинѣ: гробъ Іоанна, отправляемый на присланномъ изъ Крыма кораблѣ въ Парѳениты (теперь Партенитъ), провожалъ Георгій, святѣйшій епископъ Амастриды вмѣстѣ со своею паствою, что̀ описывается въ параграфѣ шестомъ <p. 191>: *Γεώργιος ὁ ἁγιώτατος ἐπίσκοπος Ἀμάστριδος*. Что это происходило вскорѣ послѣ 787 года, показываетъ послѣдовательность разсказа: въ четвертомъ параграфѣ рѣчь была о седьмомъ Вселенскомъ соборѣ. Ср. «Житіе Іоанна Готскаго» <«Труды В. Г. В.», II, 398>.

года имя ея снова возглашалось во всѣхъ церемоніяхъ (*εὐφημίζετο*): такое отношеніе, при которомъ первенствовалъ все-таки Константинъ, продолжалось по 797 годъ, когда мать низвергла своего сына и сдѣлалась виновницею его ослѣпленія и смерти. Не смотря на нѣкоторую неточность не столько самыхъ выраженій, сколько ихъ порядка, очевидно, что наше Житіе предполагаетъ пребываніе Георгія при дворѣ въ періодъ времени между 792 и 797 годами. Все дальнѣйшее соотвѣтствуетъ вполнѣ такой хронологіи. Въ царствованіе Ирины, когда она уже одна правила государствомъ (797—802 гг.), Георгій (стр. 52 сл.) предсказалъ логоѳету Никифору, который былъ въ числѣ его первыхъ друзей и почитателей, что его ожидаетъ богатое наслѣдство послѣ одной вдовы, то есть, согласно съ позднѣйшимъ объясненіемъ, императорскій тронъ, занимаемый преступною матерью. Сдѣлавшись въ самомъ дѣлѣ преемникомъ Ирины (хотя и LXV
не безъ насилія), Никифоръ питалъ величайшее уваженіе къ Амастридскому святителю. Нужно думать, что именно въ его царствованіе (802—811 гг.) совершилась та перемѣна въ іерархическихъ отношеніяхъ Пафлагонской митрополіи, которая указана въ нашемъ Житіи ‹гл. 21› тотчасъ вслѣдъ за возведеніемъ Георгія на епископскую каѳедру, но съ прямою оговоркой, что она относится ко времени много позднѣйшему. Перемѣна состояла въ томъ, что Амастридская епископія была изъята изъ состава митрополичьей Пафлагонской епархіи, стольнымъ городомъ которой была Гангра (или Гангры, теперь Чангры, Ченгры), и возведена была на степень архіепископіи безъ подчиненія ей какихъ-либо другихъ епископскихъ каѳедръ; то-есть, дѣло касалось только ранга и чести, а не каноническихъ правъ надъ другими каѳедрами. Въ древнѣйшемъ спискѣ христіанскихъ церквей, носящемъ имя Гіерокла грамматика (Hieroclis Synecdemus) на 33-мъ мѣстѣ дѣйствительно находимъ: *Ἐπαρχία Παφλαγονίας, ὑπὸ κορίκτορα, πόλεις ς'. Γάγγρα, Πομπηϊούπολις, Σόρα, Ἀμάστριον, Ἰουνόπολις, Δάδυβρα* [1]). Въ спискахъ епархій, относимыхъ

---

1) Parthey, Hieroclis Synecdemus et Notitiae episcopatuum, Berol., 1866, p. 35. Ср. pp. 172. 149. 59. 97. ‹Hieroclis Synecdemus rec. A. Burckhardt, Lips., 1893, p. 32. 59. — Georgii Cyprii descriptio orbis Romani ed. H. Gelzer, Lips., 1890, p. 5. 59. 60. 83›.

изслѣдователями ко времени патріарха Никифора (806—815)— въ одномъ (Parthey, № IX, 216) Амастрида по прежнему помѣщена въ числѣ епископій Пафлагонской епархіи и точно такъ же въ другомъ, нѣсколько позднѣйшемъ (VIII, 307), но въ третьемъ (VI, 84) считается автокефальною архіепископіей. Въ спискѣ, который носитъ уже имя царя Льва и патріарха Фотія, но въ хронологической отмѣткѣ, помѣщенной въ концѣ, обозначается 883 годомъ, то есть концомъ царствованія Василія Македонянина (Parthey, № 1), Амастрида стоитъ на 78 мѣстѣ тоже въ числѣ самостоятельныхъ архіепископій. Съ этимъ согласны и другія данныя. Ближайшій предшественникъ Георгія, участвовавшій въ засѣданіяхъ собора 787 года, называлъ себя епи-
LXVI скопомъ, а Георгію надписаніе его Житія уже даетъ, очевидно, правильно — титулъ архіепископа; такъ именуютъ себя и ближайшіе его преемники, участвовавшіе въ соборахъ Игнатіевомъ 869 года и Фотіевомъ 879 г.; въ перечисленіи присутствующихъ іерарховъ они помѣщаются среди автокефальныхъ архіепископовъ, которые, впрочемъ, иногда перемѣшиваются съ митрополитами. Но архіепископіей Амастрида оставалась недолго; во всѣхъ позднѣйшихъ редакціяхъ каталога, носящаго обыкновенно имя Льва Мудраго, Амастрида считается митрополіей (Parthey, II, 54 и т. д.); очень вѣроятно, что она возведена на такую степень именно при этомъ царѣ [1]).

Разсказъ объ арабскомъ нашествіи заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ наибольшаго вниманія. Первый вопросъ, который при этомъ возникаетъ, есть, конечно, вопросъ о достовѣрности разсказа, о возможности появленія Сарацинъ на такомъ далекомъ сѣверѣ и западѣ Малой Азіи, у самыхъ береговъ Чернаго моря, и потомъ о времени, къ которому слѣдуетъ пріурочивать такое событіе, если оно окажется историческимъ или возможнымъ. Для рѣшенія такихъ вопросовъ необходимо сдѣлать краткій обзоръ враждебныхъ столкновеній арабскаго халифата при Гарунъ-ал-Рашидѣ съ Византійскою имперіей при Иринѣ, Константинѣ VI
LXVII и Никифорѣ Логоѳетѣ (отъ 791 до 811 гг.) [2]). Первый свой по-

1) Ср. Gelzer, Zur Zeitbestimmung der griechischen Notitiae episcopatuum: Jahrbücher für protestant. Theologie, Bd. 12 (1886), стр. 537.

2) При этомъ особенно важны арабскіе источники, къ сожалѣнію, въ по-

ходъ на Византію Гарунъ-ал-Рашидъ совершилъ еще ранѣе своего вступленія на престолъ по порученію своего отца, халифа Алмади, въ 781 году. Принцъ прошелъ побѣдоносно бо̀льшую часть Азіи, расположился предъ Хрисополемъ (Скутари), на азіатской сторонѣ Босфора противу столицы, и принудилъ встревоженную императрицу Ирину согласиться на уплату ежегодной дани[1]). Затѣмъ послѣ вступленія своего на престолъ Гарунъ-ал-Рашидъ восемь разъ ходилъ лично въ походъ противъ Грековъ; по крайней мѣрѣ именно столько разъ являлся онъ къ арміямъ, стоявшимъ на границѣ. Его намѣстники дѣлали почти ежегодно вторженія на византійскую территорію и часто возвращались съ богатою добычей, людьми и имуществомъ, потому что Ирина должна была употреблять свои войска частію для защиты своихъ личныхъ и церковныхъ интересовъ, частію для борьбы съ Болгарами. По арабскимъ извѣстіямъ, такіе удачные набѣги имѣли мѣсто еще до 791 года. Объ одномъ изъ нихъ упоминаетъ и византійская хроника подъ 789 годомъ[2]). Въ 791 году, во время сильной стужи, Арабы проникли, повидимому, слишкомъ далеко и понесли большой уронъ; въ слѣдующемъ (792) году, когда Константинъ самъ лично пошелъ на нихъ, неудача ихъ оказалась бы, вѣроятно, еще болѣе чувствительною, если бы интриги Ирины противъ родного сына не принудили его воротиться назадъ[3]). Къ 790 году относятся столкновенія сарацинскаго и византійскаго флотовъ въ греческихъ водахъ по арабскимъ извѣстіямъ — у Крита, а по византійскимъ — около Кипра; мусуль-

---

длинникѣ намъ недоступные. Впрочемъ, содержаніе ихъ, хотя и не совсѣмъ достаточно для нашихъ цѣлей, передается въ сочиненіи Вейля (Weil, Geschichte der Chalifen, II, 155—163) въ текстѣ и примѣчаніяхъ. Важнѣйшіе изъ походовъ Гаруна отмѣчены и у Ранке въ Weltgeschichte (t. V, Theil 2). Недавно появилась статья Гёрреса, посвященная отношеніямъ Гаруна къ христіанству, гдѣ идетъ рѣчь и о походахъ Гаруна, Goerres, Harun-al-Raschid und das Christenthum: Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, XXXIII Jahrg., 1889. Но авторъ статьи пользовался только византійскими источниками, хрониками Ѳеофана и Кедрина, и почему-то игнорировалъ Вейля; отъ того у него многое ошибочно.

1) Theophan., p. 452 de Boor; ср. Ranke, Weltgesch., t. V, Theil 2, стр. 91.

2) Theophan., p. 463,15 (подъ 6281): *ἐξῆλθε κοῦρσον τῶν Ἀράβων - - εἰς τὸ τῶν ἀνατολικῶν θέμα, εἰς τόπον λεγόμενον Κοπιδνάδον.*

3) Theophan., p. 467,14: Константинъ прибылъ къ войску въ Аморіи и пошелъ было на Тарсъ въ Киликіи.

мане остались побѣдителями, византійскій адмиралъ Θеофилъ
былъ взятъ въ плѣнъ и, когда, въ присутствіи Гаруна, отка-
LXVIII зался принять ученіе Магомета, былъ тутъ же зарубленъ[1]).
Въ 793 году Сарацины захватили укрѣпленіе Камахъ на верх-
немъ Евфратѣ (на западъ отъ Эрзерума), сданное имъ Армя-
нами[2]). Въ 794 году они овладѣли мѣстечкомъ Θивасою, по сю
сторону Ликійскаго Тавра, слѣдовательно — совершенно въ дру-
гомъ направленіи[3]). Зимою съ 794 на 795, вѣроятно, продолжая
начатое на армянскихъ границахъ движеніе, мусульманская
армія, подъ предводительствомъ Солимана (сына халифа) и пере-
бѣжчика Елпидія, направилась на сѣверо-западъ къ Понту и
достигла города Амиса, или Самсуна. Здѣсь однако Арабы были
застигнуты наступившею зимою; глубокій снѣгъ былъ причиною
гибели большого числа людей и лошадей; много плѣнныхъ очу-
тилось въ Константинополѣ; современный сирійскій писатель,
Діонисій Тельмарскій, самъ видѣлъ въ Эдессѣ 400 человѣкъ, по-
страдавшихъ отъ холода и возвращавшихся на родину[4]). Въ
795 году предпринята была экспедиція со стороны Византійцевъ,
во главѣ которой стоялъ самъ императоръ; въ маѣ мѣсяцѣ онъ
одержалъ побѣду надъ однимъ изъ арабскихъ отрядовъ при мѣ-
LXIX стечкѣ Анусанѣ, а послѣ посѣтилъ городъ Ефесъ[5]). Наиболѣе
тяжелыми были годы 797 и 798. Въ походѣ, относящемся къ
первому изъ этихъ годовъ, мусульманскимъ нашествіемъ предво-

---

1) Theophan., p. 465,20 de Boor. Ср. Weil, Gesch. der Chalif., II, 156. О мученичествѣ Θеофила читается также въ Минеяхъ и въ Василіевомъ Минологіи; Acta Sanctor., t. V, 22 Iul.

2) Theophan., p. 469, подъ 6285: *τὸ κάστρον Κάμαχον.* Anastas., Chronogr. trip., p. 312,12 de Boor.: Camachan.

3) Theophan., p. 469,20: *τὸ κάστρον Θήβασαν.* Anastas., p. 312,14: Thebasan. — Liv., XXXVIII, 14: Thabusion castellum imminens flumini Indo (Гереиисъ или Доломанъ-чай) haud procul a Cibyra (= Хорзумъ) - - . Ср. Plin., Hist. Nat., V, 28; Texier, Asie mineure, p. 466.

4) Арабскіе мусульманскіе писатели (Ибнъ-Калдунъ, Ибн-ал-Асиръ) говорятъ только, что Сулейманъ-Ибн-Рашидъ провелъ зиму въ Малой Азіи и былъ сопровождаемъ Елпидіемъ. О бѣдствіяхъ предводимой имъ арміи сообщаютъ не византійскія хроники, которыя совершенно опускаютъ этотъ походъ, а Абульфараджъ, сирійскій христіанинъ, писавшій по арабски (Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chron. Syr., p. 136 sq.), и его соотечественникъ Михаилъ Сирійскій, дошедшій до насъ въ армянскомъ переводѣ (онъ пропущенъ у Вейля). Они пользовались и не изданною донынѣ частію хроники Діонисія Тельмарскаго, патріарха яковитскаго въ Антіохіи.

5) Theophan., 469,29: *Ἀνοῦσαν.* Anastas., 312,22: Anusan.

дительствовалъ самъ Гарунъ-ал-Рашидъ; онъ взялъ пограничную со стороны горъ Тавра и Киликіи крѣпость Сафсафъ, между тѣмъ какъ другіе отряды проникли до Анкиры (Ангоры) и Аморія; Каппадокія и Галатія сильно пострадали[1]). Послѣ размѣна плѣнныхъ Арабы воротились къ себѣ за Тавръ; но здѣсь они узнали о низложеніи Константина и объ ослѣпленіи его родною матерью Ириною. Моментъ показался имъ благопріятнымъ; поэтому (въ 798 году) они снова вторгнулись въ Малую Азію и проникли на сей разъ до Ефеса; изъ греческихъ извѣстій мы узнаемъ, что нашествію подверглось воеводство (ѳема) Обсеквіанское, то есть, область при Мраморномъ морѣ, а одинъ отрядъ достигъ до Манганъ или Малагинъ, что уже въ Виѳиніи, между Никеей и Олимпомъ[2]).

За симъ послѣдовало четырехлѣтнее перемиріе, купленное позорнымъ обязательствомъ платить ежегодно дань со стороны Ирины, хотя Гарунъ и самъ нуждался въ мирѣ съ Византіей, такъ какъ именно въ это самое время его особенно сильно тревожили Хазары[3]). Съ восшествіемъ на престолъ Никифора Логоѳета (802—811 гг.) борьба возобновилась съ прежнею силою. Набѣгъ, предшествовавшій низложенію Ирины, не имѣлъ серьезнаго значенія; арабскій вождь сейчасъ же воротился назадъ, какъ скоро Греки выдали ему нѣсколькихъ захваченныхъ въ плѣнъ мусульманъ. Но отказъ новаго императора платить дань, LXX
выраженный въ рѣзкомъ и угрожающемъ письмѣ, опять поднялъ самого халифа. Онъ вскорѣ сталъ подъ Гераклеей, подъ которою, однако, вовсе не слѣдуетъ разумѣть припонтійскій городъ этого имени (Пендераклію), а совершенно другой, находившійся между Иконіемъ (Коніэ) и Тарсомъ (то есть, Eregli)[4]). Никифоръ, занятый борьбою съ бунтовщикомъ Варданомъ, не въ состояніи

1) Weil, Gesch. der Chalif., II, 157. Ср. Theophan., p. 470 sq.

2) Theophan., p. 473. О мѣстоположеніи Малагинъ см. Partitio regni Byzant., въ Fontes rerum Austriac., XII, 478 (Urkunden zur Geschichte der Republik Venedig, I).

3) См. «Житіе Іоанна Готскаго», <«Труды В. Г. В.», II, 391>.

4) Gibbon, Decline and Fall <v. VI, 36 ed. Bury>: They swept the surface of Asia minor far beyond Tyana and Ancyra, and invested the Pontic Heraclea. Goerres, Zeitschr. f. wissensch. Theologie, XXXIII, 91, увѣряетъ, что gemeint ist das pontische Heraclea, wie schon Gibbon richtig gesehen hat; но онъ не читалъ Вейля и Финлея, которые держатся другого мнѣнія.

былъ противостать Рашиду; ему ничего другого не осталось дѣлать, какъ новымъ обѣщаніемъ дани побудить слишкомъ поспѣшно осмѣяннаго халифа къ отступленію. Торжество надъ Варданомъ и наступившая зима сообщили императору новую смѣлость: онъ еще разъ нарушилъ миръ; халифъ, съ своей стороны, снова перешелъ Тавръ и не прежде ушелъ назадъ, какъ по уплатѣ обѣщанной дани. Это было уже зимою 803 года[1]). Въ слѣдующемъ (804) году Діабриль Ибнъ-Яхъя далъ Грекамъ сраженіе, въ которомъ Никифоръ, по словамъ арабскихъ писателей, потерялъ 40,000 человѣкъ и самъ нѣсколько разъ подвергалъ опасности собственную жизнь[2]). Объ этомъ самомъ походѣ есть и византійскія извѣстія, изъ которыхъ оказывается, что борьба шла уже во Фригіи, и сраженіе происходило при Красѣ[3]). Возмущеніе въ Хорасанѣ заставило Гаруна-ал-Рашида вывести свои войска изъ византійскихъ предѣловъ, и это дало Никифору время собрать новую армію и поправить прежнія потери возстановленіемъ разрушенныхъ городовъ Анкиры, Ѳивасы и Андраса[4]). Но какъ скоро
LXXI дѣла на дальнемъ востокѣ пришли въ порядокъ, халифъ личнымъ появленіемъ остановилъ успѣхи Никифора, который даже переходилъ по ту сторону Тавра и угрожалъ Мопсуестіи и Аназарбу, двумъ опорамъ мусульманскаго владычества въ этихъ краяхъ. Собравъ армію, численность которой опредѣляется въ 135 тысячъ человѣкъ, не считая многихъ добровольцевъ, Гарунъ лично взялъ (въ 806 г.) во второй разъ Гераклею притаврскую и остановился въ Тіанѣ, въ Каппадокіи, гдѣ выстроилъ мечеть[5]); его полководцы покорили возстановленные Ѳивасу и Андрасъ и сверхъ того — Малакопію и Сидирополь; шестьдесятъ тысячъ человѣкъ стали снова подъ стѣнами Анкиры[6]). Никифоръ, не имѣя силъ

---

1) Weil, Gesch. der Chal., II, 159.

2) Weil, ibid.

3) Theophan., p. 481 de Boor.

4) Theophan., p. 481,9: *τὴν Ἄγκυραν τῆς Γαλατίας καὶ τὴν Θήβισαν καὶ τὴν Ἀνδρασόν*. Ср. Weil, Gesch. der Chalif., II, 160. По спискамъ епархій *Ἄδρασος* былъ городъ въ Исавріи: Parthey, Notitiae, p. 85, 130; ‹Georg. Cypr. ed. Gelzer, p. 43. Ср. E. Brooks, Byzantine and Arabs: English Histor. Review, t. 15, p. 728—747›.

5) ‹Ср. Bury, A history of the Eastern Roman Empire, стр. 250›.

6) Theophan., p. 482; Georg. Hamartol., p. 772 de Boor.; Leo Grammat., p. 203; Theodos. Meliten., Chron., p. 140 Tafel.; Cedren., II, 34. Малакопія

защищаться, искалъ мира; императорское посольство состояло
изъ трехъ духовныхъ лицъ — епископа города Синнады, игумена
монастыря Гулейскаго (*τοῦ Γουλαίου*) и Григорія, эконома церкви
Амастридской[1]). На тяжелыхъ и унизительныхъ условіяхъ полу-
ченъ былъ миръ, въ слѣдующемъ (807) году, по обычаю, но уже
въ послѣдній разъ нарушенный Никифоромъ и притомъ не безъ
удачнаго наконецъ разсчета, потому что Византійцы, не смотря на
разореніе принадлежавшихъ имъ острововъ Кипра и Родоса,
одержали на морѣ значительные успѣхи, которые они приписы-
вали чудесной помощи св. Николая въ Мирахъ, и навели страхъ
на мусульманскаго халифа[2]). Въ 811 году Сарацины отняли зна-
чительное количество денегъ, приготовленныхъ для уплаты жало-
ванья войскамъ (1300 литръ золота), у безпечнаго воеводы об-
ласти Арменіаковъ, будущаго императора Льва V; это былъ не
болѣе, какъ хищническій полуразбойничій набѣгъ, но онъ инте- LXXII
ресенъ для насъ тѣмъ, что печальное происшествіе случилось у
города Евхаиты, то есть, опять недалеко отъ Амиса (Сам-
суна)[3]).

Итакъ, за время, которое только и можетъ быть принимаемо въ разсчетъ въ нашемъ изслѣдованіи, исторія, повѣствующая довольно подробно о враждебныхъ столкновеніяхъ халифата съ имперіей, не знаетъ прямого нападенія Сарацинъ на приморскую Амастриду; даже самое названіе Амастриды встрѣчается при этомъ только однажды, да и то не въ числѣ городовъ, пострадавшихъ отъ руки невѣрныхъ. Но за то мы узнаемъ, что враги нѣсколько разъ стояли уже на границахъ (восточныхъ и южныхъ) Пафлагоніи и угрожали, конечно, и паствѣ Амастридскаго епископа. Отъ Самсуна, или древняго Амиса, до Амастриды разстояніе вовсе не такое большое, чтобы можно было оставаться спокойнымъ въ послѣдней, когда въ первомъ утвердилась на зимнія квартиры многочисленная непріятельская армія. Небольшой

теперь Мелегобъ на сѣверъ отъ Нигде (въ Каппадокіи). Сидирополь: если это то же, что *Σελεύκεια σιδηρά*, то теперь — Эгердиръ (въ Писидіи) на югъ отъ большого озера того же имени.

1) Theophan., p. 482.

2) См. Weil, Gesch. der Chal., II, 161; Finlay, I, 120 sq.; Ranke, Weltgesch., V, 2, стр. 209; Theophan., p. 482 sq.; Cedren., II, 35 sq.

3) Theophan., p. 489.

легкій отрядъ очень легко могъ переправиться на западъ рѣки Галиса (Кизиль-Ирмакъ); этого было бы довольно, чтобы распространить по всей Пафлагоніи ужасъ и смятеніе, которые описываются въ приведенномъ нами отрывкѣ Житія. То же самое всегда возможно было и со стороны Ангоры, древней Анкиры, такъ что нѣтъ особенныхъ препятствій признать историческое содержаніе и въ этой части нашего памятника. Если обратить вниманіе на мѣсто, занимаемое повѣствованіемъ о сарацинскомъ нашествіи въ ряду другихъ событій (ранѣе предсказанія логоѳету Никифору и передъ упоминаніемъ о расположеніи къ Георгію Ирины и Константина), то всего скорѣе можно остановиться именно на 797 годѣ, какъ на болѣе соотвѣтствующемъ хронологическимъ условіямъ. Дальнѣйшій непосредственно слѣдующій разсказъ о трапезунтскомъ путешествіи, стоящій въ срединѣ между исторіей сарацинскаго нашествія и замѣткой о возвра-
LXXIII щеніи Георгія въ столицу, конечно, могъ бы при этомъ представлять затрудненія, если бы его необходимо было помѣстить въ небольшой промежутокъ между арабскимъ нашествіемъ и низложеніемъ Константина Ириною (іюль 797 г.). Но уже самимъ авторомъ Житія этотъ разсказъ какъ бы выдѣляется изъ хронологической послѣдовательности фактовъ[1]) и соединяется съ предыдущимъ только посредствомъ указанія на внутреннюю связь, на однородность обоихъ подвиговъ, состоящую въ томъ, что и защита города противъ Сарацинъ, и заступленіе за единоземцевъ въ Трапезунтѣ одинаково говорятъ о преданности Георгія своей паствѣ и родинѣ... Такъ какъ трудно сказать что-нибудь рѣшительное въ вопросахъ такого рода, то мы готовы признать, что исторія сарацинской войны 806 года представляетъ также черты, не противорѣчащія возможности вторженія въ Пафлагонію легкихъ или мелкихъ непріятельскихъ отрядовъ, а роль, которая принадлежала Амастридскому эконому въ мирныхъ переговорахъ съ Гарунъ-ал-Рашидомъ, даже какъ будто заставляетъ предполагать то или другое участіе въ дѣлѣ Амастридскаго епископа. Вообще пріуроченіе сообщаемаго Житіемъ факта, касающагося

1) P. 42,4: *ἑάλωσάν ποτε τῆς αὐτοῦ πόλεως ἔμποροι δημοσίοις ἐν Τραπεζοῦντι συκοφαντηθέντες ἐγκλήμασιν.*

сарацинскихъ войнъ, не представляетъ какихъ-либо непреодолимыхъ трудностей; не слѣдуетъ только упускать изъ виду особенный характеръ нашего источника. Риторика и паѳосъ, расточаемые въ такомъ изобиліи его авторомъ, не должны скрывать отъ нашихъ глазъ небогатую простоту содержанія и скудость чудеснаго элемента, свидѣтельствующую или о нѣкоторой трезвости писателя, или о бѣдности его воображенія. Вся сущность событія, расписываемаго съ такимъ многословіемъ, состоитъ въ томъ, что разъ Агаряне находились не въ дальнемъ разстояніи отъ города Амастриды и свирѣпствовали въ самой епархіи Георгія, что сельскіе жители изъ окрестностей искали себѣ убѣжища за стѣнами этого города, но что опасность миновала и все окончилось грабежомъ, отчасти убійствами, — а главное захва- LXXIV
томъ въ плѣнъ мѣстныхъ жителей. Послѣдняя черта имѣетъ, повидимому, наиболѣе реальное значеніе. Именно въ данный періодъ времени ежегодные почти набѣги Сарацинъ имѣли главною цѣлію уже не столько фанатическую жажду завоеванія, сколько добычу, притомъ живую добычу въ видѣ плѣнниковъ, продаваемыхъ потомъ во владѣніяхъ халифа въ рабство за выгодную цѣну. Гарунъ-ал-Рашидъ въ извѣстномъ смыслѣ являлся не столько завоевателемъ, сколько работорговцемъ[1]). Замѣчено, что это обстоятельство, превращавшее войну въ торговую спекуляцію, вводило нѣкоторую человѣчность въ отношенія ко врагамъ, по крайней мѣрѣ на столько, что поголовное истребленіе населенія въ непріятельской странѣ вовсе не представлялось желательнымъ, что была выгода щадить тѣхъ, кто могъ быть отведенъ на невольничій рынокъ или отпущенъ за приличный выкупъ. Автору нашего Житія принадлежитъ заслуга, что такъ или иначе онъ все-таки признаетъ существованіе подобной человѣчности со стороны Сарацинъ.

Затѣмъ мы опять возвращаемся къ главной своей темѣ въ настоящей главѣ и обращаемъ вниманіе еще на одну черту все того же повѣствованія о сарацинскомъ нашествіи, черту, которая, быть можетъ, даже лишена реальнаго историческаго со-

---

1) «Haroun therefore took the Field in his wars with Byzantine empire more as slave merchant than a conqueror» (Gibbon).

держанія, но для насъ имѣетъ большое значеніе и не столько своею положительною, сколько отрицательною стороною. Георгій явился на стражѣ своего города и на защиту своей паствы съ крестомъ въ рукахъ... Какъ это ни странно, но послѣ Константина Великаго въ православной Византіи, въ жизни и въ духовной литературѣ, крестъ всего рѣже являлся служебнымъ орудіемъ чуда, какимъ онъ является у нашего автора. Эта роль принадлежитъ нерукотворнымъ иконамъ, изображеніямъ Богородицы и святыхъ, посмертнымъ останкамъ послѣднихъ. Такъ, въ самой
LXXV Амастридѣ были мощи св. Іакинѳа, которыя сосѣдній епископъ въ мѣстечкѣ Дадибрахъ, жившій, какъ полагаютъ, въ X вѣкѣ, называетъ «опорой, защитой и оградою города, отражающею всѣ ухищренія и разрушительныя орудія враговъ»[1]). Богородица является постоянно спасительницею и защитницею Царьграда со времени Аварскаго нашествія 626 года. Только однажды византійская столица прибѣгла ко кресту, именно въ 823 году, когда ей угрожала опасность отъ самозванца Ѳомы, стоявшаго съ своимъ разноязычнымъ сбродомъ азіатскихъ племенъ на другой сторонѣ пролива. Но это было при иконоборческомъ императорѣ Михаилѣ II Аморейскомъ, и во главѣ процессіи, которая обходила вокругъ городскихъ стѣнъ съ крестомъ и одеждою (все-таки) Богоматери, стоялъ его сынъ Ѳеофилъ, будущій жестокій врагъ иконъ[2]). Икона прямо соперничала со крестомъ. Иконоборцы, которыхъ совершенно ложно прославили искателями какого-то дружелюбнаго религіознаго соглашенія съ исламизмомъ, напротивъ съ особеннымъ усердіемъ и настойчивостью выдвигали впередъ почитаніе креста, наиболѣе ненавистнаго для мусульманъ символа, а съ другой стороны — противопоставляли его иконамъ, затмившимъ, по ихъ мнѣнію, честь, принадлежавшую орудію нашего спасенія. На множество ладовъ выражается эта мысль въ разнаго рода акростихахъ и эпиграммахъ, сочиненныхъ въ честь креста иконокластами и сохраненныхъ для насъ Ѳеодоромъ Сту-

---

1) Patr. gr., 105, 440: *τῆς Ἀμάστρας τὸ περιτείχισμα καὶ περίφραγμα, μᾶλλον δὲ πύργωμα καὶ στεφάνωμα, πάσας ἑλεπόλεις καὶ μηχανὰς ἀποκρουόμενον ἐχθρῶν.*

2) Theophan. continuat., p. 59; Cedren., II, 81. У Амартола нѣтъ этой подробности.

дитомъ. Вотъ, между прочимъ, одна надпись, которая украшала крестъ, выставленный при одномъ публичномъ зданіи и, очевидно, замѣнившій икону:

Ἄφωνον εἶδος καὶ πνοῆς ἐξηρμένον
Χριστὸν γράφεσθαι μὴ φέρων ὁ δεσπότης
Ὕλῃ γεηρᾷ ταῖς Γραφαῖς πατουμένῃ LXXVI
Λέων σὺν υἱῷ τῷ νέῳ Κωνσταντίνῳ
Σταυροῦ χαράττει τὸν τρισόλβιον τύπον.

«Не перенося, чтобы Христосъ изображался въ безгласномъ видѣ и лишеннымъ дыханія, на земной матеріи, отвергаемой писаніемъ, государь Левъ съ юнымъ сыномъ Константиномъ (Левъ Исавръ съ Константиномъ Копронимомъ) начерталъ сіе треблаженное изображеніе креста». Своихъ противниковъ иконокласты упрекали и обличали въ томъ, что они изгоняли кресты изъ храмовъ и на мѣсто ихъ ставили иконы, которымъ потомъ возжигали свѣтильники и вообще воздавали такую честь, какая подобала бы одному животворящему древу [1]), и т. д. Крестообразно начертанныя слова:

Ἐχθροὺς τροποῦμαι καὶ φονεύω βαρβάρους

(обращаю въ бѣгство враговъ и убиваю варваровъ) служили девизомъ, подъ покровомъ котораго Константинъ Копронимъ выходилъ на битву съ мусульманами и Болгарами.

Не распространяясь болѣе на эту, не лишенную интереса, тему, объяснимъ прямо, къ чему клонится наша рѣчь. Если въ нашемъ Житіи является на сцену крестъ, а не икона, то это обстоятельство опять мы должны отнести къ загадочному стремленію нашего автора умалчивать о матеріальныхъ изображеніяхъ святыхъ лицъ и предметовъ, которое мы уже замѣтили ранѣе, и которому онъ остается вѣрнымъ до конца. Пусть читатель дастъ себѣ трудъ просмотрѣть описаніе святотатственныхъ дѣйствій,

1) Primum quidem honorificas et vivificas cruces de sacris templis expellebant et ad eadem loca imagines statuebant ponebantque lucernas coram eis simul et incensum adolebant, atque eas in tali honore habebant, sicut honorificum et vivificum lignum... Письмо Михаила Косноязычнаго (824 г.) къ императору Людовику, уже разъ нами цитованное. Ср. Theod. Stud. epistolae: Patr. gr., 99, 961.

совершенныхъ Русскими около Амастриды. Что тамъ нѣтъ ни слова объ иконѣ или образѣ, это прямой фактъ; но мы полагаемъ, что внимательный читатель отмѣтитъ не одно мѣсто, гдѣ можно
LXXVII было бы ожидать въ перечисленіи оскверненныхъ или оскорбленныхъ святынь упоминанія о честныхъ инокахъ. Даже исторія трапезунтской поѣздки Георгія давала бы поводъ къ подобному замѣчанію. Во время своего пребыванія въ Трапезунтѣ онъ совершилъ литургію въ простомъ молитвенномъ домѣ одной благочестивой вдовы. Нужно припомнить при этомъ еще одно иконоборческое обвиненіе противъ православныхъ, высказанное въ извѣстномъ намъ посланіи императора Михаила, чтобы позволить себѣ и здѣсь нѣкоторыя догадки, соотвѣтствующія вышеприведеннымъ замѣчаніямъ. Такъ или иначе, но, конечно, не совсѣмъ лишенъ основанія тотъ упрекъ противъ православныхъ, который высказывается въ слѣдующихъ словахъ грамоты: «пренебрегши храмомъ, они употребляли вмѣсто алтарей иконныя доски и даже совершали на нихъ таинство евхаристіи»[1]); по крайней мѣрѣ, отсюда слѣдуетъ, что въ молитвенномъ частномъ домѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ Житіи, еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, несомнѣнно предполагалось присутствіе образовъ, и что при описаніи данной обстановки, особенно если авторъ былъ близокъ къ ней по времени, именно эти священные предметы прежде всего должны были прійти на память. Тѣмъ не менѣе и въ данномъ случаѣ нашъ памятникъ соблюдаетъ совершенное молчаніе объ иконахъ, но за то обнаруживаетъ какое-то особое одушевленіе при описаніи простого, по наружности, факта отправленія литургіи въ частной «молельнѣ»; чудесный элементъ безъ всякаго яснаго для насъ мотива выступаетъ при этомъ на сцену необычно рѣзкимъ образомъ, а затѣмъ слѣдуетъ длинное патетическое прославленіе чуда, которое мы опустили, не находя въ немъ ничего, кромѣ напыщенной декламаціи. Представляется вѣроятнымъ, что собственно авторъ желалъ бы говорить объ иконахъ, но не можетъ себѣ этого позволить и вознаграждаетъ себя за невольное молчаніе не безразсчетнымъ, то есть, для современни-

1) Nonnulli vero, spreta ecclesia, in communibus domibus tabulis imaginum pro altaribus utebantur et super eas sacrum mysterium celebrabant.

ковъ и слушателей его похвалы болѣе, чѣмъ для насъ понят- LXXVIII
нымъ, паѳосомъ. Мы еще возвратимся къ объясненію, почему молчаніе объ иконахъ мы считаемъ не признакомъ антипатіи къ нимъ, а напротивъ молчаніемъ вынужденнымъ. Сначала мы докончимъ обозрѣніе внѣшнихъ событій въ жизни Георгія, имѣющихъ какое-либо историческое значеніе. Въ этомъ отношеніи намъ слѣдуетъ еще отмѣтить самый поводъ путешествія его изъ Амастриды въ Трапезунтъ. Этотъ поводъ состоялъ въ томъ, что вслѣдствіе неизвѣстно кѣмъ сдѣланнаго доноса, были взяты подъ стражу купцы его родного и стольнаго города, обвиненные въ нарушеніи таможенныхъ правилъ.

По словамъ Житія, наказаніе, грозившее за такое преступленіе, было весьма сурово; преступники, заключенные въ тюрьмѣ, ожидали даже смертной казни. Изъ разсказа Ліутпранда (Legatio, cap. 55) мы знаемъ, что и въ послѣдующія времена существовали строгія правила относительно вывоза товаровъ изъ предѣловъ имперіи; иностраннымъ купцамъ, которые нарушили бы ихъ, византійскіе чиновники угрожали тѣлеснымъ наказаніемъ, остриженіемъ волосъ въ знакъ безчестія и штрафомъ. Притомъ существовалъ обычай накладывать на дорогія матеріи пломбу, дѣлать обыски, отбирать запрещенное. Подобнаго рода стѣснительныя правила имѣли силу не только для вывоза, но и для ввоза, не только для внѣшней торговли, но и для внутренней. Императоръ византійскій бралъ десятину съ тѣхъ товаровъ, которые были ввозимы Русскими[1]), а самимъ Русскимъ позволялось покупать въ Константинополѣ паволоки только на извѣстную сумму[2]). По древнѣйшимъ византійскимъ договорамъ съ персидскими Сассанидскими царями, купцы той и другой стороны обязывались провозить свои товары тѣми только путями, на которыхъ LXXIX
стояли царскія таможни, взимающія десятину (и потому называемыя *δεκατευτήρια*)[3]). Пошлина, поступающая въ казну со всякихъ товаровъ, называлась коммеркіемъ *(κομμέρκιον)*, а чинов-

1) Ibn-Chordadbeg, Livre de routes et des provinces, ed. de Goeje (1889), p. 115: Les Russes qui appartiennent aux peuples Slaves - - y vendent des peaux de castor noir et de renard, ainsi que des épées. Le prince des Romains prélève un dixième sur leurs marchandises.

2) См. договоръ Русскихъ съ Греками 945 г., Лаврент. лѣтоп., стр. 48.

3) Menandri Fragm., ed. Dindorf, Histor. graeci minores, II, 21.

ники, взимающіе оную, коммеркіаріями и практорами[1]). Въ «складахъ» *(ἀποθήκη)*, состоявшихъ подъ ихъ завѣдываніемъ, хранились запасы разнообразныхъ предметовъ, такъ какъ не только съ дорогихъ товаровъ и шелковыхъ ткапей, но и съ предметовъ первой необходимости, напримѣръ, съ оливъ и хлѣба, десятинная пошлина взималась натурою по причинѣ недостаточнаго количества монеты, находившейся въ обращеніи. Въ настоящее время намъ извѣстенъ цѣлый рядъ свинцовыхъ печатей, носящихъ имена «коммеркіаріевъ Еллады», а равно значительное количество такихъ чиновниковъ изъ другихъ провинцій (Каппадокіи и т. д.)[2]). Нужно думать, что именно нарушеніе правилъ десятиннаго сбора, замѣченное или открытое трапезунтскимъ коммеркіаріемъ, подчиненнымъ мѣстному воеводѣ (стратигу), было причиною тюремнаго заключенія амастридскихъ купцовъ, что̀ затѣмъ вызвало путешествіе Георгія. Прибавимъ, что за время Константина и Ирины мы имѣемъ два указанія, касающіяся таможен-
LXXX ныхъ пошлинъ: Константинъ понизилъ или же совсѣмъ отмѣнилъ сборъ государственныхъ пошлинъ во время ежегодной ярмарки въ городѣ Ефесѣ, что̀ доставляло казнѣ доходъ во сто литръ (Theophan., p. 469 de Boor); его мать Ирина сдѣлала подобное же облегченіе въ отношеніи къ таможнямъ въ Абидосѣ (на Дарданелльскомъ проливѣ) и Іеронѣ (на Босфорѣ)[3]). Напротивъ, императоръ

---

1) Что коммеркіаріи назывались и практорами, это видно изъ Житія Аѳанасія Аѳонскагб, который родился въ Колхидѣ и воспитывался въ Трапезунтѣ; сюда прибылъ изъ Константинополя одинъ евнухъ въ качествѣ коммеркіарія, который и взялъ съ собою юношу въ столицу: *πέμπεταί τις εὐνοῦχος πράκτωρ ἐν Τραπεζοῦντι· κομμερκιάριον αὐ τὸν οἶδε καλεῖν ἡ Ῥωμαίων φωνή - - μετὰ τὴν τῶν δημοσίων τελεσμάτων - - εἴσπραξιν συναναφέρει ἑαυτῷ καὶ τὸν παῖδα* ‹Житіе преп. Аѳанасія Аѳонскаго, изд. И. Помяловскій (Спб. 1895), стр. 5, 7—15›. Разсказъ относится къ первой половинѣ X вѣка. Въ Лугѣ Духовномъ Іоанна Мосха (VII вѣка) есть повѣствованіе о коммеркіаріи въ городѣ Тирѣ; любопытно, что въ славянскихъ переводныхъ редакціяхъ вмѣсто того ставится прямо выраженіе десятинникъ. См. Ioannis Moschi Pratum Spirituale: Patr. gr. 86, 3, col. 3061. Ср. Макаріевскія Минеи за Октябрь (изданіе Археографической Коммиссіи, 1880 г., стр. 1874): «Въ градѣ Тирѣ бѣ нѣкто десятинникъ - - сущу ми въ кумеркаріи и емлющу десятину у людій гостящихъ».

2) См. статью Мордтманна: Plombs byzantins de la Grèce et Péloponnèse (Revue archéolog., v. 33 (1877), p. 289—298); Schlumberger, Sigillographie de l'empire byzantin, Paris, 1884, pp. 470. 736. 739.

3) Theophan., 475: *τῆς τε Ἀβύδου καὶ τοῦ Ἱεροῦ τὰ λεγόμενα κωμέρκια ἐκούφισεν.* Десять лѣтъ тому назадъ въ Дарданеллахъ, на мѣстѣ древняго Абидоса, найдена была длинная надпись, содержащая — впрочемъ не вполнѣ —

Никифоръ, занимавшій до вступленія на престолъ должность государственнаго казначея *(λογοθέτης τῶν γενικῶν)*, былъ настоящимъ бичомъ для столичныхъ купцовъ и судовладѣльцевъ, которымъ приходилось вносить обычныя «пошлины» *(τὰ συνήθη κομέρκια:* Theophan., p. 487).

По всѣмъ признакамъ, Георгій не пережилъ правленія логоѳета Никифора, которому онъ извѣстнымъ образомъ предсказалъ вступленіе на царство. Это послѣдній государь, имя котораго встрѣчается въ Житіи. Даже предполагая кончину Георгія въ царствованіе Никифора (802—811 гг.), мы все-таки имѣли бы право ожидать при извѣстіи о ней той или другой замѣтки въ томъ смыслѣ, что Богъ не попустилъ своему угоднику дожить до новыхъ тяжелыхъ дней для церкви, до восшествія на престолъ новаго иконоборца, Льва Армянина (813—820 гг.). А, если бы въ самомъ дѣлѣ Георгій дожилъ до 813 года, до начала новаго гоненія на церковь, то упоминаніе объ этомъ сдѣлалось бы совершенно необходимымъ въ томъ или другомъ видѣ. Мы уже замѣтили, что извѣстіе о кончинѣ святаго отличается нѣкоторою краткостію; но все-таки въ немъ сообщаются данныя, могущія служить къ ближайшему хронологическому опредѣленію событія. LXXXI
Сказано, что при погребеніи почившаго Амастридскаго святителя можно было видѣть стеченіе царей и архіереевъ и ихъ слезы, неутѣшный плачъ правителей и управляемыхъ[1]). Такъ какъ и по связи разсказа въ нашемъ Житіи, и по дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ о мѣстѣ нахожденія гробницы Георгія не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ скончался въ Амастридѣ, то это присутствіе императора при погребеніи можетъ, на первый взглядъ, показаться страннымъ. Вотъ, однако, нѣкоторыя соображенія, служащія къ объясненію странности. Во второй годъ своего цар-

---

уставъ о поборахъ съ проходящихъ судовъ; къ сожалѣнію, нѣтъ возможности съ точностію опредѣлить время, къ которому относится любопытный документъ. См. статьи Мордтмана и Цахаріэ: Ein Edict Justinians въ Mittheilungen des deutschen Archäol. Instituts in Athen, Vierter Jahrg. (1879), стр. 307—315. Мордтманнъ относитъ его по разнымъ соображеніямъ ко времени Юстиніана, а Цахаріэ — ко времени Анастасія, но на основаніяхъ довольно шаткихъ. Отчего нельзя думать объ эпохѣ Ирины и Никифора?

1) P. 61,8: *καὶ ἦν ἰδεῖν συνδρομὴν βασιλέων καὶ ἀρχιερέων καὶ δάκρυα, θρῆνον ἀρχόντων καὶ ἀρχομένων ἀπαράκλητον.*

ствованія, въ декабрѣ 803 года, Никифоръ призвалъ къ соправительству и короновалъ своего сына Ставракія (Theophan., p. 480), такъ что съ этого времени было два императора. Съ другой стороны, изъ исторіи арабскихъ походовъ намъ извѣстно, что въ первые годы своего правленія Никифоръ нѣсколько разъ стоялъ лично во главѣ своей рати. Одинъ разъ, именно въ 806 году, онъ былъ сопровождаемъ и сыномъ своимъ Ставракіемъ. Арабскій историкъ повѣствуетъ, что при заключеніи въ этомъ году мира Никифоръ обязался заплатить хараджъ (поголовную дань) за себя и за своего сына, но что Гарунъ-ал-Рашидъ безъ выкупа отпустилъ изъ плѣна дѣвицу, взятую въ плѣнъ въ Гераклеѣ, о которой было извѣстно, что она была близка къ Ставракію. Вѣроятно, оба императора оставались здѣсь до лѣта 807 года, когда унизительный мирный договоръ былъ ими нарушенъ, византійская армія снова ходила за горы Тавра, къ крѣпости Аназарбу и одержала значительную побѣду надъ арабскимъ военачальникомъ при Тарсѣ[1]). При этомъ случаѣ, то есть, во время своего пребыванія въ Азіи, оба императора легко могли явиться въ Амастриду для участія въ погребальномъ торжествѣ,
LXXXII для воздаянія послѣдней почести архіерею, имѣвшему особыя права на ихъ уваженіе. Послѣ 806 и 807 годовъ Никифоръ находился въ мирѣ съ Сарацинами и занятъ былъ постоянною борьбою съ болгарскимъ княземъ Крумомъ, такъ что въ послѣдніе годы его правленія пребываніе его въ Малой Азіи невѣроятно. Отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе вѣроятный срокъ кончины Георгія находится между 802 и 807 годами. Возвращаясь назадъ, мы можемъ прибавить, что отсюда же слѣдуетъ бо́льшая вѣроятность въ пользу 797 года предъ 806 г. относительно времени посѣщенія Арабами окрестностей Амастриды, при которомъ дѣятельную роль ободрителя и спасителя разыгралъ герой нашего Житія.

---

1) Weil, Geschichte de Chalif., II, 161.

VII.

Характеристическое умолчаніе объ иконахъ и объясненіе онаго.

Наиболѣе важнымъ результатомъ нашего анализа Житія Георгія Амастридскаго все-таки является то наблюденіе, что писатель постоянно и во всемъ своемъ сочиненіи умалчиваетъ объ иконахъ, и что это молчаніе не можетъ быть объясняемо какою-либо случайностію, а, напротивъ, имѣетъ видъ тенденціозности или, по крайней мѣрѣ, сознательной намѣренности. Трудно представить себѣ, чтобы писатель, близкій къ эпохѣ иконоборства (авторъ нашего Житія несомнѣнно находился въ такихъ условіяхъ), повѣствуя о святомъ, жизнь котораго отчасти протекла въ періодъ гоненія на православіе и во всякомъ случаѣ не могла обойтись безъ столкновеній съ ересью, — чтобы такой писатель могъ по какой-либо причинѣ совершенно упустить изъ виду наиболѣе существенную точку зрѣнія для опредѣленія церковныхъ заслугъ и достоинства своего героя. Недостатокъ исторической памяти, недостатокъ живого воображенія, препятствующій писателю перенестись въ прошедшую, хотя и не очень отдаленную эпоху, риторическое направленіе, мало заботящееся объ обстоятельности разсказа, о соотвѣтствіи содержанія мѣсту и времени, — все это не LXXXIII
было бы для насъ достаточнымъ объясненіемъ загадочнаго молчанія. Мы замѣчаемъ, что авторъ все-таки имѣетъ близкое знакомство съ обстановкою первоначальныхъ лѣтъ жизни Георгія: онъ указываетъ мѣста его первыхъ духовныхъ подвиговъ и объ одномъ изъ этихъ мѣстъ говоритъ тономъ живаго сочувствія; хотя и не вполнѣ рѣшительно и безусловно, но все-таки довольно легко главнѣйшіе факты изъ жизни святаго пріурочиваются къ извѣстнымъ и несомнѣннымъ историческимъ даннымъ; даже его чудеса, носящія, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно прозрачный характеръ и легко сводимыя къ естественнымъ процессамъ, если мы выдѣлимъ современное автору міросозерцаніе, не уничтожаютъ и не поглощаютъ вполнѣ историческаго содержанія, а отзываются, напротивъ, живою, хотя и прошедшею дѣйствительностью. Только одна черта этой прошедшей дѣйстви-

тельности оказывается тщательно затушеванною. Что это сдѣлано не безсознательно и не безъ намѣренности, хотя бы и вынужденной, еще болѣе явствуетъ изъ слѣдующаго обстоятельства, которое заслуживаетъ величайшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что оно не бросается въ глаза при первомъ чтеніи памятника. Нельзя сказать, чтобы слово «образъ, икона» не встрѣчалось въ Житіи Георгія Амастридскаго. Напротивъ, хотя во всемъ Житіи (повторяемъ) ни разу не упомянуты матеріальныя изображенія посредствомъ досокъ, красокъ или мозаики, обозначаемыя выраженіями *εἰκών* и *τύπος*, самыя эти выраженія встрѣчаются весьма часто; они постоянно находятся на языкѣ писателя, какъ любимыя его выраженія; замѣчательно только то, что они всегда имѣютъ отвлеченный, переносный смыслъ, такой смыслъ, въ которомъ эти выраженія могли безобидно быть употребляемы обѣими сторонами, то есть, иконоборцами наравнѣ съ иконопочитателями. Въ нашемъ изложеніи Житія мы уже отмѣтили большую часть такихъ мѣстъ; присоединяемъ теперь нѣкоторыя примѣчанія. О Георгіи говорится, что онъ внимательно читалъ пере-
LXXXIV данныя письменно житія блаженныхъ мужей, находя въ нихъ какъ бы нѣкіе одушевленные образы (по гречески иконы) для жизни по Богу[1]). Но и постановленіе иконоборческаго собора при Константинѣ Копронимѣ гласило, что «возстановлять образы святыхъ посредствомъ матеріальныхъ красокъ и цвѣтовъ на бездушныхъ и глухихъ иконахъ есть предпріятіе богопротивное», но что «добродѣтели святыхъ, какъ онѣ объясняются въ письменныхъ сочиненіяхъ, должны служить намъ какъ бы одушевленными образами (= иконами)»[2]). Такимъ же характеромъ отличается и слѣдующее мѣсто въ Житіи, нами также отмѣченное заранѣе. Георгій, сдѣлавшись пастыремъ амастридской паствы, былъ образцомъ благочестія для ея членовъ. «Взирая на него какъ на нѣкое начертаніе первообраза, они получали въ своихъ душахъ неизгладимое отпечатлѣніе образовъ (по греч. иконъ)

1) Текстъ Житія, 23,5: *τοὺς βίους τῶν μακαρίων ἀνδρῶν ἀναγράπτους παραδεδομένους οἱόν τινας εἰκόνας ἐμψύχους τῆς κατὰ Θεὸν πολιτείας.*

2) Mansi, XIII, 345: *μᾶλλον τὰς τούτων ἀρετὰς διὰ τῶν ἐν γραφαῖς περὶ αὐτῶν (τῶν ἁγίων) δηλουμένων οἱόν τινας ἐμψύχους εἰκόνας ἐν ἑαυτῷ ἀναζωγραφεῖ.* Ср. «Житіе Стефана Новаго» <«Труды В. Г. Васильевскаго», II, 331>, гдѣ приведено опредѣленіе собора 754 года.

добродѣтели»[1]). Здѣсь почти всѣ выраженія, особенно въ греческомъ подлинникѣ, заимствованы изъ терминологіи, относящейся къ матеріальнымъ образамъ, или иконамъ; слова Василія Великаго, что честь, воздаваемая образу, переходитъ на первообразъ *(ἀρχέτυπον)*, были ходячею поговоркою во время борьбы за иконы, перешедшею потомъ по наслѣдству и въ нашу лѣтопись. Слѣдовательно, сюда же относятся и здѣсь же должны быть отмѣчены не только подобныя выраженія, какъ образъ и начертаніе большаго таинства, незапятнанное подобіе образу (55,15: *ἀκηλίδωτον τὸ κατ' εἰκόνα*), но и такія: великое дѣло имѣть предъ собою первообразы (57,5: *ἀρχέτυπα*), то есть, примѣры святыхъ для подражанія. Сюда же наконецъ относятся такія LXXXV
выраженія, какъ a) глаголъ *ἐξεικονίζω* (изображаю, отъ слова *εἰκών*), нѣсколько разъ встрѣчающійся въ Житіи: все полно было плача, все изображало *(ἐξεικονίζοντα)* персидскій плѣнъ Іудеевъ[2]); Георгій изобразилъ въ себѣ *(ἐξεικόνισεν)* Іосифа, Моисея и Аарона[3]) и b) глаголъ *ἀπομάσσομαι*, отпечатлѣваю на себѣ что-либо, или снимаю съ чего-либо оттискъ[4]). Частое употребленіе выраженій, заимствованныхъ отъ иконописанія и принадлежащихъ къ самымъ обычнымъ и ходячимъ выраженіямъ иконоборческой эпохи, ясно доказываетъ, что соотвѣтствующіе матеріальные предметы не были чужды воображенію и памяти писателя. Въ ту эпоху, когда жилъ нашъ авторъ, нельзя было говорить о дѣйствіи на душу отвлеченныхъ образовъ (по-гречески иконъ), не вспомнивъ и не подумавъ объ образахъ (иконахъ) другого рода, о которыхъ, кромѣ того, сейчасъ же напоминали имена императрицы Ирины, патріарха Тарасія и т. д. Итакъ, не вслѣдствіе забвенія, недостатка памяти или какой другой способности авторъ нашего Житія умолчалъ объ отношеніяхъ своего героя къ наиболѣе живому вопросу его и своей эпохи, но по какой-либо другой причинѣ; представленіе и память объ иконахъ,

---

1) Текстъ Житія, стр. 36,5: *εἰς αὐτὸν γὰρ ὥσπερ εἰς ἀρχέτυπον ἀφορῶντες πίνακα, τοὺς τῶν ἀρετῶν χαρακτῆρας ἐναργεῖς ἀπεμάσσοντο - - ἀνεξαλείπτους τὰς τῆς ἀρετῆς εἰκόνας τῇ ψυχῇ ἐναπετυποῦντο.*
2) Ibid. 38,1.
3) Ibid. 58,13.
4) Ibid. 36,7 (приведено въ примѣч. 1 на этой страницѣ) и 57,4.

очевидно, не оставляли его ни на одну минуту, такъ что безсознательно умолчать о нихъ онъ никакъ не могъ.

Однимъ словомъ, фактъ намѣреннаго умолчанія объ иконахъ, иконопочитаніи и иконоборствѣ необходимо признать въ Житіи Георгія Амастридскаго, и только остается найти ему надлежащее объясненіе. Такимъ объясненіемъ никакъ не можетъ быть предположеніе объ иконоборческомъ настроеніи писателя, хотя онъ и употребляетъ одно иконоборческое выраженіе: «живыя иконы», хотя и легко было бы предположить, что онъ принадлежалъ къ тайнымъ приверженцамъ ереси, которые, конечно, оставались
LXXXVI послѣ «торжества православія» въ 842 г. и послѣ перехода на сторону иконопочитанія государственной власти. Тайный врагъ иконъ, конечно, не сталъ бы отзываться о памяти патріарха Тарасія съ такимъ глубокимъ уваженіемъ, не почтилъ бы его эпитетомъ «великій» и не поставилъ бы въ особенную честь своему герою избраніе его этимъ патріархомъ. Хотя мы уже знаемъ, что иконоборцы, — можетъ быть, за нѣкоторыми немногими исключеніями — признавали ходатайство и заступленіе святыхъ и даже допускали почитаніе мощей[1]) и другихъ святыхъ остатковъ, какъ, напримѣръ, ризы Богоматери[2]); но все-таки невозможно, чтобы прахъ несомнѣнно православнаго епископа, не очень давно умершаго, могъ вызвать въ комъ-нибудь изъ нихъ такія чувства восторженнаго почитанія, какія выражаются въ нашемъ памятникѣ. Не тайнымъ иконоборцемъ, наружно подчинившимся церкви до того, что онъ готовъ былъ служить противникамъ своимъ перомъ, написано Житіе Георгія Амастридскаго, а скорѣе православнымъ, почему-либо принужденнымъ скрывать свою ревность къ «святымъ иконамъ». Съ другой стороны нельзя себѣ представить, чтобы убѣжденный почитатель иконъ, говоря передъ паствою, несомнѣнно, православною, вызванный къ тому властными авторитетными лицами, очутился въ такомъ положеніи, которое вынуждало бы его, прославляя патріарха Тарасія, пре-

---

1) См. опредѣленіе иконоборческаго собора 754 года у Mansi, XIII, 345 и въ статьѣ «Житіе Стефана Новаго» («Труды В. Г. Васильевскаго», II, 331).

2) Въ вышеупомянутой процессіи Ѳеофила при отцѣ его Михаилѣ Аморейскомъ вмѣстѣ съ крестомъ вокругъ стѣнъ столицы носима была и одежда Богородицы.

даннаго анаѳемѣ на иконоборческомъ соборѣ 754 года, а равно и другихъ поборниковъ иконопочитанія (самого Георгія), все-таки умалчивать объ иконахъ, когда къ этому не существовало никакого внѣшняго препятствія, то есть, когда и государственная власть не-только была на его сторонѣ, но даже осуждала и преслѣдовала иконоборцевъ, какъ это было послѣ 842 года.

Если мы припомнимъ исторію иконоборческаго періода, то LXXXVII намъ легко будетъ указать время и обстоятельства, при которыхъ для православнаго писателя, вѣрнаго памяти патріарха Тарасія, возможна была литературная дѣятельность подъ условіемъ молчанія объ иконахъ. Когда злѣйшій врагъ иконъ и православія, императоръ Левъ V Армянинъ, палъ на помостѣ придворной церкви жертвою заговора, и на престолѣ возсѣлъ еще закованный въ цѣпи глава заговорщиковъ Михаилъ Косноязычный (Аморейскій), то находившійся въ изгнаніи бывшій патріархъ Никифоръ обратился къ нему съ приглашеніемъ возстановить иконопочитаніе. Были полныя основанія предаваться тѣмъ надеждамъ, которыя выражаемы были въ посланіи патріарха, такъ какъ и прежде Михаилъ разыгрывалъ роль защитника православныхъ и безпрестанно укорялъ Льва Армянина за уничтоженіе образовъ, и теперь, послѣ вступленія въ управленіе имперіею, тотчасъ освободилъ изъ темничнаго заключенія, изгнанія и ссылки многихъ невинныхъ, подвергшихся преслѣдованію за свои религіозныя и церковныя убѣжденія. Какой же послѣдовалъ отвѣтъ со стороны новаго императора на посланіе стараго патріарха, доказывавшаго, что «начертаніе священныхъ фигуръ» *(τῶν ἱερῶν μορφωμάτων ἐκτύπωσιν)* есть истинное отеческое преданіе?

«Хотя императоръ и былъ менѣе чѣмъ кто-либо посвященъ въ тайны словеснаго искусства, такъ какъ онъ, вмѣсто большого имѣнія, получилъ отъ малознающаго отца въ наслѣдство себѣ полное невѣжество; однако онъ пораженъ былъ разумностію и силою доказательствъ патріарха и такъ отвѣчалъ тѣмъ, кто принесъ ему запись:

«Тѣ, которые ранѣе насъ брались за изслѣдованіе церковныхъ догматовъ, сами отдадутъ за себя отвѣтъ предъ Богомъ въ томъ, хорошо или нѣтъ они постановили; а мы предпочитаемъ

удержать церковь въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ нашли ее шествующею. Точно держась такого образа мыслей, мы постановляемъ, чтобы никто не смѣлъ приводить въ движеніе
LXXXVIII языкъ свой ни противъ иконъ, ни за иконы; но пусть пропадетъ и сгинетъ соборъ Тарасія, такъ же какъ и соборъ Константина или недавно вновь собранный при Львѣ, и пусть глубокое молчаніе будетъ правиломъ во всемъ, что напоминаетъ объ иконахъ. Если бы тотъ, кто взялъ на себя трудъ сказать и написать сіе (посланіе), захотѣлъ управлять церковію на указанномъ основаніи, то есть, сохраняя впредь всякое умолчаніе о существованіи и почитаніи иконъ, то пусть онъ сюда явится»[1]). Никифоръ, конечно, не могъ принять такихъ условій и не могъ поступиться своими убѣжденіями въ пользу такой странной политики примиренія и терпимости.

Однако императоръ въ то же время объявилъ, что онъ не будетъ тревожить кого-либо за убѣжденія относительно иконъ: всякій воленъ поступать въ отношеніи почитанія или непочитанія ихъ какъ ему самому заблагоразсудится[2]). Когда Θеодоръ Студитъ, знаменитый предводитель монаховъ, ссылкой и всяческими мученіями запечатлѣвшій свою ревность о вѣрѣ и о точности догматовъ, вмѣстѣ со многими епископами добился аудіенціи у императора и старался убѣдить его въ святости иконъ и необходимости прямого и всеобщаго, для всѣхъ обязательнаго, признанія ихъ, то отвѣтъ былъ полученъ опять въ томъ же смыслѣ: «Можетъ быть, ваши рѣчи и хороши, однако я, до сихъ не почитавшій образóвъ, не поклонявшійся какой-либо иконѣ, не могу съ ними согласиться. Поэтому справедливо будетъ, если и я останусь такъ, какъ былъ, и вы равнымъ образомъ останетесь при
LXXXIX своемъ и будете держаться своего мнѣнія; препятствовать кому-либо въ этомъ я не намѣренъ. Только одного я не могу допустить,

---

1) <Ignatii diaconi Vita Nicephori въ изданіи> Nicephori Constantinopolit. opuscula historica, ed. de Boor, Lipsiae, 1880, p. 209 sq. Амартолъ (p. 695 Muralt.) заставляетъ говорить императора въ силенціумѣ почти тѣ же самыя слова, которыя читаются въ Житіи патріарха Никифора. Ср. Theoph. contin., p. 47. Leo Gramm., p. 211. Sym. Magist., p. 620.

2) Vita Theod. Stud. (à Michaele monacho conscripta), cap. 102 (Patr. gr. 99, 208): *οὔτε δὲ λυπεῖν ὅλως τοὺς αὐτῷ μὴ πειθομένους ἐβούλετο, ἕκαστον διαφεὶς πράττειν ἃ πράττειν εἶχε καθ' ἑαυτόν.*

именно чтобы позволялось выставлять иконы въ самой столицѣ, а вдали отъ нея вы можете это дѣлать, гдѣ кому будетъ угодно» [1]). Церковная политика Михаила, главными правилами которой были терпимость къ иконопочитателямъ и вынужденное молчаніе обѣихъ сторонъ, оставалась въ силѣ и при его сынѣ и преемникѣ Өеофилѣ, съ тѣмъ же самымъ ограниченіемъ относительно Константинополя. Извѣстные намъ изъ церковной исторіи и Четій-Миней случаи жестокаго преслѣдованія и даже мученія монаховъ, вѣрныхъ постановленіямъ Никейскаго собора, не только не доказываютъ того, чтобы Өеофилъ отрекся отъ принциповъ своего рода терпимости, наслѣдованныхъ отъ отца, но даже, напротивъ, доказываютъ, что при Өеофилѣ оставались въ силѣ все тѣ же самые церковные законы. Одни изъ монаховъ подвергались мученіямъ за то, что, увлекаемые ревностію по вѣрѣ, являлись съ обличеніями даже къ самому царю; другіе нарушали постановленіе, запрещавшее имъ являться въ столицу, послѣ того какъ они уже разъ обнаружили свою преданность иконамъ и неукротимую вражду къ противникамъ [2]).

Нужно предполагать то, что̀ само по себѣ естественно, именно, что большинство правовѣрныхъ иконопочитателей все-таки предпочитали спокойно отправлять свои обряды подъ сѣнію изданныхъ правительствомъ законовъ и по возможности старались соблюдать безобидное молчаніе относительно запретнаго пункта, особенно во всякаго рода публичныхъ заявленіяхъ, то есть, поученіяхъ, рѣчахъ и похвалахъ святымъ, назначаемыхъ для чтенія въ церкви. Такъ продолжалось до смерти Өеофила, до 842 года. Намъ говорятъ, что и въ 842 году не послѣдовало совершеннаго успокоенія умовъ и не было достигнуто полное соглашеніе взглядовъ, такъ что иной правовѣрный все-таки могъ оставаться чуждымъ иконопочитанію или по крайней мѣрѣ могъ ради мира умолчать объ изображеніяхъ святыхъ [3]). Что иконоборческая партія держалась по крайней мѣрѣ въ продолженіе четверти столѣтія, послѣдовавшаго за ея пораженіемъ при

1) Vita Theodor. Stud., cap. 118 (Patr. gr., 99, 221).
2) Ср. Hergenröther, Photius, I, 292.
3) Приводимъ замѣчанія и собственныя выраженія изъ вышеозначенной статьи г. Фонъ-Гутцейта (стр. 2).

царицѣ Ѳеодорѣ, это вѣрно, и это мы предполагали не только на основаніи общихъ соображеній, но и положительныхъ историческихъ данныхъ. Но само собою разумѣется, что какъ скоро противъ лицъ, не признающихъ поклоненія иконамъ, вновь произнесена была анаѳема и они были извергнуты изъ церкви, то уже нельзя было считаться православнымъ и правомыслящимъ, отвергая иконопочитаніе или не участвуя въ ономъ. И далѣе вовсе не о мирѣ шло дѣло послѣ 842 года, а объ окончательномъ истребленіи ереси. Мы узнаемъ объ ея продолжающемся существованіи только изъ тѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, которыя говорятъ объ ея преслѣдованіи, о непримиримыхъ отношеніяхъ къ ней православія. Таково посланіе константинопольскаго патріарха Меѳодія къ іерусалимскому, относимое къ 846 году[1]); таково новое осужденіе противъ иконоборческой ереси, произнесенное на соборѣ (перво-второмъ) 861 года при Фотіи. Сообщая объ этомъ послѣднемъ папѣ Николаю, Фотій, правда, говорилъ объ опасностяхъ, угрожающихъ церкви отъ еретиковъ, ее окружающихъ, и между ними упоминалъ тѣхъ, которые презираютъ икону Христа, но далѣе оказывается, что опасность заключалась только въ тайныхъ проискахъ остающихся приверженцевъ нечестія и что новымъ соборнымъ опредѣленіемъ дерзость и безуміе ихъ совершенно сломлены; остается только дымъ отъ прежняго огня[2]). Изъ одной позднѣйшей бесѣды Фотія, открытой и впервые
XCI изданной преѳсв. Порфиріемъ Успенскимъ, а произнесенной съ амвона Великой Церкви въ 867 году, какъ будто слѣдуетъ, что до этого момента въ Софійскомъ храмѣ все еще не были возстановлены иконы, ибо только въ Великую Субботу означеннаго года въ присутствіи царя открытъ былъ живописный образъ Богоматери[3]). Однако не слѣдуетъ выводить отсюда преувеличен-

---

1) Pitra, Iuris ecclesiastici Graecorum monumenta, II, 355—357.

2) *Φωτίου ἐπιστολαί,* ed. Valetta, Lond., 1864, pp. 160 sq. Cp. Hergenröther, Photius I, 428; А. Лебедевъ, Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка, Москва, 1888, стр. 46.

3) Четыре бесѣды Фотія и разсужденіе о нихъ архимандрита Порфирія Успенскаго (С.-Петербургъ, 1864, стр. 32. 38. 79 сл.). Вполнѣ эта бесѣда напечатана Аристархи-беемъ въ греческомъ журналѣ *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια,* 1886 годъ, мѣсяцъ іюль, <и въ изданіи: Photii patriarchae Constantinopoleos orationes et homiliae LXXXIII ed. St. d'Aristarchi, Constantinop., 1900, t. II, pp. 294 sqq.>.

ныхъ заключеній о силѣ и распространенности ереси, будто бы вынуждавшихъ къ соблюденію осторожности. Въ самой бесѣдѣ Фотія говорится, что возстановленіемъ иконы Богородицы уничтожены послѣднія надежды иконопротивниковъ, а еще другая бесѣда Фотія, сказанная, по опредѣленію издателя, преосв. Порфирія, въ іюлѣ или августѣ того же 867 года, прославляетъ окончательное пораженіе всѣхъ ересей и въ числѣ ихъ иконоборства: теперь «уже нѣтъ болѣе иконоборства»[1]). Замедленіе въ украшеніи Софійской церкви достойными ея и столь высокохудожественными иконами, какъ описываемая Фотіемъ, произошло, вѣроятно, изъ-за какихъ-либо частныхъ и техническихъ причинъ, а не ради робкихъ опасеній оскорбить осужденную и преданную анаѳемѣ партію. —Возвращаемся къ прерванной нити нашего разсужденія и къ эпохѣ иконоборческаго компромисса царя Михаила. Само собою разумѣется, что въ данный періодъ времени не мало было написано православными разнаго рода сочиненій, нужныхъ для духовнаго назиданія и церковнаго обихода, въ которыхъ, не смотря на всяческіе поводы, избѣгалось однако всякое упоминаніе объ иконахъ и всякая полемическая выходка. Понятно, что впослѣдствіи такія безцвѣтныя произведенія, свидѣтельствовавшія объ уступчивости и слабости вѣры, не могли пользоваться уваженіемъ и отчасти пропали безслѣдно, отчасти подверглись исправленіямъ и передѣлкамъ; только немногія должны были сохраниться и дойти неприкосновенными до нашего времени. Къ такимъ XCII
немногимъ памятникамъ второго иконоборческаго періода слѣдуетъ относить Житіе Георгія Амастридскаго и, можетъ быть, еще нѣсколько произведеній такого же рода. Нечего и говорить о томъ, что только въ тѣхъ случаяхъ молчаніе объ иконахъ можетъ быть считаемо намѣреннымъ и явнымъ, когда сюжетъ сочиненія прямо требовалъ противнаго; то есть, съ нѣкоторою безопасностью и безошибочностью мы можемъ прилагать свой критерій только къ жизнеописаніямъ такихъ святыхъ, которые были современны иконоборческой эпохѣ и жили въ предѣлахъ Византійской имперіи. На этомъ основаніи совсѣмъ не должны идти въ расчетъ повѣсти о мученикахъ палестинскихъ и армян-

1) Слова преосв. Порфирія въ вышеозначенномъ изданіи, стр. 85 сл. <Ср. Photii orationes et homiliae, t. II, p. 320 Aristarch.>.

скихъ, пострадавшихъ отъ Сарацинъ и не имѣвшихъ никакого отношенія къ иконоборству, не смотря на внѣшній синхронизмъ явленій. Если кто дастъ себѣ трудъ разсмотрѣть съ указанной точки зрѣнія агіографическую литературу второй половины IX и всего X вѣка, то сначала онъ, конечно, пораженъ будетъ богатствомъ матеріала для изученія иконоборческаго періода, который въ ней заключается, а потомъ скоро почувствуетъ утомленіе отъ постоянной и однообразной полемики противъ «звѣроименнаго Льва», «гноеименитаго Константина» и т. п. Краткій обзоръ исторіи гоненія на церковные образа, характеристика нечестивыхъ преемниковъ Льва Исавра или Льва Армянина вводятся въ жизнеописанія даже такихъ святыхъ, которые принадлежатъ къ данному періоду только своимъ дѣтствомъ или даже младенчествомъ. Для примѣра можно указать на житія Николая Студита, св. Іоанникія, патріарха Игнатія и т. п. По этимъ образцамъ и слѣдуетъ судить, какъ было бы написано Житіе Георгія Амастридскаго, если бы оно писалось не до 842 года, а гораздо послѣ. Послѣ довольно обширнаго изученія, посвященнаго памятникамъ агіографіи за вышеозначенный періодъ, мы нашли только одно Житіе, которое, подобно разобранному нами Житію Георгія Амастридскаго, относится по содержанію своему
XCIII къ царствованію Константина и Ирины и однако умалчиваетъ о предшествующихъ и послѣдующихъ бѣдствіяхъ церкви. Мы разумѣемъ Житіе Филарета Милостиваго, которое и по мѣсту дѣйствія сходно съ Житіемъ Георгія Амастридскаго, такъ какъ Филаретъ былъ жителемъ Пафлагоніи. И вотъ всѣ признаки говорятъ, что это произведеніе, живо, хотя и нѣсколько идиллически рисующее жизнь византійскаго земледѣльца и помѣщика въ VIII вѣкѣ по Р. Х., написано въ одно время съ нашимъ сказаніемъ, то есть, при Михаилѣ или Θеофилѣ (820—842 гг.)[1].

Итакъ, судя по внутреннимъ признакамъ, довольно яснымъ и

---

1) Греческій подлинникъ житія Филарета не изданъ, онъ былъ намъ доступенъ въ Парижскомъ кодексѣ 1510. Изъ житія видно, что Филаретъ умеръ при царѣ Константинѣ VII и при этомъ предсказалъ своимъ внукамъ ихъ будущую судьбу; одного изъ нихъ ожидала смерть послѣ 24 лѣтъ монашества. <Житіе издано по этой парижской рукописи А. А. Васильевымъ въ Изв. Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ, т. V. Отрывокъ по аѳонской рукописи былъ напечатанъ раньше Х. М. Лопаревымъ въ Виз. Врем., т. IV>.

рѣшительнымъ, наше Житіе написано ранѣе 842 года; другія, болѣе посторонныя и внѣшнія соображенія могутъ служить къ подтвержденію такого вывода. Между прочимъ, вотъ что не слѣдуетъ опускать изъ виду: не смотря на свои добродѣтели и глубокое уваженіе, которымъ онъ пользовался при дворѣ и на родинѣ, Георгій Амастридскій все-таки оставался второстепеннымъ церковнымъ дѣятелемъ; по значенію своему и подвигамъ онъ никакъ не могъ бы соперничать съ лицами, подобными Ѳеодору Студиту и патріарху Никифору. Трудно поэтому предположить, чтобы память о немъ съ достаточною все-таки обстоятельностію и полнотою подробностей могла сохраниться до болѣе поздняго времени, долѣе одного поколѣнія, если бы она не была закрѣплена письменнымъ преданіемъ уже при младшихъ его современникахъ. Черезъ шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ какое было бы побужденіе вспомнить о забытомъ Амастридскомъ архіереѣ? Даже на родинѣ имя Георгія, перваго архіепископа или митрополита, тѣмъ легче могло быть смѣшано съ другими, что здѣсь же, около Амастриды, помимо св. Іакинѳа, пользовался особеннымъ почитаніемъ другой Георгій, именно извѣстный каппадокійскій великомученикъ[1]). Весь тонъ нашего сочиненія ясно XCIV
говоритъ за его первоначальность, то есть, за то, что это есть не передѣлка какого-нибудь другого Житія, а напротивъ первая хвала святому. Георгій умеръ около 806 года. Авторъ Житія, повидимому, былъ его младшимъ современникомъ и писалъ тогда, когда еще не сошло со сцены слѣдующее ближайшее поколѣніе. Онъ говоритъ, что уже современники святаго, тѣ, которые по рожденію были участниками его жизни, облагодѣтельствованы были рядомъ его удивительныхъ чудотвореній, а для тѣхъ, которые этого не сподобились, но которыхъ имѣло воспріять насту-

---

1) Въ сказаніи объ одномъ изъ чудесъ великомученика Георгія (*διήγησις περὶ τοῦ παραδόξου θαύματος* и т. д.) говорится, что жители Пафлагоніи питаютъ пламенную вѣру ко святому великомученику Георгію, особенно тѣ изъ нихъ, которые живутъ по сосѣдству съ Амастридою (*καὶ μάλιστα οἱ ἐν τῇ περιχώρῳ τῆς Ἀμάστριδος τυγχάνοντες*), гдѣ въ одномъ мѣстечкѣ, именуемомъ Потамъ или Икіаконъ (*ἐν οἷς ἐν τόπῳ τινι λεγομένῳ τοῦ Ποταμοῦ ἤτοι τοῦ Οἰκιακοῦ*), находится прекрасный храмъ, выстроенный во имя его. См. AA. SS., Apr. 23 <Addenda p. XXXV>. Любопытно, что мѣстечко съ такимъ же точно названіемъ — *Ποτάμια*, и съ храмомъ великомученика Георгія находится и въ Каппадокіи близъ Кара-Гиссара: *Ῥίζου, Καππαδοκικά.*

пающее время, для тѣхъ оставались въ запасѣ посмертныя чудеса[1]). Здѣсь довольно ясно различаются два поколѣнія; одно — современное Георгію Амастридскому, и потомъ — другое, которое народилось послѣ его смерти и потому не было свидѣтелемъ его чудесъ при жизни. Но, конечно, были и такія лица, которыя родились, когда Георгій былъ еще въ живыхъ, а потомъ пережили его и такимъ образомъ сподобились того и другого, то есть, быть свидѣтелями или лучше современниками какъ его досмертныхъ, такъ и посмертныхъ чудесъ. Къ сему послѣднему разряду, по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ нашъ авторъ, выражающійся о младшемъ народившемся поколѣніи какъ-то объективно, какъ о постороннемъ въ извѣстной степени и чуждомъ ему. Очевидцемъ чудесъ Георгія при жизни онъ, конечно, не былъ, но точно такъ же не былъ онъ зрителемъ и его посмертныхъ дѣяній.
XCV По крайней мѣрѣ на это нѣтъ никакого намека, потому что даже мѣстоименіе «намъ» въ разсказѣ о наводненіи подразумѣваетъ вообще грѣшниковъ какого бы то ни было времени. Но современникомъ тѣхъ и другихъ чудесъ онъ все-таки могъ быть.

VIII.

Діаконъ Игнатій, какъ вѣроятный авторъ Житія, и Амастридскій епископъ Іоаннъ.

До сихъ поръ мы разсматривали Житіе преимущественно съ точки зрѣнія внутреннихъ признаковъ, могущихъ опредѣлить время его происхожденія, со стороны фактическихъ указаній, въ немъ заключающихся. Теперь не лишнимъ будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно внѣшней формы изложенія, обратить вниманіе на стиль и пріемы, на самую фразеологію нашего памятника, такъ какъ и въ этомъ могутъ содержаться указанія на извѣстную литературную эпоху. Конечно, въ такого рода произведеніяхъ, какъ Житія святыхъ, во всѣ времена господствовали одни и тѣ же общіе традиціонные пріемы, простое житіе,

1) См. текстъ Житія, стр. 56.

какъ произведеніе чисто историческое, всегда отличалось отъ «похвалы» или отъ «Житія съ похвалою», ведущихъ свое происхожденіе отъ классическаго панегирика и содержащихъ въ себѣ элементы ораторской рѣчи. Но все-таки въ отдѣльныхъ произведеніяхъ каждаго рода почти всегда можно уловить или почувствовать признаки извѣстнаго литературнаго періода, а иногда извѣстной школы. Стиль несомнѣнно измѣнялся съ теченіемъ времени; съ особенною осязательностію это ощущается при сравненіи болѣе раннихъ и обыкновенно болѣе содержательныхъ образцовъ агіографической литературы съ позднѣйшими произведеніями этого рода, напримѣръ XII—XIV вѣковъ, когда пустая напыщенность и надутая риторика достигаютъ послѣднихъ своихъ крайностей и совсѣмъ почти изгоняютъ изъ біографическаго по задачѣ труда фактическое содержаніе. Нельзя, XCVI
однако, сказать, что мы обладаемъ надежными и точными данными, которыя могли бы служить критеріемъ для опредѣленія хронологическихъ границъ, въ какихъ должно быть помѣщаемо по своимъ литературнымъ признакамъ то или другое отдѣльное, не имѣющее своей даты, произведеніе. Послѣдовательная смѣна школъ съ преобладаніемъ извѣстныхъ пріемовъ чувствуется только въ общихъ чертахъ и далеко не установлена посредствомъ спеціальнаго изученія; для этого былъ бы нуженъ цѣлый рядъ разностороннихъ и подробныхъ литературно-историческихъ изслѣдованій въ области византійской, столь обильной, агіографической литературы, а таковыхъ пока очень мало. Болѣе отчетливыя представленія мы имѣемъ развѣ только о дѣятельности Симеона Метафраста, между прочимъ потому, что направленіе и общій характеръ его агіографическихъ трудовъ объяснены были самими византійцами [1]). При такомъ положеніи вещей, по отношенію къ нашей задачѣ мы должны будемъ ограничиться нѣсколькими частными и, такъ сказать, непосредственными наблюденіями. Нашъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ: если Житіе Георгія Амастридскаго, дошедшее до насъ безъ имени автора, по внутреннимъ признакамъ содержанія должно быть отнесено къ IX вѣку, то можно-ли доказать, что и по своимъ литератур-

1) См. мою статью «О жизни и трудахъ Симеона Метафраста»: Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 212 (1880 г.).

нымъ признакамъ, по стилю и языку, оно не отличается отъ другихъ извѣстныхъ намъ произведеній той же эпохи? Въ данный періодъ главными представителями византійской письменности въ интересующемъ насъ родѣ были два лица, изъ коихъ одинъ жилъ ранѣе Фотія, а другой послѣ него: первый есть діаконъ Игнатій, а второй — философъ Никита Пафлагонскій. Остановимся сначала на первомъ и посмотримъ, можно-ли отыскать какія-нибудь черты сходства и родства между житіями, вышедшими изъ-подъ его пера, и нашимъ памятникомъ.

XCVII Діаконъ Игнатій является очень замѣчательнымъ дѣятелемъ въ византійской письменности IX вѣка и весьма любопытнымъ представителемъ тогдашняго литературнаго образованія. Свида пишетъ о немъ слѣдующее: «Игнатій, діаконъ и сосудохранитель великой Константинопольской церкви, а потомъ митрополитъ Никейскій, грамматикъ. Онъ написалъ житія Тарасія и Никифора, святыхъ и блаженныхъ патріарховъ, надгробныя элегіи, письма, ямбы на Ѳому бунтовщика, что̀ называютъ *τὰ κατὰ Θωμᾶν*, и многое другое[1]).

Изъ этого многаго другого мы можемъ назвать еще одно житіе, не поименованное Свидою, но въ своихъ надписаніяхъ носящее имя Игнатія, именно житіе Григорія Декаполита, только недавно изданное въ греческомъ подлинникѣ[2]); подобно житіямъ патріарховъ Тарасія и Никифора, оно относится по содержанію своему къ періоду иконоборства. Поэтическія произве-

1) *Ἰγνάτιος διάκονος καὶ σκευοφύλαξ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως, καὶ γεγονὼς μητροπολίτης Νικαίας, γραμματικός, ἔγραψε βίους Ταρασίου καὶ Νικηφόρου τῶν ἁγίων καὶ μακαρίων πατριαρχῶν, ἐπιτυμβίους ἐλέγους, ἐπιστολάς, ἰάμβους εἰς Θωμᾶν τὸν ἀντάρτην, ἅπερ ὀνομάζουσι τὰ κατὰ Θωμᾶν, καὶ ἄλλα πολλά.* Въ настоящее время мы можемъ указать и спеціальное новое изслѣдованіе объ Игнатіи: Ignatii Diaconi tetrasticha iambica 53, versus in Adamum 143, recensuit et brevi adnotatione instruxit Car. Frider. Müller. Praemissa est de Ignatii metrica arte vita scriptis disputatio. Kiliae, 1886. Ср. небольшую статейку de Boor'a: Der Epigrammendichter Ignatius (Hermes, 1888, XXIII, стр. 149—152), направленную противъ Wolters'a (Rheinisch. Museum, XXXVIII (1883), 117). Однако Мюллеру и де-Боору не все было извѣстно, что̀ можно найти объ Игнатіи въ церковной литературѣ.

2) *Μνημεῖα ἁγιολογικὰ νῦν πρῶτον ἐκδιδόμενα ὑπὸ ἱεροδιακόνου Θεοφίλου Ἰωάννου, Βενετίᾳ,* 1884, стр. 129: *Βίος καὶ πολιτεία καὶ μερικὴ θαυμάτων ἐξήγησις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Δεκαπολίτου.* Издано по списку библіотеки св. Марка, въ которомъ имя автора не обозначено, но оно указано въ другихъ рукописяхъ: см. ниже.

денія Игнатія, отмѣчаемыя Свидою, до насъ не дошли, за исключеніемъ нѣсколькихъ элегій, но за то извѣстны другія, опять подразумѣваемыя подъ общимъ указаніемъ на многое другое. Особеннаго вниманія заслуживаетъ странное, причудливое по формѣ изложеніе басенъ Эзопа или Бабрія въ видѣ ямбическихъ четверостишій. Именно нашего діакона Игнатія имѣютъ въ виду слѣ- XCVIII
дующія слова знаменитаго французскаго баснописца (Лафонтена):

Mais surtout certain Grec renchérit et se pique
D'une élégance laconique;
Il renferme toujours son conte en quatre vers;
Bien ou mal, je le laisse à juger aux experts.

Сверхъ того имя Игнатія Константинопольскаго носятъ стихи на Адама (*Ἰγνατίου στίχοι εἰς τὸν Ἀδάμ)*, излагающіе исторію грѣхопаденія отчасти въ драматизированной формѣ. Небольшая пьеса «Игнатія діакона грамматика на Павла своего ученика», въ которой оплакивается скоротечность человѣческой жизни, можетъ быть отнесена къ разряду надгробныхъ элегій, упомянутыхъ Свидою[1]). Въ греческой антологіи встрѣчается нѣсколько эпиграммъ съ именемъ Игнатія, но не всѣ онѣ могутъ принадлежать нашему діакону: оказывается, что былъ еще другой писатель Игнатій позднѣйшаго времени, который отличается отъ болѣе ранняго своего предшественника титуломъ «магистра грамматиковъ» — гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ званіе простого грамматика[2]). Наконецъ, имя Игнатія носитъ такъ называемый XCIX

1) Стихотвореніе на Адама напечатано вновь у Мюллера, стр. 28 сл.; стихотвореніе *Εἰς Παῦλον τὸν ἴδιον μαθητήν* впервые издалъ Matranga, Anecdota graeca (Romae, 1850), II, 664.

2) Antholog. Palat., c. I, 109 <vol. I, p. 13 Dübn. = Anthol. gr. ed. Stadtmueller, vol. I, p. 29>:

Ἰγνατίου τοῦ μαγίστορος τῶν γραμματικῶν
εἰς τὸν ναὸν τῆς παναγίας θεοτόκου εἰς τὴν Πηγήν.
Πτωθέντα κοσμεῖ τὸν ναὸν τῆς παρθένου
Βασίλειός τε σὺν Κωνσταντίνῳ Λέων.

(Упавшій храмъ Дѣвы украсилъ Василій съ Константиномъ и Левъ. — Разумѣется Василій Македонянинъ съ своими сыновьями соправителями, изъ коихъ Константинъ умеръ въ 880, а Левъ получилъ титулъ императора въ 870 году). Другая эпиграмма, Anthol. Palat., XV, 39 <vol. II, p. 514 Dübn.>:

Ἰγνάτιος τάδε τεῦξεν, ὃς εἰς φάος ἤγαγε τέχνην
γραμματικὴν λήθης κευθομένην πελάγει.

«Нравственный алфавитъ» или увѣщаніе отрокамъ, начинающимъ ученіе, изложенный такъ, что начальныя буквы стиховъ идутъ въ порядкѣ греческаго алфавита:

Ἄκουσον, ὦ παῖ, τῆς ἐμῆς συμβουλίας,..
Βλέψον πρὸς αὐτὴν μᾶλλον ἢ πρὸς ἄλλό τι [1]).

Учителемъ Игнатія какъ вообще въ словесномъ искусствѣ, такъ въ частности въ наукѣ стихосложенія, изъ которой онъ потомъ не всегда дѣлалъ разумное приложеніе, былъ никто другой, какъ самъ знаменитый поборникъ иконопочитанія, патріархъ Тарасій († 806). Въ жизнеописаніи сего послѣдняго, Игнатій съ благодарностію воспоминаетъ о великой пользѣ, которую онъ извлекъ изъ наставленій Тарасія, когда онъ еще въ лѣта первой юности былъ имъ посвящаемъ въ тайны тетраметровъ, анапестовъ и стиха героическаго. Далѣе мы узнаемъ, что въ качествѣ вѣрнаго и преданнаго ученика и, конечно, въ санѣ діакона Великой церкви, Игнатій потомъ стенографически записывалъ начерно поученія или бесѣды Тарасія, передавалъ записанное лучшимъ каллиграфамъ и вообще приводилъ все въ порядокъ для изданія въ свѣтъ. Послѣднее, очевидно, относится ко времени патріаршества Тарасія, такъ какъ онъ возведенъ былъ на каѳедру (въ концѣ 784 г.) прямо изъ міряпъ и, слѣдовательно, ранѣе того не могъ произносить публичныхъ поученій во храмѣ. Относительно Игнатія отсюда вытекаетъ такое заключеніе, что въ патріаршество Тарасія, ранѣе 806 г., онъ достигъ по крайней

(Игнатій это сочинилъ, который вывелъ на свѣтъ грамматическое искусство, погруженное въ морѣ забвенія. — Діаконъ Игнатій не могъ этого сказать о себѣ, такъ какъ самъ научился грамматикѣ у Тарасія). Ср. XV, 29. 30. 31 (vol. II, p. 512) — надгробныя надписи себѣ, Павлу Монаху (то же, что у Матранги) и Самуилу, діакону Великой Церкви: послѣднія могутъ принадлежать нашему діакону Игнатію. — **Грамматикъ** первоначально означаетъ учителя, наставника юношества = praeceptor erudiendae iuventuti praesidens (Cod. Theod., XIII, 3. 11. VI, 21. 1. Cod. Iustin., I, 27, 1, 42). Замѣтимъ еще, что при Ѳеофилѣ былъ Игнатій, носившій титулъ «вселенскаго учителя» (*τοῦ οἰκουμενικοῦ διδασκάλου:* Theophan. contin., p. 143), который тоже сочинялъ эпиграммы. <Ср. Krumbacher, Geschichte der byzant. Litteratur, стр. 720>.

1) <Издалъ C. Fr. Müller, Rhein. Mus., 46, 321 сл. Тамъ же и Byz. Zeitschr., III, 520 сл. о другомъ «Нравственномъ алфавитѣ», который напрасно присвоилъ Игнатію діакону Migne> Patr. gr., 117, 1175.

мѣрѣ двадцатипятилѣтняго возраста, канонически необходимаго для посвященія въ діаконы. По ходу рѣчи въ приводимомъ нами отрывкѣ житія (подлинный текстъ сообщается внизу)[1]) видно, что свѣтское обученіе, и только оно одно, относилось къ начальнымъ годамъ юности Игнатія. Конечно, тутъ можно понимать личное и частное литературное вліяніе или даже обученіе, и въ такомъ случаѣ оно также могло совпадать съ первымъ періодомъ двадцатидвухлѣтнаго патріаршества Тарасія, но вѣроятнѣе, что такія занятія предшествовали возведенію Тарасія на многотрудное церковное служеніе, то есть, происходили въ то время, когда онъ носилъ должность и званіе «царскаго секретаря» и между прочимъ завѣдывалъ хорами придворныхъ пѣвчихъ, которыхъ необходимо было обучать не только грамотѣ, но и чему-нибудь большему (см. выше, стр. XXXII). Припомнимъ, что и на Западѣ знаменитая Палатинская школа Карла Великаго возникла изъ необходимости извѣстнаго образованія для пѣвчихъ придворной капеллы. Въ такомъ случаѣ діаконъ Игнатій учился у Тарасія одновременно съ пребываніемъ въ Константинополѣ юноши Георгія, прибывшаго съ дядею изъ Амастриды около 785 г., и былъ развѣ немногимъ его моложе, то есть, родился приблизительно около 770—774 года.

Изъ описанія послѣднихъ дней жизни Тарасія видно, что Игнатій былъ очевидцемъ его кончины; однако онъ приступилъ къ составленію его біографіи не тотчасъ послѣ его смерти (806 г.), но гораздо послѣ, когда уже существовала опасность забвенія по отношенію къ дѣяніямъ и заслугамъ бывшаго патріарха. Онъ разсказывалъ, что̀ видѣлъ своими глазами, слы- CI
шалъ собственными ушами, что̀ лично испыталъ и что̀ могла со-

1) <Ignatii diaconi Vita Tarasii archiepiscopi Constantinopolitani. Graece primum edidit I. A. Heikel: Acta Societatis Scientiarum Fennicae, t. XVII, стр. 423; въ отдѣльныхъ оттискахъ—стр. 29>: *οὐ γὰρ ἐπιλήσομαι τῆς σῆς εἰς ἐμὲ διδασκαλίας τὸ χρήσιμον οὐδὲ τῆς πρὸς σέ μου θερμῆς ὑπηρεσίας τὸ μέτριον, τῆς μὲν ἐντρυφήσας ἐν ἀκμῇ τῆς νεότητος καὶ μυηθεὶς ἐκ σοῦ τριμέτρων καὶ τετραμέτρων τροχαϊκῶν τε καὶ ἀναπαιστικῶν καὶ ἡρώων ποιημάτων τὰ κράτιστα, τὴν δὲ τελέσας ἐν ταῖς ὑπὸ σοῦ μεμελημένως ὡμιλημέναις ἱερολογίαις ὁσήμεραι πρὸς ψυχῶν οἰκοδομὴν καὶ τῆς καθόλου σεπτῆς ἐκκλησίας ἐπαύξησιν, ἃς ὀξυγράφῳ καλάμῳ καὶ μέλανι σημειούμενος καὶ καλλίστοις γραφεῦσι μεταδιδοὺς ἐν δέλτοις τεχνικῶς ἀνατάττεσθαι διεσπούδακα.*

хранить его «бѣдная память»[1]). Авторъ тогда достигъ уже преклонной старости[2]).

Изъ житія Тарасіева преемника Никифора мы узнаемъ, что діаконъ Игнатій пользовался также назидательными бесѣдами и этого патріарха[3]). Но здѣсь уже не разумѣется ученое или литературное образованіе, а религіозное или, лучше сказать, богословское. Изъ патетическаго обращенія ученика къ своему духовному умершему наставнику, обращенія, составляющаго заключительную главу въ Житіи, обнаруживается слѣдующій знаменательный и любопытный фактъ: Игнатій особенно нуждался въ заступленіи предъ Богомъ и молитвахъ своего бывшаго учителя, такъ какъ онъ, хотя и «оставался въ глубинѣ своей души вѣрнымъ его наставленіямъ, хотя и сохранилъ неоскверненнымъ свое сознаніе, но все-таки запятналъ себя общеніемъ съ еретиками» и далъ имъ какое-то рукописаніе. Чтобы снова вступить на прямой путь, Игнатій не нуждался въ знаніи и не имѣлъ нужды въ наученіи; благозвучныя слова назидательныхъ бесѣдъ патріарха Никифора такъ отпечатлѣлись въ душѣ его, что онъ все-таки сохранилъ въ своемъ сердцѣ, какъ нѣкое сѣмя, чистоту догматическаго ученія *(τὸ εἰλικρινὲς τοῦ δόγματος)*. Но и послѣ своего возвращенія на правый путь, отъ котораго онъ временно уклонился, грѣшникъ нуждался въ помощи и предстательствѣ святаго, нуждался въ покаяніи, строгой эпитиміи и слезахъ. «Будь поручителемъ души моей предъ Господомъ», взываетъ онъ къ своему наставнику, «и объясни Тому, Кто все вѣдаетъ прежде, чѣмъ что-либо совершится, что не по произволенію своего ума при-
CII бѣгнулъ я къ логовищу (Итавирію) еретиковъ и что не былъ я уловленъ ихъ сѣтями и соблазнительными приманками, но запертъ былъ жестокими угрозами, преградившими мнѣ всякій путь къ

---

1) Въ началѣ житія ‹стр. 395 = 1› говорится: *ὅσαπερ ὀφθαλμοῖς ἰδεῖν ἠξίωμαι καὶ ὅσα τοῖς ὠσὶν ἐνήχημαι καὶ ὅσα πεπείραμαι καὶ ἐν τῇ πενιχρᾷ μου μνήμῃ μένειν ἐπίσταμαι - - εἰς φῶς ἀγαγεῖν - πειράσομαι.*

2) *Ἀπορίᾳ λόγου καὶ γήρᾳ καὶ νόσῳ καμπτόμενος,* говоритъ Игнатій о себѣ въ концѣ житія ‹стр. 423 = 29,25›.

3) Житіе патріарха Никифора издано вновь де-Booромъ при историческихъ сочиненіяхъ Никифора: Nicephori Constantinopolitani opuscula historica, ed. de Boor. Accedit Ignatii diaconi vita Nicephori, Lipsiae, 1880 (ранѣе оно было напечатано въ Acta Sanctorum Болландистовъ). См. то, что̀ читается въ изданіи de-Boor'а p. 215 въ концѣ и 216 въ началѣ.

бѣгству, злымъ образомъ взятъ былъ въ плѣнъ путами уловляющихъ душу»[1]). Очевидно, что подъ еретиками здѣсь нужно разумѣть иконоборцевъ, которые снова восторжествовали послѣ восшествія на престолъ Льва Армянина; діаконъ Игнатій, вѣроятно, принадлежалъ къ числу тѣхъ нетвердыхъ послѣдователей иконопочитанія, которые признали компромиссъ молчанія и соглашенія, предложенный въ слѣдующее царствованіе, при Михаилѣ Косноязычномъ (см. выше, стр. LXXXI). О такъ называемыхъ «прелюбодѣйникахъ» (Moechiani), противъ которыхъ боролся Ѳеодоръ Студитъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи, потому что къ числу ихъ причислялся строгими ревнителями каноновъ и самъ патріархъ Никифоръ.

Житіе Григорія Декаполита представляетъ, подобно двумъ предыдущимъ, важный источникъ для изученія иконоборческаго періода. Принадлежность его Игнатію засвидѣтельствована надписаніемъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ его списковъ[2]). Преподобный Григорій былъ уроженецъ Исаврійскаго Декаполя, принялъ монашество и подвизался первоначально въ Азіи, послѣ перебрался въ Европу, побуждаемый желаніемъ борьбы съ еретиками-иконоборцами, во главѣ которыхъ стоялъ самъ царь[3]); плавая по Эгейскому морю, онъ попалъ было въ руки «славянскихъ» морскихъ разбойниковъ, но былъ ими отпущенъ безъ вреда и достигъ Солуня, гдѣ оставался недолгое время; онъ посѣтилъ Италію и городъ Римъ; въ Отранто имѣлъ встрѣчу съ мѣстнымъ епископомъ, стоявшимъ на сторонѣ иконоборцевъ; послѣ возвращенія въ Солунь, вознамѣрился искать себѣ убѣжища и спокойствія по сосѣдству въ славянскихъ предѣлахъ, но воротился назадъ въ виду предстоявшаго междоусобія и кровопролитія между тамошними обитателями, что онъ предузналъ вслѣдствіе бывшаго ему откровенія. Изъ Солуня Григорій прибылъ въ Константинополь и здѣсь пользовался гостепріимствомъ

1) Pag. 216.

2) Cod. Paris. 505. *Βίος καὶ θαύματα τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου, συγγραφεὶς ὑπὸ Ἰγνατίου, διακόνου καὶ σκευοφύλακος τῆς τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας.* Издатель не пользовался этимъ спискомъ, съ котораго я еще ранѣе успѣлъ снять копію, пригодную теперь развѣ для разночтеній.

3) *Μνημεῖα ἁγιολογ.*, p. 139: *καὶ γὰρ ὁ τῆς αἱρέσεως τῶν χριστιανοκατηγόρων κολοφὼν, μέγα κρατῶν, ἐβρενθύετο.*

автора жизнеописанія, то есть, діакона Игнатія[1]). Послѣдній
былъ также хорошо знакомъ съ ученикомъ Григорія, по имени
Іоанномъ, и отъ него узналъ объ одномъ случаѣ въ жизни свя-
таго, имѣвшемъ характеръ чуда (онъ вдругъ сдѣлался невидимъ).
Послѣ путешествія по Илліріи Григорій прибылъ во второй разъ
въ столицу съ цѣлію посѣтить извѣстнаго тогда подвижника Си-
меона, заключеннаго царемъ въ темницу за свою ревность къ
иконамъ и только-что изъ нея выпущеннаго[2]); здѣсь Григорій
вскорѣ скончался. Вообще вся жизнь Григорія протекла въ эпоху
иконоборства, но никакъ не въ первый его періодъ, какъ думалъ
Бароній (sub anno 731), а во второй, начавшійся при Львѣ
Армянинѣ. Григорій оставилъ послѣ себя назидательную повѣсть
о чудѣ св. Георгія великомученика, сопровождавшемся обраще-
ніемъ одного знатнаго Сарацина въ христіанство[3]). Изъ учени-
ковъ его, кромѣ Іоанна, который отличался даромъ краснорѣчія,
особенно прославился литературною дѣятельностью Іосифъ Гим-
нографъ, величайшій изъ духовныхъ поэтовъ греческой церкви.
Изъ Житія сего послѣдняго мы узнаемъ, что, когда онъ освобо-
дился изъ агарянскаго плѣненія на островѣ Критѣ — а это по
ходу разсказа относится къ царствованію Михаила Косноязыч-
наго (820—829), — то уже не нашелъ въ живыхъ своего
учителя, Григорія Декаполита. Іосифъ нѣкоторое время оста-
CIV вался вмѣстѣ съ ученикомъ и ревнителемъ умершаго, вышеупо-
мянутымъ Іоанномъ[4]). Приведенныя данныя интересны для насъ
потому, что указываютъ на существованіе извѣстнаго литера-
турнаго круга, или школы, съ которою діаконъ Игнатій близко
соприкасался. Объ Іоаннѣ онъ отзывается съ глубокимъ уваже-
ніемъ, но объ Іосифѣ (въ житіи Григорія), къ удивленію, умал-
чиваетъ. По всѣмъ признакамъ житіе Григорія написано или при
царѣ Ѳеофилѣ (829—841), или же вскорѣ послѣ возстановленія

1) *Μνημεῖα ἁγιολογ.*, cap. 20, p. 150: *πρὸς τὸ Βυζάντιον κατέπλει, ἐν ᾧ ξενίζεται παρ᾽ ἐμοί.*

2) *Μνημεῖα ἁγιολογ.*, объ Іоаннѣ p. 154; о Симеонѣ и кончинѣ Григорія p. 160.

3) Напечатано въ Acta Sanctor. подъ 23 числомъ апрѣля.

4) Vita s. Iosephi Hymnographi: Acta Sanctor. april., t. I, d. 3, cap. III, 23 и 24 = Patr. gr., 105, 960 sq.

иконопочитанія, когда окончательное торжество православія не считалось совершенно обезпеченнымъ[1]).

Игнатій былъ авторомъ нѣсколькихъ церковныхъ каноновъ, какъ-то св. Іакову, жившему въ первый періодъ иконоборства (см. служебную Минею — 21 марта), и на перенесеніе мощей его учителя, патріарха Никифора (тамъ же 13 марта). Въ послѣднемъ говорится: «побѣдами вѣнчалъ еси церковь, прелесть отогнавъ злословія, побѣдоносецъ сущо бывъ, и освящаеши міра концы перенесеніемъ мощей твоихъ». Перенесеніе въ столицу тѣла патріарха Никифора, умершаго въ изгнаніи, послѣдовало на четвертый годъ послѣ воцаренія Θеодоры, то есть, въ 846 году[2]). Нужно думать, что около этого же времени — можетъ быть нѣсколько ранѣе 846 года — Игнатій написалъ и житіе патріарха Тарасія; что же касается біографіи Никифора, то она была сочинена, очевидно, вскорѣ послѣ кончины его[3]).
Когда именно Игнатій возведенъ былъ въ санъ Никейскаго ми- CV
трополита, угадать довольно трудно; но во всякомъ случаѣ это было ранѣе Фотія и его перваго патріаршества (857—868). На соборѣ 869 года, низложившемъ Фотія, подписался Ники-

---

1) Въ концѣ житія, въ молитвенномъ обращеніи къ Григорію (*Μνημεῖα ἁγιολογ.*, 163), авторъ проситъ, чтобы онъ даровалъ миръ церкви и страшнымъ теперь жезломъ своей молитвы прогналъ ереси, какъ нѣкіихъ притихшихъ и изподтишка кусающихъ псовъ: *ὡς κύνας ἐννεοὺς καὶ λαθροδήκτας*.

2) *Θεοφάνους πρεσβυτέρου λόγος εἰς τὴν ἐξορίαν τοῦ Νικηφόρου πατριάρχου καὶ εἰς τὴν μετακομιδὴν τοῦ τιμίου λειψάνου αὐτοῦ: Μνημεῖα ἁγιολογ.*, p. 124: *Χρόνου τοιγαροῦν ἐκ τούτου τετραετοῦς παροιχομένου...*

3) Въ самомъ началѣ житія Никифора (p. 201) указывается на то, что поводомъ къ сочиненію была кончина его и разлука съ нимъ. Варда, двоюродный братъ Льва Армянина, принимавшій участіе въ преслѣдованіи Никифора послѣ его низложенія, еще остается въ живыхъ, но всякій можетъ видѣть на немъ признаки постигшаго его вскорѣ (черезъ четыре года) наказанія. Бѣдствія, послѣдовавшія за низложеніемъ Никифора и ознаменовавшія правленіе Льва, еще продолжаются (p. 207,20): *ἐξ ἐκείνου γὰρ καὶ μέχρι νῦν τὸ δεινὸν τῆς ἐμφυλίου συμφορᾶς ἐπικρατῆσαι συμβέβηκε νόσημα* (послѣднія слова повторены Амартоломъ, ed. Muralt p. 681). Кончина Никифора (въ 829 г.) послужила поводомъ къ бо́льшей смѣлости и дерзости еретиковъ, какъ это можно наблюдать изъ того, что̀ мы видимъ, говоритъ авторъ (p. 214,26): *ὅσην δὲ θυμηδίας καὶ παρρησίας ἀφορμὴν δεδωκὼς τοῖς κακόφροσιν ἐκ τῶν δρωμένων εὐπετὲς συνιδεῖν* и т. п. — Объ Амартолѣ нужно замѣтить, что онъ писалъ свою хронику около 860 года и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ пользовался сочиненіемъ Игнатія о Никифорѣ. Ср. разсказъ о воцареніи Михаила Аморейскаго (Muralt, p. 694) съ тѣми строками, которыя посвящены этому событію въ жизни патріарха (p. 209).

форъ, а впослѣдствіи, — именно, послѣ смерти патріарха Игнатія († 877), — онъ, какъ приверженецъ и ставленникъ Игнатія, былъ низложенъ Фотіемъ, снова восшедшимъ на патріаршій престолъ; мѣсто Никифора занялъ Амфилохій, а въ 880 году митрополитомъ Никейскимъ былъ Григорій Асвеста[1]). Такъ какъ примирительное отношеніе Игнатія къ иконоборцамъ относится только ко времени, предшествовавшему кончинѣ оплаканнаго имъ патріарха Никифора, а затѣмъ онъ снова (уже въ біографіи Никифора) заявилъ себя ревностнымъ приверженцемъ иконопочитанія, то едва ли онъ могъ достигнуть высокаго іерархическаго положенія при Θеофилѣ (829—841); тогда на Никейской каθедрѣ возсѣдалъ еретикъ Ингеръ, на ряду съ которымъ упоминается православный Петръ, вѣроятно его предшественникъ[2]). Итакъ для Игнатія остается только промежутокъ между 842—855 годами, который, однако, принадлежитъ ему не безраздѣльно, ибо одинъ изъ двухъ братьевъ, прозванныхъ «начертанными» по роду
CVI казни, придуманной для нихъ за усердіе къ иконамъ царемъ Θеофиломъ, именно Θеофанъ, при патріархѣ Меθодіи, тотчасъ послѣ возстановленія иконопочитанія, возведенъ былъ изъ уваженія къ его исповѣдничеству въ санъ Никейскаго митрополита[3]). Нашъ Игнатій былъ, нужно думать, его преемникомъ. — Возвращаемся къ его сочиненіямъ, между которыми всего ближе насъ касаются именно біографіи двухъ патріарховъ.

Болѣе обширная изъ нихъ и въ то же время болѣе доступная для изученія біографія патріарха Никифора всего лучше можетъ служить для ознакомленія съ литературнымъ направленіемъ писателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ состояніемъ образованія въ ту эпоху. Изъ нея мы видимъ, что діаконъ Игнатій обладалъ замѣчательнымъ для своего времени школьнымъ образованіемъ, предполагающимъ усердныя занятія не только Священнымъ Писаніемъ

1) Hergenröther, Photius, II, 313.

2) Ингеръ упоминается въ житіи св. Іоанникія Великаго (Patrol. gr., 116, 69). Петръ упоминается тамъ же (col. 68) и въ житіи Никиты Мидикійскаго, Acta Sanctor., 3 Apr., t. I, p. 254 sq. — Есть къ нему письма Θеодора Студита: Lib. II, № 127 (Patr. gr., 99, 1409). Cp. Le Quien, Oriens christianus (I, 644 sq.), гдѣ однако не все вѣрно. Лекьенъ помѣщаетъ Игнатія выше Ингера.

3) См. Житіе Θеодора и Θеофана начертанныхъ (Vita s. Theodori Grapti: Patr. gr., 116, 681).

и церковною христіанскою письменностію, но также и свѣтскою, эллинскою мудростію. Въ его сочиненіи мы встрѣчаемъ явные слѣды подражанія древнимъ писателямъ; нерѣдко попадаются обороты, отдѣльныя слова, цѣликомъ перенесенныя изъ классическихъ образцовъ разнаго рода не только прозаическихъ, но и поэтическихъ, и, какъ блестки, украшающія его рѣчь; онъ очень любитъ сентенціи, тоже представляющія иногда отголосокъ древней мудрости, и охотно дѣлаетъ примѣненія, имѣющія въ виду исторію и миѳологію греческую или вообще языческую. Однимъ изъ новыхъ изслѣдователей, занимавшимся сочиненіями Игнатія, отмѣчено въ біографіи Никифора значительное количество мѣстъ, въ которыхъ слышатся отголоски нѣкотораго знакомства съ фразеологіею Гомера и трагиковъ; тамъ же замѣчено, что Игнатій подражалъ Платону, вводя въ свой разсказъ діалоги, и что онъ, повидимому, увлекался позднѣйшими дурными образцами александрійской и азіатской учености, въ родѣ Ликофрона, и отъ того впадалъ въ напыщенность и крайнюю изысканность, охотно прибѣгая къ запутанной и невразумительной CVII
конструкціи [1]). Общая характеристика литературныхъ пріемовъ Игнатія останется въ сущности правильною и въ томъ случаѣ, если мы усумнимся въ собственной и самостоятельной начитанности агіографа въ свѣтской языческой литературѣ и отнесемъ вышеупомянутые отголоски на счетъ школьной традиціи, передаваемой при посредствѣ разнаго рода риторическихъ учебныхъ руководствъ, или даже на счетъ болѣе древнихъ церковныхъ образцовъ агіографіи, ближе стоявшихъ къ аттическому образованію и въ свою очередь послужившихъ образцами для писателя IX-го вѣка. Впрочемъ, что Гомеръ не чуждъ былъ школьнымъ занятіямъ иконоборческой эпохи, объ этомъ есть любопытное свидѣтельство въ жизнеописаніи славянскаго первоучителя Константина Философа [2]).

Важно для насъ то, что всѣ черты, сколько-нибудь обрисовывающія литературную физіономію Игнатія, могутъ быть на-

---

1) C. Fr. Müller, Ignatii diaconi tetrasticha, p. 15.

2) Житіе Константина Философа (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1863 г., книга вторая, «Паннонскія житія», стр. 6): «и въ 3 мѣсяци навыкъ всю грамотикію, и по прочаа ся ятъ ученіа, научи же ся Омиру и Геомитри».

блюдаемы и въ издаваемомъ нами текстѣ Житія Георгія Амастридскаго. Прямое повтореніе нѣсколькихъ выраженій изъ Гомера и Еврипида отмѣчено въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ (см. прим. на стр. 20 текста). При самомъ поверхностномъ чтеніи поражаетъ множество сентенцій, которыя авторъ, очевидно, считаетъ большимъ украшеніемъ своего изложенія; онѣ не всегда заимствуются изъ Священнаго Писанія, но отзываются нерѣдко простою человѣческою мудростію. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 23) авторъ явно намекаетъ на стоическое ученіе о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ; въ другомъ (стр. 42) онъ упоминаетъ объ Одиссеѣ, Ираклидахъ и Пелопидахъ, допуская сопоставленіе, конечно, довольно неловкое. Можно было бы отмѣтить рядъ отдѣльныхъ выраженій и словъ, столь рѣдкихъ и малообычныхъ въ обыкно-
CVIII венномъ обиходѣ и древнеклассическаго и византійскаго словоупотребленія, что пришлось бы возводить ихъ къ нѣкоторой спеціальной начитанности въ классической литературѣ, если бы мы отчасти не находили параллелей въ сочиненіяхъ Василія Великаго или Григорія Богослова[1]).

Если оставимъ въ сторонѣ сходство отношенія къ классической традиціи и будемъ прямо сравнивать Житіе Георгія Амастридскаго съ житіями двухъ патріарховъ, то увидимъ, что черты непосредственнаго родства между первымъ и другими тоже сказываются довольно осязательнымъ образомъ. Стиль, манера, литературные пріемы, свойственные автору Амастридскаго житія, близко сходятся съ тѣми, какіе замѣчаются въ агіографическихъ трудахъ, надписанныхъ именемъ Игнатія. Приводимъ одинъ отрывокъ изъ житія патріарха Никифора, гдѣ рѣчь идетъ о гоненіи на иконы при Львѣ Армянинѣ, и гдѣ разсказъ, несмотря на всю разность содержанія, своимъ тономъ, стремленіемъ къ паѳосу и изобразительности и изобиліемъ антитезъ, вообще всею манерою напоминаетъ извѣстныя намъ строки въ Житіи Георгія,

1) Мы отмѣтили такія выраженія, какъ *ἐξ αὐτῶν βαλβίδων* (стр. 3,5), *ἀπειλὰς ἐπανατεῖναι* (9,6), *εὐτραπέλων καὶ γελοιαστῶν ἀνθρώπων* (16,1), *δυσαποσπάστως - ἔχοντες* (18,10), *ἀμογητὶ - ἀναιμωτί* (40,11), *δυσάγωγον πρὸς ἀρετὴν τὸ ἀνθρώπινον* (46,2) и т. п., но замѣчаемъ, что сходныя выраженія указываются (см. Thesaurus) у Василія Великаго: *εὐτράπελοι καὶ γελοιασταὶ ἄνθρωποι, δυσάγωγον πρὸς ἀρετὴν τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων* и т. д.

посвященныя агарянскому нашествію (см. выше, стр. XXXIV сл. и также текстъ, стр. 37 сл.), а затѣмъ и русскому.

«И можно было видѣть, какъ приношенія божественныхъ храмовъ попирались ногами, какъ будто во время плѣненія; можно было видѣть, какъ нечистыми руками волочится и выставляется всякому на позоръ то, что̀ было неприкосновенно и незримо для толпы; можно было видѣть пастырей, выталкиваемыхъ изъ ихъ храмовъ, и волковъ, которымъ ввѣрялось стадо, изгнаніе тѣхъ, которые служили правому ученію, и замѣщеніе ихъ тѣми, ко-
торые ненавидятъ его; (можно было видѣть) невиновныхъ, под- CIX
вергаемыхъ отвѣту на подобіе виновныхъ, и палачей ихъ, сидящихъ на судейскихъ креслахъ, клириковъ, принимающихъ испытаніе бичей и насмѣшекъ и ввергаемыхъ въ неисходныя темницы, нашихъ назареевъ, утѣсняемыхъ побоями, голодомъ и жаждою, долговременнымъ заключеніемъ подъ стражею и трудами, — женщинъ, обнажаемыхъ въ виду мужчинъ и бичуемыхъ, но все ради Христа переносящихъ какъ бы мужескимъ духомъ»[1]).

Еще поразительнѣе довольно часто повторяющееся тожество разнаго рода своеобразныхъ выраженій какъ въ житіяхъ двухъ патріарховъ, такъ и въ Житіи Георгія Амастридскаго. Въ Житіи Никифора діаконъ Игнатій «пускается въ море похвалъ» соотвѣтствующему герою, какъ это сдѣлалъ и авторъ нашего Житія[2]). Иконоборческіе епископы, которыхъ обличалъ патріархъ Никифоръ, «не имѣютъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ священства», подобно тому, какъ Россы «не имѣли никакихъ слѣдовъ человѣколюбія»[3]). Поговорка «ex ungue leonem» (*ἐξ ὀνύχων τὸν λέοντα*) такъ же неловко прилагается къ одному дѣянію отца Никифора, какъ въ Житіи Георгія къ его посмертнымъ чудесамъ[4]). Зна-

---

1) Vita Niceph., 206,9 de Boor: *καὶ ἦν ἰδεῖν ὡς ἐν ἀπαγωγῇ συμπατούμενα τὰ τῶν θείων νεῶν ἀναθήματα· ἦν ἰδεῖν τὰ πολλοῖς ἄψαυστα καὶ ἀθέατα χερσὶ βεβήλοις ἑλκόμενα* и т. д.

2) Vita Niceph., 140,16: *ἑαυτὸν - εἰς τὸν τῶν ἐγκωμίων βυθὸν τοῦ πανευφήμου καθῆκα πατρός*. Ср. Житіе Георгія, стр. 70,13 сл.

3) Vita Niceph., 191,29: *τῶν μηδὲν ἱερωσύνης ἐπιφερομένων λείψανον*. Ср. Житіе Георгія, 64,4: *μηδὲν ἐπιφερομένου φιλανθρωπίας λείψανον*.

4) Vita Niceph., 145,2: *ἐκ μέρους ὅλον ὑμῖν γνωρίσαι ὡς ἐξ ὀνύχων τὸν λέοντα*. Ср. Житіе Георгія, 62,10.

ченіе слова «секретарь» объясняется почти тѣми же самыми выраженіями и здѣсь, и тамъ[1]). Житіе Тарасія начинается словами, которыя заявляютъ, что авторъ хочетъ «погрузиться въ безпредѣльное море» добродѣтелей святаго, и послѣ онъ повторяетъ,
cx что онъ «спустился въ море» этихъ добродѣтелей; тутъ же рядомъ стоитъ и любимый глаголъ нашего писателя «отображать» *ἐμμάξασθαι* и т. д.; «онъ (Тарасій) отобразилъ кротость и смиреніе Христа»[2]). Общая всѣмъ сочиненіямъ даннаго рода риторическая часть, составляющая собственную похвалу и состоящая въ сравненіи прославляемаго святаго съ ветхозавѣтными и новозавѣтными угодниками, патріархами и апостолами, не только написана совершенно по одному и тому же шаблону во всѣхъ трехъ житіяхъ, но еще испещрена особыми тожественными выраженіями, которыя, однако, не настолько обычны, чтобы считаться общимъ достояніемъ многихъ авторовъ, а скорѣе носятъ признаки индивидуальнаго личнаго вкуса, имѣютъ характеръ любимыхъ оборотовъ одного и того же автора.

Житіе Георгія:	Vita Tarasii <ed. Heikel>:
57,2: *τοῖς μὲν ἡμιλλήθη, τῶν δὲ ἐκράτησε* (съ одними изъ святыхъ состязался, а надъ другими одержалъ верхъ).	P. 414 (= 20 отд. отт.),3: *τοῖς μὲν ἡμιλλήθη, τῶν δὲ ποσῶς ἀπελείφθη* (съ одними состязался, а отъ другихъ нѣсколько отсталъ).
	Vita Niceph. (ed. de Boor):
57,9: *ὡς ἄλλους οἰκογενεῖς ὁπλισάμενος* (призвавъ на по-	210,30: *τῇ τῶν λόγων δυνάμει ὡς ἄλλους ἐκείνους οἰκογενεῖς*

---

1) Vita Niceph., 144,7: *ἠρέθη - ὑπογραφεὺς τοῖς τῶν κρατούντων μυστηρίοις ὑπηρετούμενος, οὕτω γὰρ παρὰ τῇ Αὐσονίδι διαλέκτῳ τὸ Ἀσηκρήτης ὄνομα, ὃ ἐπὶ τῶν μυστηρίων μεθερμηνεύεσθαι βούλεται.* Ср. Житіе Георгія о Тарасіи, 29,9.

2) Vita Taras., p. 395 (=1), 3. 10. 23: *Μέλλων ἀπείρῳ μεγέθει πελάγους ἀρετῶν διανήξασθαι πατρὸς ἀοιδίμου καὶ βίον διενεγκόντος ἀπρόσιτον.--πρὸς τὸν βυθὸν κατοπτεύουσα τῶν θείων τοῦ ἀνδρὸς πλεονεκτημάτων.--τὴν πραότητα Χριστοῦ καὶ ταπείνωσιν - ἐμμαξάμενος.* Съ выраженіемъ *βίον ἀπρόσιτον* ср. Житіе Георгія, 41,4: *τὴν ἀρετὴν δεικνύει ἀπρόσιτον.*

мощь всеоружіе слова и дѣлъ, какъ другихъ домочадцевъ).	*ὁπλισάμενος* (силою словъ вооруживъ ихъ, какъ другихъ домочадцевъ).
58,7: *στυφούσῃ διδασκαλίᾳ ὡς ἅλμῃ τῆς Ἐρυθρᾶς - ἀποκλυσάμενος - αἰγυπτιακὸν καὶ ἔκτοπον λείψανον.*	211,23: *δι᾽ ἅλμης Ἐρυθρᾶς, στυφούσης, λέγω, διδασκαλίας, ἀποκλυσάμενος - τὸ ἀηδὲς καὶ πολύβρωμον ἄχθος.*
59,1: *τὸ νεανικὸν πρὸς ποιμαντικὴν τοῦ Δαυὶδ πρὸ τῆς χρίσεως ἐξεικονίσας - τὰς ἀρκώδεις ὁρμὰς καὶ λεοντώδεις - ἐναπέπνιξεν.*	212,13: *Δαυὶδ τὸ πρὸ τῆς χρίσεως νεανικὸν πρὸς ποιμαντικὴν ἐξιχνίασε - λεόντων καὶ ἄρκων μύλας συνθλῶν.*
59,5: *Ἡλιοῦ καὶ Ἰωάννου ἐσχηκὼς τὸ φιλέρημον, τοὺς ἀσεβείας ἐλέγχους ὑπὲρ τούτους ἐποιήσατο.*	212,17: *Ἡλιοῦ καὶ Ἰωάννου τὸ φιλέρημον καὶ ἡσύχιον - κατησπάσατο - ὅθεν καὶ τὸ πρὸς ἔλεγχον καλῶς ἐξήσκησεν ἕτοιμον.* CXI
70,1: *ὦ τῆς ἄνω Ἱερουσαλὴμ πολῖτα καὶ τῆς ἀληθινῆς σκηνῆς λειτουργὲ καὶ τοῦ ἀνεκφράστου κάλλους ἐπόπτα.*	215,17: *ὦ τῆς θείας σκηνῆς ἐπόπτα.*

Всѣ эти отмѣченные нами признаки родства между Житіемъ Георгія Амастридскаго и однородными сочиненіями діакона Игнатія тѣмъ знаменательнѣе, что, напримѣръ, ничего подобнаго не даетъ намъ самое внимательное сравненіе издаваемаго нами памятника съ многочисленными агіографическими трудами Никиты Пафлагонскаго, который былъ нами упомянутъ выше и который по всѣмъ признакамъ былъ младшимъ современникомъ патріарха Фотія, то есть, жилъ при царяхъ Львѣ Мудромъ и Константинѣ Багрянородномъ. Мы имѣемъ въ виду того автора, который написалъ во-первыхъ житіе патріарха Игнатія, во-вторыхъ житіе Іакинѳа Амастридскаго, а также цѣлый рядъ похвальныхъ словъ въ честь двѣнадцати апостоловъ, нѣсколькихъ мученицъ и мучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства (Ѳеклы, Анастасіи, Евстаѳія и т. д.). Здѣсь мы находимъ совершенно другой складъ рѣчи: нѣтъ этого стремленія къ риторическому, напряженному высокому тону, нѣтъ постоянныхъ сентенцій и антитезъ; стиль вообще

болѣе гладкій, простой и менѣе притязательный; нѣтъ тѣхъ блестокъ классической учености и той пестроты въ фразеологіи, которыя отмѣчены были въ житіи патріарха Никифора и др. Однимъ словомъ, чувствуется другая школа.

Итакъ, если бы мы предположили, что Житіе Георгія Амастридскаго, случайно дошедшее до насъ безъ имени автора, должно принадлежать одному изъ болѣе извѣстныхъ писателей данной эпохи, упражнявшемуся въ томъ же самомъ родѣ сочиненій — вѣдь заразъ ихъ всегда бывало немного, особенно въ Византіи VIII—IX вѣковъ, — то должны были бы приписать авторство именно Игнатію, а не Никитѣ, несмотря на то, что
CXII послѣдній былъ епископомъ по сосѣдству съ Амастридою и написалъ похвальное слово другому амастридскому святому (Іакинѳу), а сверхъ того уже знакомъ былъ и съ Русью. Мы имѣемъ теперь въ виду одни только литературные признаки; но отрицательный результатъ, который они даютъ, вполнѣ совпадаетъ съ другими соображеніями, по которымъ даже и отдаленной рѣчи не можетъ быть о принадлежности Житія Георгія агіографу Никитѣ Пафлагонскому. Что же касается гипотезы объ авторствѣ Игнатія, то въ пользу ея говорило бы любопытное совпаденіе извѣстныхъ намъ обстоятельствъ.

Намъ пришлось бы предположить, что Житіе Георгія было написано ранѣе житія патріарха Никифора, ибо первое самъ авторъ выставляетъ своимъ начальнымъ опытомъ въ данномъ родѣ. Намъ пришлось бы предположить, что оно написано было въ ту эпоху жизни автора, о которой онъ послѣ говорилъ съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ, въ періодъ примирительнаго и, хотя по внѣшности, дружелюбнаго отношенія къ иконоборцамъ. А мы знаемъ, что въ самомъ дѣлѣ Житіе Георгія носитъ явные и ощутительные признаки такого положенія и вещей и автора, при которомъ молчаніе о спорномъ пунктѣ признавалось болѣе благоразумнымъ. Всего менѣе могло бы служить препятствіемъ къ принятію гипотезы то обстоятельство, что Свида не упомянулъ Житія Георгія въ числѣ трудовъ Игнатія[1]). Вѣдь Свида и

1) Имѣемъ въ виду возраженіе докт. фонъ-Гутцейта (см. выше, стр. X), который (Mélanges russes, V, p. 4) считаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы Свида умолчалъ о жизнеописаніи Георгія, разумѣя оное подъ многимъ другимъ, когда прямо отмѣтилъ письма и ямбы.

вообще перечисляетъ далеко не всѣ труды упоминаемыхъ имъ писателей, а въ данномъ случаѣ прямо указалъ на существованіе другихъ, не названныхъ имъ трудовъ Игнатія; наконецъ житіе Григорія Декаполита носитъ надписаніе, свидѣтельствующее о принадлежности Игнатію, хотя оно тоже не упомянуто въ статьѣ Свиды. Затрудненія, мѣшающія намъ придти къ полному убѣжденію объ авторствѣ Игнатія по отношенію къ Житію Георгія, заключаются не въ этомъ, а въ отсутствіи какихъ-либо досто- CXIII
вѣрныхъ біографическихъ данныхъ о первоначальной жизни Игнатія, о какихъ-либо его отношеніяхъ къ Пафлагоніи и Амастридѣ.

Изъ заключительной главы Житія Георгія, содержащей въ себѣ молитвенное обращеніе къ святому, видно, что похвала (съ Житіемъ) назначена была для произнесенія при его гробницѣ, къ которой обращаются воззванія въ концѣ 47 главы; авторъ говоритъ отъ имени присутствующихъ: подай намъ еще больше поводовъ къ благодарности новою придачею чудесъ твоихъ,—онъ молитъ, чтобы Георгій охранялъ «градъ сей» (Амастриду) и свое (бывшее) «стадо» и т. д. Отсюда легко догадаться, кто былъ тотъ «славный Іоаннъ», знаменитый любитель изящнаго, то есть, именно церковнаго краснорѣчія, и въ то же время другъ автора, который побудилъ его взяться за трудъ составленія похвалы, кто былъ главный подвигоположникъ, вызвавшій его на арену словеснаго состязанія (см. текстъ Житія, стр. 2,1 сл. и 70,10 слл.), обладавшій при томъ, помимо дружбы, авторитетомъ, внушавшимъ обязанность повиновенія. Необходимо предположить, что это былъ преемникъ Георгія, мѣстный епископъ города Амастриды, прежде всѣхъ обязанный позаботиться о достойномъ чествованіи предшественника, особенно въ виду недавно послѣдовавшаго чудеснаго избавленія города отъ вражескаго нашествія. Въ имени Іоанна заключается наиболѣе надежный путь къ окончательной разгадкѣ вопроса о времени написанія похвалы Георгію, если только мы успѣемъ отыскать въ извѣстномъ ограниченномъ періодѣ указаніе на дѣйствительное существованіе амастридскаго іерарха, носившаго имя Іоанна.—Мы уже видѣли (см. выше, стр. XXV сл.), что такое имя встрѣчается въ спискѣ амастридскихъ архіереевъ, но

только оно пріурочивается довольно неопредѣлительно ко времени, ближайшему къ началу иконоборства, то есть, къ первому его періоду, предшествуя имени Григорія. Всмотримся пристальнѣе въ существующія на этотъ счетъ данныя. Ле-Кьенъ заимствовалъ свое свѣдѣніе объ Іоаннѣ Амастридскомъ, какъ самъ указываетъ, изъ одного сочиненія, принадлежащаго очень позд-
CXIV нему писателю, именно Николаю Комнину Пападополи, уроженцу острова Крита, воспитаннику коллегіи св. Аѳанасія въ Римѣ, куда онъ прибылъ на двѣнадцатомъ году, и наконецъ профессору каноническаго права въ Падуанскомъ университетѣ, умершему уже въ XVIII столѣтіи (1740 г.). Въ своихъ «Praenotationes mystagogicae ex jure canonico», вышедшихъ въ 1697 году, папистъ-грекъ старается доказать, что восточная церковь ни въ ученіи, ни въ обрядахъ не расходилась съ римскою, и особенно подвергаетъ критикѣ Номоканонъ Максима Маргунія, епископа киѳирскаго (цитерейскаго); между прочимъ рѣчь заходитъ объ обычаѣ, по которому при очищеніи колодцевъ отъ какого-либо оскверненія вычерпывается оттуда 40 ведеръ: *χρὴ πρῶτον ἐξαντλῆσαι κάδους μ'*. Пападополи замѣчаетъ: Haec ratio quadragenarii numeri, quam ne quis uni Coressianae fidei innixam putet, norit eandem esse cum tradita per Leonem monachum, scriptorem orthodoxum sub Leone Isauro, per Ioannem, Amastridis episcopum, amicissimum Theodori Studitae, per Lazarum Lemnium, s. Niconis discipulum, per Antonium Patarensem, fortissimum Catholicae fidei athletam, quorum dicta Photiani omnes recipiunt, ut Coressius affirmat recensetque Margunius [1]). Итакъ, по свѣдѣніямъ Пападополи, о вышеуказанномъ обычаѣ писалъ, кромѣ другихъ, епископъ Іоаннъ Амастридскій, современникъ и другъ Ѳеодора Студита, слѣдовательно, жившій въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка. Пападополи отмѣчаетъ и сочиненіе, въ которомъ содержалось указаніе на обычай: оно трактовало о почитаніи иконъ (de cultu imaginum) [2]). Слѣдуетъ ли довѣрять всѣмъ

1) Praenotationes mystagogicae - authore Nicolao Comneno Papadopoli Cretensi, Patavii, 1697 (довольно рѣдкая книга находится въ Императорской Публичной библіотекѣ), pp. 141 sq.

2) Ссылка находится въ примѣчаніи (14) и имѣетъ слѣдующій видъ: de cultu sacrar. imagin. orat. 2.

ссылкамъ Комнина Пападополи, мы не знаемъ. Говорятъ, что иныя изъ его указаній бываютъ не вполнѣ надежны, и что во всякомъ случаѣ документы, на которые онъ ссылается, остаются отчасти и до сихъ поръ не разысканными[1]). Однако, большая его начитанность въ греческой церковной литературѣ несомнѣнна, а вмѣстѣ съ тѣмъ его положеніе обусловливало возможность знакомства съ рукописями такихъ италіанскихъ библіотекъ, которыя другимъ были мало доступны и до настоящаго времени не вполнѣ обслѣдованы, какъ, напримѣръ, и самая Падуанская. Сверхъ того, прямое указаніе на отношенія Іоанна къ Θеодору Студиту за- CXV
ставляетъ насъ обратиться къ перепискѣ этого послѣдняго съ запросомъ, былъ ли въ числѣ его корреспондентовъ какой-либо ученый, носившій имя Іоанна. Въ этомъ отношеніи мы получаемъ слѣдующій результатъ. Есть нѣсколько писемъ Θеодора Студита, адресованныхъ Іоанну Грамматику (Patrol. gr. 99, II lib., col. 1351. 1587. 1638). Въ одномъ изъ нихъ, имѣющемъ содержаніе догматическое, онъ обращается къ Іоанну, какъ лицу духовному *(ἡ τιμιότης σου, ἡ ἁγιωσύνη σου)*, и проситъ, чтобы онъ научилъ его и исправилъ, если что найдетъ несовсѣмъ правильнымъ въ собственныхъ его, Θеодора, мнѣніяхъ. Въ другомъ (II lib., № 194, col. 1587) Θеодоръ защищаетъ предъ Іоанномъ одно свое посланіе о почитаніи иконъ, противъ котораго были сдѣланы какія-то дружескія замѣчанія Іоанномъ. Затѣмъ есть посланіе Θеодора къ Іоанну Грамматику (II, № 211) тоже по вопросу о поклоненіи, какое слѣдуетъ воздавать образу Христа; оно было написано въ отвѣтъ на письмо Іоанна о томъ же самомъ предметѣ. Итакъ, мы убѣждаемся, что въ числѣ друзей и корреспондентовъ Студита дѣйствительно былъ Іоаннъ, писавшій о поклоненіи иконамъ и отличавшійся своею ученостью — «любитель изящнаго». Правда, надписаніе всѣхъ трехъ посланій къ Іоанну въ нашихъ изданіяхъ не называетъ его епископомъ или архіепископомъ Амастридскимъ, но надписаніе не называетъ его

---

1) См. Hergenröther, Photius, II, 586, прим. 24: Leider sind manche andere Angaben des Papadopoli wenig verlässlich und die von ihm angeführten Documente noch nirgends aufgefunden. Ср. Heimbach, Anecdota, t. I, pp. 219—222. Энгельманъ, Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права, С.-Пб., 1857, стр. 18.

и вообще епископомъ или же игуменомъ, между тѣмъ какъ титулъ «святости», придаваемый ему въ текстѣ письма, непремѣнно
CXVI предполагаетъ высшій духовный санъ. Петръ, митрополитъ Никейскій, тоже величается у Θеодора «святостію»[1]). Очень возможно, что существовали рукописи, въ которыхъ заглавіе читалось: *Ἰωάννῃ τῆς Ἀμάστριδος*, какъ *Πέτρῳ τῆς Νικαίας*, остающееся въ другихъ нынѣшнихъ надписаніяхъ. Но въ этомъ предположеніи нѣтъ необходимости для объясненія свѣдѣній Пападополи о дружбѣ Іоанна Амастридскаго съ Θеодоромъ Студитомъ: онъ могъ найти на это указаніе въ самомъ сочиненіи Іоанна, если такое имѣлъ подъ руками.

Что касается наводненія, которое, затопивъ Амастридскія улицы, проникло и во храмъ, гдѣ хранились мощи святаго, то, пусть мы въ другихъ источникахъ — въ византійскихъ общихъ хроникахъ — не находимъ никакихъ указаній, чтобы въ данное время совершилось подобное событіе, это тѣмъ менѣе можетъ насъ смущать, что, благодаря условіямъ расположенія Амастриды на длинной косѣ, вдающейся въ море, здѣсь всегда возможно было мѣстное наводненіе — даже безъ помощи дождя сверху, какъ представляется дѣло въ нашемъ сказаніи, и въ особенности, если плотины, остатки которыхъ тамъ до сихъ поръ видны, въ IX вѣкѣ еще не существовали, либо не были возстановлены.

IX.

О русскомъ имени и русскомъ нашествіи.

Приступая къ изученію Житія Георгія Амастридскаго, мы уже имѣли въ виду послѣднюю заключительную часть памятника, въ которой говорится о Руси, какъ о народѣ общеизвѣстномъ, и о нападеніи этого народа на противоположный азіатскій берегъ Чернаго моря, но мы не усматривали въ этомъ рѣшительныхъ признаковъ для опредѣленія хронологическихъ границъ, внутри

---

1) Patr. gr. 99, 1409 (II, № 127), *Πέτρῳ Νικαίας: Νῦν εὐοδούμεθα ἐπιστεῖλαι τῇ πατρικῇ σου ἁγιωσύνῃ.*

которыхъ должны быть полагаемы время жизни автора и годъ описываемаго имъ нашествія, такъ какъ самый вопросъ о томъ, откуда и когда пошло русское имя, представляетъ до сихъ поръ не рѣшенную историческую проблему. При такомъ положеніи дѣла лучше всего было забыть на время отношеніе нашего памятника къ русской исторіи и изучать его въ немъ самомъ, какъ произведеніе византійской литературы. Слѣдуя этому принципу, мы пришли къ заключенію, что по своему характеру и содержанію Житіе Георгія можетъ и должно считаться произведеніемъ первой половины IX вѣка. Бо́льшая часть признаковъ, указывающихъ на эту эпоху, заключается въ первыхъ частяхъ сочиненія. Но такъ какъ выше было доказано, что все сочиненіе, не исключая и посмертныхъ чудесъ, составляетъ одно неразрывное цѣлое, написанное за одинъ разъ, то слѣдуетъ признать, что и нашествіе Руси на Амастриду уже около 842 года было возможнымъ или даже дѣйствительно совершившимся событіемъ. Для обратной повѣрки получаемаго вывода, какъ бы онъ ни казался намъ цѣннымъ самъ по себѣ, все-таки слѣдуетъ расширить точку зрѣнія и задать себѣ вопросъ, есть ли въ разсказѣ о русскомъ чудѣ въ Амастридѣ что-либо противорѣчащее достовѣрнымъ даннымъ, касающимся первоначальной русской исторіи. Съ возраженіями, которыя отправляются отъ стараго предубѣжденія о непреложности 862 года, какъ эры, съ которой стала прозываться Русская земля, иными словами, основываются на слѣпой вѣрѣ въ хронологію первыхъ страницъ лѣтописи, мы здѣсь не обязаны считаться, тѣмъ болѣе, что эти предубѣжденія постепенно теряютъ свою власть надъ умами изслѣдователей того и другого лагеря. Представители норманнской школы, которые всего болѣе заинтересованы въ защитѣ преданія въ полной его цѣлости, въ лицѣ А. А. Куника уже давно заявили готовность на важныя уступки по отношенію къ 862 году, хотя они и желали бы называть себя Несторовцами. Какъ сама лѣтопись довольно прозрачно даетъ понять, ея хронологическій разсчетъ о началѣ русскаго имени основанъ на первомъ упоминаніи этого имени на страницахъ византійской хроники. — «Наченшю Ми- cxviii
хаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь

на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаніи Гречьстѣмъ». А лѣтописанье греческое для составителя первоначальной лѣтописи есть только Георгій Амартолъ съ его продолжателемъ; ни Амастридское, ни Сурожское сказаніе не были ему извѣстны, какъ не было извѣстно и многое другое. Итакъ, въ послѣднемъ основаніи мы должны имѣть дѣло все съ тѣмъ же византійскимъ лѣтописаніемъ и противополагать свой выводъ, сдѣланный на основаніи изученія Амастридской легенды, даннымъ византійскихъ хроникъ. Въ новѣйшее время въ защиту и подкрѣпленіе хронологіи Нестора — послѣ сдѣланныхъ уступокъ не совсѣмъ послѣдовательно — выдвигаются Бесѣды Фотія по поводу нашествія Руси; о нихъ мы также должны будемъ сказать нѣсколько словъ.

Если мы будемъ относить Амастридскій разсказъ къ первой половинѣ IX вѣка, то отсюда будетъ слѣдовать, что имя Руси уже въ это время не только было извѣстнымъ, но и общераспространеннымъ по крайней мѣрѣ на южномъ побережьи Чернаго моря; между тѣмъ на страницахъ византійскихъ хроникъ оно встрѣчается не ранѣе патріарха Фотія и того нашествія, которое мы привыкли пріурочивать къ 865 году. Значитъ, легенда опередила подлинную исторію въ дѣлѣ ознакомленія Грековъ съ новымъ народомъ. И мы должны сказать, что для тѣхъ, кто сколько-нибудь посвященъ въ тайны византійской исторіографіи, такое явленіе не представитъ ничего удивительнаго. Византійская исторіографія вообще не отличается обиліемъ, а въ предѣлахъ даннаго періода поражаетъ крайнею скудостію. Для времени Ѳеофила и его преемника нѣтъ ни одного оригинальнаго и спеціальнаго сочиненія. Есть только хроники, въ которыхъ обозрѣваются событія отъ сотворенія міра — конечно самымъ бѣглымъ образомъ —, или же продолженія хроникъ, составленныя въ соотвѣтствующемъ стилѣ. Изъ хронистовъ только одинъ былъ современниковъ Аморейской династіи, Георгій Амартолъ; но именно его-то произведеніе въ первоначальномъ своемъ видѣ и оказывается
CXIX самымъ убогимъ, заключая въ себѣ для царствованія Ѳеофила не болѣе четырехъ главъ, не болѣе четырехъ эпизодическихъ разсказовъ, при томъ заимствованныхъ изъ житія царицы Ѳеодоры, которое явилось ранѣе. Прежде онъ точно также пользовался

житіемъ патріарха Никифора и другими[1]). Вообще даже для своего времени Георгій остается жалкимъ компиляторомъ, и въ извиненіе его можно сказать развѣ только, что онъ ни чѣмъ инымъ и не обѣщалъ быть въ своемъ предисловіи. Хроника Логоѳета, которая послужила для дополненія и продолженія Амартола, составлена около половины X вѣка (кончается 948-мъ годомъ); Генесій, наиболѣе подробный и цѣнный, писалъ еще нѣсколько позднѣе — при Константинѣ Багрянородномъ, равно какъ и продолжатель Ѳеофана. Генесій уже пользовался своими предшественниками, и, если начиная съ Ѳеофила онъ дѣлаетъ свои дополненія, то основывается на устныхъ преданіяхъ, между прочимъ семейныхъ. Продолжатель Ѳеофана повторяетъ Генесія съ нѣкоторыми дополненіями, взятыми изъ разнаго рода случайныхъ источниковъ — благочестивыхъ сказаній, житій святыхъ, и только, дошедши до царствованія Василія Македонянина, онъ могъ списывать біографію, составленную внукомъ героя, самимъ Константиномъ Багрянороднымъ. Итакъ, если бы мы предположили какой-нибудь важный для насъ пропускъ у византійскихъ хронистовъ, то съ нѣкоторымъ основаніемъ могли бы упрекать развѣ одного изъ нихъ, именно Логоѳета. Но вѣдь у него несомнѣнно существуетъ множество пропусковъ, уже не предполагаемыхъ, а осязательныхъ, обличаемыхъ, напримѣръ, извѣстіями арабскихъ источниковъ. Если мы перейдемъ во вторую половину IX вѣка, то и тамъ не встрѣтимъ особеннаго богатства въ источникахъ. Только малое знакомство съ дѣломъ могло внушить одному изъ писавшихъ о нашемъ предметѣ наивную фразу, что русское нашествіе 865 года привело въ движеніе всѣ CXX
перья[2]). Если оставить въ сторонѣ церковную проповѣдь (Фотія), то окажется, что объ осадѣ Цареграда Русью Аскольда записано только въ двухъ позднѣйшихъ хроникахъ, появившихся чрезъ 80 и 100 лѣтъ послѣ событія, у Логоѳета и продолжа-

1) О составѣ первоначальной редакціи Амартола въ отношеніи къ царствованію Ѳеофила см. Hirsch, Byzantin. Studien, стр. 27. Заимствованіе изъ житія Ѳеодоры стало очевиднымъ послѣ изданія В. Э. Регелемъ древнихъ редакцій этого памятника. О пользованіи житіемъ Никифора см. выше, стр. XCVII, прим. 3.

2) Д. Гутцейтъ (Mélanges russes, V, 6) удивляется, что о предполагаемомъ набѣгѣ ранѣе 842 всѣ молчатъ (но Амастридское житіе?), während der (Verwüstungszug) von 865 alle Federn in Bewegung setzte.

теля Ѳеофана. Всѣ другія еще болѣе позднія не идутъ въ счетъ, потому что повторяютъ или искажаютъ заимствованное отъ одного изъ двухъ предшественниковъ. Генесій, которому мы только-что воздали нѣкоторую похвалу за бо́льшую содержательность, въ данномъ случаѣ остался позади своихъ товарищей: онъ совсѣмъ не удостоилъ упомянуть о Руси и ея нашествіи на Константинополь въ царствованіе Михаила. Если поставить вопросъ о томъ, чѣмъ же держалось, питалось и даже пополнялось историческое преданіе помимо хроникъ и въ нихъ самихъ, то отвѣта нужно будетъ искать въ церковной литературѣ, несравненно болѣе плодовитой и разнообразной, чѣмъ собственно исторіографія. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ житія святыхъ и похвалы святымъ, затѣмъ поученія и бесѣды съ церковной каѳедры по случаю важныхъ для церкви и государства событій. Поученіе и легенда ближе слѣдовали, если можно такъ выразиться, по пятамъ событій, извлекая изъ нихъ назиданіе для современниковъ, указывая въ нихъ наказующій перстъ Божій, соотвѣтственно современному міросозерцанію и умственной потребности, перенося причины и самое развитіе событій (ихъ отдѣльные моменты) въ область сверхъестественнаго и чудеснаго, влагая въ уста богоугодныхъ мужей подробное повѣствованіе о недавно совершившемся въ видѣ пророчества — post eventum. Въ исторіографическомъ отношеніи не житія зависятъ отъ хроникъ, а наоборотъ хроники — отъ житій. Какъ уже указано нами, составители хроникъ пользовались житіями довольно искусно. Бѣда за-
CXXI ключается только въ томъ, что они не пользовались ими систематически, не заботились о полнотѣ своего матеріала, а брали въ сущности только то, что̀ попадало скорѣе подъ руку. Оттого и бываетъ, что нѣкоторые памятники агіографической литературы, оставленные въ сторонѣ византійскими историками и вновь открываемые на нашихъ глазахъ, проливаютъ совершенно новый свѣтъ на событія, какъ это можно сказать объ отрывкахъ житія Евѳимія, недавно отысканныхъ въ захолустномъ малоазіатскомъ монастырѣ[1]). Нужно, впрочемъ, сказать и то, что при чрезвы-

1) Vita Euthymii. Ein Anecdoton zur Geschichte Leo's des Weisen A. 866—912. Herausgg. von C. De-Boor, Berlin, 1889.

чайномъ обиліи агіографической литературы, при ея способности пріурочиваться къ мѣстнымъ вѣрованіямъ и областнымъ потребностямъ той или другой эпархіи, того или другого города и храма, и не легко было собрать все пригодное и полезное, даже и въ томъ случаѣ, если бы авторъ хроники задавался широкою задачею — дать полную картину состоянія имперіи въ описываемое имъ время. Такая задача оставалась чуждою византійскому историческому писателю; обыкновенно онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на столицѣ и дворцѣ, чтò отчасти соотвѣтствовало и самому складу византійской государственной жизни, такъ какъ дворъ и столица поглощали здѣсь почти все. Согласно съ классическою традиціей авторъ хроники все-таки считалъ себя (за немногими исключеніями) болѣе свѣтскимъ, чѣмъ церковнымъ писателемъ; кромѣ дворцовыхъ переворотовъ и происковъ, онъ занимался военными и политическими событіями, а церковныхъ дѣлъ касался только съ внѣшней стороны, когда нужно было отмѣтить или появленіе ереси, замутившей теченіе государственной жизни, или столкновеніе свѣтской власти съ церковною, царя съ патріархомъ.

Все это объясняетъ, почему новыхъ подробностей или даже новыхъ откровеній для познанія византійской жизни мы можемъ ожидать именно отъ расширенія нашего знакомства съ агіографическою литературою, отъ новыхъ находокъ въ этой области, гдѣ онѣ дѣйствительно возможны. Амастридское житіе принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ разряду такихъ расширяющихъ CXXII нашъ кругозоръ первичныхъ источниковъ. Возвратимся къ нашему частному вопросу. Соотвѣтственно спеціальнымъ возраженіямъ, которыя были сдѣланы и могутъ быть сдѣланы противъ нашего взгляда на Русь въ Амастридскомъ житіи, намъ слѣдуетъ дать нѣсколько разъясненій: 1) относительно извѣстности имени Русь въ первой половинѣ IX вѣка у византійцевъ вообще и въ частности среди населенія малоазіатскихъ береговъ Чернаго моря, 2) относительно возможности допустить нашествіе Руси на византійскіе предѣлы ранѣе того, которое описано въ рѣчахъ патріарха Фотія, и 3) относительно сходства легендарнаго Амастридскаго сказанія съ извѣстными подробностями Аскольдова или — по другимъ — Игорева похода.

Что молчаніе византійскихъ хроникъ не исключаетъ возможности знакомства византійцевъ съ Русью еще въ первой половинѣ IX вѣка, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ извѣстіе, записанное на далекомъ западѣ въ С.-Бертинскихъ лѣтописяхъ, изъ котораго явствуетъ, что осенью или зимою 838 года въ Константинополѣ были послы народа, именуемаго Русью, очутившіеся потомъ при дворѣ Людовика Благочестиваго, въ Ингельгеймѣ. Не лишнее выставить на видъ ту историческую связь, въ которой стоялъ бы этотъ фактъ самъ собою, если бы онъ былъ отмѣченъ византійцами. Въ 837 году, или можетъ быть въ томъ же 838, хазарскій хаганъ чрезъ своихъ пословъ просилъ византійскаго императора Θеофила объ оказаніи дружественной услуги для построенія въ нижнемъ теченіи рѣки Дона крѣпости Саркела съ цѣлью обузданія сосѣднихъ хищныхъ племенъ [1]). Это
CXXIII было исполнено: къ берегамъ Крыма (въ Корсунь) отправилась флотилія, состоявшая между прочимъ изъ судовъ Пафлагонской темы (воеводства), а затѣмъ на широкихъ плоскодонныхъ лодкахъ византійскіе инженеры и рабочіе проѣхали къ устьямъ рѣки Дона и возвели тамъ желаемое укрѣпленіе. Въ маѣ 839 года въ Ингельгеймѣ объявилось греческое посольство съ грамотою императора Θеофила о скрѣпленіи мира и союза между обоими государями и ихъ подданными, а также съ извѣщеніемъ о побѣдахъ надъ внѣшними (сосѣдними) племенами (adversus exteras gentes),

1) Продолжатель Θеофана (Theoph. contin., pp. 122 sq.) помѣщаетъ разсказъ о построеніи Саркела, заимствованный изъ сочиненія Константина Багрянороднаго Объ управленіи имперіей (р. 177), между возведеніемъ на патріаршій престолъ еретика Іоанна и походомъ Θеофила противъ Сарацинъ, увѣнчавшимся взятіемъ Созопетры. Поставленіе Іоанна произошло, по сообщенію хроники <р. 121>, 21 апрѣля, въ воскресенье: такое совпаденіе соотвѣтствуетъ либо 832, либо 838 году (то есть, при Θеофилѣ только въ эти годы 21 апрѣля приходилось на воскресенье); но первая дата совершенно невозможна, а вторая тоже сомнительна, такъ что изслѣдователи скорѣе склоняются къ приблизительному опредѣленію посвященія Іоанна между 834 и 837 гг. (См. Hergenröther, Photius, I, 291), или же по нѣкоторымъ соображеніямъ прямо къ 837 году. (См. Muralt, Chronogr. byzant., I, 417. <А. А. Васильевъ, Византія и Арабы, т. I, прил. стр. 141>). Походъ Θеофила противъ Сарацинъ, сопровождавшійся взятіемъ Самосаты и Созопетры, по арабскимъ достовѣрнымъ источникамъ относится несомнѣнно къ 837 году (см. Weil, Geschichte der Chalifen, II, 310. Hirsch, Byzantin. Studien, p. 28). Въ 838 году палъ городъ Аморій, взятый войсками халифа, что̀ и послужило ближайшимъ поводомъ для Θеофила искать союза и помощи на западѣ.

подъ которыми прежде всего слѣдуетъ разумѣть Болгаръ[1]), такъ какъ Сарацины на востокѣ и западѣ извѣстны въ хроникахъ подъ своимъ именемъ, и наконецъ съ ходатайствомъ о пропускѣ пословъ, qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant, которые называли себя, то есть, свой народъ, Русью: они были отправлены въ Константинополь своимъ царемъ, по имени Хаканомъ amicitiae causa, то есть, съ цѣлью завязать дружественныя отношенія съ императоромъ, но затруднялись воротиться на родину ближайшимъ путемъ по причинѣ опасностей, которыя угрожали со стороны варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ; поэтому вмѣстѣ съ византійскомъ посольствомъ они отправились въ землю Франковъ, а византійскіе послы, митрополитъ Ѳеодосій Халкидонскій и спаѳарій Ѳеофанъ, согласно съ данною имъ инструкціей, просили для нихъ свободнаго пропуска. Всѣмъ CXXIV извѣстно, что̀ произошло далѣе. Пришельцы возбудили противъ себя подозрительность Франковъ, для которыхъ имя ихъ народа было, повидимому, неслыханною новостью[2]). Для объясненія тревоги Франковъ, по всѣмъ признакамъ вполнѣ искренней, нужно припомнить, что уже въ это время имъ приходилось много терпѣть отъ норманнскихъ набѣговъ: начиная съ 834 года Нордманны, то есть, Датчане и Норвежцы, ежегодно разоряли берега Фризіи (Фрисландіи); въ минувшемъ 838 году на сеймѣ въ Нимвегенѣ рѣшено было строить флотъ и учредить береговую стражу противъ морскихъ разбойниковъ; тогда же датскій викингъ Горихъ обратился къ западному императору съ дерзкимъ требованіемъ уступить ему за Эльбою землю славянскихъ Бодричей, среди которыхъ затѣмъ вспыхнуло возстаніе[3]). Нѣтъ ничего мудренаго, что загадочные пришельцы были заподозрѣны въ связяхъ и даже въ племенномъ родствѣ съ Нордманнами. Можетъ быть, эти Русскіе въ самомъ дѣлѣ говорили языкомъ, который

1) Указанія на непріязненныя отношенія съ Болгарами и на военный успѣхъ Грековъ при Ѳеофилѣ находятся въ исторіи освобожденія изъ болгарскаго плѣна Василія Македонянина: Theoph. continuat., p. 217. Leo Gramm., p. 231.

2) Напрасно г. Гутцейтъ (Mélanges russes, V, 5) пишетъ, что сами Греки говорятъ о послахъ Руси, какъ о представителяхъ народа имъ до тѣхъ поръ неизвѣстнаго даже по имени. Вообще вся статейка наполнена недоразумѣніями.

3) Dümmler, Geschichte des Ostfränkischen Reichs (2 Aufl.), 1, 131. 196. 267.

напоминалъ германскія сѣверныя нарѣчія. Произведено было дознаніе, и результатомъ его было то, что представители Руси были признаны Шведами. Ни процедура дознанія, ни основанія для такого заключенія намъ не указаны: Пруденцій Галиндо, авторъ лѣтописей, свидѣтельствуетъ только о тщательности изслѣдованія. Однако, вопросъ о злонамѣренной цѣли соглядатайства окончательно рѣшеннымъ не былъ сочтенъ; это еще подлежало дальнѣйшей повѣркѣ. Шведы вѣдь вообще не играли важной роли въ норманнскихъ набѣгахъ; пока ихъ гораздо меньше знали, чѣмъ Датчанъ или Норвежцевъ; намъ думается, что именно потому къ ихъ племени и отнесли людей, которые по виду и языку были похожи на Нордманновъ, то есть, Датчанъ и Норвежцевъ, но которые однако не оказались ни Датчанами, ни
CXXV Норвежцами. Послѣ нѣмецкій историкъ Титмаръ зналъ о существованіи въ составѣ населенія города Кіева людей, которыхъ онъ называетъ Данами: вѣроятно, это тѣ же самые Шведы Пруденція, при чемъ выраженіе опять слѣдуетъ понимать не въ частномъ, а въ общемъ значеніи.

Что бы тамъ ни было, даже поборники Скандинавской теоріи происхожденія Русскаго государства, для которыхъ сообщеніе Пруденція долго служило однимъ изъ краеугольныхъ камней, перестаютъ думать, что здѣсь рѣчь идетъ о собственныхъ Шведахъ, живущихъ на западной сторонѣ Балтійскаго моря. «Изслѣдованіе международныхъ отношеній того времени», пишетъ академикъ А. А. Куникъ, — «приводитъ къ заключенію, что послы 838 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ и князь (Kriegsherr) ихъ Хаканъ (Hâkan = Chacanus) едва ли были подданными шведскаго конунга (Oberkönigs) на озерѣ Мэларѣ (am Mälarsee), но въ высшей степени вѣроятно — сей князь уже утвердилъ свою резиденцію по эту сторону Балтійскаго моря среди Чуди или же въ какой-либо славянской колоніи на Чудской землѣ» [1]).

«Гдѣ находилась родина этихъ Росъ», читаемъ у Томмсена, «въ приведенномъ разсказѣ не сказано. Можетъ быть, ее слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь въ самой Швеціи; но можетъ быть также, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ выселившихся

---

1) Mélanges russes, V, 15 sq.

племенъ, уже тогда обитавшимъ по ту (= эту) сторону Балтійскаго моря или Ботническаго залива»[1]). Ученые много спорили о значеніи слова хаканъ, chacanus, употребленномъ въ латинской хроникѣ Пруденція. Вмѣстѣ съ Томмсеномъ и вопреки академику А. А. Кунику мы полагаемъ, что въ выраженіи хаканъ нужно видѣть не собственное имя (= Гаконъ), а — гораздо проще — извѣстный титулъ властителей у Хазаръ, Аваровъ, у самихъ Русскихъ, когда они были подъ властью Хазаръ и послѣ. Само собою напрашивающееся историческое сопоставленіе для насъ заключаетъ въ себѣ больше обязательности и убѣдительности, CXXVI чѣмъ филологическія тонкости сомнительной прочности; и потому мы думаемъ, что въ разсказѣ Пруденція всего лучше нужно разумѣть того же самого хазарскаго хагана, который въ данный моментъ, именно въ 838 году, находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Византіею и присылалъ туда свои посольства. Послы отъ племени Русскаго не только пришли въ Грецію черезъ нынѣшнюю Россію по Днѣпру, что̀ считаетъ несомнѣннымъ Томмсенъ, но, по всей вѣроятности, и жили въ области Днѣпра или вообще ближе къ Черноморскому побережью, признавая вмѣстѣ со своимъ племенемъ верховную власть хазарскаго хагана, если и имѣли своихъ князей, которыхъ впрочемъ, тоже могли именовать каганами[2]). Говоря о хазарскомъ посольствѣ, византійская хроника могла бы тутъ же упомянуть и о прибытіи представителей Русскаго племени; если она этого не сдѣлала, то удивляться нѣтъ причины; объ отправленіи посольства къ императору Франковъ, именно того самаго посольства, къ которому присоединились и русскіе пришлецы, византійскіе историки упоминаютъ въ весьма отчетливыхъ чертахъ, однако и тутъ имени Русь ими не произнесено[3]). Можетъ быть, въ Константинополѣ

---

1) Томмсенъ, Начало Русскаго государства; см. русскій переводъ Аммона въ Чтеніяхъ Моск. общ. исторіи и древностей 1891, книга первая, стр. 39.

2) «Въ Кіевѣ, вслѣдствіе продолжительнаго господства Хазаръ, восточные взгляды до того вошли въ плоть и кровь народа, что онъ и новыхъ властителей своихъ изъ племени Руссовъ, то есть, Аскольда и Дира, называлъ «коганами» и совершенно естественно перенесъ это званіе и на Рюриковичей (напр. «великій каганъ нашеа земля Владимеръ»), пока не возобладало употребленіе званія «великій князь». А. А. Куникъ, Извѣстія Ал-Бекри (Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XXXII, 1879 г.), стр. 147 сл.

3) Genes., p. 71 Bonn. Theophan. contin., p. 135. Cp. Harnack, Die Be-

CXXVII оно не было такою новостью и не вызывало такого вниманія, какъ въ Ингельгеймѣ. Извѣстіе Бертинскихъ анналъ о побѣдѣ, одержанной Ѳеофиломъ надъ сосѣдними народами (Болгарами), можетъ служить простѣйшимъ объясненіемъ невозможности для русскихъ пословъ вернуться на родину ближайшимъ путемъ; впрочемъ уже тогда на припонтійскихъ берегахъ толпились хищныя толпы Тюркскаго (Печенѣги, Мадъяры) и Аланскаго племени, противъ которыхъ предназначались самыя укрѣпленія Саркела. Итакъ, мы думаемъ, что та Русь, представители которой провели въ Константинополѣ зиму 838—839 года, обитала не только по эту сторону Балтійскаго моря, но и гораздо ближе къ Черному, чѣмъ склонны допустить другіе. Во всякомъ случаѣ въ

ziehungen des fränkisch-italischen zu dem byzantinischen Reiche (Göttingen, 1880), стр. 71—72. Mühlbacher, Regest. der Karoling., стр. 364. 408. Hirsch, Byzantin. Stud., стр. 147 сл. Simson, Jahrbücher des Fränkischen Reichs unter Ludwig dem Frommen, II, 202. Гарнакъ, а вслѣдъ за нимъ и Мюльбахеръ греческія извѣстія относятъ къ посольству 842 года (императоръ Лотарь), о которомъ особыхъ византійскихъ извѣстій нѣтъ, но есть западное у того же Пруденція (Annal. Bertin.: Monum. German., I, 439). Мы думаемъ, что это ошибка. Посольство Лотарю представлялось послѣ половины Іюня 842 года (см. Regest., 2 Aufl., 1908, стр. 450), а императоръ Ѳеофилъ умеръ 20 Января 842 года, такъ что для путешествія пословъ до Трира приходится шесть мѣсяцевъ, а это слишкомъ много. Сверхъ того, Генесій, которому слѣдуетъ давать предпочтеніе предъ продолжателемъ Ѳеофана, съ одной стороны ставитъ обращеніе Ѳеофила на западъ съ предложеніемъ союза и исканіемъ военной помощи въ непосредственную связь съ паденіемъ его родины, города Аморія, взятаго халифомъ, что произошло въ 838 году, а съ другой — предполагаетъ, что въ Константинополѣ знали о результатѣ посольства, о не исполнившихся надеждахъ на помощь Франковъ еще при жизни Ѳеофила (p. 73: *μάλιστά τε πρὸς τελευτὴν ἤδη τοῦ βασιλέως ἀπονεύοντος*); съ этимъ согласенъ и продолжатель Ѳеофана, не смотря на запутанность его изложенія. То, что глава посольства, Ѳеодосій, у Генесія титулуется патриціемъ, а у Пруденція халкидонскимъ митрополитомъ, составляетъ затрудненіе второстепенное; оно можетъ быть устранено предположеніемъ, что западный писатель перемѣшалъ имена, такъ какъ у него рядомъ съ Ѳеодосіемъ митрополитомъ названъ еще Ѳеофанъ спаѳарій. Нужно было бы: Ѳеофанъ митрополитъ и Ѳеодосій спаѳарій (и патрикій). Возможно и другое предположеніе. Въ венеціанской хроникѣ (Chron. Joann. Venet.: Monum. German., Script., t. VII, p. 17. Ср. Dandol. Chron.: Murator., XII, 175) мы читаемъ, что именно въ это время прибылъ въ Венецію посолъ Ѳеофила патрицій Ѳеодосій и побуждалъ Венеціанцевъ къ морскому походу противъ Сарацинъ; онъ объявилъ дожу Петру о возведеніи его въ званіе спаѳарія и пробылъ въ Венеціи цѣлый годъ. Это послѣднее обстоятельство въ связи съ замѣчаніемъ Генесія, что патрицій Ѳеодосій умеръ во время посольства, можетъ навести на мысль, что глава посольства совсѣмъ не достигъ Ингельгейма, остановившись на дорогѣ вслѣдствіе болѣзни и исполнивъ только часть своего порученія. (Ср. еще Gasquet, Etudes byzantines, Paris, 1888).

Константинополѣ имѣли возможность съ нею познакомиться гораздо ранѣе 865 года.

Въ настоящее время накопилось достаточно данныхъ объ исконной древности русской торговли съ западными странами черезъ Польшу и съ восточными народами черезъ Черное море, торговли не только пассивной, но и активной, то есть, производимой русскими купцами, отвозившими свои товары. Однимъ изъ CXXVIII важнѣйшихъ свидѣтельствъ, сюда относящихся, давно считалось сообщеніе арабскаго писателя Ибн-Хордадбега, жившаго въ IX вѣкѣ. Предполагалось, что̀ онъ говоритъ о временахъ византійскаго императора Василія и русскаго князя Олега, что̀ уже весьма было бы знаменательнымъ относительно нашей темы. И вотъ насъ заставляютъ теперь думать, что въ этомъ свидѣтельствѣ дѣло идетъ о древности еще болѣе глубокой, о первой половинѣ IX вѣка, о временахъ до-рюриковскихъ. Но слѣдуетъ привести сначала текстъ самаго свидѣтельства въ его новомъ, болѣе полномъ видѣ.

«Что же касается русскихъ (купцовъ) — а они суть племя изъ Славянъ, — то они направляются изъ дальнѣйшихъ концовъ Саклаба (Славянскихъ странъ) къ морю Румскому (Черному) и продаютъ тамъ мѣха бобровые и черныхъ лисицъ, а также и мечи. Царь Рума (Византіи) взимаетъ десятину съ ихъ товаровъ. [Ибн-Сватихъ, пользовавшійся Ибн-Хордадбегомъ, въ другой редакціи прибавляетъ: потомъ они приходятъ на возвратномъ пути въ Самакушъ (Samakars, Фанагорія), городъ Евреевъ, и оттуда возвращаются въ страну Славянъ]. А не то они спускаются по Танаису (Донъ), рѣкѣ Славянъ, проходятъ чрезъ Камлиджъ, столицу Хазаръ (= Итиль), и властитель страны взимаетъ съ нихъ десятину; и оттуда они пускаются на судахъ по морю Джурджана (Каспійскому) и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ любо. — Иногда они провозятъ свой товаръ на верблюдахъ изъ города Джурджана въ Багдадъ. И евнухи славянскіе служатъ имъ здѣсь переводчиками. Они выдаютъ себя за христіанъ и какъ такіе платятъ поголовную подать»[1]).

---

1) Kitâb al-masâlik wa'l — mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore — Ibno — Khordâdhbeh — cum versione gallica edidit — M. I. De Goeje (= Biblio-

Съ новыми прибавленіями сообщеніе Хордадбега становится еще болѣе интереснымъ. То, которое касается переводчиковъ, между прочимъ служитъ объясненіемъ, почему Ибн-Хордадбегъ, одинъ изъ всѣхъ арабскихъ писателей, причисляетъ Русь къ Славянамъ. Онъ причислилъ русскихъ купцовъ къ Славянамъ просто на томъ основаніи, что переводчиками ихъ въ Багдадѣ, гдѣ и онъ самъ жилъ, служили обыкновенно евнухи славянскаго происхожденія, при чемъ можетъ быть и нѣтъ необходимости думать только о Славянахъ, подвластныхъ Руссамъ, но за то необходимо представлять себѣ, что рабы этого рода привезены были сюда на продажу изъ Европы въ такомъ возрастѣ, что, усвоивъ арабскій языкъ, не могли забыть природнаго. Ибн-Хордадбегъ, однако, упустилъ изъ виду такую возможность, что, съ другой стороны, и русскимъ купцамъ славянскій языкъ былъ не совсѣмъ родной, что кромѣ этого языка, усвоеннаго ими отъ побѣжденныхъ и подвластныхъ народовъ, они могли имѣть еще и свой природный, отличавшій Русь отъ собственныхъ Славянъ. Соотечественникъ Ибн-Хордадбега, Ал-Бекри, жившій позднѣе, сообщаетъ намъ наблюденіе, дошедшее до него чрезъ посредство еврейскаго путешественника около половины X вѣка, что «главнѣйшія изъ племенъ сѣвера говорятъ по-славянски, потому что
CXXIX смѣшались съ ними (то есть, Славянами), какъ, напримѣръ, Баджанâкіа и Русы и Хазары»[1]). Ошибка Хордадбега напоминаетъ соображенія, по которымъ тѣхъ же Руссовъ при дворѣ Людовика Благочестиваго могли признать за Шведовъ. — Но не въ этомъ заключается для насъ сущность вопроса; для насъ всего важнѣе знать, къ какому именно времени относится приведенное нами свидѣтельство о существованіи очень широкихъ и развитыхъ торговыхъ сношеній русскихъ купцовъ съ обѣими имперіями востока — христіанскою и мусульманскою. Какъ мы намекнули, для рѣшенія такого вопроса существуютъ теперь новыя данныя, находящіяся въ связи съ открытіемъ новой дотолѣ неизвѣстной редакціи сочиненія «О путяхъ и царствахъ». Та ре-

---

theca geographorum arabicorum. Pars sexta), Lugduni Batavorum, 1889. Мѣсто о русскихъ купцахъ см. на стр. 115 французскаго перевода. Ср. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, С.-Пб., 1870, стр. 49.

1) Извѣстія Ал-Бекри (Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XXXII), стр. 54.

дакція, которою мы до сихъ поръ должны были пользоваться, никогда не считалась настоящимъ подлинникомъ сочиненія Ибн-Хордадбега, а всегда представлялась безтолковою передѣлкою и сокращеніемъ, совершенными неизвѣстнымъ анонимнымъ ара- CXXX бомъ[1]). Оттого и оказывалось, что въ книгѣ, носящей имя Ибн-Хордадбега, не отыскивалось многихъ такихъ мѣстъ, которыя цитуются позднѣйшими арабскими писателями въ качествѣ заимствованій изъ его труда. Новѣйшему издателю «Книги о путяхъ и царствахъ», оріенталисту де-Гуе, особенное счастіе доставило въ руки неизвѣстный прежде экземпляръ сочиненія Ибн-Хордадбега, уже болѣе исправный и полный, отчасти содержащій въ себѣ и тѣ мѣста, которыя цитовались арабскими писателями, но въ прежней редакціи не отыскивались. Однако, и вновь открытая редакція, хотя и представляется гораздо болѣе пространною, не содержитъ всего, что̀ другими приводится изъ «Книги путей и царствъ», такъ что де-Гуе и эту редакцію не считаетъ окончательною и совершенно полною; при томъ она имѣетъ такой видъ, что многое кажется перепутаннымъ, стоящимъ не на своемъ мѣстѣ; есть очевидныя вставки, которыя попали не туда, гдѣ имъ надлежало быть. Все заставляетъ думать, что вновь открытая редакція (*A*) образовалась вслѣдствіе сдѣланныхъ самимъ авторомъ добавленій и приписокъ на поляхъ первоначальнаго изложенія и на отдѣльныхъ листахъ — пріемъ, водившійся и у арабовъ. Поражаетъ, между прочимъ, такая странность: называются и предполагаются находящимися въ живыхъ лица, которыя сошли со сцены на пространствѣ времени отъ 234 года гиджры (= 848 г. по Р. Х.) по 250 гиджру (= 864 г.). Примѣромъ можетъ служить указаніе на властителей Адербейджана — провинціи вовсе не столь отдаленной, чтобы предполагать незнаніе или ошибку въ доступныхъ Ибн-Хордадбегу свѣдѣніяхъ: онъ завѣдывалъ почтами и дорогами въ сосѣдней Мидіи (Джебалѣ), если только не служилъ въ центральномъ почтовомъ управленіи халифата. Городъ Марандъ (Marand) въ Адербейджанѣ считается принадлежащимъ Могаммеду ал-Бакту, между тѣмъ, по свидѣ-

1) Ср. А. Я. Гаркави, Сказанія мусульм. писателей о Славянахъ и Руси, стр. 46.

тельству Табари, этотъ Могаммедъ взбунтовался и былъ взятъ
CXXXI въ плѣнъ въ 234 (848) году, а погибъ въ 235 (849). Равнымъ образомъ Ибн-Хордадбегъ называетъ властителемъ Тавриза нѣкоего Могаммеда Ибн-Раввада, а между тѣмъ сей Могаммедъ утратилъ свою власть тоже въ 234 (848) году[1]), какъ свидѣтельствуетъ Якуби, писавшій свой трудъ въ 891 году. Судя по этому, «Книга о путяхъ и царствахъ» написана не позднѣе 846 (или 847) года, когда оба Могаммеда были въ живыхъ и занимали свои мѣста. Но вотъ на ряду съ такими датами приводятся стихи изъ поэмъ, сочиненныхъ только въ 882 и 884 годахъ (р. 95), говорится объ открытіи пирамиды въ Египтѣ (р. 121), фактѣ, относящемся приблизительно къ 883—886 годамъ и т. п. Судя по этому, сочиненіе окончено не ранѣе 885 года. Разгадка таковыхъ внутреннихъ хронологическихъ противорѣчій становится простою при предположеніи двойной редакціи и двухъ послѣдовательныхъ изданій сочиненія: написавши свою книгу въ 846 году, Ибн-Хордадбегъ продолжалъ ею заниматься и позднѣе, дѣлалъ дополненія для новаго изданія. Одни изъ послѣдующихъ арабскихъ писателей пользовались первою редакціею, другіе второю. Теперь представляется вопросъ, находилось ли сообщеніе о русскихъ купцахъ уже въ первой редакціи. Отвѣтъ на этотъ вопросъ нѣсколько затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ подлинномъ своемъ видѣ эта редакція до насъ не дошла; ее замѣняетъ намъ давно извѣстная компиляція или передѣлка, сохранившаяся единственно въ Оксфордскомъ спискѣ (редакція *B* у де-Гуе). Такъ какъ ни одно изъ (вставочныхъ) мѣстъ, указывающихъ на годы болѣе поздніе, чѣмъ 234 (848), не встрѣчается въ Оксфордскомъ спискѣ, то въ высшей степени вѣроятно, что сокращеніе было сдѣлано по первой редакціи — той, которая явилась въ послѣдніе годы халифа Ватика, либо въ первые халифа Мутаваккила, то есть, въ 846 или 847 году. Соображенія, на основаніи которыхъ сокращенное изложеніе, принимаемое обыкно-
CXXXII венно безъ оговорокъ за произведеніе Ибн-Хордадбега, относили къ болѣе позднимъ годамъ (около 880), оказываются призрач-

---

1) О томъ и другомъ Могаммедѣ см. р. 91 французскаго перевода и ср. Préface, р. XIX.

ными[1]). Какъ извѣстно, сообщеніе о русскихъ купцахъ давно обращается въ ученомъ мірѣ; оно читается въ Оксфордскомъ спискѣ, значитъ, находилось въ первоначальной редакціи. Въ новѣйшемъ изданіи де-Гуе (по списку *A*) являются только нѣкоторыя новыя подробности: кромѣ указанія на посредничество славянскихъ евнуховъ, есть еще сообщеніе о стремленіи русскихъ купцовъ выдавать себя за христіанъ, о чемъ авторъ говоритъ тономъ недовѣрія.

Итакъ, извѣстіе о торговлѣ русскихъ купцовъ съ Византіею чрезъ Черное море и съ мусульманскими странами черезъ Каспійское относится еще къ сороковымъ годамъ IX столѣтія; самыя торговыя связи образовались, конечно, хотя нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе: Русь была извѣстна Византійцамъ и Арабамъ въ первой половинѣ названнаго столѣтія. Основательность такого вывода удостовѣряется уже тѣмъ, что къ нему пришелъ самъ новѣйшій издатель «Книги путей и царствъ», извѣстный оріенталистъ де-Гуе, свободный въ данномъ вопросѣ отъ всякой преднамѣренности и предвзятости, въ чемъ легко было бы заподозрить соотечественника тѣхъ русскихъ купцовъ въ Багдадѣ[2]).

Народъ, съ которымъ Византія дружила, долженъ былъ по- CXXXIII
ставлять или цѣльные отряды, или отдѣльныхъ охотниковъ въ имперскія войска. И въ этомъ смыслѣ, помимо построенія Саркела, дружественныя сношенія императора Өеофила съ хазар-

---

1) Въ перечисленіи титуловъ земныхъ царей (А. Я. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей, стр. 48; — de-Goeje, p. 12) говорится: Царь Рума, котораго обыкновенно именуютъ кайсаръ (кесарь), собственно называется василемъ (Bâsyl). Полагали (Гаркави, стр. 47), что тутъ нужно разумѣть Василія Македонянина (царствовалъ 866—886), но оказывается по сличенію съ другимъ мѣстомъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду греческій титулъ *βασιλεύς*, см. p. 91 (о Константинополѣ, гдѣ опять читаемъ, что титулъ царя есть васили — Bâsylу, и что онъ носитъ порфирную одежду). Равнымъ образомъ Ибн-Хордадбегъ сообщаетъ (p. 13), что у Славянъ царь называется княземъ: le roi des Slaves, knâz. Кстати сказать, нѣчто подобное видѣли мы у Пруденція: царь Руси называется хаканомъ (каганомъ). Что касается другого признака — Оммайяда Мухаммеда I, властвовавшаго въ Испаніи отъ 238 по 273 гиджры (Гаркави, стр. 47), то имя его прочитано было въ «Книгѣ путей» первымъ издателемъ Барбье-де-Мейнаромъ только по догадкѣ и, какъ сообщаетъ de-Goeje (Préface, p. XX), ошибочно.

2) Де-Гуе такъ мало посвященъ въ интересы русской науки и въ раздоры норманистовъ съ ихъ противниками, что своими соображеніями полагаетъ доставить особенное удовольствіе именно академику А. А. Кунику, который, между тѣмъ, имѣетъ всѣ причины не жаловать Ибн-Хордадбега.

скимъ каганомъ и подвластными ему народами не остались, кажется, безплодными. Присутствіе Хазаръ въ императорской гвардіи (этеріи) и служба Руси въ царскомъ флотѣ дѣлаются хорошо извѣстными съ X вѣка. Но, когда это началось, мы точно не знаемъ. Есть, однако, одинъ случай, относящійся къ 854 году, гдѣ на сцену являются Русскіе, хотя еще не подъ своимъ вполнѣ несомнѣннымъ именемъ Руси, Ῥῶς. Къ означенному году относится убійство кесаремъ Вардою временщика, любимца императрицы Ѳеодоры, Ѳеоктиста, съ соизволенія царя Михаила III, ея сына. Наиболѣе подробно вся исторія разсказана Генесіемъ, который для времени Михаила III располагалъ свѣдѣніями, ведущими свое начало отъ современниковъ и очевидцевъ. Новѣйшія изслѣдованія сдѣлали весьма вѣроятнымъ, что отцомъ Генесія, писавшаго свою хронику при Константинѣ Багрянородномъ въ глубокой старости, былъ тотъ самый Константинъ изъ Арменіи, который при Михаилѣ III начальствовалъ надъ царскими тѣлохранителями и вообще игралъ довольно важную роль. Между прочимъ онъ былъ свидѣтелемъ и протестующимъ участникомъ кровавой сцены убіенія Ѳеоктиста. Когда, благодаря его вмѣшательству, развязка замедлилась, то самъ императоръ, по сообщенію намъ Генесія, сына Константина, распорядился выслать изъ дворца на мѣсто дѣйствія Скиѳовъ изъ Таврики, служившихъ въ этеріи (гвардіи): *τοὺς ἐκ Ταυρικῆς καθ᾽ ἑταιρείαν Σκύθας*[1]). Выраженіе «Скиѳы изъ Таврики», думаемъ, есть не что иное, какъ ухищренный, искусственный оборотъ для обозначенія болѣе обычныхъ, хотя все-таки книжныхъ, тавроскиѳовъ, подъ которыми у писателей X вѣка разумѣются исключительно
CXXXIV Русскіе. То же самое сложное слово у другихъ византійцевъ перифразируется другими подобными оборотами, напримѣръ, у Кедрина и Зонары «Скиѳы около Тавра», означая несомнѣнно Русскихъ. Намекъ на тожество Руси съ Тавроскиѳами находится, какъ увидимъ ниже, и въ житіи Георгія Амастридскаго. Репутація особенной жестокости и свирѣпства, съ какою наши предки являются въ началѣ своей исторіи въ представленіи византій-

1) Genes., p. 89. О времени, когда писалъ Генесій, и объ его происхожденіи см. F. Hirsch, Byz. Stud., стр. 118. 150—155. <Ф. Штейнманъ въ Виз. Вр., XXI, 15—44.>

цевъ, отчасти объясняется этимъ отожествленіемъ, такъ какъ далѣе предполагалось, что Тавроскиѳы суть тѣ же Скиѳотавры, у которыхъ существовалъ кровавый культъ Артемиды, требовавшій принесенія въ жертву чужестранцевъ, и т. д. (Ифигенія въ Тавридѣ).

Наконецъ, въ самыхъ бесѣдахъ патріарха Фотія по случаю нашествія Руси въ 865 году находятся нѣкоторые намеки на болѣе раннія отношенія этого народа къ имперіи, хотя у насъ болѣе привыкли обращать вниманіе на тѣ выраженія оратора, которыя могутъ быть истолкованы въ смыслѣ противоположномъ. Во второй бесѣдѣ онъ изумляется, что противъ Ромэйской державы поднялъ оружіе тотъ самый народъ (Русь), для котораго нѣкогда одинъ слухъ ромэйскаго имени казался невыносимо страшнымъ[1]). Въ окружномъ посланіи 867 года Фотій уже зналъ, что дерзкому замыслу противъ Константинополя предшествовало насильственное подчиненіе Руси другихъ сосѣднихъ племенъ[2]) — процессъ, который едва ли могъ совершиться въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ. Если въ этой энцикликѣ Фотій величаетъ Русь народомъ «многопрославленнымъ» или «пресловутымъ», то довольно трудно удовольствоваться объясненіемъ, что вся эта слава предполагается связанною съ недавнимъ фактомъ нашествія на Константинополь[3]). Правда во второй же бесѣдѣ «На нашествіе Руси», сказанной послѣ снятія осады, между рито- CXXXV
рическимъ наборомъ уничижительныхъ эпитетовъ по адресу смирившихся враговъ попадаются и такіе, которые внушаютъ идею безславія, неблагородства, незнатности; но незнатность все-таки не есть безызвѣстность. Если на ряду съ подобными выраже-

1) Lexicon Vindobonense rec. Nauck: Photii in Rossorum incursionem homiliae, pp. 217 sq.: *οἷς γὰρ οὐδὲ Ῥωμαίων φήμη μόνη φορητή ποτε κατεφαίνετο, οὗτοι κατ' αὐτῆς αὐτῶν τῆς ἐξουσίας ὅπλα ἤροντο.*

2) См. выше стр. XLVII, гдѣ приведенъ самый текстъ.

3) Мы полагаемъ, что кудрявое выраженіе Фотія: *τὸ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον (ἔθνος)*, переведенное въ Степенной книгѣ словами «многими многажды повѣдаемый языкъ», совершенно равняется болѣе простому и обычному выраженію «*πολυθρύλλητος*», многопрославленный, пресловутый. Ср. Leo Diac., 48,18 Bonn.: Никифоръ Фока по силѣ равнялся пресловутому *(τὸν θρυλλούμενον)* Геркулесу. Simocatt., 39,17 de Boor.: многопрославленное у народовъ имя Римлянъ *(τὸ πολυθρύλητον ὄνομα)*. Въ житіи Стефана Новаго объ Аннѣ пророчицѣ (Patr. gr., 100, 1080): *ἡ πολυθρύλλητος Ἄννα*. У Пселла (Sathas, Bibliotheca gr., IV, 37) о храмѣ Соломоновомъ употреблено то же самое выраженіе.

ніями два раза встрѣчаются такія, которыя съ филологической точки зрѣнія какъ будто говорятъ о незнаемости, то именно связь, въ какой они стоятъ, показываетъ, что они вовсе не заключаютъ въ себѣ простого историческаго заявленія о неизвѣстности народа, а только риторическое усиленіе понятія о незнатности. *Ὅσον δὲ πάλιν ἀφανὲς, ἄσημον καὶ μηδὲ μέχρι τῆς καθ᾽ ἡμῶν ἐπελεύσεως γινωσκόμενον:* народъ невидный, незначительный и даже до нашествія на насъ незнаемый, то есть, ничѣмъ не давшій себя знать, не заявившій о своемъ существованіи, которое, очевидно, подразумѣвается въ самомъ указаніи на его малозначительность. *Ἔθνος ἀφανές, ἔθνος ἀναρίθμητον, ἔθνος ἐν ἀνδραπόδοις ταττόμενον, ἄγνωστον μέν, ἀλλ᾽ ἀπὸ τῆς καθ᾽ ἡμῶν στρατείας ὄνομα λαβόν, καὶ ἄσημον μέν, ἀλλ᾽ ἐπίσημον γεγονός.* Теперь мы уже имѣемъ хорошій русскій переводъ бесѣдъ Фотія, сдѣланный по исправному изданію подлинника (академика Наука) и уже устранившій недоразумѣнія, вызванныя текстомъ и переводомъ преосв. Порфирія. Тамъ приведенное мѣсто передано такъ: «Народъ неименитый, народъ несчитаемый (ни за что), народъ, поставляемый наравнѣ съ рабами, неизвѣстный, но получившій имя со времени похода противъ насъ, незначительный, но получившій значеніе» и т. д.[1]). Какъ нарочно, легкая неисправность вообще хорошаго перевода падаетъ именно на
CXXXVI слова — неименитый, неизвѣстный. Слово *ἄγνωστον* и по контексту, и по словоупотребленію не значитъ неизвѣстный, напротивъ именно это выраженіе слѣдовало передать по-русски словомъ «неименитый, незнатный», которое уже истрачено выше тоже не совсѣмъ кстати[2]). Если бы Фотій сталъ говорить о не-

1) Христіанское Чтеніе, 1882 г., сентябрь-октябрь. Двѣ бесѣды Фотія — въ переводѣ проф. Е. И. Ловягина, стр. 432.

2) Лучше всего значеніе слова *ἄγνωστος* у византійцевъ видно изъ одной юридической статьи, Epanag., XI, 35 (Zachariae a Lingenthal, Collectio librorum iuris Graeco-Romani, p. 95): *Οἱ ἄγνωστοι τῶν μαρτύρων καὶ βασανιζέσθωσαν, εἰ δεήσοι.* Рѣчь идетъ о томъ, какихъ свидѣтелей можно подвергать пыткѣ: только незнатныхъ (humiliores). *Ἀφανής* — темный, невидный. На сей разъ переводъ правильнѣе у преосв. Порфирія (Четыре бесѣды Фотія, стр. 16—18), хотя своимъ неудачнымъ чтеніемъ текста и введеніемъ въ него русскихъ молотильщиковъ, будто бы убитыхъ въ Константинополѣ, онъ былъ виновникомъ заблужденія не только для Д. И. Иловайскаго, но и для Е. Е. Голубинскаго (Исторія Русской церкви, I, 20): послѣдній писалъ уже послѣ болѣе исправнаго изданія Бесѣдъ академикомъ Наукомъ. Не повторяемъ того, что мы объ этомъ говорили въ 1878 году <въ мартовской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр., отд. 2, стр. 175 сл.>.

извѣстности Руси ранѣе 865 года, то онъ впалъ бы въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Переходимъ къ нашему второму пункту — къ вопросу объ исторической дѣйствительности русскаго нашествія на Пафлагонскій берегъ и Амастриду, о которомъ говорится въ Житіи Георгія.

Трудно предположить, чтобы въ рѣчи, которая произносилась предъ гробомъ недавно скончавшагося святителя и въ присутствіи бывшей его паствы, сохранявшей въ памяти событія недавнихъ лѣтъ, ораторъ могъ допустить себѣ созданіе совершенно вымышленной обстановки для чуда, приписываемаго почившему, такой обстановки, какая явно бы обличала неправдоподобіе повѣствованія. Такой сравнительно трезвый ораторъ, какъ авторъ похвалы Георгію, не сталъ бы разсказывать о нашествіи враговъ, подобнаго которому никто изъ мѣстныхъ жителей не помнилъ и не слыхивалъ. Необходимо признать не только извѣстность Руси въ современной автору Пафлагоніи, но и дѣйствительность факта нашествія на окрестности Амастриды, если не ранѣе, то въ промежутокъ между кончиною святаго и временемъ написанія похвалы ему. Здѣсь насъ опять ожидаютъ рѣзкія возраженія. Какъ возможно допустить, чтобы такой важный фактъ, какъ нашествіе прежде неизвѣстныхъ или во CXXXVII
всякомъ случаѣ небывалыхъ враговъ, остался не отмѣченнымъ въ византійскихъ хроникахъ, особенно если нашествіе коснулось Мраморнаго моря и слѣдовательно (?) самой столицы? Какъ возможно, чтобы объ этомъ и въ русскомъ преданіи не сохранилось ни малѣйшей памяти? На это мы отвѣчаемъ, что мы, прежде всего, не видимъ необходимости преувеличивать размѣры событія, о которомъ говорится въ житіи Георгія: нашествіе на Амастриду и берега Пафлагоніи могло быть мѣстнымъ и частнымъ фактомъ, разбойническимъ набѣгомъ, о которомъ жителямъ Константинополя не было необходимости много заботиться. Что же касается молчанія русской лѣтописи, то не лишнее припомнить, что въ той ея части, которая составилась помимо византійскаго вліянія и передаетъ старинное мѣстное преданіе, все-таки говорится о князѣ полянскомъ Кіѣ, ходившемъ къ Цесарюграду. Сверхъ того, нужно замѣтить, что ни въ русской лѣтописи, ни въ византійскихъ хроникахъ даже за вполнѣ историческое время нѣтъ исчер-

пывающей полноты относительно интересующаго насъ пункта. И за позднѣйшее время были такія столкновенія Руси съ Византіею, которыя остались не отмѣченными въ русской лѣтописи, и наоборотъ — въ русской лѣтописи говорится о такомъ походѣ на Византію, который совсѣмъ неизвѣстенъ византійцамъ. Слѣдовательно, легко можно допустить и такое нашествіе, которое останется неизвѣстнымъ и тѣмъ, и другимъ. Въ византійскихъ хроникахъ нѣтъ, можно сказать, ни малѣйшаго намека на походъ Олега, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ основаніи сообщенія, столь разукрашеннаго легендарными подробностями, не лежало какого-нибудь дѣйствительнаго факта [1]). Въ русской лѣтописи нѣтъ даже простого упоминанія о родственникѣ великаго князя
CXXXVIII Владимира (святаго), который около 1025 года пробрался въ Пропонтиду, сопровождаемый дружиною въ 800 человѣкъ, имѣлъ столкновеніе съ византійскою флотиліей въ Дарданеллахъ и, несмотря на попытки преградить ему дорогу, достигъ до острова Лемноса, гдѣ наконецъ съ нимъ справились не только при помощи оружія, но и посредствомъ хитрости [2]). Въ житіи патріарха Игнатія, написанномъ Никитою Пафлагонскимъ (см. выше, стр. XXIII и CIII), два раза говорится о Русскихъ, разорившихъ монастыри и церкви на островѣ Теревинѳѣ и другихъ сосѣднихъ изъ группы Принкипо (= Принцевыхъ) на Мраморномъ морѣ. По связи, въ которой стоитъ это сообщеніе, фактъ приходится на 861 годъ, и, можетъ быть, только извѣстное традиціонное ученіе о началѣ русскаго имени заставляетъ большую часть изслѣдователей настаивать на пріуроченіи его къ походу Аскольда и Дира, относимому къ 865 году [3]). Въ сущности нѣтъ ничего

---

1) Нѣкоторый намекъ на то, что у византійцевъ существовало извѣстіе о походѣ Олега, можно усматривать развѣ только у Симеона магистра въ загадочномъ мѣстѣ о Дромитахъ и Ῥῶς τινος σφοδροῦ (p. 707 Bonn.): оно стоитъ именно тамъ, гдѣ слѣдовало бы стоять разсказу о походѣ Олега, предъ событіями 904 года. Любопытно, что сообщеніе о названіи Руси Дромитами, къ которому привязано темное мѣсто о сильномъ или быстромъ Россѣ, повторено при походѣ Игоря (p. 746), но съ исключеніемъ вставки.

2) Cedren. II, 478 sq.

3) Patr. gr., 105, 516. 532. Еще Байеръ выразилъ предположеніе, что Никита сдѣлалъ ошибку, смѣшавъ второе изгнаніе Игнатія съ третьимъ. Академикъ А. А. Куникъ, который держится того же мнѣнія, обѣщалъ посвятить вопросу особое разслѣдованіе, но оно еще не появилось. За раздѣльность набѣга на острова Принкипо отъ нашествія Аскольда стоитъ Гергенрётеръ, тща-

невозможнаго въ томъ, что осадѣ Константинополя Русскими предшествовали ихъ смѣлые грабительскіе набѣги на Малоазіатскіе берега Понта, своего рода рекогносцировки, какъ это представлялъ себѣ и Д. И. Иловайскій (см. выше, стр. VII), и что они могли даже достигать Мраморнаго моря и окрестностей столицы. Нужно помнить, что проходъ чрезъ узкія ворота Босфорскаго пролива не охранялся тогда турецкими пушками и баттареями по обѣимъ сторонамъ теченія, а развѣ только таможенною cxxxix
заставою въ извѣстномъ пунктѣ и стражею при маякѣ, освѣщавшемъ и тогда входъ въ проливъ со стороны Чернаго моря. При недостаткѣ бдительности, въ случаѣ отвлеченія византійскихъ морскихъ силъ въ другую сторону, русскія однодеревки могли достигнуть самого Золотого Рога, не встрѣтивъ серіозной преграды, и затѣмъ предъ ними стояли высокія и крѣпкія стѣны города; нуженъ былъ особенный припадокъ варварской дерзости, чтобы покуситься на осаду ихъ, иначе — что мѣшало продолжать по островамъ и берегамъ Пропонтиды грабежъ, начатый въ Босфорѣ?

Въ такомъ именно смыслѣ можно понимать разсказъ Амастридскаго житія о разбойническомъ набѣгѣ Русскихъ, начавшемся отъ Пропонтиды (см. выше, стр. XL и стр. 64 текста). Такъ какъ о Константинополѣ, о столицѣ ничего не сказано, то и нѣтъ основанія думать, что предпріятіе въ то же время угрожало ея стѣнамъ. Авторъ говоритъ только о Пропонтидѣ и, конечно, не даромъ умолчалъ о Константинополѣ, который всего бы скорѣе представился его воображенію, если бы къ тому былъ у него какой-либо поводъ и не было основаній оставить его въ сторонѣ. При томъ, если держаться буквальнаго смысла выраженій агіографа, то и самая Пропонтида была только исходнымъ

тельно провѣрившій всю хронологію событій, излагаемыхъ у Никиты (см. Photius, I, 421. 531). Е. Е. Голубинскій (Исторія Русской церкви, I, 21) слѣдуетъ Гергенрётеру въ томъ отношеніи, что относитъ разореніе монастырей Игнатія къ 861 году или къ началу 862, но отступаетъ отъ него въ томъ, что комбинируетъ разсказъ Никиты съ лѣтописнымъ, принимая и для похода Аскольда 861 или 862 годъ, тогда какъ, по Гергенрётеру, послѣдній представляетъ особое событіе, не упомянутое въ житіи Игнатія и помѣщаемое между 864 и 865 годомъ. Ожидая изслѣдованія А. А. Куника, мы пока воздерживаемся высказать опредѣленное мнѣніе.

пунктомъ, terminus a quo, для русскихъ враждебныхъ дѣйствій, а это представляется довольно страннымъ, когда мы сообразимъ, что Мраморное море долженствовало скорѣе оказаться наиболѣе отдаленною гранью, послѣднимъ предѣломъ, за который русскія однодеревки вообще не заходили, кромѣ одного исключительнаго и особеннаго случая (разумѣется эпизодъ 1025 года). Ничто не мѣшаетъ понимать текстъ такъ, что выраженіе Пропонтида употреблено здѣсь въ болѣе широкомъ смыслѣ, при которомъ въ нее включаются и Босфоръ съ Дарданеллами, или даже въ значеніи нарицательномъ, соотвѣтствующемъ этимологическому составу слова, въ значеніи «предморья». Примѣры того и другого словоупотребленія встрѣчаются въ византійской литературѣ. Когда Босфоръ обозначается фразою *Στενὰ Προποντίδος* (узкое мѣсто
CXL Пропонтиды — у Зосима), *Ἀνάπλους Προποντίδος* (верхняя часть Пропонтиды — у Евфремія), когда выраженіе Пропонтида у одного писателя (у Генесія, p. 102) замѣняется у другого (у Кедрина, II, 174) выраженіемъ *Στενόν* (узкое мѣсто), означающимъ обыкновенно Босфоръ, то здѣсь Босфоръ считается частью Пропонтиды; точно такъ же Пропонтида внѣ Евксинскаго понта, отличающаяся быстротою своего теченія *(ἡ Προποντὶς ἡ ἔξω τοῦ Εὐξείνου πόντου)*, есть не что иное, какъ Босфорскій проливъ[1]). Объ извѣстномъ неудачномъ кандидатѣ на русскую митрополію послѣ кончины Алексѣя, архимандритѣ Митяѣ, говорится въ русскихъ лѣтописяхъ, что онъ умеръ во время своего плаванія въ Царьградъ, не достигнувъ греческой столицы, хотя уже въ виду ея. «И бысть уже преплавающимъ пучину морскую, яко и Царьградъ бѣ видѣти, тогда внезапу

---

1) *Πολὺς Γερμανὸς τὸν βίον καὶ τὸν λόγον*
. . . .
Αὐχῶν Ἀνάπλουν πατρίδα Προποντίδος.

(Euphraem. de patriarchis, p. 411 Bonn., vers. 10254—7).

Θеодосій Мелитиніотъ (Mai, Patrum Nova Biblioth., VI, 508), сравнивая жизнь человѣческую съ теченіемъ морскихъ волнъ, указываетъ, что на моряхъ существуютъ различные проливы, отличающіеся бурнымъ характеромъ: проливъ Тирренскій опасенъ своими тѣснинами, а Пропонтида внѣ Евксинскаго понта — быстротою своего теченія: *ἡ Προποντὶς ἡ ἔξω τοῦ Εὐξείνου πόντου*. Ср. Zosim., p. 30,10 Mendelss.

разболѣся Митяй» (Полн. собр. русск. лѣтоп., VIII, 31). «И проидоша до моря Кафинскаго. И бысть близь города, яко видѣти Царьградъ, и ста корабль, мимо его идущи многи корабли, и внезапу (умре) въ корабли Митя» (тамъ же, XV, 440). Итакъ, Митяй скончался во время плаванія по Босфору. Греческій документъ, описывающій то же самое событіе, выражается о смерти Михаила (Митяя), что онъ умеръ, плавая въ Пропонтидѣ, такъ что на другой день могъ бы войти въ гавань[1]). Не слѣдуетъ думать, что между русскимъ и византійскимъ источниками существуетъ противорѣчіе: вся сила въ томъ, что Пропонтида означаетъ у Грековъ также и проливъ Константинопольскій. CXLI
Есть двѣ Пропонтиды, гласитъ византійская глосса: одна у Абидоса, другая при Іеронѣ и Псаммаѳіи[2]). Абидосъ, какъ извѣстно, находится при Геллеспонтѣ или Дарданеллахъ, а Іеронъ есть теперешній Анадоли-кавакъ на Босфорѣ, ближе къ Черному морю; Псаммаѳіонъ же соотвѣтствуетъ нынѣшнему кварталу и воротамъ Стамбула, носящимъ названіе Саматіà-калесси, южнѣе стрѣлки Сераля. Итакъ, одна изъ Пропонтидъ равняется проливу, соединяющему Черное море съ Мраморнымъ. Когда историкъ Дука говоритъ (p. 144 Bonn.) о проливѣ Пропонтиды при священномъ устьѣ (*τὸν πορθμὸν τῆς Προποντίδος τοῦ ἱεροῦ στομίου καταλαβών*), то онъ слѣдуетъ именно такому словоупотребленію, разумѣя подъ Пропонтидою Босфорскій проливъ съ Іерономъ, за что и получилъ отъ новѣйшаго комментатора упрекъ за склонность къ вульгарному народному языку (p. 585). Если слово Пропонтида употреблено въ нашемъ памятникѣ (въ Житіи Георгія) въ такомъ же смыслѣ, то въ немъ уже не будетъ заключаться ни малѣйшаго намека на

1) Acta patriarchat. Constantin., II, 121 (№ 404): *Οὔπω γὰρ ἐπιβὰς τῆς βασιλίδος τῶν πόλεων, ἀλλ' ἔτι τὴν Προποντίδα πλέων καὶ μέλλων εἰς τὴν αὔριον κατάγεσθαι, τὸν βίον ἀπέλιπεν.*

2) Catalog. urbium, quae nomen mutarunt (Parthey, Hieroclis Synecdemus, Berol., 1866, Append., p. 312): *Προποντίδες δύο, ἡ μὲν κατὰ τὴν Ἄβυδον, ἡ δὲ κατὰ τὸ Ἱερὸν καὶ Ψαμμάθιον.* Глосса нѣсколько напоминаетъ мѣсто Прокопія (Arcana, 25, p. 152,22 Haury), гдѣ говорится о двухъ проливахъ Византіи, одномъ на Геллеспонтѣ при Абидосѣ и Сестѣ, другомъ — при устьѣ Евксинскаго понта, которое называется священнымъ: *πορθμὼ δύο ἑκατέρωθεν Βυζαντίου ἐστὸν, ἅτερος μὲν ἐφ' Ἑλλησπόντου ἀμφὶ Σηστόν τε καὶ Ἄβυδον, ὁ δὲ δὴ ἕτερος ἐπὶ τοῦ στόματος τοῦ Εὐξείνου καλουμένου Πόντου, οὗ τὸ Ἱερὸν ὀνομάζεται.*

прохожденіе русскихъ судовъ мимо Золотого Рога, мимо стѣнъ столицы, а просто будетъ идти рѣчь о частномъ набѣгѣ, въ которомъ Русь начала свой грабежъ у Босфора, при входѣ въ Константинопольскій проливъ, и потомъ, держась берега, достигла Амастриды. Еще болѣе общее значеніе придано слову Пропонтида въ житіи Стефана Новаго, то есть, въ такомъ памятникѣ, который относится по времени написанія къ началу IX вѣка и, слѣдовательно, къ той же эпохѣ, какъ и Амастридское житіе по своему содержанію. Перечисляя мѣста, въ которыхъ правовѣрные могутъ находить убѣжище отъ гоненія иконоборнаго царя, Стефанъ указываетъ на сѣверные берега Чернаго моря, на области
CXLII лежащія по Пароенійскому (Средиземному) морю, гдѣ простирается южный заливъ (Адріатическій), и наконецъ на нижнія части Ликійской провинціи, отъ Силея до Сики вмѣстѣ съ воднымъ пространствомъ самой Пропонтиды, островомъ Кипромъ и противоположнымъ берегомъ до Триполиса[1]). Очевидно, что здѣсь выраженіе «Пропонтида» просто означаетъ часть моря, вдающуюся въ материкъ, въ данномъ случаѣ — пространство (уголъ) отъ оконечности Ликіи до сѣверныхъ краевъ Палестины, до Триполиса и Тира со включеніемъ острова Кипра. По аналогіи съ этимъ въ Амастридскомъ житіи могло быть такимъ выраженіемъ обозначено взморье отъ рѣки Сангарія до Амастриды.

Если мы будемъ понимать русское нашествіе на Амастриду какъ мѣстный и частный набѣгъ, то уже не останется ни малѣйшаго основанія удивляться, что на такое событіе не встрѣчается намека въ бесѣдахъ Фотія, сказанныхъ по поводу осады Константинополя въ 865 году. Патріархъ прежде всего имѣетъ въ виду свою ближайшую паству, грѣхи которой, вызвавшіе небесный гнѣвъ, онъ обличалъ и ранѣе въ своихъ проповѣдяхъ: разумѣется населеніе столицы, которое въ данный моментъ находится въ ужасѣ. Правда, онъ представляетъ событіе внезапнымъ, неожиданнымъ, чрезвычайнымъ, неслыханнымъ, возвращается къ этому признаку нѣсколько разъ и во второй рѣчи. Ни

1) Vita S. Stephani Junioris (Patr. gr., 100, 1117): *ἔσθ᾽ ὅτε καὶ τὰ κατιόντα τῆς Λυκίων ἐπαρχίας ἀπό τε Συλέου (Συλλέου), Συκῆς, καὶ τὰ κατ᾽ αὐτὴν τὴν Προποντίδα πλεόμενα, ἥ τε Κυπρίων νῆσος καὶ τὰ πρὸς ἀντικρὺ, ἕως Τριπόλεως καὶ Τύρου καὶ Ἰώπης.*

тамъ, ни здѣсь въ виды оратора не входило смягчать и умалять значеніе событія въ смыслѣ кары Божіей грѣшному городу, выставляя на видъ какіе-либо прецеденты, задавая себѣ и внушая слушателямъ вопросъ, не было ли въ прошедшемъ чего-либо такого, что̀ уже подготовляло возможность появленія дерзкихъ варваровъ предъ самою византійскою столицею. «Чѣмъ страннѣе и ужаснѣе и неожиданнѣе нашествіе нахлынувшаго народа, тѣмъ болѣе обличается чрезмѣрность (нашихъ) согрѣшеній», вотъ его основная мысль, выраженная его собственными словами. Рѣчь CXLIII
Фотія не есть дипломатическій документъ, исчисляющій накопившіяся обиды, припоминающій всѣ оскорбленія, нанесенныя въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ христіанскому государству этими Росъ; это не есть также историческая записка, объясняющая всѣ отношенія правительства къ малоизвѣстному темному народцу, недавно появившемуся на горизонтѣ сѣвернаго варварства. Существуютъ ли, нѣтъ ли въ обѣихъ рѣчахъ намеки на прошедшее, во всякомъ случаѣ изъ умолчанія нельзя дѣлать такихъ заключеній, что ранѣе 865 года въ Византіи не имѣли никакого повода обвинять Русь въ какихъ-либо предшествовавшихъ нападеніяхъ на византійскія владѣнія. (Ср. А. А. Куникъ, Mélanges russes). Въ обѣихъ бесѣдахъ, весьма нечуждыхъ риторическаго паѳоса, большую роль играетъ антитеза, заключающаяся въ сопоставленіи величія царственнаго града и ничтожества враговъ, которые подняли противъ него свои руки. «О городъ, царствующій почти надъ всею вселенною, какое войско, не обученное военному искусству и составленное изъ рабовъ, глумится надъ тобою, какъ бы надъ рабомъ! О городъ, украшенный добычами многихъ народовъ, какой народъ вздумалъ обратить тебя въ свою добычу! О городъ украшенный, воздвигнувшій множество памятниковъ побѣды надъ врагами Европы и Азіи и Ливіи, какъ теперь простерла на тебя копье варварская и низкая рука, поднявшись поставить памятникъ побѣды надъ тобою» и т. д. Этотъ мотивъ, столь рѣзко выдающійся въ первой бесѣдѣ, постоянно возвращается и во второй, какъ это отчасти можно видѣть изъ мѣстъ ранѣе приведенныхъ (см. выше, стр. CXXV сл.). Такимъ образомъ, если патріархъ Фотій ищетъ причины событія, то онъ находитъ ее очень близко въ порокахъ

и грѣхахъ своей паствы, которая его слушаетъ, то есть, жителей Константинополя; если хочетъ представить сильнѣе трагизмъ или ужасъ событія, то, въ виду теперешняго униженія, припоминаетъ прежнюю славу византійской столицы. Онъ почти не выходитъ изъ этого кругозора, ограничиваемаго стѣнами Константинополя;
CXLIV все другое близкое и отдаленное лежитъ внѣ этого кругозора. Итакъ, если изъ умолчанія и намековъ Фотія можно выводить какія-нибудь заключенія, то развѣ только то, что Русскіе ранѣе произнесенія бесѣдъ дѣйствительно никогда не осаждали самой столицы византійской. Что же касается близкихъ и отдаленныхъ греческихъ провинцій въ родѣ какой-нибудь Пафлагоніи, то вопросъ о возможномъ сравнительно давнемъ знакомствѣ ихъ съ русскими пиратами и купцами не только не представлялся Фотію, но даже мѣшалъ бы его ораторскимъ намѣреніямъ. Только въ одномъ мѣстѣ, но очень глухо, намекнулъ онъ о какихъ-то прежнихъ отношеніяхъ имперіи къ Русскимъ, и намекъ этотъ легко можетъ быть объясняемъ въ такомъ смыслѣ, что когда-то гроза ромэйскаго оружія (= имени) заставила Русскихъ остановить свой грабежъ или насиліе. Перечитывая всѣ мѣста, которыя отмѣчаются какъ особенно знаменательныя въ смыслѣ отрицанія какихъ-либо предшествовавшихъ нападеній на византійскія владѣнія со стороны Руси, мы никакъ не можемъ отыскать въ нихъ такого значенія. «Посему народъ вышелъ отъ страны сѣверной (*λαὸς ἐξεῖρψεν ἀπὸ βορρᾶ,* Іерем. 6, 22), устремляясь какъ бы на другой Іерусалимъ, и племена поднялись отъ краевъ земли» и т. д. (все изъ пророка Іереміи — Homilia I, p. 203 sqq. ed. Nauck). «Горе мнѣ, что я дожилъ до этихъ несчастій, что мы сдѣлались посмѣшищемъ у сосѣдей нашихъ, поруганіемъ и посрамленіемъ у окружающихъ насъ (Псал. 78, 4), что неожиданное нашествіе варваровъ не дало времени возвѣстить о немъ» (I, p. 208, 1—4 и далѣе, о внезапности нашествія, несмотря на отдаленіе). «Надъ нами теперь разразилась приключившаяся бѣда, какъ явное обличеніе нашихъ прегрѣшеній; подлинно она совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ, но и нечаянность нападенія, и необычайная быстрота его, и безчеловѣчіе варварскаго племени, и жестокость дѣйствій доказываютъ, что этотъ ударъ, какъ молнія,

ниспосланъ былъ съ неба» (II Homil., p. 216, 12 sqq.). «Чѣмъ страшнѣе и ужаснѣе и неожиданнѣе нашествіе нахлынувшаго народа, тѣмъ болѣе обличается чрезмѣрность нашихъ прегрѣшеній, и, съ другой стороны, чѣмъ онъ неименитѣе, незначительнѣе и неизвѣстнѣе до нашествія на насъ (то есть, Царьградъ), тѣмъ большая падаетъ на насъ тяжесть посрамленія» (p. 217, 15 sqq.): *ὅσον δὲ πάλιν ἀφανές, ἄσημον καὶ μηδὲ μέχρι τῆς καθ᾽ ἡμῶν ἐπελεύσεως γινωσκόμενον.* Другое параллельное мѣсто, гдѣ говорится о безславіи и малоизвѣстности Руси, мы уже приводили, и знаемъ, какой смыслъ нужно соединять съ такими выраженіями, во всякомъ случаѣ преувеличенными и не соотвѣтствующими исторической дѣйствительности. Но, кажется, можно заключить, что въ бесѣдахъ Фотія нѣтъ ничего такого, что доказывало бы совершенное незнакомство малоазіатскихъ греческихъ провинцій съ Русскими и невозможность предположенія о набѣгахъ со стороны послѣднихъ на побережья Чернаго моря. CXLV

Что касается сходства подробностей въ разсказѣ Житія объ амастридскомъ нашествіи съ подробностями о походѣ Аскольда въ 865 году, то очевидно, что сходство это очень малое и болѣе близко къ совершенному различію. Такъ или иначе, и Фотій, и Логоѳетъ (продолжатель Амартола = Левъ Грамматикъ) говорятъ о Константинополѣ какъ объектѣ предпріятія, а въ Житіи именно Константинополя-то, самаго главнаго, и нѣтъ. Съ другой стороны, въ хроникахъ и въ бесѣдахъ нѣтъ упоминанія ни о Пафлагоніи, ни о сосѣднихъ приморскихъ областяхъ. Правда, у продолжателя Ѳеофана (p. 196 Bonn.) говорится о Понтѣ Евксинскомъ, но въ данномъ случаѣ подъ Понтомъ, который уже не былъ по настоящему Евксинскимъ (не былъ радъ гостямъ: этимологическая игра словами) и который жгли Русскіе (*τόν τε Πόντον αὐτόν, οὐ μὴν καὶ τὸν Εὔξεινον, κατεπίμπρα*), прежде чѣмъ осадили столицу, ничего другого нельзя разумѣть, кромѣ близкихъ къ столицѣ береговъ Босфорскаго пролива — тѣхъ самыхъ мѣстностей, которыя у другихъ обозначаются какъ пространства «внутри Іерона» (*ἔνδον τοῦ Ἱεροῦ* = Анадоли-Кавакъ). Скилицій (а за нимъ Кедринъ), какъ это извѣстно и какъ это обнаруживается при ближайшемъ сличеніи подлежащихъ мѣстъ

въ обѣихъ хроникахъ, пользовался не продолжателемъ Амартола,
не хроникою Логоѳета, а именно продолжателемъ Ѳеофана, и
CXLVI вслѣдъ за нимъ построилъ совершенно неловкую фразу (Cedren.
II, 173 Bonn.), что Русь опустошила внутреннія части
Евксина и все его побережье *(τὰ ἐντὸς Εὐξείνου καὶ πᾶσαν τὴν
αὐτοῦ παράλιον)*; но у этого поздняго компилятора напрасно
было бы искать какихъ-либо лишнихъ фактовъ или даже наме-
ковъ на лишнія подробности, какъ бы таковыя ни были жела-
тельны. (Ср. А. А. Куникъ, Mélanges russes, p. 11).

Въ свѣдѣніяхъ о походѣ Игоря дѣйствительно есть одна
черта, аналогичная съ разсказомъ Амастридскаго Житія, именно
упоминаніе о Пафлагоніи, въ составъ которой, какъ мы знаемъ,
входила и Амастрида. Въ византійскихъ хроникахъ этой черты
собственно нѣтъ, но она находится въ повѣствованіи русской
первоначальной лѣтописи, которая въ данномъ случаѣ вовсе не
представляетъ буквальнаго сходства съ извѣстными намъ редак-
ціями продолжателя Амартола, а какъ будто все болѣе суще-
ственное заимствуетъ изъ другого источника, удержавъ только
подробности о жестокостяхъ Русскихъ надъ плѣнными: эти по-
слѣднія все-таки взяты у продолжателя Амартола. Теперь тотъ
другой основной источникъ отыскался: вся основа лѣтописнаго
разсказа оказывается на лицо въ Житіи Василія Новаго, въ
сообщеніи его ученика объ одномъ его видѣніи. «Иже придоша
и приплуша и почаша воевати Виѳиньскіа страны, и вое-
ваху по Понту до Ираклиа и до Фафлагоньски земли,
и всю страну Никомидійскую поплѣнивше». *Ἔφθασαν δὲ
καὶ μέχρι τοῦ Ῥίβα, παρεκτείναντες τὰ κροῦσα (= κοῦρσα) αὐτῶν
μέχρι Πόντου Ἡρακλείας καὶ Παφλαγονίας, ἅπασαν δὲ τὴν στρα-
τηγίδα Νικομηδείας διελθόντες.* (Они пробрались до Ривы, простирая
набѣги до Понтійской Гераклеи и Пафлагоніи и пройдя всю Ни-
комидійскую область). — Географическія названія слѣдуютъ въ
томъ же порядкѣ, и весь текстъ буквально сходенъ, исключая
того, что въ лѣтописи вмѣсто рѣки Ривы названа провинція, въ
CXLVII которой она протекаетъ [1]). Но если упоминаніе о Пафлагоніи въ

1) Доселѣ не изданный отрывокъ изъ полной редакціи Житія Василія Но-
ваго по рукописи Московской Синодальной библіотеки (№ 249) напечатанъ
акад. А. Н. Веселовскимъ въ январской книжкѣ Журнала Министерства

исторіи нашествія при Игорѣ получило теперь еще большую историческую достовѣрность, то, съ другой стороны, еще яснѣе сдѣлалось по ходу разсказа въ новомъ греческомъ источникѣ, что при означенномъ нашествіи Русь совсѣмъ не достигла Царьграда и никакъ не видѣла Пропонтиды, если подъ нею разумѣть Мраморное море, между тѣмъ въ Амастридскомъ Житіи Пропонтида служитъ точкою отправленія для военныхъ дѣйствій Руси. Послѣ того, какъ при Іеронѣ имъ былъ прегражденъ путь на морѣ, Русскіе высаживались отдѣльными отрядами на европейскіе и азіатскіе берега Босфора и направлялись внутрь: на азіатской сторонѣ они успѣли пробраться довольно далеко, до Гераклеи Понтійской и до самой Пафлагоніи (въ глубину провинціи и до Амастриды они все-таки, кажется, не проникали); здѣсь на сухомъ пути эти отряды были разбиваемы поодиночкѣ; между тѣмъ дѣло рѣшилось и въ проливѣ сожженіемъ, потопленіемъ и разсѣяніемъ русской флотиліи. Итакъ, если сопоставлять разсказъ Амастридской легенды съ данными похода Игоря не по одной только частности, то, ради предположенія о фактическомъ тожествѣ содержанія, подъ Пропонтидою Житія опять-таки придется разумѣть не Мраморное море, а именно проливъ Босфорскій, какъ мы это принимали для себя. Но вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ одно важное преимущество, какое соединено было бы CXLVIII
съ пріуроченіемъ Амастридскаго сказанія къ нашествію Игоря,

Народнаго Просвѣщенія за 1889 г. <отд. 2, стр. 85 и въ Розысканіяхъ въ области русск. духовнаго стиха, вып. 5-ый (Сборникъ отд. русск. яз. и слов. т. 46), прилож., стр. 67>. Что разсказъ русской первоначальной лѣтописи посредственно или непосредственно заимствованъ отсюда, видно не только изъ сдѣланнаго въ текстѣ сопоставленія, но также изъ дальнѣйшаго сходства въ порядкѣ повѣствованія и въ совпаденіи мелкихъ подробностей; какъ сказано, нужно только исключить въ лѣтописи вставку о жестокостяхъ надъ попадавшимися въ плѣнъ Греками, что буквально сходствуетъ съ текстомъ продолжателя въ хроникѣ Амартола. Рѣка Рива встрѣчается въ той же формѣ въ Житіи св. Ипатія (Acta Sanctorum Junii, IV, 227 <= Callinici de vita S. Hypatii liber, p. 96>): *ἀπελθεῖν εἰς τὴν ἔνδον χώραν τῶν Βιθυνῶν, ὅπου καὶ ὁ Ῥίβας ἐστὶν ποταμός*. Очевидно, это есть древній *Ῥῆβας*, который два раза упомянутъ у Аполлонія Родосскаго (Argonautica, B 349. 652), а также у Діонисія Періигита (762); у латинскихъ писателей: Rhebas (у Авіена, Descriptio orbis, 963 и у Плинія, Hist. Nat., VI, 1, 3), теперь на картахъ Рива (Riva). Трудно допустить такое знаніе географіи у составителя русской первоначальной лѣтописи, чтобы ему приписать замѣну рѣки Ривы Виѳиніей; но позволительно предполагать, что существовала такая греческая редакція продолжателя къ Амартолу, въ которой уже были отступленія отъ дошедшаго до насъ текста.

преимущество, состоящее въ объясненіи выраженія Пропонтида въ его болѣе обычномъ и простомъ значеніи. Понятно, что мы считаемъ себя въ правѣ оставить въ силѣ тѣ соображенія, какія мѣшали намъ отнести Амастридское Житіе по времени написанія ко второй половинѣ десятаго вѣка.

Описаніе религіозныхъ обычаевъ Руси въ нашемъ Житіи заключаетъ въ себѣ, конечно, любопытныя черты, хотя было бы тщетною и неразумною попыткою рѣшать на основаніи ихъ вопросъ о племенномъ происхожденіи ея. Авторъ Житія говоритъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, которыя совершались варварами, опустошившими окрестности Амастриды. «Храмы ниспровергаются, святыня оскверняется; на мѣстѣ ихъ алтари, беззаконныя возліянія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ, у нихъ сохраняющее свою силу: убійство дѣвицъ, мужей и женъ (точнѣе: дѣвственныхъ мужчинъ и женщинъ)». Если бы здѣсь рѣчь шла просто о человѣческихъ жертвахъ, то не было бы въ этомъ ничего особеннаго. У всѣхъ народовъ въ мірѣ, у Грековъ, Галловъ, Германцевъ, Славянъ и Литовцевъ существовало воззрѣніе, что кровь человѣческая можетъ быть наиболѣе угодною жертвою богамъ, отъ которыхъ зависитъ побѣда на войнѣ, и на основаніи этого воззрѣнія проливалась человѣческая кровь или для умилостивленія ихъ, или въ благодарность — согласно съ ранѣе даннымъ обѣтомъ. Прокопій (de bello Goth., II, c. 15, p. 218, 10 Haur.) говоритъ о жителяхъ Ѳулы, подъ которою у него разумѣется Скандинавія, что лучшимъ приношеніемъ верховному божеству своему они считали перваго плѣнника, взятаго на войнѣ. Іорданъ (Getic., c. 5) разсказываетъ, что Готы особенно почитали бога войны, Марса (= Tiy), который требовалъ человѣческой крови, и поэтому приносили ему въ жертву начатки военной добычи, а послѣ одержанной побѣды — всѣхъ плѣнныхъ. Готскій языческій вождь Радагайсъ на походѣ въ Италію (405 г.) обѣщалъ своимъ богамъ, въ случаѣ побѣды, кровь всѣхъ христіанъ, если вѣрить
CXLIX готской хроникѣ Исидора [1]). Адамъ Бременскій (lib. III,

1) Ср. о Гермундурахъ (Tacit. Annal., 13, 57), о Саксахъ (Sidon. Apollin. ep. 8,6: десятаго изъ числа плѣнныхъ по жребію) и т. д.

с. 27; школьн. изд. p. 201) повѣствуетъ о Шведахъ, что во время религіознаго торжества въ Упсалѣ они приносили въ жертву по десяти головъ отъ всякаго живого существа, и что этотъ обычай держался даже до его времени (въ XI столѣтіи). Титмаръ Мерзебургскій и Дудо въ своемъ сочиненіи о первыхъ нормандскихъ герцогахъ (писали въ началѣ XI столѣтія) сообщаютъ намъ то же самое. Но наша легенда содержитъ нѣкоторыя спеціальныя указанія и черты, которыя дѣлаютъ ея сообщенія болѣе цѣнными. Она, во-первыхъ, намекаетъ на ксеноктонію, на извѣстное всѣмъ изъ исторіи Ифигеніи преданіе, что жители Тавриды (Тавры) приносили въ жертву иностранцевъ, пристававшихъ къ ихъ берегу: объ этомъ обычаѣ говорятъ многіе древніе авторы, начиная съ Геродота. Не безъ основанія и не безъ знакомства съ эллинскими миѳами, нашъ агіографъ поясняетъ, что собственно въ жертву подразумѣваемой дѣвственной богинѣ «закалались» только дѣвицы и дѣвственные юноши *(παρϑένων σφαγαί, ἀρρένων τε καὶ ϑηλειῶν)*. Притомъ, какъ бы мы ни объясняли слово *νεάζουσα*, въ немъ высказывается какое-то представленіе о родствѣ или связи между древними Таврами и новымъ варварскимъ народомъ. Авторъ Житія хочетъ сказать, что древняя ксеноктонія остается молодою, то есть, сохраняетъ свою силу и значеніе у народа Руси; онъ намекаетъ на непрерывное существованіе этого обычая, извѣстнаго изъ древнихъ преданій и теперь обнаруживающагося вновь предъ глазами его современниковъ[1]). Слова его значатъ не то, что Русь возобновила забытый и угасшій обычай, а что она получила его по наслѣдству, сохранила его. Очень вѣроятно, что авторъ Житія имѣлъ въ виду другое названіе Русскихъ, послѣ сдѣлавшееся обычнымъ, то есть, названіе ихъ Тавроскиѳами, или даже, въ видѣ сокращенія, какъ у Льва діакона

1) Глаголъ *νεάζω* употребляется почти всегда въ среднемъ значеніи и по русски долженъ быть переводимъ словами: «быть молодымъ, быть юнымъ, быть сильнымъ» и т. д. О ксеноктоніи Тавроскиѳовъ знаютъ еще Никита Хоніатъ (p. 405 Bonn.) и его братъ Михаилъ Акоминатъ, который за одного изъ своихъ друзей, получившаго мѣсто въ азіатской при-Понтійской провинціи, опасался, чтобы онъ не заразился соотвѣтственнымъ духомъ вслѣдствіе вліянія противолежащей Тавроскиѳіи, гдѣ существуетъ зло ксеноктоніи *(τὸ τῆς Ταυροσκυϑίας ἀντίπορϑμον - - τὸ τῆς ξενοκτονίας κακόν:* въ изданіи его сочиненій, II, 5; ср. 321. II, 144. 215.

(напр., pp. 78 sq.), Таврами, и что это подало ему поводъ объяснить ихъ обычаи предполагаемымъ родствомъ съ Крымскими Таврами. Приношеніе въ жертву именно юношей и дѣвицъ, повидимому, было дѣйствительнымъ русскимъ обычаемъ, хотя оно не чуждо было и Германскимъ племенамъ[1]). Мѣста, сюда относящіяся, собраны другими изслѣдователями[2]). Намъ довольно припомнить слова первоначальной лѣтописи: «Привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими и осквернися кровьми земля» (Лаврент. лѣтоп., стр. 77, нов. изд.). «Мечемъ жребий на отрока и на дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемь богомъ» (тамъ же, стр. 80). Руссы Святослава, по свидѣтельству Льва діакона (p. 149), «закалали мужей и женщинъ, согласно съ существовавшимъ у нихъ отеческимъ обычаемъ».

Поклоненіе водамъ и рощеніямъ, на что нѣсколько разъ указывается въ нашемъ отрывкѣ, также хорошо извѣстно; оно было въ обычаѣ и у Германскихъ племенъ: такъ Агаѳія, писатель VI вѣка (Dindorf, Histor. graeci minores, II, 150, 27), приписываетъ его Алеманнамъ и Франкамъ: *δένδρα τε γάρ τινα ἱλάσκονται καὶ ῥεῖθρα ποταμῶν*. Но, судя по многократнымъ упоминаніямъ и многочисленнымъ сюда относящимся мѣстамъ, древопоклоненіе и въ особенности водопоклоненіе составляло наиболѣе существенную часть не какого-либо другого, а именно славянскаго языческаго культа, и затѣмъ русскаго. «Бяху же тогда поганіи, жруще езеромъ и кладяземъ и рощеніемъ», говорится о Русскихъ Славянахъ. Еще въ VI вѣкѣ Прокопій писалъ о Сла-
CLI вянахъ и Антахъ (de bello Goth. III 14, p. 357, 25 Haur.), что они поклоняются рѣкамъ, почитаютъ водяныхъ дѣвъ (*νύμφας*) и т. д.[3]).

Таврическая ксеноктонія, съ которою Россы явились въ Па-

---

1) О Франкахъ Прокопій (de bello Goth, II, c. 25, p. 262,20 Haur.) разсказываетъ, что они при своемъ вторженіи въ Италію *παῖδάς τε καὶ γυναῖκας τῶν Γότϑων - ἱερευόν τε καὶ αὐτῶν τὰ σώματα ἐς τὸν ποταμὸν ἀκροϑίνια τοῦ πολέμου ἐρρίπτουν.*

2) См. С. А. Гедеонова, Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ въ Зап. Акад. Наукъ, т. I (1862 г.), стр. 62.

3) Мѣста, относящіяся къ Славянамъ, въ значительномъ количествѣ собраны у С. А. Гедеонова въ указанномъ мѣстѣ.

флагоніи, указываетъ на сѣверные берега Чернаго моря, какъ ихъ родину. Не противорѣчитъ этому, конечно, и дальнѣйшее указаніе, что, какъ будто вслѣдствіе чуда, поразившаго свирѣпыхъ варваровъ, слава мощей святаго Георгія достигла до предѣловъ океана. Трудно видѣть въ послѣднихъ словахъ какой-либо опредѣленный намекъ на Скандинавію и позднѣйшихъ Варяговъ, обитавшихъ, по мнѣнію Вріеннія (писатель XII вѣка), тоже вблизи океана. Мы уже замѣтили, что въ самомъ началѣ Житія находится параллельное мѣсто, которое гласитъ, что слава святаго прозвучала отъ концевъ до послѣднихъ предѣловъ міра. Въ этомъ послѣднемъ видѣ выраженіе является уже совершенно общимъ и прилагается ко многимъ другимъ святымъ: мы видѣли, что діаконъ Игнатій употребилъ его въ канонѣ на перенесеніе мощей патріарха Никифора; то же самое встрѣчается въ Житіи патріарха Никифора (p. 146, 14 de Boor: *τῶν τῆς οἰκουμένης τερμάτων),* а равно и въ другихъ подобныхъ случаяхъ...[1]).

---

1) ‹Послѣ появленія изслѣдованія В. Г. Васильевскаго новыя возраженія сдѣланы Гутцейтомъ въ отдѣльномъ изданіи: W. von Gutzeit, Die Legenden von Amastris und Ssurosch, Riga, 1893›.

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ ЖИТІЕ СВ. СТЕФАНА СУРОЖСКАГО.

I.

Обозрѣніе литературы.

Житіемъ и особенно посмертными чудесами св. Стефана Сурожскаго изслѣдователи первоначальной русской исторіи занимаются давно и усердно. Значеніе этого памятника для вопроса о происхожденіи Русскаго государства было оцѣнено еще въ XVI столѣтіи составителями Степенной книги царскаго родословія. «Иже и преже Рюрикова пришествія въ Славенскую землю, не худа бяше держава Словенскаго языка; воинствоваху бо и тогда на многія страны и на Селунскій градъ, и на Херсонь, и на прочихъ тамо, якоже свидѣтельствуетъ нѣчто мало отъ части въ чудесѣхъ великомученика Димитрія и святаго архіепископа Стефана Сурожскаго [1]). Представленіе о до-рюриковскомъ походѣ Славянъ — очевидно, Русскихъ — на Корсунь основано здѣсь на сказаніи о чудесахъ Стефана Сурожскаго. Но и въ старину не всѣ держались такого взгляда. Составитель одной изъ позднихъ редакцій Новгородской лѣтописи предполагалъ, что славянскій походъ на Корсунь и Сурожъ послѣдовалъ уже за тѣмъ, какъ, вслѣдствіе призванія Варяговъ, извѣстная часть Славянъ стала называться Русью, то есть, послѣ пришествія Рюрика. «Въ лѣто 6360 наченьшу въ Грѣцѣхъ Михаилу царствовати, начатся прозывати Руская земля. И ходиша Словянѣ изъ

1) Книга степенная. Часть первая (издалъ Миллеръ, Москва, 1775), стр. 83.

Новагорода князь именемъ Бравалинъ и воеваша на CLIII
Греки и повоеваша Греческую землю отъ Херсона и до Корчева и до Сурожа около Царя града»[1]). Хотя источникъ добавленія, сдѣланнаго къ словамъ первоначальной лѣтописи, здѣсь и не указанъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно заимствовано изъ того же сказанія о чудесахъ Стефана Сурожскаго. Такъ называемый Кубасовскій хронографъ, приведенный первоначально Карамзинымъ[2]), еще болѣе открыто относитъ походъ князя Бравалина къ 6360 (852) году при царѣ Михаилѣ, но уже какъ будто ради послѣдовательности вмѣсто Славянъ называетъ Русь. «И при семъ царѣ Михаилѣ въ лѣто 6360 ходили Русь войною изъ Нова града, князь именемъ Бравалинъ, воевати на Греки, на Царьградъ, и повоеваша Греческую землю отъ Херсона и до Скуруева и до Сурова... о томъ же писано въ чудесѣхъ св. Стефана Сурожскаго»[3]). Когда началась ученая разработка Русской исторіи, то источникъ любопытныхъ свѣдѣній о русскомъ походѣ — до-рюриковскомъ или при-рюриковскомъ — на южный берегъ Крыма уже былъ забытъ, такъ какъ въ полномъ видѣ онъ не былъ напечатанъ. Въ Прологѣ, по печатному изданію 1642 года, Житіе Стефана Сурожскаго, изложенное съ сокращеніями, посмертныхъ чудесъ не имѣетъ. Въ Минеяхъ-Четьяхъ Димитрія Ростовскаго Житіе св. Стефана Сурожскаго хотя и помѣщалось, но тоже въ краткомъ видѣ, безъ чудесъ; притомъ въ первоначальныхъ изданіяхъ Сурожъ, казавшійся непонятнымъ, превращенъ былъ въ Суррентъ (Соренто?), и Стефанъ Сурожскій названъ былъ Суррентійскимъ[4]). Первый возстановилъ ученую память о Стефанѣ Сурожскомъ и о князѣ Бравалинѣ Востоковъ. Въ Описаніи рукописей Румянцовскаго CLIV
музея онъ напечаталъ два отрывка изъ отдѣла о посмертныхъ

1) Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, стр. 351.

2) Карамзинъ называлъ его Демидовскимъ по экземпляру, подаренному Демидовымъ Московскому университету. См. А. Попова, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, стр. 231.

3) Обзоръ хронографовъ, стр. 234. Въ Демидовскомъ (по Карамзину, I, примѣчаніе 289): изъ Кіева града до Сурожа.

4) Такъ въ рукописномъ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки (F. I, № 561, F. 188) съ поправками, сдѣланными рукою, повидимому, самого Димитрія; то же чтеніе и въ первомъ печатномъ кіевскомъ изданіи 1695 года, но въ московскомъ изданіи 1795 года уже сдѣлано надлежащее исправленіе.

чудесахъ Стефана, изъ которыхъ въ одномъ говорится о разореніи русскимъ княземъ Бравлиномъ многихъ городовъ на южномъ берегѣ Тавриды отъ Корсуня до Керчи и о нападеніи на Сурожъ, а въ другомъ — о путешествіи царицы Анны изъ Корсуня въ Керчь. Затѣмъ въ 1844 г., въ первомъ томѣ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей <стр. 191—196>, появилась небольшая статья, сообщенная Погодинымъ, но писанная, какъ послѣ сдѣлалось извѣстно, А. В. Горскимъ; здѣсь сдѣланы были не лишенныя важности замѣчанія объ исторической достовѣрности самаго Житія, повѣствовавшаго объ исповѣдникѣ времени первыхъ иконоборцевъ, скончавшемся приблизительно около 780—790 годовъ, а относительно сказанія о посмертномъ чудѣ надъ княземъ Бравлиномъ прибавлено было какъ бы въ подкрѣпленіе достовѣрности сопоставленіе съ подобнымъ же повѣствованіемъ о нашествіи Русскихъ на приморскій городъ Малой Азіи Амастриду: это послѣднее сказаніе скрывалось дотолѣ въ изданномъ болландистами (въ латинскомъ переводѣ) Житіи епископа Амастриды, Георгія. Но если сказаніе о сурожскомъ происшествіи оказывалось въ основѣ своей достовѣрнымъ или представлялось такимъ съ точки зрѣнія авторитетности знакомаго съ дѣломъ свидѣтеля, то возникалъ старый вопросъ: когда же это было — до Рюрика, при Рюрикѣ или послѣ Рюрика? Въ самомъ источникѣ сказано только то, что рать русская изъ Новгорода съ своимъ предводителемъ Бравлиномъ появилась предъ Сурожемъ вскорѣ по смерти святаго епископа сурожскаго Стефана: мало лѣтъ минувшимъ; сверхъ того, обращеннаго князя Бравлина креститъ епископъ Филаретъ, который въ Житіи уже былъ названъ, какъ непосредственный преемникъ Стефана. Это насъ приводитъ къ концу VIII или началу IX столѣтія. Однако послѣ того, какъ авторитетомъ Карамзина было закрѣплено ученіе о возникновеніи Русскаго государства только съ призваніемъ Варяговъ въ 862 году, такой выводъ не могъ сейчасъ же быть признанъ несомнѣннымъ. Авторъ статейки хотѣлъ быть осторожнымъ и предоставлялъ
CLV критикѣ повѣрить съ другихъ сторонъ сообщеніе, которое, хотя и не подкрѣплялось извѣстными лѣтописными источниками, но принадлежало свидѣтелю, заслуживающему вѣроятія. За дѣло

взялся А. А. Куникъ, который въ то время доканчивалъ второй томъ своего знаменитаго большого изслѣдованія о призваніи шведскихъ Родсовъ (Die Berufung der schwedischen Rodsen: Zweite Abtheilung. S.-Petersburg. 1845). Такъ какъ онъ успѣлъ убѣдить себя, а отчасти и другихъ въ томъ, въ чемъ сталъ сомнѣваться только гораздо позже, именно, что Родсы вышли изъ Швеціи для прочнаго поселенія на востокѣ именно около половины IX вѣка, нѣсколько лѣтъ раньше, или нѣсколько лѣтъ позже 850 года, то понятно, въ какую сторону должно было направиться его рѣшеніе. Онъ не отвергалъ самой основы славянскаго сказанія, хотя и не считалъ его оригинальнымъ и первоначальнымъ; онъ полагалъ, что въ немъ идетъ рѣчь о томъ же самомъ русскомъ походѣ въ Черное море, который разумѣется и въ Амастридской легендѣ; а эта послѣдняя была пріурочена къ походу Аскольда и Дира. Увлекаясь сдѣланнымъ вскользь сопоставленіемъ въ статьѣ Горскаго, которую онъ тогда, впрочемъ, приписывалъ Погодину, А. А. Куникъ видѣлъ въ Сурожской легендѣ только видоизмѣненіе, другую редакцію Амастридской: «чудо, которое сначала появилось (aufkam) въ Пафлагоніи, было перенесено на св. Стефана въ Хазаріи» (стр. 353). Все укладывалось въ рамки скандинавско-норманскаго періода; за Бравалиномъ, или Бравлиномъ, признавалось право считаться лицомъ историческимъ, о которомъ лѣтописецъ Несторъ умолчалъ при разсказѣ о походѣ Аскольда и Дира, вѣроятно, потому, что онъ дѣйствовалъ подъ Амастридою отдѣльно въ качествѣ предводителя самостоятельной хищнической шайки; тѣмъ не менѣе имя его, легко поддающееся нѣсколькимъ примѣрнымъ объясненіямъ изъ языковъ скандинавскихъ, случайнымъ образомъ осталось въ памяти позднѣйшаго потомства и всплыло на свѣтъ исторіи въ Сурожскомъ сказаніи, которое первоначально могло быть написано по-гречески. Позднѣе академикъ Куникъ нѣсколько видоизмѣнилъ свои воззрѣнія. Ученая его совѣсть стала себя чувствовать много спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ ему CLVI
удалось довольно благовиднымъ образомъ превратить Бравлина въ святаго Владиміра и отнести Сурожскую легенду къ исторіи похода на Корсунь въ 988 (или 989) году, при чемъ Амастридская исторія оставалась уже раздѣльно при первоначальномъ

своемъ пріуроченіи; разночтенія къ имени Бравлинъ, превращающія собственное имя въ обыкновенное прилагательное «бранливъ», и стоящее рядомъ имя царицы Анны служили къ тому хорошимъ поводомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ почтенный изслѣдователь освободился, по его собственному выраженію, отъ впечатлѣнія, произведеннаго первоначальнымъ чтеніемъ статьи Горскаго, а — другимъ можетъ показаться —, равнымъ образомъ и отъ впечатлѣнія, производимаго хронологическими указаніями самаго источника (мало лѣтъ минуло... епископъ Филаретъ). Въ статьѣ «О запискѣ Готскаго топарха» (Записки Академіи Наукъ, т. 24, 1874 года) г. Куникъ изложилъ подробнѣе свой взглядъ на обѣ легенды, изображающія два совершенно различныя событія, имѣя въ виду отрицателей Нестора, которые стали слишкомъ самонадѣянно пользоваться этими источниками. Послѣдуемъ и мы вслѣдъ за нимъ въ лагерь этихъ отрицателей.

Тутъ на первомъ мѣстѣ должны стоять имена С. А. Гедеонова, поборника теоріи происхожденія Руси отъ Славянъ Прибалтійскихъ, и Д. И. Иловайскаго, который фанатически увѣровалъ въ происхожденіе той же Руси отъ Роксоланъ Черноморскихъ, превращаемыхъ для удобства въ Россоланъ и кстати возводимыхъ въ званіе Славянъ. Но послѣдній изъ нихъ, представляя во всемъ прочемъ совершеннаго антипода почтенному академику и даже держась своихъ совсѣмъ особенныхъ методовъ изслѣдованія, въ данномъ вопросѣ какими-то неисповѣдимыми судьбами оказался вдвойнѣ его послѣдователемъ, готовымъ принять и старое, и новое мнѣніе своего противника. Ему кажется вѣроятнымъ, что Русскіе въ походѣ Аскольда и Дира (865 г.) не ограничились однимъ нападеніемъ на столицу имперіи, а старались захватить или разграбить греческіе города въ Тавридѣ,
CLVII слѣдовательно, могли между прочимъ взять Сугдею, или Сурожъ. «Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ», продолжаетъ авторъ «Разысканій о началѣ Руси» (Москва. 1882, стр. 325), — «мы можемъ пріурочивать обѣ легенды и къ болѣе позднимъ временамъ... Чудо совершившееся съ русскимъ княземъ въ Сурожѣ и крещеніе его сильно отзываются извѣстною легендой о крещеніи Владиміра только не въ Сурожѣ, а въ Корсунѣ. Послѣднее сближеніе подтверждается чудеснымъ исцѣленіемъ царицы Анны, о

которомъ упоминаетъ то же Житіе св. Стефана». Что же касается Гедеонова, то онъ, конечно, не соглашался допустить превращеніе Бравлина въ святаго Владиміра, такъ какъ ему казалось невозможнымъ, чтобы русскій агіологъ замѣнилъ славное имя Владиміра темнымъ указаніемъ на бранливаго князя; напротивъ, онъ готовъ былъ видѣть въ Сурожской легендѣ такое же свидѣтельство о существованіи славянской — до-варяжской Руси, какъ въ упоминаніи о русскихъ письменахъ въ Житіи Кирилла, «если бы только это въ высшей степени важное свидѣтельство о славянской и до-варяжской Руси было достаточно выяснено современною историческою критикою» (Варяги и Русь. С.-Пб. 1876, въ самомъ концѣ сочиненія, въ послѣднемъ примѣчаніи).

Историки Русской церкви, преосв. Макарій и Филаретъ, относительно Сурожскаго событія первоначально были оба одинаковаго мнѣнія, то есть, относили его къ до-Рюриковскому періоду, какъ это видно изъ перваго изданія Исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра (архим. Макарія. С.-Пб. 1846, стр. 171), а также изъ всѣхъ изданій Исторіи Русской церкви (сочиненіе Филарета, архіепископа Харьковскаго. Изданіе третье, печатано съ изданія 1849 года, I, стр. 4). По мнѣнію харьковскаго епископа, самая подробность разсказа о событіи съ новгородскимъ русскимъ княземъ (имя опущено) ручается за его вѣрность, а совершилось оно около 755 года; такъ какъ изъ хронологическихъ данныхъ, заключающихся въ Житіи святаго, видно, что онъ скончался около 750 года, а Филаретъ, дѣйствующее лицо при послѣдовавшемъ крещеніи князя, былъ преемникомъ Стефана. Преосвященный (тогда архимандритъ) Макарій, CLVIII правда, замѣтилъ нѣкоторыя хронологическія несообразности въ Житіи, но думалъ, что ошибку легко можно объяснить недосмотромъ переписчиковъ, и что затѣмъ все остальное будетъ совершенно соотвѣтствовать даннымъ исторіи и хронологіи [1]). Но во вто-

1) О несообразностяхъ въ хронологіи у насъ будетъ рѣчь ниже; онѣ не остались незамѣтными и для Горскаго. Преосв. Макарій выражалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Стефанъ прибылъ въ Царьградъ при св. Германѣ патріархѣ, прожилъ у него 15 лѣтъ, потомъ удалился въ уединеніе и подвизался 30 лѣтъ, и тогда-то уже, то есть, спустя сорокъ пять лѣтъ послѣ прибытія въ Царьградъ, рукоположенъ во епископа (Сурожу) тѣмъ же самымъ патріархомъ, хотя Гер-

ромъ изданіи своего труда (С.-Петербургъ. 1868, стр. 223 сл.) онъ измѣнилъ свой взглядъ. Здѣсь исторія Сурожскаго событія изъ текста перенесена въ примѣчаніе; предпочитается чтеніе бранливъ вмѣсто прежняго Бравалина; сказаніе разсматривается какъ легенда, которую можно кстати вспомнить; она, повидимому, могла образоваться подъ вліяніемъ искаженныхъ разсказовъ о крещеніи великаго князя Владиміра; правда, въ Житіи замѣчено, что нашествіе русской рати на Сурожъ послѣдовало «мало лѣтъ минувшю» по смерти Стефана († около 787), и что крестителемъ князя и его бояръ былъ преемникъ св. Стефана архіепископъ Филаретъ, а это заставляетъ относить все событіе ко времени, еще предшествовавшему основанію Русскаго государства; но неизвѣстно, когда и гдѣ составлено разсматриваемое Житіе, и въ какой мѣрѣ можно положиться на его показанія; въ немъ есть несообразности и даже ошибки, которыя не могутъ возбуждать къ нему довѣріе. Въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ изданіями Исторіи христіанства до Владиміра появились въ 1863 году замѣтки XII—XV вѣка, относящіяся къ городу Сугдеѣ, найденныя архимандритомъ Антониномъ въ рукописи Халкинской библіотеки (близъ Константинополя) при греческомъ синаксаріи; здѣсь сдѣлано было указаніе на существованіе въ томъ же сборникѣ и краткаго греческаго Житія
CLIX св. Стефана Сурожскаго; къ сожалѣнію, статья не была напечатана, а только было сдѣлано краткое сообщеніе, что, кромѣ указанія на путешествіе въ Аѳины, греческое Житіе никакихъ новыхъ данныхъ въ себѣ не заключаетъ (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., VI, 623). Такимъ образомъ ни преосв. Макарій, ни другіе не могли воспользоваться имъ для рѣшенія возникавшаго вопроса о происхожденіи подробнаго русскаго сказанія, о мѣстѣ и времени первоначальнаго его составленія. Преосв. Макарій принужденъ былъ ограничиться замѣчаніемъ, что если существовало на греческомъ языкѣ Житіе св. Стефана Сурожскаго, то мы не знаемъ, то ли это Житіе, какое существуетъ на славян-

---

манъ занималъ престолъ не болѣе 15 лѣтъ (715—730); но эта ошибка объясняется недосмотромъ переписчиковъ, принявшихъ є҃ (пять) за ıє (15) и ı (10) за л҃ (30).

скомъ, или другое. Упомянемъ еще о соображеніяхъ преосв. Порфирія о Житіи св. Стефана Сурожскаго и о походѣ Бравлина, высказанныхъ мимоходомъ во «Второмъ путешествіи по св. горѣ Аѳонской» (Востокъ христіанскій, Москва, 1880 г., стр. 300 сл.). Мнѣніе его сходилось съ первоначальнымъ взглядомъ архим. Макарія; отмѣчались несообразности въ хронологическихъ показаніяхъ жизнеописанія и устранялись посредствомъ исправленія цифры Λ̄ (30) въ Δ (четыре); указывалось на знаніе лицъ и событій, не позволяющее отвергать и другихъ показаній жизнеописателя; крещеніе Бравлина въ Сурожѣ относилось къ концу VIII столѣтія, напримѣръ, къ 795 году, но все-таки предполагалось, что новгородскій князь Бравалинъ былъ варягъ, какъ это доказывалось будто бы его именемъ, напоминающимъ Бравалу въ Даніи.

Общіе русскіе историки Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, будучи умѣренными норманистами, тоже не находили нужнымъ отвергать достовѣрности Сурожскаго сказанія въ его основѣ. Первый писалъ: «Даже прежде еще Аскольдова похода мы встрѣчаемъ извѣстія о нападеніяхъ Руси на греческія области и о принятіи христіанства нѣкоторыми изъ русскихъ вождей: таково извѣстіе, находящееся въ Житіи святаго Стефана Сурожскаго, о нападеніи на Сурожъ русскаго князя Бравалина и о крещеніи его тамъ; извѣстіе это относится къ началу IX вѣка; подобное же извѣстіе находимъ въ жизнеописаніи святаго Георгія, епископа Амастрійскаго (Исторія Россіи, т. I, стр. 108). Такъ CLX
какъ въ примѣчаніи (стр. 322) историкъ, отвергая старое мнѣніе А. А. Куника о зависимости Сурожской легенды отъ Амастридской, ссылался на книгу архим. Макарія и оставлялъ эту ссылку во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ своего труда, то онъ и заслужилъ рѣзкій упрекъ со стороны г. Куника за то, что держится мнѣнія, оставленнаго самимъ его первымъ виновникомъ (О запискѣ Готскаго топарха, стр. 110). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Русская исторія, I 95) извѣстное по Житію Стефана Сурожскаго нападеніе какого-то русскаго князя на Сурожъ приводитъ въ связь съ мнѣніемъ славянской (въ противоположность норманнской) школы о томъ, что Русь надобно отдѣлять отъ Варяговъ и считать это названіе искони принадлежащимъ Руси

южной; слѣдовательно, почтенный историкъ, относившійся къ означенному воззрѣнію не совсѣмъ отрицательно, допускалъ возможность существованія славяно-русскаго князя Бравлина, совершившаго походъ въ Тавриду до прихода Варяговъ.

Новѣйшая и болѣе подробная оцѣнка Житія Стефана Сурожскаго вмѣстѣ со сказаніемъ о чудесахъ его принадлежитъ автору капитальнаго труда по исторіи Русской церкви, задуманнаго въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и поражающаго читателя громадностью начитанности и эрудиціи, но иногда также и нѣкоторою своебычностью пріемовъ изслѣдованія, представляющихъ странное смѣшеніе методической критики съ какимъ-то воинственнымъ резонерствомъ. Мы разумѣемъ «Исторію Русской церкви» Е. Е. Голубинскаго, обнимающую пока періодъ кіевскій или домонгольскій (томъ первый, первая половина, Москва, 1880). Хорошія и слабыя стороны сочиненія ясно отражаются на тѣхъ страницахъ ‹42—45›, которыя посвящены сказанію о крещеніи новгородскаго князя въ Сурожѣ. Изложивъ по рукописямъ Московской синодальной библіотеки разсказъ о чудѣ надъ княземъ, авторъ переходитъ, какъ и слѣдовало, къ оцѣнкѣ самаго Житія. Онъ полагаетъ, что Житіе происхожденія греческаго, а не русскаго, что посмертныя чудеса, а слѣдовательно, и повѣствованіе о чудѣ
CLXI съ новгородскимъ княземъ, не должны быть отдѣляемы отъ Житія и что они написаны тѣмъ же самымъ греческимъ авторомъ, который сложилъ Житіе. Впрочемъ, сопоставленіе съ дошедшимъ до насъ краткимъ Житіемъ Стефана, извѣстнымъ по сообщенію архим. Антонина, заставляетъ думать, что находящееся въ нашихъ рукописяхъ Житіе есть сокращеніе болѣе пространнаго, потому что изъ указанія архим. Антонина видно, что въ греческомъ есть свѣдѣнія, которыхъ не находится въ нашемъ (путешествіе въ Аѳины). Отсутствіе Житія въ греческихъ рукописяхъ, равно какъ и отсутствіе св. Стефана въ греческихъ святцахъ, объясняется тѣмъ, что послѣдній былъ святой не общій, а только мѣстный. Указавъ на хронологическія несообразности въ Житіи, то есть, на несоотвѣтствіе отмѣчаемыхъ годовъ возраста Стефана съ событіями, которыя съ нимъ и около него совершаются, Е. Е. Голубинскій не пытается устранить эти несообразности произвольными предположеніями объ ошибкахъ переписчиковъ

(просмотрѣвъ пять рукописей синодальной библіотеки, онъ могъ убѣдиться въ одинаковости чтенія во всѣхъ ихъ); напротивъ того, онъ разрѣшаетъ загадку самымъ простымъ пріемомъ, принявъ всѣ цифры за вѣрныя и вслѣдствіе того допуская, что на самомъ дѣлѣ Стефанъ былъ поставленъ въ епископы около 760 года, присутствовалъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ (ибо въ актахъ его упоминается Стефанъ Сугдейскій) и умеръ около 790—795 гг. Предположеніе можетъ оказаться и вѣрнымъ, но только оно пока совершенно произвольно. Изслѣдователь какъ будто не замѣчаетъ, что, оставляя неприкосновенною хронологію, онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ фактическую достовѣрность всего содержанія памятника, потому что въ немъ Стефанъ достигаетъ епископства при Львѣ Исаврѣ, посвящается патріархомъ Германомъ, съ нимъ бесѣдуетъ, обличаетъ въ иконоборческой ереси Льва Исавра послѣ пятилѣтняго епископства въ Сурожѣ, а Левъ Исавръ умеръ въ 741 году, и т. д. — Продолжаемъ изложеніе соображеній Е. Е. Голубинскаго. Нашествіе на Сурожъ неиріятелей, называемыхъ Новгородцами, было при преемникѣ Стефана, «мало лѣтъ» послѣ его смерти; слѣдовательно, должно быть относимо CLXII
приблизительно къ пространству годовъ отъ 800 до 820. Итакъ, спрашивается: какъ смотрѣть на этотъ разсказъ о нападеніи Новгородцевъ на Сурожъ въ началѣ IX вѣка? Удивляясь, пишетъ Е. Е. Голубинскій, странному легковѣрію тѣхъ, которые хотятъ ему вѣрить, мы, съ своей стороны, рѣшительно не находимъ возможнымъ это сдѣлать. «Во-первыхъ, до прибытія къ нимъ Варяговъ-Руссовъ, Новгородцы назывались не Русью, а Славянами. Во-вторыхъ, мы ни изъ одного писателя не знаемъ и ни одного свидѣтельства не имѣемъ, чтобы Славяне наши, до прибытія къ намъ Варяговъ, занимались набѣгами на другіе народы, а напротивъ знаемъ только, что они сами были цѣлью этихъ набѣговъ, и что эта постоянно страдательная роль составляла ихъ характеристическую и отличительную черту. Въ-третьихъ, въ то время вся южная Россія, заслонявшая собою Крымъ, принадлежала Хазарамъ, простиравшимъ свою власть до Кіева, и предполагать, чтобы Новгородцы отважились и могли и захотѣли зачѣмъ-то пробиться сквозь Хазаръ, есть дѣло совершенно невѣроятное и немыслимое. Наконецъ, въ-четвертыхъ, Новгородцы

въ то время были данниками Варяговъ: до того ли же имъ было, чтобы предпринимать какіе бы то ни было, а тѣмъ болѣе такіе отдаленные и такіе невозможные походы? Неизвѣстные воители не только взяли Сурожъ, но Корсунь и Керчь и разграбили всю мѣстность между двумя послѣдними городами или весь южный Крымъ: великую нужно имѣть вѣру, чтобы не находить невозможнымъ усвоять подобные блестящіе подвиги Новгородцамъ начала IX вѣка!».

Въ этомъ разсужденіи и помимо тона есть не мало странностей. Тѣ, которые допускаютъ возможность нашествія русскаго князя (пусть и новгородскаго, хотя на этомъ обыкновенно не настаиваютъ) на Крымъ, въ то же самое время думаютъ, что либо Варяги къ тому времени были уже призваны, либо Русь стала называться Русью помимо ихъ, и именно въ Сурожскомъ сказаніи они находятъ одно изъ подтвержденій своего того или другого взгляда. Не всѣ приписываютъ Сурожскій походъ именно славянской Руси, Славянамъ, а тѣ, которые приписываютъ эту
CLXIII экспедицію Славянамъ, могутъ сказать автору, что, если онъ будетъ отвергать свидѣтельство Сурожскаго Житія, да за одно съ тѣмъ и Амастридскаго, то дѣйствительно не останется ни одного прямого свидѣтельства о славянскихъ (= славянорусскихъ) набѣгахъ на указанныя страны, но что вопросъ именно въ томъ и заключается, слѣдуетъ ли отвергать эти свидѣтельства. Не дѣлаетъ ли онъ нѣкоторый circulum in demonstrando? Не увлекается ли силлогизмомъ, преждевременно отправляясь отъ общей посылки, когда таковой еще нѣтъ, и перемѣшивая историко-критическія операціи съ умозрительными? Въ-третьихъ, власть Хазаръ, можетъ быть, была такого характера, что вовсе не мѣшала самостоятельнымъ предпріятіямъ Руси славянской или какой иной, такъ что имъ пробиваться вовсе не было никакой нужды: по лѣтописи, господство состояло во взиманіи дани. А если, въ-четвертыхъ, Новгородцы около 820 года были данниками Варяговъ (на что̀ нѣтъ положительныхъ доказательствъ), то отъ этого уже не далеко до возможности допустить столь же раннее присутствіе сихъ послѣднихъ, то есть, Варяговъ, въ соотвѣтствующихъ областяхъ.

Въ концѣ концовъ авторъ допускаетъ, что фактъ русскаго

нашествія въ началѣ IX вѣка на Крымъ дѣйствительно существовалъ, но только виновниками его были не новгородскіе Руссы, а также и не кіевская Русь, а совсѣмъ отъ нихъ особенные и ничего съ ними общаго не имѣвшіе азовско-таврическіе Руссы — ничего общаго, кромѣ, однако, происхожденія, потому что почтенный изслѣдователь, въ вопросахъ начальной русской исторіи причисляя себя (стр. 42) вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ къ числу норманистовъ, все-таки думаетъ, что и эти азовско-таврическіе Руссы тоже были норманнскою колоніею, которая пробралась сюда и засѣла въ Крыму гораздо ранѣе утвержденія Варяговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ.

Заслугу Е. Е. Голубинскаго составляетъ постановка вопроса о томъ, какъ могло попасть къ намъ столь мало распространенное въ греческихъ рукописяхъ Житіе св. Стефана, хотя въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ онъ уже имѣлъ предшественника въ CLXIV лицѣ бывшаго одесскаго профессора Ф. К. Бруна, который исторіи города Сурожа посвятилъ цѣлую статью (Новороссійскій календарь 1872 г.), да и въ другихъ своихъ статьяхъ касался вопроса о походѣ Русскихъ на Сурожъ, заявляя, впрочемъ, себя послѣдователемъ А. А. Куника. Г. Голубинскій указывалъ на торговыя связи Русскихъ съ Сурожемъ, мѣстомъ своего рода Нижегородской ярмарки, на русскихъ купцовъ-сурожанъ, ѣздившихъ въ Крымъ: «такъ эти-то купцы и могли вывести изъ Сурожа Житіе св. Стефана, мѣстнаго сурожскаго святаго, котораго они должны были почитать, подобно тому какъ купцы, торгующіе на Нижегородской ярмаркѣ, почитаютъ препод. Макарія. Предполагается, что когда переводчики стали переводить греческій текстъ, то встрѣтивъ тамъ по-гречески написанное слово Русь, они, по незнакомству съ азовско-таврическими Руссами, подумали, что тутъ рѣчь идетъ о нихъ самихъ, обыкновенныхъ Руссахъ, да и прибавили для ясности «изъ Новгорода».

Все, повидимому, разъяснено совершенно удовлетворительно и наглядно, но, къ сожалѣнію, во многомъ произвольно. И послѣ появленія книги проф. Голубинскаго остается въ силѣ замѣчаніе, которое по своей ученой добросовѣстности высказалъ еще въ 1874 г. академикъ А. А. Куникъ (О запискѣ Готскаго то-

парха, стр. 103): «Всѣ мы, когда-либо пользовавшіеся Сурожскою легендою или ее критиковавшіе, отнеслись къ дѣлу нѣсколько легко. Тутъ оказывается, какъ бывало и въ другихъ случаяхъ, крайне необходимымъ подвергнуть предварительному строгому изслѣдованію весь составъ источника, прежде чѣмъ брать изъ него тѣ или другія мѣста для спеціальныхъ цѣлей». Если самъ А. А. Куникъ не считалъ возможнымъ ни взяться за эту задачу, ни выжидать ея рѣшенія съ другой стороны, то оправданіе на это заключалось въ недостаточности наличныхъ источниковъ. Онъ говорилъ: «Хотя память Стефана Сурожскаго празднуется только въ Россіи, греческая же церковь ее не празднуетъ, тѣмъ не менѣе основою славянскому тексту долженъ
CLXV былъ послужить греческій подлинникъ. Существованіе этого греческаго подлинника или отрывка его доказалъ отецъ Антонинъ, при чемъ онъ замѣтилъ, что между Житіями Стефана Сурожскаго и Стефана Исповѣдника есть много чертъ общихъ. Поэтому необходимо напечатать и тѣмъ сдѣлать общедоступными какъ указанное отцомъ Антониномъ краткое греческое Житіе, если не отыщется другое, болѣе полное, такъ и Житіе св. Стефана Исповѣдника. Само собою разумѣется, что къ нимъ должны быть присоединены также и разныя редакціи славянскаго текста... Но прежде чѣмъ изслѣдованіе этихъ источниковъ на основаніи надежныхъ текстовъ будетъ приведено къ окончанію, пройдутъ многіе годы, пожалуй, даже десятки лѣтъ».

Слова А. А. Куника въ нѣкоторомъ отношеніи оказались пророческими. Ни славянское подробное Житіе св. Стефана Сурожскаго, ни краткое греческое о немъ сказаніе до сихъ поръ не были изданы и оставались въ рукописяхъ; Житія Стефана Новаго, исповѣдника константинопольскаго, не было нужды вновь издавать, такъ какъ оно нѣсколько разъ было издаваемо въ подлинникѣ и притомъ встрѣчается въ общедоступныхъ сборникахъ. Только теперь то и другое — славянское и греческое Житіе св. Стефана Сурожскаго — появляются въ свѣтъ въ своемъ полномъ видѣ. Сопровождающее ихъ и предлагаемое здѣсь изслѣдованіе написано на основаніи изученія этихъ документовъ. Оно выходитъ, можетъ быть, слишкомъ обширнымъ, но мы думали, что вопросъ все-таки стоитъ того, чтобы изучать его

самымъ тщательнымъ образомъ и не только въ глубину, но и въ
широту. Такъ какъ въ связи съ историко-литературнымъ кри-
тическимъ вопросомъ о текстахъ уже поставленъ вопросъ исто-
рико-культурный о сношеніяхъ древней Россіи съ Сурожемъ, то
мы начинаемъ изслѣдованіе обозрѣніемъ судебъ греческой Сугдеи,
или Сурожа. Послѣдній вопросъ важенъ не по отношенію только
къ исторіи почитанія у насъ Стефана Сурожскаго и занесенія къ
намъ его письменной памяти, но, какъ извѣстно, и по отношенію
къ народной словесности, по отношенію къ былинамъ, въ кото-
рыхъ богатырь Сурожанинъ или Суровецъ играетъ видную
роль. На возможность народно-поэтическихъ связей Кіевской CLXVI
Руси съ Сурожемъ указывалъ А. Н. Веселовскій (Южно-
русскія былины, V. Богатыри-Сурожцы, стр. 69). Глава, посвя-
щенная обозрѣнію исторіи Сурожа, казалась намъ не лишнею и
потому, что «Матеріалы для исторіи Сугдеи»—прекрасная статья
Ф. К. Бруна, перепечатанная въ сборникѣ Черноморье (т. II,
Одесса, 1880), въ настоящее время допускаетъ нѣкоторыя факти-
ческія дополненія, благодаря обнародованію новыхъ источниковъ
и новыхъ весьма цѣнныхъ пособій. Тѣмъ болѣе это можно ска-
зать по отношенію къ главѣ о Судакѣ въ Крымскомъ Вѣст-
никѣ Кеппена (С.-Пб., 1836). Главнымъ источникомъ новыхъ
свѣдѣній, который, впрочемъ, былъ доступенъ Ф. К. Бруну,
должны считаться приписки къ греческому сборнику краткихъ
Житій святыхъ (Синаксарію) XII вѣка, подѣланныя на поляхъ
позднѣйшими обладателями сборника XIII—XV вѣковъ, довольно
безграмотною рукою, но все-таки въ большинствѣ случаевъ удо-
бопонятныя <Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. V>. Намъ кажется,
до сихъ поръ изъ этихъ приписокъ еще не извлечено все, что̀
можно изъ нихъ извлечь. Затѣмъ источникомъ долженъ считаться
прекрасный трудъ В. Г. Тизенгаузена «Сборникъ матеріаловъ,
относящихся къ исторіи Золотой орды. Томъ первый, извлеченія
изъ сочиненій арабскихъ» (С.-Пб., 1884). Хорошимъ пособіемъ
при изученіи данныхъ того источника послужитъ новѣйшій трудъ
профессора-оріенталиста В. Д. Смирнова «Крымское ханство
подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII вѣка»
(С.-Пб., 1887). Слѣдуетъ упомянуть о новѣйшемъ дополненномъ
французскомъ изданіи Исторіи Левантинской торговли Гейда,

VI вѣкѣ Периплъ Чернаго моря изъ разныхъ источниковъ, принаписанной первоначально на нѣмецкомъ языкѣ: «Heyd, Histoire du commerce du Levant. Edition française par Furcy Raynaud». Leipzig. 1885.

II.

Историческія свѣдѣнія о Сурожѣ.

Городъ Сурожъ, нынѣшнее мѣстечко Судакъ, лежалъ на южномъ берегу Крыма между Кафою (Θеодосіей) и Алуштою при выходѣ къ морю изъ богатой виноградниками долины; онъ
CLXVII обладалъ гаванью, которую много путешествовавшій арабскій географъ XIV вѣка Ибн-Батута считалъ одною изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ удобныхъ въ мірѣ[1]). Греческое названіе города было Сугдайя или Сугдея *(Σουγδαΐα* и *Σουγδαία)*, а также Сугдія *(Σούγδια)*; западно-европейцы именовали его всего чаще Солдайею, восточные географы, писавшіе по-арабски, — Судагомъ, но и Сурдакомъ; одинъ изъ нихъ пишетъ Шолдадія или Солдадія[2]). Восточное наименованіе всего ближе не только къ нынѣшнему названію мѣста, но и къ предполагаемому первоначальному. Думаютъ, что названіе должно быть объясняемо изъ иранскаго языка, на которомъ слово сугда значитъ чистый, святой; то же самое прилагательное находятъ въ названіи страны и древняго города иранскихъ Согдіанъ, занимавшихъ долину, гдѣ теперь находятся Самаркандъ и Бухара (въ Авестѣ Сугда, у Птолемея Сугдія). Еще ближе подходитъ къ дѣлу не только въ филологическомъ, но и въ историческомъ отношеніи осетинское «сугдегъ» или «сугдагъ», такъ какъ Осетины, Осы, или древнерусскіе Ясы, какъ теперь единогласно признается всѣми, представляютъ аланскую вѣтвь иранскаго племени, которая сохранилась въ лицѣ ихъ, какъ небольшой остатокъ, а въ древности жила на гораздо большемъ пространствѣ отъ Кавказа до самаго Крыма[3]). Безымянный компиляторъ, составившій въ

1) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, I, 303.

2) Шолдадія у Едризи (trad. Jaubert), II, 395; Сурдакъ у Ибнбатуты (l. c.); сверхъ того, въ завѣщаніи Марко-Поло старшаго городъ названъ Солдахіею (Soldachia), а на каталанской картѣ Содайею.

3) Вс. Миллеръ, Осетинскіе этюды. Часть третья, Москва, 1887, стр. 77 и др.

бавилъ отъ себя замѣчаніе, что городъ Ѳеодосія, находившійся
по сосѣдству съ Сурожемъ, имѣлъ другое названіе, Ардавда, на
аланскомъ или таврійскомъ языкѣ; итакъ, предполагается, что
Тавры, жители южнаго Крыма, говорили аланскимъ языкомъ,
а при этомъ оказывается сверхъ того, что и выраженіе Ардавда
очень удовлетворительно объясняется при помощи нынѣшняго
осетинскаго нарѣчія. Очень любопытное свидѣтельство о распро- CLXVIII
страненности Аланъ, или Ясовъ, въ Крыму представляетъ одно
византійское произведеніе начала XIII вѣка, въ которомъ грекъ
Ѳеодоръ, назначенный епископомъ въ Кавказскую Аланію (Осе-
тію), описываетъ свое путешествіе къ мѣсту своего назначенія
въ формѣ посланія къ «великому пастырю», то есть, къ констан-
тинопольскому патріарху, имѣвшему тогда мѣстопребываніе въ
Никеѣ, и къ епископамъ, составлявшимъ его помѣстный соборъ [1]).
Ѳеодоръ, утратившій родину вслѣдствіе латинскаго завоеванія
(1204 г.), отправился къ своей кавказской паствѣ черезъ Крымъ
и Херсонъ (Корсунь) и уже изъ этого послѣдняго города долженъ
былъ искать убѣжища въ **аланскомъ** поселеніи вблизи Корсуня;
сообщая объ этомъ, онъ замѣчаетъ, что племя Аланъ, древнія
границы котораго простирались отъ Кавказскихъ горъ до Иверіи
(Грузіи), разсѣяно во многихъ мѣстахъ и, вслѣдствіе склонности
своей къ переселеніямъ, своими массами наполнило всю Скиѳію и
Сарматію [2]). Ѳеодоръ возбудилъ противъ себя неудовольствіе
херсонскаго епископа, потому что, снисходя на желаніе Аланъ,

---

1) Назначеніе посланія Ѳеодора обыкновенно понимается неправильно. Брунъ (Черноморье, II, стр. 136) полагаетъ, что оно писано къ Аланамъ — вѣроятно, на основаніи главнаго слова въ оглавленіи «*Ἀλανικός*». Томашекъ (Die Goten in Taur., стр. 42) на этомъ же самомъ основаніи заключилъ, что Ѳеодоръ былъ назначенъ въ епископы именно таврическихъ Аланъ, что̀ опять неточно.

2) Mai, Patrum Nova Biblioth., VI, 379: *Θεοδώρου ἐπισκόπου Ἀλανίας Λόγος ἐπιστολιμαῖος πρὸς τὴν Κωνσταντινόπολιν καὶ τοὺς ἐνδημοῦντας τῶν ἐπισκόπων -- Ἀλανικός*. Но ср. р. 175, гдѣ приведено заглавіе по болѣе правильному чтенію Алляція: *πρὸς τὸν Κωνσταντινουπόλεως καὶ τοὺς ἐ. τ. ἐ.* Самыя для насъ важныя слова читаются р. 383: *παροικοῦσι τῇ Χερσῶνι καὶ Ἀλανοὶ, οὐχ ἧττον θεληθέντες ἢ θελήσαντες, ὡς οἱόν τι περιτείχισμα ταύτῃ καὶ περιφρούρημα*, и выше, р. 382: *πολυσχιδὲς γὰρ τὸ ἔθνος τοῦτο καὶ διῆκον μὲν ἀπὸ τῶν Καυκασίων ὀρῶν* ‹издано: *ὅρων*› *ἐς Ἴβηρας τὸ ἀρχαῖον καὶ πάτριον ὅριον· ἀγαπᾷ δὲ καὶ μετοικεσίας πολλοστῶν τινων πέμπειν, ὡς μικροῦ Σκυθικήν τε πᾶσαν καὶ τῶν Σαυροματῶν* ‹издано: *Σαυρομάτων*› *ἐκπληροῦν*. ‹Ср. переводъ Ю. А. Кулаковскаго въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., XXI, отд. 2, стр. 17.›

жившихъ или, лучше сказать, кочевавшихъ по сосѣдству съ Херсономъ, онъ въ этомъ жалкомъ народѣ, разсѣянномъ въ горахъ и пустыняхъ и до сихъ поръ совершенно лишенномъ надлежащаго духовнаго попеченія, призналъ какъ бы свою паству. Херсонскій епископъ усмотрѣлъ въ томъ нарушеніе своихъ епар-
CLXIX хіальныхъ правъ, своей юрисдикціи, и ссылался на церковные каноны, хотя Θеодоръ, по его словамъ, вовсе не нарушалъ ихъ, такъ какъ не проповѣдывалъ публично, не рукополагалъ никого во священство, но только давалъ отвѣты частнымъ образомъ тѣмъ изъ Аланъ, которые приходили къ нему съ вопросами. Небольшое количество Аланъ Θеодоръ нашелъ и въ Воспорѣ (Керчи), гдѣ былъ епископомъ его отецъ, тоже встрѣтившій теперь много затрудненій и непріятностей. Въ концѣ концовъ, несмотря на всякаго рода опасности, грозившія со стороны Скиθовъ, то есть, Татаръ, распространявшихся въ Черноморскихъ областяхъ, Θеодоръ достигъ своей кавказской паствы; его посланіе писано уже оттуда, когда онъ вполнѣ ознакомился съ народностью Аланъ, и, слѣдовательно, показаніе его о единоплеменности крымскихъ Аланъ съ Осетинами особенно цѣнно, но, конечно, онъ ошибался, если предполагалъ, что широкое распространеніе этого племени есть фактъ новый, принадлежавшій его времени. О присутствіи аланскаго племени въ южной части Крыма, а равно и на сѣверъ отъ него, свидѣтельствуютъ и позднѣйшіе арабскіе писатели, какъ Абу-л-Феда, Ибн-Батута, далѣе — западные путешественники Рубрукъ и Барбаро. Итакъ, ничто не мѣшаетъ намъ принять, что Сугдея возникла первоначально на аланской или ясской почвѣ. Кстати припомнить: существуютъ не лишенныя достовѣрности указанія, что у самихъ коренныхъ кавказскихъ Аланъ существовалъ нѣкогда городъ или поселеніе съ тѣмъ же самымъ названіемъ. Мы имѣемъ въ виду разсказъ греческаго монаха Епифанія, писателя VIII вѣка, о хожденіяхъ апостола Андрея. Епифаній самъ совершилъ путешествіе по предполагаемымъ слѣдамъ апостола и описалъ свой собственный путь вмѣстѣ съ его путемъ; если извѣстія его имѣютъ апокрифическій характеръ по отношенію къ апостольскому времени, то, конечно, они вполнѣ достовѣрны по отношенію ко времени писателя. Изъ повѣствованія Епифанія мы видимъ, что апостолъ

Андрей, посѣтивъ Авазгію (Абхазію) и Зикхію (Джихетію, область Черкесовъ), затѣмъ отправился къ верхнимъ Сугдеямъ или, какъ читается въ другихъ редакціяхъ сказанія, въ верхнюю Сугдію, *πρὸς τὴν ἀνωτέρω Σουγδίαν*, въ Сугду горню, по сла- CLXX
вянскому переводу[1]); отсюда путь лежалъ въ Оспоръ, то есть, въ Керчь, и Херсонъ. Это послѣднее обстоятельство, а потомъ замѣтка, что Сугдія въ эпоху автора была необитаема, устраняютъ предположеніе, что тутъ можно разумѣть таврическую Сугдею. Древніе грузинскіе переводы греческаго подлинника говорятъ о верхнемъ Суадагѣ, нынѣ необитаемомъ, а новые ихъ комментаторы прибавляютъ, что въ Осетіи въ 35 верстахъ отъ Владикавказа и доселѣ существуетъ аулъ Суадагъ[2]). Въ VIII вѣкѣ, когда путешествовалъ и писалъ Епифаній, крымская Сугдея несомнѣнно существовала, и нѣтъ причины предполагать, что она была тогда разорена или необитаема.

Если городъ Сугдея возникъ въ области иранскаго племени Ясовъ, или Аланъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что и первоначальное его населеніе было исключительно аланское. По свидѣтельству записей, внесенныхъ въ древній греческій синаксарій, жители помнили годъ основанія своего города, имѣли, такъ сказать, свою эру, подобно жителямъ другихъ классическихъ колоній. Эра эта начинается съ 212 года до Р. Х.[3]). Конечно, не кочевые, полудикіе Аланы хранили такое преданіе, а болѣе образованные поселенцы того же племени, которое издавна господствовало въ другихъ городахъ южной Россіи и Крыма, то есть, Греки. Правда, что начало III вѣка по Р. Х. не было благопріятнымъ временемъ для возникновенія греческихъ колоній; тогда напро-

---

1) Московскій синодальный кодексъ XI вѣка, по каталогу Маттеи № 177, fol. 329 v.: *πρὸς τὴν ἀνωτέρω Σουγδίαν οὕτω καλουμένην κατεληλύθει· ἥτις νῦν ἐστι ἀοίκιτος*. Въ печатномъ изданіи (Patr. gr., 120, 224 A): *Σουγδαίους τοὺς ἄνω*. Славянскій переводъ въ Макарьевской Минеѣ за ноябрь мѣсяцъ. ‹См. Труды В. Г. Васильевскаго, II, 275›.

2) Христіанское Чтеніе, 1869 г., августъ (гдѣ переводъ грузинской редакціи Житія сообщенъ по рукописи Давидгареджійскаго монастыря), стр. 165. Е. Е. Голубинскій (Исторія Русской церкви, I, стр. 14) по поводу верхнихъ Сугдеевъ припоминаетъ Сагидовъ Прокопія.

3) Записки Одесск. Общ. Ист. и Др., т. V, № 61, стр. 605: *Ἐκτίσθη τὸ κάστρον τῆς Σουγδαίας τοῦ-εψκ (5720) ἔτους*. Замѣтка повторена три раза— писцомъ 1296 года, 1345 и 1411, всякій разъ съ расчисленіемъ времени, протекшаго со времени основанія города.

CLXXI тивъ приходили въ упадокъ старые исконные и блестящіе центры греческой жизни на берегахъ Понта, какъ, напримѣръ, Ольвія; начиналось движеніе варварскихъ германскихъ племенъ, заполонившихъ югъ нынѣшней Россіи, вслѣдствіе котораго по сосѣдству съ территоріей Сугдеи возникли поселенія Готскихъ климатовъ. Но, съ другой стороны, именно разрушеніе старыхъ пунктовъ поселенія могло повести къ основанію новыхъ, хотя бы и не въ столь широкихъ размѣрахъ; а притомъ связи южно-бережнаго Крыма съ противоположными областями Малой Азіи столь легки и естественны, что никогда не могли надолго прекращаться; онѣ засвидѣтельствованы для готскаго періода особою исторіей распространенія у Готовъ — южно-русскихъ и крымскихъ — христіанской вѣры при помощи выходцевъ и плѣнниковъ изъ Каппадокіи и Пафлагоніи[1]). Мы должны предполагать существованіе греческой основы населенія съ самаго начала исторической жизни въ Сугдеѣ, или Сурожѣ. Впослѣдствіи, на ряду съ греческими, встрѣчаются здѣсь не только армянскіе, но и турецкіе элементы, явно многочисленные. Проникновеніе ихъ, конечно, найдетъ себѣ объясненіе и въ позднѣйшихъ историческихъ судьбахъ города; но едва ли слѣдуетъ избѣгать предположенія, что элементъ турецкій, наиболѣе органически слившійся съ остальнымъ составомъ населенія, соединенный съ нимъ даже самою вѣрою, ведетъ свое начало отъ той же эпохи переселенія народовъ, когда въ Крыму появились разные родичи — соплеменники Гунновъ и Болгаръ — въ родѣ Акациров, Сарагуровъ, Уроговъ, Сорозговъ[2]). Представляется большое искушеніе самое русское названіе Сурожа, столь удаляющееся отъ иранской и греческой формы, объяснять въ связи съ предположеніемъ о пребываніи въ
CLXXII южномъ Крыму Сорозговъ и причастности ихъ къ первоначальной исторіи греческой Сугдеи. Позднѣйшее господство Хазаръ

---

1) Имѣемъ въ виду Житіе св. Саввы Готскаго и другія свидѣтельства: см. объ этомъ въ нашей статьѣ «Житіе Іоанна Готскаго», ‹Труды В. Г. Васильевскаго, II, 351›.

2) Сорозги у Приска (Dindorf, Histor. graeci minores, I, 278): Аттила, заключивъ миръ съ Римлянами, обратилъ оружіе противъ народовъ Скиѳики *καὶ πόλεμον πρὸς Σορόσγους συνεστήσαντο.* — Уроги у него же на ряду съ Сарагурами (p. 341): *ἐπρεσβεύσαντο - κατὰ τοὺς ἔφους Ῥωμαίους Σαράγουροι καὶ Οὔρωγοι καὶ Ὀνόγουροι.*

въ этихъ мѣстахъ не подлежитъ сомнѣнію. Значеніе и сила греческаго элемента въ Крыму, а, вѣроятно, и въ Сугдеѣ, получили новую поддержку въ періодъ иконоборства, ознаменовавшійся обширною монашескою эмиграціей изъ греческихъ областей, подчиненныхъ непосредственной власти императора, съ одной стороны — въ южную Италію, а съ другой — на сѣверные берега Понта. Когда одного изъ вождей монашеской оппозиціи противъ церковныхъ преобразованій Константина Копронима сочувствующія православію лица спрашивали, гдѣ слѣдуетъ искать убѣжища отъ власти дракона, то святой (Стефанъ Новый) прежде всего указалъ на сѣверные склоны береговъ Чернаго моря, на побережныя его области въ сосѣдствѣ съ Воспоромъ (Керчью), Херсономъ, Готіей низменною (Готскими климатами въ Крыму) и затѣмъ уже на Италію [1]). Во время церковныхъ смутъ, наступившихъ въ греческой церкви послѣ возстановленія иконопочитанія въ 787 году, которое, впрочемъ, оказалось только временнымъ, по старой ранѣе указанной дорогѣ находили себѣ въ южной Тавридѣ убѣжище многіе преслѣдуемые и недовольные епископы, монахи, пресвитеры и, конечно, другіе мірскіе люди. Не одинъ разъ указывается на это явленіе въ перепискѣ Ѳеодора Студита, вождя строгой монашеской партіи и ревнителя каноновъ въ началѣ VIII вѣка, а также и въ его жизнеописаніяхъ. То же самое продолжалось и по возобновленіи иконоборства [2]). Ѳеодоръ Студитъ замѣчаетъ, что Промыслъ открылъ вѣрнымъ такое убѣжище не ради только ихъ тѣлесной безопасности, но и ради духовнаго спасенія живущихъ тамъ, находившихся во тьмѣ и заблужденіи [3]). Другими словами, изгнанники должны были содѣйствовать распространенію и укрѣпленію хри- CLXXIII
стіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и греческаго языка, къ усиленію греческаго элемента въ населеніи Тавриды. Относительно южной Италіи такое вліяніе иконоборства давно замѣчено

1) См. Vita S. Stephani iunioris: Patr. gr., 100, col. 1117; ср. «Труды В. Г. Васильевскаго, II, 325».

2) Vita S. Theodori Studitae: Patr. gr., 99, col. 253: *Οἱ γὰρ ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας ἐπίσκοποι καὶ πρεσβύτεροι,* et cet. col. 1344 (epistolae Theodori): *ἐπισκόποις τοῖς διὰ Χριστὸν φυγαδευθεῖσιν ἐν Χερσῶνι.* Ср. col. 1070 и проч.

3) Ibid., col. 1344.

и признано въ наукѣ. Политическое господство Хазаръ, начавшихъ распространять свою власть въ Понтійскихъ странахъ съ половины VII вѣка, не могло служить тому препятствіемъ, ибо, будучи язычниками, а затѣмъ принявъ еврейскую вѣру, Хазары относились съ терпимостью или равнодушіемъ ко всѣмъ исповѣданіямъ, а также и къ христіанству, даже не мѣшали распространенію послѣдняго между собственными подданными. Надпись, найденная въ Ѳеодосіи-Каффѣ и относящаяся къ началу IX вѣка, принадлежитъ человѣку, носящему турецко-хазарское наименованіе: «рабъ Божій ‹Тагманъ›» [1]). Хазарскіе хаганы роднились съ византійскими императорами посредствомъ брачныхъ союзовъ, при чемъ ихъ сестры и дочери обращались въ христіанство и затѣмъ оказывались усердными защитницами православія. Такъ Юстиніанъ II, во время своего пребыванія въ Крыму, женился на Ѳеодорѣ, сестрѣ хазарскаго хагана, и разсчитывалъ съ его помощью воротить себѣ утраченный престолъ и свергнуть противника. Левъ Исавръ устроилъ бракъ своего сына Константина Копронима на другой хазарской принцессѣ, дочери хагана, получившей имя Ирины: о ней будетъ у насъ рѣчь ниже. Топархъ Воспора (Керчи), который въ данное время на ряду съ лангобардскимъ королемъ является слишкомъ скорымъ подражателемъ своеволія византійскаго императора въ брачныхъ дѣлахъ, былъ все-таки христіанинъ и, если нельзя навѣрное утверждать, что онъ былъ хазарскаго происхожденія по крови, то во всякомъ случаѣ онъ былъ подчиненнымъ владѣльцемъ, вассаломъ у хазарскаго хагана. Неизвѣстно, тотъ ли самый топархъ, или же его преемникъ восхваляется у Ѳеодора Студита на ряду съ готскимъ своимъ собратомъ, какъ поборникъ правой вѣры. Крымскіе Готы во второй половинѣ VIII вѣка находились, какъ мы знаемъ изъ Житія Іоанна Готскаго, тоже подъ властью Хазаръ,
CLXXIV и не видно, чтобы они подвергались какому-нибудь преслѣдованію за свою вѣру. Возстаніе, о которомъ разсказывается въ Житіи, не было вызвано религіозными побужденіями, и если въ немъ потомъ принялъ участіе самъ епископъ готскій Іоаннъ, то это не

1) Corp. inscript. graec., IV, № 9286. Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 70. Tomaschek, Die Goten in Taurien, стр. 24. ‹Латышевъ, Сборникъ греч. надписей христ. временъ изъ южной Россіи, № 75›.

можетъ служить доказательствомъ противнаго: когда возстаніе было окончательно подавлено, хаганъ не только пощадилъ жизнь готскаго князя, но и помиловалъ приближенныхъ епископа, успѣвшаго спастись бѣгствомъ на противолежащій греческій берегъ. Возвращаемся собственно къ Сугдеѣ.

Въ промежутокъ между третьимъ и восьмымъ вѣками мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ данныхъ изъ ея исторіи: у географа Равенскаго названо только имя Сугдеи[1]); хотя этотъ авторъ и писалъ свою космографію въ VII вѣкѣ или даже позднѣе, но перечисленіе крымскихъ городовъ у него заимствовано навѣрное изъ гораздо болѣе ранняго источника, такъ какъ самъ онъ нѣсколько ниже ссылается, какъ на свой источникъ, на Ливанія и Евтропія, касавшихся въ своихъ трудахъ великаго Понтійскаго моря.

Въ началѣ VIII вѣка Сугдея, по всѣмъ признакамъ, состояла подъ властію хазарскою и точно такъ же, какъ другія греческія общины, находившіяся въ такомъ положеніи, служила убѣжищемъ для иконопочитателей, преслѣдуемыхъ въ собственно византійскихъ владѣніяхъ. Въ царствованіе Константина Копронима (741—775) сюда удалился исповѣдникъ Стефанъ, который не мало потрудился надъ распространеніемъ христіанства среди мѣстныхъ жителей. Если не ранѣе, то именно при немъ основана была въ Сугдеѣ епископская каѳедра. Различныя сказанія, къ нему относящіяся, подвергаются оцѣнкѣ въ слѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Вѣроятно, тотъ же самый Стефанъ присутствовалъ и на вселенскомъ Никейскомъ соборѣ, въ 787 году, на которомъ временно восторжествовало православіе. Онъ по- CLXXV
стоянно отмѣчается въ сохранившихся актахъ соборныхъ засѣданій на ряду съ уполномоченнымъ представителемъ Готскаго Іоанна, а въ протоколѣ пятаго засѣданія значилась его подпись: *Στέφανος, ἀνάξιος ἐπίσκοπος πόλεως Σουγδάων, ἀσμένως πάντα τὰ προγεγραμμένα δεξάμενος, ὑπέγραψα*[2]).

---

1) Ravennatis Anonymi Cosmographia, edd. Pinder et Parthey, Berolini, 1860, pp. 175 sq.: item ad frontem Roxolanorum regionis sunt patriae, id est Sithotrogorum, item patria Campi Campanidon, Getho Githorum, Sugdabon, Fanaguron.

2) Mansi, XIII, 137: «Стефанъ, недостойный епископъ города Сугдайскаго,

Каѳедральною церковью города былъ храмъ святой Софіи, обновленіе котораго отмѣчено авторомъ синаксарныхъ замѣтокъ и отнесено къ 793 году [1]). Вопреки позднѣйшимъ неточнымъ показаніямъ Сугдея съ начала занимала низшую степень въ іерархическомъ чинѣ епископскихъ каѳедръ, и только потомъ возведена была на степень архіепископіи, а затѣмъ и митрополіи. Но, какъ и всѣ другія епархіи, основанныя въ варварскихъ странахъ восточной Европы, она съ самаго начала была подчинена непосредственно константинопольскому патріарху. Въ недавно изданномъ спискѣ архіерейскихъ каѳедръ *(Τάξις προκαθεδρίας)*, принадлежащемъ времени иконоборцевъ, гдѣ Амастрида значится еще подчиненною митрополіи Гангръ, Сугдейская епархія помѣщена въ числѣ автокефальныхъ вслѣдъ за Корсунскою и Воспорскою [2]). Возвышеніе на степень архіепископіи послѣдовало во всякомъ случаѣ не позднѣе начала X вѣка, такъ какъ въ другомъ спискѣ, наиболѣе точно представляющемъ порядокъ, соединяемый съ именемъ императора Льва Мудраго, Сугдія помѣщена въ числѣ самостоятельныхъ архіепископій [3]). Въ 997 году при патріархѣ Сисинніѣ опредѣленіе Константинопольскаго синода подписалъ въ числѣ другихъ митрополитовъ и архіепископовъ
CLXXVI Константинъ Сугдіискій *(Σουγδίας)*, а въ 1026 архіепископъ Арсеній; имя того, который засѣдалъ на соборѣ 1087 при патріархѣ Николаѣ, неизвѣстно [4]). По изслѣдованіямъ нѣмецкаго ученаго Гельцера, одна изъ редакцій каталога епископскихъ каѳедръ, безразлично надписываемыхъ именемъ Льва Мудраго, относится къ царствованію Алексѣя Комнина, послѣ 1084 года [5]). Здѣсь сугдейскій іерархъ носитъ званіе архіепископа, при чемъ

охотно принимая все вышеописанное, подписался». Другія упоминанія въ протоколахъ засѣданій, ibid., XII, 994. 1095; XIII, 137. 365. 384.

1) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. V, стр. 615, № 135: *Τῇ αὐτῇ ἡμέρα τὰ ἐγκαίνια (τοῦ ναοῦ τῆς) ἁγίας Θεοῦ λόγου σοφίας (τοῦ ἐν) πόλει σουγδαία ἐν τῷ ,ϛτα (6301) ἔτ.* Запись повторена дважды, такъ что въ ея смыслѣ и лѣтосчисленіи не можетъ быть сомнѣнія.

2) De Boor, Nachträge zu den Notitiae Episcopatuum въ Zeitschrift für Kirchengeschichte (Brieger'a), Bd. 12 (1891), стр. 522.

3) Georgii Cyprii descriptio orbis romani ed. Gelzer, 1213.

4) *Ῥάλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα*, V, 19. 32. 60.

5) Gelzer, Zur Zeitbestimmung der griechischen Notitiae episcopatuum: Jahrbücher für protest. Theologie, Bd. 12 (1886), стр. 556.

рядомъ помѣщены Фуллы, представлявшія отдѣльную епархію той же степени. Какъ извѣстно, область Фулльская уже около половины IX вѣка была знакома съ христіанствомъ, хотя и не покидала старыхъ языческихъ суевѣрій: славянскій первоучитель Константинъ (Кириллъ), пришедшій сюда изъ Корсуня, нашелъ въ фулльскомъ языкѣ людей, приносящихъ жертвы старому дубовому дереву. Находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Сугдеею, Фуллы во многомъ раздѣляли ея судьбы и уже съ XII вѣка соединялись вмѣстѣ подъ властью одного архіепископа; такъ, на Константинопольскомъ соборѣ при патріархѣ Лукѣ Хрисовергѣ въ 1158 году есть подпись владыки сугдо-фулльскаго, *Σουγδοφούλλων*[1]). Тѣмъ не менѣе, въ позднѣйшей редакціи расписанія епархій, относимой вышеназваннымъ ученымъ къ концу XII вѣка, къ эпохѣ Ангеловъ, Сугдея и Фуллы значатся какъ отдѣльныя архіепископіи. То же самое находимъ и у Нила Доксопатрія[2]). Послѣ соединеніе сдѣлалось постояннымъ. Что же касается внутреннихъ успѣховъ христіанства въ предѣлахъ Сугдейской епархіи, то нѣкоторое указаніе въ этомъ отношеніи можно извлечь изъ замѣчанія, находящагося въ Житіи славянскаго первоучителя, что на ряду съ другими народами, какъ-то Армянами, Иверами (Грузинами), Абхазами, Готами (очевидно, крымскими)
Сугьди, то есть, Сугдейцы, славили Бога на своемъ собствен- CLXXVII
номъ языкѣ; но іерархія была, конечно, греческая[3]).

Полное возстановленіе византійской государственной власти на полуостровѣ мы относимъ къ тому времени, когда, съ одной стороны, совершенно было низвергнуто господство Хазаръ войсками Василія Болгаробойцы въ союзѣ съ Русскими подъ начальствомъ брата или родственника св. Владиміра (въ 1016 г.), а съ другой—и самый Воспоръ, или Керчь, прежній центръ хазарскаго владычества, сдѣлался вновь греческимъ достояніемъ[4]). Извѣстно,

1) Кеппенъ, Крымскій сборникъ, стр. 131. *Ράλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα*, V, 98.

2) Parthey (Hieroclis Synecdemus et) Notitiae episcopatuum, pp. 201. 304. Нилъ Доксопатрій писалъ въ 1143 году.

3) Житіе св. Константина Философа: Москвитянинъ, 1843, № 6, стр. 405—434. Ср. Брунъ, Черноморье, II, 129.

4) Недавно издана печать, принадлежащая Аркадію протоспаѳарію и стратигу Воспора, которая по начертанію буквъ должна принадлежать X—XI вѣку: *Θεοτόκε βοήθει Ἀρκαδίῳ, πρωτοσπαθαρίῳ καὶ στρατηγῷ Βοοσπόρου*. Странно,

что при Исаакѣ Ангелѣ Евпатерій, стратилатъ и дуксъ Херсона, возстановлялъ (въ 1190 году) укрѣпленія Воспора, пришедшія въ упадокъ[1]); но еще ранѣе того императоръ Мануилъ Комнинъ (1143—1180) считалъ своимъ владѣніемъ Тмутаракань и городъ Росію (*Ῥωσία*) при устьѣ Дона, а это означало полное господство Византіи въ лежащихъ позади, ближе къ ней, таврическихъ предѣлахъ. Тогда, конечно, и Сурожъ не только числился, но и дѣйствительно сталъ находиться въ составѣ греческихъ владѣній. Но что онъ пережилъ въ промежутокъ между хазарскою властію и возстановленіемъ византійскаго владычества, объ этомъ можно только гадать, такъ какъ опредѣленныхъ и достаточно достовѣрныхъ свѣдѣній источники совсѣмъ не сообщаютъ. Въ договорѣ Игоря съ Греками (945 г.) предполагается, что Русскіе не только могутъ безпокоить Корсунь своими набѣгами, но и защищать тамъ по близости какія-то свои владѣнія. Если это означаетъ русскій протекторатъ надъ извѣстными областями въ Тавридѣ, то еще не извѣстно, входилъ ли въ составъ этихъ
CLXXVIII зависимыхъ владѣній городъ Сугдея. Въ сказаніи о чудесахъ вышеупомянутаго епископа Стефана повѣствуется о русскомъ князѣ, который воевалъ всю страну между Керчью и Сурожемъ, но прежде чѣмъ пріурочивать это сказаніе къ походу Владиміра на Корсунь въ 988 или 989 году, нужно еще установить достовѣрность самой легенды и ея происхожденіе, а этого пока не сдѣлано удовлетворительнымъ образомъ. Послѣ на полуостровъ проникали Печенѣги, имѣвшіе торговыя связи съ Корсунемъ, но какихъ-либо данныхъ о прямомъ ихъ отношеніи къ Сурожу не имѣется. Иное дѣло — Половцы или, какъ ихъ называютъ арабскіе писатели, Кипчаки. Конечно, нѣтъ никакихъ основаній увѣрять, что городъ Сугровъ, разоренный русскими князьями во время знаменитаго похода на Половцевъ въ 1111 году, находился въ Крыму и былъ тожественъ съ Сурожемъ: ходъ дѣла и контекстъ заставляютъ скорѣе думать противное. Но, съ другой

что ученый издатель (Schlumberger, ‹Mélanges d'Archéologie Byzantine, I, 206 сл.›) вздумалъ ее относить къ Босфорскому проливу, который никогда не составлялъ области, имѣющей своихъ воеводъ.

1) Corp. inscr. graec., IV, № 8740. ‹Теперь надпись Евпатерія отнесена къ царствованію имп. Маврикія и именно къ 590 году. См. В. В. Латышева *ΠΟΝΤΙΚΑ*, стр. 201—217, гдѣ указана и литература›.

стороны, довольно достовѣрные, хотя относительно поздніе, мусульманскіе писатели говорятъ намъ, что предъ нашествіемъ Татаръ Сугдея находилась подъ властію Кипчаковъ: такъ думали не только Ибн-ел-Асиръ († 1233) и Ибн-Батута, но и западный миссіонеръ Рубрукъ (= Рубруквисъ). Впрочемъ, подчиненіе степнымъ варварамъ могло означать просто дань, которую Сурожане должны были платить для охраненія своей безопасности и своей торговли, какъ это бывало и въ татарское время[1]). На первый взглядъ представляется страннымъ, что Слово о полку Игоревомъ относитъ Сурожъ къ землямъ незнаемымъ, но такъ какъ въ этой же категоріи названы Тмутаракань и Корсунь, то очевидно, это не значитъ совершеннаго незнакомства Русскихъ съ Сугдеею, а только ея отдаленность или же отчужденность въ политическомъ отношеніи. Помимо общихъ соображеній, основываемыхъ на близкомъ знакомствѣ Русскихъ съ Чернымъ моремъ, которое въ XI и XII вѣкахъ называлось даже спеціально Русскимъ моремъ, на извѣстіяхъ о ходѣ русско-византійской торговли, для CLXXIX
которой Печенѣги и Половцы служили отчасти только посредниками, существуютъ иного рода указанія на тѣсныя связи между Русью и Сурожемъ уже въ XII вѣкѣ. Авторъ приписокъ въ греческомъ синаксаріѣ подъ 24-мъ іюля сдѣлалъ такую замѣтку, что въ этотъ день совершается память святыхъ новоявленныхъ мучениковъ въ русскихъ странахъ, Давида и Романа, убитыхъ собственнымъ братомъ окаяннымъ Святополкомъ[2]). Хотя приписка сдѣлана позднѣйшею рукою, но, очевидно, знакомство съ русскими святыми Борисомъ и Глѣбомъ, которые здѣсь обозначены ихъ христіанскими именами, относится къ тому времени, когда они считались новоявленными, а это приводитъ насъ къ началу XII вѣка, если не ранѣе. Происхожденіе приписки нужно объяснять такъ, что авторъ замѣтокъ, не нашедши въ греческомъ синаксаріѣ извѣстныхъ ему, какъ жителю Сурожа, святыхъ, по-

---

1) Itinerarium Willelmi de Rubruk (Recueil de voyages, t. IV), p. 219: In illa planicie (къ сѣверу отъ Сурожа) solebant esse Comani, antequam venirent Tartari et cogebant civitates predictas et castra, ut darent eis tributum.

2) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 620, № 170: *τῆ αὐτῆ ἡμέρα μνήμη τῶν, ἁγ(ίων) νεοφαν(έν)των (?) μαρτύρων ἐν ῥωσικοὶς χώραις (?) δᾶδ καὶ ῥωμανοῦ τῶν ὑπὸ οἰκίων ἀυταδέλφων* (поправлено *ἀυταδέλφου*) *ἀναιρεθ(έντων) ὑπο τοῦ τάλανος σφατοπούλκου.*

читаемыхъ здѣсь съ давняго времени, восполнилъ пропускъ и для этого употребилъ уже усвоенныя прежде выраженія, вѣроятно, вошедшія въ мѣстный церковный обиходъ. Впрочемъ, прямое упоминаніе о Русскихъ, какъ союзникахъ Сурожа, принимающихъ непосредственное участіе въ его дѣлахъ, встрѣчается въ одной не изданной турецкой хроникѣ при разсказѣ о событіяхъ въ первой половинѣ слѣдующаго XIII столѣтія; объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

По свидѣтельству Ибн-ел-Асира, Судакъ, по его мнѣнію, входившій въ составъ кипчакскихъ владѣній, еще ранѣе татарскаго нашествія (1223 года) былъ важнымъ торговымъ городомъ. «Это городъ Кипчаковъ, изъ котораго они получаютъ свои товары, потому что -- къ нему пристаютъ корабли съ одеждами; послѣднія продаются, а на нихъ покупаются дѣвушки и невольники, буртасскіе мѣха, бобры, бѣлки и другіе предметы, находящіеся въ землѣ ихъ»[1]). Корабли съ одеждами, несомнѣнно, были корабли греческіе, потому что до основанія Ла-
CLXXX тинской имперіи въ Константинополѣ, то есть, до паденія греческой власти на Восфорѣ, никакой другой изъ промышленныхъ народовъ, торгующихъ тканями, не имѣлъ доступа въ Черное море; основаніе венеціанскихъ и генуезскихъ колоній относится къ позднѣйшему времени, а при императорѣ Мануилѣ прямо воспрещено было италіанскимъ торговымъ городамъ отправлять суда въ Воспоръ или Тмутаракань. Въ первое время послѣ четвертаго крестоваго похода (1204) верховная власть надъ областями южнаго Крыма, надъ Корсунемъ, Готіею и Сугдеею несомнѣнно перешла къ трапезунтскимъ царямъ — Велико-Комнинамъ, хотя она и могла по временамъ обращаться, благодаря Половцамъ, въ простое номинальное господство. Вмѣстѣ съ тѣмъ и черноморская торговля сосредоточилась теперь исключительно въ рукахъ купцовъ Трапезунта, Амастриды и Амиса, и въ старое время участвовавшихъ въ выгодахъ торговли корсунской[2]). Изъ Константина Багрянороднаго мы знаемъ, что пафла-

---

1) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, I, 26.

2) О промышленномъ и торговомъ значеніи Трапезунта уже въ X вѣкѣ см. W. Fischer, Trapezunt und seine Bedeutung in der Geschichte: Zeitschrift für allgemeine Geschichte, Bd. 3 (1886), стр. 20 сл.

гонскіе и вообще понтійскіе корабли привозили въ Херсонъ хлѣбъ, вино и другіе товары (De adm. imp., cap. 53, p. 270 Bonn.), что чрезъ посредство Печенѣговъ Корсунцы отправляли въ Россію, Хазарію и на Кавказъ въ Джихію (*Ζιχίαν*: ibid., cap. 6, p. 71;20) всякаго рода ткани, тигровыя кожи, перецъ и т. п. Никита Пафлагонскій, писатель конца IX или начала X вѣка, выставлялъ центромъ черноморской торговли городъ Амастриду; «Въ нее», говоритъ онъ, «какъ на общее торжище, стекаются Скиѳы, живущіе по сѣверной сторонѣ Евксина, а равно и тѣ, которые расположены къ югу; они приносятъ свои товары и получаютъ въ замѣнъ то, что̀ есть у нея; это городъ, находящійся въ центрѣ между восточнымъ предѣломъ и западнымъ; во всемъ, что̀ привозится сушею или моремъ, здѣсь нѣтъ недостатка»[1]. Итакъ, изъ словъ Ибн-ел-Асира мы должны заключить, что въ Сурожъ въ XII вѣкѣ стала переходить исконная CLXXXI
греческая торговля, которая прежде имѣла главнымъ посредникомъ городъ Корсунь. О развѣтвленіяхъ и важномъ значеніи этой торговли онъ говорилъ въ своемъ сочиненіи и ранѣе, описывая событія 1205—1206 года, когда иконійскій султанъ Гаяс-Эддинъ будто бы предпринималъ походъ къ Трапезунту для защиты коммерческихъ интересовъ своихъ (греческихъ и турецкихъ) подданныхъ. Трапезунтскій царь, по словамъ Ибн-ел-Асира, былъ причиною того, что пресѣклись на нѣкоторое время пути сушею и моремъ, съ одной стороны, изъ Малой Азіи, а съ другой — изъ Руси и Кипчака, отчего пострадали подданные султана, дотолѣ посредничавшіе въ торговлѣ между этими странами: съ одной стороны, они вели торговлю съ Русскими и Кипчаками, входили въ города ихъ, а съ другой — къ нимъ шли купцы изъ Сиріи, Ирака, Мосуля, Джезире, собираясь преимущественно въ городѣ Сивасѣ (= Севастіи)[2]. Что̀ касается предметовъ сурожскаго вывоза, то, очевидно, у Ибн-ел-Асира перечислены не всѣ они, но уже и между ними есть такіе, какихъ кочевники не могли сами производить. Въ неволю они продавали,

---

1) Никиты Пафлагонянина похвала св. Іакинѳу Амастридскому: Patrol. gr., 105, 421.

2) Переведено въ приложеніяхъ къ статьѣ А. А. Куника «Основаніе Трапезунтской имперіи» (Уч. Записки Имп. Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ, II), стр. 730.

безъ всякаго сомнѣнія, не столько своихъ дѣтей или родичей, сколько русскихъ плѣнниковъ, во множествѣ уводимыхъ при каждомъ набѣгѣ. Достаточно вспомнить патетическое описаніе первоначальной лѣтописи подъ 1093 г., принадлежащее современнику и очевидцу. Но еще изъ разсказа объ Евстратіѣ въ Патерикѣ Печерскомъ мы видимъ, что уведенные плѣнники, если не были выкупаемы, продавались въ рабство, и что скупщиками бывали жиды, проживавшіе въ Корсунѣ[1]). Однимъ словомъ, начиналась еще въ половецкій періодъ въ Корсунѣ и нашемъ Сурожѣ та торговля плѣнными, которая особенно расцвѣла въ татарскій и генуезскій періодъ и наполнила русскими рабами армію и гаремы египетскихъ султановъ-мамелюковъ. Если между мѣхами, вывозимыми изъ Сурожа, одни были буртасскіе, то есть,
CLXXXII съ береговъ Волги, то другіе, особенно бѣлки, могли быть доставляемы Русскими; еще архіепископъ аѳинскій Михаилъ Хонскій считалъ бѣлые заячьи мѣха, привозимые въ Константинополь, спеціально русскимъ продуктомъ[2]). Ибн-ел-Асиръ не упоминаетъ объ одномъ очень важномъ предметѣ, который тоже вывозился съ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, между прочимъ изъ Сугдеи; мы разумѣемъ соленую рыбу и даже икру, о которыхъ есть упоминанія у нѣсколько болѣе раннихъ византійскихъ писателей. Тцетцесъ въ одномъ изъ своихъ произведеній говорилъ объ оксійскихъ или оксіанскихъ рыбахъ, а въ другомъ объясняетъ намъ, что подъ этимъ нужно разумѣть тарихи, то есть, соленую рыбу, которую варвары называютъ, по словамъ Тцетцеса, верзитикомъ — слово извѣстное еще Константину Багрянородному (De adm. imp., cap. 42, p. 181,2 Bonn.); что же касается названія рыбы оксійскою, то оно употреблено было замысловатымъ писателемъ въ силу того, что жители Согдіи (= Сугдеи), Хазары и Корсунцы, назывались вообще Оксіанами отъ рѣки Окса, которая будто бы тамъ протекала[3]). Не проще ли

---

1) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные В. Яковлевымъ, С.-Пб., 1872, стр. 93—95.

2) См. нашу статью «Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ» (Журн. Мин. Нар. Пр., іюль, 1888, стр. 150).

3) Tzetzes, Chil., XIII, v. 90, p. 484 Kiessling:

'Ωξιανοὺς ἰχθύας μοι ταρίχους εἶναι νόει,
Οἶπερ βαρβάρως καὶ κοινῶς βερζίτικα καλοῦνται.

можно было бы объяснять оксіанскую рыбу отъ слова уксусъ *(ὄξος)*, такъ какъ дѣйствительно Греки знали сортъ рыбы, приготовленный съ помощью этого состава? Евстаѳій Солунскій, современникъ XII вѣка, отличаетъ отъ рыбы свѣжепросольной уксусную *(ἰχθύες - ὀξωτοί)* [1]). Столь же неудачно Тцетцесъ объяснялъ выраженіе кармбалукъ, которое у Скиѳовъ (= Половцевъ) означало будто бы Азовское море; но во всякомъ случаѣ интересно, что онъ зналъ слово балыкъ, помѣщенное и въ куманскомъ словарѣ съ объясненіемъ его смысла («рыба») [2]). CLXXXIII
Если невѣроятно, чтобы море называлось рыбьимъ городомъ *(κάρμ,* по Тцетцесу, на скиѳскомъ = *πόλις),* то весьма правдоподобно, что какой-нибудь городъ, ведущій рыбную торговлю, носилъ такое прозваніе [3]). Отъ Рубрука (Рубруквиса) мы узнаемъ, что впослѣдствіи центромъ рыбнаго промысла была Тмутаракань (Matrica); константинопольскіе купцы посылали оттуда свои барки къ устьямъ Дона и покупали тамъ громадныя количества всѣхъ сортовъ рыбы [4]). О разныхъ видахъ икры — красной и черной — говоритъ Евстаѳій Солунскій, замѣчая, что это былъ продуктъ

Οἱ δὲ Σογδίας κάτοικοι, Χάζαροι καὶ Χερσῶνες,
Ἀπὸ τοῦ Ὤξου ποταμοῦ, ὃς σφῶν τῇ χώρᾳ ῥέει,
Ὠξιανοὶ καλοῦνται, ἵνα καὶ ἰωνίσω.

1) **Eustathii** opusc. ed. Tafel., p. 231,3 sqq.: *Ἰχθύες ταριχευτοί, τινὲς δὲ καὶ ἐκ προσφάτου ἁλίπαστοι, πολλοὶ δὲ καὶ ὀξωτοί.*

2) Codex Comanicus, то есть, латино-персидско-куманскій (= половецкій) словарь, писанный въ 1303 году, сохранился въ рукописи, принесенной въ даръ Венеціанской республикѣ Петраркою, изданъ вполнѣ (послѣ Клапрота) венгерскимъ графомъ Kuun'омъ въ 1880 году. См. статью академика В. Радлова «О языкѣ Кумановъ по поводу изданія куманскаго словаря»: Приложеніе № 4 къ 48 тому (1884 г.) Зап. Имп. Акад. Наукъ ‹Ср. Труды В. Г. Васильевскаго, I, 118 слл.›.

3) Tzetzes, Chil., VIII, v. 773, p. 312 Kiessling:

Τοῖς Σκύθαις αὕτη Καρμπαλοὺκ ἡ λίμνη κλῆσιν φέρει,
Τὸ Καρμπαλοὺκ δ' ἑλληνισθὲν πόλις ἰχθύων λέγει·
Τὸ Κὰρμ γὰρ πόλις σκυθικῶς, τὸ δὲ Παλοὺκ ἰχθύες.

Броневскій (Tartaria, pag. 7) пишетъ (о Балаклавѣ), что городъ, который Греки именовали Iamboldum seu Iamboli, Турки назвали Balacheium, quasi piscium arcem, потому что море тамъ особенно изобилуетъ рыбою.

4) Itinerarium Willelmi de Rubruk (Recueil de voyages, t. IV), p. 215: sed mercatores de Constantinopolim applicantes ad predictam civitatem Matricam mittunt barcas suas usque ad flumen Tanaim, ut emant pisces siccatos, sturiones scilicet et hosas borbatas, et alios pisces infinite multitudinis.

сѣвернаго понтійскаго поморья и преимущественно рѣки Дона[1]). Если мы припомнимъ условія тогдашняго мореходства, то совершенно необходимо предполагать въ этой торговлѣ посредничество ближайшаго къ греческимъ берегамъ пункта, то есть, Сурожа, тѣмъ болѣе, что у Тцетцеса онъ прямо названъ.

Изъ домашнихъ событій въ Сугдеѣ за первую половину XIII столѣтія намъ извѣстно основаніе храма св. Аѳанасія въ
CLXXXIV 1214 году, выстроеннаго на счетъ городской общины по случаю бывшей смертности въ городѣ, которая послѣ того вскорѣ и прекратилась[2]). Затѣмъ настали еще болѣе тяжелые дни, когда Сурожъ не мало пострадалъ отъ Татаръ и отъ сельджукидскихъ Турокъ. Нашествіе Татаръ на Сурожъ въ первый разъ послѣдовало, какъ отмѣчено въ синаксаріѣ, въ самомъ началѣ 1223 года[3]). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ событіи мы находимъ у Ибн-ел-Асира и у Рашид-Эддина. Изъ перваго видно, что нападеніе Татаръ на городъ Судакъ произошло вскорѣ послѣ появленія ихъ въ землѣ Аланъ и Кипчаковъ. Остановившись въ Кипчакѣ, Татары прибыли къ городу Судаку и овладѣли имъ, а жители его разбрелись; нѣкоторые изъ нихъ съ своими семействами и своимъ имуществомъ взобрались на горы, а нѣкоторые отправились въ море и уѣхали въ страну Румскую, которая находится въ рукахъ мусульманъ изъ рода Килиджарслана[4]). Разсказъ Рашид-Эддина не представляетъ новыхъ подробностей, такъ какъ заимствованъ изъ того же Ибн-ел-Асира: «Монголы въ

---

1) Eustath. l. c.: *Οὐκ ἐνέλιπον δὲ οὐδὲ ᾠὰ ἰχθύων τεταριχευμένα· γένος αὐτὰ ἑκάτερον, ὅσα τε εἰς δυάδα πλακώδη παράκεινται παραυγάζοντα εἰς ὑπέρυθρον καὶ ὅσα ἐπὶ ἀρρίχων μέλανα κέχυνται σωρηδόν· ὧν χορηγὸς ἐκ τῶν βορείων πρὸς ἄλλοις τόποις καὶ ὁ εἰς τὸν Εὔξεινον ἐκβάλλων Τάναϊς.* Этими деликатесами угощали императора Мануила монахи одного столичнаго монастыря при неожиданномъ посѣщеніи его.

2) Замѣтка въ синаксаріѣ (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 599), № 25.

3) Тамъ же, стр. 601, № 33: *τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ* (= 27-го января) *ἦλθον οἱ πρῶτα οἱ τάταροι τοῦ ͵ϛψλα ἔτ.* (6731 = 1223).

4) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, I, 26. Затѣмъ Татары, пробывъ нѣкоторое время въ землѣ Кипчацкой, двинулись въ 620 году (4-го февраля 1223 — 23-го января 1224) въ страну Русскихъ; и потомъ слѣдуетъ разсказъ о большомъ сраженіи, которое есть битва при Калкѣ. Отсюда видно, что Ибн-ел-Асиръ относилъ эту битву къ 1223 году, какъ это и было доказано А. А. Куникомъ въ Уч. Зап. Имп. Академіи Наукъ по перв. и тр. отдѣл., II, 779.

той странѣ (Кипчаковъ)--закочевали на зиму. Оттуда они двинулись къ городу Судаку на берегъ моря,--и тотъ городъ взяли, а жители тамошніе разсѣялись. Потомъ они направились на землю Русскую»[1]). Такимъ образомъ, Рашид-Эддинъ пропустилъ ту подробность, что часть Сурожанъ искала себѣ убѣжища во владѣніяхъ турецкаго сельджукидскаго султана, но совершенно неправдоподобнымъ такое извѣстіе мы не можемъ назвать, хотя естественнѣе было бы ожидать, что пристанище найдется во владѣніяхъ Трапезунтской монархіи, въ CLXXXV
составъ которой входилъ почти весь противолежащій берегъ Чернаго моря, начиная отъ спорнаго Синопа; только одинъ— очень, правда, важный приморскій греческій городъ—Амисъ уже находился прямо въ рукахъ турецкихъ[2]). Такъ или иначе, первое татарское нашествіе разразилось надъ Сугдеею въ видѣ страшной, но скоро миновавшей грозы. Намъ прямо сообщаютъ, что послѣ удаленія Татаръ изъ земель Кипчакскихъ и Русскихъ уже въ слѣдующемъ 1224 г. все пришло въ прежній порядокъ; возобновилась и торговля, центромъ которой былъ Сурожъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ вторглись Татары,--не получалось отъ нихъ (Кипчаковъ) ничего по части буртасскихъ мѣховъ, бѣлокъ, бобровъ и (всего) другого, что привозилось изъ этой страны. Когда же они (Татары) покинули ее и вернулись въ свою землю, то путь возстановился и товары опять стали привозиться, какъ было прежде»[3]). Не совсѣмъ ясно и понятно, въ какомъ соотношеніи съ только что разсказанными событіями находится другое бѣдствіе, разразившееся надъ Сурожемъ и временно наведшее большой страхъ на жителей. Происходили какія-то ссоры и столкновенія съ иконійскимъ турецкимъ султаномъ, во владѣніяхъ котораго Сурожане недавно искали убѣжища; послѣдовало нашествіе на Сурожъ и занятіе города Турками. Повидимому, эти

---

1) Рашид-Эддинъ, Исторія Чингизъ-хана (Исторія Монголовъ, часть третья), въ переводѣ И. Н. Березина: Труды Вост. Отд. Русск. Археол. Общества, ч. XV, 1888 г., стр. 92.

2) Синопъ нѣкоторое время былъ подчиненъ Давиду Комнину, основавшему особое владѣніе между Галисомъ и Карамбисомъ, но скоро взятъ былъ Сельджуками; однако Велико-Комнины дѣлали попытки возвратить его себѣ.—Амисъ послѣ 1204 г. тоже остался самостоятельнымъ владѣніемъ подъ властію греческаго генерала, но не надолго.

3) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, I, 28.

событія находятся въ связи съ тою войною, которую въ данное время иконійскій султанъ Сельджуковъ Алаеддинъ-Кейкобадъ (1219—1239) велъ съ трапезунтскимъ христіанскимъ царемъ Андроникомъ I Гидомъ (1223—1235). По греческимъ мѣстнымъ источникамъ, война между султаномъ и христіанскимъ царемъ возникла по слѣдующему поводу: «Во второй годъ царствованія Андроника Гида султанъ Меликъ (меликъ по-арабски просто значитъ царь), сынъ великаго султана Алатина (вѣрнѣе — самъ
CLXXXVI Алаеддинъ), помѣнявшись съ Гидомъ клятвою примиренія, постановили не выходить болѣе на брань другъ съ другомъ, а оставить страны въ мирѣ и дать покой окрестнымъ жителямъ пограничныхъ крѣпостей. Но договоръ этотъ былъ нарушенъ, по неразумію тогдашняго синопскаго градоначальника, покорнаго султану, Рейсъ-Етума. Корабль, нагруженный государственными податями Корсуня и тамошнихъ странъ Готѳіи, съ государственнымъ начальникомъ податей Алексіемъ и съ нѣкоторыми знатными Корсунянами, шелъ оттуда съ ежегодною данью царю Гиду; но волненіемъ моря занесенъ былъ въ Синопъ. Помянутый Рейсъ разбойнически захватилъ это судно и деньги и всѣхъ бывшихъ вмѣстѣ съ матросами. Потомъ послалъ на Корсунь вооруженныя суда, и они совершенно опустошили эту страну» [1]). Правитель Синопа, признававшій верховную власть султана, по имени и по происхожденію армянинъ, былъ наказанъ Трапезунтцами, долженъ былъ возвратить похищенное, но за опустошеніе окрестностей Синопа вступился самъ султанъ, и возгорѣлась война; успѣхъ сначала былъ на сторонѣ турецкой, но затѣмъ подъ самымъ Трапезунтомъ въ сильную бурю Турки потерпѣли страшное пораженіе, самъ султанъ взятъ былъ въ плѣнъ. Греки приписывали неожиданное торжество свое патрону города Трапезунта св. Евгенію, предполагая его чудесное вмѣшательство. Султанъ, отпущенный на свободу, отказался впредь отъ всякихъ притязаній и до конца жизни свято исполнялъ условія договора.

---

1) Fallmerayer, Original-Fragmente zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt: Abhandlungen der historischen Classe der k. Bayerischen Akademie, Bd. III, Abth. 1, стр. 72, нѣмецкій переводъ тамъ же выше, стр. 18 сл.; русскій переводъ въ приложеніяхъ къ статьѣ А. А. Куника «Основаніе Трапезунтской имперіи» (Уч. Зап. Имп. Академіи Наукъ по перв. и тр. отдѣл., II, 1854 г.), стр. 738 сл.

Разсказъ этотъ читается въ похвальномъ словѣ св. Евгенію Трапезунтскому и подтверждается въ своей основѣ краткою Трапезунтскою хроникою[1]). Онъ пока важенъ для насъ тѣмъ, что прямо свидѣтельствуетъ о переходѣ власти надъ южнымъ Кры- CLXXXVII
момъ, слѣдовательно, и надъ Сурожемъ, къ трапезунтскимъ Велико-Комнинамъ. Но въ недавнее время открыты другія извѣстія объ Алаеддинѣ, которыя касаются уже прямо Сурожа и естественнымъ образомъ какъ бы сами собою комбинируются съ греческимъ сказаніемъ. Въ турецкихъ источникахъ говорится, что Алаеддинъ былъ краса династіи, имѣлъ ревность къ священной брани, овладѣлъ областями Рума вплоть до Скадара, перевезъ свое войско изъ Синопа черезъ Черное море и завоевалъ въ странахъ Дешти-Кыпчакъ крѣпость Судакъ[2]). Болѣе подробно и спеціально о морскомъ турецкомъ походѣ противъ Сурожа трактуетъ отрывокъ изъ не изданной Сельджукидской хроники «Сельджук-намэ» Мухамеда Равенди, содержаніе котораго сообщено голландскимъ оріенталистомъ Хаутсма[3]). Въ этомъ разсказѣ Сурожъ представляется независимою республикою, находящеюся въ союзѣ съ Русскими и Кипчаками, — что, замѣтимъ отъ себя, нисколько не мѣшало признанію верховной власти трапезунтскаго императора: Корсунь и Готія тоже сохраняли свои традиціи самоуправленія, послѣдняя и послѣ имѣла своихъ князей. Кейкобадъ — говорится далѣе въ хроникѣ — раздраженный противъ (Сурожской) общины, потому что граждане нанесли ущербъ одному мусульманскому купцу, отправилъ противъ нея военный отрядъ на судахъ. Когда экспедиція достигла города, то, какъ Русскіе, такъ и Кипчаки старались склонить могущественнаго сельджукидскаго государя къ дружественнымъ чувствамъ, и городъ Судакъ далъ удовлетвореніе, допустивъ сво-

---

1) Хроникою Панарета, которая издана была Фальмерайеромъ въ IV томѣ Abhandlungen Баварской академіи, и Тафелемъ въ Eustathii opuscula. <Объ изданіи А. С. Хаханова Е. М. Придикъ въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1906 г., сент., стр. 181 слл.>

2) В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 10.

3) Houtsma, Ueber eine türkische Chronik zur Geschichte der Selguqen Klein-Asiens (Actes du sixième congrès des orientalistes en 1883 à Leide. Deuxième partie, Leide, 1885, p. 369). Ср. барона В. Р. Розена рецензію на это изданіе въ Запискахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. I, 1887 г., стр. 327.

бодное отправленіе магометанскаго богослуженія и принявъ небольшой турецкій гарнизонъ. Дата этого событія не опредѣлена хронологически въ турецкомъ источникѣ, но Хаутсма догадывается, что ее нужно помѣстить нѣсколько лѣтъ позднѣе, чѣмъ
CLXXXVIII нашествіе Татаръ. Мы имѣемъ полное право разсматривать сурожское событіе какъ эпизодъ большой войны иконійскаго султана съ царемъ трапезунтскимъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ той и другой стороны дошли до насъ только неполныя извѣстія о ней, и нѣтъ достаточной причины не довѣрять, какъ трапезунтскому сказанію о чудесахъ св. Евгенія, такъ и сообщенію не изданной турецкой хроники, съ тѣми, конечно, ограниченіями, которыя вытекаютъ изъ самаго характера источниковъ. Прежде всего слѣдуетъ добавить, что подчиненіе города Сурожа султану не оказалось, какъ это видно изъ дальнѣйшей исторіи, прочнымъ или долговременнымъ; можетъ быть, оно прекратилось съ окончаніемъ войны и вмѣстѣ съ заключеніемъ мира. Въ одномъ изъ двухъ каноновъ, сложенныхъ въ Сурожѣ въ честь святаго Стефана, воспѣвается торжество христіанъ надъ нечистыми Агарянами, надъ Измаильтянами, которые хотѣли озлобить достояніе Господа, то есть, самый городъ Сурожъ, но подверглись посрамленію; здѣсь же встрѣчается обращенная къ Богу молитва о дарованіи дальнѣйшихъ побѣдъ «крестоносному царю нашему»[1]). Мы думаемъ, что тутъ рѣчь идетъ именно о мусульманскомъ нашествіи и о нападеніи султана иконійскаго; Сурожане торжествовали побѣду своего государя и свое собственное освобожденіе.

Въ 1238 году Татары вторично посѣтили Сугдею — въ мѣсяцѣ декабрѣ, какъ это отмѣтилъ въ своемъ экземплярѣ краткихъ Житій святыхъ позднѣйшій сурожанинъ[2]). Однако и это не означало окончательнаго и полнаго порабощенія. Десять лѣтъ спустя, именно въ 1249 году, послѣдовало очищеніе Сурожа отъ Татаръ. Въ синаксаріѣ по этому поводу замѣчено слѣдующее:

1) Объ этомъ канонѣ рѣчь будетъ ниже.

2) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 597, № 10 (подъ 26-мъ декабря): *τῆ αὐτῆ ἡμέρα ἦλθ... τάταροι δι βευτρη... τοῦ ͵ςψμζ* (6747 = 1238). Марино Сануто (Secreta fidelium crucis, III, 12) упоминаетъ о разореніи Сугдеи въ связи съ нашествіемъ Татаръ на Русь и Хазарію, относя все это къ 1242 году: Tatari vastant Rusiam, Gazariam, Sugdaiam. Ср. Tomaschek, Die Goten in Taurien, стр. 42.

Въ этотъ день (апрѣля 27-го) все было очищено отъ Татаръ внѣ города, и сосчиталъ севастъ народъ, и оказалось восемь тысячъ триста въ 6757 году отъ сотворенія CLXXXIX
міра, и праздновалъ торжественно»[1]). Какъ и почему произошло это радостное событіе, на это нѣтъ намека; но, повидимому, полное освобожденіе отъ Татаръ сопровождалось возстановленіемъ верховной власти греческаго трапезунтскаго императора; представителями или намѣстниками его являются сановники, носящіе высокій титулъ севастовъ (первоначально augustus)[2]). Севастъ произвелъ счисленіе населенія, оставшагося въ городѣ и оказавшагося не особенно значительнымъ, хотя, вѣроятно, нужно тутъ разумѣть только взрослое мужское населеніе. Севасты съ тѣхъ поръ постоянно упоминаются въ припискахъ къ синаксарію вплоть до 1410 года; въ 1262 (въ припискѣ № 80) отмѣчается смерть раба Божія Поликарпа севаста, по прозванію Мамиція *(Μαμιτζῆς);* въ 1305 году (№ 65) упомянутъ севастъ Топти и жена его Θамарь; всего чаще сообщается о кончинѣ ихъ сыновей и дочерей, предаваемыхъ погребенію въ православныхъ церквахъ Сурожа, какъ это иногда прямо указывается въ припискахъ. Большая часть именъ этихъ севастовъ явно греческія, и что всѣ они были христіане, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; правда, что въ родствѣ и свойствѣ ихъ попадаются имена, звучащія чуждыми Грекамъ звуками, но нужно быть осторожнымъ въ пріуроченіи такихъ именъ именно къ турецкимъ корнямъ. Прежде всего нужно имѣть въ виду тѣсныя связи трапезунтскихъ государей и магнатовъ съ сосѣднею Грузіей; Θамарь, жена севаста Топти, тожественна по имени съ грузинскою Тамарою, такъ много содѣйствовавшею основанію Трапезунт- CXC

---

1) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 611, № 104: *τῇ αὐτῇ ἡμέρα ἐξηκαθαρίσθη... ταταρίων τὸ ἅπαν.... ἔξω τὸ ἄστη καὶ ἠριθμισεν σεῦ. τῶν λαὸν καὶ ηυρεθ χῖαδας η και τριακοσια ἐν ἔτ ,ςψνζ τῆς τοῦ κόσμου γενησεως καὶ ἑορτάζε πανυγυρικος.* Арх. Антонинъ понялъ числительныя слова «тысячь восемь и триста» какъ 308 тысячъ, но намъ кажется болѣе правдоподобнымъ иное возможное толкованіе, дающее и болѣе скромный результатъ.

2) Севасты встрѣчаются среди сановниковъ трапезунтскаго двора *(οἱ δουκίδες),* какъ это мы видимъ изъ грамотъ, оставшихся неизвѣстными Фальмерайеру и недавно изданныхъ г. А. Пападопуло-Керамевсомъ въ приложеніи къ такъ называемой Маврогордатовой библіотекѣ. Первоначально въ *Σύλλογος*, Т. I, *Ζ'*. (1886), p. 75. 77.

ской монархіи; дочь севаста Пула (можетъ быть, Севастопула, то есть, сына севаста) была женою Або, а послѣднее имя тоже грузинское (извѣстно Житіе святаго Або, пострадавшаго отъ Сарацинъ въ VIII вѣкѣ); если сама она называлась Баракъ, то и это имя, равно какъ и Алачукъ, можетъ быть объясняемо изъ спеціальной трапезунтской ономатологіи; только Toктемиръ, сынъ севаста, носитъ явно турецкое названіе, но отецъ его все-таки назывался Стефаномъ [1]). На ряду съ севастами, равно какъ и послѣ исчезновенія ихъ, упоминаются архонты, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть представителей мѣстной городской власти [2]).

Испанско-арабскій путешественникъ, Абул-хасанъ Али Ибн-Саидъ, жившій отъ 1214 до 1274 г., хотя и говоритъ, что населеніе Судака смѣшано изъ разныхъ народовъ и вѣроисповѣданій, но затѣмъ прибавляетъ, что число христіанъ преобладаетъ между ними. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ точно, къ какимъ годамъ относится сообщеніе. Далѣе въ сочиненіи слѣдуетъ замѣтка, что купцы Судака отправляются въ Константинопольскій рукавъ, но это еще не заставляетъ предполагать возстановленіе въ Византіи греческой власти (послѣ 1261 г.): какъ сейчасъ увидимъ, Сурожане поддерживали коммерческія связи съ Константинополемъ и въ періодъ латинскаго въ немъ господства [3]).

Нельзя утверждать, что съ возстановленіемъ въ Сурожѣ законной власти православнаго греческаго царя совсѣмъ прекратились всякія подчиненныя отношенія къ Татарамъ; опасность съ этой стороны всегда была близка, и очень понятно, что для отстраненія бѣды приходилось платить болѣе или менѣе постоянную дань, тѣмъ болѣе, что и трапезунтскіе Комнины съ 1244 года были вынуждены обстоятельствами къ тому же по отношенію къ
CXCI монгольскому хану Гулагу. Такъ по крайней мѣрѣ было въ тотъ моментъ, когда Сурожъ посѣтилъ знаменитый путешественникъ, монахъ Рубрукъ, направлявшійся ко двору великаго монгольскаго хана по секретному порученію французскаго короля Людовика

1) Ср. В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 34 сл.
2) Архонты: № 73 (1310 года), № 13 (1407 года).
3) Объ Ибн-Саидѣ и его сочиненіи см. А. Я. Гаркави «Крымскій полуостровъ до Монгольскаго нашествія въ арабской литературѣ»: Труды Четвертаго Археологическаго съѣзда (въ Казани), т. II, стр. 246.

Святаго. Рубрукъ (Рубруквисъ, Руисбрекъ) со своими спутниками и переводчикомъ прибылъ въ Сурожъ чрезъ Константинополь, еще находившійся въ рукахъ Латинянъ, 21-го мая 1253 года. Купцы изъ Константинополя уже заранѣе принесли вѣсть, что въ Сурожъ вскорѣ явится посольство къ хану Сартаку, отправленное королемъ Людовикомъ изъ Святой земли; Рубруку это было не совсѣмъ пріятно, потому что онъ предполагалъ выдавать себя за простаго миссіонера. Какіе то были купцы, греческіе или венеціанскіе, мы не знаемъ, но указаніе на тѣсныя торговыя связи Сурожа съ Царьградомъ весьма любопытно. Городскія власти, которымъ Рубрукъ даетъ титулъ капитановъ (capitanei civitatis), находились въ отсутствіи, именно: они отправились еще зимою къ кипчакскому хану Батыю для уплаты дани и пока не возвращались; поэтому пришлось вступить въ необходимыя объясненія съ замѣстителями (vicarii) городскихъ правителей: севастъ почему-то не упоминается. Объясненія были приняты благопріятно, и путешественникамъ отведено было помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ при каѳедральной церкви[1]). Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что епископъ былъ не греческій православный, а какой-нибудь другой, напримѣръ, армянскій[2]). Оказалось, что епископъ самъ бывалъ у Сартака, и онъ наговорилъ Рубруку много хорошаго о ханѣ, что̀, впрочемъ, впослѣдствіи не оправдалось. Когда возникъ вопросъ о способахъ дальнѣйшаго путешествія, то совѣтниками явились тѣ константинопольскіе купцы; какъ люди, вполнѣ знакомые съ мѣстными обычаями и средствами, они посовѣтовали взять или даже купить для перевозки вещей запрягаемыя волами крытыя телѣги, въ какихъ Русскіе перевозятъ свои мѣха[3]); при CXCII чемъ сами путешественники лично могли бы спокойно и неспѣшно ѣхать подлѣ на коняхъ; это было удобнѣе въ томъ отношеніи, что избавляло отъ необходимости при неизбѣжной смѣнѣ ло-

1) Itinerarium Willelmi de Rubruk (Recueil de voyages, t. IV), p. 217: Et ipsi receperunt nos gratanter et dederunt nobis hospitium in ecclesia episcopali.

2) Ср. Брунъ, Черноморье, II, стр. 140.

3) Itinerarium Willelmi de Rubruk l. l.: Tum dederunt nobis optionem, utrum vellemus habere bigas cum bobus ad portandum res nostras, vel equos pro saginariis: et mercatores constantinopolitani consuluerunt mihi quod acciperem bigas, immo quod emerem proprias bigas coopertas, in quibus portant Ruteni pelles suas.

шадей и при всякой остановкѣ перекладывать вещи, назначаемыя главнымъ образомъ для подарковъ хану и его приближеннымъ. Однако, Рубрукъ послѣ остался недоволенъ рекомендованнымъ ему способомъ передвиженія, такъ какъ онъ оказался вдвое медленнѣе, чѣмъ на вьючныхъ лошадяхъ. Для насъ важнѣе всего здѣсь мимоходомъ сдѣланное указаніе на русскихъ купцовъ, которые торговали съ Крымомъ и съ самымъ Сурожемъ мѣхами. Впрочемъ, объ этомъ Рубрукъ и прямо говоритъ при описаніи мѣстоположенія Солдайи и ея торговаго значенія. Сюда пристаютъ всѣ купцы, приходящіе изъ Турціи и направляющіеся въ сѣверныя страны, и наоборотъ, купцы, приходящіе изъ Россіи и странъ сѣверныхъ и желающіе совершить переѣздъ въ Турцію. Послѣдніе доставляютъ сюда различные и дорогіе мѣха, а первые привозятъ хлопчато-бумажныя матеріи, шелковыя ткани и пряные коренья[1]). Очевидно, это все та же торговля, о которой говорилъ еще Ибн-ел-Асиръ, приписывая въ ней главную роль Кипчакамъ; ближе знакомый съ дѣломъ западный человѣкъ вмѣсто Кипчаковъ называетъ Русскихъ. Что же касается Турціи, куда ѣздили русскіе купцы, то здѣсь разумѣются противолежащіе берега Малой Азіи, находившіеся подъ властью иконійскаго сельджукидскаго султана, со включеніемъ, нужно думать, и областей Трапезунтскихъ, считаемыхъ зависимыми отъ
CXCIII него. Нѣсколько позднѣе мы встрѣчаемъ въ Солдайѣ и венеціанскихъ купцовъ. Въ 1260 году прибыли въ Крымъ и высадились, вѣроятно, въ Сурожѣ венеціанскіе купцы Николо и Маффіо (Матѳей) Поло; они пробирались ко двору кипчакскаго хана Берке, гдѣ думали выгодно продать извѣстное количество драгоцѣнныхъ камней. Прибыли они прямо изъ Константинополя, гдѣ въ то время доживала послѣдніе дни Латинская имперія и хозяйничали Венеціанцы; старшій братъ ихъ и компаньонъ Марко провелъ въ Константинополѣ часть своей жизни и, вѣроятно, находился тамъ и въ настоящій моментъ. Его торговые обороты

1) Itinerarium Willelmi de Rubruk, l. l., p. 215: Soldaia, que ex transverso respicit Sinopolim, et illuc applicant omnes mercatores venientes de Turchia volentes ire ad terras aquilonares, et a converso venientes de Roscia et terris aquilonaribus volentes transire in Turkiam. Isti portant varium et grysiam et alias pelles pretiosas: alii portant telas de cotone sive gambasio et pannos sericos et spices aromaticas.

простирались до Сугдеи-Сурожа; если не теперь, то нѣсколько позднѣе онъ имѣлъ въ Солдайѣ свой домъ, служившій, можетъ быть, торговою конторою. Достигнувъ преклоннаго возраста, Марко Поло старшій, дядя знаменитаго путешественника, рѣшился удалиться въ Венецію, свое отечество, и написалъ здѣсь въ 1280 году духовное завѣщаніе; въ немъ идетъ рѣчь о сурожскомъ домѣ, въ которомъ, оказывается, обитали дѣти Марко: сынъ Николай и дочь Марокка; въ завѣщаніи предоставляется имъ пожизненное пользованіе сказаннымъ домомъ, а полная собственность предоставляется Францисканцамъ, находившимся въ городѣ[1]). Это показываетъ, что Венеціанцы, засѣвшіе потомъ въ Солдайѣ довольно прочно, начинали селиться здѣсь около времени пребыванія Рубрука и братьевъ Поло. Но прежде чѣмъ перейти къ венеціанскому періоду, мы должны отмѣтить два факта изъ исторіи отношеній Сурожа къ турецкому міру.

Въ 1263 году прибыли въ Крымъ послы египетскаго султана Бейбарса, знаменитѣйшаго изъ мамелюковъ, остановившаго успѣхи Монголовъ въ Сиріи и всю жизнь свою находившагося въ упорной борьбѣ съ великимъ ханомъ Гулагу и его преемниками, при чемъ онъ искалъ себѣ опоры въ другихъ Чингисхидахъ. Бейбарсъ имѣлъ цѣлью побудить хана Золотой орды, который въ противоположность великому хану обнаруживалъ усердіе къ исламу, прямо къ священной войнѣ противъ Гулагу; посредниками въ сношеніяхъ были аланскіе купцы и многочисленные CXCIV
Татары, находившіеся въ Египтѣ. Посольство, временно задержанное никейскимъ императоромъ Ласкарисомъ, прибыло потомъ на Судакское поморье — разумѣется малоазіатскій берегъ Чернаго моря — и затѣмъ высадилось въ Крыму. О послахъ говорится, что они взобрались на гору, называемую Судакъ, и что здѣсь встрѣтилъ ихъ татарскій уполномоченный, правитель края, имѣвшій резиденцію въ мѣстечкѣ Крымъ (то есть, Солхатъ), которое населяли Кипчаки, Русскіе и Аланы[2]). Отсюда, однако,

---

1) Всѣ эти свѣдѣнія о Марко Поло старшемъ и объ его домѣ въ Сурожѣ почерпаются изъ его завѣщанія; документъ былъ обнародованъ первоначально у Cicogna, Inscr. Veneziani, III, 489, а теперь помѣщается при изданіяхъ путешествій Марко Поло (Пасини, Юля). Ср. Heyd-Raynaud, I, 299; II, 215 сл.

2) Современный арабскій писатель Ибн-Абдеззахыръ у Тизенгаузена: Сборникъ матеріаловъ, I, 63. Ср. В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 38.

не видно, чтобы самый Сурожъ находился подъ непосредственнымъ управленіемъ татарскаго сановника, какъ заключаютъ нѣкоторые ученые[1]). Болѣе положительный признакъ въ этомъ смыслѣ представляетъ исторія поселенія въ Крыму иконійскаго султана Изеддина, въ пользу котораго должны были ходатайствовать предъ ханомъ Берке только что упомянутые египетскіе послы. Съ его именемъ обыкновенно соединяется представленіе о весьма значительной прибавкѣ къ тюркскимъ элементамъ, распространявшимся на полуостровѣ въ лицѣ Половцевъ, а потомъ Татаръ, еще и собственно турецкаго. Для насъ важно то, что удѣломъ Изеддина, который былъ ему данъ преемникомъ Берке, былъ именно Солхатъ и Судакъ, или Сурожъ, если только позднѣйшій турецкій компиляторъ вѣрно передалъ слова своего болѣе древняго источника[2]). Едва ли, однако, число спутниковъ Изеддина, пришедшихъ въ Крымъ, было такъ значительно, чтобы
CXCV чувствительнымъ образомъ повліять на составъ населенія греческой Сугдеи. Названный сельджукидскій султанъ, внукъ извѣстнаго намъ Алаеддина-Кейкобада, явился сюда не прямо съ родины своей въ Малой Азіи, а уже изъ Византіи послѣ длиннаго ряда приключеній. Вынужденный вѣроломствомъ собственнаго брата, передавшагося на сторону азіатскихъ (не кипчакскихъ) Монголовъ, спасать себя бѣгствомъ, онъ сначала нашелъ себѣ пристанище у греческаго императора Михаила Палеолога, незадолго предъ тѣмъ овладѣвшаго Константинополемъ. Правда, что число спутниковъ, которые его сопровождали или же пришли вслѣдъ за нимъ, было весьма значительно: по свидѣтельству византійскихъ писателей, всего набралось болѣе тысячи взрослыхъ, способныхъ носить оружіе. Но обстоятельства, сопровождавшія

Другой арабскій писатель, который говоритъ объ этомъ, есть Эльмуфаддаль (у Тизенгаузена, I, 192): правитель края назывался Таюкъ, и онъ имѣлъ почтовыхъ лошадей; Крымъ отстоялъ отъ берега на одинъ день ѣзды.

1) Ср. Брунъ, Черноморье, II, 137; В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 38.

2) Объ этомъ говоритъ только Сеидъ Лукманъ, придворный поэтъ султана Мурада III, въ сочиненіи, которое представляетъ извлеченіе изъ стариннаго историческаго труда и которое было переведено на латинскій языкъ профессоромъ Гельсингфорскаго университета Лагусомъ: Seid Locmani ex libro Turcico, qui Oghuzname inscribitur (Helsinf. 1854). Ср. В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 14.

переходъ султана подъ покровительство хана Золотой или Кипчакской орды, болѣе точно передаваемыя византійскими писателями, чѣмъ позднѣйшимъ турецкимъ, были таковы, что не допускали возможности этой массѣ опять послѣдовать за своимъ прирожденнымъ вождемъ въ его дальнѣйшемъ переселеніи. Изеддинъ разсчитывалъ либо свергнуть брата при помощи византійскаго союзника, многимъ ему прежде обязаннаго, либо получить отъ него приличный удѣлъ въ греческихъ областяхъ. Намъ говорятъ, что онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и не достигъ ни того, ни другого, ни помощи противъ брата, ни удѣла [1]). Понявъ, что Палеологъ проводитъ его пустыми проволочками, Изеддинъ вступилъ въ сношенія съ ханомъ Берке и съ болгарскимъ царемъ Константиномъ, который тогда настроенъ былъ противъ Палеолога самымъ враждебнымъ образомъ [2]). Составилась коалиція противъ Византіи изъ Татаръ и Болгаръ; византійскія владѣнія страшно пострадали отъ этихъ союзниковъ, угрожавшихъ самой столицѣ. Изеддинъ успѣлъ отдѣлиться отъ императора, который держалъ его при себѣ, между тѣмъ какъ союзники прямо старались объ его освобожденіи. Они осадили ту крѣпость, въ которой CXCVI
Изеддинъ находился съ самыми близкими къ нему людьми, и, когда осада затянулась вслѣдствіе упорства защитниковъ, Татары удовольствовались именно одною выдачею Изеддина и сняли осаду [3]). Что же касается его родичей и прежнихъ приверженцевъ, то византійцы настойчиво внушаютъ намъ, что почти всѣ они отчасти по неволѣ, отчасти по доброй волѣ остались на византійской службѣ и даже обратились въ христіанство [4]). Они встрѣчаются еще и послѣ въ составѣ византійскаго войска въ количествѣ 1.100 человѣкъ и въ качествѣ весьма ненадежнаго

---

1) Niceph. Greg. histor., vol. I, p. 82 Bonn.: *Ἀζατίνης* (такъ онъ именуется у византійцевъ) - - *αἰτεῖ δυοῖν θάτερον· ἢ συμμαχίαν κατὰ τῶν Σκυθῶν, ἢ γῆς Ῥωμαϊκῆς ἀποτομήν τινα καὶ οἱονεὶ κληρουχίαν εἰς κατοικίαν μονιμωτέραν αὐτοῦ τε καὶ τῶν ἅμα αὐτῷ.*

2) Pachymer., vol. I, 229 Bonn.; Greg., vol. I, 100.

3) Niceph. Greg., vol. I, 101; Pachymer., vol. I, 229—240. Арабскіе писатели Рукнеддинъ Бейбарсъ (Тизенгаузенъ, I, 103), Эннувейри (стр. 153), Эльмуфаддаль (стр. 191) согласны съ византійцами въ томъ, что Изеддинъ былъ освобожденъ Татарами изъ крѣпости, въ которой держался онъ и его сыновья и внуки; только напрасно они говорятъ о близости ея къ Стамбулу; разумѣется (по византійцамъ) крѣпость Эносъ. Ср. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 21.

4) Niceph. Greg., vol. I, 101. 229.

контингента[1]). Если вѣрно, что отъ этихъ именно «Туркопуловъ», какъ они спеціально именуются у Григоры, ведетъ свое начало турецкое поселеніе въ Добруджѣ — позднѣйшій турецкій компиляторъ даетъ основаніе къ такому мнѣнію, — то нужно думать, что они утвердились тамъ не при Изеддинѣ, а послѣ него[2]). Слѣдовательно, иконійскій султанъ, когда его пріютилъ кипчакскій ханъ Берке, не въ состояніи былъ привести съ собою большую колонію. Съ другой стороны, его потомство вовсе не укоренилось на крымской почвѣ: по смерти Изеддина († 1279) сынъ его Масудъ покинулъ Тавриду и воротился въ Малую Азію, гдѣ получилъ отъ преемниковъ Гулагу Эрзерумъ и Сивасъ[3]). Присутствіе турецкихъ элементовъ въ населеніи Сурожа, оказывающееся къ концу столѣтія весьма яснымъ и достигающее большихъ размѣровъ, не находитъ себѣ достаточнаго объясненія
CXCVII въ исторіи поселенія султана Изеддина. Самое отношеніе Изеддина къ Сурожу не совсѣмъ ясно. Намъ прямо говорятъ, что онъ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Сараѣ и тамъ умеръ[4]). Если въ составъ его удѣла, отведеннаго ханомъ Берке, дѣйствительно входилъ Сурожъ, то скорѣе всего — въ качествѣ города, обложеннаго данью: подарки или поминки, которые прежде старшины общины возили въ Орду, шли теперь на содержаніе сосѣдняго магометанскаго выходца, татарскаго подручника.

Мы видѣли, что Венеціанцы во время Латинской имперіи не только проникали въ Крымъ, но и появлялись въ самой Сугдеѣ, гдѣ уже свили себѣ гнѣздо католическіе монахи, францисканцы. Между тѣмъ произошелъ переворотъ, громадный по своему значенію для всемірной исторіи, сильно отразившійся и на положеніи нашего Сурожа. Воспользовавшись отсутствіемъ венеціанскаго флота, ушедшаго въ экспедицію въ Черное море, полководецъ Михаила Палеолога Алексѣй Стратигопулъ 25-го іюля 1261 года овладѣлъ Константинополемъ. Главною опорой въ борьбѣ про-

1) Niceph. Greg., vol. I, 229. 248.

2) О поселеніи въ Добруджѣ: Брунъ, Черноморье, I, 142; Смирновъ, Крымское ханство, стр. 12—24.

3) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, I, 103. 434; Смирновъ, Крымское ханство, стр. 23.

4) См. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 23; по арабскимъ источникамъ у Тизенгаузена.

тивъ Венеціанцевъ служили для Палеолога соперничавшіе съ ними Генуезцы, которымъ онъ отвелъ Перу для поселенія. Генуезцамъ, согласно съ заключеннымъ договоромъ, дано было право исключительной торговли по берегамъ Чернаго моря. Они отлично воспользовались благопріятными обстоятельствами, спѣшили утвердить свою монополію и сдѣлаться полными хозяевами на побережьяхъ Тавриды; центромъ ихъ торговой дѣятельности въ этихъ мѣстахъ стала Кафа, цвѣтущая колонія, основанная въ 1266 году на территоріи, купленной за деньги у какого-то татарскаго владѣльца. Однако, дѣло не могло обойтись безъ борьбы съ другими торговыми италіанскими общинами.

Соперниками Генуезцевъ на Черномъ морѣ были сначала Пизанцы, имѣвшіе здѣсь свой портъ, Porto Pisano (Таганрогъ или вѣрнѣе Синявка); но это были враги не очень опасные, и Генуезцы надъ ними легко восторжествовали. Въ 1277 году произошло столкновеніе между Генуезцами и Пизанцами, которое окончилось пораженіемъ послѣднихъ. Одна пизанская галера CXCVIII
пустилась въ море съ намѣреніемъ поживиться грабежемъ на счетъ многочисленныхъ Генуезцевъ, утвердившихся по берегамъ Чернаго моря; она посѣтила портъ Синопскій, потомъ гавань Сурожскую; но въ виду Сурожа она была встрѣчена галерою Генуезцевъ, была взята и сожжена; бой происходилъ въ виду городскаго населенія, любовавшагося зрѣлищемъ[1]).

Единственными соперниками, способными бороться съ Генуей на этой почвѣ, были Венеціанцы. Нисколько не расположенные отказаться отъ выгодной торговли на Черномъ морѣ, они далеки были отъ всякаго соглашенія, которое предоставило бы имъ только второстепенную роль въ этой сферѣ. Къ ихъ счастію дружба между Палеологомъ и Генуей оказалась непрочною и скоро смѣнилась натянутыми отношеніями, которыя заключились открытымъ разрывомъ.

При такихъ условіяхъ естественно, что византійскій импера-

1) Oberti Stanconi et Jacobi Aurie annales (Monumenta Germaniae hist., Scriptores, XVIII, 285): et auditis predictis, in continenti insequi cepit predictam Pisanorum galeam, et ventis prosperis in Soldaiam pervenit. Dumque ibidem moraretur, ecce quod supervenit predicta Pisanorum galea - - Nostra vero exiens eidem obviam, prelium inter ipsas est commissum durissimum in conspectu hominum Soldaie.

торъ самъ отказался отъ своего намѣренія запереть Венеціанцамъ доступъ въ Черное море; едва протекло четыре года отъ заключенія договора (въ Нимфеѣ), предоставившаго монополію Генуѣ, какъ Михаилъ Палеологъ позволилъ Венеціанцамъ селиться по ихъ выбору на Черноморскихъ берегахъ, и переворотъ былъ на столько полный, что греческій посолъ, возвращаясь изъ поѣздки къ татарскому хану, не усумнился сѣсть въ Солдайѣ (Сурожѣ) на венеціанскій корабль, здѣсь находившійся [1]). Отсюда видно, что Венеціанцы опять стали ѣздить по Черному морю и
CXCIX вывозить товары съ береговъ Понта. Торопливо очистивъ эти берега въ моментъ возстановленія греческой власти на Золотомъ Рогѣ, они спѣшатъ наверстать потерянное. Новыя колоніи ихъ образовались прежде всего въ Солдайѣ-Сурожѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1287 году венеціанскій консулъ, назначенный въ Солдайю, получилъ полномочія по отношенію ко всей Хазаріи, какъ называлась по старой памяти южная часть Крыма [2]). Съ своей стороны, Генуэзцы принимали всяческія мѣры, чтобы сохранить свое положеніе и удержать за Кафою торговыя преимущества. Генуэзскимъ купцамъ запрещено было подъ угрозою штрафа проводить болѣе трехъ дней въ Солдайѣ, совершать тамъ какую бы то ни было куплю или продажу, выгружать товары въ какомъ бы то ни было другомъ пунктѣ между Кафою и Сурожемъ: всѣ генуэзскіе купцы должны были считать Кафу единственнымъ торговымъ центромъ [3]). Такая борьба между быстро расцвѣтшею колоніею Генуэзцевъ и Сурожемъ явно свидѣтельствуетъ о томъ, что важное торговое значеніе послѣдняго не только не упало въ сравненіи съ предыдущимъ, кипчакскимъ періодомъ, но еще возвысилось. О поѣздкахъ русскихъ торговыхъ людей въ Сурожъ ради сбыта мѣховыхъ товаровъ мы уже знаемъ; если они проживали въ сосѣднемъ

1) Urkunden zur älteren Handels - und Staatsgeschichte der Republik Venedig, III (Fontes rerum austriacarum, 2 Abth., XIV), 245: iudicum Venetorum decisiones piraticae: Марко Микаели долженъ получить отъ императора 20 иперперовъ, quos habere debebat - - pro eo, quod portaverat a Mari Maiori Constantinopolim, scilicet a Soldadia, pro portatura unum nuncium domini imperatoris.

2) Heyd-Raynaud, II, 168. Брунъ, Черноморье, II, 142 сл. Canale, Della Crimea, II, 441.

3) Heyd-Raynaud, II, 170 сл.

Солхатѣ (Эски-Крымъ), то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что они селились и въ Сурожѣ. Но въ данный періодъ мы начинаемъ встрѣчать свидѣтельства о собственныхъ поѣздкахъ сурожскихъ купцовъ, — можетъ быть, изъ мѣстныхъ грековъ, а, можетъ быть, изъ другой среды, — по дальнимъ русскимъ городамъ. Въ 1288 году мы находимъ сурожскихъ купцовъ во Владимирѣ-Волынскомъ. Лѣтопись говоритъ о нихъ при описаніи погребенія Владиміра Васильковича Галицкаго: «И тако плакавшеся надъ нимъ все множество Володимерцевъ, Нѣмци, и Сурожьцѣ, и Новгородци, и Жидове плакахуся аки и во взятье Иерусалиму»[1]). Впослѣдствіи называли Сурожанами какъ Русскихъ людей, ѣздившихъ въ Сурожъ, такъ и Грековъ, вообще чужеземцевъ, пріѣзжавшихъ оттуда съ шелковыми, суровскими товарами. Въ данномъ случаѣ помѣщеніе Сурожцевъ между Нѣмцами, съ одной стороны, и Новгородцами съ другой, не даетъ возможности рѣшить вопросъ о національности ихъ съ достовѣрностью. Южно-русскія былины знаютъ богатырей Сурожанъ, или Суровцевъ, выѣзжающихъ на полеванье съ ратью татарскою, расправляющихся съ царемъ Кумбаломъ или Курбаномъ. Конечно, возможно, что Татары замѣнили тутъ какого-нибудь иного, болѣе древняго врага, но есть и такіе признаки, которые указываютъ на принадлежность самаго первичнаго образа нашему времени, на самое сложеніе былины въ нашу эпоху, когда Сурожъ былъ не только греческимъ городомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и франко-италіанскимъ. Это относится не столько къ суздальцу-суровцу, хотя и онъ заморенинъ, то есть, человѣкъ пріѣзжій изъ-за моря (суровецъ — дублетъ къ сурожанину, суровецъ-суздалецъ — простая тавтологія), сколько къ Чурилу Пленковичу, отецъ котораго старый Пленко сароженинъ, по объясненію А. Н. Веселовскаго, есть не что иное какъ франкъ, то есть, италіанецъ, поселившійся въ Сурожѣ. Но сынъ его выступаетъ заѣзжимъ богатыремъ въ стольномъ градѣ Кіевѣ при свѣтломъ князѣ Владимирѣ[2]).

1) Ипатьевская лѣтопись, стр. 605. Годъ смерти (1289) означенъ въ изданіи ошибочно.

2) Все, что сказано о богатыряхъ-сурожцахъ, заимствовано изъ изслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго о южно-русскихъ былинахъ (Сборникъ

Отношенія венеціанской колоніи съ ея консуломъ къ греческому населенію мы должны представлять себѣ аналогичными съ позднѣйшими порядками при Генуезцахъ, то есть, въ такомъ
CCI видѣ, который оставлялъ за греческою общиною извѣстную самостоятельность. Не прерывалась и связь ея съ православными царями греческими. Припомнимъ замѣчаніе арабскаго писателя Ибн-Саида († 1274 г.), сохраненное Абульфедою: «Населеніе Судака представляетъ смѣсь всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣръ, но христіанство есть господствующая религія»[1]). Господство это, конечно, основывалось на преобладающей численности греческаго населенія; есть указаніе, что уже были здѣсь и Армяне; въ другихъ городахъ, именно во вновь возникшей Кафѣ, они составляли даже преобладающее христіанское населеніе; но предположеніе, что то же самое было и въ Сурожѣ, основывается только на общихъ соображеніяхъ. Замѣтка сурожанина въ синаксаріѣ о томъ, что Армяне въ 1292 году неправильно отпраздновали Пасху вмѣсто 6-го апрѣля въ позднѣйшій день[2]), конечно, можетъ говорить въ пользу присутствія Армянъ въ городѣ, такъ какъ иначе это обстоятельство не обратило бы на себя вниманія писавшаго; но до преобладанія Армянъ отсюда еще далеко[3]). Отмѣтки объ отдѣльныхъ личностяхъ изъ Армянъ встрѣчаются, но рѣдко[4]). Число православныхъ умножалось и отъ обращенія Татаръ, поселившихся въ городѣ, на что̀ есть прямыя указанія въ томъ же синаксаріи: въ 1275 году скончалась Параскева татарка, а въ 1276 году почилъ рабъ Божій Іоаннъ тата-

---

отд. русск. яз. и слов., т. XXXVI, 1885 г., V): Богатыри-сурожцы, стр. 69—142. Пленкъ изъ Франка—вслѣдствіе довольно обычнаго перехода греческаго *φ* въ славянское *п* и перегласовки. Впрочемъ, противъ такого толкованія возстаетъ А. И. Соболевскій, Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ (Живая Старина, вып. II, 1890), стр. 96.

1) Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud, Paris, 1848, II, 319.

2) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 609, № 88: «Въ этотъ день (6-го апрѣля) въ 6800 (1292) году кругъ луны 17, кругъ солнца 24, была Пасха христіанская. А Армяне *(οἱ δ' Ἀρμένιοι)* 16-го (числа) того же мѣсяца, потому что потерялись *(διότι ἐχάσαντο)*».

3) Ср. Брунъ, Черноморье, II, 140.

4) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 603, № 46: въ 1306 году умерла жена Самата армянина. Смерть Саввы Самата, сына сурожскаго протопопа Ефрема, отмѣчена выше подъ № 14 (стр. 598) и отнесена къ 1283 году. Очень вѣроятно, что и Давидъ, сынъ Сумбата (= Семпада: № 47, годъ 1242), былъ армяниnъ.

ринъ[1]). Около 1282 года Сурожская архіепископія была возведена на высшую іерархическую степень епископскихъ каѳедръ, то есть, признана митрополіею, тогда какъ доселѣ числилась въ ряду архіепископій: это опять служитъ признакомъ увеличивающагося значенія города въ мірскихъ отношеніяхъ. Въ позднѣйшихъ спискахъ епархій, надписываемыхъ именемъ византійскаго императора Андроника (Старшаго, 1282—1328 гг.), возвышеніе Сугдеи или Сугдіи (Сурожа) въ митрополію объясняется тѣмъ, что съ нимъ были соединены сосѣднія Фуллы, прежде самостоятельныя въ церковномъ смыслѣ[2]); но едва ли между двумя фактами связь была тѣсна, какъ слѣдовало бы на этомъ основаніи думать. Мы видѣли, что случаи соединенія обѣихъ каѳедръ бывали и въ XII вѣкѣ, да и теперь они повторялись безъ дальнѣйшихъ послѣдствій: развѣ предположимъ, что временное признано было теперь постояннымъ правиломъ. Въ 1274 году отмѣчена кончина сугдеофулльскаго архіепископа Ѳеодора, въ схимѣ Ѳеодосія, а въ 1282 году — кончина другого Ѳеодора митрополита сугдеофулльскаго[3]). Кому принадлежитъ инціатива оказанной Сурожу чести, сказать мы не можемъ; нужно только замѣтить, что по каноническимъ правиламъ это не могло совершиться безъ согласія свѣтской власти, то есть, императора константинопольскаго[4]). Отмѣтимъ, наконецъ, въ числѣ сурожскихъ

1) № 82, стр. 607 сл.: *Παρασκευῆ τατάρισσα χριστιανή*. № 68, стр. 606: *Ἰω. χριστι τατρ.*

2) G. Parthey (Hieroclis Synecdemus et) Notitiae episcopatuum, № XI, 97, p. 233 (ср. *Ῥάλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα*, V, 494): *ὁ Σουγδαίας, ἡ ἀπὸ ἀρχιεπισκοπῆς ἐτιμήθη;* XII, 100, p. 242: *ἡ Σουγδαία ἦν ὡς καὶ Φούλλα.* Ср. IV, 55, p. 136: въ спискѣ митрополій, возведенныхъ въ эту степень въ различныя времена: *ἡ δὲ Σουγδαία καὶ αἱ Φοῦλλαι δύο ἦσαν ἀρχιεπισκοπαί, ἑνωθεῖσαι δὲ ἐγένοντο μία μητρόπολις, διὸ καὶ ὁ Σουγδαίας καὶ Φούλλων λέγεται.* Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (*Σύνταγμα*, V, 494, примѣч. 6) говорится еще и о соединеніи Кафы, но, кажется, напрасно: см. ниже. По упоминаніямъ сугдейскихъ архіереевъ въ актахъ константинопольскихъ патріаршихъ помѣстныхъ соборовъ (синодовъ) можно было бы заключить, что еще въ XII вѣкѣ они были митрополитами, но это противорѣчило бы показанію Нила Доксопатрія и другимъ спискамъ, носящимъ названіе Льва Мудраго, но представляющимъ редакцію XII вѣка (Parthey, №№ II и X). Дѣло въ томъ, что автокефальныя архіепископіи въ соборныхъ актахъ при перечисленіи присутствующихъ часто перемѣшивались съ митрополіями, какъ это показалъ Гельцеръ (Gelzer) въ выше цитованной статьѣ.

3) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 598, 602, №№ 19, 44.

4) См. объ этомъ новеллу императора Алексѣя Комнина, Zachariae, Ius Graecorom., III, 368.

церковныхъ дѣлъ послѣдовавшее въ 1289 году новое освященіе храма св. Аѳанасія[1]).

CCII Тринадцатое столѣтіе заключилось для обоихъ соперничающихъ городовъ, Кафы и Сурожа, самымъ бѣдственнымъ образомъ — новымъ нападеніемъ со стороны Татаръ, виновникомъ котораго былъ Ногай, простой эмиръ, или полководецъ, хана Телебуги, достигшій потомъ самостоятельности и основавшій особую татарскую державу. Одинъ весьма достовѣрный и къ тому же современный арабскій историкъ разсказываетъ намъ, что эмиръ Ногай, достигшій въ Ордѣ до исключительнаго преобладающаго положенія, послѣ разрыва съ ханомъ Тохтою овладѣлъ областями его и послалъ своего внука въ Крымскія земли собирать подати, наложенныя на жителей; когда тотъ пришелъ въ Кафу, городъ, принадлежавшій генуэзскимъ Франкамъ, и потребовалъ отъ ея жителей денегъ, то они сначала предложили ему угощеніе, отъ котораго онъ сдѣлался пьянъ, а потомъ напали и убили его. Когда извѣстіе объ умерщвленіи внука достигло Ногая, то онъ отправилъ въ Крымъ огромное войско, которое ограбило и сожгло городъ Кафу, убило множество Крымцевъ, взяло въ плѣнъ множество находившихся въ городѣ купцовъ магометанскихъ, аланскихъ и франкскихъ, захватило имущество ихъ, ограбило Сарукерманъ, Кыркъ-іери (Чуфутъ-кале), Керчь и др.[2]). Событія эти отнесены къ 698 году гиджры, начинающемуся съ 9-го октября 1298 года. Отрядъ Ногая былъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Сугдеи, что едва ли могъ миновать ее. И вотъ мы дѣйствительно находимъ въ мѣстномъ источникѣ (синаксаріѣ) замѣтку, что 20-го декабря 1298 года пришло войско Ностая, то есть, вѣрнѣе — Ногая[3]). Но что̀ сдѣлало это войско съ Сурожемъ, нашъ сурожанинъ объ этомъ умалчиваетъ.

---

1) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 598, № 17: *ἐϑρονίασϑη ὁ ναὸς τοῦ ἁγίου Ἀϑανασίου...*

2) Рукнеддинъ Бейбарсъ у Тизенгаузена, Сборникъ матеріаловъ, I, 111 сл.

3) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 596, № 5: *τῇ αὐτῇ ἡμέρα ηλϑ τοῦ νοϛαῖ τὸ φουσάτω τοῦ ϛωζ ἐτ.* При переложеніи сентябрьскихъ годовъ на счетъ по юліанскому календарю, архим. Антонинъ забывалъ иногда о томъ, что при осеннихъ мѣсяцахъ (сентябрь-декабрь) нужно вычитать изъ годовъ отъ сотворенія міра не 5508, а 5509, оттого у него здѣсь стоитъ 1299 годъ.

Слухи о крымскихъ событіяхъ 1298 года принесены были въ Египетъ купцами, прибывшими изъ Судака въ іюнѣ слѣдующаго года, но переданы намъ въ смутномъ видѣ, притомъ такъ, что CCIV
дѣло идетъ объ одномъ Судакѣ (Сурожѣ), а о Кафѣ умалчивается. Приходилъ будто бы самъ царь Ногай (въ декабрѣ 1298 г.) и явился подъ Сурожемъ съ большимъ войскомъ; онъ приказалъ жителямъ Судака, чтобы всѣ, которые были за него, вышли за городъ со своими людьми и со своимъ имуществомъ; вышли всѣ приверженцы его, а ихъ было болѣе одной трети населенія; потомъ онъ велѣлъ войскамъ своимъ окружить городъ и сталъ требовать къ себѣ одного за другимъ жителей, истязалъ ихъ, отбиралъ все имущество, такъ что, наконецъ, умертвилъ всѣхъ, кто оставался въ городѣ, а самый городъ поджогъ и уничтожилъ до тла, собственно: оставилъ такъ, какъ будто его и не было. Такая свирѣпая расправа понятна по отношенію къ Кафѣ — тамъ она имѣетъ характеръ мести, — но по отношенію къ Сурожу является совсѣмъ безсмысленною; то, что̀ авторъ прибавляетъ далѣе въ качествѣ мотива, еще болѣе запутываетъ дѣло[1]). Однимъ словомъ, мы думаемъ, что онъ напрасно удержалъ въ памяти изъ всѣхъ разсказовъ одинъ только Сурожъ и вслѣдствіе того перенесъ на его осаду подробности, касавшіяся скорѣе Кафы; по отношенію къ Сурожу дѣло, вѣроятно, ограничилось вынужденіемъ новой дани и грабежемъ. Во всякомъ случаѣ, сообщеніе о полномъ истребленіи города крайне преувеличено. Въ Сурожѣ сохранился драгоцѣнный экземпляръ греческаго синаксарія, въ которомъ современный обладатель его про-

---

1) Тизенгаузенъ, I, 195. Извѣстіе принадлежитъ Эльмуфаддалю, который жилъ и писалъ въ Египтѣ, подобно Бейбарсу, но нѣсколько позднѣе (сочиненіе кончается 1341 годомъ), и не пользовался такимъ высокимъ положеніемъ. Эльмуфаддаль пишетъ: «Причиною этому было то, что пошлины и другіе доходы съ Судака дѣлились между четырьмя татарскими царями; одинъ изъ нихъ былъ Токтай... Говорили, что цари, которые были соправителями его (Ногая), обижали намѣстниковъ его при (дѣлежѣ) приходившихся на его долю доходовъ. Это и побудило его къ тому, что̀ онъ сдѣлалъ». Можно, пожалуй, найти четырехъ эмировъ, которые въ данное время способны были получать долю изъ даней и поминковъ Сурожа; но дѣло въ томъ, что все положеніе обстоятельствъ давало Ногаю возможность устранить конкуррентовъ, не прибѣгая къ истребленію города, отъ котораго онъ получалъ доходы. Ср. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 32 и 101.

должалъ дѣлать свои замѣтки, и не далѣе какъ въ февралѣ слѣ-
CCV дующаго (1299) года отмѣтилъ кончину одной греческой монахини; въ томъ же году записана кончина одного представителя знатной греческой фамиліи, которая встрѣчалась и ранѣе; подъ 1302 годомъ упоминаются еще двѣ старинныя фамиліи [1]). Не говоритъ о совершенномъ разореніи Сугдеи и документъ, относящійся къ 1317 году и касающійся церковныхъ дѣлъ, хотя въ немъ упоминается о татарскомъ нашествіи, очевидно — томъ самомъ, которому приписано столь много. Вслѣдствіе этого нашествія покинуты были жителями нѣсколько селеній, принадлежащихъ къ Сугдейской епархіи; однако, по истеченіи времени жители воротились и опять поселились на своихъ мѣстахъ [2]). На церковномъ положеніи епархіи это отразилось невыгодно въ томъ смыслѣ, что перерывомъ существовавшихъ прежде отношеній воспользовался сосѣдній митрополитъ Готіи, присвоилъ себѣ надъ селеніями духовную власть и сталъ требовать отъ ихъ обитателей каноническую подать *(τὸ κανονικόν)*. Митрополитъ сугдейскій принесъ на это жалобу патріаршему синоду въ Константинополѣ, и патріархъ поручилъ произвести разслѣдованіе сосѣднимъ іерархамъ, въ числѣ которыхъ были тмутараканскій и аланійскій. Нравственное состояніе Сурожской епархіи, можетъ быть, вслѣдствіе косвеннаго вліянія смутныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ и постояннаго соприкосновенія съ Татарами, тоже представляло много печальнаго. Сугдейскій митрополитъ доносилъ патріарху, что въ предѣлахъ его округа совсѣмъ не соблюдаются церковныя правила о запрещенныхъ бракахъ: женятся, не обращая вниманія на родство по крови, и не обращаютъ вниманія на

1) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, стр. 604, № 53: Скончалась раба Божія Калиника монахиня, называемая Кисняльти (февраля 15). Стр. 620, № 173: Скончался рабъ Божій пансевастъ Антоній Алупсу (1299 г., іюля 29). Ср. стр. 604, № 56: Скончался рабъ Божій Евѳимій Аллупса 6803 (= 1295). Стр. 603, № 48: Скончалась Алачукъ, дочь севаста Косты—6810 (1302 г.). Ср. № 98, стр. 610: Почила раба Божія Алачу 6799—1317 г. (1291 г.). Ср. еще №№ 186 и 126.

2) Acta Patriarchat. Constantin., I, 75 sq. (№ 41): *ἀνέφερε καὶ ὡς πρὸ χρόνων συνέβη ἐξοικισθῆναί τινα τῶν χωρίων τῆς ἐνορίας αὐτοῦ ἐκ τῆς τῶν Ταταρίων ἐπιδρομῆς, ἐπανελθόντων δὲ πάλιν εἰς αὐτὰ τῶν ἐποίκων αὐτῶν καὶ κατοικησάντων ἐν αὐτοῖς....* Документъ, какъ сказано въ текстѣ, относится къ 1317 году, но событія, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, случились, очевидно, нѣсколько ранѣе.

увѣщанія пастырей, даже самого митрополита[1]). — Возвра- CCVI
щаемся къ сообщенію арабо-египетскаго писателя.

И рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы видѣть въ предполагаемой (недостовѣрной) трети исключительно мусульманское населеніе, приведенное нѣкогда Изеддиномъ; совершенно знающій свидѣтель, бывшій вскорѣ затѣмъ на мѣстѣ, говоритъ намъ, что и послѣ населеніе Сурожа состояло изъ Византійцевъ, то есть, Грековъ, которые преобладали, и Тюрковъ, подъ которыми онъ разумѣетъ преимущественно Кипчаковъ (Половцевъ) и Татаръ[2]). Такъ было до позднѣйшей катастрофы, случившейся при ханѣ Узбекѣ черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, подробности которой уже гораздо лучше засвидѣтельствованы. По сообщенію Ибн-Батуты, она произошла именно вслѣдствіе раздора между Византійцами и Тюрками, и побѣда въ этой внутренней междоусобной борьбѣ осталась сначала на сторонѣ Византійцевъ, то есть, Грековъ; но затѣмъ Тюркамъ помогли ихъ сообщники (со стороны), перебили страшнѣйшимъ образомъ Византійцевъ и выгнали большую часть изъ нихъ[3]). Объясненіемъ этого общаго представленія дѣла служатъ слѣдующія замѣтки въ синаксаріи: «8-го августа 1322 года пришелъ уполномоченный хана Узбека по имени Карабулатъ и занялъ Сугдею безъ боя, приказалъ снять всѣ колокола, сломать иконы и кресты и запереть двери
церквей: была печаль, какой никогда не бывало»[4]). Затѣмъ CCVII

1) Ibid., p. 76: *ὡς προβαίνουσιν εἰς τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ συνοικέσια κεκωλυμένα* и т. д.

2) Ибн-Батута: Тизенгаузенъ, Собраніе матеріаловъ, I, 303. О значеніи слова Тюрки у Ибн-Батуты см. стр. 283 (Кипчаки), 286 (тоже), 289 (тоже), 231 (Татары), 295 (Татары), 296, 301.

3) Выписываемъ все мѣсто, относящееся къ Сурожу: «Сурдакъ — это одинъ изъ городовъ Кипчакской степи, на берегу моря. Вокругъ него сады и воды; населяютъ его Тюрки и, подъ ихъ покровительствомъ, нѣсколько Византійцевъ, которые занимаются ремеслами. Большая часть домовъ деревянные. Городъ этотъ (прежде) былъ великъ, но большая часть его была разрушена по причинѣ раздора, который произошелъ между Византійцами и Тюрками, и въ которомъ побѣда осталась за Византійцами. Тогда Тюркамъ помогли ихъ сообщники, которые перебили Византійцевъ страшнѣйшимъ образомъ и выгнали большую часть ихъ. Часть же остается (тамъ) подъ покровительствомъ (Тюрковъ) до сего времени.»

4) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 621, № 181: *τῇ αὐτῇ ἡμέρα ἦλθεν ὁ τὸ λακτεμΐρης καὶ ἀποκρησϊάρης τοῦ οζπέκη. τὸ ὄνομα αὐτοῦ καράπολᾶτ. καὶ ἐπαρέλαβεν τὴν σουγδάϊαν δϊκὸς πολέμ(ου). καὶ ἐκατέβασαν τὰς καμπάνας ὅλας*

въ январѣ слѣдующаго года «безбожные Агаряне закрыли божественную и святую икону Спасителя въ царскихъ вратахъ богоспасаемаго града Сугдеи» [1]).

Очень точныя извѣстія о событіяхъ въ Сурожѣ 1322 года получены были въ Авиньонѣ при папскомъ дворѣ, гдѣ все еще продолжали носиться съ идеею обращенія Татаръ въ христіанство и противопоставленія ихъ Сарацинамъ, то есть, Османскимъ Туркамъ. Нѣкоторая терпимость, обнаруживаемая первоначально умнѣйшимъ изъ хановъ Золотой орды Узбекомъ по отношенію къ христіанамъ въ его владѣніяхъ, служила къ поддержанію иллюзій. Тѣмъ съ большею горестію узналъ папа Іоаннъ XXII о происшествіяхъ въ Крыму, которыя касались не только вообще христіанъ, но и католиковъ, тамъ утвердившихся. Въ своемъ посланіи къ Узбеку онъ все-таки выгораживалъ хана, все объяснялъ злыми внушеніями его приближенныхъ. Они именно возбудили мятежъ въ городѣ Солдайѣ, слѣдствіемъ котораго было изгнаніе христіанъ изъ города, запрещеніе звонить въ колокола и снятіе оныхъ, превращеніе храмовъ въ мечети. Папа просилъ о томъ, чтобы все было возстановлено въ прежнемъ видѣ, чтобы изгнаннымъ позволено было возвратиться [2]). Но очевидно, что заступничество святаго отца оставалось долгое время
CCVIII безплоднымъ. Гоненіе не только продолжалось въ слѣдующемъ году, но и вновь разразилось по истеченіи нѣкотораго времени

καὶ ἐτζάκησαν διкόνας καὶ σρους. καὶ ἀπέκλησαν τὰς πόρτας. καὶ ἐγένετο θλήψης ἧα οὐ γέγονεν οὐδέποτε. τοῦ ἔτους ϛωλ ἡμέρα κυριακὴ.

1) Ibid., стр. 600, № 30: *τῇ αὐτῇ ἡμέρα εσκέπασαν οἱ ἄθεοι ἄγαρηνὴ τὴν θείαν καὶ διἑρὰν εικόναν τοῦ σρς ἡμων ισ χυ· τοῦ ἐν τὸ βασιλεικοῦ ποιλ τοῖς θεόσοστον πόλεως σουγδαι(ας) τοῦ ἐτο ͵ϛωλα.*

2) Raynaldi Annales ecclesiastici ‹Baronii, Raynaldi et Laderchii Annales eccl.›, t. XXIV, pp. 202 sq. ‹изд. 1887 г.›: Saraceni - - in eam ferociam in urbe Soldaya exarsere, ut concitata seditione Christianos pepulerint eorumque templa divini Numinis cultui consecrata, Mahumetico ritu profanarint: такъ передаетъ Райнальдъ содержаніе папской грамоты, гдѣ она касается Солдайи. Ниже слѣдуетъ самая грамота, гдѣ о Солдайѣ читается слѣдующее: Demum, quia in Christianorum angustiis, tribulationibus et pressuris non possumus anxie non torqueri, dolenter audivimus, Christianos in civitate Soldaye noviter degentes, esse noviter de civitate ipsa per Saracenos ejectos, et campanis de Ecclesiis ipsorum depositis, Ecclesias ipsas factas esse mesquitas. Nos autem - - petimus, - - praelibatos Christianos - - ejectos facias in dictam civitatem ad inhabitandum inibi regredi, et restitutis eis dictis Ecclesiis et campanis, ipsos Domino nostro Jesu Christo - - servire permittas.

въ 1327 году. Весною этого года были разорены городской замокъ, церкви св. Софіи, св. Стефана и св. Варвары нѣкіимъ Агачь-Пасли по приказанію хана Узбека и темника Толактемира, который въ то же время считался татарскимъ намѣстникомъ въ Сугдеѣ[1]). Благосостояніе Сурожа надолго было подорвано; нѣкоторое время онъ имѣлъ видъ исключительно мусульманскаго города. Ибн-Батута, посѣтившій его въ 1334 году и радушно принятый Толактемиромъ, нашелъ, что христіанская община состояла только изъ нѣсколькихъ греческихъ ремесленниковъ, жившихъ подъ покровительствомъ Тюрковъ. Абульфеда, современникъ Ибн-Батуты, совсѣмъ умалчиваетъ о существованіи христіанъ въ Солдайѣ и только въ видѣ воспоминанія приводитъ слова Ибн-Саида о господствѣ ихъ въ прежнія времена[2]). Въ связи съ такимъ печальнымъ положеніемъ дѣлъ находится и судьба сурожскаго іерарха Луки, который, повидимому, наслѣдовалъ Іоанну. Еще въ 1312 году онъ оставилъ свою митрополію и, какъ это было въ обычаѣ, въ замѣнъ получилъ отъ патріарха въ управленіе другую, гдѣ могъ пользоваться большею безопасностью; до 1330 года онъ правилъ епархіей Лакедемонскою и былъ именуемъ митрополитомъ сугдейскимъ и архіепископомъ лакедемонскимъ; въ означенномъ году онъ воротился къ мѣсту
своего первоначальнаго служенія, считая, нужно думать, обстоя- ccix
тельства болѣе благопріятными; однако, онъ едва ли былъ въ состояніи вступить на свою настоящую каѳедру: по крайней мѣрѣ онъ скончался въ 1339 году въ Кафѣ[3]). Подобнымъ же

---

1) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 611, № 103: *τῇ αὐτῇ ἡμέρα ἐκατέλησεν τὸ κάστρον τὴν ἀγ(ίαν) σο(φίαν) τῆς σουγδαίας καὶ τὸν ἀγ. στέφανον καὶ τὴν ἁγίαν βαρβάραν ὀνόματι ἀγατζ πασλῆς ὁ μιαρός ξυλοκέφαλος... βα.. μαγαλ (ουσ)πὲκ καὶ τοῦ μυρίαρχ το λακτεμὴρ καὶ κεφαλι... σουγδαι... τοῦ ςωλε ἔτους.*

2) Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud (1848), II, 319: Soudac - - c'est une ville entourée de remparts et ses habitants professent l'islamisme - - Les marchands s'y rendent en foule et elle rivalise avec Kafa... Объ Ибн-Саидѣ, текстъ котораго, сюда относящійся, теперь изданъ А. Я. Гаркави, см. выше стр. CLXXVIII.

3) Титулъ митрополита Луки, который прежде считался до того загадочнымъ, что искали Лакедемона въ сосѣдствѣ съ Сурожемъ и узнавали его въ деревнѣ Лака (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 832), совершенно разъясняется его упоминаніемъ въ такъ называемой Монемвасійской хроникѣ, гдѣ прямо сказано, что въ Лакедемонъ послѣ Никифора въ 6820 году инд. 10, по опредѣленію царя, присланъ былъ митрополитъ сугдейскій Лука, что онъ оставался

образомъ въ 1363 году послѣдовало перемѣщеніе сурожскаго митрополита въ г. Эносъ[1]). Все-таки не слѣдуетъ думать, что греческое населеніе Сурожа навсегда осталось въ такомъ приниженномъ положеніи, какъ было при Ибн-Батутѣ. Еще ранѣе генуезскаго періода, когда наступили рѣшительно лучшія времена, мы находимъ среди его не только бѣдныхъ ремесленниковъ, но и священниковъ; въ 1339 году здѣсь скончался севастъ Анаткусъ (Синаксарій, № 91) и погребенъ былъ въ церкви св. Димитрія; въ 1345 году была вновь внесена въ синаксарій замѣтка о числѣ лѣтъ, протекшихъ со времени основанія многострадальной Сугдеи (№ 62). Повидимому, кромѣ церкви Димитрія, осталась неприкосновенною еще и другая, именно св. Николая, въ которой, вмѣсто соборнаго храма св. Софіи, произошло чье-то рукоположеніе въ 1337 году (№ 11). Въ какомъ отношеніи находилась или считалась Сугдея къ Греческой имперіи за весь этотъ (венеціанскій) періодъ, продолжавшійся цѣлое столѣтіе, сказать съ опре-
ССХ дѣленностью трудно. Такъ какъ трапезунтскіе императоры еще и послѣ именовали себя властителями Заморья *(περατεία)*, подъ которымъ разумѣются именно Крымскія владѣнія, то приходится думать, что и теперь, какъ прежде, Сугдея тянула въ политическомъ отношеніи къ Трапезунту, а не къ Цареграду[2]), хотя,

---

тамъ до 6838 года, въ которомъ прибылъ настоящій свой *(γνήσιος)* архіерей Нилъ: *Σπυρ. Λάμπρου Ἱστορικὰ μελετήματα (ἐν Ἀθήναις, 1884)*, стр. 106 сл. Лука встрѣчается въ Актахъ Константинопольскаго патріарха подъ 1327, 1329 и 1330 годами, I, 144, 147, 155: *τοῦ Σουγδαίας ὑπερτίμου καὶ προέδρου Λακεδαιμονίας Λουκᾶ*. Кончина его отмѣчена въ припискахъ къ синаксарію, стр. 611, № 101: *Εἰς τὰς κδ τοῦ ἀπριλλ μηνὸς ἐκοιμιθ κυροῦ Λουκὰς ἀρχιεπίσκοπος Σουγδαίας ἡμέρα σα(ββάτω) καὶ ἐτάφη ἡμέρα κυριακῆ εἰς τὸν Καφὰν του ἐτ. ϛωμζ ἰνδ. ζ*. Подъ 1322 годомъ (№ 27, стр. 600) отмѣчена смерть архіепископа сугдейскаго Іоанна, но лѣтосчисленіе подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ хорошо сохранилась только первая цифра. Титулъ архіепископа, даваемый въ синаксаріѣ, но не въ хроникѣ, Лукѣ, объясняется, можетъ быть, его отношеніемъ къ Лакедемону.

1) Acta Patriarchat. Constantin., I, 443 (№ 188).

2) Брунъ (Черноморье, II, 134) предполагаетъ, что послѣ возстановленія греческой власти въ Константинополѣ Сурожъ уже состоялъ подъ властью Палеологовъ, а не Великихъ Комниновъ трапезунтскихъ; но двѣ замѣтки въ синаксаріѣ, которыя онъ приводитъ въ доказательство, этого не говорятъ. Одна изъ нихъ гласитъ, что 24-го іюля 1261 года взялъ Синопъ Комнинъ, господинъ Мануилъ, и относится къ трапезунтскому императору, а другая замѣчаетъ, что въ тотъ же день взялъ городъ (разумѣется Константинополь) святой царь Палеологъ Михаилъ: нужно имѣть въ виду, что замѣтка сдѣлана, вѣроятно, позже.

конечно, власть Велико-Комниновъ могла быть только идеальною, а подчиненіе имъ мало выгоднымъ, такъ какъ съ половины XIV вѣка Трапезунтское царство находится въ полномъ упадкѣ вслѣдствіе внутреннихъ династическихъ раздоровъ, вслѣдствіе утвержденія по сосѣдству Генуезцевъ и Венеціанцевъ, вслѣдствіе нападеній Туркменовъ и т. д.

Въ 1365 году Генуезцамъ, утвердившимся въ Кафѣ, удалось овладѣть Солдайею [1]); это пріобрѣтеніе было чрезвычайно важно въ территоріальномъ и торговомъ отношеніи, потому что Солдайя долго и не безъ успѣха соперничала съ Кафою и все-таки, не смотря на всѣ бѣдствія, оставалась значительнымъ городомъ. Съ другой стороны, завоеваніе было также благодѣяніемъ и для христіанства, которое почти было уничтожено здѣсь послѣ со- CCXI
бытій 1322—1327 годовъ.

Недостаточно было пріобрѣсть новыя территоріи, нужно было ихъ охранять. Именно въ этотъ моментъ Татары имѣли энергическаго вождя въ лицѣ темника Мамая, который въ періодъ времени отъ 1360 по 1380 игралъ въ Золотой ордѣ роль палатнаго мэра и въ концѣ концовъ самъ принялъ титулъ хана; подъ его предводительствомъ Татары сдѣлали попытку отнять у Генуезцевъ ихъ завоеванія, и въ самомъ дѣлѣ они успѣли отобрать у нихъ если не самую Солдайю, то, по крайней мѣрѣ, восемнадцать зависящихъ отъ нея мѣстечекъ [2]). Но это было только временное

Далѣе Брунъ пишетъ: «Правда, еще въ 1374 году въ титулѣ трапезунтскаго императора Алексѣя III упоминается Заморье, то есть, Крымскія владѣнія; нужно полагать, однако, что они тогда, по крайней мѣрѣ отчасти, принадлежали цареградскому его товарищу Іоанну II; иначе не понятно, какимъ образомъ сынъ сего послѣдняго Мануилъ (1391—1425) могъ дать сыну своему Константину въ удѣлъ Черноморскія владѣнія, смежныя съ Хазаріею» (объ этомъ визант. историкъ Дука: Ducas, p. 134 Bonn.). Но въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, Константинъ — разумѣется послѣдній греческій императоръ — вовсе не владѣлъ крымскими городами; все объясняется, мы думаемъ, проектомъ брака Константина на трапезунтской наслѣдницѣ, по поводу котораго историкъ Франдзи сносился съ Трапезунтомъ именно въ концѣ царствованія Мануила, въ августѣ 1425 г.: *ἐστάλην πάλιν ἐγὼ εἰς Κωνσταντινούπολιν ὑπὲρ πολλῶν τινων ὑποθέσεων καὶ περὶ τῆς Τραπεζοῦντος καὶ τῆς Γοτθίας καὶ περὶ τινος συνοικεσίου διὰ τὸν αὐθέντην μου* (въ концѣ второй книги).

1) Heyd-Raynaud, II, 204 (со ссылкою на Юргевича).

2) На это есть указаніе въ договорѣ 1380 года, о которомъ рѣчь идетъ сейчасъ ниже: queli dixoto casai (casay) di quay eran de Sodaya (sotemixi e rendenti a Sodaya) quando lo comun preyse Sodaya, possa (poa) Mamay (Mamaj) segno (segnò) per forza li preise (geli leva per forza): по двумъ спискамъ у Десимони.

пораженіе, и вообще перевѣсъ оставался на сторонѣ Генуезцевъ; дѣйствуя энергически, они становились болѣе и болѣе твердою ногою на южномъ берегу Крыма. Договоръ, который окончилъ борьбу, оставилъ въ ихъ рукахъ Солдайю и призналъ ихъ законными обладателями всей Готіи, береговаго пространства между Солдайею и Балаклавою. Уполномоченнымъ для составленія договора со стороны республики былъ консулъ Кафы, Джіанноне дель Боско, а съ татарской стороны владѣтель или правитель Солхата, представлявшій лицо хана, Яркассъ, дѣйствовавшій также и отъ своего имени. Документъ, составлявшій результатъ ихъ совѣщанія 28-го ноября 1380 года близъ Кафы, повидимому, не получилъ значенія окончательнаго договора; для этого понадобилась вторая конференція, состоявшаяся 23-го февраля 1381 года; здѣсь представителемъ Татаръ былъ уже не Яркассъ, но Илія (Elias), сынъ Кутлубуги (Cotlobuga), между тѣмъ какъ генуезскимъ уполномоченнымъ было то же лицо, что̀ и прежде[1]).
ccxii Послѣ новыхъ непріязненныхъ столкновеній и враждебныхъ дѣйствій договоръ былъ утвержденъ въ 1387 году тремя уполномоченными хана Тохтамыша. Солдайя стояла во главѣ новыхъ пріобрѣтеній, признанныхъ за Генуею[2]).

Для Солдайи-Сурожа настали лучшія времена. Подъ генуезскою властью христіанская стихія возродилась, между тѣмъ какъ мусульманская стала ослабѣвать: въ позднѣйшихъ генуезскихъ статутахъ населеніе Солдайи обозначается какъ смѣсь элементовъ латинскихъ и греческихъ. Явные признаки говорятъ о благосостояніи города. Въ окрестностяхъ его процвѣтало винодѣліе; названіе налога, который взимался съ виноградарей, — ambelopatico, показываетъ, что введеніе виноградной культуры и преимущественное занятіе ею принадлежало Грекамъ. Въ большомъ

1) Desimoni, Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380—1381 scritto in lingua volgare: Archivio storico italiano, XX (1887), p. 161. Трактатъ сохранился въ двухъ пергаментныхъ спискахъ, отличныхъ по датамъ и по именамъ лицъ, представлявшихъ кипчакскаго царя; одинъ списокъ былъ обнародованъ de Sacy въ Notices et extraits, XI, 52, другой былъ извѣстенъ только Oderico, былъ найденъ между его рукописями и изданъ Olivieri: Carte e cronache manoscritte per la storia genovese, 1855, p. 73. Ср. Брунъ, Черноморье, I, 224 сл.; II, 145. Heyd-Raynaud, II, 205 сл. Смирновъ, Крымское ханство, стр. 134 сл.

2) Heyd-Raynaud, l. c.

или меньшемъ отдаленіи отъ города находились 18 общинъ (casali) съ населеніемъ греческаго происхожденія; титулъ proti (= πρῶτοι), даваемый старшинамъ, обличаетъ ихъ греческое происхожденіе. Общины эти перечисляются въ одномъ документѣ; довольно замѣтить, что нынѣшнія деревни Козъ, Ускутъ, Тарантахъ, расположенныя въ окрестностяхъ Судака, находились въ числѣ ихъ (casali).

Самый Сурожъ имѣлъ видъ крѣпости, подобно Кафѣ, или даже болѣе, чѣмъ эта послѣдняя, служившая главнымъ образомъ резиденціей управленія всею Газаріею, какъ по старой памяти назывались генуезскія владѣнія. Изъ одной надписи на стѣнахъ Судака видно, что окончаніе фортификаціонныхъ работъ относится къ 1414 году (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 173 сл.). Собственно городъ былъ окруженъ стѣнами, на верху которыхъ постоянно бодрствовала нарочная стража; ворота были снабжены подъемными мостами, которые каждый вечеръ были поднимаемы, такъ что всякія сношенія со внѣшностью на ночь прекращались. Двѣ цитадели, или крѣпости, служили защитою для города, одна называлась замкомъ Св. Креста (castrum S. Crucis), другая — ccxiii
замкомъ Св. Иліи (castrum S. Eliae). До настоящаго времени ихъ развалины представляютъ весьма величавый видъ. Известковая скала, на которой онѣ были построены, возвышается почти перпендикулярно надъ моремъ и доступна только позади, гдѣ она образуетъ террасу. Именно на этой террасѣ стояла нижняя крѣпость, будучи обнесена стѣною, которая въ свою очередь фланкировалась десятью башнями — то четвероугольными, то круглыми; въ серединѣ возвышалась башня, заключавшая въ себѣ единственныя входныя ворота, и эти ворота защищены были передовыми укрѣпленіями. Выше нижней цитадели, болѣе обширной, на остроконечной скалѣ виднѣлась другая — меньшая; наконецъ еще выше, на вершинѣ горы, стояла четвероугольная башня, связанная съ прочими частями крѣпости стѣною, спускающеюся по покатости скалы. Древняя гавань находилась къ западу отъ крѣпости въ глубокой и защищенной съ трехъ сторонъ бухтѣ, которую Татары донынѣ называютъ Судагъ-Лиманъ; въ этой мѣстности сохранились остатки зданія, похожаго на церковь или монастырь[1]).

1) Брунъ, Черноморье, II, 121. Heyd-Raynaud, II, 207 сл.

Съ 1399 года консулъ Солдайи былъ назначаемъ не изъ Кафы, а въ самой Генуѣ членами колоніальной коммиссіи. Генуезскія власти въ Сурожѣ, какъ и въ другихъ пунктахъ (Cembalo, Балаклава), не могли обойтись безъ переводчика — драгомана, опытнаго въ знаніи языковъ латинскаго, греческаго и татарскаго; кромѣ того, извѣстные документы и письма должны были редактироваться по-гречески, и для этой цѣли существовали особые чиновники, считавшіеся на государственной службѣ: консулъ Солдайи имѣлъ въ нихъ нужду прежде всего для своихъ сношеній съ 18-ю общинами (casali), входившими въ составъ городской территоріи. Въ самомъ городѣ элементъ греческій настолько былъ силенъ, что коммиссіи, завѣдывавшія разными отраслями управленія, состояли изъ Латинянъ и Грековъ поровну. Въ этомъ можно видѣть признакъ довѣрія, питаемаго властите-
ccxiv лями страны къ греческой части населенія, а равно и доказательство вѣрности или привязанности этой послѣдней къ своимъ господамъ. Соотвѣтственно съ этими примѣрами равенства между Греками и Латинами въ подробностяхъ городской жизни, слѣдуетъ еще указать на существованіе латинскихъ епископовъ въ Солдайѣ, довольно мирно уживавшихся рядомъ съ греческими митрополитами. Генуезская власть нисколько не препятствовала сношеніямъ константинопольскаго патріарха съ подчиненными ему епархіями въ Крыму; она не препятствовала греческимъ архіереямъ присутствовать на синодахъ константинопольскихъ и передавать на судъ патріарха споры о границахъ, возникающіе между ними. Изъ сугдейскихъ іерарховъ, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ патріаршихъ синодовъ, за этотъ періодъ времени въ актахъ упоминаются по имени: Евсевій (Acta patriarchat. Constantin., I, 294, № 131 — безъ года), избранный *(ὑποψήφιος)*, но еще не посвященный; мы узнаемъ, что онъ присутствовалъ на соборѣ, осудившемъ Варлаама и Акиндина въ 1351 году, и затѣмъ Өеоктистъ въ 1389 и 1393 годахъ (II, 129, 169, №№ 404, 435). Остальныя многократныя упоминанія, отмѣчая присутствіе сугдейскихъ владыкъ, не называютъ ихъ по имени [1]).

1) Съ половины XIV вѣка, со времени Евсевія, упоминаются въ слѣдующихъ годахъ: 1356 (р. 362), 1361 (pp. 429, 447), 1362 (p. 419), 1387 (t. II, pp. 102, 105), 1389 (pp. 402, 403, 404, 406), 1390 (p. 148), 1392 (pp. 160, 164), 1393 (p. 175, cp. 178, 198, безъ года), 1394 (pp. 202, 208, 213, 215), 1401 (p. 519).

Церковной власти митрополита сугдео-фулльскаго подлежала и Кафа со своею территоріей, такъ какъ она еще не имѣла своего православнаго епископа, клкъ это будетъ впослѣдствіи. Въ 1366 году патріаршій монастырь св. Петра въ Кафѣ, по ходатайству игумена, былъ освобожденъ отъ всякаго подчиненія митрополитамъ сугдейскимъ, какъ ставропигіальный: изъятіе, даруемое въ видѣ исключенія, показываетъ, что нормальный порядокъ былъ собственно другой[1]). Кромѣ Готской митрополіи, епархія Сугдейская граничила также и съ Корсунскою. Съ пред- ccxv
стоятелемъ послѣдней сугдейскіе митрополиты вели долгій споръ изъ-за неизвѣстнаго теперь мѣстечка Елисса[2]). Дѣло нѣсколько разъ пересматривалось и перерѣшалось патріархами, то въ пользу корсунскаго, то въ пользу сугдейскаго, причемъ расположенные къ Корсуню патріархи обращали вниманіе на бѣдность Корсунской епархіи по сравненію съ Сугдейскою[3]); послѣдняя считалась многолюдною и богатою, какъ это высказалъ патріархъ Матѳей, предоставляя въ 1400 году Сугдейскую вакантную каѳедру митрополиту Перги и Атталіи (въ Малой Азіи), принужденному оставить свою паству вслѣдствіе преслѣдованія мусульманъ[4]). Изъ документовъ, относящихся къ тяжбѣ по поводу обладанія Елиссомъ, видно, что ходъ ея вкратцѣ былъ слѣдующій: вышеназванный митрополитъ сугдео-фулльскій и лакедемонскій Лука владѣлъ Елиссомъ и даже поставилъ въ немъ епископа (II, 42 sq.); при патріархѣ Филоѳеѣ, около 1376 года, возникъ споръ, и патріархъ запретилъ корсунскому митрополиту заявлять какія бы то ни было притязанія на Елиссъ (ibid.); патріархъ Макарій въ первое свое патріаршество присудилъ Елиссъ Корсунской митрополіи изъ вниманія къ ея бѣдности; слѣдующій патріархъ Нилъ

---

1) Acta patriarchat. Constantin., I, 486 (№ 226). Сугдейскій же митрополитъ разумѣется, очевидно, и въ патріаршей грамотѣ, въ которой идетъ рѣчь о монастырѣ св. Георгія въ Кафѣ, при чемъ за мѣстнымъ архіереемъ сохраняются извѣстныя права (II, 71, № 369, годъ 1385).

2) Полагаютъ, что это есть нынѣшній Кара-иласъ, деревня къ сѣверу отъ Черкесъ-Керменъ.

3) Acta patriarchat. Constantin., II, 43: *Προέτεινε* (митрополитъ херсонскій) *τὸ γεγονὸς αὐτῷ συνοδικὸν δικαίωμα παρὰ τοὺ χρηματίσαντος πατριάρχου διαλαμβάνον ἔλεον μόνον καὶ συμπάθειαν πρὸς αὐτὸν, ὡς πτωχῆς οὔσης τῆς κατ᾽ αὐτὸν ἐκκλησίας καὶ ἀπόρου καὶ ἐνδεοῦς.*

4) Ibid., II, 389 sq. (№ 574): *πολυάνθρωπον οὖσαν.*

въ 1382 г. снова перерѣшилъ вопросъ въ пользу Сугдеи, но Макарій во второе свое патріаршество въ 1390 году возстановилъ силу своего первоначальнаго опредѣленія[1]). Еще дольше длился споръ между готскимъ и корсунскимъ митрополитами о владѣніи Кинсаномъ, но онъ не относится къ нашей темѣ.

Въ XIV вѣкѣ чаще, чѣмъ прежде, встрѣчаются въ русскихъ лѣтописяхъ указанія на пребываніе купцовъ сурожскихъ въ рус-
ccxvi скихъ предѣлахъ, преимущественно въ Москвѣ, но въ то же время обнаруживается и тотъ фактъ, что названіе Сурожанъ было усвоено и за Русскими людьми, которые вели торговлю сурожскими или, какъ послѣ стали говорить, суровскими товарами, хотя бы они и ѣздили за ними въ Крымъ сами. Въ 1356 году прибылъ въ Москву изъ орды татаринъ Ирынчей, и съ нимъ гости Сурожане[2]). Въ 1375 году удалился въ Тверь сынъ тысяцкаго Вельяминова, а вмѣстѣ съ нимъ сурожанинъ Некоматъ, судя по прозванію, грекъ, и во всякомъ случаѣ ловкій интриганъ, хорошо знакомый съ отношеніями въ Ордѣ, — тогда называли его брехомъ (нѣкій брехъ, именемъ Некоматъ): онъ выхлопоталъ сопернику Димитрія Ивановича ярлыкъ на великокняжеское достоинство, и за это послѣ поплатился головою[3]). Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ поставить Степана Васильевича Сурожскаго, о которомъ русскія родословныя книги сообщаютъ, что онъ прибылъ въ 6911 (1403) году къ великому князю Василію Дмитріевичу служить изъ своей вотчины изъ Сурожа да исъ Каѳы, и что отъ него пошли Головины и Третьяковы[4]). Отправляясь въ походъ противъ Мамая въ 1380 году, Димитрій Донской взялъ съ собою «отъ Сурожанъ, рекше отъ гостей» десять человѣкъ «повѣданія ради дальнихъ земель», то есть, какъ бывалыхъ людей, способныхъ служить развѣдчиками, проводниками и пособниками

1) Acta patriarchat. Constantin, II, 42—44 (№ 355, годъ 1381); II, 71 (№ 370, годъ 1386): рѣчь идетъ собственно о спорѣ корсунскаго съ готскимъ митрополитомъ, но упоминается и тяжба съ сугдейскимъ; II, 142—150 (№ 417, годъ 1390).

2) Никоновская лѣтопись (Полное собраніе, X, 228).

3) О Некоматѣ: Воскресенская лѣтопись подъ 1375 и 1383 гг. (Полное собраніе, VIII, 22, 49); Карамзинъ, V, примѣч. 32. 37; Иловайскій, II, 95. 114.

4) Родословная книга изд. Новикова (II, 270); на это изданіе ссылается Е. Е. Голубинскій (Исторія Русской церкви, I, 48, примѣч.). Ср. Временникъ Моск. Общ. исторіи и древн., X, 89 и Брунъ, Черноморье, II, 236.

въ закупкѣ и отысканіи продовольствія. Въ Сказаніи о Куликовской битвѣ (Задонщинѣ) сохранены ихъ имена; изъ нихъ только развѣ первыя могутъ быть считаемы за греческія, а большая часть принадлежитъ Русскимъ людямъ[1]). Любопытно, что и гораздо послѣ, по истеченіи цѣлаго столѣтія, иныя изъ этихъ фамилій встрѣчаются въ несомнѣнныхъ документахъ, касающихся торговли Русскихъ людей съ Крымомъ и Татарами[2]). Въ разсказѣ о нашествіи на Москву Тохтамыша (въ 1382 году) въ числѣ московскихъ обитателей упомянуты «бояре, и Сурожане и суконники»[3]); сопоставленіе съ суконщиками свидѣтельствуетъ, что названіе уже обозначаетъ здѣсь только родъ торговли. Позднѣе, въ 1469 году, Иванъ III Васильевичъ посылалъ въ походъ противъ Казани «Сурожанъ и суконниковъ и купчихъ людей»[4]). Въ 1549 году мы находимъ сурожскій дворъ въ Новгородѣ[5]). Изъ уставной таможенной грамоты, данной въ 1571 году по наказу Грознаго новгородскимъ намѣстникомъ княземъ Пронскимъ, видно, что новгородскіе Сурожане прежде пользовались извѣстными привилегіями относительно государевыхъ пошлинъ, отмѣненными именно этою грамотою[6]).

CCXVII

1) Русскій историческій сборникъ, III, 25 сл.; Карамзинъ, V, примѣч. 70; Аристовъ, Промышленность Древней Руси, С.-Пб., 1866, стр. 189; Иловайскій, II, 121. Имена читаются не вездѣ одинаково и въ послѣднемъ названномъ сочиненіи переданы не въ лучшемъ видѣ. Ср. преосвященнаго Порфирія въ книгѣ «Второе путешествіе по Святой землѣ (= Востокъ христіанскій)», стр. 298; Тимофеева «Сказаніе о Куликовской битвѣ» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1885, августъ, стр. 215). Послѣдній пользовался, повидимому, лучшимъ и древнѣйшимъ спискомъ (Тихонравова) и передаетъ имена такъ: Василій Капица, Сидоръ Елеуферьевъ, Козьма Ковырь, Константинъ Болкъ, Михаилъ Саларевъ, Тимоѳей Весяковъ, Дмитрій Черный, Семенъ Антоновъ, Иванъ Шихъ, Дмитрій Саларевъ.

2) Митя Саларевъ упоминается въ грамотѣ Ивана III въ Крымъ 1491 года; оттуда видно, что онъ ѣздилъ съ товарами и за товарами въ Крымъ и Кафу (Памятники дипломатическихъ сношеній съ Крымскою и Ногайскою ордою: Сборн. Имп. Ист. Общ., т. 41, стр. 117 сл.; ср. 406). Иванъ Весяковъ, московскій гость, былъ обиженъ въ Кафѣ (тамъ же, стр. 256). Шиховы дѣти, какъ ногайскіе торговцы, являются въ 1490 году (тамъ же, стр. 92); гость Иванъ **Шиховъ** былъ обиженъ въ Азовѣ, о чемъ упоминается въ 1500 году (стр. 298).

3) Прибавленіе къ Софійской первой лѣтописи (Полное собраніе, VI, 99). Воскресенская лѣтопись, VIII, 43.

4) Карамзинъ, VI, примѣч. 20.

5) Вторая Новгородская лѣтопись (изданіе Археографической Коммиссіи 1879 г.), стр. 72.

6) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, томъ II, Москва, 1819,

CCXVIII Но въ это время самаго Сурожа уже не существовало. Чтобы имѣть послѣднее указаніе на взаимныя торговыя прямыя сношенія Русскихъ людей съ Генуезскими колоніями, мы можемъ воспользоваться въ качествѣ аналогіи эпизодомъ, который относится собственно къ Кафѣ и случился, можно сказать, наканунѣ ея завоеванія мусульманскою державою. Въ 1474 году купцами кафинскими былъ отправленъ торговый караванъ въ Русскія земли, и на обратномъ пути, во владѣніяхъ великаго князя Ивана Васильевича былъ ограбленъ шайкою казаковъ; чтобы вознаградить себя за ущербъ, Кафинцы захватили имущество русскихъ купцовъ изъ Москвы (Rutheni de Moscho), основавшихся въ ихъ городѣ [1]). Именно по этому поводу великій князь вступилъ съ Генуезцами въ сношенія, слѣды которыхъ сохранились въ началѣ посольской книги по дѣламъ крымскимъ. Толмачъ, отправленный къ Кафинцамъ, долженъ былъ говорить ихъ «консулосу» о томъ, что они де пограбили людей великаго князя Гридку Жука, да Степанка Васильева и ихъ товарищей и взяли у нихъ всякаго товару на двѣ тысячи рублей; слѣдовало требовать возвращенія ограбленнымъ ихъ товаровъ. Кафинцы на это отвѣчали: пусть сначала отправитъ великій князь товаръ нашихъ купцовъ кафинскихъ, который отняли у нихъ казаки. На такое встрѣчное требованіе отвѣтъ былъ такой, что казаки эти не были подвластны великому князю, а принадлежали къ людямъ царевича изъ великаго рода Тохтамышева; «а улановъ и князей, и казаковъ у него много: какъ къ нему пріѣзжаютъ люди многіе на службу, такъ отъ него отъѣзжаютъ люди многіе; и намъ по чему вѣдати, хто будетъ вашихъ купцовъ пограбилъ?» [2]).

Существованіе Генуезскихъ колоній на Черноморскихъ берегахъ стало болѣе, чѣмъ прежде, опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ
CCXIX изъ состава Золотой орды выдѣлилась самостоятельная Крымская

стр. 58: «А что было у Суроженъ государева грамота жалованная въ проѣздѣхъ и о всякихъ государевыхъ пошлинахъ, и государь ту грамоту отставилъ, а велѣлъ у Суроженъ имати всѣ свои пошлины по старинѣ, а записывати таможеннымъ товары въ книгѣ самимъ, которые грамотѣ и писати умѣютъ».

1) Heyd-Raynaud, II, 502 (на основаніи Atti della società Ligur., VII, 2, p. 475 сл.).

2) Памятники диплом. сношеній Моск. госуд. съ Крымскою и Ног. ордою: Сборн. Имп. Ист. Общ., т. 41, стр. 8, № 1 (документъ 1474 года, мартъ). Ср. стр. 12, № 2.

подъ властью собственныхъ хановъ, съ центромъ въ Солкатѣ (Старомъ Крымѣ), гораздо болѣе близкомъ Кафѣ и Сурожу, чѣмъ Сарай. Судьба колоній, собственно говоря, была рѣшена въ тотъ день, какъ султанъ Магометъ II овладѣлъ Константинополемъ: вскорѣ за тѣмъ турецкія пушки, разставленныя по обѣимъ сторонамъ Босфора (Анадоли и Румели-Гиссаръ) стали преграждать Генуезцамъ свободный доступъ къ ихъ колоніямъ. Затѣмъ положеніе приняло критическій характеръ, когда обнаружилась возможность тѣснаго союза между крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ, возможность единовременнаго нападенія съ суши и съ моря, нѣсколько разъ принимавшая видъ осязательной крайности... Уже въ шестидесятыхъ годахъ XV столѣтія соединенная Сугдео-фулльская епархія считалась запустѣлою, и принадлежащія къ ней селенія *(χωρία)* были присвоены сначала готскимъ, а потомъ кафинскимъ митрополитомъ, а въ 1567 году отданы константинопольскимъ патріархомъ въ управленіе его экзарху сакелларію Іоанну [1]). Сверхъ ожиданія, окончательная катастрофа заставила ждать себя болѣе двадцати лѣтъ; она была отсрочена отчасти благоразумными и энергическими мѣрами протекторовъ банка св. Георгія, своего рода акціонерной компаніи, которой сильно задолжавшая республика передала управленіе Хазаріею, отчасти случайными событіями. Въ 1475 году 4-го іюня великій визирь Кедукъ-паша взялъ Кафу, и этимъ рѣшена была участь всѣхъ Генуезскихъ владѣній, между прочимъ и Солдайи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ современнаго подробнаго отчета объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ послѣдніе дни ея существованія, отчета подобнаго донесеніямъ о паденіи Кафы, изъ которыхъ мы опять узнаемъ о захватѣ Турками находившихся въ ней русскихъ купцовъ [2]). Относительно Сурожа мы должны ограничиваться послѣдними сообщеніями Броневскаго, много лѣтъ проведшаго въ Крыму въ качествѣ посла
отъ польской республики при королѣ Стефанѣ Баторіи. Въ своемъ ссхх
Описаніи Тартаріи (Tartariae descriptio), книгѣ, написанной въ 1579 году въ Крыму, онъ сообщаетъ намъ, что Сурожане

---

1) Рѣшеніе патріарха Митрофана III: Documents patriarchaux ed. par Papadopulo-Kérameus въ Трудахъ Археол. Съѣзда въ Одессѣ, т. II, стр. 178

2) Heyd-Raynaud, II, 403.

сдались только послѣ храброй и отчаянной защиты, и что даже по сдачѣ города Туркамъ, около тысячи человѣкъ отборныхъ воиновъ храбро оборонялись въ нижней крѣпости, а затѣмъ затворились въ большой церкви и всѣ тамъ погибли; Турки заложили камнями двери и окна этой церкви и оставили трупы лежать безъ погребенія[1]): эти подробности Броневскій узналъ отъ одного греческаго митрополита, который прибылъ въ Крымъ съ Греческихъ острововъ для визитаціи оставшагося мѣстнаго духовенства, очевидно, по порученію патріарха. Самъ Броневскій нашелъ въ Сурожѣ почти однѣ только развалины. Видны были три замка на высокой горѣ, которые были обнесены стѣнами и башнями и построены — Броневскій не знаетъ, — въ греческое или генуезское время. Видны были безчисленные греческіе храмы, сложенные изъ довольно большихъ камней и столь малые по своимъ размѣрамъ, что скорѣе похожи были на часовни; только нѣкоторые изъ нихъ сохранились въ цѣлости, а большая часть обращены были въ развалины и лежали поверженные на землѣ. Остатки генуезскаго господства были значительнѣе и гораздо
CCXXI величавѣе греческихъ. Они показывали, что это былъ нѣкогда весьма значительный городъ; христіане-греки, остававшіеся здѣсь въ очень незначительномъ количествѣ, еще помнили о временахъ минувшаго блеска; они же утверждали, что число православныхъ церквей считалось тогда цѣлыми сотнями. Броневскій съ своей стороны объясняетъ такое явленіе крайнею сварливостью и взаимною неуживчивостью Грековъ: вслѣдствіе раздоровъ и

---

1) Martini Broniovii de Biezdzfedea, bis in Tartariam nomine Stephani primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio, ante hac in lucem numquam edita. Coloniae Agrippinae, anno 1595, p. 10: A Metropolita quodam viro Graeco et honesto, qui ex insulis Graecis ad visitandos presbyteros illos tum eo advenerat et hospitio me exceperat, accepi. Quod cum immanissima gens Turcarum eam civitatem ingenti maritimo exercitu oppugnasset, a Genuensibus fortiter et animose illa defenderetur, verum cum obsidionem diuturnam ac famem Genuenses diutius ferre, nec impetum tam numerosi exercitus Turcarum sustinere amplius possent, in maximum templum illud, quod adhuc ibi integrum est, centeni aliquot, vel, ut ille asserebat, mille fere viri egregii sese receperant, et per dies aliquot in arce inferiori, in quam Turcae irruperant, fortiter et animose sese defendentes, insigni et memorabili Turcarum strage edita tandem in templo illo universi concidere, templi illius portae et fenestrae a Turcis muro impletae caesorum cadavera in eum usque diem insepulta jacent. In id templum ne accederem, a Caphensi Seniaco quondam Turca, quem in ea arce perpetuum ille habet, ego prohibitus sum.

вражды отдѣльныя семьи не хотѣли сходиться вмѣстѣ даже для общественнаго богослуженія. Въ нижнемъ замкѣ можно было видѣть три очень большія католическія церкви, дома, стѣны, ворота, башни съ генуезскими гербами. Въ окрестностяхъ находились виноградники, которые давали наилучшее вино во всей Тавридѣ, и фруктовые сады, простиравшіеся вмѣстѣ съ виноградниками болѣе чѣмъ на двѣ (римскихъ) мили; ихъ продолжали обработывать кафинскіе жители: Турки, Евреи и христіане [1]).

Сурожъ не возрождался болѣе изъ своихъ развалинъ даже и подъ русскою властью; «въ настоящее время тишина кладбища господствуетъ въ этой мѣстности» (выраженіе Ф. К. Бруна), хотя въ сосѣдствѣ, тамъ, гдѣ было прежде городское предмѣстье, и появилась нѣмецкая колонія, называемая по прежнему Судакъ; только громадныя башни и стѣны, здѣсь сохранившіяся, да остатки зданія, похожаго на монастырь или церковь, свидѣ- CCXXII
тельствуютъ о превратностяхъ судьбы и о минувшемъ величіи Сугдеи; драгоцѣнные памятники спасены были отъ окончательной гибели, благодаря стараніямъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; ученые этого общества, профессора Юргевичъ и Брунъ, всего болѣе потрудились надъ ихъ описаніемъ и изученіемъ [2]).

---

1) Ibid., p. 9 sq.: Sidagios a Graecis, a Genuensibus vero Sudacum, arx et civitas illa dicta fuit. Tartaris prorsus incognita est. - - Arces muro et turribus cinctas et munitas Graeci seu Genuenses Itali condidere. Templa Graeca ex grandioribus saxis infinita esse, et quasi sacella pauca admodum, nonnulla integra visuntur, plurima vero in ruinas versa et humi prostrata jacent. Superbi, discordes et desides Graeci a Genuensibus Italis fracti et debilitati civitatem eam amiserant. Non contemnenda Genuensium vestigia Graecis multo clariora ibi conspiciuntur. At insignem eum locum quondam, ut ex ruinis videre licet, extitisse, et a Christianis Graecis, quorum paruae admodum reliquiae ibi sunt, memoratur. Graecorum gentem eo discordiarum et inimicitiarum deuenisse, quod familiae quae dissidiis laborant, ut ne deuotionem quidem publicam fieri eique interesse volebant. Propterea templa illa infinita quam plurimi aedificauere, quae aliquot centena ibi extitisse Christiani perhibent. Templa tria maxima Catholica, domus, muri, portae, ac turres insignes, cum textilibus et insigniis Genuensium in arce inferiori visuntur. - - Portorium non ignobile civitatis ejus fuit, vineas et pomaria, quae ad duo et amplius milliaria extenduntur, fertilissima a Caphensibus, Turcis, Iudaeis et Christianis nunc etiam ibi coluntur. Nam universae Tauricae vinum optimum ibi nascitur...

2) На статью Бруна о Сугдеѣ мы часто ссылались. Профессоръ Юргевичъ издалъ съ переводомъ и примѣчаніями уставъ генуезскихъ колоній на Черномъ морѣ 1449 года (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., V, 629—837). Онъ же издавалъ и объяснилъ генуезскія надписи въ Кафѣ и Судакѣ (тамъ же, стр. 157—177, и томъ IX — «Донесеніе о поѣздкѣ въ Крымъ») и т. п. — Сверхъ

III.

Древнѣйшіе источники о жизни Стефана Сурожскаго.

Древнѣйшимъ извѣстіемъ о Стефанѣ Сурожскомъ пока нужно считать краткое о немъ сообщеніе въ Минологіи императора Василія Порфиророднаго, подъ которымъ теперь уже никто не думаетъ разумѣть Василія I Македонянина, а всѣ признаютъ Василія II Болгаробойцу. Итакъ, Минологій составленъ былъ въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка. Подъ 28-мъ ноября здѣсь сперва помѣщено краткое сказаніе о мученичествѣ Стефана Новаго, пострадавшаго за иконы при царѣ Константинѣ Копронимѣ въ 765 году, какъ это отмѣчено въ хроникѣ Ѳеофана, или же вѣрнѣе въ 767 (о годѣ рѣчь будетъ ниже). Краткое сказаніе или же синаксарь, очевидно, составленъ на основаніи подробнаго Житія Стефана Новаго, написаннаго діакономъ Великой Константинопольской церкви, по имени тоже Стефаномъ, около 808 года: въ обоихъ одинаково упоминается о множествѣ исповѣдниковъ, заключенныхъ въ темницѣ, которыхъ встрѣтилъ тамъ Стефанъ Новый, но только немногіе, отчасти ранѣе пострадавшіе, отчасти ближайшіе ученики и послѣдователи Стефана, названы
ccxxiii въ Житіи по имени; таковы: Петръ, Андрей и Анна. Напротивъ того, Минологій Василія и другія позднѣйшія подобнаго рода компиляціи подъ тѣмъ же самымъ днемъ помѣщаютъ память, а отчасти называютъ имена еще многихъ другихъ приверженцевъ иконопочитанія, принявшихъ монашество и подвергшихся преслѣдованію того же самаго царя — повидимому, отдѣльно отъ Стефана и нѣсколько позднѣе. Мы приводимъ статью Василіева Минологія <въ сопоставленіи съ текстомъ синаксаря, даваемымъ> въ печатныхъ греческихъ минеяхъ, а вмѣсто перевода — соотвѣтствующій славянскій текстъ Макарьевскихъ миней, въ которомъ опять встрѣчается одно очень важное для насъ дополненіе, вѣроятно, ведущее свое начало отъ греческой редакціи.

того, ему принадлежатъ статьи: «О монетахъ генуезскихъ, находимыхъ въ Россіи» (томъ VII), «О новыхъ генуезскихъ надписяхъ» (тамъ же). Нужно еще упомянуть болѣе ранніе труды Мурзакевича «Исторія генуезскихъ поселеній на Черномъ морѣ», Одесса, 1837; «Генуезскіе консулы города Кафы» (Записки, т. III), «Донесеніе объ осмотрѣ архива банка св. Георгія» (тамъ же).

Ἄθλησις τῶν ἁγίων τῶν σὺν τῷ ἁγίῳ Στεφάνῳ τῷ Νέῳ ὑπὲρ τῶν ἁγίων εἰκόνων μαρτυρησάντων.

Πολλοὶ τῶν στρατιωτῶν τῶν τότε ὀρθοδόξων, ἀποταξάμενοι τῷ βίῳ, γεγόνασι μοναχοί· τοὺς τοιούτους δὲ ὁ παράνομος βασιλεὺς τιμωρησάμενος ἐφόνευσε. καὶ γὰρ τὸν ἕνα, Βασίλειον καλούμενον, ἐκτυφλώσας, εἶτα τὴν προσκύνησιν τῶν ἁγίων εἰκόνων λαλοῦντα ἀκούσας λακτίσας ἐξήνεγκε τὰ ἔντερα αὐτοῦ· καὶ οὕτως ἐξορισθεὶς μετὰ ὀδύνης ἐτελεύτησεν. Ἄλλος, ἔγκλειστος ἐν τῷ Σωσθενείῳ, ῥινοκοπηθεὶς, ἐν Χερσῶνι ἐξωρίσθη· καὶ μέλλων φονευθῆναι ἔφυγεν εἰς Χαζαρίαν, ἐν ᾗ καὶ ἐπίσκοπος ἐγένετο καὶ ὕστερον ἐτελειώθη. Ἄλλος δὲ Στέφανος ὀνόματι εἰς Σουγδίαν ἐξορισθεὶς καὶ πολλοὺς ὠφελήσας, τέλος ἔσχε τοῦ βίου. Ὁμοίως καὶ Γρηγόριοι δύο σὺν πολλοῖς ἄλλοις ἐξορισθέντες ἀπέθανον. Ἀλλὰ καὶ Ἰωάννης ὁ ἀπὸ λεγαταρίων εἰς Δαφνουσίαν ἐξορισθεὶς καὶ τῇ τοῦ βασιλεύοντος κελεύσει δερόμενος κατὰ καιρὸν συχνῶς, τὸν βίον ἀπέλιπεν[1]).

‹Πολλοὶ τῶν στρατιωτῶν, ὀρθόδοξοι ὄντες, ἀποταξάμενοι τῷ βίῳ, γεγόνασι μοναχοί. τοὺς

В той же день память иже съ святымъ Стефаномъ Новымъ святыхъ ради иконъ мученыхъ.

Мнози отъ воинъ православніи суще отрекшеся житіа и
быша мниси. Таковыхъ же без-
законный мучитель мучивъ отъ
живота лишивъ. Ибо единаго
Василіа наричемаго ослѣпивъ,
также святое поклоненіе и чести
тому изрекшу, пьхнувъ его ме-
чемъ во чрево, и внутренняя
его излишася. Другы же за-
творникъ въ Сосфенѣ, носъ ему
урѣзавъ въ Херсонъ прогна, и
хотя его убити, бѣжа въ Ха-
зарію, иде же епископъ поста-
вленъ бысть и потомъ преста-
вися. Инъ же Стефанъ именемь
въ Сугдаию заточенъ бывъ и
многыхъ тамо приобрѣтъ и по
семь тамо епископъ бывъ и
добрѣ онѣхъ упасъ, успе о
Господи. Тако и два Григорія
съ инѣми прочими и тіи про- CCXXIV
гнаны быша скончашася и
Іоаннъ иже отъ логатаріи въ
Дафнусію прогнанъ и повелѣ-
ніемъ царевымъ часто на всякое
время біемыи скончася.

1) ‹Patr. gr., t. 117, 181. Cp. Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris: Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae, col. 263 sq.›.

τοιούτους δὲ ὁ παράνομος τιμωρησάμενος βασιλεὺς τοῦ βίου ὑπεξήγαγε. καὶ γὰρ ἕνα ἐξ αὐτῶν, Βασίλειον καλούμενον, ἐκκαλούμενος πρὸς τὴν ἑαυτοῦ πλάνην καὶ μὴ πειθόμενον εὑρὼν, ἀλλὰ τὴν προσκύνησιν τῶν ἁγίων εἰκόνων σέβεσθαι εἰπόντα, λὰξ κατὰ τῆς γαστρὸς αὐτὸν κρούσας, τὰ ἔγκατα ἐξέχεε, καὶ οὕτως ἐτελεύτησεν. Ἄλλος, ἐγκλεισθεὶς ἐν τῷ Σωσθενείῳ, ῥινοκοπηθεὶς, ἐν Χερσῶνι ἐξωρίσθη· καὶ μέλλων φονευθῆναι, ἔφυγεν εἰς Χαζαρίαν, ἐν ᾗ καὶ ἐπίσκοπος γέγονε καὶ ὕστερον ἐτελειώθη. Ἕτερος δὲ, Στέφανος τοὔνομα, εἰς Σουγδαΐαν ἐξωρίσθη· καὶ πολλοὺς ὠφελήσας, τέλος εὗρε τοῦ βίου. Ὁμοίως δὲ καὶ Γρηγόριοι δύο σὺν ἄλλοις πολλοῖς ἐξορισθέντες ἐτελεύτησαν. Ἀλλὰ καὶ Ἰωάννης ὁ ἀπὸ λεγαταρίων ἐν Δαφνουσίᾳ ἐξορισθεὶς καὶ τυπτόμενος συχνῶς, τὸν βίον ἀπέλιπε [1])›.

Сравнивая славянскій текстъ съ двумя греческими редакціями, мы замѣтимъ, что, несмотря на совершенно рабскую буквальность перевода, онъ не сходится вполнѣ ни съ тою, ни съ другою, такъ что необходимо предполагать третью редакцію, а въ ней и прямое упоминаніе объ епископствѣ Стефана Сугдейскаго. Что это такъ, что Стефанъ на основаніи Минологія считался епископомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ лицевыя изображенія, сопровождающія текстъ въ знаменитомъ экземплярѣ кардинала Албани. На кар-

1) ‹*Μήναιον τοῦ Νοεμβρίου, διορθωθὲν ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιανοῦ τοῦ Ἰμβρίου, ἔκδοσις ἐννάτη, Βενετ.*, 1880, p. 189›.

тинкѣ, оттиснутой съ рукописи, изображены Василій, которому выкалываютъ глаза, Іоаннъ, котораго истязуютъ; по сторонамъ видны двое въ епископскомъ облаченіи: это, конечно, епископъ хазарскій и нашъ Стефанъ; затѣмъ двое въ обыкновенномъ платьѣ: это должно быть два Григорія[1]).

Съ показаніемъ минологіевъ относительно времени исповѣдничества и подвиговъ Стефана Сугдейскаго вполнѣ согласно свидѣтельство другого важнаго источника, на который страннымъ образомъ никто изъ изслѣдователей — а между ними были признанные знатоки церковной литературы — не обратилъ вниманія. CCXXV
Мы разумѣемъ службу или даже службы святому Стефану Сурожскому, ибо ихъ двѣ. Онѣ извѣстны не только по рукописямъ, но и читаются въ печатной славянорусской служебной минеѣ за декабрь мѣсяцъ. Въ греческой минеѣ служба Стефану Сурожскому не встрѣчается или по крайней мѣрѣ не отыскана; но все заставляетъ думать, что первоначальный текстъ славянской службы былъ греческій, составленный въ Сурожѣ мѣстнымъ пѣснописцемъ; очень понятно, что назначенный для мѣстнаго церковнаго обихода, онъ не нашелъ себѣ широкаго распространенія и не попалъ въ другія богослужебныя книги, кромѣ тѣхъ, которыя были назначены для мѣстнаго употребленія въ Сурожѣ, гдѣ въ память св. Стефана учрежденъ былъ особый праздникъ. Въ пятнадцатый день мѣсяца декабря, въ предполагаемый день кончины святаго, совершалась въ Сурожѣ его память. Мѣстный малограмотный житель, который владѣлъ греческимъ синаксаріемъ, находящимся теперь въ Халкинской библіотекѣ, сдѣлалъ объ этомъ собственноручно замѣтку, такъ какъ очевидно въ первоначальномъ текстѣ этой памяти не значилось. «Въ тотъ же день празднуется въ городѣ Сугдеѣ 15-го декабря кончина святѣйшаго отца нашего Стефана исповѣдника, архіепископа сугдейскаго, ибо онъ просвѣтилъ Сугдейцевъ и сдѣлалъ ихъ христіанами и въ пятнадцатый день декабря мѣсяца скончался, то есть, почилъ во Господѣ.— Запись Георгія». Въ другой замѣткѣ, помѣщенной выше,

1) См. Menologium Basilii, ed. cardin. Albani; ср. Горскій въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., I, 196.

память святаго Стефана, архіепископа Сугдейскаго, погребеннаго во святомъ алтарѣ святой Софіи, отмѣчена, правда, подъ семнадцатымъ днемъ декабря, но едва ли это не простая ошибка или недосмотръ приписчика. Сверхъ того, св. Стефана праздновали въ Сурожѣ и 30-го января вмѣстѣ съ памятью трехъ ве-
CCXXVI ликихъ святителей: такое двойное ежегодное воспоминаніе одного и того же особенно уважаемаго, хотя и мѣстнаго, святаго не представляетъ ничего необычнаго. — Подъ тѣмъ же 15-мъ декабря помѣщается и въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ служба съ двумя канонами въ честь Стефана Сурожскаго, и вотъ что читаемъ мы въ одной изъ стихиръ, входящихъ въ составъ службы.

«Образъ соблюлъ еси пресвѣтло, преподобне отче. По Христовѣ иконѣ сталъ еси мужески, не устрашився гноетезнаго прещенія, но духовнымъ мечемъ того умертви».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прещеніе гноетезнаго есть прещеніе Копронима: такъ нерѣдко и притомъ вполнѣ согласно съ этимологіею греческаго выраженія переводится прозваніе втораго гонителя иконъ въ славянскихъ источникахъ. Соотвѣтственно съ этимъ и въ другихъ случаяхъ, когда говорится о царѣ-гонителѣ, слѣдуетъ понимать Константина Копронима; онъ отправилъ Стефана и въ заточеніе, подъ которымъ разумѣется, впрочемъ, темничное заключеніе въ самомъ Константинополѣ, предшествовавшее удаленію въ Крымъ: «мучителя беззаконно посрамилъ еси, въ заточеніяхъ неправедно отсылаемъ» (тропарь святому); «въ заточеніи пострадавъ ранами, въ темницахъ претерпѣвъ озлобленія» (другой тропарь).

«Поганыхъ прещенія не устрашися, блаженне, богоуязвленныхъ умомъ, Христова благолѣпія честнѣй иконѣ научилъ еси всѣмъ несрамно покланятися и теплою вѣрою цѣловати, и потомъ претерпѣлъ еси біенія, отче Стефане, и темница» (стихира на Господи воззвахъ).

«Ты бо, всеблаженне, лютаго царя посрамилъ еси, честь же иконную восходити на первообразіе научилъ еси» (второй канонъ, икосъ на шестой пѣснѣ) и т. д.

Это столкновеніе съ иконоборнымъ царемъ Константиномъ составляетъ главную тему прославленія Стефана; о дѣятельности

его въ Сурожѣ говорится не столь выразительно и часто, хотя все-таки Стефанъ называется просвѣтителемъ Сурожа: «Ты Сурожу бывъ просвѣтитель» (второй канонъ на шестой пѣснѣ), а въ другой пѣснѣ онъ именуется первопрестольникомъ сурожьскимъ (на стиховнѣ стихира, л. 103): въ обоихъ случаяхъ CCXXVII
какъ будто предполагается, что Стефанъ былъ первымъ здѣсь насадителемъ или утвердителемъ христіанства и первымъ епископомъ въ городѣ [1]). Святитель постоянно прославляется не только какъ гордость и честь (похвала) города Сурожа, но и какъ постоянный защитникъ и заступникъ Сурожанъ, прибѣгающихъ съ молитвою къ мощамъ его, присутствіе которыхъ авторы еще предполагаютъ въ городѣ. «Знаменіи и чюдесы тебе Владыка прослави, преблаженне Стефане! Прогониши бо духи и уврачуеши страсти; душа просвѣщаеши вѣрныхъ, приходящихъ ко святому гробу» (стихира вторая на Господи воззвахъ, л. 196 об.).

Очень знаменательны мольбы о заступленіи отъ внѣшнихъ враговъ города Сурожа, съ которыми обращаются къ святителю оба составителя каноновъ, говоря при этомъ отъ имени своихъ согражданъ, называя исповѣдника необоримымъ хранителемъ граду нашему. Изъ указаній, къ несчастію, не совсѣмъ опредѣленныхъ, на вѣроисповѣданіе и племенное происхожденіе враговъ всего скорѣе можно было бы угадать и время составленія обѣихъ службъ, что̀ для нашего изслѣдованія представляетъ вопросъ не лишенный важности.

Въ первомъ канонѣ:

«Сокруши супостаты, преподобне, и силу ихъ вооруженную; покори намъ подъ ноги вскорѣ видимую рать.... и державу *(κράτος?)* даруй твоей паствинѣ....».

«Покрой градъ твой, отче нашъ Стефане богоносне, отъ сыновъ агарянь: се бо скрегчютъ зубы своими на

---

1) *Πρωτόθρονος*, первопрестольный, означаетъ либо епископа, занимающаго первый по значенію и чести престолъ среди другихъ, принадлежащихъ къ тому же патріаршему или митрополичьему округу, либо епископа, перваго по времени на извѣстномъ престолѣ. Такъ какъ первое значеніе не идетъ къ Сурожу, и никакой другой изъ архіереевъ этого города не носилъ подобнаго титула, то остается только второе значеніе слова, относящееся къ лицу, а не къ каѳедрѣ.

ны, пожрети на ны разжегшеся, яко звѣріе дикіи, и сокруши зубы ихъ».

«Отче отцемъ, богоносный Стефане, Сурожу утвер-
CCXXVIII жденіе — рабы своя соблюди отъ всякаго прегрѣшенія и отъ безбожныхъ варваръ».

«Сохрани градъ свой, отче преподобне Стефане, и отъ безбожныхъ иновѣрныхъ находа и отъ усобныя рати».

«Сынове агаряни вооружаются на смиреныя люди твоя, Стефане пречестне, но сокруши ихъ невидимо, лукъ и стрѣлы ихъ, і меча воньзи въ сердца ихъ».

«Велми радуется присно градъ твой твоими чюдесы; и мы во всяка времена насыщаемся во вѣки отъ священныхъ мощей твоихъ, нынѣ не отходи отъ насъ, молитвы творя Богу, яко да отъ безбожныхъ варваръ насъ избавитъ» (пѣснь девятая).

«Сурожьстіи народи пріидите, соберитеся вси къ божественнѣй рацѣ отца нашего Стефана преподобнаго и со слезами возъзовите: избави люди своя, не даждь достояніе твоего роду измаильтескому....» (пѣснь девятая).

Во второмъ канонѣ:

«Падоша востающеи на ны, отче, твоими молитвами побѣждаеми, агаряни внуцы, ходящіе достояніе твое озлобити, и посмѣхъ убо быша и поруганіе, паденія своего плачюще».

«Постави тебе церкви своей основаніе Христосъ, столпа крѣпка и неподвижима во вѣки, соблюдающа и назирающа градъ свой неподвижимъ и во вѣки вѣка ненавѣтуемъ и отъ всякихъ избавляюща нападаніи, иже вѣрою съвершающихъ твою память» (девятая пѣснь).

Составленіе службы святому и, нужно полагать, обоихъ каноновъ относится еще къ тому времени, когда Сурожъ сохранялъ свою самостоятельность, признавая верховную власть византійскаго императора.

«Христову нынѣ престолу предстоя, святителю, съ Богоматерью и Пречистою Дѣвою, моляся не престай, побѣды на варвары крестоносному царю нашему даровати» (богородиченъ въ концѣ канона).

Кого же слѣдуетъ разумѣть подъ Агарянами, или Измаильтя- ccxxix
нами, которые въ одномъ канонѣ представляются врагами, постоянно угрожающими Сурожу, и въ другомъ — какъ будто при извѣстномъ единичномъ случаѣ потерпѣвшими неудачу и посрамленіе? По наиболѣе обычному словоупотребленію Агаряне и потомки Измаила суть Сарацины и вообще магометане; и намъ извѣстенъ подлинный фактъ враждебнаго столкновенія сельджукидскаго султана Кейкобада съ Сурожанами и союзниками ихъ — Русскими, относящійся къ 1227 году или нѣсколько болѣе раннему времени. Замѣтимъ, однако, что если не въ XIII столѣтіи, то позднѣе названіе Агаряне прилагается равнымъ образомъ и къ Татарамъ, болѣе близкимъ и болѣе грознымъ супостатамъ Сурожа, кстати обратившимся уже въ магометанство. Такъ въ синаксарной припискѣ 1323 года, Татары Узбека названы безбожными Агарянами[1]). Однако нѣтъ никакой возможности думать, чтобы послѣ катастрофы 1323 года можно было Сурожанину воспѣвать торжество надъ врагами и говорить въ положительномъ смыслѣ о неприкосновенности своей родины отъ всяческихъ навѣтовъ и нападеній вражескихъ. Если даже разумѣть подъ Агарянами, подвергшимися посрамленію, Татаръ, то слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду ихъ первое покушеніе на Сурожъ и послѣдовавшее отступленіе, то есть, событія 1223 года. Въ томъ и въ другомъ случаѣ составленіе каноновъ св. Стефану въ Сурожѣ мы должны будемъ относить къ XIII вѣку, съ одной стороны — ранѣе генуезскаго періода, а съ другой стороны — къ такому времени, когда уже можно было говорить о цѣлыхъ
вѣкахъ почитанія мощей святаго и оказываемаго имъ заступни- ccxxx
чества городу. Составитель довольно ясно различаетъ реальныхъ враговъ и реальныя опасности своего времени отъ неопредѣлен-

---

1) Въ русскомъ это обыкновенно; напримѣръ, въ житіи Михаила Клопскаго повѣствователь пишетъ о себѣ, что онъ посланъ былъ въ Новгородъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ (Грозномъ) собирати воинство въ сопротивленіе безбожныхъ Агарянъ (Описаніе Макарьевскихъ миней Е. Барсова, стр. 107). Новгородская первая лѣтопись по Синодальному списку (изд. 1888), стр. 249: при описаніи Батыева нашествія Татары называются Измаільти; ср. стр. 368: поганіи Измаильтяне (подъ 1390 г.). Въ Воскресенской, Никоновской лѣтописи и въ Степенной книгѣ эти наименованія еще обыкновеннѣе. Въ уставѣ для Генуезскихъ колоній 1449 года магометанскіе жители Кафы названы Сарацинами (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., VI, 614).

ныхъ и общихъ напастей, которыя отвращаемы были святымъ отъ его предковъ въ прошедшемъ. Ни Хазаръ, ни Русскихъ, ни Печенѣговъ или Половцевъ мы не можемъ предполагать подъ именемъ Агарянъ или Измаильтянъ, хотя въ русскихъ (но все-таки не греческихъ) источникахъ нѣкоторые изъ этихъ народовъ, именно Печенѣги и Половцы, и производятся отъ Измаила: «Измаиль роди 12 сына, отъ нихже суть Торкмени, и Печенѣзи и Торци и Кумани, рекше Половци» (Первоначальная лѣтопись подъ 1096 годомъ), а также именуются безбожными сынами Измаелевыми (тамъ же). Что Татаръ русскіе древніе писатели могли называть безбожными Агарянами, это разумѣется само собою, и тѣмъ менѣе предстоитъ надобность приводить тому примѣры, что такого рода случай уже отмѣченъ въ ближайшемъ для насъ греческомъ источникѣ.

Такъ или иначе, въ двухъ источникахъ, имѣющихъ наибольшую цѣнность — одинъ по своей относительной древности, другой по характеру своему и по своей принадлежности мѣстному, очевидно, высокообразованному писателю — о Стефанѣ Сурожскомъ намъ сообщается такое представленіе, что онъ принадлежалъ къ исповѣдникамъ иконопочитанія при царѣ Константинѣ Копронимѣ, подобно другимъ лично засвидѣтельствовалъ предъ царемъ непреклонность своего убѣжденія и горячность своей вѣры, подвергся вслѣдствіе того темничному заключенію и разнымъ истязаніямъ, но затѣмъ отправленъ былъ въ изгнаніе въ городъ Сугдею, много потрудился надъ распространеніемъ и утвержденіемъ христіанства между мѣстными жителями и сдѣланъ былъ епископомъ названнаго города, повидимому, первымъ въ ряду будущаго ряда его архипастырей. Такъ какъ преслѣдованіе, заключеніемъ котораго было удаленіе Стефана въ Крымъ, ставится въ связь съ событіями 765 или 767 года, то мы имѣемъ полное право думать, что извѣстный сугдейскій епископъ Стефанъ, присутствовавшій на вселенскомъ соборѣ 787 года, есть лицо то-
CCXXXI ждественное съ изгнанникомъ предыдущаго двадцатилѣтія, хотя на это и нѣтъ указанія въ прославляющихъ его церковныхъ пѣсняхъ. Вообще по самому роду источниковъ, которые мы до сихъ поръ имѣли въ виду, подробностей біографическихъ и нельзя было ожидать, особенно о первоначальномъ его жизненномъ по-

прищѣ. Судя по точному смыслу краткой статьи Василіева Минологія, Стефанъ прежде поступленія въ монашество былъ воиномъ; не противорѣчатъ этому прямо и такія выраженія въ службѣ исповѣднику, гдѣ о немъ говорится, что онъ былъ освященъ отъ пеленъ (стихиры на Господи воззвахъ), что Богъ позналъ его отъ рожденія: «позна тебе отъ чрева, богоносе, всевѣдый Богъ; прежде возвѣщаетъ тебе аггеломъ, освящаетъ тебе зиждителя душамъ» и т. д.

Такъ какъ оба наши источника по отношенію къ VIII вѣку, когда жилъ святой, довольно поздни, а между тѣмъ Стефанъ Сурожскій есть лицо несомнѣнно историческое, а не какое-либо созданіе благочестиво настроеннаго воображенія, то слѣдуетъ полагать, что память о немъ и съ тѣми немногими подробностями, которыя мы отмѣтили, дошла до болѣе позднихъ вѣковъ, напримѣръ, до конца X столѣтія, путемъ историческаго преданія, притомъ закрѣпленнаго письменно, а не устнаго только; то есть, необходимо думать, что ранѣе эпохи Василія Болгаробойцы, когда составлена была статья для Минологія, существовало то или другое сказаніе о Стефанѣ — не извѣстно только, отдѣльное или общее для упоминаемыхъ вмѣстѣ съ нимъ сотоварищей — Хазарскаго и другихъ. Для аналогіи не излишне обратить вниманіе на статью въ томъ же Василіевомъ Минологіи о корсунскихъ святыхъ епископахъ Василіи, Ефремѣ, Ееѳеріи и другихъ. Она читается въ Минологіи подъ восьмымъ числомъ марта; но нѣтъ сомнѣнія, и простое сличеніе отдѣльныхъ выраженій въ томъ убѣждаетъ осязательно, что статья составлена по извѣстному подробному сказанію объ этихъ мученикахъ, которое въ подлинникѣ было напечатано не особенно много лѣтъ тому назадъ и которое носитъ столь же явные слѣды мѣстнаго корсунскаго происхожденія[1]), какъ и каноны Стефану Сурожскому.
Ученые, конечно, стали бы сомнѣваться въ древности и первона- CCXXXII
чальности подробнаго корсунскаго повѣствованія, если бы не существовало столь убѣдительное свидѣтельство о возможности относить ихъ къ десятому вѣку или даже ранѣе, какое предста-

1) ⟨Ср. В. В. Латышевъ. Житія св. епископовъ Херсонскихъ. Изслѣдованіе и тексты. (Зап. Имп. Академіи Наукъ, VIII серія, по Ист.-Филол. Отд., т. VIII, № 3, стр. 16.⟩

вляетъ фактъ наличнаго славянскаго перевода въ Супрасльской рукописи XI вѣка[1]). Въ Корсунѣ, какъ и въ Сурожѣ, процвѣтала своя мѣстная греческая письменность, отъ которой до насъ дошли, къ сожалѣнію, только очень скудные остатки и отчасти намеки въ родѣ упоминанія объ алфавитарѣ въ честь апостола Андрея, составленномъ въ Корсунѣ. Мы, конечно, можемъ только гадать о характерѣ и объемѣ того историческаго сказанія о Стефанѣ и его сотоварищахъ, какимъ пользовались составители Василіева Минологія, но положительно имѣемъ право утверждать, что дошедшія до насъ, пока не изданныя, жизнеописанія Стефана Сурожскаго — одно греческое, другое русское — совсѣмъ не представляютъ оригинала и очень отъ него далеки не только по времени своего происхожденія, но и по своему содержанію. То, что̀ теперь читается въ этихъ Житіяхъ, никакъ не могло быть написано знающимъ и образованнымъ грекомъ — все одно константинопольскимъ или же таврическимъ — восьмого, десятаго или же одиннадцатаго столѣтія, и никакъ не выдерживаетъ критики при сравненіи съ тѣми, хотя скудными, но очевидно правдоподобными данными, какія могутъ быть извлечены изъ службы и краткаго синаксаря въ Минологіи. Мы для того и останавливались столь долго надъ статьею Минологія и надъ службою Стефану, чтобъ имѣть точку опоры для критики болѣе подробныхъ Житій, къ которымъ теперь и переходимъ. Мы начнемъ съ греческой статьи, которой текстъ вмѣстѣ съ переводомъ напечатаны ниже — вслѣдъ за Житіемъ Георгія. Здѣсь слѣдуютъ наши къ ней замѣчанія.

IV.

CCXXXIII

Краткое греческое Житіе Стефана Сурожскаго.

Въ Халкинской рукописи, заключающей въ себѣ замѣтки по исторіи Сурожа, сверхъ того находится краткое Житіе Стефана Сурожскаго, до сихъ поръ остававшееся не изданнымъ[2]). Ниже

---

1) <Супрасльская рукопись. Трудъ С. Северьянова. Т. I, стр. 532—543.>

2) Копія этого Житія была давно получена нами при посредствѣ И. Е. Троицкаго. Нѣкоторыя указанія на его содержаніе сдѣланы были еще архиман-

вмѣстѣ съ другими памятниками мы сообщаемъ его текстъ съ русскимъ переводомъ. Нося на себѣ признаки очень поздняго происхожденія, синаксарное сказаніе отступаетъ отъ Минологіевъ и каноновъ прежде всего въ опредѣленіи времени, когда святой жилъ и подвизался. При этомъ наше вниманіе поражаетъ явная несообразность, заключающаяся въ сопоставленіи двухъ именъ: патріарха Германа, который поставилъ Стефана архіепископомъ Сурожа, и царя Льва Армянина, который былъ обличаемъ сурожскимъ святителемъ и подвергъ его истязаніямъ. Патріархъ Германъ былъ современникомъ Льва Исаврійскаго; при немъ начался первый періодъ иконоборства, ознаменовавшійся прежде всего низложеніемъ Германа, какъ непреклоннаго защитника иконопочитанія, а это произошло въ 730 году. Левъ Армянинъ (813—820) возобновилъ преслѣдованіе иконъ, послѣ того какъ оно было возстановлено постановленіями второго Никейскаго собора при императрицѣ Иринѣ и послѣ нея держалось въ продолженіе двадцати шести лѣтъ при царяхъ Константинѣ, Никифорѣ и Михаилѣ. Между низложеніемъ престарѣлаго Германа и между началомъ царствованія Льва Армянина протекло восемьдесятъ три года. Далѣе: загадочная на первый взглядъ Ирина, положеніе и званіе которой совсѣмъ не объяснено въ греческомъ Житіи, но которая представляется столь вліятельною, что была виновницею освобожденія Стефана, переноситъ насъ въ эпоху Константина Копронима (741—775), наслѣдовавшаго своему отцу Льву Исаврійскому. Если бы тутъ разумѣлась православная царица Ирина, созвавшая седьмой вселенскій соборъ, CCXXXIV
то, конечно, и нашъ малограмотный Грекъ-Сурожанинъ не въ состояніи былъ бы назвать ее нѣкоторою женою. Въ болѣе подробной славяно-русской редакціи мы найдемъ прямое объясненіе, что виновницею освобожденія Стефана была дочь хазарскаго хагана и супруга императора Константина Копронима, которая дѣйствительно именовалась Ириною. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что названный ранѣе и прежде Ирины царь Левъ былъ

дритомъ Антониномъ (см. выше, стр. CXLVIII) — въ концѣ выписокъ изъ синаксарія. ‹Для новаго изданія Житія была использована фотографическая копія Халкинскаго оригинала, которою редакція «Трудовъ» обязана любезному содѣйствію Ѳ. И. Успенскаго.›

на самомъ дѣлѣ Левъ Исаврійскій. Если мы сдѣлаемъ такую довольно легкую поправку въ нашемъ текстѣ, то, конечно, устранимъ главнѣйшую и вопіющую несообразность, и все будетъ имѣть видъ нѣкоторой послѣдовательности. Но и послѣ этого останется рѣзкое противорѣчіе съ нашими другими, хотя болѣе краткими, но за то болѣе авторитетными свѣдѣніями, почерпаемыми изъ Минологія Василіева, а также изъ церковной службы святому Стефану Сурожскому. Тамъ дѣло представляется такимъ образомъ, что Стефанъ сначала обличаетъ царя иконоборца, притомъ не Льва, а Константина, и подвергается мученію, а уже потомъ отправляется въ изгнаніе въ Сурожъ, гдѣ получаетъ епископскій санъ; а здѣсь наоборотъ — сначала дѣлается архіепископомъ, а послѣ является въ столицу для борьбы съ иконоборцами и т. д. Сверхъ того, здѣсь предполагается, что и ранѣе Стефана существовала въ Сурожѣ епископская каѳедра. Что же мы должны думать объ этихъ противорѣчіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о происхожденіи краткаго греческаго сказанія? Должны ли мы совершенно отвергнуть его достовѣрность, какъ произведенія поздняго съ содержаніемъ произвольно выдуманнымъ?

Рѣшиться на это мы не можемъ. Самое упоминаніе объ Иринѣ, которое при надлежащемъ объясненіи и дополненіи будетъ заключать въ себѣ нѣчто правдоподобное, имѣющее знаменательный историческій смыслъ, показываетъ, что нашъ малограмотный Сурожанинъ способенъ былъ не столько на выдумку, сколько на недоразумѣніе: онъ не изобрѣталъ фактовъ, а только не совсѣмъ ясно понималъ и не совсѣмъ точно передавалъ читан-
CCXXXV ное у другихъ или слышанное устно. Онъ не твердъ былъ въ церковной исторіи до того, что не сознавалъ отчетливо различія между Львомъ Исаврійскимъ и Львомъ Армяниномъ и, хотя помнилъ имя Ирины, но не могъ сообразить, какая это была Ирина.

Затѣмъ въ греческомъ краткомъ Житіи есть другія біографическія сообщенія, уже носящія на себѣ печать первичной подлинности, нѣкотораго спеціальнаго знакомства съ разсказами о происхожденіи и юности своего мѣстнаго святителя, хотя мы опять не можемъ ручаться въ совершенной правильности собственныхъ именъ и смысла каждой отдѣльной черты. Что будущій архипа-

стырь Сурожа родился въ Каппадокіи въ селеніи Ворисавѣ ‹или Моривасѣ›, это мы должны принять за фактъ добросовѣстно сообщаемый и можемъ усумниться только развѣ въ вѣрности наименованія — не области, а селенія. Любопытно далѣе сообщеніе о путешествіи въ Аѳины. Оно мотивируется, съ одной стороны, желаніемъ поклониться во храмѣ Богоматери, а съ другой — любовью къ мудрости или наукѣ: тамъ восемнадцатилѣтній Стефанъ встрѣтилъ риторовъ и философовъ, какими искони славился этотъ городъ. Два побужденія, конечно, не исключаютъ себя взаимно; но нельзя не замѣтить, что оба отзываются нѣкоторою несвоевременностью или анахронизмомъ. Храмъ Богородицы въ Аѳинахъ существовалъ, безъ сомнѣнія, въ VIII столѣтіи, такъ какъ онъ возникъ на мѣстѣ и въ замѣнъ древняго Парѳенона и упоминается между прочимъ еще у географа Равеннскаго; полагаемъ, что и Аѳины въ то время, вопреки Фальмерайеру, не представляли совершенно заглохшаго мѣста; но все-таки нѣтъ примѣровъ, чтобы еще тогда они служили притягательнымъ пунктомъ для благочестивыхъ пилигримовъ. Такіе примѣры относятся къ XII вѣку и все-таки были довольно рѣдки. Что же касается ученой славы Аѳинъ, то, наоборотъ, къ VIII и IX вѣкамъ она совершенно померкла и представляла скорѣе отголосокъ стараго преданія, которому дѣйствительность очень мало отвѣчала. Правда, существуетъ преданіе объ одномъ западномъ святомъ VII вѣка († 681) Гисленіи или Эгидіи, проповѣдникѣ христіанства въ нынѣшней Бельгіи (въ провинціи Геннегау), что онъ родомъ былъ изъ Аттики и своими родителями, обладав- CCXXXVI
шими богатствомъ и знатностью, отданъ былъ въ обученіе преподавателямъ свѣтской науки, а затѣмъ занимался изученіемъ философіи въ Аѳинахъ; но это разсказывается въ Житіи святаго, написанномъ гораздо позднѣе, и притомъ въ такой связи, которая обличаетъ легендарное происхожденіе всего разсказа[1]).

---

1) Venerandus igitur sacerdos Gislenus in gente Attica inclytis juxta saeculi gloriam parentibus, christiana nobilitate nitentibus, extitit oriundus - - Traditus ergo liberalium artium paedagogis ac imbutus pleniter his, studuit philosophiae apud Athenas nobilissimam urbem, quae cunctis nationum linguis tribuit totius flores eloquentiae. Hoc itaque saeculari studio affatim edoctus и т. д. Далѣе разсказывается, что ради духовной мудрости, не забывъ свѣтской, Эгидій поступилъ въ монашество, получилъ санъ священника и, подражая примѣру св. Діонисія

Сообщеніе объ успѣхахъ Стефана въ свѣтскомъ образованіи, о пребываніи его въ Аѳинахъ и о разсужденіяхъ съ тамошними философами и риторами въ сущности переноситъ насъ въ другую эпоху: оно скорѣе шло бы ко временамъ Василія Великаго или Іоанна Златоуста. Въ мало достовѣрномъ и почти апокрифическомъ Житіи послѣдняго, сочиненіе котораго приписывается Григорію Александрійскому, тоже повѣствуется о пребываніи Златоуста въ Аѳинахъ и, что̀ любопытно и должно быть отмѣчено теперь же, выраженія обоихъ нашихъ источниковъ — Памяти о Стефанѣ Сурожскомъ и Житія Іоанна — представляютъ въ данномъ случаѣ черты нѣкотораго страннаго сходства, заставляющаго предполагать вліяніе распространеннаго и популярнаго источника на болѣе поздній — сурожскій. О Златоустѣ говорится у Георгія, что онъ, обучаясь въ Аѳинахъ, превзошелъ всѣхъ бывшихъ прежде него въ школѣ: *ὑπερακοντίσας ἅπαντας τοὺς πρὸ αὐτοῦ ὄντας ἐν τῇ σχολῇ.* Для описанія успѣховъ Стефана въ наукахъ употребляются <стр. 72, 6> тѣ же самыя выраженія: *καὶ πάντας τοὺς ἐκεῖσε συνηλικιώτας καὶ προκαθημένους ἐν τῇ σχολῇ*
CCXXXVII *τῶν γραμμάτων ὑπερηκόντισε.* На восемнадцатомъ году Стефанъ кончилъ свои учебныя занятія и отправился въ Аѳины: и Златоусту, по словамъ Григорія, было восемнадцать лѣтъ, когда онъ воротился изъ Аѳинъ. Могли бы быть указаны и другія параллельныя мѣста, но пока довольно и этого. Мнѣніе наше относительно послѣдняго приведеннаго пункта такое, что авторъ Халкинской записи о памяти Стефана Сурожскаго, вѣроятно, имѣлъ какія-нибудь побужденія внести въ его біографію упоминаніе объ Аѳинахъ, но едва ли имѣлъ къ тому настоящія основанія въ самыхъ своихъ источникахъ. Всего скорѣе дѣло было такъ, что онъ помнилъ нѣчто объ особенныхъ успѣхахъ святаго въ наукахъ, что въ его памяти держались слова и обороты рѣчи, относившіеся къ Стефану, но въ то же время напоминавшіе о древнихъ, еще болѣе знаменитыхъ отцахъ церкви, посѣщавшихъ Аѳины ради

Ареопагита, изъ Аѳинъ направился въ Римъ и далѣе на западъ, чтобы проповѣдывать язычникамъ Евангеліе. Acta sanct. Octobr., vol. IV, p. 1030; ср. Hopf, Griechische Geschichte (въ Энциклоп. Эрша и Грубера, т. 86), стр. 113; Gesta episcop. Cameracensium (Monumenta Germaniae hist., Scriptores, VII), p. 409. 464. Ср. Gregorovius, Geschichte der Stadt Athen, I, 99 сл.

свѣтской мудрости, чего о Стефанѣ въ подлинномъ предполагаемомъ Житіи, вѣроятно, не говорилось и въ дѣйствительности не было. Какъ и въ другихъ случаяхъ, здѣсь не выдумка, а больше недоразумѣніе, излишнее увлеченіе ассоціаціею идей.

Переходимъ теперь къ подробной славяно-русской редакціи Житія Стефана Сурожскаго, какъ оно читается въ рукописи XVI столѣтія (съ библіотекѣ Московской Духовной Академіи). Оно довольно обширно, и потому мы передаемъ его содержаніе только въ извлеченіи. Мы раздѣляемъ свой пересказъ на главы, какъ это сдѣлано ниже <стр. 77 слл.> при изданіи самаго текста.

V.

Содержаніе подробнаго славяно-русскаго Житія и критическія замѣчанія къ оному.

1. Въ Житіи говорится сначала о рожденіи и воспитаніи Стефана, описываются его успѣхи въ наукахъ и прибытіе въ Константинополь; начальныя слова напоминаютъ Халкинскую запись: «Сей убо преподобный отецъ нашъ Стефанъ бѣ отъ великыя Каподокіа, села Морисава», а въ одномъ древнемъ спискѣ — Каппадокійскыя страны села Мориваса. Отличаясь CCXXXVIII
необыкновенною даровитостью, онъ былъ отданъ послѣ достиженія семи лѣтъ въ ученье и въ короткое время оказалъ необычайные успѣхи въ познаніи святыхъ книгъ. Желая высшаго образованія, онъ, по достиженіи пятнадцати лѣтъ, въ правленіе царя Ѳеодосія Андраминдина и при патріархѣ Германѣ прибылъ въ Царьградъ, желая довершить свое образованіе. Здѣсь (а не въ Аѳинахъ) онъ постигъ грамматику, риторику, философію и превзошелъ всѣхъ своихъ учителей, такъ что всѣ дивились его мудрости. Притомъ онъ отличался не только знаніемъ, но и своею жизнью. Слѣдуетъ разсужденіе о необходимости того, чтобы съ высокимъ образованіемъ соединялись и добрыя дѣла.

2. Слава Стефана обратила на него вниманіе патріарха Германа, который призвалъ его къ себѣ, съ нимъ бесѣдовалъ, велѣлъ часто приходить къ себѣ и вообще полюбилъ его. Пятнадцать лѣтъ пробылъ Стефанъ въ Царьградѣ и сталъ смущаться

совѣстью, что, живя въ мірѣ, онъ не можетъ достигнуть совершенства, что ему нужно искать безмолвія; и вотъ онъ ушелъ въ одинъ монастырь, въ которомъ и постригся. Здѣсь онъ прожилъ простымъ монахомъ тридцать лѣтъ.

3. Въ то время умеръ прежній сурожскій архіепископъ Стефанъ, и Сурожане пришли къ царю и патріарху просить себѣ новаго архіерея; искателей было много, но достойнаго на мѣстѣ не оказалось, и этимъ объясняется обращеніе къ высшимъ властямъ. Долгія совѣщанія въ столицѣ тоже не приводили къ удовлетворительному результату; наконецъ, самъ Богъ открылъ патріарху Герману своего избранника.

4. Ему было видѣніе: ангелъ Божій явился ему ночью и указалъ на Стефана, который уже тридцать лѣтъ подвизался въ одномъ мѣстѣ. Патріархъ не зналъ этого мѣста, но ангелъ указалъ мѣстопребываніе Стефана дѣтищу, котораго взялъ съ собою отъ патріарха.

5. Затѣмъ этотъ же ангелъ является самому Стефану, который былъ повергнутъ этимъ явленіемъ въ трепетъ, но потомъ,
ccxxxix когда ангелъ принялъ человѣческій образъ, ободрился и сталъ спрашивать о причинѣ явленія. Ангелъ возвѣстилъ о высокомъ призваніи, предстоящемъ Стефану,—питать людей вѣчною пищею и заграждать уста еретикамъ, другими словами — о велѣніи Господнемъ идти въ Сурожъ.

6. Стефанъ отказывается, ссылаясь на свое недостоинство; ангелъ обѣщаетъ ему божественную помощь, какая дарована была Моисею, когда онъ посланъ былъ къ фараону, указываетъ на слова Христа, въ которыхъ онъ заповѣдалъ своему малому стаду не бояться и т. д., и возвѣщаетъ, что на утро прибудетъ къ нему посольство отъ патріарха.

7. Святой остается въ недоумѣніи, а патріархъ Гермогенъ послѣ бывшаго ему видѣнія бесѣдуетъ съ своими приближенными о неисповѣдимыхъ судьбахъ Бога, который имѣетъ много сокровенныхъ и неизвѣстныхъ никому вѣрныхъ рабовъ.

8. При наступленіи утра, онъ отправляетъ съ отрокомъ двухъ священниковъ къ Стефану и велитъ его привести, хотя бы противъ его воли. Стефанъ, котораго посланные находятъ на молитвѣ, отрицается своимъ недостоинствомъ, утверждаетъ (что̀

противорѣчитъ прежде сказанному), будто патріархъ его никогда не видалъ и не знаетъ; но тѣ спрашиваютъ его объ имени и, убѣдившись въ тожествѣ, приводятъ къ патріарху.

9. Патріархъ встрѣчаетъ Стефана съ честью, привѣтствуетъ его какъ избранника Божія, сравниваетъ его съ Давидомъ, побѣдившимъ Голіаѳа, называетъ блаженнымъ городъ Сурожъ, которому дано было объявить міру такое сокровище.

10. Патріархъ, на вопросъ Стефана, объявляетъ ему волю Божію о поставленіи его епископомъ и приглашаетъ въ церковь для посвященія.

11. Стефанъ снова отрицается, ссылаясь на трудность архіерейскихъ обязанностей; патріархъ угрожаетъ ему епитиміей за непослушаніе, и тогда Стефанъ покоряется. Его ведутъ въ церковь, Германъ рукополагаетъ его послѣдовательно иподіакономъ, діакономъ и пресвитеромъ. Слава о немъ распространяется въ столицѣ.

12. Царь, который со своей стороны полюбилъ Стефана, хо- CCXL
тѣлъ устроить посвященіе его въ архіереи наиболѣе торжественнымъ образомъ. Въ присутствіи множества «дроуговъ и рядникъ» *(ἑταίρων καὶ ἰδιωτῶν?)*, знатныхъ воиновъ и самого царя совершенъ былъ обрядъ.

13. Чрезъ нѣсколько дней патріархъ призываетъ новопоставленнаго архіепископа, бесѣдуетъ съ нимъ; затѣмъ, испросивъ отъ патріарха благословеніе, Стефанъ отправляется на царскомъ кораблѣ въ Сурожъ.

14. Описывается торжественная встрѣча въ Сурожѣ. Стефанъ бесѣдуетъ въ первый разъ со своей паствой, удивляетъ всѣхъ данною ему отъ Бога мудростью, въ силу которой онъ разрѣшалъ всѣ трудности въ пониманіи Писанія и давалъ отвѣтъ на всѣ вопросы. Однако онъ самъ просилъ себѣ молитвъ у народа, указывая на тяжесть бремени, которое на него возложено; онъ ссылался на примѣръ папы Льва, перваго (?) епископа римскаго, который послѣ избранія сорокъ дней провелъ при гробѣ апостола Петра въ постѣ и молитвѣ... Слушатели въ восторгѣ, возглашаютъ, что еще никогда ихъ городъ не имѣлъ такого учителя. Они рукоплескали, сопровождая это громкими восклицаніями, махали окройницами, кожульными скутами, ручными убрусами, вѣнками.

15. Новый епископъ непрестанно поучаетъ паству не только въ церкви, но и въ домахъ и на торжищахъ, препирая еретиковъ и многихъ зловѣрныхъ обращая на путь истины. Онъ бесѣдовалъ съ народомъ, приводя толковниковъ, которые знали оба языка. Было въ тѣхъ мѣстахъ, кромѣ еретиковъ, много поганыхъ, то есть, язычниковъ, которые приносили жертвы капищамъ (жряху капищемъ); теперь они тоже обращались и крестились въ безчисленномъ количествѣ.

16. Стефанъ радовался умноженію вѣрующихъ; между тѣмъ къ нему приводили больныхъ и недужныхъ, и они получали исцѣленіе. Видя это, стали приходить въ Сурожъ толпы окрестныхъ жителей. Когда дѣлалось извѣстнымъ, что онъ хочетъ говорить
ccxli къ народу, то всѣ стекались въ церковь: ремесленники («рукодѣльницы») оставляли свои занятія, городскіе строители — свои строенія; если на тотъ день было назначено зрѣлище или конское ристалище, то люди оставляли все это и шли въ церковь.

17. Народъ стекался отовсюду на коняхъ и на колесницахъ, наполнялъ всѣ улицы, торжища и церкви. Было поставлено много пресвитеровъ и клириковъ для различныхъ духовныхъ его потребностей: одни крестили оглашенныхъ язычниковъ, приводили еретиковъ на добрую вѣру, другіе поучали закону божественному вѣрующихъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ Стефанъ ученіемъ своимъ обратилъ къ христіанству и «крестилъ» весь городъ и окрестныя села. Между тѣмъ діаволъ возмутилъ церковь въ Цареградѣ: наступило иконоборство.

18. Рѣчь идетъ о началѣ иконоборства при царѣ Львѣ Исаврѣ (Савросѣ) подъ вліяніемъ двухъ жидовиновъ, которые сказали царю, что слѣдуетъ уничтожить иконы и кресты. Сначала приказано было ставить иконы высоко, потомъ пригвождать ихъ къ стѣнѣ, и вообще окаянный сталъ придумывать разное противъ иконъ.

19. Патріархъ Германъ останавливаетъ Льва, при чемъ, между прочимъ, указываетъ на существовавшее предсказаніе, что въ Цареградѣ долженъ явиться царь иконоборецъ, но желаетъ, чтобы это случилось не при его, Льва, державѣ.

20. Съ особенною силою Германъ настаивалъ на опасности

и безполезности противленія Христовой церкви, которой не могли и прежде одолѣть никакія гоненія и насилія.

21. Выслушавъ слова патріарха, царь только больше ожесточился: заявилъ, что онъ — тотъ царь, который былъ предсказанъ, и сталъ метать святыя иконы и честные кресты на землю, топтать ихъ ногами и т. д. Онъ всюду разослалъ приказанія въ соотвѣтствующемъ смыслѣ; непослушнымъ грозилъ лишеніемъ сана, отнятіемъ имущества, заключеніемъ въ темницу.

22. Послѣдовалъ всеобщій ужасъ: одни изъ епископовъ пла-
кали, а другіе, выходя изъ церкви, били себя по глазамъ и по CCXLII
честной главѣ и по яснымъ устамъ, цѣловали другъ друга съ горькими слезами. Началось яростное гоненіе, которое здѣсь описывается рѣзкими сильными чертами. Страшно было видѣть царственный градъ: онъ какъ бы въ клубъ свился; одни волновались, какъ бурная вода, бѣгая туда и сюда, другіе бѣжали прочь, оставляя своихъ родныхъ («сердоболя своя») и покидая имущество. Царь велѣлъ поставить вездѣ сторожей и запретилъ выходъ изъ города.

23. Патріархъ снова обращается къ нему съ увѣщаніями, но онъ только больше возмутился; низвелъ Германа съ престола и сослалъ его въ ссылку на островъ; на мѣсто его назначенъ былъ нечестивый Анастасій. Въ это же время, «рати бывши», онъ убилъ сына Ѳеодосіева и вмѣстѣ съ нимъ триста бояръ. Все царство принялъ Левъ и не переставалъ мучить родъ христіанскій, иконы обращая въ щепы («раскѣпая») и кресты метая по дорогамъ и улицамъ. Говорится также о казняхъ, которымъ подвергались вѣрные иконопочитанію епископы и духовенство.

24. Эта глава составляетъ повтореніе того, что̀ уже было выше сказано — о низведеніи Германа и о вступленіи на его мѣсто Анастасія.

25. Разсказъ возвращается къ Сурожу. Сюда пришелъ корабль со злыми послами отъ злочестиваго царя, которые запрещали поклоняться кресту и иконамъ. Стефанъ противорѣчитъ и самъ хочетъ идти къ царю; народъ его не пускаетъ и готовъ за него биться до смерти. Стефанъ отъѣзжаетъ на кораблѣ тайно ночью, утаився отъ гражданъ.

26. Предъ пришествіемъ святаго царь захватилъ и посадилъ въ «анумера» (въ темницу) 370 епископовъ, игуменовъ, поповъ и діаконовъ; однимъ отсѣкъ руки, другимъ вырѣзалъ глаза, урѣзалъ носы и т. д. Когда Стефана ввели во дворецъ, то онъ нашелъ тамъ много ложныхъ епископовъ, думающихъ съ царемъ злую думу.

CCXLIII Царь спросилъ Стефана: «Кто ты?» Стефанъ отвѣчалъ: «Христовъ рабъ, Стефанъ Сурожскій». Царь спросилъ: «Зачѣмъ ты сюда пришелъ?» Епископъ отвѣчалъ: «Твои посланные привели меня». Царь говоритъ: «Видишь ли соборъ, засѣдающій со мною? они пожгли и поскѣпали иконы и кресты: послѣдуй этому и ты, тогда ты будешь въ великой чести». Святой отвѣчалъ, что онъ не пойдетъ за такимъ примѣромъ, если даже его онъ велитъ мучить, разсѣчь на части или жечь огнемъ. «По иконѣ и по крестѣ Господни все стерплю», говоритъ Стефанъ, а затѣмъ ссылается на предсказаніе объ имѣющемъ появиться нечестивомъ царѣ, который будетъ называться Конономъ: но оказывается, что Кононъ есть первоначальное имя самого Льва, данное ему при рожденіи. Стефанъ называетъ такого царя предтечею Антихриста и за это подвергается истязаніямъ и заключенію въ темницѣ.

27. По миновaніи недѣли, царь снова велѣлъ привести святаго. Святой явился въ сопровожденіи семи епископовъ, которые сами захотѣли раздѣлить его судьбу. Когда они пришли къ гонителю, онъ держалъ въ рукахъ образа Спаса, Богородицы и Іоанна Крестителя. «И рече царь Стефану: како мя нареклъ еси предтечю антихристова? Глагола святый[1]): дѣло твое тъ есть (это твое дѣло); реклъ ти есмь, паки тоже ти глаголю. Рече царь, плюя на икону, юже въ руцѣ дръжааше; и удари ю въ землю и потопта. И рече Стефану: тако и ты сътвори». Святой на то отвѣчалъ: врагъ Божій, ты недостоинъ царства: какъ не изсохли твои руки? Пусть Богъ отниметъ отъ тебя царство въ скоромъ времени и сократитъ жизнь твою. Царь, услышавъ такія слова, велѣлъ снова бить Стефана, такъ что онъ остался едва живъ; затѣмъ привязали его къ лошадиному хвосту и отвезли въ темницу.

---

1) Возстановляемъ правильное чтеніе по Толстовскому списку; въ Троицкомъ вмѣсто подчеркнутыхъ словъ читается: апостола Стефана.

28. Дальнѣйшая судьба Стефана излагается очень кратко. «Ставше же вси святители, помолиша Бога, да скратитъ животъ злочтиваго царя; и молитвою святыхъ скоро умре царь злый, и наста сынъ его Констянтинъ Гноетезный; а царица его CCXLIV Феодора керченскаго царя дщи та бо вѣдаше святаго, слышала бѣ о добродѣтели его и о ученіи и о чюдесѣхъ его. И рече цареви мужеви своему: господине царю! отецъ твой всадилъ бѣ въ темницу архіепископа нашего Стефана Сурожскаго; но молю ти: аще мя любиши, выпусти его. Онъ же пославъ повелѣ привести его. Въ то же время родилъся сынъ у царици, и крести его святый Стефанъ. Царь же отпусти святаго Стефана, одаривъ, съ великою честью в Сурожь на столъ свой. И пріиде въ Сурожь в корабли, и пасяше ученіемъ своимъ стадо свое».

29. Затѣмъ слѣдуетъ повѣствованіе о чудесахъ святаго, изъ которыхъ одно совершено было при жизни, а другое тотчасъ по смерти, при гробѣ. Былъ одинъ клирикъ именемъ Филаретъ, котораго Стефанъ хотѣлъ поставить во священники, но который уклонялся отъ этого, считая себя недостойнымъ. Святой угрожалъ ему епитиміей, и тотъ упалъ къ ногамъ его. Святой взялъ его за руки, велѣлъ встать и принести горшокъ съ водою для омовенія рукъ, но когда тотъ сталъ лить воду, она не шла, а стояла какъ камень, потому что святой втайнѣ произнесъ запрещеніе. Это послужило урокомъ послушанія, который подѣйствовалъ.

30. Въ заключительной главѣ Житія сообщается о кончинѣ святаго и о другомъ чудѣ; но ранѣе того, какъ бы мимоходомъ, говорится объ отношеніяхъ его къ одному властелину. Въ то время былъ князь Юрій Тарханъ, и святой любилъ его, потому что тотъ правилъ по закону Божію, часто приходилъ къ нему и поступалъ согласно съ его велѣніями. Около того же времени приключилась святому тяжкая болѣзнь, и онъ преставился 15-го декабря. Когда сошлись всѣ архіепископы и попы, чтобы отпѣвать его, а народъ плакалъ, то Богъ сотворилъ чудо. Былъ одинъ Сурожанинъ, по имени Ефремъ; онъ былъ слѣпъ отъ рожденія и пользовался покровительствомъ архіерея, который кормилъ и одѣвалъ его. Услышавъ о смерти святаго, онъ въ горести воскликнулъ: «Кто меня теперь будетъ хранить? Ведите меня,

чтобы я могъ цѣловать ноги святаго». Когда его привели, и онъ
CCXLV припалъ къ ногамъ усопшаго, то сейчасъ же прозрѣлъ. Затѣмъ погребли святаго и прославили Бога.

О посмертныхъ чудесахъ Стефана надъ русскимъ княземъ, осаждавшимъ Сурожъ, и надъ царицею Анною рѣчь будетъ ниже, а теперь мы должны остановиться на оцѣнкѣ изложеннаго нами Житія.

Въ его содержаніи обращаетъ на себя вниманіе извѣстное родство не только по существу, но и въ выраженіяхъ съ краткою греческою Памятью. Яснѣе всего это родство обнаруживается въ началѣ того и другого текста. Здѣсь и тамъ указывается происхожденіе Стефана изъ Каппадокіи; тамъ и здѣсь названо самое селеніе, которое было для него родиною, хотя и съ варіантомъ въ чтеніи: въ греческомъ ‹Моривасъ›, въ славянскомъ Морисавъ и Моривасъ. Очевидно, что это одно и то же слово, и трудно сказать, гдѣ находится искаженіе неизвѣстнаго по другимъ источникамъ наименованія. Затѣмъ сейчасъ же обнаруживается другое отличіе при внутреннемъ сходствѣ. Хотя въ славянской редакціи тоже описываются успѣхи юнаго Стефана въ наукѣ духовной и свѣтской и называются предметы его занятій — отчасти одни и тѣ же съ греческою, но здѣсь нѣтъ упоминанія объ Аѳинахъ, и все совершается въ Константинополѣ. Въ обоихъ источникахъ основные факты въ жизни святаго слѣдуютъ въ одинаковомъ порядкѣ. Стефанъ постригается въ монахи, поставляется епископомъ Сурожу — тамъ и здѣсь патріархомъ Германомъ, при чемъ и въ болѣе краткомъ повѣствованіи дѣлается соотвѣтственное указаніе на долгіе поиски достойнаго кандидата на мѣсто умершаго архіепископа. Равнымъ образомъ и въ сурожской записи содержится указаніе на то, что новопоставленный епископъ, несмотря на болѣе раннее существованіе Сурожской каѳедры, долженъ былъ имѣть дѣло не только съ христіанами, но и съ невѣрными. Славяно-русское Житіе, нѣсколько даже противорѣча внутреннимъ образомъ само себѣ, доходитъ до того, что главную дѣятельность Стефана полагаетъ въ обращеніи еретиковъ и язычниковъ и прямо выражается, что
CCXLVI онъ крестилъ Сурожъ, какъ будто сходясь съ тою записью въ синаксаріѣ, гдѣ было сказано, что Стефанъ просвѣтилъ Сурожъ и сдѣлалъ ихъ христіанами (см. выше, стр. CCXI).

Такъ и здѣсь за подвигами Стефана въ Сурожѣ слѣдуетъ его столкновеніе съ царемъ-иконоборцемъ и говорится о началѣ гоненія на иконы, а мы знаемъ по Минологію Василія, что послѣдовательность событій могла представляться въ иномъ видѣ. Различіе славяно-русскаго памятника отъ греческой записи заключается здѣсь въ томъ, что въ немъ царь гонитель называется Львомъ Исавромъ, что̀ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ всему дальнѣйшему содержанію разсказа, тогда какъ въ греческомъ — нужно думать, по недоразумѣнію — предполагается Левъ Армянинъ. За то другое собственное имя, встрѣчающееся въ дальнѣйшей исторіи, несомнѣнно правильнѣе названо въ греческой записи, чѣмъ въ пространномъ славянскомъ Житіи. Виновницею освобожденія Стефана тамъ названа Ирина, и въ этомъ имени дѣйствительно можно признать историческую личность, находившуюся въ такомъ положеніи, что она могла съ успѣхомъ ходатайствовать за епископа Сурожскаго. Ириною называлась супруга царя Константина Копронима, дочь хазарскаго хагана, подъ властію котораго находилась несомнѣнно значительная часть Крыма, начиная съ Босфора или Керчи, а, вѣроятно, и самый Сурожъ. Славянское Житіе считаетъ ее дочерью керченскаго царя, что̀ можетъ означать хазарскаго хагана, и прямо называетъ женою Константина Копронима, въ томъ и другомъ отношеніи выражаясь съ большею опредѣлительностью, чѣмъ греческая запись, сообщающая только личное имя нѣкоторой жены; но, съ другой стороны, славянскій текстъ совершенно ошибается въ имени, такъ какъ Ѳеодоры не было въ числѣ нѣсколькихъ супругъ Константина Копронима, а называлась такъ жена гораздо болѣе ранняго императора, Юстиніана II, тоже дочь хазарскаго хагана. Ирина дѣйствительно могла говорить о Стефанѣ, какъ о нашемъ архіепископѣ, и по близости обоюдныхъ отношеній къ Хазаріи и по единству религіозныхъ убѣжденій, ибо вѣрность ея православію засвидѣтельствована надежными источниками[1]). Въ заключеніи CCXLVII
греческой записи сдѣлано указаніе на чудеса, которыя сотворилъ святой до успенія и послѣ успенія; въ славянскомъ Житіи разсказаны самыя чудеса.

1) Theophan. Chron., p. 409 sq. de Boor. <Ср. Фр. Вестберга въ Виз. Врем., XIV, 231>.

Выводъ отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, такой, что если оба наши повѣствованія предполагаютъ одинъ общій источникъ, объясняющій ихъ основное сходство, то уже этотъ источникъ представлялъ существенныя отступленія отъ тѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній о Стефанѣ, какія отражаются въ Минологіѣ Василія и въ церковныхъ службахъ святому; и, во-вторыхъ, не только по отношенію къ греческой записи, составленной, вѣроятно, по памяти, но и по отношенію къ славяно-русскому Житію должно имѣть мѣсто такое предположеніе, что пользованіе тутъ было не непосредственное, а настолько свободное, что каждому оставалась возможность дѣлать ошибки, какихъ избѣжалъ другой. Именно потому, что ошибки не общія, онѣ не могутъ быть отнесены на счетъ какого бы то ни было опредѣленнаго общаго подлинника. Есть, значитъ, въ славяно-русской редакціи нѣкоторая доля лично принадлежащаго ея автору, и, можетъ быть, она состоитъ не въ однихъ только не намѣренныхъ ошибкахъ относительно собственныхъ именъ, но и еще въ чемъ-нибудь, напримѣръ, въ пропускахъ и дополненіяхъ. Хотя мы и склоняемся къ мнѣнію, что упоминаніе объ Аѳинахъ въ греческомъ сказаніи есть прибавка сурожанина, но пока съ такимъ же правомъ можетъ быть сдѣлано и другое предположеніе, что тутъ есть пропускъ въ русской редакціи. Дополненіями и нѣкоторымъ сочинительствомъ въ русскомъ духѣ отзываются многія мѣста въ разсказѣ объ иконоборческомъ гоненіи. Не говоримъ о томъ, что въ нашемъ подробномъ разсказѣ дѣйствія Льва Исаврійскаго рисуются въ слишкомъ рѣзкомъ и грубомъ видѣ; важнѣе то обстоятельство, что въ представленіи нашего писателя иконоборцы являются врагами не только образовъ, но и креста, сокрушаютъ и попираютъ кресты
CCXLVIII на ряду съ иконами; а вѣдь это до такой степени ложно, что уже никакъ не могло быть сказано въ произведеніи сколько-нибудь литературно-образованнаго византійца. Мы имѣли случай говорить объ отношеніи иконоборцевъ къ почитанію креста, и показали, что они не только не отвергали его, но напротивъ выдвигали впередъ съ особенною ревностью, противопоставляя иконамъ [1]). Русскій стиль, повидимому, сказывается совершенно

1) См. выше стр. LXIX сл.

кстати и при описаніи мученій, которымъ подвергались иконопочитатели, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ честная глава, ясныя уста, слезы горкія, градъ, аки въ клубъ свился (гл. 22). Далѣе, въ подробномъ русскомъ Житіи сами собою бросаются въ глаза довольно странныя вставки изъ другихъ источниковъ, притомъ такія, что слѣдовъ ихъ не замѣтно въ греческой краткой записи. Въ девятнадцатой главѣ патріархъ Германъ говоритъ Льву Исавру, что есть такое предсказаніе («пишетъ бо ся»), что возстанетъ нѣкогда царь иконоборецъ, но пусть этого не будетъ при твоей державѣ. Это напоминаетъ извѣстную бесѣду царя Льва съ патріархомъ Германомъ, изложенную въ хроникѣ Ѳеофана. Ѳеофанъ пишетъ:

«Германъ замѣтилъ царю: «Изъ одного предсказанія мы знаемъ, что дѣйствительно когда-то будетъ уничтоженіе иконъ, но только не въ твое царствованіе». Императоръ пожелалъ узнать имя царя, при которомъ предсказаніе должно было совершиться. Отвѣтъ Германа былъ: «При Кононѣ». «Но», объявилъ царь, — «мое имя, данное мнѣ при крещеніи, есть въ самомъ дѣлѣ Кононъ». Удивленный патріархъ съ горестью произнесъ: «Да не будетъ, государь, чтобы зло это совершилось въ твое царствованіе, ибо имѣющій исполнить предсказаніе есть предтеча Антихриста и разрушитель божественнаго домостроительства» [1]).

Посмотрите, что̀ сдѣлалъ съ этимъ столь извѣстнымъ разсказомъ нашъ списатель. Намекнувъ на него въ связи съ личностью CCXLIX
патріарха Германа, онъ потомъ ниже весь разсказъ всецѣло приложилъ (въ главѣ 26-й) къ Стефану Сурожскому; не Германъ, а Стефанъ Сурожскій говоритъ у него: «Мы въ книгахъ находимъ, въ Цариградѣ настанетъ царь поганый иконоборецъ, пожигая иконы и кресты Господня: Богъ сего не сътворитъ въ твое царство. И рече царь: аще еси правъ, рци имя царя того. Отвѣщавъ святый рече: Кононъ. Царь рече: право, Стефане, нашелъ еси: Кононъ отецъ и мати нарекли имя мнѣ. Отвѣщавъ

---

1) Theophan., p. 407; Georg. mon., p. 741 de Boor. Тотъ же самый разсказъ и въ Житіи патріарха Германа, изданномъ Пападопуло-Керамевсомъ въ приложеніи къ XV тому Константинопольскаго Филологическаго Силлога (1884 г.), p. 11, § 13.

святый Стефанъ: Богъ сего въ твое царство да не сътворитъ; а иже тако твориши предтеча еси антихристовъ». Не есть ли это пріемъ довольно наивнаго начетчика, и притомъ русскаго, такъ какъ нельзя вообразить себѣ, чтобы грекъ столь щедро расточалъ эпитетъ «поганый», въ его языкѣ весьма рѣдкій? Вотъ еще подобный примѣръ: русское Житіе заставляетъ Стефана говорить Сурожанамъ о тяжести епископскаго сана и при этомъ ссылаться на примѣръ папы Льва, невѣрно называемаго первымъ настольникомъ римскимъ; избранный въ епископы, онъ 40 дней пробылъ у гроба апостола Петра въ постѣ и молитвѣ, чтобы тотъ испросилъ ему прощеніе у Бога за прежнія его прегрѣшенія; по истеченіи 40 дней явился ему апостолъ и сказалъ, что отпускаются ему всѣ грѣхи, кромѣ священства (кромѣ тѣхъ, которые сдѣланы послѣ посвященія въ этотъ санъ), и что за одни эти онъ будетъ истязанъ (гл. 14). Но дѣло въ томъ, что эти слова сказаны были совсѣмъ другимъ лицомъ; они буквально заимствованы изъ Духовнаго Луга Іоанна Мосха (VII-го вѣка), гдѣ приписаны аввѣ Аммосу, избранному въ патріарха іерусалимскаго. Онъ говоритъ отцамъ:

Молитеся Богу о мнѣ, яко
велико бремя и тяжко носити
поручено ми бысть, и страшитъ
мя дѣло старѣйшинства священію
не малы. Петру бо и Павлу
CCL и Моисеу, таковымъ есть пасти
душа словесныя --

Обрѣтохъ бо еже писано, яко божественый честный папа Левъ, иже Римляномъ бысть пръвый настольникъ, до 40 дьній пребысть у гроба святаго апостола Петра въ молитвѣ и въ постѣ пребывая, моля апостола и т. д.

Εὔξασθέ μοι, πατέρες, ὅτι μέγα φορτίον καὶ δυσβάστακτον ἐνεχειρίσθην, καὶ φοβεῖ με τὸ πρᾶγμα τῆς πατριαρχίας οὐ μετρίως. Πέτρου γὰρ καὶ Παύλου καὶ Μωϋσέως, καὶ τῶν τοιούτων ἐστὶν τὸ ποιμαίνειν ψυχὰς λογικάς.

Εὗρον γὰρ ἐγγράφως, ὅτι ὁ μακάριος, φησὶ, Λέων, ὁ τῆς Ῥωμαίων ἐκκλησίας γενόμενος πρόεδρος, ἐπὶ τεσσαράκοντα ἡμέρας παρέμενε τῷ τάφῳ τοῦ ἀποστόλου Πέτρου νηστείαις καὶ δεήσεσι προσκαρτερῶν, αἰτῶν τὸν ἀπόστολον и т. д. [1]).

---

1) Ioannis Moschi Pratum Spirituale, cap. 149 (Patr. gr., t. 87^3, col. 3013).

«Лугъ Духовный», когда писалось Житіе Стефана, суще-
ствовалъ уже давно и въ славянскомъ переводѣ; статья объ
Аммосѣ встрѣчалась, вѣроятно, въ Прологахъ: теперь она нахо-
дится и въ Макарьевской Минеѣ за ноябрь мѣсяцъ, повторенная
даже дважды въ видѣ отдѣльной статьи, при чемъ вмѣсто имени
Льва тамъ стоитъ почему-то Павелъ.

Было высказано, что Житіе Стефана Сурожскаго, сколько
оно извѣстно было по русскимъ источникамъ, представляетъ
много чертъ общихъ съ древне-греческимъ Житіемъ Стефана
Новаго. Мы должны замѣтить, что мнѣніе это, если оно пред-
полагаетъ какія-либо заимствованія и перемѣщенія подробностей
изъ одного въ другое, оказывается совершенно несправедливымъ.
Ничего общаго между Житіемъ Стефана Новаго и Стефана Су-
рожскаго нѣтъ, кромѣ того развѣ, что въ обоихъ говорится о
патріархѣ Германѣ, о началѣ гоненія на иконы при Львѣ Исаврѣ
и т. д.; но говорится о всемъ этомъ совершенно различно въ
каждомъ изъ Житій. Какъ извѣстно, Житіе Стефана Новаго,
написанное около 808 года, принадлежитъ очень образованному
автору и отличается столь высокими историческими достоин-
ствами, что можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ источниковъ
для изученія эпохи иконоборства; хотя оно и не чуждо бранныхъ
выходокъ и ругательныхъ эпитетовъ по адресу царей-иконобор-
цевъ, но, конечно, его авторъ никогда не въ состояніи былъ CCLI
дойти до такихъ нелѣпостей, чтобы приписывать поруганіе
креста иконоборцамъ, которые всетаки оставались христіанами.
Хронологическія данныя жизни Стефана Новаго, константино-
польскаго мученика, совершенно отличны отъ такихъ же дан-
ныхъ, касающихся жизни сурожскаго угодника. Стефанъ Новый,
по указанію его жизнеописанія, въ 716 году только что родился;
безплодная прежде мать его получила обѣтованіе о разрѣшеніи
неплодія отъ патріарха Германа, именно въ день его вступленія
въ Константинополь, послѣ перемѣщенія изъ Кизика, въ церкви
св. Софіи (августъ 715 г.). Конечно, и всѣ дальнѣйшія даты
не могутъ совпадать и не совпадаютъ. Точно такъ же трудно
указать какія-либо особенныя родственныя черты, помимо
общаго упоминанія о гоненіи и гонителѣ, между нашимъ Жи-
тіемъ и Актами св. Андрея въ Крисѣ, изданными въ новѣйшее

время[1]). Сходство заключается развѣ только въ томъ, что и Андрей предпринялъ путешествіе съ острова Крита, своей родины, въ столицу ради обличенія царя-иконоборца, какъ это сдѣлалъ Стефанъ, отправившійся съ тою же цѣлью изъ Сурожа. Но, повторяемъ, такое сходство имѣетъ слишкомъ общій характеръ и вовсе не можетъ вести къ предположенію о заимствованіи. Собственно для изобра-
CCLII женія начальнаго періода иконоборства нашъ анонимный списатель едва ли имѣлъ какіе особенные источники, помимо общаго запаса своихъ свѣдѣній и общей начитанности въ исторіи церкви, въ Житіяхъ святыхъ и т. п.; при этомъ матеріаломъ, хранившимся въ его памяти, онъ распоряжался очень свободно, такъ что приписывалъ своему герою дѣла и рѣчи, завѣдомо принадлежавшія другимъ. Одно сообщеніе имѣетъ на первый взглядъ нѣкоторое подобіе спеціальнаго историческаго факта, неизвѣстнаго другимъ источникамъ. Мы имѣемъ въ виду замѣчаніе, сдѣланное мимоходомъ (въ главѣ 23) объ убіеніи Львомъ Исавромъ сына Θеодосіева и съ нимъ трехъ сотъ бояръ. Предполагается, что это было послѣ низложенія патріарха Германа и возведенія на его мѣсто Анастасія, то есть, послѣ 730 года «рати бывшей»[2]). Между тѣмъ сынъ императора Θеодосія попался въ плѣнъ Льву Исавру еще тогда, когда этотъ послѣдній выступилъ претендентомъ на престолъ: именно это событіе было въ числѣ причинъ, ускорившихъ развязку борьбы и отреченіе Θеодосія въ пользу Льва (716). Мало того, наиболѣе достовѣрный источникъ, Θео-

1) Сказаніе о мученіи св. Андрея въ Крисѣ (*ἐν Κρίσει*, мѣсто въ Константинополѣ) издано въ двухъ греческихъ редакціяхъ въ Дѣяніяхъ Святыхъ: Acta Sanctorum, Octobris tom. VIII (Parisiis et Romae, 1869), p. 142 sqq., а также Patr. gr., 115, 1082 sq. Андрей пострадалъ однимъ мѣсяцемъ ранѣе Стефана Новаго, именно 20-го октября 767 года: См. Hefele, Conciliengeschichte (2-te Aufl.), III, 425 сл. — Предположеніе о родствѣ Житія Стефана Сурожскаго съ греческими Актами Андрея, а равно съ жизнеописаніемъ Стефана Новаго съ большою опредѣленностью высказано было И. И. Мартыновымъ въ его извѣстномъ изданіи, вошедшемъ въ составъ Acta Sanctorum — Annus ecclesiasticus graeco-slavicus, гдѣ на стр. 308 (подъ 15-мъ декабря) мы читаемъ слѣдующее: Demum videtur scriptor slavus ea duntaxat novisse quae in Menologio Basilii ad diem 28 Novembris de S. Stephano Sugdaeensi referuntur; ea autem nimis jejuna habuisse; et propterea ex Vitis S. Stephani junioris et maxime S. Andreae in Crisi multas desumpsisse partes, quibus S. Stephanum Sugdaeensem, in Surožiensem culpa librariorum mutatum, ornaret: unde intelligatur, quomodo Acta haec seu Passio tot bonis rebus abundet, et simul tam parum cohaereat...

2) ‹Ср. Фр. Вестберга въ Виз. Врем., XIV, 230›.

фанъ, прямо говоритъ, что послѣ отреченія сынъ и отецъ были посвящены въ духовное званіе, сдѣлались клириками, и остальное время своей жизни провели спокойно[1]). Итакъ самостоятельное сообщеніе Житія совсѣмъ невѣрно и появилось на свѣтъ, вѣроятно, опять вслѣдствіе какой-нибудь путаницы въ припоминаніи читаннаго.

Послѣ этого весьма позволительно заподозрить подлинность и умѣстность въ Житіи сурожскаго святаго такихъ подробностей, которыя на первый взглядъ кажутся драгоцѣнными въ качествѣ живыхъ бытовыхъ чертъ городской жизни въ Тавридѣ византійскаго періода, а по здравомъ размышленіи представляются слишкомъ роскошнымъ анахронизмомъ, напоминающимъ о совершенно другой эпохѣ и о другихъ мѣстахъ. Мы имѣемъ въ виду торжественную встрѣчу Стефану (гл. 14) при первомъ его въѣздѣ въ Сурожъ: рукоплесканія, маханія краями одеждъ, убрусами и вѣн- CCLIII
ками; бесѣды Стефана съ народомъ при помощи переводчиковъ, которые знали два языка (гл. 15) — предполагаютъ (преосв. Порфирій) греческій и хазарскій, — и особенно театральныя зрѣлища и конныя ристалища, очень, будто бы, обычныя въ тогдашнемъ Судакѣ (гл. 16); массы народа, стекающіяся изъ окрестностей (гл. 17). Думаемъ, что такъ разыграться могло воображеніе развѣ только на далекомъ разстояніи отъ Сурожа.

Кромѣ обильнаго развитія подробностей, русская редакція обладаетъ еще одною особенностью — цѣлымъ рядомъ хронологическихъ указаній, относящихся къ біографіи святаго. На эти хронологическія указанія давно обращено вниманіе тѣми учеными, которые читали или могли читать не изданный текстъ Житія Стефана Сурожскаго, потому что они замѣчательны своею явною несообразностью, полнымъ противорѣчіемъ съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей, какъ онъ представленъ даже въ самомъ Житіи. Говорится (гл. 1), что Стефанъ прибылъ изъ Каппадокіи въ Царьградъ въ лѣто Θеодосія царя Андраминдина; Θеодосій царствовалъ дѣйствительно немного болѣе года (отъ марта 716 до лѣта 717), и въ хроникахъ ему дается именно

1) Theophan., p. 390,24: *Θεοδόσιος δὲ σὺν τῷ υἱῷ αὐτοῦ κληρικοὶ γεγονότες τὸν ὑπόλοιπον χρόνον τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν εἰρήνῃ διῆξαν.* Cp. Niceph. Breviar., p. 52,19 de Boor.: *ἀβλαβῶς ἰδιωτεῦσαι.*

только одинъ годъ (Ѳеофанъ, Никифоръ патріархъ, Зонара); такъ какъ прибывшему было тогда пятнадцать лѣтъ, то рожденіе Стефана нужно относить къ самымъ первымъ годамъ столѣтія, къ 700 и 701 году. Германъ въ 716 году уже занималъ патріаршій престолъ, будучи переведенъ на эту каѳедру изъ Кизика въ августѣ 715 года въ правленіе Артемія (Theophan., 384,20 sqq. de Boor); слѣдовательно, первоначальное хронологическое опредѣленіе нашего источника можно считать вполнѣ правильнымъ. Но пойдемъ далѣе. Стефанъ, пробывъ въ Константинополѣ пятнадцать лѣтъ, принялъ монашество и провелъ въ избранномъ монастырѣ тридцать лѣтъ (гл. 2): послѣдняя, наиболѣе высокая, цифра не можетъ считаться ошибочно написанною или сомнительною уже потому, что она повторена въ Житіи и ниже (въ главѣ 4). По истеченіи означеннаго времени, то есть, сорока
CCLIV пяти лѣтъ послѣ прибытія въ Константинополь, слѣдовательно, въ 767 году, Стефанъ поставляется въ епископы Сурожу, избранный и рукоположенный патріархомъ Германомъ, — какъ далѣе явствуетъ, — будто бы еще до начала гоненія на иконы, воздвигнутаго Львомъ Исавромъ. Однако, такія сопоставленія совсѣмъ невозможны: въ 761 году уже и помина не было ни о патріархѣ Германѣ, оставившемъ патріаршій престолъ въ 730 году, ни о царѣ Львѣ Исаврійскомъ, скончавшемся въ 741 году, а начало гоненія на иконы слѣдуетъ считать съ 726 года, черезъ десять лѣтъ послѣ прибытія Стефана въ Царьградъ, а не черезъ сорокъ-пять [1]).

Сверхъ того, въ славяно-русскомъ Житіи предполагается, что, проведя въ Сурожѣ пять лѣтъ и явившись въ столицу приблизительно въ 767 году, Стефанъ не только нашелъ въ живыхъ Льва Исавра, но даже обличалъ его въ ереси и потерпѣлъ отъ него разныя мученія и заключеніе въ темницу; однако, въ 767 году уже съ давняго времени царствовалъ Константинъ Копронимъ, именно около этого времени — отъ 766 по 779 г. — съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовавшій монаховъ, главныхъ защитниковъ иконопочитанія. Чѣмъ же объяснить такія несообразности? Мы знаемъ, что дѣлались попытки всю вину

1) ‹Ср. Фр. Вестберга въ Виз. Врем., XIV, 229›.

взвалить на ошибки писцовъ, но это, во-первыхъ, невѣроятно потому, что, какъ сказано, главная цифра повторяется, и притомъ, чтеніе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ рукописей здѣсь одинаково; во-вторыхъ, предлагавшіяся исправленія оказываются неудачными и не достигающими цѣли. Если мы исправимъ только вторую цифру 30 на 4, предполагая, что переписчикъ написалъ Λ вмѣсто Δ, то окажется, что Стефанъ былъ поставленъ въ епископы городу Сурожу въ 735 году; но тогда уже началось преслѣдованіе иконъ, и Левъ Исавръ заявилъ себя злымъ еретикомъ, а между тѣмъ въ Житіи предполагается, что царь въ это время былъ расположенъ къ Стефану и единодушенъ съ православнымъ патріархомъ Германомъ, что онъ даже далъ свой корабль для отправленія Стефана въ Сурожъ. Если мы исправимъ и другую цифру, то есть, вмѣсто 15 годовъ пребыванія въ Царьградѣ будемъ считать только пять, предполагая, что переписчикъ ошибочно по- CCLV
ставилъ ІЕ̅ вмѣсто Е̅, то посвященіе Стефана въ епископы будетъ относиться къ 725 году; но тогда онъ былъ бы слишкомъ молодъ для архіерейства, и возведеніе его въ этотъ санъ было бы противно церковнымъ канонамъ. Намъ, напротивъ, кажется, что всѣ цифры надобно оставить такъ, какъ онѣ есть, что онѣ имѣютъ свою особую достовѣрность; и это будетъ очевидно сейчасъ же, какъ только мы обратимся къ первоначальнымъ, наиболѣе подлиннымъ извѣстіямъ о Стефанѣ Сурожскомъ. По этимъ извѣстіямъ, онъ ранѣе своего удаленія въ Крымъ обличалъ не Льва Исавра, а Константина Копронима, и пострадалъ почти въ одно время съ Стефаномъ Новымъ, то есть, въ 767 году[1]). Какъ мы

1) Обширное и весьма тщательное изслѣдованіе о хронологіи гоненія при Константинѣ Копронимѣ и, между прочимъ, о годѣ мученической смерти Стефана Новаго находимъ въ VIII томѣ Дѣяній Святыхъ за октябрь мѣсяцъ въ Предварительномъ Комментаріи (Commentarius praevius) къ Актамъ Андрея въ Крисѣ. Болландисты доказываютъ необходимость относить смерть Стефана Новаго къ 767 году, вопреки Θеофану и Никифору, которые помѣщаютъ ее подъ 765 годомъ (Theophan., I, 436 = 6257 VII индик.). Дѣйствительно, въ большей части рукописей его Житія, написаннаго около 808 года, притомъ въ лучшихъ и наиболѣе древнихъ, говорится, что Стефанъ пострадалъ на пятьдесятъ третьемъ году своей жизни, и только въ бенедиктинскомъ изданіи Житія отмѣченъ варіантъ, указывающій на пятидесятый годъ. Такъ, въ синодальномъ московскомъ кодексѣ № 162 (по каталогу Маттеи), относящемся къ X или XI вѣку, мы находимъ (fol. 44 r.) слѣдующее чтеніе: *ἐτελειώθη - - τῷ πεντηκοστῷ τρίτῳ χρόνῳ τῆς αὐτοῦ ἡλικίας*. Равнымъ образомъ въ другой редакціи Житія, представляю-

уже видѣли, по разсчету хронологическихъ замѣтокъ въ русскомъ Житіи столкновеніе Стефана Сурожскаго съ Копронимомъ будетъ приходиться именно на 767 годъ (701 + 15 + 15 + 30 + 5) или на слѣдующій. Наша мысль заключается въ томъ, что въ Житіи невѣрны собственно подробности, заимствованныя, очевидно, изъ посторонняго источника и вставленныя совершенно не къ мѣсту и неудачно въ хронологическія рамки, уже ранѣе су-
CCLVI ществовавшія. Въ увлеченіи сочинительствомъ наивный компиляторъ не замѣчалъ и не отдавалъ себѣ отчета въ нагромождаемыхъ имъ противорѣчіяхъ, не чувствовалъ того, что его факты совсѣмъ не укладываются въ тѣ рамки, которыя, очевидно, даны были ранѣе и которыя онъ считалъ для себя обязательными...

VI.

Заимствованія изъ Житій Іоанна Златоустаго и Петра митрополита.

Изъ наблюденій и замѣчаній, сдѣланныхъ въ предыдущей главѣ, мы отчасти познакомились съ литературными пріемами автора Житія Стефана Сурожскаго; имѣя предъ собою какую-то неизвѣстную, но, очевидно, довольно скудную въ фактическомъ отношеніи основу, онъ не затруднялся восполнять недостатокъ подробностей изъ другихъ, постороннихъ источниковъ, даже совершенно чуждыхъ предмету. Такъ, онъ сдѣлалъ заимствованія изъ сказанія о Германѣ патріархѣ, приписавъ своему герою то, что̀ принадлежало Герману; такъ, онъ сдѣлалъ вставку изъ Патерика (Духовнаго Луга), въ которой опять чужія слова вложены въ уста Стефана Сурожскаго, и притомъ довольно некстати. Новые изслѣдователи, не замѣтивъ сейчасъ указанныхъ заимствованій, предполагали другія, но такія, какихъ, на повѣрку, въ дѣйствительности не оказывается: говоримъ о мнимомъ родствѣ нашего памятника съ Житіями Стефана Новаго и Андрея

щей, вѣроятно, переработку Метафраста, рукописное чтеніе удерживаетъ тѣ же 53 года. См. Codex Paris. № 1525, fol. 404 r.: *τελειοῦται δὲ - - ὁ πολύαθλος ὄντως Στέφανος τρία καὶ πεντήκοντα γεγονὼς ἔτη*. Выше было указано, что Стефанъ Новый, по совершенно отчетливому показанію его жизнеописанія, родился въ 715 или въ 716 году.

въ Крисѣ. Теперь мы должны обратить вниманіе на другой, тоже
не замѣченный и еще болѣе поразительный фактъ — цѣлаго ряда
заимствованій, совершенныхъ неизвѣстнымъ авторомъ славяно-
русской редакціи Житія Стефана Сурожскаго изъ одного и
того же источника и въ столь обширныхъ размѣрахъ, что они
сообщаютъ его произведенію характеръ литературнаго плагіата.
Этотъ источникъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ Житіе Іоанна
Златоустаго, — правда, не то, которое было написано Палладіемъ
и пользуется теперь наибольшимъ уваженіемъ и распространен-
ностью, а напротивъ, довольно апокрифическое по своему со-
держанію, отвергнутое наукою и теперь мало извѣстное произ-
веденіе Георгія Александрійскаго. Георгій былъ патріархомъ въ CCLVII
Александріи послѣ Іоанна Милостиваго и ранѣе Кира, то есть,
въ началѣ седьмого вѣка; онъ упоминается въ хроникахъ Ѳео-
фана и Евтихія Александрійскаго, въ перечисленіи патріарховъ
у патріарха Никифора; онъ оставилъ свой престолъ, повидимому,
послѣ завоеванія Палестины Сарацинами и предъ нашествіемъ
ихъ на Египетъ. Кончину его обыкновенно относятъ къ 630 году
(Baronius, Pagi, Le Quien, Clinton). По свидѣтельству Фотія,
Георгій Александрійскій составилъ подробное жизнеописаніе
Іоанна Златоустаго, компилируя Палладія, Сократа и другихъ
(τὰ περὶ τὸν Χρυσόστομον); при этомъ, ученый константинополь-
скій патріархъ, сообщивъ довольно подробный отчетъ о сочиненіи
Георгія, произноситъ неодобрительное сужденіе о стилѣ его и,
въ заключеніе, прибавляетъ замѣчаніе, что авторъ не мало по-
грѣшилъ противъ исторіи *(οὐκ ὀλίγα παριστορῶν).* Греческій
подлинникъ Житія изданъ былъ только однажды Генрихомъ Се-
вилемъ въ 1612 году въ Оксфордскомъ собраніи трудовъ Іоанна
Златоустаго[1]); ни Монфоконъ, ни аббатъ Минь не считали нуж-
нымъ его перепечатывать. Въ былое время на Руси сочиненіе
Георгія пользовалось также большимъ уваженіемъ: оно нерѣдко

1) *Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου τῶν εὑρισκομένων τόμος ὄγδοος* (VIII). *Δι' ἐπιμελείας καὶ ἀναλωμάτων Ερρικου τοῦ Σαβιλιου* (Savile) *ἐκ παλαιῶν ἀντιγράφων ἐκδοθείς.* Etonae, in Collegio Regali. Excudebat Ioannes Norton, in Graecis et cet. Regius typographus. Anno MDCXII. На экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки, поступившемъ изъ собранія Залускаго, значится, что онъ принадлежалъ первоначально знаменитому Кольберу (Bibliothecae Colbertinae).

встрѣчается въ старинныхъ славяно-русскихъ рукописяхъ и вошло въ составъ Макаріевской Минеи за ноябрь мѣсяцъ. Такъ какъ мы пока не знаемъ, когда и кѣмъ составлено подробное Житіе Стефана Сурожскаго, было ли оно первоначально написано по-гречески грекомъ или по-славянски русскимъ, то само собою разумѣется, что при сличеніи его съ жизнеописаніемъ Іоанна Златоустаго мы должны прежде всего имѣть въ виду греческій текстъ этого послѣдняго сочиненія. Оказывается, что уже въ
CCLVIII первой главѣ Сурожскаго Житія, гдѣ идетъ рѣчь о воспитаніи и обученіи Стефана, многое буквально взято изъ Житія Іоанна Златоустаго, и что оттуда же ведутъ свое начало различныя характеристичныя выраженія и сравненія и нѣкоторыя сентенціи. Одинъ отрывокъ совершенно тожественъ съ размышленіемъ Созомена, вставленнымъ въ его разсказъ объ Іоаннѣ Златоустѣ. Но хотя этого отрывка и нѣтъ въ греческой редакціи, напечатанной Севилемъ, мы все-таки думаемъ, что онъ вставленъ не нашимъ авторомъ, не сочинителемъ Житія Стефана Сурожскаго, а уже найденъ былъ компиляторомъ въ находившемся подъ его руками источникѣ, то есть, въ Житіи Іоанна Златоустаго. Главы отъ 3-й до 9-й, въ коихъ повѣствуется о выборахъ новаго пастыря для Сурожа, о видѣніи Германа патріарха, о явленіи ангела Стефану, о сопротивленіи послѣдняго, о посольствѣ къ Стефану отъ Германа, о новомъ сопротивленіи избранника и затѣмъ объ его согласіи, все это написано по сочиненію Георгія Александрійскаго, при чемъ иногда заимствуются буквально и сплошь цѣлыя страницы. Поставленіе Стефана, прибытіе его въ Сурожъ, торжественная встрѣча, съ тѣми любопытными бытовыми подробностями, о которыхъ мы упоминали, равно какъ столь же интересныя на первый взглядъ свѣдѣнія о дѣятельности Стефана въ Сурожѣ, объ успѣхахъ его проповѣди, совершаемой при помощи переводчиковъ и заставляющей забывать о конскихъ ристалищахъ, все это, увы, должно быть относимо къ Антіохіи и Константинополю, а не къ Сурожу и Крыму, такъ какъ первоначально написано было объ Іоаннѣ Златоустомъ. Слѣдуетъ затѣмъ отдѣлъ о началѣ иконоборства и о Львѣ Исаврѣ. Здѣсь авторъ Житія былъ предоставленъ собственнымъ силамъ, такъ какъ Георгій Александрійскій въ Житіи Златоуста вдвойнѣ не

имѣлъ возможности заниматься этою эпохою. Авторъ, дѣйствительно, сочинялъ многое самъ, но тѣмъ не менѣе онъ и здѣсь все-таки сумѣлъ извлечь пользу изъ своего излюбленнаго источника: поученіе патріарха къ царю, составляющее содержаніе 20-й главы, заимствовано изъ Житія Златоуста. Еще разъ обратился къ первоначальному своему руководителю списатель-плагіаторъ Житія Стефана въ самомъ концѣ сочиненія, послѣ разсказа объ его чудесахъ: хвалебное прославленіе Стефана въ ccLIX
концѣ главы 32-й опять заимствовано у Георгія Александрійскаго. Для большей убѣдительности и наглядности мы считаемъ необходимымъ привести рядомъ оба текста — славянскій и греческій.

Греческій текстъ взятъ изъ вышеозначеннаго восьмого тома сочиненій Златоустаго въ изданія Севиля.

(Глава 1, стр. 78,1:) прилежати нача тоу ѕѣлѡ книжному почитанію скоро в҆ себе въвлече ꙗко гоуба водоу.

VIII. 161: *ἐπιμελῶς οὖν κἀκεῖ σχολάζων τῇ μελέτῃ τῶν ἀναγνωσμάτων -- ἐν βραχεῖ καιρῷ ἀνιμᾶται, καθάπερ σπόγγος ὕδωρ.*

(стр. 78,7:) бѣаше бѡ душа его и лице ѡсвященно духомь.

VIII. 163: *ἦν γὰρ αὐτοῦ ἡ ψυχὴ καὶ τὸ πρόσωπον κατηγλαϊσμένον τῇ τοῦ ἁγίου πνεύματος χάριτι.*

(стр. 78,7:) не точію бѣаше исполненъ человѣческыя мудрости, но и божественнаго разоума.

VIII. 161: *ἦν πλήρης οὐ μόνον ἀνθρωπίνης σοφίας, ἀλλὰ καὶ θεϊκῆς συνέσεως...*

(стр. 78,9:) слово бѡ дѣлы добрыми оутворено вѣры достойно творить. а безъ дѣлъ добрыхъ роугателя и лестьца и своихъ словесъ коудителя ꙗвляетъ глаголющаго. аще и ѕѣлѡ подвижится оуча. а семоу чюдномоу моужоу ѡбое то

Sozomenus, VIII, 2,4: *λόγος γὰρ ὑπὸ τῶν ἔργων κοσμούμενος πίστεως ἄξιος εἰκότως φαίνεται· ἄνευ δὲ τούτων, εἴρωνα καὶ τῶν ἰδίων λόγων κατήγορον ἀποφαίνει τὸν λέγοντα, κἂν σπουδάζῃ διδάσκων. τῷ δὲ κατ' ἀμφότερα εὐδοκιμεῖν προσῆν· ἀγωγῇ*

бѣаше. еже хитрѣ оучити и добра дѣла имѣти.

(стр. 78,14:) но понеже про-
слыло имя его во всемъ Цари-
CCLX градѣ. ѡ моудрости и ѡ ра-
зоумѣ и ѡ смѣреніи его. бѣаше
бѡ оумъ си възнося на духов-
ныя разоумы подвизаашеся
зѣло. да ничтоже его - - гонь-
знеть. (Глава 2, стр. 78,22:)
ꙗко до конца извыклъ бѣ вся
хитрости, ничто же бѡ его
гон҆зе.

(стр. 78,23:) повелѣ емоу часто приближатися себѣ же и церкви поспѣшеніа. наипаче любити й нача. и възлюби добротоу сердца его.

(стр. 78,30:) паче добрѣйши съвратитися въ молчащее жытіе.

(Глава 4, стр. 79,18:) Германоу же патріархоу нощію бдящоу. и ѡбычноую пѣснь поющоу. нощнаго правленіа молящоу Бога. ꙗвися ему ангелъ Господень и глагола к немоу. въставъ заоутра и посли идѣже избран҆никъ Божій именемъ Стефанъ. имать оуже 30 лѣтъ въ ѡномъ мѣстѣ темнѣмъ. ти того приведъ постави архіепископа Сурожу. хощетъ бѡ Богъ имъ многы люди ѡсвѣтити. и на оувѣданіе себѣ привести. и показати его единосоущенъ апо-

μὲν γὰρ βίου σώφρονι καὶ πολιτείᾳ ἀκριβεῖ ἐχρῆτο, φράσει δὲ λόγου σαφεῖ.

VIII. 166: *ἐπειδὴ δὲ ἐξάκουστον ἐγένετο τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἐν πάσῃ τῇ περιχώρῳ ἐκείνῃ, περί τε τῆς σοφίας καὶ συνέσεως καὶ ταπεινοφροσύνης αὐτοῦ, καὶ ὅπως εἰς ἄκρον ἐξήσκησε πᾶσαν τὴν τῶν Ἑλλήνων παίδευσιν (οὐδὲν γὰρ αὐτὸν ἐλάνθανε).*

VIII. 167: *ἐπιτρέπει αὐτῷ συχνῶς πλησιάζειν αὐτῷ τε καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ, ἐρασθεὶς τοῦ κάλλους τῆς τούτου καρδίας.*

VIII. 166: *ἐπὶ τὸν ἡσύχιον μᾶλλον ἐτρέπετο.*

VIII. 176: *ἐκτελοῦντος τὸν νυκτερινὸν κανόνα τῆς ψαλμῳδίας, ὤφθη αὐτῷ ἄγγελος Κυρίου λέγων πρὸς αὐτόν. ἀναστὰς ἕωθεν παραγενοῦ ἐν τῷ μοναστηρίῳ, ἔνθα ἐστὶν ὁ ἐκλεκτὸς τοῦ Θεοῦ Ἰωάννης, καὶ τοῦτον ἀγαγὼν ἐν τῇ πόλει, χειροτόνησον αὐτὸν πρεσβύτερον. μέλλει γὰρ ὁ Θεὸς δι᾽ αὐτοῦ πολὺν λαὸν φωτίσαι, καὶ εἰς ἐπίγνωσιν αὐτοῦ ἀγαγεῖν, καὶ ἀναδεῖξαι αὐτὸν ἄλλον νέον ἀπόστολον. σκεῦος γὰρ ἐκλογῆς ὑπάρχει. ἰδοὺ δὲ καὶ πρὸς αὐτὸν ἀπεστάλην*

столъ. съсудъ из̾бранъ есть Христоу Богу. и к нему посланъ есмь ѡтъ Бога. повелѣти ему не ѡслоушатися тебе ни при чемже. но сътворити в̾се глаголемое ему ѡтъ тебе -- (Глава 5, стр. 80,4:) Бѣаше же блажен̾ный в той часъ в темнѣмъ мѣстѣ ѡномъ творя ѡбычныя молитвы съ умиленіемъ къ Богу. внезапу же оубѡ пріиде къ немоу аггелъ Господень въ ѡдежи свѣтлѣ. его же оубояв̾ся зѣлѡ и паде на земли трепеща весь. емъ же и̓ аггелъ за роукоу въстави и̓, глаголя. въстани не бойся

παρὰ τοῦ Θεοῦ ἐντείλασθαι αὐτῷ μὴ παρακοῦσαί σου ἔν τινι, ἀλλὰ ποιῆσαι πάντα τὰ λεγόμενα αὐτῷ παρὰ σοῦ. ἦν δὲ καὶ ὁ μακάριος Ἰωάννης ἐν τῷ ἀναχωρητικῷ αὐτοῦ κελλίῳ ἐκτελῶν τὰς εἰθισμένας αὐτῷ εὐχὰς καὶ δεήσεις πρὸς τὸν Θεόν. ἐξαίφνης οὖν παρέστη αὐτῷ ἄγγελος Κυρίου ἐν ἐσθῆτι λαμπρᾷ, ὃν θεασάμενος καὶ πτοηθεὶς σφόδρα, ἔπεσεν ἐπὶ τῆς γῆς, ἔντρομος γεγονὼς ὅλος. ἐπιλαβόμενος δὲ τῆς χειρὸς αὐτοῦ ὁ ἄγγελος ἤγειρεν αὐτὸν λέγων· ἀνάστηθι, μὴ φοβοῦ. CCLXI.

(стр. 80,8:) моужоу желаніа добра новый Даниле. в немже изволи жити Духъ Святый. чистоты дѣл̾ма сердца твоего -- (стр. 80,13:) посланъ есмь к тебѣ ѡтъ Бога и Спаса нашего Ісуса Христа. повѣдати ти радость ѡтъ него велику. тебѣ дасть Господь истинѣ видѣніе. ꙗкоже кормити люди твоими оусты ꙗдію негибноущею но пребывающею въ жизнь вѣчную. и заградити оуста еретичскаа. глаголющая неправду на Господа Бога Спаса нашего Ісуса Христа.

VIII. 169: ἄνερ ἐπιθυμιῶν, νέε Δανιὴλ, ἐν ᾧ εὐδόκησε κατοικῆσαι τὸ ἅγιον πνεῦμα διὰ τὴν καθαρότητα τῆς καρδίας σου. ἀπεστάλημεν γὰρ πρὸς σὲ παρὰ τοῦ μεγάλου διδασκάλου καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἀναγγεῖλαί σοι χαρὰν μεγάλην.......... καὶ σοι οὖν ἐχαρίσατο ὁ Κύριος τῆς ἀληθείας τὴν γνῶσιν εἰς τὸ διαθρέψαι διὰ τοῦ στόματός σου πάντας τοὺς λαοὺς τὴν βρῶσιν, οὐ τὴν ἀπολλυμένην, ἀλλὰ τὴν μένουσαν εἰς ζωὴν αἰώνιον, καὶ ἐμφράξαι αἱρετικῶν στόματα -- τὰ λαλοῦντα παράνομα κατὰ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν.

(Глава 6, стр. 80,27:) Блаженый же Стефанъ припадъ

VIII. 169—170: Πάλιν οὖν κλίνας τὰ γόνατα αὐτοῦ ὁ μα-

къ стопамъ его, глаголя. Господи мой. кто есмь азъ грѣшникъ и всѣхъ человѣкъ хоужи. да буду доволенъ на то, ѡ нем'же глагола. нѣсмь достоинъ
ccLxII толикы пріати слоуж'бы. немощенъ сый --(стр. 81,1) възмози и крѣпися. ти сътвори еже ти повелѣно Богомъ. не мози никакоже ѡслушатися. не потаи данаго ти дара ѡтъ Бога, на глаголаніе и съвѣщаніе и оутверженіе людій его твоимъ ученіемъ. ихже ради Христосъ кровь свою проліа, да спасетъ ꙗ ѡтъ льсти. глаголи слово Божіе безъ боязни. въспомяни Господа рекшаго, не бойся малое мое стадо се. имже изволи ѡтецъ мой царьство дати. и ты оубѡ не бойся. имже изволи благо Христосъ Богъ нашъ с тобою. и тобою ѡсвѣтити многи душа. имаши же и въ печали и въ бѣды многи пріити правды ради душевныя. но терпи аки крѣпкый воинъ. тѣмъ бѡ царство Божіе пріимеши.

(Глава 7, стр. 81,19:) Преподобный же патріархъ Германъ се видѣвъ пребысть многы часы акы забывся. чюдяся ꙗвленію

κάριος Ἰωάννης προσεκύνησε λέγων· τίς εἰμι ἐγώ, κύριοί μου, ὁ ἁμαρτωλὸς καὶ πάντων ἀνθρώπων ἐσχατότερος, ἵνα ἱκανήσω πρὸς ταῦτα, ἅπερ εἴπατε, αὐταρκέσαι. οὐκ εἰμὶ ἄξιος τοιαύτης μεγίστης καὶ φοβερᾶς κατατολμῆσαι διακονίας· οὐ δύναμαι πρὸς αὐτήν --ἴσχυε καὶ ἀνδρίζου, καὶ ποίησον πάντα ὅσα ἐνετειλάμεθά σοι. μὴ ἀποκρύψῃς τὴν δοθεῖσάν σοι χάριν παρὰ τοῦ Θεοῦ εἰς τὸ λαλῆσαι καὶ φωτίσαι καὶ στηρίξαι τὸν λαὸν αὐτοῦ ἐν τῇ διδασκαλίᾳ σου, ὑπὲρ οὗ καὶ τὸ ἴδιον αὐτοῦ αἷμα ἐξέχεεν, ἵνα σώσῃ αὐτοὺς ἐκ πλάνης. λάλησον τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ ἀνενδυάστως. μνήσθητι τοῦ Κυρίου εἰπόντος· μὴ φοβοῦ τὸ μικρὸν ποίμνιον, ὅτι εὐδόκησεν ὁ πατήρ μου δοῦναι ὑμῖν τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν. καὶ σὺ οὖν μὴ δειλιάσῃς, ὅτι ηὐδόκησεν ὁ Χριστὸς καὶ Θεὸς ἡμῶν διὰ σοῦ φωτίσαι πολλὰς ψυχὰς καὶ εἰς ἐπίγνωσιν αὐτοῦ ἀγαγεῖν. μέλλεις δὲ καὶ εἰς θλίψεις καὶ κινδύνους ἐλθεῖν διὰ τὴν ὀρθότητα τῆς ψυχῆς σου· ἀλλ' ὑπόμεινον ὡς γενναῖος ἀγωνιστής. διὰ γὰρ ταύτας τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν κληρονομήσεις.

VIII. 170: *Ὁ δὲ ὅσιος Ἡσύχιος ταῦτα θεασάμενος ἔμεινεν ἐπὶ πολλὰς ὥρας ἐνεός, θαυμάζων τὴν ὀπτασίαν καὶ ἐκπληττό-*

в'купѣ и дивяся. оутру же бывшу сѣдъ пакы помышляше в'себѣ. чюдяся ѡ видѣніи. иже бѣ видѣлъ. и видѣша его иже с нимъ бяхоу сице суща его. приступивше к нему моляхоуть ѝ. да имъ повѣсть виноу. сѐй же въздохноувъ из'глубины сердца и покывавъ главою своею. прослезися рече, ѡ чада. колико скровенныхъ рабъ имать Богъ. имже нѣсть достоинъ миръ сей ни точенъ. по истинѣ, ꙗкоже чудни путіе твои Господи и неиспытанна дѣла твоя. и пакы рече, тайны царевы ѡбыꙗвляти не безъ блазна есть. но и зѣлѡ бѣдоу приноситъ. тайны же Божіа покрывше тоуже бѣду имать. рекъ ти и болшу имже ѡ души. вѣчноую муку ключается пріати. зане нѣсть подоба крыти сего. паче же еже хощеть Богъ да оувѣдять раба его. како есть на подражаніе любви его. иже присніе к немоу прилежатъ. и потружаются ѡ своемъ спасеніи. но молю вы вѣрніи и добрѣ мысленѣ слышите глаголемоую рѣчь. тогда исповѣда имъ видѣніе аггелово и вся глаголанаа емоу.

μενος. πρωΐας δὲ γενομένης, ἦλθεν εἰς τὴν ἐκκλησίαν καὶ εὗρε τοὺς ἀδελφοὺς συνηθροισμένους ἐν αὐτῇ καὶ καθίσας σὺν αὐτοῖς πάλιν καθ' ἑαυτὸν CCLXIII *ἠδολέσχει καὶ ἐξίστατο, ἐνθυμούμενος τὴν ὅρασιν, ἣν εἶδεν. ὡς δὲ εἶδον αὐτὸν οἱ σὺν αὐτῷ οὕτω διακείμενον, προσελθόντες αὐτῷ παρεκάλουν ἀναγγεῖλαι αὐτοῖς τὴν αἰτίαν. ὁ δὲ στενάξας μέγα ἐκ βάθους τῆς καρδίας αὐτοῦ καὶ σείσας τὴν κεφαλὴν, μετὰ δακρύων εἶπεν· ὦ τέκνα, πόσους κρυπτοὺς δούλους ἔχει ὁ Θεὸς, ὧν οὐκ ἔστιν ἄξιος ὁ κόσμος; ἀληθῶς θαυμασταὶ αἱ ὁδοί σου, Κύριε, καὶ ἀνεξερεύνητα τὰ κρίματά σου. τῶν οὖν ἀδελφῶν ἐπιπλείω παρακαλούντων αὐτὸν φράσαι αὐτοῖς τὴν αἰτίαν, ἀποκριθεὶς ὁ Ἡσύχιος λέγει. Μυστήρια μὲν βασιλέως κρύπτειν καλὸν, θριαμβεύειν δὲ οὐκ ἀσφαλὲς, ἀλλὰ καὶ βαρυτάτην τὴν τιμωρίαν ἐπάγει· μυστήρια δὲ Θεοῦ καλύπτειν τὸν ἴσον κίνδυνον ἔχει, τάχα δὲ καὶ μείζονα, καθ' ὃ εἰς ψυχὴν τείνει, καὶ διὰ τοῦτο αἰώνιον κόλασιν ἐπάγει. δι' ὃ οὐ χρὴ κρυβεῖν ταῦτα, καὶ μάλιστα ἅπερ αὐτὸς θέλει γνωσθῆναι περὶ τῶν δούλων αὐτοῦ τῶν γνησίως αὐτῷ προσκειμένων, καὶ ἀγωνιζομένων ὑπὲρ τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. ἀλλὰ παρακαλῶ ὑμᾶς πιστῶς καὶ εὐγνωμόνως ἀκοῦσαι τῶν λεγομέ-*

CCLXIV (Глава 9 и 10, стр. 82,18:) И вшедше къ патріарху. повѣдаше приходъ его. Великый же патріархъ Германъ, и вси иже с нимъ срѣтоша его с' честію. молившемъся имъ къ Богу ти сѣдшимъ. възрѣвъ патріархъ къ блаженомоу Стефану, рече. зѣлѡ въжадахъ видѣти честное твое лице преподобный ѡтче. понеже повелѣно ми Богомъ се сътворити. тѣмъ же радуйся вѣрный чьстителю Христовъ святыя церкви. миръ тебѣ исцѣлителю болящимъ душею и тѣломъ, подражателю святыхъ апостолъ. миръ тебѣ. иже погроузи непріазнь ѡб'щаго всѣхъ насъ врага діавола. вѣрою святыя Троица. ꙗко же Давидъ древле Голіада иноплемен'ника на рати връженіемъ пращнымъ треми камени. блаженъ градъ твой Сурожь. ꙗко тя хранило духовное каменіа честнаго плъно намъ ѡбіави. блажени людіе вси иже пріемлють духовныя твоеа трапезы божественаа твоя словеса. и піюще с веселіемъ ѡтъ питіа твоего поꙋченіа.

νων, μαρτυρούσης μοι τῆς συνειδήσεώς μου, ὅτι οὐ ψεύδομαι. τότε ἐξηγήσατο αὐτοῖς πάντα τὰ τῆς ὀπτασίας.

VIII. 177: *εἰσῆλθον δύο κληρικοὶ τοῦ ἐπισκόπου εἰς τὸ μοναστήριον, μηνύοντες τὴν ἄφιξιν αὐτοῦ. ὁ δὲ μέγας Ἰωάννης καὶ πάντες οἱ ἀδελφοὶ ἐξελθόντες ἔξω τοῦ μοναστηρίου ὑπήντησαν αὐτῷ, καὶ προσκυνήσαντες αὐτὸν εἰσήγαγον ἐν τῷ μοναστηρίῳ. εὐξαμένων δὲ αὐτῶν ἐν τῇ ἁγίᾳ ἐκκλησίᾳ καὶ καθισάντων, ἀτενίσας ὁ ἐπίσκοπος πρὸς τὸν Ἰωάννην εἶπεν· ἐκ πλείστου χρόνου ἐπεθύμουν θεάσασθαι τὸν τίμιόν σου χαρακτῆρα, ὅσιε πάτερ Ἰωάννη -- ἀλλὰ νῦν κελευσθεὶς ὑπὸ τοῦ Θεοῦ τοῦτο ποιῆσαι, ἀναβάλαι οὐ τετόλμηκα. δι' ὃ χαίροις, πιστὲ ἱερεῦ τῆς τοῦ Χριστοῦ ἁγίας ἐκκλησίας, εἰρήνη σοι, θεραπευτὰ τῶν νοσημάτων ψυχικῶς καὶ σωματικῶς, μιμητὰ τῶν ἁγίων ἀποστόλων, εἰρήνη σοι τῷ καταβαλόντι τὸν πονηρὸν καὶ κοινὸν ἁπάντων ἡμῶν ἐχθρὸν τὸν διάβολον τῇ πίστει τῆς ἁγίας Τριάδος, καθὼς καὶ Δαβὶδ πάλαι τὸν ἀλλόφυλον Γολιὰθ ἐν τῷ πολέμῳ διὰ τῆς βολῆς τῆς σφενδόνης τῶν τριῶν λίθων -- Μακαρία εἶ (ἡ πόλις) πάλιν, λέγω· ποῖον θησαυρὸν πνευματικὸν λίθων τιμίων ἀνὰ μέσον ἡμῶν ἀνεκάλυψας; μακάριοι πάντες οἱ*

(Глава 10, стр. 82,32:) Се же глаголющу патріарху. и вси слышаще и дивляхоуся. пакы же ωтвѣща патріархъ рече емоу Стефане его же Богъ почте. и възвыси дѣлъ твоихъ ради добрыхъ. попусти ны скорѣе сътворити повелѣніе Господне. и сице бω намъ лѣпо есть исполнити всяку правду. въстани пойдемъ въ церковь. да скончаемь волю Господню. еже ω тебѣ повелѣно есть намъ. святый же ωтвѣщавъ патріарху глаголя. честный ωтче молю твою святыню да ми повѣси что глаголеши. и что хощеши сътворити на мнѣ. ти тако все велимое мнѣ тобою, и твоимъ преподобьствіемъ не ωтвѣщаяся сътворю.

(Глава 11, стр. 83,10:) Ωтвѣща святый рече, тяж҆ко ми санъ есть епископьскый в҆селен҆скый патріарше. выше бω мѣры моея и дѣлъ моихъ есть се. азъ хоудый не могу сего носити.

*ἀπολαύοντες τῆς πνευματικῆς
τραπέζης τῶν θείων σου λόγων,
καὶ πίνοντες ἐν εὐφροσύνῃ ἐκ
τοῦ κεράσματος τοῦ κρατῆρος
τῆς σῆς διδαχῆς. Ταῦτα δὲ λέ-
γοντος τοῦ ἐπισκόπου, πάντες
οἱ ἀκούοντες κατεπλήττοντο. πά-
λιν δὲ ὁ ἐπίσκοπος ἀποκριθεὶς
εἶπε πρὸς αὐτόν· Ἰωάννη, ὃν ὁ
Θεὸς ἐτίμησε καὶ ὕψωσε διὰ τὰς
πράξεις σου τὰς ἐναρέτους, ἀπό-
λυσον ἡμᾶς τάχος ἐκτελέσαι τὸ* CCLXV
*πρόσταγμα τοῦ Κυρίου. προτρέ-
πεται γὰρ ἡμᾶς εἰς τοῦτο τὸ
γεγραμμένον· οὕτω πρέπον ἡμῖν
ἐστι πληρῶσαι πᾶσαν δικαιοσύ-
νην. ἐγείρου, ἄγωμεν ἐντεῦθεν,
ὅπως ἐκπληρώσωμεν τὸ πρόσ-
ταγμα τοῦ Κυρίου τὸ περὶ σοῦ
ὑπ᾽ αὐτοῦ κελευσθὲν ἡμῖν. Ὁ δὲ
Ἰωάννης ἀπεκρίθη τῷ ἐπισκόπῳ
λέγων· Τίμιε πάτερ, παρακαλοῦ-
μεν τὴν σὴν ἁγιωσύνην ἀναμεῖ-
ναι ἐν τῷ μοναστηρίῳ καὶ ἐκτε-
λέσαι ἡμῖν τὴν ἀναίμακτον θυ-
σίαν, καὶ μεταδοῦναι τῶν ἀχράν-
των μυστηρίων Χριστοῦ τοῦ
Θεοῦ ἡμῶν· καὶ εἶθ᾽ οὕτω πάντα
τὰ κελευόμενά μοι παρὰ τῆς ὑμῶν
ὁσιότητος ἀναντιρρήτως ποιήσω.*

VIII. 186: *Καὶ ἀνοίξας τὸ στόμα αὐτοῦ εἶπε τῷ βασιλεῖ· Φορτικόν μοι τὸ ἀξίωμα τῆς ἐπισκοπῆς πέλει, εὐσεβέστατε βασιλεῦ. ὑπὲρ γὰρ τὰ μέτρα μου καὶ τὰς πράξεις μου καθέστηκε τοῦτο, ἐλάχιστος πάντων ὑπάρχων.*

CCLXVI (Глава 12, стр. 84,3 о торжественномъ поставленіи Стефана:) множ'ство дроуговъ и рядникъ. иже въ воинѣхъ сановитіи бѣахоу. и народъ многъ гражанъ. и наплънися вся церковь ѡтъ народа. бывшу же оуставному чину. се болѣ часа зовущу на священіе. въведоша преподобнаго Стефана на поставленіе в' санъ архіепископъскаго чину.

VIII. 178: *συνήχθη πᾶς ὁ κλῆρος τῆς πόλεως καὶ πᾶσα πληθὺς ἀρχόντων τε καὶ ἰδιωτῶν καὶ τῶν ἐν στρατεύμασι καὶ ἀξιώμασι διαπρεπόντων, -- ἐπλήσθη δὲ πᾶσα ἡ ἐκκλησία ἐκ τοῦ λαοῦ -- γενομένης δὲ τῆς εἰωθυίας ἀκολουθίας, καὶ λοιπὸν τῆς ὥρας καλούσης πρὸς τὸ ζητούμενον, ἄγουσι τὸν ὅσιον Ἰωάννην ἐπὶ τὴν χειροτονίαν τοῦ πρεσβυτερικοῦ βαθμοῦ.*

(Глава 14, стр. 84,26, встрѣча Стефана Сурожанами:) изидоша мужи старѣйшины градныя на срѣтеніе ему. и в'ведоша ѝ въ церковь с подобною честію. събраша же ся вси народи въ церковь, градніи и живущіи окрестъ града. и приходящіи странници. тоже не точію да ѝ видѣть. но да и слышать поꙋченіе его. той же Святаго Духа силою просвѣтив'ся нача бесѣдовати к' народу повѣстьми многами. ти в'си чюдяхуся ѩже ѡтъ Бога ему дана есть мудрость. ти тако имъ раздрѣшаше еже въ божественѣмъ писаніи бѣдно разумѣти.

VIII. 217: *συνήγετο πᾶς ὁ λαὸς τῆς πόλεως ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, καὶ ὁ βασιλεὺς καὶ πᾶσα ἡ σύγκλητος μετ᾽ αὐτοῦ, καὶ ἡ περίχωρος τῆς πόλεως, καὶ οἱ παρεπιδημοῦντες ξένοι, οὐ μόνον διὰ τὴν ἑορτήν, ἀλλὰ καὶ διὰ τὸ ἀκοῦσαι τῶν τοῦ Ἰωάννου ἐξηγήσεων. αὐτὸς δὲ ὁ Ἰωάννης τῇ τοῦ παναγίου πνεύματος δυνάμει καταλαμπρυνθείς, ἤρξατο ὁμιλεῖν τῷ λαῷ ἐν ἱστορίαις πολλαῖς. πάντες δὲ ἐθαύμαζον εἰς τὴν ἐκ Θεοῦ δοθεῖσαν αὐτῷ σοφίαν, καὶ πῶς διέλυσεν αὐτοῖς τὰ ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς δυσερμήνευτα καὶ δυσνόητα.*

(стр. 85,10:) поистинѣ ѡтче святыи нѣсть пріалъ градъ нашъ никогдаже такова оучителя. ѩкоже есть твое святительство. да при томъ славимъ Бога милосердаго. иже присласлалъ тя нама вожа на добро.

VIII. 197: *Ἀληθῶς, πάτερ, οὐκ ἠξιώθη ἡ πόλις αὕτη, ἀπὸ τῶν χρόνων Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου βασιλέως, ἐπισκόπου καὶ διδασκάλου κατὰ τὴν ἁγιωσύνην σου, καὶ ἐπὶ τούτοις εὐχαριστοῦμεν τῷ φιλανθρώπῳ Θεῷ*

да крѣпися оубѡ и възмѡзи рабе Божій, апостоле новый.

(стр. 85,14:) ти плескааху. възводяще гласъ горѣ. ѡво ѡкройницами пашуще. ѡвы же скуты кожулными. ѡвіи роучными оуброусы. а друзіи вѣн҆ци въпіюще и глаголюще. поистинѣ достоинъ еси стола сего третійнадесять апостоле. Христосъ тя послалъ к намъ есть, да спасеть душа наша. и напоиши ѡтъ источникъ спасеныихъ еже ти далъ есть.

(Глава 15, стр. 85,29, проповѣдь въ Сурожѣ:) многи зловѣрныя оулови. бесѣдоваше же к нимъ толикы приводя. иже ѡба ѩзыка добрѣ вѣдяху. да сіи творя оутрь въ градѣ многи прел҆стившаяся оулавляше. апостольскаго проповѣданіа истиноу указая.

(Глава 16, стр. 86,19:) слышаще его бесѣдующа к нимъ дивляхоуся паче славяще хвалами многами. не бѡ бяху николиже видѣли ни слышали таковаго оучителя прежде сего въ градѣ томъ. да где и разоумѣахоу народи и ѩко хощеть бесѣдовати. вси тамо стечаахоуся его ради въ церковь. ру-

τῷ καταπέμψαντί σε ἡμῖν ὁδηγοῦντα πρὸς τὰ συμφέροντα. ἴσχυε οὖν καὶ ἀνδρίζου, δοῦλε Χριστοῦ καὶ ἀπόστολε νέε. CCLXVII

VIII. 217: *καὶ ἐκρότουν αὐτόν, ὑψοῦντες εἰς τὸν ἀέρα οἱ μὲν τὰς χλανίδας ἑαυτῶν, οἱ δὲ τὰ πτερύγια τῶν κουτζούλων, ἕτεροι δὲ ἐγχειρίδια, καὶ ἄλλοι τὰ φακιόλια, βοῶντες, ὡς ἀληθῶς ἄξιος εἶ τῆς ἱερωσύνης ταύτης, τρισκαιδέκατε τῶν ἀποστόλων. ὁ Χριστὸς ἔπεμψέ σε πρὸς ἡμᾶς σῶσαι τὰς ψυχὰς ἡμῶν καὶ ποτίσαι ἐκ τῶν πηγῶν τοῦ σωτηρίου, οὗ αὐτὸς ἐδωρήσατό σοι.*

VIII. 189: *πολλοὺς τῶν πλανωμένων ἐθήρευσεν. αὐτός τε γὰρ ἐκεῖσε προσφοιτῶν διελέγετο, ἑρμηνευταῖς χρώμενος τῶν ἑκατέρων γλῶτταν ἐπισταμένοις. ταῦτα μὲν οὖν ἔνδον ἐν τῇ πόλει διετέλει ποιῶν, καὶ πολλοὺς τῶν ἐξηπατημένων ἐζώγρει, τῶν ἀποστολικῶν κηρυγμάτων ἐπιδεικνὺς τὴν ἀλήθειαν.*

VIII. 179: *ὁμιλοῦντα αὐτοῖς, ἐξεπλήττοντο ἐπὶ πλεῖον δοξάζοντες αὐτὸν κρότοις καὶ ἐγκωμίοις πλείοσιν. οὔτε γὰρ ἦσαν πώποτε ἰδόντες ἢ ἀκούσαντες τοιοῦτόν τι γενόμενον ὑπό τινος ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ· ἡνίκα δὲ ἐμάνθανον οἱ ὄχλοι ὡς μέλλει ἐξηγεῖσθαι ὁ Ἰωάννης, πάντες συνέτρεχον προθύμως ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ. οἱ* CCLXVIII

кодѣлници бѡ ѡставиша дѣла
своя роучная и прихожаахоу.
а строители градніи ѡставиша
своя строеніа скоро прихожаху.
ти аще боудяше в той день тво-
рити позоръ или конемъ ури-
станіе. то в'се ѡставлеши рано
притечаахоу въ церковь. да ся
не лишатъ спроста рещи ни
единого словеси исходящаго изъ
устъ его. т'щету си то великоу
мняще быти. слышаще медомъ
текущая та словеса радующеся
успѣхъ пріемлюще душевенъ и
ѡбращахоуся въ свояси. та-
ковъ бѡ даръ бѣаше Господь
далъ ему на глаголаніе величь-
ствій своихъ безъ споны.

(Глава 20, стр. 88,31, рѣчь
Германа къ царю Льву:) Ѡ че-
ловѣче, безаконіа ѡстанися
хоулы сея, да ти не раздру-
шитъ силы. жестоко бѡ ти есть
противу рожну ступати. не бѡ
въступи на ѡстенъ нози си
ѡкровави. вълны бѡ камени
не разсыплютъ. но сами ся в
пѣны разсыплютъ. нѣсть ни-
чтоже церкви силніе. церкви
бѡ и небеси силніе и крѣплѣйши
есть. небо и земля преминетася.
а словеса Божіа не прѣми-
ноуютъ. каꙗ же словеса еже
CCLXIX рече Господь. ты еси Петръ,
на семъ камени съзижу церковь
мою. и врата адова не оудо-

μὲν γὰρ χειροτέχναι παρεῶντες τὰ ἔργα αὐτῶν ἤρχοντο, οἱ δὲ ἐπ᾽ ἐξουσιῶν παραβλέποντες τὰ πρακτέα αὐτῶν ἄπρακτα δρομαῖοι παρεγίνοντο. καὶ θέατρον δὲ ἢ ἱπποδρόμιον εἰ ἔδοξεν ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἐπιτελεσθῆναι, πάντες παρεῶντες - - ῥαγδαίως ἔτρεχον ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ πρὸς τὸ μὴ ἀμοιρῆσαι αὐτοὺς, σχεδὸν εἰπεῖν, ἑνὸς ῥήματος ἐκπορευομένου διὰ στόματος αὐτοῦ, ζημίαν μεγάλην ἡγούμενοι. καὶ ἀκούοντες τῶν μελιρρύτων αὐτοῦ λογίων ἀπήρχοντο δόξαν ἀναπέμποντες τῷ φιλανθρώπῳ Θεῷ. τοιαύτην γὰρ χάριν ἦν ὁ Κύριος δωρησάμενος αὐτῷ εἰς τὸ λαλεῖν τὰ μεγαλεῖα αὐτοῦ ἀκωλύτως.

VIII. 259: *Σκληρὸν γάρ σοι πρὸς κέντρα ὀξέα λακτίζειν, οὐκ ἀμβλύνεις τὰ κέντρα, ἀλλὰ τοὺς πόδας αἱμάσσεις. ἐπεὶ καὶ τὰ κύματα τὴν πέτραν οὐ διαλύει, ἀλλὰ ταῦτα εἰς ἀφρὸν διαλύονται: οὐδὲν ἐκκλησίας δυνατώτερον. ἄνθρωπε, λῦσον τὸν πόλεμον, ἵνα μὴ καταλύσῃ σου τὴν δύναμιν. μὴ εἴσαγε πόλεμον εἰς οὐρανόν. ἄνθρωπον ἐὰν πολεμῇς, ἢ ἐνίκησας, ἢ ἐνικήθης, ἐκκλησίαν δὲ ἐὰν πολεμῇς, νικῆσαί σε ἀμήχανον. ὁ Θεὸς γάρ ἐστιν ὁ πάντων ἰσχυρότερος - - ἡ ἐκκλησία οὐρανοῦ ἰσχυροτέρα. Ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσονται, οἱ δὲ λόγοι μου οὐ μὴ παρέλθωσι.*

лѣютъ ей. аще вѣроуеши словеси тому. то и дѣлу вѣроуй. не бысть ли то тако, ꙗкоже глагола҆нно. како мучители хотѣша съдолѣти церкви. колико сковрадъ, колико пещниць разжены, колико звѣриныхъ зубъ пущающе на христіаны, колико ѡружіа ѡстра на нихъ с҆дѣлаша. не умол҆коша ли. не въ забытіи ли полѡжени быша. а церкви паче солнца свѣтится. а ѡнѣхъ память вся оугасе. а си бесмерти. да ли егда бѣ мало вѣрныхъ. то не могоша имь ѡдолѣти. али нынѣ хощеши ѡдолѣти. егда весь миръ исполнися добрыя вѣры. не въводи рати въ небо. аще бо борешися съ человѣкы, то или ѡдолѣеши имъ. или ѡни ѡдолѣютъ ти. съ церковію же аще борешися. то ѡдолѣти ей не можеши. но ѡдолѣетъ ти. ꙗко же и прежде тебе бывшимъ.

ποῖοι λόγοι; Σὺ εἶ Πέτρος, καὶ ἐπὶ ταύτῃ μου τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν, καὶ πύλαι ᾅδου οὐ κατισχύσουσιν αὐτῆς. εἰ ἀπιστεῖς τῷ λόγῳ, πίστευε τοῖς πράγμασι. πόσοι τύραννοι ἠθέλησαν περιγενέσθαι τῆς ἐκκλησίας; πόσα τήγανα; πόσοι κάμινοι; θηρίων ὀδόντες; ξίφη ἠκονημένα; καὶ οὐ περιεγένοντο. ποῦ οἱ πολεμήσαντες; σεσίγηνται καὶ λήθῃ παραδέδονται. ποῦ δὲ ἡ ἐκκλησία; ὑπὲρ τὸν ἥλιον λάμπει. τὰ ἐκείνων ἔσβεσται, τὰ ταύτης ἀθάνατα. εἰ ὅτε ὀλίγοι ἦσαν, οὐκ ἐνικήθησαν, ὅτε ἡ οἰκουμένη ἐπλήσθη εὐσεβείας, πῶς νικῆσαι δύνασαι;

(Глава 32 въ концѣ, стр. 97,6, хвалебное прославленіе Стефана:) Ему же рещи отъ благословеніа Господня земля твоя. отъ горы небесныя росы. отъ глоубины кладязныя здола и по вся часы плодныхъ, и отъ исходъ лоуч҆ныхъ, отъ верха источника҆ присно текущь. ты порази чресла противустоящимъ борющимся.

pag. 257: Ἀπὸ εὐλογίας Κυρίου ἡ γῆ σου, καὶ ἀπὸ ὅρων οὐρανοῦ καὶ δρόσου, καὶ ἀπὸ ἀβύσσου πηγῶν κάτωθεν καὶ καθ᾽ ὥραν γεννημάτων ἡλίου τροπῶν, καὶ ἀπὸ συνόδου μηνῶν καὶ ἀπὸ κορυφῆς ἀεννάων βουνῶν ἔσονται ἐπὶ κεφαλὴν Ἰωσὴφ καὶ κορυφήν. -- Πάταξον ὀσφὺν CCLXX
ἀνθεστηκότων αὐτῷ.

Послѣдній отрывокъ и въ самомъ подлинникѣ заимствованъ цѣликомъ изъ Священнаго Писанія (Второзак., 33, 43).

Не утверждая этого прямо, мы нѣсколько разъ, въ виду представлявшихся наблюденій, склоняли свою рѣчь къ тому, что въ разбираемомъ нами славяно-русскомъ Житіи нужно видѣть не какое-либо переводное съ греческаго, но именно русское произведеніе. Теперь умѣстно воротиться къ высказанной догадкѣ, такъ какъ мы обладаемъ средствами къ ея повѣркѣ, послѣ которой она либо получитъ полную степень достовѣрности, либо должна будетъ подвергнуться устраненію. Рѣшительный моментъ заключается въ отвѣтѣ на вопросъ, пользовался ли авторъ Житія греческимъ подлинникомъ Житія Іоанна Златоустаго, или же его славянскимъ переводомъ. Греческимъ подлинникомъ, конечно, могъ одинаково пользоваться какъ грекъ, такъ и образованный знающій русскій, хотя такихъ всегда бывало не много; но къ славянскому переводу, безъ сомнѣнія, никто изъ грековъ не обратился бы... Вотъ какія основанія заставляютъ насъ утверждать, что подъ руками нашего списателя былъ готовый, очень распространенный въ употребленіи славяно-русскій переводъ сочиненія Георгія Александрійскаго.

Во-первыхъ, заимствованіе нѣсколькихъ отмѣченныхъ нами строкъ, принадлежащихъ собственно писателю V вѣка Созомену. Ихъ мы не найдемъ въ греческомъ подлинникѣ Житія Іоанна Златоустаго, который былъ изданъ англичаниномъ Севилемъ по двумъ рукописямъ (Палатинской и Баварской библіотекъ); но въ славянскихъ переводныхъ редакціяхъ обыкновенно вставляется посрединѣ изложенія довольно длинная выписка о Златоустѣ изъ означеннаго церковнаго писателя, не вполнѣ умѣстная потому, что въ ней повторяется уже ранѣе и съ большею подробностью разсказанное самимъ Георгіемъ. Въ Новгородско-Софійскомъ экземплярѣ Миней Макарія за ноябрь мѣсяцъ, теперь принадле-
CCLXXI жащемъ С.-Петербургской Духовной Академіи (рукоп. № 1319), выписка изъ Созомена занимаетъ полтора столбца (in fol.) и начинается словами: «глаголетже о семь велицѣмь Іωаннѣ и Созомонъ историкъ, рекше повѣстникъ», а кончается замѣчаніемъ: «да сице глаголеть Созомонъ о Іωаннѣ, но мы ся пакы возвратимъ на перьвую повѣсть архіепископа Геωргія александрьскаго»

(л. 256 на обор. и 257). Итакъ, ясно, что вставка не была сдѣлана самимъ Георгіемъ, почему ея и не встрѣчается въ греческихъ рукописяхъ. Что авторъ Житія Стефана Сурожскаго имѣлъ предъ глазами славянскій переводный текстъ, объ этомъ, кромѣ того, свидѣтельствуетъ и совершенное тожество фразеологіи въ небольшомъ учиненномъ имъ заимствованіи (изъ подлежащихъ страницъ) съ выраженіями славянскаго дополненнаго Созоменомъ Житія Златоуста.

Макарьевская Минея о Златоустѣ:	Житіе Стефана Сурожскаго (стр. 78,9):
Слово бо дѣлы добрыи оутворено вѣры достойно ся творить. а бездѣлъ добру роугателя и лестца и своихъ словесъ кудителя ꙗвляеть глаголющаго. аще и ѕѣло подвижется уча. а сему великомоу моужю ѡбоѐ то бяше. хитрѣ оучити и добра дѣла имѣти.	Слово бѡ дѣлы добрыми оутворено вѣры достойно творитъ. а безъ дѣлъ добрыхъ роугателя и лестьца и своихъ словесъ коудителя ꙗвляетъ глаголющаго. аще и ѕѣло подвижится оуча. а семоу чюдномоу моужоу ѡбое та бѣаше. еже хитрѣ оучити и добра дѣла имѣти.

Совершенно невозможно, чтобы два переводчика, работавшіе независимо одинъ отъ другого, сошлись бы до такой степени въ выборѣ словъ и выраженій, отчасти не совсѣмъ обычныхъ.

Мы пришли бы къ такому же результату, еслибы повторили сдѣланную разъ операцію сличенія текстовъ по отношенію къ переводному Житію Іоанна Златоустаго вмѣсто греческаго подлинника. Мы не утверждаемъ, что сходство между славянскимъ переводомъ сочиненія Георгія Александрійскаго и соотвѣтствующими отрывками въ Житіи Стефана Сурожскаго всегда имѣетъ CCLXXII видъ тожества буква въ букву, но вѣдь и фразеологія греческаго подлинника не всегда точно выдерживается. Существенно важно то обстоятельство, что, говоря вообще, русскій текстъ Житія Стефана еще ближе къ славянскому сказанію объ Іоаннѣ Златоустомъ, чѣмъ къ греческому подлиннику этого послѣдняго, и что тамъ, гдѣ въ одномъ славянскомъ текстѣ замѣчаются укло-

ненія отъ греческаго оригинала, подобныя же уклоненія повторяются и въ другомъ... Избѣгаемъ новыхъ длинныхъ выписокъ и ограничиваемся нѣсколькими болѣе характеристичными примѣрами. У Георгія Александрійскаго разсказъ объ избраніи Іоанна Златоустаго на патріаршій престолъ Константинополя начинается такъ (pag. 183):

Εὐθέως οὖν σπουδὴ περὶ χειροτονίας ἐπισκόπου ἐγένετο, καὶ ἄλλων ἄλλον ἐπιζητούντων συνέτρεχόν τινες τῶν μὴ ζητουμένων, ἀμφισβητοῦντες τὴν προεδρίαν[1]).

Въ славянскомъ текстѣ приведенныя слова Георгія Александрійскаго, не поддающіяся буквальной передачѣ, переведены нѣсколько свободно, и съ такою же свободою они переданы и въ Житіи Стефана Сурожскаго, при чемъ удержано одно весьма характеристическое выраженіе (вертяхуся), не совсѣмъ оправдываемое греческимъ подлинникомъ.

Сказаніе Георгія объ Іоаннѣ Златоустѣ по Макарьевской Минеѣ за ноябрь (р. С.-Петерб. Дух. Акад., л. 258 на обор.):	Житіе Стефана Сурожскаго (стр. 79,3):
абіе оубо подвизаніе бысть ω поставленіи патріарховѣ. овому сего а иному ωного хотящю поставити друзии же вертяхуся. мнози на ся кождо хотяще взяти санъ тои.	абіе же в҆зысканію бывшоу ω поставленіи архіепископа Соурожу. ти ωвомоу сего поминающу. ωвому иного хотящу поставити. друзіи же вертяхоуся мнозіи на ся санъ кождо стяжаще.

CCLXXIII Рѣчь Германа патріарха о Стефанѣ въ седьмой главѣ Житія (стр. 81,27) представляетъ буквальное сходство съ рѣчью Исихія по поводу видѣнія, которое онъ имѣлъ относительно Іоанна, какъ мы видѣли это изъ сличенія греческаго отрывка съ русскимъ Житіемъ. Это сходство будетъ, если возможно, еще осязательнѣе

1) И тотчасъ началось стараніе о поставленіи епископа, и между тѣмъ какъ одинъ выискивалъ одного, а другой другого, сбѣгались нѣкоторые изъ такихъ, которые не были выискиваемы, споря между собою о санѣ (буквально: о предстоятельствѣ).

и полнѣе, когда вмѣсто греческаго подлинника мы возьмемъ славянскій его переводъ.

ѡтвѣщавь Исvхіи рече: таины царьскыа ıавляти небезблазна есть. но ѕѣло и бѣду приносить таину же божию покрывшѐ. ту же бѣду имать. реку ти и большю. имаже о души вѣчную мукоу ключается пріати. зане нѣсть подоба крыти сего и т. д.

и пакы рече, тайны царевы обыавляти не безъ блазна есть. но и зѣлѡ бѣдоу приноситъ. тайны же Божіа покрывше тоуже бѣду имать. рекъ ти и болшу имже ѡ души. вѣчноую муку ключается пріати. зане нѣсть подоба крыти сего и т. д.

Если мы сравнимъ оба славянскіе текста съ вышеприведеннымъ греческимъ подлинникомъ, то замѣтимъ, что въ обоихъ оставлены безъ перевода начальныя слова греческаго текста, которыя гласятъ: тайну цареву скрывать хорошо, а объявлять не безопасно...

Повторимъ еще одну выписку, относящуюся къ 14-й главѣ Житія Стефана, для сличенія съ славянскимъ переводомъ сказанія Георгія Александрійскаго.

Житіе Стефана (стр. 84,31):

Нача бесѣдовати к' народу повѣстьми многами. ти в'си чюдяхуся ıаже ѡтъ Бога ему дана есть мудрость. ти тако имъ раздрѣшаше еже въ божественѣмъ писаніи бѣдно разумѣти...

Сказаніе о Златоустѣ (л. 272 на обор.):

Начя бесѣдовати к народу повѣстьми многами. ти вся чужахуся. ıаже отъ Бога емоу дана мудрость ти тако имъ раздрѣшаше. еже въ божественемь писаніи бѣдно бяше и покровно.

Къ этимъ словамъ, заимствованнымъ изъ уже разъ приведеннаго выше отрывка, въ Житіи прибавлено еще нѣсколько строкъ для характеристики Стефановой проповѣди, но эти строки CCLXXIV
взяты уже совсѣмъ изъ другого мѣста. За такими мелкими заимствованіями, когда нашъ авторъ выписываетъ не подъ рядъ, а выхватываетъ отдѣльныя предложенія изъ разныхъ мѣстъ, трудно намъ угоняться. Видно, что онъ весьма основательно изу-

чилъ свой образецъ, могъ иное цитовать изъ него на память, хотя въ большинствѣ случаевъ очевидны слѣды прямого списыванія съ лежащей предъ глазами книги. Слѣдующія ниже строки любопытны опять въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, настоящій ихъ смыслъ можетъ быть понятъ только изъ греческаго подлинника, а съ другой — что оригиналомъ для нихъ послужилъ все-таки не греческій текстъ, а переводъ онаго на славяно-русскій языкъ.

Объ Іоаннѣ Златоустѣ говорится у Георгія Александрійскаго (Savile, VIII, 191): *Ἱκανὸς ἦν τὴν διὰ μακρῶν ἐξέτασιν κατακλείειν εἰς βραχεῖς τινας λόγους καὶ ῥαδίους συλλαβεῖν καὶ τὴν δι' ὀλίγων εἰς μῆκος ἐπεκτείνειν* (онъ былъ способенъ, онъ умѣлъ — заключить длинное изслѣдованіе и выразить его въ нѣсколькихъ краткихъ и доступныхъ словахъ, а короткое — растянуть въ длину).

Вотъ какъ это передается въ двухъ славяно-русскихъ текстахъ.

Сказаніе о Златоустѣ (л. 261 на обор.):	Житіе Стефана (стр. 84,33):
Зѣло же мощенъ бяше еже бо ся на долзѣ пытаеть то краткы словесы вмалѣ сказаше и еже вмалѣ то продолжитіе (sic = продолжити іє?) велми и оукрасити.	За вся бѡ и еже на долзѣ кто что пыташе. краткими словесы в҆малѣ сказаше имъ. еже вмалѣ то продол҆жи житіе и велми украситъ. ни дважды едино слово[1]).

Эти сопоставленія, кажется, будутъ достаточны для того, чтобы передать и другимъ убѣжденіе, вынесенное нами изъ сравнительнаго изученія текстовъ, что авторъ Житія Стефана
CCLXXV Сурожскаго при пользованіи твореніемъ Георгія Александрійскаго о св. Іоаннѣ Златоустѣ имѣлъ подъ рукою славянскій переводъ этого сказанія, и что, слѣдовательно, Житіе въ такомъ видѣ, какъ мы его читаемъ, было составлено русскимъ человѣкомъ и не есть прямой переводъ съ греческаго.

---

1) Послѣдняя фраза, вѣроятно, соотвѣтствуетъ нѣсколько выше стоящему восклицанію: *τί δεῖ νῦν λέγειν;*

Только теперь получитъ надлежащую цѣну и еще одно сопоставленіе, которое мы можемъ сдѣлать. Оно относится къ молитвенному обращенію, которымъ (стр. 79,19) заключается Житіе. Это молитвенное заключеніе находится, правда, не во всѣхъ спискахъ Житія, но оно читается въ лучшемъ, Академическомъ спискѣ (Московской Духовной Академіи), а также и въ той редакціи Житія, которая повторена въ Макарьевской Минеѣ за декабрь мѣсяцъ, судя по описанію ея. Въ самомъ Академическомъ спискѣ подразумѣваемая заключительная патетическая часть приписана послѣ, на новой страницѣ и другою рукою, но отсюда не слѣдуетъ, что это есть сочиненіе приписчика, а напротивъ, развѣ только то, что въ его время были въ обращеніи двоякаго рода экземпляры Житія Стефана Сурожскаго — съ заключительною молитвою и безъ нея. Когда было замѣчено, что копія, переписанная для обладателей сборника однимъ писцомъ, не имѣетъ такого конца, какой есть въ иныхъ подлинникахъ, то и признано было нужнымъ сдѣлать приписку, которую пришлось исполнить уже новому лицу. По характеру своему прибавка должна принадлежать первоначальному автору, по крайней мѣрѣ выдаетъ себя за такую. Удивительно то, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на заключительное обращеніе къ святому въ Кипріановомъ Житіи Петра митрополита:

Се тебѣ ѡт насъ слово похвално, елико по силѣ нашей грубо(сти). ѡ изрядныи въ святителяхъ. о нихже попеклъ еси, ꙗко беструденъ апостолъ. и ѡ стадѣ порученом ти словесных ѡвцахъ Христовыхъ. ихже своею кровію искупи. конечнымъ милосердіемъ и благостію. и ты убѡ сице вѣроу съблюде по великому апостолу и теченіе съвръши ꙗснѣише наслаждаешися невечерняго троичняго свѣта. ꙗко небесная мудрост-

Се тебѣ ѡтъ насъ слово похвално, елико по силѣ нашей грубости, изрядный во святителехъ. ѡ нихже ся попеклъ ꙗко безтроуденъ апостолъ о стадѣ порученномъ ти, словесныхъ овцахъ Христовыхъ, ихже своею кровію искоупи. и ты оубо сице CCLXXVI
вѣроу соблюде.

вовавъ, възлетѣ благоуправ-ленъ.	
насъ же молимтя назираи и управляи свыше. вѣси бω ко-лику тяжесть имать житіе се. втом бω и ты нѣкогда трудился еси. но убω понеже тебе пред-стателя Русіискаа земля стяжа, славныи же градъ Москва. честныя твоя мощи ıакоже нѣ-кое съкровище честно съблю-даетъ. и ıакоже тебѣ живу соу-щоу. на всякіи день, православ-ніи и свѣтліи наши князи съ теплою вѣрою покланяются и благословеніе пріемлютъ съ всѣми православными; въздаю-щіе хвалу живоначальнѣй трои-ци. ею же всѣмъ намъ получити о самомъ христѣ господи на-шемъ. ему же подобаетъ слава и т. д.	и насъ молим҆ тя назирай и оуправляй свыше. вѣси бо ко-лику тяжесть имать житіе се. в томъ бо и ты нѣкогда троу-дился еси. но оубо понеже тебѣ пред҆стателя Роуськая земля стяжа. славный же градъ Су-рожь честныя твоя мощи, ıако-же нѣкое сокровище честно со-блюдаетъ и ıакоже тебѣ живу на всякъ день православніи хри-стіаньстіи народи, с теплою вѣ-рою покланяются, и благослове-ніе пріемлютъ. вси иже различ-ными недуги ωдержими въскоре исцѣленіе пріемлютъ.

Такимъ образомъ временемъ дѣятельности митрополита Кипріана, умершаго въ 1406 году, приблизительно опредѣляется и время, когда появился на свѣтъ нашъ памятникъ: очевидно, не ранѣе первой половины XV вѣка. Съ этимъ сходятся другія данныя, касающіяся литературной исторіи Житія Стефана Сурожскаго. Извѣстно, что глухая ссылка на него встрѣчается въ жизнеописаніи русскаго угодника, преподобнаго Димитрія Прилуцкаго († 1391 г.), составленномъ въ началѣ второй половины XV столѣтія, пятымъ преемникомъ въ управленіи основанной
CCLXXVII имъ обители. Авторъ изслѣдованія о Древне-русскихъ Житіяхъ святыхъ, въ связи съ указаніемъ на это отношеніе между двумя Житіями, сдѣлалъ такое замѣчаніе, которое показываетъ, что въ массѣ разсмотрѣнныхъ имъ рукописей онъ не встрѣтилъ ни

одной, которая обличала бы существованіе Сурожскаго Житія ранѣе сейчасъ означеннаго періода, то есть, второй половины XV вѣка[1]). Очевидно, что списатель Житія не зналъ о взятіи и разореніи Сурожа Турками, что произошло, какъ намъ извѣстно, въ 1475 году. Онъ предполагаетъ въ своемъ заключительномъ молитвенномъ воззваніи къ святому, что мощи его находятся въ славномъ градѣ Сурожѣ и все еще привлекаютъ къ себѣ поклоненіе православныхъ христіанъ. Между тѣмъ храмъ святой Софіи, гдѣ почивали останки св. Стефана, былъ уже разоренъ Татарами въ 1327 году, какъ объ этомъ сказано въ нашемъ обзорѣ исторіи города Сугдеи; если мощи могли быть тогда спасены и перенесены въ какую-либо другую церковь, то послѣ турецкой катастрофы и до новѣйшихъ временъ о нихъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда и никакого слуха. Правда, что о нихъ поется въ канонахъ и тропаряхъ церковной службы Стефану даже и до настоящаго времени, но эти каноны и обѣ службы были составлены гораздо ранѣе русскаго Житія, когда Сурожъ находился подъ верховною властью православныхъ царей и только еще страшился враждебныхъ замысловъ Агарянъ или Измаильтянъ. Сочиненные первоначально по-гречески и, конечно, извѣстные Русскимъ, посѣщавшимъ Сурожъ, они стали входить въ московскія богослужебныя книги тоже не рано и, кажется, уже послѣ того, какъ Житіе Стефана распространилось. Въ Бѣло- CCLXXVIII
зерской служебной Минеѣ за декабрь, писанной въ 1512 году (въ библіотекѣ Петербургской Духовной Академіи, № 639 = 382), подъ 15-мъ числомъ (л. 121) означеннаго мѣсяца отмѣчена память иже во святыхъ отца нашего Стефана архіепископа Сурожскаго, но службы ему первоначально не было помѣщено, а

---

1) В. О. Ключевскій, Древне-русскія Житія святыхъ, стр. 188—189. Въ ряду посмертныхъ чудесъ, описанныхъ въ біографіи Димитрія, встрѣчается разсказъ о разореніи Вологды Вятчанами во время княжеской усобицы и о нападеніи Дмитрія Шемяки на этотъ городъ, что̀ по лѣтописи произошло въ 1450 году. «Изъ этихъ извѣстій», пишетъ г. Ключевскій, — «можно заключить, что Макарій (авторъ біографіи Димитрія) писалъ въ началѣ второй половины XV вѣка... По поводу чуда съ однимъ изъ Вятчанъ приведенъ разсказъ изъ Житія Стефана Сурожскаго, которое стало распространяться въ нашей письменности, повидимому, около половины XV вѣка». Отрывокъ изъ Житія преподобнаго Димитрія будетъ приведенъ ниже.

сдѣлана ссылка, что нужно искать ее въ концѣ «отъ доски»; дѣйствительно тамъ (на листѣ 361) находится канонъ святому (Христосъ рождается). Софійская служебная Минея 1515 года (тамъ же, № 219) представляетъ слѣдующее явленіе: упоминанія въ текстѣ о Стефанѣ Сурожскомъ и службы ему нѣтъ[1]); но въ самомъ началѣ 15-го дня, послѣ перечисленія святыхъ этого дня (Елевѳерія, Павла), сдѣлана выноска, писанная подъ низомъ скорописью XVI или XVII вѣка: «ищи новому чудотворцу въ ѳевральской минеѣ Стефану архіепископу Сурожскому». Бѣлозерскіе святцы XV вѣка (№ 740 = 483) имѣютъ подъ соотвѣтствующимъ днемъ тропарь св. Стефану Сурожскому. Ссылка въ Степенной книгѣ показываетъ, что въ первый періодъ царствованія Іоанна Грознаго Житіе Стефана Сурожскаго было уже хорошо извѣстно и разсматривалось какъ важный историческій документъ, свидѣтельствующій о славѣ русскаго имени еще до призванія Варяговъ. Въ Степенной книгѣ имѣются въ виду собственно посмертныя чудеса Стефана, но въ посланіи царя Іоанна Васильевича къ Максиму Греку о ереси Матѳея Башкина архіепископъ Стефанъ Сурожскій упоминается въ числѣ защитниковъ иконопочитанія, что̀ уже намекаетъ на знакомство съ его Житіемъ[2]).

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Если позволительно гадать о
CCLXXIX томъ, кто могъ вывести изъ Сурожа Житіе св. Стефана и содѣйствовать его популяризаціи посредствомъ перевода на русскій языкъ, то слѣдуетъ вспомнить о родоначальникѣ Головиныхъ, носившемъ имя Стефана (см. выше, стр. CCII): онъ выѣхалъ изъ Крыма (изъ Сурожа и Кафы) въ самомъ началѣ XV столѣтія; въ его семьѣ и родѣ долженъ былъ сохраняться особый интересъ къ памяти святителя; къ тому же родъ выѣзжаго сурожца

---

1) Ср. архим. Сергія Полный мѣсяцесловъ Востока, II, 384 и 507 2-го изд. Показанія его, впрочемъ, не всегда отчетливы и правильны. Въ данномъ случаѣ они были провѣрены для насъ студентомъ С.-Петербургской духовной академіи Н. Ф. Чуриловскимъ, которому и приносимъ нашу благодарность.

2) Акты историческіе, т. I, стр. 298: «Тако же и иконному въображенію явишася исповѣдницы, Германъ, Тарасій, Никифоръ, патріархи Цараграда, Ѳеофилактъ Никомидійскій, архіепископъ Стефанъ Сурожскій, Стефанъ Новый — и иніи мнози, яко̀ же вѣси самъ множае насъ».

былъ, повидимому, способный: попадаются въ немъ путешественникъ въ Іерусалимъ, убитый на дорогѣ Татарами, два казначея, одинъ изъ членовъ рода носитъ прозваніе Премудраго[1]).

VII.

Составъ первоначальнаго Житія и чудеса.

Какъ произведеніе русскаго книжника XV столѣтія, скомпилированное съ назидательною цѣлью изъ разныхъ источниковъ и принаровленное къ тогдашнимъ литературнымъ вкусамъ, Житіе Стефана Сурожскаго имѣетъ весьма малую историческую цѣнность. Наше предыдущее изслѣдованіе, послужившее къ разъясненію его происхожденія, было бы даже излишне тщательнымъ и подробнымъ, еслибы мы не могли сослаться, съ одной стороны, на литературный интересъ памятника, оказывающагося очень любопытнымъ именно по пріемамъ, употребленнымъ для его созданія, а съ другой — на тѣсную и неразрывную связь Житія съ посмертными чудесами, въ которыхъ встрѣчается столь важное и въ то же время столь загадочное упоминаніе о нападеніи русскаго князя на Сурожъ. Теперь намъ слѣдуетъ ближе познакомиться съ самыми чудесами и далѣе — рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли и эту часть считать такимъ же позднимъ, произвольнымъ и недостовѣрнымъ произведеніемъ русскаго сказателя, какъ, напримѣръ, повѣствованіе о столкновеніи Стефана съ Львомъ Исавромъ и подробности о пріемахъ и успѣхахъ его проповѣднической дѣятельности въ Сурожѣ; или же, напротивъ, CCLXXX
сказаніе о чудесахъ слѣдуетъ поставить въ связь съ тѣми слабыми слѣдами первоначальной и древней основы, какіе мы все-таки могли уловить и должны были признать въ составѣ русскаго Житія? Припомнимъ, какіе это были слѣды, и какой residuum оставался послѣ анализа, обличившаго цѣлый рядъ заимствованій изъ постороннихъ источниковъ.

---

1) Пользуемся соображеніями, которыя указаны намъ профессоромъ М. И. Соколовымъ при сообщеніи выписки изъ рукописной родословной, написанной между 1682—1696 годами и представляющей значительныя отличія отъ напечатанной во «Временникѣ».

Въ самомъ началѣ славяно-русскаго Житія названы отечество и родина святаго. Такъ какъ подобное же указаніе находится и въ греческой записи, сдѣланной въ Халкинскомъ синаксаріѣ полуграмотнымъ грекомъ изъ Сурожа XIV или XV столѣтія, — очевидно, на память и на основаніи ранѣе существовавшаго, болѣе обработаннаго жизнеописанія, — то слѣдуетъ признать, что и въ русскомъ Житіи собственныя имена — Каппадокія и Морисавъ (Моривасъ = греч. въ родит. *Μοριβάσου*) — восходятъ къ болѣе древнему источнику, вѣроятно, къ тому же, какой читалъ и грекъ. Затѣмъ въ предполагаемомъ древнемъ Житіи шла рѣчь о воспитаніи и успѣхахъ Стефана въ наукахъ, что̀ подало поводъ сурожанину вспомнить объ ученыхъ Аѳинахъ, хотя мы не думаемъ, чтобы это имя стояло въ первоначальномъ Житіи. Если употребленное при этомъ выраженіе нѣсколько напоминаетъ жизнеописаніе Іоанна Златоустаго, составленное Георгіемъ Александрійскимъ, то такое частное явленіе слѣдуетъ считать простою случайностью; во всякомъ случаѣ, русскій списатель воспользовался сочиненіемъ Георгія не въ этомъ мѣстѣ и вполнѣ самостоятельно, такъ какъ и текстъ у него былъ подъ руками не греческій, а славянскій. Въ древнѣйшемъ первоначальномъ источникѣ сообщались краткія біографическія свѣдѣнія о дальнѣйшемъ жизненномъ поприщѣ святаго — о прибытіи его въ Царьградъ при Ѳеодосіѣ Адрамитинѣ, о пятнадцати годахъ, проведенныхъ въ столицѣ, о постриженіи въ монашество, о тридцатилѣтней пустынной жизни — и вѣроятно, только вскользь и кратко вспоминались общія судьбы церкви за это время, а затѣмъ болѣе подробно говорилось о гоненіи Константина Копронима, о столкновеніи его со Стефаномъ, объ обличеніи гноетез-
CCLXXXI наго царя, о мученіяхъ и ссылкѣ святаго въ Сурожъ. Что біографическія численныя показанія объ эпохахъ возраста святаго не придуманы русскимъ авторомъ, это мы должны были заключить изъ полнаго ихъ противорѣчія съ общимъ ходомъ повѣствованія, съ подробностями, заимствованными изъ посторонныхъ источниковъ, а съ другой стороны — изъ полнаго ихъ соотвѣтствія съ дѣйствительнымъ историческимъ ходомъ вещей, съ указаніями на 767 годъ, какъ годъ наибольшаго разгара иконоборческаго гоненія и время удаленія Стефана въ Крымъ. Нужно

полагать, что уже въ первоисточникѣ упоминалось имя Ирины, дочери хазарскаго царя и супруги царя Константина Копронима, такъ какъ указаніе на нее находится какъ въ русскомъ, такъ и въ греческомъ сказаніи. Къ сожалѣнію, оно въ обоихъ случаяхъ либо неточно, либо неясно, и едва ли въ первоначальномъ источникѣ это имя могло стоять въ той связи, въ какой читается теперь въ обоихъ сказаніяхъ. Въ 767 году, когда по болѣе достовѣрнымъ источникамъ (Минологій Василія), Стефанъ Сурожскій подвергся преслѣдованію, Ирины Хазарской уже не было въ живыхъ, такъ какъ вслѣдъ за исторіею Стефана Новаго, пострадавшаго незадолго передъ тѣмъ, у Ѳеофана, въ его хроникѣ, говорится о третьей женѣ Константина Копронима, Евдокіи: 1-го апрѣля 769 года онъ провозгласилъ цесарями двухъ сыновей Евдокіи, а третьему младшему далъ титулъ нобилиссима [1]). Ирина была первою женою Копронима, и этотъ бракъ былъ устроенъ еще отцомъ его, императоромъ Львомъ. Въ предупрежденіе всякихъ возраженій мы должны прибавить, что заступничество Ирины за Стефана едва ли правдоподобно и въ той связи, въ какой оно поставлено (съ именемъ Ѳеодоры) въ русскомъ Житіи — вскорѣ послѣ смерти Льва Исавра, потому что Константину почти тотчасъ послѣ вступленія на престолъ пришлось вести упорную борьбу съ другимъ претендентомъ на власть, зятемъ его по сестрѣ Артаваздомъ; самый Константинополь по 2-е ноября 743 года находился въ рукахъ Артавазда, который здѣсь и былъ единственнымъ распорядителемъ: онъ, дѣйствительно, былъ на CCLXXXII
сторонѣ иконопочитателей. Въ русской редакціи Житія Стефана предполагается, что въ это же время родился у Ирины сынъ, котораго онъ и крестилъ. Но на самомъ дѣлѣ старшій сынъ Константина Копронима отъ Ирины явился на свѣтъ, какъ это отмѣчено въ хроникѣ, только въ 750 году [2]). Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что именно въ этой связи всего скорѣе въ древней и наиболѣе подлинной исторіи Стефана могло быть упомянуто имя Ирины Хазарской: обычай избирать воспріемниковъ или даже и крестителей царскихъ дѣтей въ средѣ наиболѣе про-

---

1) Theophan., p. 443 sq. de Boor.
2) Theophan., p. 445. <Ср. Фр. Вестберга въ Виз. Врем., XIV, 232>.

славившихся богоугодною жизнью лицъ существовалъ въ Византіи, и очень возможно, что Ирина, не раздѣлявшая иконоборческихъ воззрѣній своего мужа, пока еще и не высказавшихся съ полною рѣзкостью, обратила свое вниманіе на пустынника и подвижника Стефана. Наконецъ, въ первоначальномъ источникѣ шла рѣчь о посвященіи Стефана въ епископы и дѣятельности его, Стефана, въ Сурожѣ послѣ ссылки, которая, конечно, была отнесена, какъ въ Минологіѣ, къ царствованію Константина Копронима: краткая замѣтка въ концѣ русскаго Житія, что Стефанъ послѣ предполагаемаго возвращенія въ Сурожъ «пасяше ученіемъ стадо свое», слова въ Василіевомъ Минологіѣ (по славянской редакціи), что онъ добрѣ упасъ свое стадо, выраженія одной изъ приписокъ въ синаксаріѣ, которыя были приведены выше (см. выше, стр. CCX), что онъ просвѣтилъ Сугдейцевъ, — все это довольно общія выраженія, но они передаютъ мысль, которая, безъ сомнѣнія, была высказана въ подлинной древнѣйшей біографіи исповѣдника... Вотъ соображенія, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать попытку возстановленія той редакціи сказанія о Стефанѣ Сурожскомъ, какая существовала въ X или даже IX вѣкѣ и послужила при составленіи статьи въ Минологіѣ Василія. Мы представляемъ себѣ эту первоначальную редакцію въ формѣ весьма краткой, по аналогіи съ Житіемъ другаго крымскаго святаго, Іоанна Готскаго, ко-
CCLXXXIII торое было написано еще въ періодъ иконоборства: это Житіе состоитъ всего изъ десяти главъ, включая разсказъ о чудесахъ, которыхъ Іоаннъ былъ виновникомъ при своей жизни; все оно умѣстится на четырехъ страницахъ этой самой печати.

Что касается чудесъ, то тѣ два, которыя совершились — одно до кончины исповѣдника, а другое при его кончинѣ, и содержаніе которыхъ изложено выше, несомнѣнно входили въ составъ первоначальнаго сказанія. Клирикъ Филаретъ, виновникъ чуда надъ сосудомъ съ водою, вынужденный согласиться на свое посвященіе въ пресвитеры, а потомъ назначенный Стефаномъ въ преемники себѣ, есть, повидимому, лицо историческое, то есть, существовавшее въ дѣйствительности. Слѣдуетъ припомнить архіерея Филарета, упомянутаго въ посланіи Ѳеодора Студита († 826) къ архимандриту сосѣдней съ Сурожемъ Готѳіи:

дѣло шло именно о раздорахъ между двумя сосѣдями и о примиреніи ихъ при посредствѣ Ѳеодора, находившагося въ сношеніяхъ съ вѣрными православію церквами Тавриды[1]). Итакъ, хотя архіепископъ Филаретъ и не названъ въ посланіи Студита сурожскимъ, мы все-таки должны его считать такимъ вслѣдствіе сосѣдства съ Готіею, а если еще принять въ разсчетъ хронологію, то окажется необходимымъ его отожествленіе съ Филаретомъ Сурожскаго Житія. Разсказу объ исцѣленіи слѣпого сурожанина Ефрема при погребеніи Стефана предшествуетъ въ нашей редакціи представляющаяся мало мотивированною замѣтка объ отношеніяхъ исповѣдника при его жизни къ князю Юрію Тархану. «Въ то же бѣ время князь Юрій Тарханъ и любя его святый, по закону Божію правяше власть свою всегда приходя къ святому Стефану послоушаше его, како веляше ему тако творяше. святыи же велми оучаше его на путь спасеныи». Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе знаменательное выраженіе тарханъ; въ немъ заключается явный намекъ на подчиненіе Сурожа хазарской власти, то есть, на такой историческій фактъ, который мы должны предполагать на основаніи другихъ достовѣрныхъ CCLXXXIV источниковъ, а между тѣмъ не обратившій на себя вниманія со стороны русскаго сказателя. Слово тарханъ, общее всѣмъ тюркскимъ языкамъ[2]), и донынѣ весьма употребительное у казанскихъ Татаръ и у Чувашей, означаетъ первоначально собирателя войска, военнаго вождя (= герцога), а затѣмъ вообще свободнаго и благороднаго человѣка, изъятаго отъ податной повинности (ср. тарханныя грамоты). Что это выраженіе было употребительно у Болгаръ и Аваровъ, мы хорошо знаемъ[3]). Но мы

---

1) Epistol. Theod. Stud. lib., II, № 164 (Patr. gr., 99, 1520): *Οὗ χάριν ἠναγκάσθημεν ἐπιστεῖλαι καὶ τῷ πατρὶ καὶ ἀρχιερεῖ Φιλαρέτῳ, εἴγε καὶ προσδεχθείη ἡ παράκλησις ἡμῶν τῶν ταπεινῶν, συνδέουσα τὰ πρὸς εἰρήνην.*

2) Золотницкій, Чувашско-русскій словарь, стр. 272; Vámbery, Der Ursprung der Magyaren, Leipzig, 1882, стр. 67; Tomaschek, Die Goten in Taurien, стр. 20.

3) У Аваровъ — въ стихотвореніи на аварскую побѣду короля Пипина, сына Карла Великаго, въ 796 году (Poetae latini aevi Carolini, recens. Dümmler, I, p. 117): Audiens Cacanus rex undique perterritus || Protinus ascendens mulam cum Tarcan primatibus || Regem venit adorare. У Болгаръ, Constant. Porphyrog. De cerimoniis I, 681,15 Bonn. — извѣстныя формулы: *πῶς ἔχουσιν ὁ Κανάρτι κεῖνος καὶ ὁ Βουλίας ταρκάνος.*

встрѣчаемъ его также у Менандра въ исторіи византійскаго посольства къ Тюркамъ, живущимъ въ глубинѣ Азіи; Зимарха, римско-византійскаго посла, на возвратномъ пути сопровождалъ во главѣ отвѣтнаго посольства человѣкъ, по имени Тагманъ, а по своему сану тарханъ[1]). Военные вожди Хазарскихъ кагановъ, современныхъ Льву Исаврійскому, тоже носятъ прозваніе тархановъ. По разсказу Гевонда, армянскаго писателя VIII вѣка, одинъ разъ хаганъ медлилъ вступать въ битву, потому что ждалъ Алпъ-Тархана, котораго онъ призвалъ къ себѣ на помощь. Въ другой разъ хаганъ собралъ сильное войско и поручилъ его полководцу своему Ражу-Тархану[2]). О тарханахъ хазарскихъ прямо говоритъ Ибнъ-Хордадъ-бегъ[3]). Если въ нашемъ памятникѣ хазарскій намѣстникъ или правитель въ Крыму носитъ христіанское имя, то и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго при
CCLXXXV извѣстныхъ вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ въ хазарской державѣ: мы уже указывали надпись раба Божія Тамгана (то же имя, что и у Менандра), относимую къ IX вѣку и свидѣтельствующую о принадлежности одного хазарскаго вельможи къ христіанской церкви[4]). Припомнимъ, что и послѣдній хазарскій повелитель, взятый въ плѣнъ соединенными войсками двухъ союзниковъ императора Василія и великаго князя русскаго Владимира въ 1016 году, носилъ имя Георгія[5]). Если мы предположимъ, что хазарскій тарханъ, современникъ Стефана, имѣлъ свою резиденцію не въ самомъ Сурожѣ, а въ Босфорѣ или Керчи, центрѣ хазарскаго преобладанія въ странахъ Азовско-Таврическихъ, то представится возможность отожествленія его съ тѣмъ Георгіемъ, который названъ въ надписи при церкви Іоанна Предтечи въ Керчи отъ 752 года[6]). Любопытно, что и

1) Menandri Fragm. 20 (Dindorf, Hist. gr. min., vol. II, p. 53,23): *ἦν δὲ ἐπίκλησις τῷ μετ᾽ ἐκεῖνον πρεσβευτῇ Ταγμὰ αὐτῷ, ἀξίωμα δὲ Ταρχάν.*

2) Исторія халифовъ Вардапета Гевонда. Переводъ съ армянскаго (К. П. Патканова), С.-Пб., 1862, стр. 28. 92.

3) Въ изданіи de-Goeie (Bibl. geogr. arabic., VI), p. 125: Tarkhân, roi des Khazares, cp. p. 29, гдѣ указывается, что и другіе тюркскіе властители низшаго ранга носили этотъ титулъ.

4) См. выше (стр. CLXII), гдѣ приведены и прямыя указанія на христіанское исповѣданіе хазарскаго топарха въ Керчи.

5) Cedren. II, 464 Bonn.: *Γεωργίου τοῦ Τζούλου.*

6) *Ἐνθαδε κατακιτε ἡ δουλη* (?) *του θῦ κυρηακος υιος γεωργιου* и т. д.:

въ сказаніи Епифанія о хожденіяхъ его по слѣдамъ апостола Андрея, памятникѣ, тоже принадлежащемъ иконоборческому періоду, по славянской переводной редакціи говорится о присутствіи въ Керчи Иколипадія епископа и Георгія намѣстника, которые разсказали путешественникамъ о многихъ чудесахъ Андрея. Впрочемъ, греческій подлинникъ къ этимъ словамъ, обыкновенно считаемымъ за принадлежность одной славянской редакціи, даетъ Георгію не свѣтскій, а скорѣе духовный титулъ[1]). Такъ или иначе, упоминаніе въ славянскомъ Житіи Стефана Сурожскаго CCLXXXVI
имени тархана есть черта исторической достовѣрности, какой не могъ изобрѣсти отъ себя авторъ его, а непремѣнно заимствовалъ изъ болѣе древняго источника, то есть, изъ того сказанія, какое существовало ранѣе составленія Василіевыхъ Миней — посредственно или непосредственно. Нѣтъ основанія думать иначе и о посмертныхъ чудесахъ, то есть, о послѣдней части сказанія, наиболѣе для насъ важной. Прежде чѣмъ обратиться къ оцѣнкѣ заключающихся въ ней данныхъ, мы должны ближе познакомиться съ самымъ текстомъ, котораго до сихъ поръ мы не приводили ни въ подлинникѣ, ни въ сокращеніи.

Г. Ѡ прихожденіи ратію к Сурожу князя Бравлина изъ Великаго Новаграда. По смерти же святаго мало лѣтъ миноу, пріиде рать велика роусскаа изъ Новаграда князь Бравлинъ силенъ зѣлѡ. плѣни ѿтъ Корсоуня и до Корча. съ многою силою пріиде къ Соурожу. за 10 дні бишася злѣ межоу себе. и по 10 дній внидѣ Бравлинъ, силою изломивъ желѣзная врата.

Мурзакевичъ, Замѣтки о церкви Іоанна Предтечи въ Керчи (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., I, 626). ⟨Латышевъ, Сборн. греч. надп. христ. вр. изъ южной Россіи, стр. 94, n^{0} 93⟩.

1) Въ славянскомъ переводѣ Епифанія, помѣщенномъ въ ноябрьской Макарьевской Минеѣ ⟨ср. Труды В. Г. Васильевскаго, II, 275,36⟩, читается объ апостолѣ Андреѣ: И пріиде въ Оспоръ Корчевъ градъ обону страну Понта противу Амиса. Тужде и мы доходихомъ Иколѵпадія епископа и Георгія намѣстника, иже отъ прѣданія повѣдаху намь многа чюдеса Андреова. Въ печатныхъ изданіяхъ греческаго подлинника не находится словъ, соотвѣтствующихъ славянскимъ, отмѣченнымъ курсивомъ, но въ парижскомъ кодексѣ XII вѣка, № 1510 (fol. 15 ч.), содержащемъ въ себѣ хожденіе Андрея, мы находимъ тоже самое: *κακεῖθεν ἦλθεν εἰς Βόσπορον πόλιν πέραν τοῦ Πόντου ἀντικρὺ Ἀμίσου. ὅπου καὶ ἡμεῖς ἐφθάσαμεν Ὀλυμβάδιον ἐπίσκοπον, ὅστις ᾔδει δέκα γλώσσας, καὶ Γεώργιον ὑποψήφιον* и т. д. *Ὑποψήφιος* въ церковномъ употребленіи означаетъ избраннаго, но еще не посвященнаго епископа: см. новеллу Исаака Ангела у Zachariae, Ius Graecorom., III, p. 514 sq., № 86.

и вниде въ градъ, и земъ мечъ свой. и вниде въ церковь въ святую Софію. разбивъ двери и вниде идеже гробъ святаго. а на гробѣ царьское ѡдѣало и жемчюгъ и злато и камень драгый, и кандила злата. съсудовъ златыхъ много, все пограбиша. и в томъ часѣ разболѣся. ѡбратися лице его назадъ, и лежа пѣны точаше. възпи глаголя, великъ человѣкъ святъ есть иже зде. и оудари мя по лицу, и ѡбратися лице мое назадъ. и рече князь боляромъ своимъ. ѡбратите все назадъ что есте взяли. ѡни же възвратише все. и хотѣша и князя пояти ѡттуду. князь же възпи, глаголя. не дѣйте мене да лежу, изламати бѡ мя хощетъ единъ старъ святъ моужь. притисну мя, и душа ми изити хощетъ, и рече имъ, скоро выженѣте рать изъ града сего. да невъзметъ ничтоже рать, и излѣзе изъ града. и еще невъстаняше. дондеже пакы рече
CCLXXVII князь боляромъ сіи възвратите все елико пограбихомъ священныя съсоуды церковныя. в Корсоуни и въ Керчи и вездѣ. и принесите сѣмо все. и полѡжите на гробѣ Стефановѣ. ѡни же възвратиша все, и ничтоже себѣ не ѡставиша. но все принесоша и полѡжиша при гробѣ святаго Стефана. и пакы въ ужасѣ, рече святый Стефанъ къ князю. аще не крестишися въ церкви моей, не възвратишися и не изыдеши ѡтсюду. и възпи князь глаголя. да пріидоуть попове и крестят мя. аще въстану и лице мое ѡбратится, крещуся. пріидоша попове, и Филаретъ архіепископъ. и молитву сътвориша надъ княземъ. И крестиша его въ имя Ѡтца и Сына и Святаго Духа. и ѡбратися лице его пакы. крестишажеся и боляри вси. но еще шіа ого боляше. попове же рекоша князю. ѡбѣщайся Богоу, елико ѡтъ Корсуня до Корча что еси взялъ плѣнникы моужи и жены и дѣти. повели възвратити вся, тогда князь повелѣ всѣмъ своимъ вся ѡтпустиша кождо въ своясіи. за недѣлю же не изиде изъ церкви. донелиже даръ даде великъ святомоу Стефану. и градъ и люди и поповъ почтивъ ѡтъиде. и то слышавше иніи ратніи и не смѣаху наити. аще ли кто наидяше, по посрамленъ ѡтхождааше.

32. Д. Ѡ исцѣленіи царици корсоунскія. Анна же царица ѡтъ Корсоуня в Керчь идоущи. разболѣся на поути смертнымъ недугомъ на Чернѣй водѣ. на оумѣ ей пріиде святый Стефанъ. и рече, ѡ святый Стефане. аще мя ѡтъ болѣзни сея избавиши, много ти дароу и почести въздамъ: тоеже нощи ꙗвися ей

святый Стефанъ, глаголя, Христосъ истинный Богъ нашь, исцѣляетъ тя. мною служебникомъ своимъ. въстани здрава, иди в путь свой с миромъ. в той часъ прѣста недугъ ея, и бысть здрава ꙗко не болѣвши ей николиже. и почюти исцѣленіе бывшее ей. и добрѣ похвали Бога, и святаго Стефана. и вси иже с нею въставше заоутра с радостію великою идоша в путь свой. дѣла Божіа проповѣдающе бывшая преподобнымъ его. и многы дары дароваша церкви святаго. си же изрядная чюдеса сътвори Господь преподобнымъ своимъ. всюду проповѣдахоу славу его. сице же бысть житіе преподобнаго Стефана. ꙗко же есть писано.

Въ вышеупомянутомъ Житіи преподобнаго Димитрія Прилуцкаго первый изъ приведенныхъ разсказовъ передается въ слѣ- CCLXXXVIII
дующемъ видѣ: «или иногда такоже страшно чюдо бысть в сꙋроже градѣ. пришедъ кн҃язь ѿ рꙋскаго нова града ратію и градъ взятъ. и плени не токмо люди. но и сосоуды сщ҃енныѧ. еще же и гробъ ст҃ого стефана новаго одѣꙗнъ многоцѣнными поволаками, и нача самъ кнзь совлачити, и невидимо оударенъ бысть полицꙋ абіе. і ѡбратисѧ лице его назадъ, и паки той покаѧсѧ и кр҃щеніе приꙗтъ и вѣрова во х҃а. и плѣнъ возврати, и паки здравъ бысть, исцѣленіе полꙋчи ѿ ст҃аго гроба млт҃вами ст҃го стефана і ѿиде во своꙗси»[1]).

Что̀ намъ слѣдуетъ думать объ этихъ двухъ эпизодахъ, и особенно о первомъ изъ нихъ?.. Прежде всего мы полагаемъ, что разсказъ о посмертныхъ чудесахъ Стефана самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ предыдущимъ, представляетъ нѣкотораго рода параллелизмъ къ двумъ проявленіямъ той же чудодѣйственной силы до смерти и при смерти угодника, и во всякомъ случаѣ не есть простое сочиненіе русскаго автора, а ведетъ свое начало отъ необходимо предполагаемаго древняго источника, писаннаго, конечно, на греческомъ языкѣ. Русскій излагатель при передачѣ двухъ фактовъ, изъ коихъ одинъ прямо касается его отечества, не обнаруживаетъ никакой особой тенденціи, никакого

1) Рукопись Общества любителей древней письменности, № 3131 (F. XCVII), л. 374, XVII в. Выписка сообщена намъ Х. М. Лопаревымъ.

предвзятаго намѣренія или разсчета; по всему видно, что онъ, помимо религіознаго содержанія, былъ равнодушенъ къ своему повѣствованію и не давалъ себѣ ни малѣйшаго труда разъяснить то, что въ немъ было темнаго и загадочнаго: имена Бравлина и Анны (если оба стояли съ самаго начала въ русской редакціи) не вызвали у него никакого ближайшаго историческаго воспоминанія или пріуроченія къ общеизвѣстнымъ событіямъ русской исторіи, кромѣ развѣ указанія на Новгородъ, которое, впрочемъ, могло быть прибавлено послѣ переписчиками. Однимъ словомъ, русскій списатель передалъ то, что нашелъ въ своемъ источникѣ, и если сдѣлалъ какія погрѣшности, то сдѣлалъ ихъ bona fide.
CCLXXXIX Ранѣе, когда повѣствованіе о первоначальной жизни святаго казалось ему слишкомъ сухимъ и краткимъ, а потому и мало назидательнымъ, онъ не усумнился прибѣгнуть къ заимствованіямъ изъ постороннихъ источниковъ, тоже безъ дурного умысла; но здѣсь онъ, очевидно, не былъ въ такомъ положеніи и могъ довольствоваться наличнымъ матеріаломъ. Конечно, только благодаря своему источнику, русскій списатель не сдѣлалъ никакого промаха въ наименованіи храма, въ которомъ хранились останки св. Стефана, и правильно назвалъ его св. Софіею (ср. выше объ ея обновленіи въ 793 году, стр. CLXIV). Во-вторыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что эпизодъ нападенія враждебной рати на Корсунь и Сурожъ — по мысли первоначальнаго автора, которая осталась не искаженною и въ позднѣйшей передачѣ, относился ко времени не очень отдаленному отъ кончины Стефана, а мы знаемъ, что, родившись въ самомъ началѣ столѣтія, Стефанъ скончался навѣрно въ концѣ VIII вѣка, и если присутствовалъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, то уже въ преклонной старости. Разсказъ о разореніи Сурожа и о покушеніи на раку святаго начинается прямо словами, что это случилось по минованіи немногихъ лѣтъ по смерти святаго; мы могли бы, пожалуй, не придавать имъ особеннаго значенія, еслибы далѣе не былъ названъ архіепископъ Филаретъ, очевидно — тотъ же самый, который и выше былъ упомянутъ въ качествѣ ученика и непосредственнаго преемника Стефанова. Итакъ, въ словахъ «не много лѣтъ минуло» нѣтъ никакой ошибки, никакого недоразумѣнія; ихъ нужно принимать въ бук-

вальномъ смыслѣ, не выходя за предѣлы первыхъ двухъ или, въ крайнемъ случаѣ, трехъ десятилѣтій IX столѣтія, такъ какъ Филаретъ, современникъ Өеодора Студита, могъ, конечно, пережить его. Попытка пріурочивать фактъ ко времени св. Владимира, къ концу X вѣка, должна быть признана съ этой точки зрѣнія совершенно неудачною, и въ оправданіе ея можно сказать развѣ только то, что, пока Житіе не было вполнѣ напечатано, отношеніе Филарета къ еще живому Стефану не выставлялось столь рѣшительно и ясно, какъ мы это видимъ теперь. Позволительно отвергать фактическую достовѣрность разсказа, считать его со- ccxc
вершенно баснословнымъ, но во всякомъ случаѣ первое правило здравой критики требуетъ, чтобы мы сначала поняли и приняли дѣйствительный его смыслъ, какъ онъ есть; а въ данномъ случаѣ тотъ, кто первый писалъ исторію о нашествіи Бравлина съ сознаніемъ и мыслью, разумѣлъ, что она произошла при первомъ преемникѣ Стефана, въ началѣ IX столѣтія. Мы полагаемъ, что этотъ сознательный писатель жилъ ранѣе конца X столѣтія, ранѣе времени св. Владимира, князя русскаго, потому что то или другое письменное сказаніе о Стефанѣ и его товарищахъ существовало ранѣе изданія Минологія царя Василія-Болгаробойцы; самое большее — онъ былъ современникомъ этихъ двухъ государей. Какъ это иногда бываетъ, изслѣдователи болѣе всего сомнѣвались въ томъ, что̀ наименѣе подвержено сомнѣнію, усерднѣе всего отрицали то, что̀ наиболѣе ясно. Но сколько бы на то ни было потрачено усилій, трудно доказать, что «не много лѣтъ» значитъ очень много лѣтъ: пятьдесятъ, сто, полтораста и болѣе. Не только писатель столь ограниченнаго кругозора, какимъ является намъ авторъ чудесъ, но ни одинъ свѣтскій или духовный писатель не былъ бы способенъ мѣрять время такими широкими и длинными полосами, чтобы пятьдесятъ и сто лѣтъ казались ему немногими годами, хотя бы приходилось отправляться отъ наиболѣе знаменательной и наиболѣе выдающейся эры. Положимъ, было бы сказано: «нѣсколько лѣтъ по воскресеніи Христа»; мы никакъ бы не подумали, что писатель говоритъ намъ объ эпохѣ Нервы и Траяна (а тѣмъ менѣе объ эпохѣ Марка Аврелія) и разумѣетъ преслѣдованіе христіанъ въ Виөиніи Плиніемъ Младшимъ или кровавое гоненіе въ Ліонѣ. То же самое, если бы счетъ

начинался отъ смерти Александра Македонскаго... Равнымъ образомъ, имя Филарета, выдаваемаго за преемника Стефану, мы никакъ не можемъ замѣнить какимъ-нибудь другимъ и утверждать, что описанное событіе совершилось не при немъ, а напримѣръ, при Вассіанѣ или Пахоміѣ, такъ какъ, къ сожалѣнію, даже самаго списка сурожскихъ архіереевъ у насъ нѣтъ. Всякое отступленіе отъ буквальнаго смысла и точныхъ словъ источника открывало бы просторъ для безграничнаго произвола.

CCXCI Гораздо правильнѣе было бы утверждать, что описаннаго событія вообще никогда не бывало, и что на разсказъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на благочестивую легенду, идея которой — прославленіе чудотворца, а подробности принадлежатъ воображенію писателя; что если онѣ заимствованы изъ дѣйствительности, то именно при помощи фантазіи перенесены изъ одной эпохи въ другую, изъ позднѣйшей въ болѣе отъ насъ отдаленную. Однако, и такое разсужденіе, которое мы пока представляемъ въ общемъ его смыслѣ (не касаясь собственныхъ именъ), не могло бы быть вполнѣ одобрено, какъ безупречное. Такъ или иначе, мы убѣждены, что разсказъ о нашествіи русской рати на Сурожъ заключаетъ въ себѣ подлинную историческую основу, имѣетъ въ виду событіе, дѣйствительно происшедшее въ первой половинѣ X вѣка. Не слѣдуетъ смущаться формою преданія, чудесною и легендарною примѣсью, въ которую оно облечено. Эта форма соотвѣтствуетъ господствовавшему міросозерцанію времени, вслѣдствіе котораго самые простые и естественные процессы и событія представлялись воображенію въ окраскѣ сверхъестественнаго и чудеснаго. Въ современныхъ западныхъ лѣтописяхъ можно было бы указать рядъ аналогическихъ разсказовъ объ отступленіи свирѣпыхъ Норманновъ отъ стѣнъ того или другого монастыря или города, благодаря вмѣшательству того или другого святаго, поразившаго враговъ внезапною болѣзнью. То, что̀ было естественнымъ слѣдствіемъ варварской неумѣренности, приписывалось дѣйствію святаго; но было бы опрометчиво отвергать самую обстановку, при которой предполагаемое чудо совершилось, то есть, осаду и отступленіе варваровъ, — факты, подтверждаемые иногда посторонними свидѣтельствами вполнѣ прозаическаго характера. Именно повѣствованія о чудесахъ святыхъ —

не столько самыя Житія ихъ, сколько чудеса, — представляютъ въ средневѣковой литературѣ наиболѣе обильный запасъ бытовыхъ, да и фактическихъ данныхъ для исторіи отдѣльныхъ городовъ и областей. Чудеса св. Димитрія Солунскаго въ то же время суть драгоцѣннѣйшая хроника этого города, особенно за VI—VIII столѣтія. Недавно обнародованный новый отрывокъ изъ ccxcii
Житія Василія Новаго показываетъ, что даже наиболѣе фантастическія произведенія агіографической литературы могутъ — хотя бы и подъ формой видѣнія — содержать въ остальномъ совершенно трезвый отчетъ объ историческихъ фактахъ [1]). Если бы мы располагали бо́льшимъ числомъ сохранившихся сказаній о святыхъ Корсуня и Сурожа, вообще Тавриды, то многое было бы для насъ гораздо яснѣе въ первоначальной русской исторіи; вѣроятно, насъ не затруднялъ бы тогда и русскій князь, слишкомъ рано появившійся подъ Сурожемъ на историческую сцену. Теперь мы имѣемъ въ сущности одинъ источникъ, въ которомъ можемъ отыскать нѣсколько данныхъ о положеніи вещей на югѣ полуострова въ томъ же IX вѣкѣ, но только въ началѣ второй его половины; мы разумѣемъ извѣстія о пребываніи въ Крыму будущаго славянскаго просвѣтителя и первоучителя, Константина Философа — во время его хазарской миссіи (856 или 858 гг.). Что̀ нашелъ здѣсь славный путешественникъ? Въ такъ называемой Италіанской легендѣ о перенесеніи мощей св. Климента, въ сказаніи, историческій характеръ котораго не подлежитъ сомнѣнію, мы читаемъ, что когда Константинъ разспрашивалъ жителей Корсуня о древнемъ храмѣ Климента по сосѣдству на взморьѣ, то ему стали говорить о бывшихъ частыхъ вторженіяхъ варваровъ, вслѣдствіе чего не только запустѣли окрестности Корсуня, но и большая часть той страны была опустошена и сдѣлалась необитаемою [2]). Мы бы допустили излишнюю смѣлость и произвольность, если бы вздумали утверждать, что здѣсь разумѣется

---

1) А. Н. Веселовскаго, Видѣніе Василія Новаго о походѣ Русскихъ на Византію въ 941 году: Журн. Мин. Нар. Просв., январь 1889. Ср. выше стр. CXXXVI.

2) Praeterea et ob multitudinem incursantium barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita (у Бильбасова: Кириллъ и Меѳодій, т. II, стр. 221).

то самое опустошеніе страны отъ Корсуня до Керчи, о которомъ говорится въ чудесахъ Стефана Сурожскаго, и, слѣдовательно, тѣ же самые враги. Но такъ какъ имя враговъ мы оставляемъ
ccxcIII пока неопредѣленнымъ, то можемъ сказать, что общее содержаніе нашего разсказа не только не противорѣчитъ другому наличному историческому источнику, но находитъ въ немъ извѣстное подтвержденіе. Конечно, многое должно быть отнесено на долю Хазаръ и другихъ тюркскихъ племенъ, ранѣе хозяйничавшихъ на полуостровѣ. Въ (Паннонскомъ) Житіи св. Константина тоже повѣствуется, что во время пребыванія братьевъ въ Корсунѣ къ одному христіанскому городу — всего скорѣе тутъ разумѣется именно Сурожъ — приблизился хазарскій воевода и осадилъ его, но затѣмъ убѣжденный бесѣдою Константина, который лично отправился на встрѣчу варварамъ, отступилъ, не сдѣлавъ никакого вреда, напротивъ давъ обѣщаніе креститься[1]). Но кто сталъ бы этого ожидать и какъ могли бы мы предположить, что въ данное время на полуостровѣ, по дорогѣ отъ Корсуня къ Азовскому морю, можно было также встрѣтить и Угровъ? А между тѣмъ они преслѣдовали Константина-Кирилла и выли какъ волки, когда онъ совершалъ означенный путь[2]). Ничего не будетъ удивительнаго, если мы встрѣтимся и съ Русскими...

Самый важный, но въ то же время и самый затруднительный пунктъ въ сказаніи о нашествіи на Сурожъ въ первой половинѣ или, скорѣе, въ первой четверти IX вѣка представляетъ именно то, что враги названы по имени, что при этомъ дано не только этнографическое, но и географическое опредѣленіе. Рать была русская, предводителемъ ея былъ русскій князь Бравлинъ; сверхъ того, она будто бы пришла изъ Новгорода.

Для разрѣшенія трудности есть два пути. Если разсматривать сказаніе о чудѣ просто какъ легенду, то что̀ же удивительнаго представляетъ знакомство писателя, жившаго, можетъ быть, не много ранѣе Василія Болгаробойцы и св. Владиміра, не только

1) Бодянскій, Кириллъ и Меѳодій, въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн., 1863, кн. 2, стр. 12. Ср. Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій, II, 171.
2) См. тамъ же.

съ Русью, но и съ Новгородомъ? Именно въ его время, при Владимирѣ Святославичѣ и ранѣе, Русскіе считались опасными сосѣ- CCXCIV
дями для Корсуня и страны той: естественно было перенести и въ предшествующую эпоху, въ начало XI вѣка, представленіе своей собственной и какое-нибудь неопредѣленное упоминаніе о врагахъ, о Скиѳахъ, а еще лучше, о Тавро-Скиѳахъ, истолковать въ смыслѣ Руси и Новгорода, извѣстнаго еще Константину Багрянородному подъ именемъ Немогарда. Если этого мало, то можно отнести нѣчто на счетъ и русскаго составителя біографіи Стефана Сурожскаго, напримѣръ, прибавленіе Новгорода, какъ уже и поступилъ одинъ изъ изслѣдователей, Е. Е. Голубинскій. Не лишнее было бы при этомъ припомнить и разсказъ, заимствованный Герберштейномъ будто бы изъ Новгородскихъ лѣтописей, о происхожденіи Холопьяго города, разсказъ, начинающійся тѣмъ, что Новгородцы семь лѣтъ сряду осаждали Корсунь [1]). Многое, конечно, противится такому взгляду на сказаніе, вслѣдствіе котораго улетучивается совсѣмъ его историческое содержаніе, — противится прежде всего опредѣленность указаній на личныя имена дѣйствующихъ: архіепископъ Филаретъ, князь Бравлинъ.

Каковъ другой путь, на это указываютъ слѣдующія весьма выразительныя и сильныя замѣчанія другого русскаго ученаго (А. С. Будиловича) по поводу русскихъ письменъ, найденныхъ въ Крыму св. Кирилломъ: «Роль культурнаго моста между Византіей и Русью началъ играть Корсунь отнюдь не съ X вѣка, не со времени Владимира Святаго, а гораздо раньше и во всякомъ случаѣ не позже хазарской миссіи Кирилла философа... Въ самомъ дѣлѣ, пора бы уже оставить старую ипотезу о тожествѣ Руси съ Варягами — норманскими, литовскими, вендскими и иными — и примириться съ мыслію, что уже въ IX вѣкѣ жилъ на Днѣпрѣ и въ побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей вплоть до Тамани могущественный и мореходный Славянскій народъ, давшій уже въ IX вѣкѣ этимъ морямъ свое русское имя и скоро, въ X—XI вв., наполнившій молвою о своихъ подвигахъ страницы греческихъ, славянскихъ и другихъ лѣтописей и актовъ. CCXCV

1) Rerum Moscov. Commentar., ed. Starczewsky, p. 51.

Если нашимъ варягоманамъ недостаточно свидѣтельствъ греческихъ о набѣгахъ Руси на Царьградъ въ 865 и 941 гг., латинскихъ (Бертинской лѣтописи) — о сношеніяхъ русскаго (?) кагана съ императоромъ Ѳеофиломъ въ 839 г., арабскихъ — о набѣгахъ Руси на берега Каспійскаго моря въ 880, 909—910, 914, 944 гг. и вообще о существованіи на границахъ Хазаріи сильнаго славянскаго народа Русь; славянскихъ — о раннихъ походахъ на Царьградъ же, Дунай, Хазарію, о войнахъ Руси Тмутараканской съ народами подкавказскими и т. д.; если все это не убѣждаетъ ихъ въ очень раннемъ существованіи сильнаго Русско-славянскаго государства между Днѣстромъ и Кубанью, то пусть же объяснятъ они безъ этого предположенія разсказъ Паннонскаго Житія св. Кирилла о посѣщеніи имъ Корсуня (до 862 г., слѣдовательно, «до призванія Варяговъ-Руси» нашей начальной лѣтописи) и находкѣ тамъ русскаго Евангелія и Псалтыри: «обрѣте же тоу ѥвангелиѥ и псалътырь роусьскыими письмены пьсано и человѣка обрѣтъ глаѭшта тоѭ бесѣдоѭ и бесѣдова съ нимь, и силѫ рѣчи приимъ, своѥи бесѣдѣ прикадаѩ различьнаꙗ письмена гласнаꙗ и съгласьнаꙗ, и къ богоу молитвѫ творѩ въ скорѣ начѧтъ чьсти и съказати, и мънозисѧ ѥмоу дивлѣахѫ бога хвалѩште (гл. 8)... Голословная фраза объ интерполяціи («Каспій» Дорна и Куника) тутъ не поможетъ, ибо приведенное мѣсто находится во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ Паннонскаго Житія, которыхъ имѣется дюжины полторы»[1]).

Въ интерполяцію мы точно также не вѣримъ и вполнѣ готовы присоединиться къ мнѣнію о существованіи и распространенности именъ Русь и Русскій ранѣе 862 года. Послѣ тщательнаго разбора другого памятника, аналогичнаго съ Житіемъ Стефана Сурожскаго, мы давно пришли къ заключенію, что подразумѣваемый памятникъ, то есть, Житіе Георгія Амастридскаго, написанъ ранѣе 842 года, и что, слѣдовательно, имя Руси (*Ῥῶς*), которая
ccxcvi тамъ въ концѣ упомянута, было извѣстно на берегахъ Чернаго моря ранѣе этого года. Амастридское Житіе имѣетъ то именно преимущество предъ Сурожскимъ, что дошло до насъ въ перво-

---

1) А. С. Будиловичъ, О греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности Кирилла и Меѳодія: Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Варшавскимъ университетомъ. Варшава, 1885, стр. 26—27.

начальномъ своемъ видѣ и въ греческомъ подлинникѣ, притомъ съ явными признаками времени своего написанія. Важно не столько то, дѣйствительно ли русскій князь хотѣлъ ограбить гробницу Георгія въ Амастридѣ и былъ остановленъ вмѣшательствомъ естественной или сверхъестественной силы, сколько самая возможность такого разсказа въ устахъ греческаго писателя первой половины IX вѣка. Въ этомъ отношеніи свидѣтельство Амастридскаго Житія можетъ быть поставлено не только на ряду съ жизнеописаніемъ св. Кирилла, писаннымъ, какъ полагаютъ, въ X вѣкѣ, но еще превосходитъ его своею древностію. Тѣмъ не менѣе, мы не дерзнемъ сказать, что та Русь, которая посѣтила въ первой половинѣ IX вѣка берега Пафлагоніи, была Русь славянская. Уважаемый ученый славистъ, слова котораго были приведены, забываетъ, что свидѣтельству Паннонскаго Житія о русскихъ письменахъ, принимаемыхъ за славянскія, можетъ быть противопоставлено по крайней мѣрѣ равносильное свидѣтельство императора Константина Багрянороднаго, который хорошо зналъ Славянъ и лично принималъ русскую княгиню Ольгу, а между тѣмъ выразительно и рѣзко отличалъ русскій языкъ отъ славянскаго и Русь отъ Славянъ точно такъ же, какъ и наша первоначальная лѣтопись. На сцену выступаютъ Днѣпровскіе пороги, которыхъ никакъ нельзя миновать; да и обойти ихъ посредствомъ умолчанія — дѣло не такое, чтобы оно приличествовало ученому, привыкшему рѣшительно и прямо высказывать свои мнѣнія. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что русскія названія пороговъ у Константина суть названія тоже славянскія, но только другого нарѣчія. Когда предметъ на одномъ языкѣ называется Неясыть, а на другомъ Аифаръ, на одномъ языкѣ Островной порогъ (собств. Островуни-прахъ, въ болгарской формѣ), а на другомъ Улворси и т. д., то это весьма мало походитъ на діалектическія отличія. Замѣчаніе Погодина о двухъ славянскихъ языкахъ, которые такимъ путемъ получатся, хотя и способны были разгнѣвать кое-кого, все-таки были справедливы и мѣтки. Нельзя также утверждать, что Константинъ допустилъ въ противоположеніи русскихъ названій славянскимъ какое-либо недоразумѣніе, потому что онъ вполнѣ послѣдователенъ вездѣ, гдѣ говоритъ о Руси и Славянахъ; первые— CCXCVII

господствующій народъ, а вторые — Дреговичи, Кривичи — его данники. Итакъ, кому же принадлежали русскія письмена Паннонскаго Житія, и кто были Русскіе, приходившіе съ княземъ Бравлиномъ подъ Сурожъ въ началѣ или первой половинѣ IX вѣка, а около того же времени посѣтившіе Амастриду? Когда въ 839 году чрезъ Константинополь прибыли въ страну Франковъ и явились въ Ингельгеймѣ подданные кагана (А. С. Будиловичъ съ увѣренностью называетъ этого кагана русскимъ, хотя источникъ, Бертинскіе анналы, не даетъ на это права), — и заявили, что ихъ именуютъ Русью (Rhos), то тамъ отнеслись къ такому наименованію отчасти съ недоумѣніемъ, отчасти съ недовѣріемъ и произвели собственное разслѣдованіе, послѣ котораго признали ихъ Шведами (ex gente Sueonum). Можно было бы остановиться и на такомъ рѣшеніи, особенно если допустить, согласно съ таинственными намеками самихъ норманистовъ (А. А. Куника), возможность отыскивать этихъ Свеоновъ по сю сторону Балтійскаго моря, гдѣ-нибудь поближе къ Новгороду и Кіеву. Въ сущности, для объясненія Сурожской легенды этого, пожалуй, и было бы достаточно. Такая или иная, но въ первой половинѣ IX вѣка существовала Русь, о которой могли знать въ Сурожѣ по слуху или даже по личному знакомству. Но этого недостаточно ни для Амастридскаго Житія, ни тѣмъ болѣе для объясненія русскихъ письменъ въ Тавридѣ. Въ Амастридскомъ Житіи Русскіе довольно явно пріурочиваются къ другому весьма употребительному этническому термину «Тавроскиѳы». Названіе Тавроскиѳы есть сложное и должно собственно обозначать смѣсь Тавровъ, древнихъ обитателей Тавриды, отожествляемыхъ, какъ мы видѣли, въ началѣ второй главы, съ иранскими Аланами, и съ ними Скиѳовъ. Въ глубину вѣковъ и въ темныя дебри вопроса
CCXCVIII о происхожденіи Скиѳовъ мы не будемъ пускаться, но мы хорошо знаемъ, что у римскихъ и греческихъ писателей III и IV вѣковъ по Р. Х. Скиѳами назывались Готы; итакъ, Тавроскиѳы суть смѣсь Готовъ съ Таврами, иначе Аланами, иными словами — тѣ Валанготы или Валаготы, которые упоминаются въ спискѣ племенъ VIII вѣка (Generatio gentium). Тавроскиѳы прежде всего встрѣчаются около 140 года по Р. Х. у Птолемея, какъ обитатели окрестностей извѣстнаго Ахиллесова Дрома, по имени

котораго и древніе Русы — по византійской ученой терминологіи тоже Тавроскиѳы — назывались еще и Дромитами (Claudii Ptolemaei Geogr. III 5, 11, p. 431, 5 Müller.)[1]); затѣмъ о Тавроскиѳахъ, какъ врагахъ греческой Ольвіи около 160 года, упоминаетъ Юлій Капитолинъ, писатель IV вѣка (при Константинѣ). Что мѣшаетъ намъ видѣть въ нихъ Готовъ или Валаготовъ? Конечно, не сага Іорданиса о переселеніи Готовъ изъ Скандинавіи, которое онъ, впрочемъ, помѣщаетъ въ доисторическое время... Въ Крыму со временъ глубокой древности извѣстны Скиѳотавры, и мы не знаемъ, въ какой степени нужно отличать ихъ отъ Тавроскиѳовъ. Имя ‹Scythotauri› встрѣчается у Плинія (Nat. Hist. IV 12, 85, p. 184, 16 Detlefsen.); Арріанъ, писатель II вѣка по Р. Х., и безымянный авторъ Перипла Чернаго моря говорятъ о гавани Скиѳотавровъ, находящейся въ 200 стадіяхъ (35 верстахъ) отъ Ѳеодосіи, то есть, либо на мѣстѣ нынѣшняго Судака, стариннаго Сурожа, либо на мѣстѣ нынѣшняго Отуза[2]), въ извѣстной близости и, можетъ быть, и связи съ средневѣковыми поселеніями Готовъ на южномъ побережьи Крыма. Въ Житіи Іоанна Готскаго говорится, что земля Тавроскиѳовъ подчинена власти Готовъ, или, по первоначальному чтенію, находится подъ страною Готовъ[3]): въ этомъ заключается либо отожествленіе Готовъ съ Тавроскиѳами, либо указаніе на существованіе съ Готами Климатовъ еще другихъ по близости. Въ житіи херсонскихъ CCXCIX
мучениковъ, написанномъ, какъ мы знаемъ, ранѣе конца X вѣка, читаемъ, что одинъ изъ нихъ былъ поставленъ въ Корсунѣ въ епархіи Тавроскиѳовъ[4]). Но гдѣ Тавроскиѳы, тамъ и Русскіе. Нѣсколько, правда, поздняя Саксонская хроника выражается о Климентѣ, херсонскомъ мученикѣ, что онъ умеръ въ Россіи (Ruzen). Развалины Фуллъ, сосѣднихъ съ Сурожемъ, назывались до послѣдняго времени русскими Фуллами, Русско-фулями

1) ‹*παρὰ δὲ τὸν ᾿Αχιλλέως δρόμον οἱ Ταυροσκύθαι*›.
2) Брунъ, Черноморье, II, 124.
3) ‹Труды В. Г. Васильевскаго, II, 396. 404›.
4) ‹Стр. 58, 17, изд. В. В. Латышева въ Зап. Имп. Ак. Н., VIII сер. по Ист.-Филолог. Отд., т. VIII, № 3:› *ἀλλὰ δὴ κἀν τῇ Χερσῶνι τῆς Ταυροσκυθῶν ἐπαρχίας*. Въ Супрасльской рукописи ‹ср. ibid. 68, 6›: «еже есть Херсоньскый градъ отъ Таврьскыя земья».

(Кеппенъ, Крымскій сборникъ, стр. 177, 178, 132). Но мы
первые скажемъ, что и подъ русскими письменами, найденными
въ Корсунѣ св. Кирилломъ, слѣдуетъ разумѣть готскія письмена,
Евангеліе и Псалтырь въ переводѣ Ульфилы. Если справедливо,
что Паннонскія Житія были первоначально написаны на греческомъ
языкѣ, какъ доказывалъ Вороновъ (Главнѣйшіе источники
для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія, Кіевъ, 1877), то можно
предполагать, что въ подлинникѣ вмѣсто «русскій» стояло собственно
выраженіе «тавроскиѳскій», означавшее, какъ видно изъ
вышеприведеннаго, или безразлично Готовъ, смѣшавшихся съ
древнимъ населеніемъ, и Русскихъ, либо сначала Готовъ, а съ
IX вѣка Русскихъ. Кромѣ Ахиллесова Дрома (полуостровъ Тендра)
близъ устьевъ Днѣпра, кромѣ южныхъ береговъ Крыма,
извѣстенъ еще одинъ центръ, гдѣ долго сохранялись остатки
пребыванія Готовъ въ южной Россіи, въ Азовско-Черноморскихъ
областяхъ — это страна Готовъ Тетракситовъ, поселенія Готовъ
около Анапы, почти совпадавшія географически съ Тмутараканью,
самое названіе которой — мы думаемъ — родственно
имени Тетракситовъ (вмѣсто Тметракситовъ); а это есть въ
то же время исконный центръ и русской жизни. Однимъ словомъ,
мы хотимъ сказать, что всѣ извѣстія о Руси и Русскихъ
до половины IX вѣка относятся къ Тавроскиѳамъ и объясняются
отожествленіемъ Руси съ Тавроскиѳами и этихъ послѣднихъ съ
Готами, Валанготами, Готаланами. Мы не хотимъ здѣсь пропо-
ccc вѣдывать новой теоріи происхожденія Русскаго государства или,
лучше сказать, русскаго имени, которую пришлось бы назвать
готскою (намеки на нее давно уже встрѣчаются), но не можемъ
обойтись безъ замѣчанія, что при современномъ положеніи вопроса
она была бы во многихъ отношеніяхъ пригоднѣе нормано-скандинавской.
Для нашей настоящей цѣли достаточно знать,
что въ первой половинѣ IX вѣка существовало нѣсколько пунктовъ,
къ которымъ прикрѣплялось сначала греческое названіе
Тавроскиѳы, а затѣмъ въ томъ же столѣтіи распространившееся
имя Руси, не устранившее перваго, болѣе литературнаго, а служившее
для него параллельнымъ выраженіемъ, отчасти переводнымъ.
Въ самыхъ звукахъ слова Тавроскиѳы есть элементы,
изъ которыхъ въ народномъ греческомъ языкѣ, столь склонномъ

къ усѣченіямъ, могло выработаться названіе Рôсъ[1]). На это какъ будто указываетъ замѣчаніе Льва Діакона (р. 63), что Рôсъ есть простонародное выраженіе, означающее народъ, который по настоящему долженъ именоваться Тавроскиѳами. Который изъ трехъ центровъ — таврическій, приднѣпровскій или тмутараканскій — былъ точкою отправленія походовъ на Амастриду и Сурожъ, рѣшить довольно трудно, да, можетъ быть, въ этомъ и нѣтъ нужды. Если мы остановимся на таврическихъ Готахъ, то возраженіемъ будетъ служить то обстоятельство, что вождь враждебной рати представляется язычникомъ, тогда какъ Готы Климатовъ давно были христіанами. Развѣ предположимъ согласно съ вышеприведенными намеками, что, кромѣ Готскихъ Климатовъ, занимавшихъ побережье отъ Алушты до Балаклавы, были еще другія родственныя поселенія германскаго племени — на сѣверъ отъ Корсуня, гдѣ послѣ на италіанскихъ картахъ встрѣчается гавань Варанговъ (Varangolimen) и мѣсто, называемое Россо-фаръ[2]), или около Симферополя, гдѣ въ древности стоялъ городъ *Νεάπολις* = Новгородъ, упомянутый въ знаменитомъ декретѣ Діофанта? Если Новгородъ оставимъ въ сторонѣ, считая слово прибавкою русскаго излагателя чудесъ Стефана Сурож- CCCI
скаго или переписчиковъ его компиляціи, или же выраженіе отъ Новгорода = Неаполя будемъ объяснять въ смыслѣ одного указанія той дороги, которою шла непріятельская рать къ Сурожу, то одинаково хорошо подходитъ къ дѣлу какъ Русь Тмутараканская, такъ и Приднѣпровская. Мы уже замѣчали, что господство Хазаръ въ Крыму и надъ самыми Русскими областями ничему не мѣшало. Господство это, съ одной стороны, было не прочное, такъ какъ города южной Тавриды — Корсунь и Сурожъ — одинаково тяготѣли къ Византійской имперіи и дѣлали неизбѣжныя попытки къ освобожденію, а съ другой — самыя племена, подвластныя хагану, не лишались возможности дѣйствовать самостоятельно.

---

1) ‹Возраженія сдѣлалъ акад. Ягичъ въ Arch. f. Slav. Philol., Bd. 16 (1894), 216—224. Они повторены въ Byzant. Zeitschr., IV, 210›.

2) Брунъ, Черноморье (Берегъ Чернаго моря по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій), I, 91; ср. 128.

Что касается имени князя, предводившаго русскою ратью, то мы не надѣемся истолковать его столь удовлетворительно, чтобъ устранить всякія сомнѣнія. Можно утверждать только одно, что превращеніе Бравлина (или Бравалина) въ бранливаго князя, встрѣчающееся въ менѣе исправныхъ рукописяхъ Сурожскаго сказанія, есть позднѣйшее чтеніе, склоняющееся къ осмысленію неудобовоспринимаемыхъ звуковъ. Въ томъ спискѣ, который послужилъ намъ для изданія текста и считается лучшимъ и древнѣйшимъ, слово Бравлинъ, очевидно, принимается за собственное имя и въ этомъ смыслѣ поставлено въ заглавіи статьи. Чтеніе Бравалинъ принадлежитъ преимущественно заимствованіямъ изъ Житія, напримѣръ, въ Степенной книгѣ. Само собою очевидно, что скорѣе отъ Бравлина могъ произойти бранливый князь, чѣмъ наоборотъ — отъ бранливаго Бравлинъ. Да и всякая надобность настаивать на предпочтеніи дурного чтенія лучшему исчезаетъ, какъ скоро пріуроченіе сказанія о чудѣ къ Владимиру Святому оказывается невозможнымъ. Если бы нужно было искать въ средневѣковой литературѣ подобозвучныхъ именъ, то намъ представляется прежде всего вестготскій епископъ (въ Сарагоссѣ) Брауліонъ, по просьбѣ котораго Исидоръ Севильскій († 636) написалъ книгу своихъ этимологій[1]). Съ другой
CCCII стороны, предполагая первоначальное написаніе имени греческимъ алфавитомъ, въ которомъ нѣтъ буквы *б*, мы могли припомнить старое чтеніе Эймундовой саги, для обозначенія русскаго князя Брячислава, считаемаго братомъ Ярослава I, Варнлавъ (Varnlaf), еслибъ это чтеніе не было замѣнено въ новыхъ изданіяхъ другимъ, которое звучитъ уже Вартилафъ (Vartilaf)[2]). Извѣстенъ въ концѣ IX столѣтія славянскій князь Брацлавъ, который владѣлъ землею между Савою и Дравой: нѣмецкія лѣтописи называютъ его Брацлавономъ[3]). Если же прибѣгнуть къ

---

1) Isidori Hispalensis episcopi epistolae (Patr. lat., t. 83), col. 898: epistola Braulioni archidiacono; col. 908: Braulioni episcopo; col. 910: Braulionis episcopi Isidoro и т. д. (coll. 911, 914). Ср. col. 1056 и Patr. lat., 82, 53.

2) Antiquités Russes, II, 178.

3) Brazlowo, -onis, dux Pannoniae: Annales Fuldenses, (MG., SS. I, 401, 408, 413. О немъ см. у К. Я. Грота, Моравія и Мадьяры, стр. 138, 332 сл., 352, 357.

догадкамъ о возможныхъ искаженіяхъ, то представится рядъ разнаго рода германскихъ именъ, начиная съ епископа Берновина (Dümmler, Gesch. des ostfränkisch. Reichs, III, 683), и кончая готомъ Фравиттой, отъ котораго можно по аналогіи произвести наименованіе съ окончаніемъ на инъ въ родѣ алеманнскаго Бутилина и т. п.

Остается сказать два слова о послѣднемъ чудѣ, въ которомъ на сцену является царица Анна, получившая исцѣленіе на Черной водѣ, что̀ въ переводѣ на греческій будетъ Мавро-потамо, а на турецко-татарскій Кара-су (слѣдовательно, около Карасу-базара). Теперь мы положительно знаемъ, что эта мѣстность находилась по сосѣдству съ древними Фуллами[1]). Конечно трудно найти какую-нибудь другую Анну, которая была бы царицей и притомъ имѣла бы несомнѣнный исторически-извѣстный случай посѣтить Крымъ не позднѣе конца X вѣка, кромѣ византійской царевны, выданной за Владимира Русскаго и прибывшей въ CCCIII
989 году въ Корсунь, гдѣ она присутствовала при крещеніи своего нареченнаго супруга. Возможно, что въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о ней; но странно только, что при ея имени не прибавлено ни малѣйшаго разъясненія и ни малѣйшаго намека на ея отношеніе къ Византіи и Руси. Если это предполагалось общеизвѣстнымъ, то обличало бы современнаго писателя, который къ старымъ чудесамъ Стефана, извѣстнымъ по преданію устному или письменному, прибавилъ свое добавленіе, относящееся къ ближайшей ему эпохѣ. Страненъ и путь, которымъ царица направлялась — предполагается — въ Кіевъ отъ Корсуня черезъ Керчь, хотя намъ и говорятъ о существованіи рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море: признаемся, что такой путь продолжаетъ казаться намъ весьма проблематичнымъ[2]). Не разумѣется ли тутъ

---

1) Въ концѣ списка епархій, недавно изданнаго де-Бооромъ (Zeitschrift für Kirchengesch., Bd. XII (1891), 533; см. выше, стр. CLXIV), читается сдѣланная позднѣйшею рукою приписка слѣдующаго содержанія: *Ἐπαρχεία Γοτθείας ά ˙ό Χοτζίρων σύνεγγυς Φούλων καὶ τοῦ Χαρασίου* (Кара-су?), *ἐν ᾧ λέγεται τὸ μάβρον ναιρῶν* (чит. *μαῦρον νερόν* = Черная вода).

2) См. статью Ф. К. Бруна «Слѣды древняго рѣчного пути изъ Днѣпра въ Азовское море» (Черноморье, т. I, стр. 92—133) и нашу рецензію на этотъ томъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., ноябрь 1879 г., стр. 100 сл.

просто хазарская царица — другая по отношенію къ той, которая раньше была названа дочерью корчевскаго царя? Наконецъ, и самое чтеніе Анна, какъ видно изъ варіантовъ, не вполнѣ надежно: въ одномъ изъ хорошихъ и древнихъ списковъ вмѣсто того мы разобрали просто «а и царица», а въ другомъ — «а иная царица»...

Житіе св. Стефана Сурожскаго въ рукописныхъ сборникахъ — Торжественникахъ и Минеяхъ русскаго происхожденія встрѣчается довольно часто, такъ что его списковъ, сдѣлавшихся извѣстными по каталогамъ библіотекъ, можно было бы указать много; но мы ограничимся обозначеніемъ только тѣхъ, которыми мы дѣйствительно пользовались. Сюда относятся, во-первыхъ, два сборника (Торжественники), отмѣченные еще Востоковымъ въ Описаніи рукописей Румянцовскаго музея (№№ 434 и 435); мы сейчасъ привели изъ нихъ нѣсколько варіантовъ въ разсказѣ о посмертныхъ чудесахъ святаго. Нужно притомъ замѣтить, что сборникъ № 434 относится по времени написанія къ XVI вѣку,
ccciv а сборникъ № 435 написанъ въ концѣ XV вѣка и во многомъ исправнѣе предшествующаго, какъ это можно заключить и по тексту нашего памятника. Во-вторыхъ, укажемъ сокращенную редакцію Житія, которая читается въ Толстовскомъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки, писанномъ въ XVI вѣкѣ (по Описанію рукописей гр. Толстого, II, № 252; по каталогу Имп. П. Б-ки Q. I. 209); она также заслуживаетъ вниманія, ибо можетъ быть иногда полезна для исправленія ошибочныхъ чтеній въ самыхъ лучшихъ спискахъ, примѣръ чего представляетъ примѣчаніе на стр. 98. Для изданія полнаго текста, что̀ и было всего необходимѣе, мы избрали указанный профессоромъ Е. Е. Голубинскимъ сборникъ (Четью-Минею) Московской Духовной Академіи № 90, перешедшій въ ея библіотеку изъ книгохранилища Троице-Сергіевой Лавры. Этотъ сборникъ писанъ на бумагѣ, хорошимъ полууставомъ XVI вѣка, на 496 листахъ. Онъ содержитъ въ себѣ избранныя житія святыхъ за декабрь мѣсяцъ, въ числѣ ихъ и сочиненное митрополитомъ Кипріаномъ Житіе Петра Митрополита, а также слова или бесѣды

на Рождество Христово и прочіе праздники того же мѣсяца — Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Златоустаго и другихъ. Подробное перечисленіе всѣхъ статей этого любопытнаго и важнаго сборника можно найти въ трудѣ архимандрита Леонида: «Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкой Сергіевской лавры въ библіотеку Троицкой духовной семинаріи въ 1747 г.» (Москва, 1884). Житіе Стефана Сурожскаго занимаетъ въ этомъ обширномъ сборникѣ лл. 326—349 и, сколько мы въ состояніи судить по бывшимъ у насъ подъ руками спискамъ, является здѣсь въ наиболѣе исправномъ и подлинномъ видѣ. Различія академическаго списка отъ румянцовскихъ и этихъ послѣднихъ между собою главнымъ образомъ сводятся къ особенностямъ правописанія, къ иной разстановкѣ словъ, къ намѣреннымъ и случайнымъ пропускамъ, къ предпочтенію тѣхъ или другихъ грамматическихъ формъ. Основная цѣль, ради которой мы печатаемъ памятникъ, исключала необходимость полнаго воспроизведенія варіантовъ изъ четырехъ доступныхъ намъ списковъ, такъ какъ отъ этого нельзя было cccv
ожидать какихъ-либо полезныхъ результатовъ для рѣшенія самаго существеннаго для исторической критики вопроса — объ авторѣ Житія, о времени и мѣстѣ его написанія. Итакъ, за исключеніемъ немногихъ разночтеній, отмѣченныхъ въ началѣ и концѣ текста и представляющихъ особый интересъ, мы ограничились воспроизведеніемъ избраннаго списка, при чемъ держались слѣдующихъ правилъ: 1) знаки препинанія удерживаются рукописные; 2) титла раскрываются; 3) обычный въ рукописи *юсъ* малый (ѧ) замѣняется буквою *я*, но ꙗ удерживается; 4) двойное начертаніе для звуковъ *о* и *у* сохраняется, при чемъ однако *укъ* (ȣ) или простое *у* выражается обыкновеннымъ начертаніемъ нынѣшней соотвѣтствующей буквы, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда это могло бы повести къ смѣшенію съ двойнымъ *у* (то есть, оѵ) и къ недоразумѣнію (какъ въ словѣ: поȣченіе); 5) верхній паерокъ удерживается. Сверхъ того, для удобства при ссылкахъ мы ввели раздѣленіе на главы, съ указаніемъ ихъ содержанія.

Что касается греческаго краткаго Житія Стефана Сурожскаго (Сугдейскаго), то происхожденіе напечатаннаго текста изъ

единственнаго до сихъ поръ извѣстнаго списка, находящагося въ библіотекѣ Греческой богословской школы на островѣ Халки, указано выше (стр. CXLVIII и CCXVIII)[1]).

---

1) ‹Выводы В. Г. Васильевскаго изложены для публики въ статьѣ В. Б. Происхожденіе Руси (Истор. Вѣстникъ, 1893 г., май, стр. 468—472) и въ рецензіи Русской Мысли (1893 г., августъ, библ. отд., стр. 370—375)›.

I.

ЖИТІЕ СВ. ГЕОРГІЯ АМАСТРИДСКАГО.

Μηνὶ τῷ αὐτῷ η'.

Βίος σὺν ἐγκωμίῳ εἰς τὸν ἐν ἁγίοις πατέρα ἡμῶν καὶ θαυματουργὸν Γεώργιον, τὸν ἀρχιεπίσκοπον Ἀμάστριδος.

1. Οἱ πρὸς τοὺς γυμνικοὺς ἀγῶνας ἀποδυόμενοι σκάμματα οὐ πρότερον εἰς τοῦτο παρὰ τῶν τοιούτων ἐπιστατούντων καταλέγονται, πρὶν ἂν σύνδρομον τῇ πείρᾳ τὴν φυσικὴν ἐν προγυμνάσμασιν ἐνδεί-

---

Того же мѣсяца (Февраля) восьмой (день).

Житіе съ похвалою во святыхъ отца нашего и чудотворца Георгія, архіепископа Амастридскаго.

I.

Приступъ автора и обозначеніе содержанія.

1. Готовящіеся къ гимнастическимъ состязаніямъ не прежде къ тому допускаются завѣдующими тѣми лицами, какъ докажутъ въ предварительныхъ упражненіяхъ соотвѣтствующую испытанію

<P = Codex Parisinus 1452
Va = Vasiljevskij
Ni = Nikitin, Ni* = Никитинъ «О нѣкоторыхъ греч. текстахъ житій святыхъ» (Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII серія, по ист.-филол. отд., т. I, № 1).>

4 *τοὺς γυμνικοὺς ἀγῶνας* P, *τὰ* <*τὰ τοῦ?* Ni> *γυμνικοῦ ἀγῶνος?* Va

ξαιντο ἐπιτηδειότητα. ἡμᾶς δὲ καὶ πρὸ πείρας καὶ μηδὲν προεισενεγκόντας τοῦ παρόντος ἀγῶνος ἐπάξιον οἱ πνευματικοὶ πρὸς αὐτὰ
2 συνωθοῦσιν ἀγωνοθέται τοῦ λόγου τὰ σκάμματα. καὶ πολὺς ἡμῖν ὁ τῆς ἀναβολῆς λόγος ταῖς ῥηθείσαις αἰτίαις καθέστηκεν· τό τε γὰρ ὑπεῖξαι τοῖς τῶν παρορμώντων λόγοις ἐπικίνδυνον, καὶ τὸ σιωπὴν ἀσκεῖν οὐδὲν ἧττον ἐπανατεῖναι τὴν βάσανον, τὸ μὲν ὡς θρασύτητος παρεχόμενον τὴν ἔμφασιν (πᾶν γὰρ τὸ παρὰ τὸ προσῆκον τολμώμενον θράσους ἔμπλεων), τὸ δὲ ὡς ἀμελείας παρέχον ὑφόρασιν. ἀλλ᾽ ἐπείπερ ταῦτα, ὡς τῷ ἀληθεῖ δοκεῖ λόγῳ, οὕτως ἔχειν ὁ λόγος παρέστησεν, ἔστι δὲ κἂν ἐν φευκτοῖς τὸ μᾶλλον κακίᾳ κουφότερον αἱρετώτερον, θράσος δὲ ἀμελείας μετριώτερον δοκεῖ ἐμπαρέχειν τὸν
P fol. 57 v κίνδυνον (τὸ μὲν γάρ ποτε καὶ ζῆλος εἰργά||σατο ἔνθεος καὶ πόθος παρεσκεύασε διάπυρος, ἡ δὲ ψυχῆς ἐστιν ὑπτίας καὶ ἀπογνώσεως γείτονος), ἐκ τῶν ἀμφοτέροις ἑπομένων θάτερον, τὸ λέγειν, φημί, αἱρετώτερον ἡγησάμενοι, ἐπ᾽ αὐτοὺς ἤδη τοὺς ἀγῶνας τῶν λόγων χωρεῖν προθυμούμεθα, αὐτὸν προστησάμενοι τοῦ λόγου Θεὸν τὸν

физическую способность. А насъ и прежде всякаго опыта и нимало не запасшихся чѣмъ-либо достойнымъ настоящаго состязанія духовные подвигоположники толкаютъ на арену слова. И по указаннымъ причинамъ у насъ было много основаній для откладыванія (для колебанія); ибо опасно было уступить рѣчамъ побуждающихъ, но и упражняться въ молчаніи значило бы только продлить испытаніе. Одно представляло бы видъ дерзости, ибо все, на что рѣшаешься сверхъ надлежащаго, исполнено дерзости; другое—возбудило бы подозрѣніе въ пренебреженіи. Вотъ наше слово объяснило положеніе дѣла, какъ оно представляется на истинный взглядъ.

Но и при выборѣ изъ того, чего слѣдуетъ избѣгать, должно предпочитать легчайшее зло; а дерзновеніе представляетъ, кажется, меньшую опасность, чѣмъ небреженіе. Первое внушается иногда одушевленною ревностію и производится пламеннымъ желаніемъ, а второе есть признакъ души лѣнивой и близкой къ отчаянію. На основаніи того, что за тѣмъ и другимъ слѣдуетъ, сочтя предпочтительнымъ первое, то-есть, говорить, мы рѣшаемся приступить къ самой словесной борьбѣ, предпоставивъ слову самого Бога, въ отверзаніи устъ подающаго слово, дабы

6 ἐπανατεῖναι Va; cf. Ni* p. 27, § 46

ἐν ἀνοίξει τοῦ στόματος λόγον παρεχόμενον, μὴ κατὰ πολὺ τῆς 3
προθυμίας τὸ ἔργον πεφηνέναι καταδεέστερον.

2. Ἀλλ' ἵνα μὴ τὸ μακρὰ προοιμιάζεσθαι, ὡς ἂν τὰ τῆς ἀπολογίας καλῶς ἔξῃ, ἀφορμὴ ἀνίας τοῖς ἀκροαταῖς ἐπιγένηται, ὡς θᾶττον ποθοῦσιν ἀκούσεσθαι τῆς διηγήσεως, αὐτὸν εἰς μέσον ἐξ αὐτῶν βαλβίδων τὸν ἱμειρόμενον καταστήσωμεν καὶ ὡς ἐν κεφαλαίῳ τὰ τοῦ ἁγίου ἐπιμνησθέντες κατορθώματα ἡδὺ μὲν ἐμπαρέξωμεν τοῖς παροῦσι τὸ ἄκουσμα, προθυμοτέρους δὲ πρὸς τὰ ἑξῆς παρασκευάσωμεν τῆς διηγήσεως. ἀλλὰ τίς οὐκ οἶδεν τὸ μέγα τοῦτο καὶ οὐράνιον ὄντως γεώργημα, τὸ θεῖον γεώργιον καὶ τῆς ἀληθινῆς ἀμπέλου κλῆμα καὶ βλάστημα, οὗ ἀπὸ περάτων μέχρι τερμάτων τὸ κλέος ἐξήχηται, οὗ πολλὰ μὲν τὰ θαύματα, πλείω δὲ τὰ κατορθώματα, τὸν βασιλεῦσι διὰ τὸ τῆς προφητείας αἰδέσιμον χάρισμα καὶ σατράπαις διὰ τὸ τῆς θαυματουργίας ἐξαίρετον σεβάσμιον, τὸν πατριάρχαις πρὸ τῆς ἱερωσύνης δι' ἀρετῆς λαμπρότητα γνώριμον καὶ πᾶσι
πρὸ πείρας σεβαστὸν καὶ ἐπέραστον, τὸ τῶν ἀσκητῶν ὑπόδειγμα καὶ 4
ἱερέων ἐγκαλλώπισμα καὶ μιγάδων ἔρεισμα, τὸν πολεμίοις φοβερὸν καὶ οἰκείοις ποθεινὸν καὶ κινδυνεύουσιν ἀρωγὸν καὶ θλιβομένοις τὰ

самое исполненіе не явилось слишкомъ несоотвѣтствующимъ нашему усердію.

2. А чтобы длинное предисловіе, направленное къ тому, чтобы оправданіе было хорошо принято, не послужило причиною скуки для слушателей, какъ можно скорѣе желающихъ услышать повѣствованіе, мы прямо поставимъ на средину самого желаннаго и, вкратцѣ, какъ бы въ видѣ оглавленія, припомнивъ дѣянія святаго, доставимъ удовольствіе присутствующимъ и сдѣлаемъ ихъ болѣе усердными и расположенными къ послѣдующимъ частямъ повѣствованія. Кто же не знаетъ этого великаго и небеснаго произрастенія, этой вѣтви и отпрыска истиннаго винограда, сего божественнаго Георгія, слава котораго прозвучала отъ края до края, котораго чудеса многочисленны, а подвиги еще многочисленнѣе? Онъ былъ угоденъ въ глазахъ царей ради своего пророческаго дара и былъ уважаемъ сановниками ради необычайности чудотворенія; онъ былъ извѣстенъ блескомъ своей добродѣтели патріархамъ ранѣе своего священства и для

10 *γεώργιον]* **cf. infra cap. 47**

τῆς εὐθυμίας πραγματευόμενον καὶ ἀσθενοῦσιν ἰατρὸν ἣν βούλει νόσον καὶ ἰατρείαν, τὴν τῶν ἁμαρτανόντων ἐπιστροφὴν καὶ σωφροσύνης ὑπογραμμὸν καὶ δικαιοσύνης ζυγὸν καὶ τοῖς πᾶσι τὰ πάντα, ὡς ἂν πάντας κερδήσῃ ἢ τοὺς πλείονας, κατὰ τοῦτο δὴ τὸ τοῦ Παύλου σεμνολόγημα, ταῖς αὐτοῦ πρὸς τὴν ἀρίστην ὁδὸν μεταρυθμίζων εἰσηγήσεσιν; ἀλλ᾽ ἐπεὶ διὰ βραχέων τὰ τῆς ὑποσχέσεως πέρας εἴληφεν, ὑμᾶς ἐξ αὐτοῦ κρασπέδου ἀφῆς ὅλου καταστοχάζεσθαι τοῦ ὑφάσματος, αὐτῆς ἐφάπτομαι χάριτι θείᾳ τῆς διηγήσεως.

3. Τοῦ τοίνυν ἁγίου πατέρες μὲν τυγχάνουσιν εὐπάτριδες καὶ P fol. 58 r *ἐπίσημοι, τὸ πλεῖον Θεῷ ζῶντες ἢ τῇ σαρκὶ προσανέχοντες. || ὧν ὁ μὲν πατὴρ προσηγορίαν ἔσχεν τὸν Θεοδόσιον, ἡ δὲ μήτηρ Μεγεθώ, προκληθεῖσα ὅπερ ἐγένετο ἢ γενομένη ὃ προεκλήθη, τὸ τῶν ἀρετῶν*

всѣхъ прежде испытанія былъ почтеннымъ и желаннымъ; образецъ подвижниковъ, украшеніе іереевъ и опора мірянъ, онъ былъ страшенъ для враговъ и дорогъ для своихъ, онъ былъ помощникомъ для находящихся въ опасности, доставляющимъ ободреніе для напаствующихъ, врачемъ для болѣющихъ какою-бы-то ни было болѣзнію и врачеваніемъ, прибѣжищемъ для грѣшныхъ и образцемъ смиренія, вѣсами справедливости, онъ былъ всѣмъ вся, да всѣхъ — или же множайшихъ — пріобрящетъ, по извѣстному благоизреченію Павла, направляя своими указаніями на путь наилучшій. Но послѣ того какъ то, что было обѣщано, вкратцѣ воспріяло конецъ, и вамъ можно изъ самаго прикосновенія къ воскрилію догадываться о цѣлой ткани, я приступаю съ Божіею благодатію къ повѣствованію.

II.

Рожденіе св. Георгія отъ безплодныхъ родителей. Предсказанія объ его святости и священствѣ.

3. Итакъ — родители святаго были люди благородные и знатные, болѣе живущіе для Бога, чѣмъ внимающіе плоти. Изъ нихъ отецъ носилъ имя Өеодосія, а мать называлась Мегеөо — либо заранѣе прозванная тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась (впослѣдствіи),

3 sq. 1 Cor. 9, 22

ὄντως μέγιστον τέμενος. καὶ καλὸν μηδὲ τὰ ὀνόματα παραδραμεῖν ἀνεξέταστα. οὐδὲν γὰρ καλῶς σκοπουμένοις οὔτε τοῖς σεπτοῖς γεννήτορσιν οὔτε τῷ τιμίῳ γεννήματι παρέργως ἀποκεκλήρωται, οὐ κλῆσις οὐ πρᾶξις οὐκ ἐπιτήδευμα, ἀλλὰ πάντα παρὰ τῆς θείας προγνωσθέντα προνοίας προώρισται· «οὓς» γὰρ «προέγνω, καὶ προώρισε», φησὶν ὁ θεῖος ἀπόστολος. ὅθεν τὴν κλῆσιν ἔσχον τοῖς πράγμασι σύνδρομον, καὶ συνελθοῦσα ἡ Θεοῦ δόσις τῷ μεγέθει τοῦ χαρίσματος καρπὸν ἤνεγκεν, τί ἄλλο χρὴ λέγειν ἢ τῆς θείας ἐπάξιον δόσεως;

Οὗτοι δή, οὗτοι τῆς πλησίον τῆς περιβλέπτου Ἀμάστριδος οἰκήτορες γεγονότες τῶν Κρωμνηνῶν πολίχνης, τῆς μᾶλλον δι' αὐτοὺς ἢ τῷ πολλῷ πλούτῳ καὶ τῇ δυναστείᾳ διασήμου χρηματισάσης, ἐκαρποφόρουν μὲν Θεῷ καθ' ἑκάστην τὰς ἀρετάς, δικαιοσύνῃ 6
συζῶντες καὶ σωφροσύνῃ, 4. ἄπαιδες δὲ τὸ πλεῖστον διατελοῦντες, οὐκ ἐπαύοντο νηστείαις καὶ δεήσεσι τὸ θεῖον ἐκλιπαρεῖν καρπὸν

либо сдѣлавшаяся тѣмъ, что было предсказано наименованіемъ: но поистинѣ — величайшій храмъ добродѣтелей. Хорошо не оставлять безъ испытанія и самыхъ именъ, ибо для внимательно разсматривающихъ ничто не было дано въ удѣлъ по случаю ни почтеннымъ родителямъ, ни честному ихъ порожденію: ни названіе, ни самое дѣло, ни занятіе; но все было предусмотрѣно и предопредѣлено божественнымъ Промысломъ. Ибо ихъ же предувѣдѣ, тѣхъ и предустави, говоритъ божественный апостолъ. Посему они имѣли наименованіе, соотвѣтствующее ихъ дѣламъ, и даръ Божій *(Θεοῦ δόσις)*, сошедшись съ величіемъ *(τῷ μεγέθει)* благодати, принесли плодъ — и нужно-ли говорить, что это былъ плодъ, достойный божественнаго даянія *(θείας δόσεως)*?

Вотъ они-то, сдѣлавшись обитателями ⟨находившагося близъ⟩ почтенной Амастриды городка Кромны, получившаго самую извѣстность болѣе отъ нихъ, чѣмъ отъ многаго богатства или могущества, плодоносили Богу ежедневно свои добродѣтели, живя въ правдѣ и цѣломудріи. 4. Но, долго оставаясь бездѣтными, они не переставали стужать Богу постами и моленіями, дабы онъ даровалъ имъ плодъ для продолженія рода. И, доколѣ благоуханію молитвы сопутство-

3 *οὔτε* P pr., *ὅτε* P corr
5 sq. Rom. 8, 29

*αὐτοῖς εἰς διαδοχὴν χαρισθῆναι τοῦ γένους. καὶ ἕως μὲν τῷ τῆς
προσευχῆς θυμιάματι λείψανόν τι παρείπετο γεώδους πνέον φρονή-
ματος, ὁ πάντα πρὸς τὸ συμφέρον παρασκευάζων Θεὸς ἀνεβάλλετο·
ἐπεὶ δὲ τὴν δικαίαν ἐπὶ πολὺ ἀπαγορεύουσαν ψῆφον αἱ ἀβραμιαῖαι
ἐκεῖναι ψυχαὶ ἐθεάσαντο καὶ τὴν αἴτησιν μένουσαν ἄπρακτον, ἆρα
μή τι ἀγεννὲς ἐνενόησαν; ἢ τῆς οἰκείας ἀρετῆς ἀνάξιον ἐφθέγξαντο;
ἢ τῇ διανοίᾳ ἀνετυπώσαντο, ὡς ἄρα δικαίως αἰτοῦσιν ἀδίκως τὸ
αἰτηθὲν εἰς πέρας οὐκ ἔρχεται; ἢ ἀπρονόητα τὰ τῇδε ὑπενόησαν;
ἢ ἄλλο τι τῶν ὅσα ὁ πονηρὸς ταῖς σαθροτέραις εἴωθεν ἐπισπείρειν
διανοίαις ἠνέσχοντο παραδέξασθαι; οὐμενοῦν. ἀλλὰ τῆς θείας ἀνα-
βολῆς εἰς ἑαυτοὺς μᾶλλον προσῆψαν τὸ αἴτιον· πεφύκασι γὰρ οἱ
κατὰ Θεὸν ζῶντες λογισμῷ ζυγοστατεῖν τὰ θεῖα κρίματα, καὶ εἰ*
7 *μικρόν τι σφαλεῖεν, ἐπιδιορθοῦσθαι ὡς τάχιστα. καὶ λοιπὸν ἐντεῦθεν
ὁ μὲν τὸν Ἀβραὰμ εἶχεν εἰς ὑπόδειγμα, ὅπως ἐν γήρει πατὴρ
ἐχρημάτισεν, ἡ δὲ πρὸς τὴν Σάρραν καὶ τὴν Ἄνναν ἀπέβλεπεν,*
P fol. 58 v *ὅπως τῆς μὲν διὰ τῆς Ἀβραὰμ φιλοξενίας || μετὰ τὸ πολλοῖς
προβεβηκέναι χρόνοις καὶ τὸ βαθὺ γῆρας ἐκεῖνο ἡ θεία πρόνοια*

валъ нѣкій остатокъ, дышущій земнымъ настроеніемъ, до тѣхъ поръ Богъ, все устрояющій на пользу, медлилъ. Когда же эти Авраамовы души увидѣли, что желанный жребій имъ не дается и что прошеніе остается недѣйствительнымъ, то не помыслили ли они чего неблагороднаго? не произнесли ли чего недостойнаго собственной добродѣтели? или по крайней мѣрѣ въ умѣ своемъ не вообразили ли? именно, что вотъ имъ, требующимъ справедливаго, просимое несправедливо не приходитъ въ совершеніе. Не помыслили ли, что бывающее здѣсь совершается безсмысленно (безъ Промысла), или не допустили ли внушить себѣ что-нибудь подобное изъ того, что̀ лукавый обыкновенно всѣваетъ въ слабыя помышленія людей? Никакъ! но скорѣе къ себѣ самимъ они относили причины божественнаго замедленія. Ибо живущіе по Богу обыкли взвѣшивать суды Божіи и, если въ чемъ мало погрѣшили, исправлять какъ можно скорѣе. А впрочемъ, онъ (отецъ) имѣлъ образцемъ Авраама, какъ онъ въ старости сдѣлался отцемъ; а она взирала на Сарру и Анну, какъ божественный Промыслъ у первой ради гостепріимства авраамова, послѣ того какъ прошло много лѣтъ и послѣ глубокой старости, обновилъ ложесна

τὴν μήτραν ἀνενεώσατο καὶ τὴν φύσιν ἐκαινοτόμησεν, τὴν δὲ ἡ δικαία αἴτησις τῶν τῆς στειρώσεως πολυχρονίων δεσμῶν ἀπέλυσεν, καὶ ὅπως ἀμφότεραι ἐξ ἀκαρπίας εὔκαρποι, καὶ ὅπως ἡ μὲν τὸν τύπον τῆς ἀληθείας, ἡ δὲ τὸν ἱερέα καὶ προφήτην ἐκαρποφόρησεν. ὅθεν πρὸς τὰ τοιαῦτα εὐσεβεῖ λογισμῷ ἀποσκοποῦντες ἀρχέτυπα, ἐκ συμφωνίας ὥσπερ τὴν αἴτησιν ἤμειψαν καὶ οὐκέτι τοῦ γένους διάδοχον οὐδὲ τῶν ὑπαρχόντων κληρονόμον οὐδὲ γήρους βακτηρίαν ᾐτοῦντο λαβεῖν, ἀλλ᾽ εἰ δοθείη αὐτοῖς παῖς, δώσουσιν αὐτὸν δοτὸν ἐνώπιον Κυρίου, παραστήσουσιν αὐτὸν ἀνάθημα ἱερὸν Θεῷ τῷ δεδωκότι. ἐπεὶ δὲ τὰ τῆς εὐχῆς οὕτω καλῶς εἶχεν, ὁ τὸ θέλημα τῶν φοβουμένων αὐτὸν ποιῶν καὶ τῆς δεήσεως αὐτῶν εἰσακούων τὰ τῆς στειρώσεως θείῳ νεύματι δεσμὰ διέρρηξεν· καὶ ἡ στεῖρα, 8
συλλαβοῦσα ἐν γαστρὶ, τῶν ἐλπίδων οὐ διήμαρτεν, καὶ μετὰ τὴν διὰ στείρωσιν τῆς γονίμου φύσεως νέκρωσιν τὴν Σάρραν υἱοῦ χρηματίσαι μητέρα Ἀβραὰμ ἦν ἐλπίδων οὐκ ἄμοιρος.

5. Καὶ ἄξιον μηδὲ τὰ πρὸ γενέσεως τοῦ ἁγίου παραδραμεῖν εἰργασμένα θεῖα τεράστια· ὅπως ἄνωθεν ἐκλεκτὸς ἐχρημάτισεν, ὅπως

и помолодилъ природу, какъ другую (Анну) праведное ⟨прошеніе⟩ освободило отъ многолѣтнихъ узъ безплодія, какъ обѣ послѣ безплодія сдѣлались благоплодными, и какъ одна родила образъ истины, а другая — іерея и пророка. Итакъ, взирая благочестивою мыслію на эти первообразы, они, какъ бы по взаимному соглашенію, измѣнили свое прошеніе и уже не преемника рода, не наслѣдника имущества, не опору старости желали получить; но обѣщали, что, если имъ данъ будетъ сынъ, то дадутъ его въ даръ предъ Господомъ, представятъ его какъ священное приношеніе Богу, его давшему. Когда ихъ молитва получила такой благообразный видъ, то творящій волю боящихся Его, выслушивающій моленіе ихъ, разрѣшилъ божественнымъ мановеніемъ узы безплодія, и безплодная, понесши во чревѣ, не обманулась въ своихъ надеждахъ, (какъ) и Авраамъ не былъ чуждъ надежды, что и послѣ омертвѣнія производительнаго естества по причинѣ (долгаго) неплодія Сарра сдѣлается матерію.

5. Но не слѣдуетъ также пропустить безъ вниманія божественныя знаменія, совершившіяся прежде рожденія святаго (указывающія на то), что онъ былъ избранъ свыше, что онъ

τὴν κλῆσιν οὐκ ἀπ᾽ ἀνθρώπων οὐδὲ δι᾽ ἀνθρώπων ἔσχεν, ἀλλ᾽ ἱερεὺς, πρὶν ἢ μητρῴων ἐκσπασθῆναι λαγόνων, καὶ χρίεται καὶ ἐπιφημίζεται. ἡ τοίνυν τοῦτον ὁσία μήτηρ ἐγκυμονοῦσα καὶ φέρουσα ἐν κοιλίᾳ, ἡ τῆς Ἐλισάβετ ὁμότροπος τὸν τοῦ θείου προδρόμου ὁμοδίαιτον, καὶ πρὸς τοὺς ἱεροὺς συνεχῶς φοιτῶσα σηκοὺς καὶ ταῖς προσευχαῖς σχολάζουσα (τοῦτο γὰρ αὐτῇ σύντροφον τὸ ἔργον καθέστηκεν), ἐμφανισθῆναί τισι τῶν τῆς πόλεως προαγόντων ἐν τοῖς τοῦ ναοῦ προτεμενίσμασι προσκαθεζομένοις ἐπισυμβέβηκεν. οἵτινες ταύτην θεασάμενοι οὐδὲν πλέον ἢ ὡς γυναῖκα ἐσεβάσθησαν.
9 *καὶ ἡ μὲν ὡς εἶχε τάχους εἰς τὸν ναὸν εἰσῄει τὰς εἰωθυίας τῷ Θεῷ προσευχὰς ἀναπέμψαι, οἱ δὲ καταλαβούσης ὀψίας παραγίνονται οἴκαδε. ὅσα δὲ διὰ νυκτερινῆς πεπόνθασιν ὄψεως, δηλώσει νῦν ὁ λόγος· ||* P fol. 59 r *θεωρεῖ ἕκαστος αὐτῶν ἄνδρας φοβεροὺς ταῖς χερσὶ κατέχοντας ῥόπαλον καὶ φονίῳ βλέποντας βλέμματι καὶ μηδὲν τῶν ἀνηκέστων ἐπαπειλουμένους εἰς αὐτοὺς παραλιπεῖν διαπράξασθαι. τῶν δὲ τῷ φόβῳ καταπλαγέντων καὶ ταῖς ἀπειλαῖς ἐντρόμων γενομένων καὶ κατεπτηχότων (πολὺ γὰρ τὸ δέος, εἴπερ τι παρὰ τὸ σύνηθες καθ᾽*

имѣлъ призваніе не отъ людей и не чрезъ людей, но что прежде отторженія отъ нѣдръ материнскихъ уже былъ помазанъ и провозглашенъ іереемъ. Его преподобная мать, будучи беременна и, на подобіе Елизаветы, нося во чревѣ подобнаго божественному Предтечѣ, ‹постоянно› посѣщала священные храмы и, предаваясь молитвамъ, — ибо это было привычнымъ ея дѣломъ, — случайно встрѣтилась въ преддверіяхъ церкви съ нѣкоторыми сидящими тамъ изъ первенствующихъ въ городѣ: увидѣвъ ее, они оказали ей уваженіе, ничуть не большее, чѣмъ обыкновенной женщинѣ; а она, сколь возможно скорѣе, вошла во храмъ, чтобы возсылать свои обычныя моленія Богу. Съ наступленіемъ вечера тѣ возвратились домой; а что они испытали въ ночномъ видѣніи, это сейчасъ объяснитъ наше слово. Каждый изъ нихъ узрѣлъ страшныхъ мужей, держащихъ по палицѣ и смотрящихъ убійственнымъ взглядомъ, угрожающихъ не оставить неисполненною надъ ними ни одной изъ позорныхъ казней. А когда они были поражены страхомъ и отъ угрозъ пришли въ трепетъ и уныніе,

10 *τάχος* P

ὕπνους ἐπισυμβήσεται, ὡς οἱ πεπειραμένοι τῶν ἐνυπνίων ἴσασιν) καὶ τὴν αἰτίαν βουλομένων μαθεῖν, δι᾽ ἣν ταῦτα παθεῖν αὐτοὺς ἐπιγίνεται, «Ὅτι μὴ τὸν ἀρχιερέα ὑμῶν», φάναι τοὺς ἄνδρας, «τὸ προσῆκον ἀπενείματε σέβας, ταῦτα παθεῖν ὑμῖν ἔξεστιν». οἱ δὲ, μὴ συνιέντες, μεθ᾽ ὅρκου ἀπεφαίνοντο μήποτε τοιοῦτόν τι συνορᾶν πεπραχέναι. ὡς δὲ οἱ μὲν τὰς ἀπειλὰς σφοδρότερον ἐπανετείνοντο, οἱ δὲ ἐλιπάρουν θερμότερον, μόλις ποτὲ ταῖς παρακλήσεσιν εἴξαντες τὴν αἰτίαν ἐξεῖπον καὶ τὸ πρᾶγμα ἐγνώρισαν καὶ τὴν μέσον αὐτῶν τῇ προτεραίᾳ διελθοῦσαν γυναῖκα ἔφησαν ἐν γαστρὶ ἔχειν βρέφος ἅγιον· καὶ καθεξῆς ὑπειπόντες ἅπαντα, τῶν ὄψεων μετέστησαν. οἱ δὲ, ὄρθριοι διαναστάντες καὶ ὥσπερ ἐκ συνθήματος ἕκαστος τῷ τῶν ὁραθέντων δέει νυττόμενος, τὴν τοῦ ἁγίου σπουδαίως μητέρα καταλαμβάνουσιν· καὶ τοῖς ἴχνεσι προσπίπτοντες ᾔτουν συγγνώμην καὶ τὸ ἁμάρτημα ἐξομολογοῦντο ἐν δάκρυσιν. καὶ ἡ μὲν τὴν τῶν δρωμένων αἰτίαν πυνθάνεται, οἱ δὲ τὰ συμβάντα ἐκδιηγοῦνται. καὶ γίνεται τοῖς μὲν ἡ τοῦ πράγματος δήλωσις εὐφροσύνης ὑπόθεσις,

---

ибо великъ бываетъ страхъ, если случится что̀ во снѣ необычайное, какъ это знаютъ испытавшіе сонныя видѣнія; — когда за тѣмъ хотѣли узнать причину, ради которой они этому подвергаются, то мужи сказали: «за то, что вы не воздали надлежащей чести вашему архіерею, вамъ слѣдуетъ подвергнуться такому наказанію». Они же, не понявши, съ клятвою утверждали, что никогда не были свидѣтелями того, чтобы совершилось что̀ подобное. А когда мужи еще болѣе усиливали свои угрозы, а они еще съ большимъ жаромъ возражали, то, едва наконецъ уступивши просьбамъ, мужи указали причину, объяснили дѣло и сказали, что прошедшая мимо ихъ наканунѣ женщина имѣетъ во чревѣ святое чадо, и за тѣмъ, изъяснивъ все, исчезли изъ виду. А они, возставши рано, и каждый, мучимый страхомъ видѣнія, какъ бы по соглашенію поспѣшно приходятъ къ матери святаго и, припавши къ ея ногамъ, просили прощенія, исповѣдали грѣхъ со слезами. Она же спрашиваетъ о причинѣ совершающагося предъ нею; тѣ разсказываютъ о случившемся, и вотъ — разъясненіе дѣла обращается для нихъ въ предметъ радости, что не на яву постигли ихъ произнесенныя противъ нихъ угрозы, и что ихъ

ὅτι μὴ καθ' ὕπαρ ἦν τὰ ἠπειλημένα καὶ ὅτι τοιοῦτον τῇ πατρίδι προμηθείᾳ θείᾳ δῶρον χαρίζεται· τῇ δὲ εἰς χαρὰν μὲν κατάπληξιν δέ.

6. Ἀλλ' ὅμως ἡ γενναία διανίσταται καὶ πρός τινα θεοφόρον ἄνδρα καὶ τῇ τοῦ βίου καθαρότητι ὁρῶντα τὰ μέλλοντα παραγίνεται καὶ τὰ πραχθέντα ἐκδιηγεῖται καὶ παρ' αὐτοῦ μανθάνει ὡς ἐνεστῶτα τὰ μέλλοντα· τήν τε τοῦ παιδὸς κλῆσιν καὶ τὸ τῆς ἱερωσύνης χρῖσμα καὶ ὅσην πρὸς ἀρετὴν ἐνδείξεται τὴν ἐπίδοσιν
11 *καὶ ὅσων ἀξιωθήσεται χαρισμάτων παρὰ τῆς θείας χάριτος. καὶ*
P fol. 59 v *ὅρα || τῆς θείας προνοίας τὰ ἀνερμήνευτα κρίματα· ὁπηνίκα ἐκ στείρας καρπὸς βλαστήσει, πολλὴν παρεισφέρει τῷ βίῳ τὴν ὠφέλειαν. καὶ λάβε κατὰ νοῦν τὸν Ἰσαάκ, τὸν Σαμουήλ, τὸν Ἰωάννην· πῶς ὁ μὲν τύπος τοῦ δεσπότου καὶ πλήρωμα τῶν εἰς πατέρα τοῦ Θεοῦ ἐπαγγελιῶν, ὁ δὲ προφήτης καὶ ἱερεὺς καὶ χρίων βασιλεῖς, ὁ δὲ λύχνος τοῦ ἡλίου καὶ πρόδρομος τῆς χάριτος καὶ μετανοίας ἀρχή. ἀλλ' ὅ μοι ὧδε ἐπῆλθεν, οὐ πάρεργον ἴσως εἰπεῖν· τῶν οὐκ*

отчизнѣ даруется божественнымъ Промысломъ такой даръ, ей же оно приноситъ и веселіе и сокрушеніе.

6. Однако благородная жена возстаетъ и отправляется къ нѣкоему богоносному мужу, вслѣдствіе чистоты жизни видящему будущее, и разсказываетъ ему содѣянное, а съ своей стороны узнаетъ отъ него будущее (такъ ясно), какъ настоящее — узнаетъ о наименованіи дитяти, о помазаніи священства и о томъ, какое онъ покажетъ приращеніе въ добродѣтели и какихъ удостоится даровъ отъ божественной благодати. Зри неизслѣдимые суды божественнаго Промысла! Когда отъ неплодной возрастетъ плодъ, то это (всякій разъ) приноситъ великую пользу міру. Приведи себѣ на мысль Исаака, Самуила, Іоанна, — то, какъ одинъ изъ нихъ былъ прообразомъ Господа и исполненіемъ обѣтованій Божіихъ отцу, другой—пророкомъ и іереемъ, помазывающимъ царей, а третій — свѣт<ильник>омъ солнца и предтечею благодати, начинателемъ покаянія. Но, быть можетъ, неизлишне сказать, что̀ мнѣ здѣсь пришло на умъ. Отъ рожденныхъ не отъ безплодной не всѣ знамениты; но одинъ такъ, а другой иначе, ибо каждый,

1 *καθῦπερ* P **2** *προμηθεία θείαι* P, *προμήθεια θεία?* Ni **4** *ὁρῶντα τὰ* Va, *ὁρῶν τὰ* P

ἐκ στείρας οὐ πάντες ἐπίσημοι, ἀλλ᾽ ὁ μὲν οὕτως, ὁ δὲ ἑτέρως· ἕκαστος γάρ, ὡς ἴσμεν, τῇ τῆς ἀρετῆς ἐπιδόσει τὴν θείαν ἐπεσπάσατο ἔλλαμψιν. τῶν δὲ ἐκ στείρας οὐδεὶς ὅστις οὐκ ὀνομαστὸς ἐχρημάτισε. τί τοῦτο; ὅτι ἐκ στείρας; οὐδαμῶς. ἀλλ᾽ ὁ εἰδὼς τὰ πάντα πρὶν γενέσεως, ἐπὰν τοιοῦτον εἰς τὸν κόσμον εὐδοκήσῃ φανῆναι ἄνθρωπον, τοῖς τῆς στειρώσεως δεσμοῖς παρεισφέρει τὴν αἴτησιν, 12 *ὡς ἂν δι᾽ εὐχῆς τὸ δῶρον, καὶ μὴ ὡς ἔτυχεν, ἐπιγένηται. καὶ ταῦτα εἶπον, οὐχ ἵνα ἐκείνῳ πλέον τι εἰς εὐδοξίαν περιποιήσωμαι (οὐδὲ γὰρ λόγος ἡλίου λαμπρότητα φαιδροτέραν δεῖξαι δυνήσεται οὐδὲ μέγεθος οὐρανοῦ ἢ ἄστρων θέσιν ἢ ἄλλο τι τῶν ὅσα φοβερὰ θεάσασθαι καὶ κατανοῆσαι φοβερώτερα), ἀλλ᾽ ἵν᾽ εἰδῆτε, ὅσον Θεῷ πρὸ γενέσεως ἐκλεκτὸς ἐτύγχανεν καὶ ὅσων ἐπλούτησεν χαρισμάτων παρὰ τῆς θείας χάριτος.*

7. Ἀλλ᾽ ἵνα μὴ δοκῇ ἔξω τοῦ σκοποῦ βαίνειν ὁ λόγος, ἐπὶ τὴν ὑπόθεσιν ἔλθωμεν. διαπλάττεται τὸ βρέφος καὶ βρεφουργεῖται καὶ

какъ мы знаемъ, умноженіемъ добродѣтели привлекъ на себя божественное прославленіе; а изъ рожденныхъ отъ безплодной нѣтъ ни одного, который бы не сдѣлался именитымъ. Почему это? потому-ли что̀ отъ безплодной? Никакъ. Но вѣдающій все прежде рожденія, когда соблагоизволитъ явить міру такого человѣка, узами безплодія привноситъ (заявляетъ) требованіе, чтобы даръ явился вслѣдствіе молитвы, а не какъ случилось. Я это сказалъ не для того, чтобы ему еще прибавить что-нибудь большее для славы, ибо слово не возможетъ блескъ солнца сдѣлать болѣе свѣтлымъ или сдѣлать болѣе страшнымъ величіе неба, положеніе звѣздъ или что̀ изъ того, что̀ страшно видѣть и помыслить; но для того, чтобы видѣли, какъ онъ былъ избранникомъ Божіимъ прежде рожденія и какими дарами обогатился отъ божественной благодати.

III.

Воспитаніе св. Георгія, его занятія, посвященіе въ духовный чинъ.

7. Однако, дабы не показалось, что слово наше отступаетъ отъ цѣли, обратимся къ нашему предмету. Образуется и возра-

1 *οὐ* in textu omissum supra versum suppletum manu recentissima P **2** sq. *ἕκαστος — ἔλλαμψιν]* cf. Ni*, p. 28

τίκτεται, νήπιον μὲν ὁρώμενον, χάριτος δὲ θείας ἔμπλεων. καὶ ἐτρέφετο θείᾳ χάριτι μᾶλλον ἢ γάλακτι, καὶ ηὔξανε τῷ πνεύματι μᾶλλον ἢ τῇ σαρκὶ τελειούμενον. ἀλλ᾽ ὅρα καὶ τὴν ἐξ ἀρχῆς τοῦ ἀνθρωποκτόνου ἐχθροῦ ἐπιβουλήν· ἐπετήρει καὶ ἠρεμεῖν οὐκ εἶχεν· ἐνενόει εὐχῆς ἔργον γεγονέναι τὴν σύλληψιν, ἐνενόει τὰ δι᾽ ὀνείρων περὶ
13 *τοῦ βρέφους συμβάντα θεῖα τεράστια· ἐκ πάντων ἐνύττετο, πάντα ἐσκόπει· δεινός ἐστι τῇ πονηρίᾳ προβλέπειν καὶ στοχάζεσθαι, τὸ ἀγαθὸν βασκαίνειν, τὸ καλὸν ἐπιτρέχειν· ἐμέμνητο πάντων τῶν ἐκ στείρας πατησάντων αὐτοῦ τὴν δύναμιν· ἀνέτρεχε πρὸς τὸν Ἰσαάκ,*
P fol. 60 r *μετέβαινε πρὸς τὸν || Σαμουήλ, ὑπεμιμνήσκετο τοῦ Ἰωάννου. τούτους τῇ μνήμῃ ἀνελιττόμενος, ἠνιᾶτο καὶ ἐδυσχέραινεν· πρὶν ἔμπειρον γενέσθαι τὸν στρατιώτην, ἐνέδρευεν, παρετάσσετο, ἠκροβόλιζεν· πρὶν ὁπλοφόρον ἰδεῖν, ἐπειρᾶτο τρῶσαι, μᾶλλον δὲ κτεῖναι ἐσπούδαζεν. καὶ οὗτος μὲν οὕτως εἶχε καὶ τῆς κακίας οὐκ ἐπαύετο. ἐμοὶ δέ, ἐνταῦθα γενομένῳ τοῦ λόγου, τὸ τοῦ Παύλου ἐπῆλθεν φθέγξασθαι· «ὦ βάθος πλούτου γνώσεως καὶ σοφίας Θεοῦ· ὡς*

стаетъ плодъ (во чревѣ матери), превращается въ дитя и раждается, являясь младенцемъ, но исполненнымъ божественной благодати; а равно и питался онъ божественною благодатью болѣе, чѣмъ млекомъ, и возрасталъ, совершенствуясь духомъ болѣе, чѣмъ плотію. Но зри также и злоумышленіе врага человѣкоубійственнаго искони: онъ наблюдалъ и не могъ оставаться спокойнымъ; онъ разумѣлъ, что зачатіе было дѣломъ молитвы, помышлялъ о божественныхъ знаменіяхъ касательно младенца, случившихся чрезъ посредство сновидѣній; всѣмъ этимъ онъ мучился, все взвѣшивалъ искусный въ дѣлѣ зла предусматривать и угадывать, искушать благое, нападать на доброе; онъ вспоминалъ о всѣхъ родившихся отъ безплодной и поправшихъ его силу, восходилъ къ Исааку, переходилъ къ Самуилу, вспоминалъ объ Іоаннѣ. Вращая ихъ въ своей памяти, онъ терзался и досадовалъ и, прежде чѣмъ воинъ сдѣлался опытнымъ, устроилъ противъ него засаду, сталъ въ боевую позицію, завязалъ перестрѣлку; прежде чѣмъ увидѣлъ его вооружен-

7 *δεινός ἐστι* P, *δεινὸς ἐπὶ* Va **12** *ἠκροβόλιζε* Va, *ἠκριβόλιζεν* P **13** *ἰδεῖν* Va, *ἴδει* P
16 Rom. 11, 33

*ἀνεξερεύνητα τὰ κρίματα αὐτοῦ καὶ ἀνεξιχνίαστοι αἱ ὁδοὶ αὐτοῦ».
πῶς παραχωρεῖ τὸν ἐχθρὸν κατὰ τοῦ βρέφους τὴν οἰκείαν πονηρίαν
ἐνδείξασθαι; πῶς ὁ στρατολογήσας μήπω τὸν στρατιώτην οἷόν τε
ὄντα ἐπιλαβέσθαι ὅπλου καὶ θυρεοῦ τῷ τῆς ἡλικίας ἀτελεῖ τῷ* 14
*ἐχθρῷ συγχωρεῖ δηλήσασθαι; ἀλλὰ ταῦτα μὲν ἄχρι θαύματος ἔχει
τὴν ἔρευναν. ὁ δὲ ἀντίπαλος συγχωρεῖται τὸ οἰκεῖον κατὰ τοῦ
βρέφους ἐπιδείξασθαι σκαιωρήματα, καὶ μονωθέντα τὸν παῖδα ἤδη
τρίτον τῆς ἡλικίας χρόνον ἄγοντα ὠθεῖ κατὰ τοῦ πυρὸς καὶ φλέγει
μὲν αὐτοῦ ἀμφοῖν ταῖν χεροῖν καὶ θάτερον τοῖν ποδοῖν. ἀλλ᾽
οὐδὲ τοῦτο ἀσκόπως, ὡς ἐγῷμαι, διεπράξατο· ἀλλ᾽ ᾔδει τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ πατηθησομένην ὁ δράκων, καὶ τῶν ποδῶν ἐπεβούλευσεν· ᾔδει τὰ ἔργα αὐτοῦ καταλυθησόμενα, καὶ τὰς χεῖρας διὰ πυρὸς ἠκρωτηρίασεν. καὶ ὁ μὲν οὕτω διανοούμενος ταῦτα ἔδρασεν, ὁ δὲ Θεὸς συνεχώρησεν· συνεχώρησεν ἴσως πληγῆναι τὸν στρατιώτην,*

женнымъ, пытался поранить, или лучше — стремился убить. И вотъ онъ поступалъ такъ и не прекращалъ своей злобы. А мнѣ, достигшему этой части слова, пришло (на умъ) произнести слова Павла: о, глубина богатства, знанія и мудрости божественной, яко неиспытанны суды его и неизслѣдованны пути его. Почему онъ допускаетъ врага обнаружить собственную злобу еще противъ младенца? Почему, избравъ себѣ въ отрядъ воина, еще неспособнаго взяться за оружіе по несовершенству возраста, позволяетъ врагу погубить его? Все это возбуждаетъ вопросъ только до чуда (до ознакомленія съ послѣдовавшимъ чудомъ). Итакъ противникъ допускается къ тому, чтобы обнаружить противу дитяти свою хитрость; оставленнаго наединѣ мальчика, уже достигшаго третьяго года, онъ толкаетъ на огонь и ‹ожигаетъ его обѣ руки и одну изъ ногъ›. Думаю, что и это онъ сдѣлалъ не безъ смысла, но драконъ зналъ, что его глава будетъ попрана пятою (святаго), и потому замыслилъ (покусился) противъ ногъ; зналъ, что дѣла его будутъ разрушены, и потому ранилъ руки огнемъ. Такъ соображая, онъ такъ и поступилъ; а Богъ попустилъ. Попустилъ, чтобы пораженъ былъ воинъ, можетъ быть, для того, дабы на случай борьбы онъ впредь воору-

6 *τὸ οἰκεῖον* PVa, *τὰ οἰκεῖα* Ni* p. 29 **8** *φλέγει* P, *φεύγει* Va; cf. Ni* p. 29 sq. **13** *διανοούμενος* P, *διαιρούμενος* Va

ἵν᾽ ἐν καιρῷ ἀγῶνος ἀνδρικώτερον παρατάξηται, ἵνα τὰ ἐκ τῆς τοῦ ἐχθροῦ ἐπιβουλῆς ἐπαγόμενος στίγματα νεανικώτερον κατ᾽ αὐτοῦ ἀγωνίσηται καὶ τὸν θυμὸν ὅλον κατὰ μόνου κινήσῃ τοῦ ὄφεως.

8. Καὶ ὁ μὲν παῖς τοῦ πυρὸς ἀναληφθεὶς καὶ τῆς προσηκούσης θεραπείας ἀξιωθεὶς προέκοπτεν συνέσει μᾶλλον ἢ ἡλικίᾳ. πρὸς μάθησιν δὲ ἤδη γενόμενος ἐπιτήδειος, τοῖς παιδοτρίβαις ἐκδίδοται. καὶ παιδεύεται μὲν πᾶσαν ἐγκύκλιον παίδευσιν, ὅση τε ἡμετέρα καὶ ὅση τῶν ἔξωθεν, τὴν μὲν ὅλην ἐνστερνισάμενος, τῆς δὲ τὸ χρήσιμον ἐκλεξάμενος· καὶ τῆς μὲν πᾶν νόημα αἰχμαλωτίζων εἰς τὴν ὑπακοὴν τοῦ Χριστοῦ, τῆς δὲ τὸ κίβδηλον νοὸς ἀπωθούμενος καθαρότητι,
P fol. 60 v *ἐκαρποῦτο || τὸ ὠφέλιμον. καὶ ἦν ἰδεῖν ἐν βραχεῖ χρόνῳ φύσεως εὐκληρίᾳ καὶ νοὸς ὀξύτητι παρ᾽ αὐτοῦ κατορθούμενα, ἅπερ οὐδὲ πολὺς χρόνος ἑτέροις προεξένησεν. οἷς γὰρ πρόσεστιν ἐπιτηδειότης πρὸς μάθησιν, ἀφιλόσοφα δὲ τὰ τῆς σαρκὸς καταφαίνεται, ἀνόνητά πως τὰ τῆς ἐπιτηδειότητος ἐνεργήματα καὶ ἄπρακτα, τῇ τῶν σαρκικῶν ἐπιθυμιῶν ἀκρασίᾳ συντόνως διακοπτόμενα· οἷς δὲ σύνδρομος*

жался (тѣмъ) большимъ мужествомъ, дабы нося на себѣ рубцы ранъ послѣ покушенія врага, тѣмъ бодрѣе сражался противъ него и весь свой гнѣвъ направилъ противу единаго змія.

8. Дитя, вынутое изъ огня и сподобившееся надлежащаго врачеванія, успѣвало болѣе въ разумѣ, чѣмъ въ ростѣ. Сдѣлавшись же способнымъ къ ученію, оно отдается школьнымъ учителямъ и научается всей энкиклической наукѣ, какъ нашей, такъ и внѣшней мудрости, одну усвоивъ себѣ вполнѣ, а изъ другой выбравши полезное; всякій смыслъ первой плѣняя въ послушаніе Христово и все поддѣльное второй отталкивая чистотою мысли, онъ пожиналъ одно полезное. И можно было видѣть, какъ онъ, вслѣдствіе даровитости природы и остроты ума, въ короткое время совершалъ то, чего другимъ не удавалось достигнуть даже въ долгое время. Ибо у кого есть способность къ ученію, но плотская сторона является чуждою любомудрія, у тѣхъ самыя проявленія способностей остаются безполезными и бездѣйственными, постоянно пресѣкаемыя неумѣренностію плотскихъ желаній. А у кого къ способности ученія прибавится въ видѣ союз-

11 verba *καὶ ἦν ἰδεῖν ἐν βραχεῖ χρόνῳ* manu recentissima in margine suppleta P

*ἡ τῶν σαρκῶν φιλοσοφία τῇ τῆς μαθήσεως ἐπιτηδειότητι προσγένηται, ὅση τῆς προκοπῆς ἡ ἐπίδοσις, λόγῳ περιλαβεῖν ὑπάρχει
ἀδύνατον. τοιοῦτος ἦν ὁ νέος Ἰωσὴφ καὶ τῆς σωφροσύνης κανὼν* 16
ἐλεύθερος μὲν πάσης μειρακιώδους ἀγωγῆς, ἐλεύθερος δὲ τῶν λυσσωδῶν ἐπιθυμιῶν, καὶ φεύγων μὲν ἀπὸ τωθασμοὺς μειρακιώδεις, φεύγων δὲ θωπείας καὶ παίγνια καὶ πᾶσαν ἄλλην, ὡς εἰκὸς, κακοήθειαν, καὶ ἐν ἀκμῇ μὲν τῆς ἡλικίας τὰ πρεσβυτέρων ἐπιδεικνύμενος, ἐν ἀτελεῖ δὲ τῇ ἡλικίᾳ, ἠνίκα ἡ φύσις ἥκιστα μὲν πρὸς τὸ καλὸν τὸ πάγιον δείκνυσι, ῥᾷον δὲ μᾶλλον πρὸς τὸ κακὸν μετατρέπεται, αὐτὸς τῇ τοῦ ἀγαθοῦ αἱρέσει καὶ ἐκλογῇ τῶν τῆς νεότητος ἡδέων ἐναντίον ἀποδιδράσκων. ὅθεν ἀνάλογον τὴν τῆς ἀρετῆς ἐπίδοσιν τῇ προκοπῇ ὑπέφαινεν τῇ τοῦ σώματος, διὰ θατέρου θάτερον κατακοσμῶν εὐπρεπέστατα, ἀποστρεφόμενος μὲν ἅπαν πρὸς τρυφὴν ἐπιτήδειον, ἀποστρεφόμενος δὲ εὐχροίας σωμάτων καὶ συμμετρίας. καὶ γλώσσης μὲν λαλούσης τὰ τῶν ἀνθρώπων, ὡς ψυχικῆς ἀρχὴν καθάρσεως ἡσυχίαν διοριζόμενος, ἀκούειν οὐκ ἠνέσχετο, ἀκροάμασι δὲ μελῶν πρὸς ἡδονὴν

ника самое любомудріе по плоти, то слово даже и изъяснить не можетъ, какое въ этомъ заключается умноженіе успѣха. Таковъ былъ новый Іосифъ, образецъ цѣломудрія, свободный отъ всякаго дѣтскаго навыка, свободный отъ буйныхъ желаній, избѣгавшій ребяческихъ рѣзвостей (насмѣшливыхъ, дерзкихъ выходокъ), избѣгавшій ласкательства, шутокъ и всякаго другого злонравія. Въ началѣ возраста онъ показывалъ качества старцевъ; въ несовершенномъ возрастѣ, когда природа обнаруживаетъ наименьшее постоянство въ добрѣ и гораздо легче обращается къ злу, онъ, напротивъ, избравъ и предпочтя добро, убѣгалъ всякихъ удовольствій юности и въ слѣдствіе того являлъ въ себѣ возрастаніе добродѣтели, соотвѣтствующее тѣлесному возрастанію, украшаясь тѣмъ и другимъ самымъ прекраснымъ образомъ. Онъ отвращался всего, ведущаго къ роскоши, отвращался тѣлесной красоты и соразмѣрности. Онъ не могъ слушать языка, глаголющаго человѣческое, такъ какъ считалъ молчаніе началомъ душевнаго очищенія; онъ не склонялъ своего уха къ звукамъ напѣвовъ, со-

5 *ἀπὸ τωθασμοὺς* P, *ἀποτωθασμοὺς* Va, *τωθασμοὺς*? Ni **8** *ἠνίκα* m. rec. in ras. P

πεποιημένων ἢ ῥήμασιν εὐτραπέλων καὶ γελοιαστῶν ἀνθρώπων, τὸν τῆς ψυχῆς μάλιστα τόνον λύειν πεφυκότων, τὸ οὖς οὐχ ὑπέκλινεν.
17 *ὅθεν ἐπὶ τῶν ὑλωδεστέρων μὴ παραχωρῶν τὸν νοῦν διαφορεῖσθαι μηδ᾽ ἐπὶ τὰ ἔξω διὰ τῶν αἰσθητηρίων διασκεδάννυσθαι, ἀναστρέφειν μὲν πρὸς ἑαυτὸν παρεσκεύασεν, δι᾽ αὐτοῦ δὲ πρὸς τὴν τοῦ Θεοῦ ἀναβαίνειν ἔννοιαν. κἀκείνου τῷ φωτὶ περιλαμπόμενος, τὴν καλὴν καθ᾽ ἑκάστην ἠλλοιοῦτο ἀλλοίωσιν.*

P fol. 61 r *9. Καὶ ταῦτα μὲν || τῆς ἐν ἀκμῇ κομιδῇ ἡλικίας αὐτοῦ τὰ πλεονεκτήματα. ὡς δὲ εἰς ἄνδρας ἀφίκετο καὶ ἀνδρικώτερον τῇ πρακτικῇ φιλοσοφίᾳ προέβαινεν, εἰσποιεῖται παρὰ τοῦ ἱερέως καὶ θείου τὸ τηνικαῦτα τὸν τῆς πατρίδος θρόνον διέποντος τῶν ἐκκλησιαστικῶν μεθέξων νομίμων καὶ πάσης ἄλλης ἐκκλησιαστικῆς εὐκοσμίας μυηθῆναι καὶ καταστάσεως. καὶ λοιπὸν ἐντεῦθεν γίγνεται ποθεινὸς μὲν τῷ θείῳ, ποθεινότερος δὲ παντὶ τῷ τῆς ἐκκλησίας συστήματι· τοὺς μὲν τοῖς λόγοις, τοὺς δὲ τοῖς τρόποις μεταρυθμίζων πρὸς τὰ κρείττονα, ἱερεὺς πρὸ τῆς ἱερωσύνης καὶ θυηπόλος τοῖς πᾶσιν ἐλογίζετο πρὸ τοῦ χαρίσματος. εἶχε γὰρ πολλὰ τὰ τοῦτο τὸ κλέος περι-*

зданныхъ для возбужденія удовольствія, или же къ рѣчамъ искусныхъ забавниковъ (смѣхотворныхъ людей), способныхъ всего скорѣе ослабить напряженіе духовное. Итакъ, не допуская свой умъ развлекаться матеріальнымъ ни разсѣяваться внѣшними ощущеніями, онъ заставилъ его обращаться на самаго себя, а чрезъ то восходить къ помышленію о Богѣ; и просвѣщаемый Его свѣтомъ, онъ ежедневно измѣнялся благимъ измѣненіемъ.

9. Таковы были его успѣхи еще въ цвѣтѣ (юношескаго) возраста. Когда же онъ достигъ мужества и съ большею еще бодростію успѣвалъ въ дѣятельномъ любомудріи, то былъ взятъ къ себѣ архіереемъ и дядею его, занимавшимъ тогда престолъ на родинѣ, для того, чтобы участвовать въ церковной обычной жизни и быть посвященнымъ во всякое церковное благолѣпіе и устройство. И вотъ онъ съ тѣхъ поръ дѣлается желаннымъ для дяди, еще болѣе желаннымъ для всего церковнаго чина (собранія), однихъ словами, другихъ обычаями своими настраивая къ луч-

13 *γίγνεται* P, *γίνεται* Va **17** *χαρίσματος] χρίσματος?* Ni* p. 30 sq.

ποιούμενα· τὸ ἐπιεικὲς τοῦ ἤθους, τὸ πρᾶον, τὸ ἥσυχον, τὸ μειλί-
χιον, τὸ τοῦ φρονήματος εὐσταθὲς, τοῦ λόγου τὸ προσηνὲς, τῶν 18
ἔργων τὸ μεγαλοπρεπές· τὴν νηστείαν ποιούμενος σύνοικον, τὴν σωφροσύνην σύντροφον, τὴν ταπείνωσιν συμμέτοχον, τὴν ἀγάπην σύσκηνον, δι᾽ ὧν τὸ θυμικὸν ἐχαλίνωσεν καὶ κατὰ μόνης τῆς ἁμαρτίας ἐξώπλισεν, δι᾽ ὧν τῶν ῥεόντων κατεφρόνησεν καὶ τὴν ἔφεσιν πρὸς τὰ ὄντως καλὰ ἀνεπτέρωσεν, καὶ ἁπαξαπλῶς ἐκ πάσης βοσκηματώδους ὁρμῆς καὶ παντὸς ὑλικοῦ φρονήματος ἀνώτερον ἑαυτὸν ἐργασάμενος τοῦ θείου ναὸν παρεσκεύασε πνεύματος.

10. Ἀλλ᾽ οὐ στῆναι μέχρι τούτων ὁ γεννάδας ἠνέσχετο· ἀλλὰ τὸν ἐρημικὸν βίον κατὰ νοῦν ἐλάμβανεν, ἀλλὰ θορύβου γενέσθαι παρεκτὸς ἐπεθύμει, ἀλλ᾽ ἐν ἀταραξίᾳ νοὸς Θεῷ προσομιλῆσαι καθ᾽ ἑκάστην ἐποτνιᾶτο, ἔχων κατὰ νοῦν τὸν Ἡλίαν, τὸν Μωσέα, τὸν Πρόδρομον, πῶς ὁ μὲν ἐν τῷ Χορὶβ ἐπιφανείας θείας ἔτυχεν, ὁ δὲ

шему. Онъ считался у всѣхъ іереемъ прежде іерейства и жрецомъ прежде (дарованія) благодати, ибо онъ имѣлъ многое, что̀ создаетъ такую репутацію (славу): простоту нрава, кротость, спокойствіе и мягкость, постоянство мысли, ласковость рѣчи и блескъ дѣлъ. Дѣлая постъ своимъ сожителемъ, цѣломудріе товарищемъ, смиреніе спутникомъ, любовь подругою, онъ обуздывалъ при помощи ихъ ‹силу гнѣва› и вооружалъ ‹ее› противъ одного грѣха; благодаря имъ, онъ презрѣлъ все преходящее и воспарилъ желаніемъ къ истинно прекрасному, однажды навсегда поставилъ себя выше всякаго животнаго стремленія и всякаго тѣлеснаго настроенія, и приготовилъ въ себѣ храмъ божественнаго духа.

IV.

Отшельническая и монашеская жизнь св. Георгія.

10. Но и на этомъ не захотѣлъ остановиться юный герой, но желалъ удалиться отъ всякаго шума, стремился въ безмятежности ума бесѣдовать ежедневно съ Богомъ, имѣя въ умѣ Илію, Моисея и Предтечу — какъ одинъ изъ нихъ на Хоривѣ сподобился явле-

7 *ἐκ πάσης] πάσης?* Ni* p. 31

ἐν τῷ Σιναίῳ δακτύλῳ Θεοῦ γραφείσας πλάκας ἐδέξατο, ὁ δὲ βα-
19 *πτιστὴς τοῦ τὴν ἁμαρτίαν τοῦ κόσμου ἐχρημάτισεν αἴροντος (φιλεῖ*
γὰρ ἐν τοῖς τοιούτοις φιλιστορεῖν ἡ ψυχὴ καὶ τῷ θείῳ πυρπολου-
μένη ἔρωτι ἐξευρίσκειν πολλὰ τὰ παραδείγματα). ὅθεν λάθρα τῆς
πατρίδος ἀπανίσταται, οὐ πρὸς τὴν ἔξοδον φροντίσας πολυτελείας,
P fol. 61 v *οὐ πήραν, οὐ ῥάβδον, || οὐ χαλκὸν ἐν τῇ ζώνῃ περιφερόμενος, οὐκ*
οἰκετῶν πλῆθος, οὐκ ἄλλο τι τῶν ὅσα πρὸς ἀποδημίαν ἐπιτήδεια,
ἀλλ' εἷς οἰκέτης καὶ ἓν ὑποζύγιον τὴν τούτου πρὸς τὴν ἔξοδον χρείαν
ἐπήρκεσεν· ἥκιστα μὲν γονέων φροντίσας γήρως, τοῦτο δὴ τὸ πο-
λυθρύλητον καὶ τῆς ἀμείνονος ὁδοῦ εὔλογον κώλυμα· δυσαποσπά-
στως γὰρ τῶν βιωτικῶν ἔχοντες οἱ ἄνθρωποι, ὁ μὲν τῷ τῶν γονέων
οἴκτῳ, ἀδελφῶν ἄλλος, ἕτερος συγγενῶν, πάντες ἁπλῶς οἱ πλεῖστοι,
τῆς σφῶν καταμελοῦντες σωτηρίας, πρὸς τὸ καλὸν μένουσιν ἀκίνη-
τοι. ὧν οὐδὲν ὁ πολὺς οὗτος πρὸς ἀρετὴν ἐννοήσας (ᾔδει γὰρ γονεῖς
μὲν γηροτροφηθήσεσθαι παρὰ τοῦ κτίσαντος, συγγενεῖς δὲ ἐπιμε-
λείας τυχεῖν παρὰ τοῦ ποιήσαντος αὐτούς), ἀσπάζεται τὴν ἔρημον

нія Божія, другой получилъ на Синаѣ <скрижали>, написанныя перстомъ Божіимъ, а третій сподобился быть крестителемъ взявшаго на себя грѣхи міра (ибо душа любитъ предаваться такимъ изысканіямъ и, пламенѣя божественною любовью, находить многіе для себя примѣры). Вслѣдствіе того онъ тайкомъ удалился изъ своей родины, не помысливъ о какихъ-либо большихъ сборахъ для своего исхода, не взявъ съ собою ни сумы, ни жезла, ни мѣди въ поясѣ, ни множества слугъ, ни чего-либо другаго, что̀ требуется для удобства путешествія—одинъ только домашній слуга, одно вьючное животное были достаточны, — всего менѣе заботясь о старости родителей, объ этомъ пресловутомъ и благовидномъ препятствіи на пути къ лучшему. Неотторжимо привязанные къ мірскому, одни сожалѣніемъ о родителяхъ, другіе о братьяхъ, иные о сродникахъ, почти всѣ люди или <большая ихъ часть>, нерадѣя о собственномъ спасеніи, остаются неподвижны на благое. Но ничего такого не помыслилъ нашъ сильный въ добродѣтеляхъ мужъ, ибо онъ зналъ, что родители въ старости будутъ призрѣны сотворшимъ, а родственники найдутъ попеченіе у со-

12 *οἱ]* ἢ *οἱ?* Ni; cf. supra p. 4,4

μετὰ Ἡλιοῦ καὶ Ἰωάννου, ὡς ἂν ἀπερικτύπητον τὸ τῆς ψυχῆς 20 *διατηρήσας φρούριον, ὁλικῶς εἰσδέξηται τὰς ἀκτῖνας τοῦ πνεύματος.*

11. Ἄρτι δὲ τοὺς τοῦ ὄρους ἐπιστὰς πρόποδας (Ἀγριοσηρικὴ ἦν τῷ ὄρει ὄνομα), ἀποπέμπει μὲν τὸν παῖδα σὺν τῷ ὑποζυγίῳ οἴκαδε, μονοῦται δὲ πάσης ὑλικῆς ἐπιμιξίας καὶ πλησιάζει Θεῷ δι᾽ ἀταραξίαν τῇ τῆς ψυχῆς καθαρότητι καὶ χειραγωγεῖται πρὸς τὰ τοῦ ὄρους ἐνδότερα. ὕλη δὲ τούτῳ περιφυεῖσα αὐτόματος ποικίλων καὶ παντοδαπῶν δένδρων μικροῦ δεῖν ἀντὶ ἕρκους αὐτῷ γίνεται· πρὸς γὰρ αὖ τοῖς ἄλλοις καὶ κρημνοῖς δυσεμβάτοις ἐπιστοιχειοῦται πάντοθεν· τοῦτο οὐ μόνον ἀστικῶν θορύβων ἀπήλλακται, ἀλλ᾽ οὐδὲ ὁδίτην τινὰ παραπέμπει. πρὸς δὴ τούτου τοῦ ὄρους ἀναδραμὼν τὴν ἀκρώρειαν καὶ ἄντρῳ τινὶ περιτυχών, ἀρετῆς ὄντι ἐργαστηρίῳ, ἐν ᾧ ἀνήρ τις πᾶσαν κοσμικὴν διαδρὰς ματαιότητα Θεῷ οἰκειώθη διὰ βίου καθαρότητα, ὃς εἰς τοσοῦτον ἤλασεν ἀρετῆς, ὡς καὶ προφητείας δέξασθαι χάρισμα καὶ τῇ πρὸς Θεὸν ἐγγύτητι τῶν μελλόντων προλέγειν τὴν ἔκβασιν — πρὸς δὴ τοῦτον τὸν τοῦ Μωσέως ἢ Ἡλιοῦ 21

здавшаго ихъ. Итакъ онъ привѣтствуетъ пустыню вмѣстѣ съ Иліею и Іоанномъ, дабы, сохранивъ недоступнымъ для шума убѣжище души, вполнѣ воспринять лучи духа.

11. ‹Едва подойдя къ› подошвѣ горы — она носила имя Агріосирикійской — отъ отсылаетъ слугу съ вьючнымъ животнымъ домой, уединяется отъ всякаго мірскаго общенія и приближается къ Богу безмятежностію и чистотою души, и затѣмъ руководится въ болѣе отдаленныя части горы. Лѣсъ, изъ различныхъ и разнообразныхъ деревьевъ самъ собою на ней выросшій, можно сказать, дѣлается ему оградою, такъ какъ ко всему другому онъ еще со всѣхъ сторонъ былъ обставленъ неудобопроходимыми скалами. Это мѣсто не только было свободно отъ городскаго шума, но едва видало какого путника. Достигнувъ вершины этой горы, онъ встрѣтилъ пещеру, настоящее убѣжище (мастерскую) добродѣтели: въ этой пещерѣ одинъ мужъ, убѣжавъ отъ всякой мірской суеты, усвоилъ себя Богу чистотою жизни и достигъ такой добродѣтели, что даже получилъ даръ пророчества и вслѣдствіе

16 *χρισμα* ex *χάρισμα* radendo factum P **17** *ἢ* P, *καὶ* Va

ὁμότροπον ὁ τοῦ Ἀαρὼν ἢ τοῦ Ἐλισσαίου γενόμενος παραπλήσιος (ἄγει γὰρ Θεὸς κατὰ τὸ δὴ λεγόμενον τὸν ὅμοιον ἐς τὸν ὅμοιον). P fol. 62 r *εἰσδέχεται δὲ μετ᾽ εὐθυμίας πολλῆς· πῶς γὰρ οὐ||κ ἔμελλεν, τοσοῦτος εἰς ἀρετὴν προγνωσθεὶς πρὸς τοῦ γέροντος; συνδιαιτᾶται δὲ τούτῳ, τὸ μὲν τῶν ἀρετῶν ἤδη κατωρθωκώς, τὸ δὲ παρ᾽ αὐτοῦ διδασκόμενος· κόσμου γὰρ ἀναχώρησιν οὐχὶ ἔξω τούτου γενέσθαι σωματικῶς διωρίζετο, ἀλλὰ τῆς πρὸς τὸ σῶμα συμπαθείας τὴν ψυχὴν ἀπορρῆξαι καὶ γενέσθαι ἄπολιν, ἄοικον, ἀνίδιον, ἀφιλέταιρον, ἀπράγμονα, ἀμαθῆ τῶν ἀνθρωπίνων διδαγμάτων, τὰς ἐκ τῆς θείας διδασκαλίας ἐγγινομένας ἐντυπώσεις ἕτοιμον τῇ καρδίᾳ ὑποδέξασθαι. τοιοῦτος δὴ καὶ τοσοῦτος εἰς ἀρετὴν γενόμενος, ἀποκείρεται πρὸς τοῦ τιμίου γέροντος, καὶ τὸ τῶν μοναχῶν σχῆμα ὑποδυσάμενος, τοῦ λοιποῦ νόμος ἑαυτῷ καὶ κανὼν εὐθύτητος ἐχρημάτισεν. καὶ γίνεται λοιπὸν ὅλος ἔκδημος, Θεῷ καὶ ἀγγέλοις συνόμιλος.*

близости къ Богу могъ предсказывать исходъ будущаго. Вотъ этому-то единонравному съ Моисеемъ или Иліею сдѣлался сосѣдомъ подобный Аарону или Елисею (ибо Богъ приводитъ, по извѣстному изреченію, подобное къ подобному) и былъ имъ принятъ со многимъ благорасположеніемъ; да и какъ иначе это могло быть со стороны старца, предузнавшаго, сколь великъ онъ будетъ въ добродѣтели? Такимъ образомъ поселяется вмѣстѣ съ нимъ однѣ изъ добродѣтелей уже исполнившій, другимъ отъ него научаемый. Онъ (старецъ) объяснялъ, что удаленіе отъ міра не значитъ только тѣлесно сдѣлаться внѣ его, но значитъ отрѣшить душу отъ всякаго сочувствія къ тѣлу и сдѣлаться не имущимъ ни града, ни дома, ни собственности, ни друга, ни заботъ, не знающимъ человѣческихъ заповѣдей, готовымъ принять въ своемъ сердцѣ впечатлѣнія, бывающія отъ божественнаго ученія. Содѣлавшись такимъ и столь великимъ въ добродѣтели, онъ (Георгій) былъ постриженъ честнымъ старцемъ и, облачившись въ монашескую схиму, впредь служилъ самъ себѣ закономъ и образцомъ праведности. И дѣлается <онъ всецѣло> отшельникомъ, собесѣдуя Богу и ангеламъ.

1 *Ἐλισσαίου* Va, *ἐλισσαῖος* P *παραπλήσιος* <*παραγίνεται*>? Ni
2 Hom. Od. κ 218: *ὡς αἰεὶ τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς ὡς* (al. *ἐς*) *τὸν ὁμοῖον.*
8 cf. Eur. Hippol. 1029: *ἄπολις ἄοικος, φυγὰς ἀλητεύων χθόνα.*

12. Οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ, καὶ τὸν πρεσβύτην ἡ ἄνωθεν ἐπεζήτει 22
χοροστασία, καὶ ἡ ὥρα παρέστη τῆς ἀναλύσεως. καὶ ἡ θεία ἐκείνη
προγνοῦσα ψυχὴ τὴν ἔξοδον, μεταστέλλεται τὸν γεννάδαν καὶ ἀνα-
ζωπυρεῖ θείαις εἰσηγήσεσι, καὶ τῶν μελλόντων προλέγει τὴν ἔκβα-
σιν, καὶ πρός μονήν τινα παραγενέσθαι, ἣν οἱ ἐγχώριοι Βόνυσσαν
προσαγορεύουσιν, ἐκεῖ μετ᾽ εὐθυμίας εἰσδεχθήσεσθαι ἀπαραποδίστως
ἐπέσκηπτεν, — Βόνυσσαν ταύτην, περὶ ἧς ἐπ᾽ ἀρετῆς πολὺς ὁ λόγος
καὶ διαβόητος, ἐν ᾗ δὴ μοναχῶν ὁμήγυρις ἐπὶ γῆς ἰσαγγέλως βιοῦσα
παντὸς ἀπήλλακται γεώδους φρονήματος. καὶ ὁ μὲν οἷά τις Ἠλίας,
ὡς ἅρματι τῷ τῆς ζωῆς τέλει χρησάμενος, διέβη πρὸς τὸν ποθού-
μενον, διπλῆν τὴν χάριν διὰ τῆς ἐπισκήψεως, ὡς ἐκεῖνος τῷ Ἐλισ-
σαίῳ διὰ τῆς μηλωτῆς, χαρισάμενος. ὁ δὲ ταῖς εὐχαῖς τοῦ καθηγη-
σαμένου στηριζόμενος ἀπανίσταται τῆς ἐρημικῆς ἐσχατιᾶς καὶ ὡς
τάχιστα καταλαμβάνει τὸ κοινόβιον, καὶ εἰσδέχεται ὁ ἄγνωστος ὡς
γνωστὸς ἐκ πολλοῦ, ὁ νέηλυς ὡς ἀεὶ τοῖς ἐκεῖσε συνών. τοιοῦτον
γὰρ ἡ ἀρετή· καὶ ὅλη μένει πρὸς τὸν μετέχοντα καὶ τὰς μαρμαρυγὰς
πρὸς τοὺς πέλας ἀφίησι, καὶ κοσμεῖ μὲν νοητῶς τὸν κεκτημένον, οὐ 23
λανθάνει δὲ τοῖς ὀρθῶς αἱρουμένοις βλέπειν, ἀλλὰ πρὸ πείρας μὲν

---

12. Не много прошло времени, и старецъ былъ взысканъ для пріобщенія къ горнему хору; наступилъ часъ отхода, и сія божественная душа, предусматривая кончину, призываетъ подвижника, одушевляетъ его божественными наставленіями, предсказываетъ исходъ будущаго и внушаетъ ему, что онъ отправится въ одинъ монастырь, который туземцы называютъ Вониссою, и будетъ тамъ съ готовностью принятъ безпрепятственно. Это та Вонисса, о которой такъ много говорятъ и которая такъ славится добродѣтелію, въ которой соборище монаховъ, живущее на земли равноангельски, достигло свободы отъ всякаго земнаго помышленія. Затѣмъ старецъ, какъ нѣкоторый Илія, воспользовавшись концемъ жизни, какъ колесницею, переселился къ желанному, оставивъ въ своей заповѣди двойной даръ, какъ тотъ Елисею въ видѣ милоти. А онъ, подкрѣпляемый молитвами бывшаго руководителя, оставляетъ пустынный край, съ возможною скоростію достигаетъ киновіи и незнаемый пріемлется, какъ знаемый издавна, пришлецъ — какъ всегда сожительствовавшій тамошнимъ обитателямъ. Ибо таково свойство добродѣтели, что она,

αἰδέσιμον ποιεῖ τὸν μετέχοντα, ἐκ μόνης δὲ παρασκευάζει ἐπιγιγνώ-
P fol. 62 v *σκεσθαι τῆς ὄψεως. ὡς γὰρ ἀγρότης ἀγρότην καὶ γεωργὸς || γεωργὸν,*
εἰ βούλει, καὶ στρατιώτης ἐξ αὐτῆς ἐπιγινώσκει στρατιώτην τῆς
ὄψεως, οὕτω κἀν τοῖς πνευματικοῖς ἀνδράσι πέφυκε γίνεσθαι· ἐτεκ-
μαίροντο γὰρ ἐκ τῆς φαινομένης ἱλαρότητος τὸ τῆς ψυχῆς ἔνδον
κατάστημα, καὶ πλέον οὐδὲν εἶχον πυνθάνεσθαι ἢ προθύμως εἰσδέ-
χεσθαι. καὶ γίνεται τοῦ τῶν πατέρων χοροῦ κόσμος εὐπρεπέστατος
καὶ οἷόν τις ἥλιος τὸ τοῦ ἐκεῖ συστήματος φωτίζων στερέωμα.

13. Καὶ λοιπὸν ἐντεῦθεν τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πολιτείας, τὴν
ἀσώματον ἐν σαρκὶ φιλονεικούσης ἁμιλλᾶσθαι κατάστασιν, γίνεται
κοινωνὸς ὁ θαυμάσιος, καὶ τοὺς ἀγῶνας ὑποδύεται τῆς ἀσκήσεως,
πάσης μὲν ὑλωδεστέρας ζωῆς ἀφορμὴν ἐπιτήδειον ἀπωσάμενος, πρὸς
24 *μηδὲν δὲ τῶν ἀναγκαίων τὸν νοῦν καθελκόμενος τῇ σχολῇ τῶν γηΐ-*
νων, τὴν πᾶσαν σπουδὴν ἐπὶ τὴν κτῆσιν τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν με-

вся и всецѣло оставаясь у обладателя ея, въ то же время испускаетъ лучи на ближнихъ, мысленно украшаетъ пріобрѣтшаго и не остается скрытою для стремящихся видѣть прямо, смотрѣть правильно: она дѣлаетъ человѣка уважаемымъ прежде испытанія, даетъ возможность узнать по одному взгляду. Ибо какъ земледѣлецъ земледѣльца и селянинъ селянина, или, если хочешь, воинъ воина узнаетъ по одному виду, такъ бываетъ и у духовныхъ мужей. Изъ видимой наружной ясности они догадывались о внутреннемъ состояніи души и не имѣли болѣе нужды спрашивать, а развѣ только оказать благосклонный пріемъ. И вотъ онъ дѣлается благолѣпнѣйшимъ украшеніемъ сонма отцевъ и, какъ нѣкоторое солнце, освѣщаетъ твердь тамошняго союза.

13. Потомъ онъ дѣлается соучастникомъ этого удивительнаго образа жизни, стремящагося во плоти достигнуть безплотнаго состоянія; принимаетъ на себя состязанія подвижничества, отбросивъ всякія стремленія болѣе плотской жизни; вслѣдствіе этой свободы отъ земнаго имѣя умъ ни чѣмъ не отвлекаемый отъ необходимаго, онъ перенесъ всю заботу на пріобрѣтеніе вѣчнаго — на то, какъ бы умножилась его правда и цѣломудріе,

1 sq. *ἐπιγιγνῶσθαι* P

τήγαγεν,—πῶς περιποιηθῇ αὐτῷ ἡ δικαιοσύνη καὶ σωφροσύνη, πῶς κατορθωθῇ ἡ φρόνησις καὶ ἀνδρεία, πῶς αἱ λοιπαὶ πᾶσαι ὅσαι ταῖς γενικαῖς ταύταις καθηκόντως ἐπιδιαιρεῖσθαι πεφύκασιν,—τὴν τῶν θείων γραφῶν μελέτην ποιούμενος ἀκατάπαυστα, ὡς ἐκεῖθεν τὰς τῶν πράξεων ὑποθήκας καὶ τοὺς βίους τῶν μακαρίων ἀνδρῶν ἀναγράπτους παραδεδομένους οἷόν τινας εἰκόνας ἐμψύχους τῆς κατὰ Θεὸν πολιτείας τῷ μιμήματι τῶν ἀγαθῶν ἔργων εὑρίσκεσθαι. τὴν γὰρ Ἰωσὴφ ἱστορίαν συνεχῶς ἀνελίσσων καὶ παρ᾽ αὐτοῦ τὰς σωφρονικὰς πράξεις ἐκδιδασκόμενος καὶ εὑρίσκων οὐ μόνον ἐγκρατῶς πρὸς ἡδονὰς ἔχοντα, ἀλλὰ καὶ ἐκτικῶς πρὸς ἀρετὴν διακείμενον καὶ οἵας τὰς ἐπικαρπίας ἀπηνέγκατο, ἐμιμεῖτο καὶ παρεζήλου καὶ ἀνεζωπυρεῖτο τῷ πνεύματι. εἴτε τοῖς τοῦ Ἰὼβ ἐντυγχάνων παλαίσμασιν, οὐ μόνον ἀνδρείαν καὶ καρτερίαν παρ᾽ αὐτοῦ ἐπαιδεύετο, ὅπως εἰς πᾶν τοὐναντίον τῷ ἐκείνου περιέστη καιρῷ, ἐκ πλούτου πενία καὶ ἐκ πολυπαιδίας ἀπαιδία, ἀλλὰ καὶ τοὺς παραπλησίων φέρειν 25 *ὀνειδισμοὺς, εἴ ποτε συμβαῖεν, ἐπιεικῶς ἐδιδάσκετο, ἐκεῖνον κἂν τούτῳ κεκτημένος ὑπόδειγμα, ὅπως ἐπὶ κοπρίας τραυματίας καθή-*

какъ бы исправились умъ, мужество и всѣ остальныя добродѣтели, которыя справедливо считаются входящими въ составъ главныхъ. Онъ неутомимо упражнялся въ изученіи священныхъ писаній, чтобы найти тамъ поощреніе къ дѣламъ, а также (въ чтеніи) житій блаженныхъ мужей, письменно переданныхъ, чтобы найти въ нихъ нѣкоторые одушевленные образы (иконы) жизни по Богу посредствомъ подражанія добрымъ дѣламъ ихъ. Ибо развертывая постоянно исторію Іосифа, научаясь изъ нея цѣломудреннымъ дѣяніямъ, находя, что Іосифъ не только воздерженъ былъ отъ страстей, но и положительно расположенъ къ добродѣтели, и видя, какіе плоды тотъ отсюда пожалъ, онъ (т. е. Георгій) подражалъ и соревновалъ и возжигался духомъ; или же, читая о страданіяхъ Іова, научался отъ него не только мужеству и терпѣнію —(припоминая), какъ все въ его положеніи измѣнилось на противное, богатство въ бѣдность, многочадіе въ бездѣтство,—но и съ кротостію переносить поношенія со стороны близкихъ, если то случалось, имѣя въ этомъ сего образцомъ, какъ

12 *εἶτε] εἶτα?* Ni

μενος, τῶν φίλων ἐπεμβαινόντων καὶ συχνῶς ἐπιπληττόντων, οὐκ ἐταράχθη οὐδὲ φωνὴν ἀφῆκε τοῦ θυμοῦ τὴν ὁρμὴν ὑπεμφαίνουσαν. P fol. 63 r *καὶ καθεξῆς ἁ||πλῶς ἐκ πάντων ἐκαρποῦτο τὸ χρήσιμον· ἐκ μὲν τοῦ Δαυὶδ τὸ πρᾶον, ἐκ δὲ τοῦ Σολομῶντος δικαιοσύνην καὶ φρόνησιν. εἶτα πρὸς τὸν Ἀβραὰμ ἀνατρέχων καὶ ἐξ αὐτοῦ ἔχων τὰ ὑποδείγματα, ἔμενεν ἐν τῇ πρὸς Θεὸν πίστει ἐρηρεισμένος καὶ πάγιος.*

14. Καὶ ἁπαξαπλῶς τοιαύτη τις ἦν ἡ τοῦ βίου ἐκείνου τάξις καὶ τοιοῦτον τὸ ὕψος τῆς φιλοσοφίας καὶ ἡ σεμνὴ τῆς πολιτείας ἐν τῇ καθ᾽ ἡμέραν τε καὶ νύκτα διαγωγῇ, ὡς ὑπερβαίνειν τὴν ἐκ τῶν λόγων ὑπογραφήν. καθάπερ γὰρ αἱ διὰ τοῦ θανάτου τῶν σωμάτων ἐκλυθεῖσαι ψυχαὶ καὶ τῶν κατὰ τὸν βίον τοῦτον μεριμνῶν συνεκλύονται, οὕτως κεχώριστο αὐτῶν ἡ ψυχὴ καὶ ἀπῴκιστο πάσης μερίμνης βιωτικῆς καὶ πρὸς μίμησιν τῆς τῶν ἀγγέλων διαγωγῆς ἐρυθμίζετο. ἐν οἷς οὐ θυμός, οὐ φθόνος, οὐ μῖσος, οὐχ ὑπόνοια, οὐκ ἄλλο 26 *τι τῶν τοιούτων ἐνεωρᾶτο, ἥ τε τῶν ματαίων ἐπιθυμία, τιμῆς τε καὶ δόξης καὶ τύφου καὶ περιφανείας καὶ πάντων τῶν τοιούτων ἐκβέ-*

онъ сидя на гноищѣ покрытый ранами, при посѣщеніи друзей и при постоянныхъ ихъ упрекахъ, не возмутился и не издалъ гласа, обличающаго гнѣвный порывъ; — и однимъ словомъ, изъ всего онъ (Георгій) почерпалъ полезное: отъ Давида научался кротости, отъ Соломона справедливости и разуму; потомъ, обращаясь къ Аврааму и заимствуя отъ него образцы, пребывалъ утвержденнымъ и крѣпкимъ въ вѣрѣ въ Бога.

14. Таковъ былъ вообще чинъ его жизни, и такова высота его любомудрія, и такъ честно его житіе въ его поведеніи каждый день и каждую ночь, что превосходило всякое описаніе словами. Ибо какъ души, освобожденныя смертію отъ тѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаются отъ всяческихъ заботъ этой жизни, точно такъ ихъ душа отрѣшена была и отдалена отъ всякой житейской заботы и настроивалась къ подражанію жизни ангеловъ, у которыхъ нѣтъ ни гнѣва, ни зависти, ни ненависти, ни подозрѣнія, ни другаго чего-либо такого; а желаніе чего-либо суетнаго — чести и славы, блеска и пышности и всего подобнаго было изгнано; роскошью было воздержаніе, славою быть незнаемымъ, богатствомъ нестя-

4 *Δαυὶδ] δᾱδ* P **8** *σεμνὴ τῆς] σεμνότης τῆς?* Ni

βλητο· τρυφὴ δὲ ἦν ἡ ἐγκράτεια καὶ δόξα τὸ μὴ γιγνώσκεσθαι, πλοῦτος δὲ ἡ ἀκτημοσύνη καὶ τὸ πᾶσαν τὴν ὑλικὴν περιουσίαν ὡς κόνιν ἀποτινάξασθαι. τὴν τοιαύτην οὖν διαγωγὴν τίς ἂν ὑπ᾿ ὄψιν ἀγάγοι λόγος ἀνθρώπινος, παρ᾿ οἷς μεθόριος ἦν ἡ ζωὴ τῆς τε ἀνθρωπίνης καὶ ἀσωμάτου φύσεως;

15. Χρόνος ἦν ἐν τούτοις οὐκ ὀλίγος, καὶ συνηύξατο τῷ χρόνῳ τὰ κατορθώματα. ἐντεῦθεν ἐπὶ τὴν τῶν ἀρετῶν ἀναδραμὼν κλίμακα καὶ οἷον μετέωρος γενόμενος, οὐκέτι κρύπτεσθαι οἷός τε ἦν (λυχνίαν γὰρ ἐπάνω ὄρους κρυβῆναι ἀδύνατον), οὐκέτι τὴν οἰκείαν ὁ μαργαρίτης περικαλύπτειν ἠδύνατο φαιδρότητα· ἀλλ᾿ αἱ μαρμαρυγαὶ τὴν οἰκουμένην διέτρεχον, ἡ στίλψις διεφημίζετο, ἡ ἄνωθεν ἐπεψηφίζετο πρόνοια. καὶ φθάνει μέχρι τῆς πατρίδος ἡ φήμη καὶ διαλύει τὴν σκυθρωπότητα, καὶ τὴν πρὶν κατήφειαν μεταθεμένη εἰς φαιδρότητα, 27
ἅπαν ἀθυμίας ἐξηφάνισε λείψανον. καὶ ἐπεὶ ὁ τῆς ἐκκλησίας ἐκείνης πρόεδρος ἤδη τὸν βίον ἐξεληλύθει, ζῆλον ἐντίθησι Κύριος τοῖς

жательность, отряхающая какъ прахъ всякое матеріальное излишество... Какое человѣческое слово могло бы выставить на видъ (живо представить) такое поведеніе тѣхъ, которыхъ жизнь находилась на границѣ человѣческой и безтѣлесной природы.

V.

Св. Георгій избранъ въ епископы Амастриды, взятъ силою изъ монастыря, посвященъ Тарасіемъ, патріархомъ Константинопольскимъ.

15. Прошло не мало времени, и вмѣстѣ со временемъ возрастали подвиги. Достигнувъ верха лѣствицы добродѣтелей и какъ бы поднявшись выше земли, уже не могъ онъ оставаться скрытымъ (ибо не возможно свѣтильнику скрыться на верху горы), уже не могла жемчужина утаить своего блеска; но лучи его пробѣгали вселенную, его блескъ прославлялся молвою, <вышній промыслъ давалъ свое соизволеніе>. И вотъ молва достигаетъ до отчизны (святаго) и разгоняетъ мрачное настроеніе, прежнее уныніе превративъ въ веселіе, уничтоживъ всякій остатокъ печали. Когда предстоятель этой церкви отошелъ уже отъ жизни, Господь влагаетъ его соотечественникамъ ревность совѣщать совѣтъ богоугодный

τῆς πατρίδος ἔνθεν βουλὴν βουλεύσασθαι ὡς θεοπρεπῆ καὶ τῷ τότε καιρῷ λίαν προσήκουσαν· ψηφίσασθαι ἀρχιερέα τὸν πρὸ γενέ- P fol. 63 v *σεως ἱερέα καὶ πρεσβείαν ὡς αὐτὸν στεῖλαι, ὡς ἂν ὑπεί||ξῃ καὶ τὴν ἱεραρχίαν ἀναδέξηται. καὶ δὴ στέλλεται πρὸς αὐτὸν ὅσον τε τῆς πόλεως ἔκκριτον ὅσον τε τοῦ ἱερατικοῦ καταλόγου καὶ ὅσον ἐν τέλει.*

16. Οἳ παραγενάμενοι τοιαῦτά τινα πρὸς αὐτὸν διεξῄεσαν· «Ἡ θρεψαμένη σε πόλις καὶ τιθηνὸς ἐκκλησία, πολλὰς παρὰ σοῦ τὰς ἐπικαρπίας ἐλπίζουσαι (ἡ μὲν ἀντὶ θρεπτηρίων περιβόητος γενέσθαι καὶ κλέος ἀξιαίρετον τῶν λοιπῶν ἀπενέγκασθαι πόλεων, ἡ δὲ καλῶς κυβερνηθήσεσθαι καὶ μηδὲν τῶν αὐτῆς παρεξεσμένον νομίμων κατόψεσθαι), τῶν ἐλπίδων διαμαρτοῦσαι ἀνιῶνται καὶ σχετλιάζουσι. νῦν οὖν διαναστάς, τῇ ἐπιδημίᾳ καὶ τὴν ὀφειλὴν ἐκπλήρωσον καὶ 28 *τὰ τροφεῖα ταῖς θρεψαμέναις ἀπόδος, δίκαια διαπραττόμενος. περιποίησαι τῇ μὲν τὸ κλέος διὰ τῆς πρὸς αὐτὴν ἀφίξεως, τῇ δὲ τὸ καύχημα διὰ τῆς ἐνιδρύσεως, ἀμφοτέραις τὴν εὐφροσύνην διὰ τῆς ἐπελεύσεως. μίμησαι τὸν τρόπον τῶν ἀπ᾽ αἰῶνος ἁγίων, ὧν τὸν*

и совершенно соотвѣтствующій тогдашнимъ обстоятельствамъ, избрать въ архіереи того, кто еще до рожденія былъ іереемъ, и послать къ нему посольство, чтобы онъ уступилъ и принялъ на себя священноначаліе. И вотъ посылаются къ нему избранные люди города, частію члены священнаго собора, частію представители городскаго управленія.

16. Прибывши они держали къ нему такую рѣчь: «Воспитавшій тебя городъ и воздоившая тебя церковь, надѣявшіеся отъ тебя большихъ плодовъ (первый сдѣлаться знаменитымъ и получить превосходную честь предъ остальными городами, а вторая — быть (впослѣдствіи) хорошо управляемой безъ нарушенія принятыхъ въ ней обычаевъ), обманувшись въ своихъ надеждахъ, огорчаются и печалятся. Итакъ возставъ исполни нынѣ прибытіемъ на родину свой долгъ и уплати плату за воспитаніе воспитавшимъ, совершивъ такимъ образомъ дѣло справедливое: доставь первому (городу) честь прибытіемъ въ него, доставь ей

10 *ἀξιαίρετον* **PVa,** *ἐξαίρετον?* **Ni** **11** *κυβερνηθήσεσθαι* **P,** *κυβερνήσεσθαι* **Va** *παρεξεσμένων* **PVa,** *παρεξεσμένον* **Ni**

βίον ἐζήλωσας· μίμησαι τοὺς πρὸ τῆς χάριτος, τοὺς μετὰ Χριστόν, ὅπως ἔργον πάντων τῶν τοῦ Θεοῦ μεγαλείων καθεστήκει τὸ κήρυγμα καὶ ἡ τῶν ἁμαρτανόντων ἐπιστροφή. οὐ γὰρ ἐν τῷ τὸ ἑαυτοῦ περιποιεῖσθαι ἡ τῆς ἀρετῆς τελειότης χαρακτηρίζεται, ἀλλ' ἐν τῇ τῶν πολλῶν προμηθείᾳ καὶ σωτηρίᾳ τὸ ὑψηλὸν τῆς διανοίας ἑκάστου τῶν ἁγίων καταφαίνεται. διὰ τοῦτο Παῦλος ἀπὸ Ἱερουσαλὴμ μέχρι τοῦ Ἰλλυρικοῦ διέδραμεν· διὰ τοῦτο τοὺς συχνοὺς ὑπέμενεν διωγμούς, τοὺς κατὰ γῆν κινδύνους, τοὺς κατὰ θάλασσαν. διὰ τοῦτο Πέτρος δεσμὰ ἐκ δεσμῶν ἤμειβεν καὶ θλίψεις ἐκ θλίψεων καὶ μυρία ἄλλα, ἵνα μὴ καθ' ἕκαστον λέγωμεν. διὰ τοῦτο Χριστὸς δούλου μορφὴν ἀνέλαβεν· διὰ τοῦτο ῥαπίσματα κατεδέξατο, ἐμπτύσματα, κολαφίσματα, σταυρόν τε καὶ θάνατον καὶ τὴν εἰς ᾅδου κάθοδον».

17. Ταῦτα δὴ καὶ τούτων πλείονα τῶν πρεσβευόντων ὑπειπόν- 29
των, ὁ μέγας ἐκεῖνος καὶ τοῦ εἰρηνικοῦ μαθητῆς πραείᾳ τῇ φωνῇ πρὸς αὐτοὺς ἀπεκρίνατο· «Ἐμοί, ὦ παρόντες, κόσμος καὶ τὰ ἐν

(церкви) гордость посредствомъ утвержденія на ея (епископскомъ) сѣдалищѣ, возврати обоимъ веселіе своимъ прибытіемъ. Возьми въ образецъ обычай отъ вѣка святыхъ, жизни которыхъ ты поревновалъ, подражай тѣмъ, которые (были) до благодати, и тѣмъ, которые (были) послѣ Христа, какъ для нихъ главнымъ дѣломъ было проповѣданіе божественнаго величія и направленіе (на истинный путь) согрѣшающихъ. Ибо не въ томъ, чтобы заботиться о себѣ, заключается полнота добродѣтели, но въ попеченіи о многихъ и въ ихъ спасеніи является истинная высота помысла каждаго изъ святыхъ. Ради этого Павелъ прошелъ отъ Іерусалима до Иллирика, ради этого онъ подвергался многократнымъ гоненіямъ, опасностямъ на сушѣ и на морѣ. Ради того Петръ узы мѣнялъ на узы, скорби на скорби, и вообще (потерпѣлъ) множество другихъ бѣдъ, чтобы не перечислять ихъ подробно. Ради того Христосъ принялъ зракъ раба, ради того принялъ онъ бичеванія, оплеванія, заушенія, крестъ, смерть и сошествіе до ада».

17. Когда послы высказали это и многое другое, то оный великій и ученикъ миролюбца отвѣчалъ имъ кроткимъ голосомъ: «Для меня, о присутствующіе здѣсь, міръ и яже въ мірѣ распяшася; предстояніе въ народѣ и помазаніе священноначалія остается

κόσμῳ ἐσταύρωται, λαοῦ δὲ προστασία καὶ ἱεραρχίας χρῖσμα τοῖς P fol. 64 r *βουλομένοις καταλέλειπται καὶ οἷς ἡ ἄνωθεν ἐπιψηφίσεται πρό||νοια». ὢ διανοίας ὑψηλῆς, ὢ ἐλευθέρου φρονήματος τῷ ὄντι, οὗ μὴ καθειλκύσθη τὸ κρεῖττον ὑπὸ τοῦ χείρονος, ἀδούλωτον δὲ πάντη καὶ τῆς πρὸς τὸ χεῖρον ἐπιμιξίας τῇ τῶν καλῶν ἐπεκτάσει ἀλλότριον καθέστηκεν, μόνης δὲ τῆς πρὸς τὸ ἔσχατον τῶν ἀγαθῶν ἐπιμελεῖσθαι διαβιβαζούσης ὁδοῦ καὶ πρὸς μηδὲν ἄλλο τὸ σύνολον μετατρέπεσθαι. ἐπεὶ δὲ τὸ τοῦ γεννάδος ἀμείλικτον οἱ πρεσβεύοντες ἐθεάσαντο (ὢ τοῦ θαύματος), συμβαίνει τι γενέσθαι καὶ τολμηρότερον, εἰ χρὴ τοῦτο οὕτως λέγειν, ἀλλὰ μὴ τῆς ἄνω ῥοπῆς ἔργον εἰκάζεσθαι. βουλεύονται βουλὴν εὐσεβείας πλήρη καὶ θρασύτητος· ἕλκουσι τὸν ἅγιον χειρὶ βιαίᾳ καὶ ἄκοντα. οἶδεν γὰρ καιροῦ λαβόμενος πόθος* 30 *διάπυρος ὁτιοῦν τολμᾶν καὶ διαπράττεσθαι. ἀλλ᾽ οὐκ ἀπρεπὴς ἡ τόλμα (μὴ γένοιτο), ἀλλὰ σὺν εὐλαβείᾳ πολλῇ τὸ θράσος ἐδείκνυτο.*

18. Καὶ ὁ μὲν τὴν καλὴν ἐτυραννήθη τυραννίδα· οἱ δέ, ἐπεὶ τὰ τῆς ἐλπίδος ἀρχὴν εἴληφεν, ὅση δύναμις ᾤχοντο πρὸς τὴν βασιλεύουσαν, ὑποτεμνομένης μὲν τὸ τῆς ὁδοῦ μῆκος τῆς προθυμίας,

---

для желающихъ и для тѣхъ, кому назначилъ это Промыслъ свыше». О высокій помыслъ! о благородное по истинѣ настроеніе! Лучшее его не было перетянуто внизъ худшимъ, но вслѣдствіе расширенія добраго оказалось совершенно не поработимымъ и чуждымъ всякой примѣси на худшее; онъ стоялъ на томъ, что онъ заботится о пути, ведущемъ къ послѣднему изъ благъ, и совсѣмъ не хочетъ обращаться къ чему-либо другому. Когда послы увидѣли непреклонность подвижника, то, о чудо! произошло нѣчто и нѣсколько дерзновенное, если позволительно такъ выразиться, не предполагая въ этомъ дѣла божественнаго устроенія. Они совѣщаютъ совѣтъ, исполненный благочестія и дерзости; увлекаютъ святаго противъ воли насильственною рукою. Ибо пылкое желаніе, воспользовавшись благопріятнымъ временемъ, заставляетъ иногда рѣшиться на что бы то ни было. Однако, дерзновеніе не было неприличнымъ, — да не будетъ! — но оно выразилось съ большимъ благоприличіемъ.

18. И вотъ надъ нимъ совершена была добрая тираннія; а они, когда положено было начало надеждѣ, съ возможною силамъ поспѣшностію отправились въ царственный градъ, при чемъ

κουφιζούσης δὲ τῆς ἐλπίδος τοὺς ἐκ τῆς ὁδοιπορίας ἐγγινομένους πόνους καὶ ῥᾶστα μὲν πάντα, μηδὲν δὲ δυσχερὲς ἀπαντήσεσθαι παρασκευαζούσης τῆς πίστεως. καὶ ἦν ἰδεῖν πάντα τῷ καιρῷ σύνδρομα καὶ τῷ ὀρθῷ σκοπῷ λίαν συντείνοντα· ἀποδοχὴν παρὰ τοῦ ἱεραρχοῦντος (Ταράσιος ἦν τῷ πατριάρχῃ ὄνομα), τῆς τῶν ψηφιζομένων ἰσόῤῥοπον προαιρέσεως, καὶ ἀναγνωρισμὸν ἐκ πρώτης αὐτῆς ἐντεύξεως. ἔχει δὲ ὧδε τὰ τῆς ἐπιγνώσεως. μήπω τοῦ μεγάλου Ταρασίου τῷ ἱερατικῷ ἐπιβάντος θρόνῳ, ἐν τῷ τάγματι δὲ τῷ τὴν μυστικὴν ἐπιτελοῦντι βασιλικὴν χρείαν κατειλεγμένου, ὅπερ ἀσηκρήτις τῇ Ἰταλῶν διαλέκτῳ προσαγορεύεται, λαούς τε ἐκμισθουμένου 31
καὶ παννύχους ἐπιτελοῦντος ψαλμῳδίας, συνέβη τὸν μέγαν Γεώργιον, ἔτι νέον ὄντα καὶ τῷ θείῳ διηνεκῶς ἑπόμενον, περιτυχεῖν τῷ νεῷ καὶ μέρος τῶν τὴν ἱερὰν ἐκείνην ἐπιτελούντων γενέσθαι ψαλμῳδίαν. ὡς δὲ ἡ τῶν ψαλμῳδουμένων ἐπετελέσθη συνήθεια, καιρὸς ἦν τοῖς ψάλλουσι διανεμηθῆναι τὸ μίσθωμα, διενεμή||θη δὲ ἑκάστῳ P fol. 64 v
ὡς εἶχε τάξεως, καὶ ἐπ᾽ αὐτῷ τὸ τῆς διανομῆς ἔφθασεν, λαβεῖν οὐκ ἠνέσχετο, φήσας τὸν μισθὸν ἐν τῷ μέλλοντι κρεῖττον αἰῶνι ἐκδέ-

---

усердіе сокращало длину пути, надежда облегчала сопровождающіе всякое путешествіе труды, а вѣра устрояла, что все было крайне легко и ничего не встрѣчалось труднаго. Затѣмъ можно было видѣть, какъ все соотвѣтствовало времени и прямо содѣйствовало настоящей цѣли: пріемъ со стороны іерарха — Тарасій было имя патріарху — точно отвѣчающій желаніямъ избирающихъ и признаніе съ самой первой встрѣчи. А знакомство состоялось (нѣкогда) слѣдующимъ образомъ. Когда еще великій Тарасій не восходилъ на первосвященническій престолъ, а числился въ придворномъ чинѣ, исполняющемъ тайную царскую службу, что̀ на языкѣ Италійскомъ называется секретарствомъ (a secretis), то пришлось однажды, что, когда онъ совершалъ всенощное псалмопѣніе и раздавалъ плату народу, случился во храмѣ и великій Георгій, тогда еще юноша; постоянно сопровождая своего дядю, онъ вмѣстѣ съ другими принималъ участіе въ совершеніи онаго священнаго псалмопѣнія. Когда же обычный долгъ псалмопѣвцевъ былъ совершенъ и настало время раз-

6 ἰσόῤῥοπον P 9 sq. ἀσηκρῆτις P 11 καὶ — ἐπιτελοῦντος] τοὺς παννύχους ἐπιτελοῦντας? Ni 14 καιρὸς] καὶ καιρὸς? Ni 17 κρεῖττον] κρεῖττον εἶναι? Ni

χεσθαι. καὶ οὗτος μὲν οὕτως. ὁ δὲ τὸ γεγονὸς ἐπεσκόπησεν, καὶ τὴν τοῦ νέου ἀρετὴν θαυμάσας, οἷον ἐμπύρευμά τι τῇ διανοίᾳ ἐναπέθετο, ὅπερ ἄρτι ἀνήφθη τραφὲν τῇ μνήμῃ (οἶδεν γὰρ πρᾶξις ἐνάρετος, πνευματικοῖς διὰ τῶν αἰσθητῶν ὀφθαλμοῖς ὁραθεῖσα, ἄληστον ἔχειν τὴν μνήμην καὶ ἀνεξάλειπτον). καὶ τὸν ἄνδρα ἐναργῶς ἀνιστορήσας, προμηθείας θείας εἶναι τὸ ἔργον ὑπέλαβεν καὶ βουλήσεως. καὶ γνώμης οὕτως εἶχεν, ὡς θᾶττον λόγου οἷα μαρτυρούμενον ἄνωθεν ἱερέα τε ἀναδεῖξαι καὶ τοῖς ἐπιζητοῦσι παρασχέσθαι πρᾶγμα οὕτω ἐκ πολλοῦ ποθούμενον.

32 *19. Ἀλλ᾽ ἡ τοῦ βασιλέως ἀποστολή, μᾶλλον δὲ ἡ τοῦ φθόνου προσβολὴ μικρόν τι τὴν ὁρμὴν ἐπισχεθῆναι τοῦ πατριάρχου παρεσκεύασεν· εἰς τὸν αὐτὸν γὰρ τῆς ἐπισκοπῆς θρόνον πρὸς αὐτοῦ τοῦ αὐτοκράτορος ἐψηφίζετο ἕτερος. ἀλλ᾽ οὐδαμῶς προτιμῆσαι τῆς ἀληθείας τὸ ψεῦδος τὸν θεῖον ἀρχιερέα τὸ τοῦ αὐτοκράτορος ἔπεισε*

давать пѣвцамъ плату, то Тарасій выдалъ ее по порядку, какъ слѣдовало каждому; но когда очередь дошла до Георгія, то сей послѣдній отказался принять деньги, сказавъ, что <лучше ожидать> награды въ будущей жизни. Таковы были его слова; а тотъ (т. е. Тарасій) обратилъ на нихъ вниманіе и, удивившись добродѣтели молодаго человѣка, сложилъ ихъ въ мысли своей, какъ нѣкоторое скрытое пламя, которое питалось воспоминаніемъ и теперь вновь возгорѣлось. Ибо всякое похвальное дѣяніе, усмотрѣнное чрезъ посредство чувственныхъ духовными очами, обыкновенно оставляетъ за собою незабвенную и неизгладимую память. Внимательно разспросивъ мужа, онъ (Тарасій) понялъ, что это дѣло божественнаго попеченія и хотѣнія; онъ былъ той мысли, чтобы сейчасъ же объявить его (Георгія), какъ свыше засвидѣтельствованнаго іерея и доставить ищущимъ то, чего они издавна такъ желали.

19. Но посольство отъ царя, а лучше сказать дѣйствіе (приражение) зависти произвело то, что стремленіе патріарха немного было задержано; ибо на тотъ же самый епископскій престолъ самодержцемъ предназначался другой. Однако, царское повелѣніе никакъ не заставило божественнаго архіерея предпочесть ложь

6 *προμηθείας εἶναι τὸ ἔργον θείας ὑπελάμβανε* Va **9** *οὗτως* Va

πρόσταγμα, οὐδὲ πρόσωπον αἰδεσθῆναι βασιλικὸν ἢ χεῖρα δεῖσαι τυραννικὴν ἢ κολακείαις ὑπαχθῆναι ἡ τῶν θείων ἐντολῶν ἀκριβὴς τήρησις συνεχώρησεν· ἀλλὰ τὸ ἱερὸν ἅπαν προσκαλεσάμενος σύστημα καὶ τοὺς ἄνδρας εἰς μέσον ἀγαγών, οἷον Ματθίαν καὶ Νικάνορα, ἀπόπειράν τε ποιησάμενος τῶν ἀσυγκρίτων καὶ σύγκρισιν ἔν τε ἄλλοις καὶ τοῖς τῆς ἐκκλησιαστικῆς εὐταξίας, οὐδὲν πλέον εὑρίσκετο ἢ ὁ χρυσὸς χρυσὸς καὶ τῇ τοῦ μολίβδου παραθέσει λαμπρότερος ἔτι καὶ τιμιώτερος. καὶ ἦν ἰδεῖν ἱερέων συμφωνίαν καὶ κοινὴν ψῆφον καὶ τὸν κλῆρον, ὡς ἐπὶ Ματθίαν, ἐπὶ Γεώργιον. ὅθεν δέχεται τὸ τῆς ἱερωσύνης χρῖσμα καὶ πρὸς τὴν πατρίδα ἐκπέμπεται, ἀνιῶν μὲν τῇ ἀναχωρήσει τὴν βασιλεύουσαν· καὶ γὰρ ἐν βραχεῖ καιρῷ πᾶσι γνώ- 33
ριμος γέγονε, ποθεινός τε καὶ αἰδέσιμος βασιλεῦσιν, ἄρχουσιν, ἀρχομένοις, δυνάσταις καὶ πένησιν, ὁμοῦ γνωρισθεὶς καὶ ἀποσπασθείς, ὡς μὴ τὸν πολύν τινα φθάσαι πόθον || ἀφοσιώσασθαι. καὶ οὕτως P fol. 65 r
μὲν τὸ Βυζάντιον· οἱ δὲ τῆς πατρίδος, ἐπεὶ τὸ ζητούμενον εἶχον, ἐπεὶ τῆς ἐλπίδος οὐκ ἐψεύσθησαν, λαβόντες τὸν ποθούμενον ᾤχοντο.

истинѣ и точное соблюденіе божественныхъ заповѣдей не позволило ему устыдиться предъ лицемъ царскимъ, убояться руки властной или уступить ласкательствамъ. Напротивъ, созвавъ весь духовный чинъ и выведя на средину обоихъ мужей, какъ Матѳія и Никанора, онъ сдѣлалъ испытаніе и сравненіе несравнимымъ обоюдное, какъ во всемъ другомъ, такъ особенно въ томъ, что̀ касалось церковнаго благоустройства. Ничего другаго не оказалось, какъ только то, что золото есть золото и что отъ сопоставленія съ оловомъ оно является еще болѣе блестящимъ и цѣннымъ. И можно было видѣть согласіе іереевъ и общій голосъ; и вотъ жребій, какъ на Матѳія, палъ на Георгія. Онъ получилъ затѣмъ помазаніе іерейства и отправился на родину, огорчая своимъ уходомъ столицу. Ибо въ короткое время онъ сдѣлался для всѣхъ знаемымъ, желаннымъ и почтеннымъ,—для царей, властей и властвуемыхъ, для магнатовъ (династовъ) и убогихъ; въ одно время онъ и сдѣлался имъ знакóмъ и былъ съ ними разлученъ, дабы не дошло дѣло до того, чтобы возбудились по отношенію къ нему слишкомъ сильныя желанія. Такъ было въ Византіи; а что касается родины, то, получивъ искомое и не обма-

6 *ἄλλοις] τοῖς ἄλλοις?* Latyšev

20. Ἀλλὰ παρηνέχθη ἀφηνιάσας ὁ λόγος καὶ ὑπὲρ τοὺς λόγους ἐφάλλεται καὶ τῶν ἀρρήτων κατατολμᾷ καὶ λέγειν προάγεται, ὡσπερεὶ θεατὴς τῶν ἀρρήτων γενόμενος, ὅτι ἐπὶ τῷ τοιούτῳ κατορθώματι κρότος μὲν ἦν ἄνω καὶ ἔπαινος, εὐφημία δὲ τῶν πολιτῶν τῆς οὐρανίας πόλεως, χαρὰ δὲ πάσης τῆς ἐν οὐρανῷ πανηγύρεως. καὶ εἰκότως γε· εἰ γὰρ τὸ τελούμενον εἰς πολλῶν σωτηρίαν κατειργάζετο (καὶ γάρ, ὡς προϊὼν ὁ λόγος δείξει, πολλὰ παρ᾽ αὐτοῦ κατειργάσθη κατορθώματα· συμφορῶν εἰς ψυχὴν αὐτὴν φερουσῶν τὸν κίνδυνον λύσεις, ψυχῶν καθάρσεις, ἄλλων τε μυρίων κατορθωμάτων ἑσμός), 34 *ἄγγελοι δὲ τῇ τῶν ἀνθρώπων χαίρουσι σωτηρίᾳ, ἐπεὶ καὶ φύλακες τῆς ἑκάστου ζωῆς ἐτάχθησαν, εἰκότως ἄρα κἀκείνους ἀγάλλεσθαι καὶ συμπανηγυρίζειν τοῖς ἐπιγείοις καὶ συνευφραίνεσθαι. καὶ εἰ ἐν χειρὶ Θεοῦ τῶν ἁγίων αἱ ψυχαὶ χαίρει δὲ Θεὸς τῇ τῶν ἁμαρτανόντων ἐπιστροφῇ καὶ σωτηρίᾳ, εἰκότως καὶ ταύτας ἀγάλλεσθαι ὡς τὴν τοῦ συγγενοῦς ἐπαισθανομένας σωτηρίαν διὰ τῆς τοῦ ἀνδρὸς ἀρετῆς καὶ προμηθείας. ἀλλὰ ταῦτα μὲν ἐπὶ τοσοῦτον.*

нувшись въ своей надеждѣ, они (представители Амастриды), взявъ съ собою желаннаго, удалились домой.

20. Но наше слово, сбросивъ узду, сбивается съ пути, заносится выше всякаго слова, дерзаетъ на неизреченное и, какъ будто оно было зрителемъ неизреченнаго (тайнаго), побуждается говорить, что ради такого дѣянія великое свыше было одобреніе и похвала, одобреніе гражданъ небеснаго града и радость всего собора на небеси. И ‹это› по справедливости. ‹Ибо›, если совершаемое содѣвалось во спасеніе многихъ (вѣдь, какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе, имъ совершены были многіе подвиги: освобожденіе отъ бѣдъ, грозящихъ опасностію самой душѣ, очищеніе душъ и множество другихъ дѣяній), а ангелы радуются спасенію человѣческому, такъ какъ они поставлены хранителями каждой души, то естественно и имъ радоваться и торжествовать вмѣстѣ съ земнородными. И если въ руцѣ Божіей души святыхъ, и Богъ радуется обращенію и спасенію грѣшниковъ, то естественно и душамъ святыхъ веселиться, сочувствуя спасенію родственнаго чрезъ посредство добродѣтели и попечительности сего мужа. ‹Но довольно объ этомъ›.

21. Ἤγετο πρὸς τὴν πατρίδα τὸ μέγα θησαύρισμα, περίβλεπτον ταύτην ποιήσων καὶ περιβόητον. ὃς τά τε ἄλλα αὐτῇ περιεποιήσατο καὶ τὸ μὴ ὑπό τινος ἄρχεσθαι ἐχαρίσατο, παρρησίᾳ πρὸς βασιλέα χρησάμενος. τὴν τῶν Γαγγρηνῶν γὰρ ὁ κατ᾽ ἐκεῖνο καιροῦ περιέπων μητρόπολιν, ὡς εἰκὸς τὸ σοβαρὸν ἐνδεικνύμενος καὶ ἀλαζονείας τρόπῳ μᾶλλον δὲ μισανθρωπίας τὸ ἀπηνὲς ἐνδεικνύμενος μήτε 35
τὴν ἐν αὐτῷ τοῦ θείου πνεύματος χάριν αἰδούμενος (βδέλυγμα γὰρ ἁμαρτωλῷ κατὰ τὴν παροιμίαν θεοσέβεια, καὶ τὸ καλὸν ὑπὸ τοῦ καλοῦ, ὡς θέμις, εἴωθεν ἐπαινεῖσθαί τε καὶ σέβεσθαι, ἐναντίως δὲ πρὸς τὸ μὴ τοιοῦτον ἔχειν καὶ στασιάζειν πέφυκεν), ἀπώσατό ποτε τὸν μέγαν τοῦτον καὶ τῆς ἄνω Ἱερουσαλὴμ μητροπολίτην || εὐπει- P fol. 65 v

---

VI.

Амастрійская церковь дѣлается самостоятельною и достохвально управляется Георгіемъ. Изгнаніе Сарацинъ.

21. Георгій, какъ великое сокровище, приведенъ былъ въ отечество, которое онъ имѣлъ сдѣлать славнымъ и знаменитымъ. Онъ доставилъ ему помимо всего другаго и то преимущество, что оно перестало быть подъ чьею бы-то ни было властію, при чемъ Георгій воспользовался своимъ дерзновеніемъ предъ царемъ. Ибо тотъ, кто въ это время управлялъ Гангрскою митрополіей, показывая свою обычную надменность и обнаруживая злонравіе и грубость тщеславнаго или же ненавидящаго людей человѣка, не почтилъ въ немъ благодати Святаго Духа (ибо, согласно съ Притчами, мерзость грѣшнику благочестіе, напротивъ, все доброе находитъ себѣ законную похвалу и одобреніе у добрыхъ, которые, наоборотъ, естественно возмущаются противъ тѣхъ, кто не таковъ). Онъ (т. е., митрополитъ) оттолкнулъ отъ себя сего великаго митрополита вышняго Іерусалима, когда онъ съ видомъ послушанія прибылъ къ нему для представленія. Можетъ быть, въ этомъ нужно видѣть дѣло Промысла, все устрояющаго къ

2 *περιποιήσατο* P
7 sq. cf. Proverb. 29, 27.

θείας τρόπῳ ὡς αὐτὸν παραγενόμενον εἰς ἐπίσκεψιν. ἴσως τῆς τὰ πάντα καλῶς οἰκονομούσης ἔργον τοῦτο προνοίας διὰ τὴν ἐκείνου σκληροκαρδίαν, ἵνα μὴ τὸ κρεῖττον ὑπὸ τοῦ χείρονος ἄρχηται· ὅπερ δὴ καλῶς ποιοῦν καὶ συνέδραμεν. τοῦτο γὰρ αἴτιον τοῦ μὴ τὸν τῆς πατρίδος ὑπό τινος ἄρχεσθαι θρόνον συμβέβηκεν, βασιλικῆς χειρὸς τῇ τοῦ ἁγίου αἰτήσει τοῦτο δικαίως οἰκονομησάσης. καὶ ταῦτα εἶπον, οὐχ ὡς τῇ τάξει πρότερα ἢ ἐν προοιμίοις κατεργασθέντα, τοὐναντίον δὲ πολλῷ τῷ χρόνῳ ὕστερα, ἀλλ' ὡς εἰς τοῦτο τοῦ λόγου περιπεσόντος καὶ δευτέραν παραιτουμένου ἐξήγησιν.

36 *22. Ἀλλ' ἐπὶ τὴν ὑπόθεσιν ὁ λόγος μεταρρυθμιζέσθω καὶ διεξιέτω τὰ εἰσόδια. ἤγετο πρὸς τὴν πατρίδα τὸ ἱερὸν τοῦτο κειμήλιον, τὸ σκεῦος τῆς ἐκλογῆς, ὁ Παῦλος ὁ δεύτερος, τὸ ἁπλοῦν καὶ ἄκακον ἐνδεικνύμενος· ἄμωμος τῷ βίῳ, προσηνὴς τῷ λόγῳ, ἐπιεικὴς τοῖς τρόποις. καταγγέλλεται ἡ τούτου τῇ πόλει παρουσία, καὶ ἦν θεάσασθαι κοινὴν συνδρομὴν καὶ θέαμα γέμον θαύματος· πρεσβύτας τῆς οἰκείας ἀσθενείας ἐπιλαθομένους καὶ νεανικὴν ἐνδεικνυμέ-*

лучшему, ибо это жестокосердечіе повело къ тому, чтобы лучшее не было подъ начальствомъ худшаго. Произошло то, чему приличествовало быть. Ибо это было поводомъ къ тому, что отечество Георгія перестало быть подчиненнымъ какому-нибудь другому престолу и что по прошенію святаго царская рука устроила это иначе, согласно со справедливостію. Я сказалъ объ этомъ не потому, чтобы это стояло прежде въ порядкѣ событій, или совершилось въ началѣ; напротивъ, по времени это есть гораздо позднѣйшее событіе, но (упомянуто о немъ ранѣе) для того, что къ тому пришла рѣчь и чтобы не возвращаться второй разъ къ тому же предмету.

22. Однако, пусть рѣчь наша <возвратится къ своему предмету и пусть изложитъ входъ (святаго въ родной городъ)>. — Приводилось въ отечество это священное сокровище, сосудъ избранія, второй Павелъ, обнаруживающій простоту и незлобіе, безупречный по жизни, ласковый въ словѣ, кроткій нравомъ. Возвѣщается городу его прибытіе, и можно было видѣть всеобщее стеченіе народа и зрѣлище исполненное чудеснаго: старцевъ,

1 *τῆς* Va, *τῇ* P **16** sq. *ἐνδεικνυμένοις* P

νους τὴν προθυμίαν καὶ σπεύδοντας πρὸς τὴν ἀπάντησιν, ἀσθενεῖς ῥωσθέντας καὶ πόθῳ τὰς ἐκ τῆς ἀρρωστίας παρενοχλούσας ἀποθεμένους προφάσεις, γυναῖκας τὸ ἀσθενὲς ἀρνησαμένας τῆς φύσεως καὶ ἀνδρείαν γνώμην ἀναλαβούσας, παῖδας τὸν ἴσον τοῖς πρεσβύταις πόθον ἐνδεικνυμένους, καὶ πάντας ἁπλῶς, ὥσπερ τοὺς διψητικωτάτους τῶν ἐλάφων ἐπὶ τὰς πηγάς, ἐπὶ τὴν τοῦ ἁγίου ἀπάντησιν συντρέχοντας, προστρέχοντας, ἀλλήλους προϋπαντῶντας. πλήρεις αἱ λεωφόροι, πλήρεις αἱ ἀγυιαί· ἑορτὴ πάνδημος. τί δεῖ καθ᾽ ἕκαστον ἀπαριθμεῖν τῶν τότε πραχθέντων, ἐνὸν δι᾽ ὀλίγων τὴν ὑπόθεσιν 37 *περᾶναι; προσάγεται ὁ δίκαιος τῇ μητρὶ ἐκκλησίᾳ καὶ λαμβάνει τὰς κλεῖς, οἷα Πέτρος ὁ κορυφαῖος, ἄνωθεν, καὶ τοὺς οἴακας ἐγχειρίζεται ὁ καλὸς κυβερνήτης καὶ εἰδὼς ἀκινδύνως περαιοῦσθαι τὴν τοῦ βίου θάλασσαν.*

23. Ἆρ᾽ οὖν τοσαύτη μὲν ἡ τῆς πατρίδος προθυμία, ἐλάττων δὲ τῆς προθυμίας ὁ τοῦ γεννάδος ἀγών; ἢ ‖ ἀγωνίζεται μὲν ἰσορρόπως P fol. 66 *εἰς τὴν τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων κατάστασιν, οὐ πεπαι-*

забывшихъ о своей старости, показывающихъ юношескую бодрость и поспѣшающихъ на встрѣчу; больныхъ, получившихъ крѣпость и ради усердія отложившихъ досадныя отговорки недужности; женщинъ, отрицающихся слабости своей природы и воспріявшихъ мужеское настроеніе; дѣтей, показывающихъ ревность, одинаковую со старцами, и однимъ словомъ — всѣхъ, съ бо́льшею жадностію, чѣмъ олень на источники водъ, стекающихся на срѣтеніе святаго, бѣгущихъ въ запуски, другъ друга опережающихъ; полны были дороги, полны улицы, было всеобщее торжество. Зачѣмъ перечислять отдѣльно по частямъ тогда случившееся, когда можно въ немногихъ словахъ достигнуть цѣли? Приводится святой къ своей матери-церкви и, какъ Петръ, верховный апостолъ, свыше принимаетъ ключи и беретъ въ свои руки кормило добрый кормщикъ, умѣющій безопасно переплывать житейское море.

23. Если таково было усердіе его отчизны, то не ниже-ли этого усердія былъ подвигъ борца? Или, можетъ быть, онъ подвизается въ дѣлѣ устройства церковныхъ дѣлъ равномѣрно (съ

7 *προτρέχοντας?* Ni **9** *τὴν* Va, om P **14** *ἐλάττω* PVa
5 sq. cf. Psalm. 41,2.

δευμένως δέ; ἢ συνετῶς μὲν, οὐ προσηκόντως δέ; ἢ ταῦτα μὲν πάντα τελείως καὶ ὑπὲρ λόγον, ὑπελείπετο δὲ μικροψυχίας ἐν ἑαυτῷ λείψανον ἢ χαμαιζήλου φρονήματος; οὐμενοῦν, ἀλλ᾽ ὁμοῦ τὰ πάντα ἐτελεῖτο καὶ ἐσπουδάζετο· διατάξεις ἱεραὶ, εὐκοσμία τοῦ βήματος, κατάστασις τοῦ ἱερατικοῦ συστήματος. εἰς αὐτὸν γὰρ ὥσπερ εἰς ἀρχέτυπον ἀφορῶντες πίνακα, τοὺς τῶν ἀρετῶν χαρακτῆρας ἐναργεῖς ἀπεμάσσοντο, καὶ ἔργῳ μᾶλλον ἢ λόγῳ τὰ δέοντα διδασκόμενοι, ἀνεξαλείπτους τὰς τῆς ἀρετῆς εἰκόνας τῇ ψυχῇ ἐναπετυποῦντο. ἐκεῖθεν ἐδιδάσκετο πίστις, ἐλπὶς, ἀγάπη, ἐκεῖθεν δικαιοσύνη, σωφρο-
38 *σύνη καὶ ὁ λοιπὸς τῶν ἀρετῶν κατάλογος, ἐκεῖθεν ἐπιείκεια, πραότης, ταπείνωσις, ἐκεῖθεν ὀρφανῶν καὶ χηρῶν προστασίαι, καὶ πτωχοτροφίαι, χρεῶν ἀποκοπαὶ, ὀφλημάτων συγχωρήσεις, ἡ πρὸς τὸ ὁμόφυλον συμπάθεια, ὁ πρὸς τοὺς δεομένους οἶκτος, τελευταῖον, ὃ καὶ μέγιστον, ἡ πρὸς τὸ θεῖον εὐσέβεια καὶ ἡ τῶν προσκαίρων καταφρόνησις καὶ ἡ πρὸς τὰ μέλλοντα σπουδὴ καὶ πρὸς πᾶσαν ἀρετὴν ἐπίδοσις.*

равномѣрнымъ усердіемъ), но не показывая опытности? Или, можетъ быть, хотя и разумно, но не надлежащимъ образомъ? Или, можетъ быть, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно и выше описанія, но оставался въ немъ какой-нибудь остатокъ малодушія или низменнаго образа мыслей? Никакъ! но все вмѣстѣ совершалось и все было предметомъ вниманія: священныя установленія, благочиніе алтаря, устройство духовнаго чина; ибо взирая на него какъ на нѣкое начертаніе первообраза, они (пасомые) отпечатлѣвали въ себѣ ясныя черты добродѣтели и, поучаемые должному болѣе дѣломъ, чѣмъ словомъ, получали душою неизгладимое отраженіе образовъ добродѣтели. Отсюда они научались вѣрѣ, надеждѣ, любви, отсюда — правдѣ, цѣломудрію и прочему роду добродѣтелей, отсюда — привѣтливости, кротости, смиренію; отсюда — заступленію за вдовъ и сиротъ, питанію нищихъ, сбавкѣ долговъ и совершенному прощенію долговыхъ обязательствъ, состраданію къ единоплеменникамъ и жалости къ нуждающимся, наконецъ, — что̀ всего важнѣе — благочестію къ Богу, презрѣнію временнаго, помышленію о будущемъ и умноженію всякой добродѣтели.

1 *οὐ* manu prima omissum, manu rec. insertum P

24. Τῆς δὲ περὶ τὴν πατρίδα κηδεμονίας καὶ προστασίας πολλὰ μὲν καὶ ἄλλα γνωρίσματα — ἐντεύξεις πρὸς βασιλεῖς, παρρησία πρὸς ἄρχοντας τούς τε ἄλλους καὶ τοὺς τὰ δημόσια διῳκηκότας, φόρων ἀποκοπαί, ἐπηρειῶν ἀποτροπαί, προστασίαι τῶν δεομένων, αἱ μὲν πλείους πνευματικαί, οὐκ ὀλίγαι δὲ καὶ σωματικαί, ἄλλα τε ὅσα ὁ ἀληθὴς ἄνθρωπος καὶ μετὰ Θεοῦ τεταγμένος λαὸν ὠφελήσειεν, — ἓν δέ, ὃ μεγιστόν τε καὶ γνωριμώτατον. ἔφοδος ἦν πολεμίων καὶ τῶν πώποτε μνημονευομένων ἐφόδων χαλεπωτέρα τυγχάνουσα· εἵλκετο χερσὶν ἀνόμων, γένος ἅπαν δορυάλωτον καὶ ἡλικία πᾶσα, ὅσον 39 *μὲν πρὸς μάχην ἔχον ἐπιτηδείως ὅσον δὲ γηραιὸν ἢ νηπιῶδες τῷ διὰ ξίφους θανάτῳ παραπεμπόμενον, — τὸ μὲν δέει τοῦ μή τι νεανικώτερον ἢ καὶ θρασύτερον ἐπιδείξεσθαι, τὸ δὲ ὡς ἀχρεῖον καὶ μηδεμίαν φέρον ὄνησιν, τὸ μὲν ὡς τετρυχωμένον τῷ γήρατι, τὸ δὲ τῷ ἀτελεῖ τῆς ἡλι||κίας ἐμποδιζόμενον, — τὸ δὲ λοιπόν, ὅσον πρὸς μά-* P fol. 66 v *χην μὲν ἀνεπιτήδειον, οὐκ ἀχρεῖον δὲ πρὸς ὑπηρεσίαν, τῇ ἀτίμῳ δουλείᾳ ἀποκληρούμενον. πλήρης αἱμάτων ἡ γῆ, πλήρεις οἰμωγῶν αἱ κῶμαι, ὀδυρμῶν πάντα μεστά, τὴν παρὰ Περσῶν ἰουδαϊκὴν αἰ-*

---

24. Его заботливости объ отчизнѣ и предстательства за нее есть много другихъ доказательствъ (ходатайства предъ царями, дерзновеніе предъ властями, какъ предъ другими, такъ и предъ тѣми, которые завѣдуютъ сборомъ податей: пониженіе податей, ‹отвращеніе обидъ›, заступничество за нуждающихся — большею частію духовное, но нерѣдко и тѣлесное — и все другое, что̀ истинно Божій человѣкъ ‹и Божій соратникъ› можетъ совершить на пользу народа), а вотъ одно и наиболѣе знаменательное. Было нашествіе непріятелей и притомъ болѣе тяжкое какихъ-либо когда-либо упоминаемыхъ нашествій. Всякій полъ и всякій возрастъ былъ ‹забираемъ въ плѣнъ и› увлекаемъ руками беззаконныхъ; тѣ, которые были способны къ оружію, а ‹также› старцы и дѣти были предаваемы смерти мечемъ. Съ одними такъ поступали изъ страха, чтобы они не предприняли что-либо юношеское или смѣлое; другіе были истребляемы, какъ безполезные и не обѣщающіе никакой выгоды — или вслѣдствіе того, что были сокрушены старостію, или же вслѣдствіе несовершеннолѣтія. А остальное, что̀ къ оружію

6 *ἀληθὴς* (de *ἀληθῶς* cogitasse videtur Va) ‹*Θεοῦ*›? Ni **10** *δὲ] τε?* Ni
12 *ἐπιδείξεσθαι* P, *ἐπιδείξασθαι* Va

*χμαλωσίαν ἐξεικονίζοντα. οὐδὲ γὰρ ἐλάττω τῆς περσικῆς ὠμότητος
τὸ Ἀγαρηνῶν ἐνδείκνυται φῦλον τὴν ἰταμότητα, τοσοῦτο δὲ μᾶλλον
καὶ λίαν ἀπηνέστερον, ὅσον τῆς ἐκείνων ἀνδρείας ἀπολείπεται· (ὅση
γὰρ τῆς ἰσχύος ὕφεσις, τοσαύτη τῆς ἀπονοίας ἡ ἔνδειξις, ἡνίκα νικᾶν
προσγένηται, ὥσπερ ὅση τῆς ἰσχύος ἡ ἐπίτασις, τοσαύτη τῆς συμ-
παθείας). μητέρων ἐν χερσὶ φίλα τέκνα τὸν διὰ ξίφους ὑπέμενον
ἄωρον θάνατον· αἱ δὲ τὸν αὐχένα τῇ τοῦ ξίφους ἀκμῇ προϋπετί-*
40 *θεντο, ὡς ἂν μὴ ἴδωσι τοῖς ὀφθαλμοῖς τὰ δείλαια βρέφη ταῖς τῶν
πολεμίων χερσὶ διαφθειρόμενα. τίς ἂν τὸ πολύτροπον τῆς συμφο-
ρᾶς τραγῳδήσειε; τὴν τῶν πολεμίων ἀπήνειαν, τὴν ὠμότητα, τὴν
θηριωδίαν; πῶς τὸ βρέφος ὁμοῦ τε τῷ μαζῷ προσεφύετο, καὶ διὰ
τῶν σπλάγχνων τὴν καιρίαν ἐλάμβανεν; πῶς ἡ δειλαία μήτηρ τὴν
θηλὴν ἐπεῖχεν τῷ τοῦ νηπίου στόματι, καὶ τὸ αἷμα τοῦ τέκνου τοῖς
κόλποις ἐδέχετο; πολλάκις δὲ τῇ ῥύμῃ τῆς χειρὸς ὁ πολέμιος τῇ
μιᾷ τοῦ ξίφους ὁρμῇ τὸ τέκνον τῇ μητρὶ συνδιήλασεν. πῶς ἄν τις*

было неспособно, но еще годно къ службѣ, то обрекалось на жребій позорнаго рабства. Полна была земля крови, села полны рыданій, все полно плача, все изображало персидскій плѣнъ Іудеевъ. Агарянское племя относительно жестокости нисколько не уступаетъ персидской свирѣпости, но еще во столько превосходитъ Персовъ грубостію, во сколько уступаетъ имъ въ мужествѣ; ибо вообще на сколько понижается сила, на столько возрастаетъ обнаруженіе безчувствія, въ случаѣ когда еще достанется побѣда, и на оборотъ — чѣмъ больше объемъ силы, тѣмъ больше сострафданія. На рукахъ матерей ихъ милыя дѣти подвергались безвременной смерти отъ меча; онѣ сами ранѣе того подставляли свои шеи острію оружія, чтобы не видѣть собственными глазами, какъ гибнутъ ихъ бѣдные питомцы отъ рукъ непріятельскихъ. Кто бы могъ живо представить все многообразіе этого бѣдствія: суровость, жестокость и звѣрство враговъ? какъ дитя въ одно и то же время припадало къ сосцамъ материнскимъ и получало смертельный ударъ въ свое сердце; какъ несчастная мать подставляла грудь къ устамъ дитяти и принимала кровь его въ <св>ое лоно? Часто врагъ, <сильнымъ движеніемъ> своей руки однимъ взмахомъ меча поражалъ и мать вмѣстѣ съ ея младенцемъ.

4 *ὕφεσις] ἡ ὕφεσις?* Ni

τῶν πατέρων διηγήσαιτο τὰς ἀνακλήσεις, τὰς οἰμωγάς, τὰς τελευταίας τῶν τέκνων περιπλοκάς; πατρικῶν ἐκ χειρῶν παῖδες ἁρπαζόμενοι ἐλεεινὴν τοῖς φύσασι τραγῳδίαν ἠφίεσαν.

25. Ἐν τούτοις δὴ καὶ τοῖς τοιούτοις, ὢ τοῦ θαύματος, οὐ παρεσύρη τὴν ψυχὴν τῷ τῆς δειλίας πάθει ὁ ἅγιος, οὐ τὸ οἰκεῖον, ὅπως διαφύγῃ τὴν αἰχμαλωσίαν, ἐσκόπησεν, οὐκ ἀγεννές τι ἐνενοήθη ἢ διεπράξατο· ἀλλ᾽ ὕψου τὴν κεφαλὴν διάρας καὶ τὸ τοῦ σταυροῦ φραξάμενος τρόπαιον καὶ τὸν τῆς πίστεως θυρεὸν ἀναλαβόμενος διατρέχει τὰς γειτνιώσας κώμας, ἐπισυνάγει πάντας καθάπερ ποιμὴν ἄριστος τῇ τῶν πολεμίων ὡς λύκων ἐπι||δρομῇ. καὶ ὡς ἐν μάνδρᾳ P fol. 67 r *τῇ πόλει ἀσφαλισάμενος, αὐτὸς ἔξωθεν περιήει μόνος ἄοπλος, προ-* 41 *κινδυνεύων τῆς πατρίδος, τὴν ψυχὴν τιθεὶς ὑπὲρ τῶν προβάτων τῇ τοῦ ποιμένος καὶ δεσπότου καὶ ἀρχιερέως μιμήσει. τί δὲ ὁ τῶν θαυμασίων Κύριος, ὁ ἕνα παρασκευάζων ὀπίσω διῶξαι χιλίων καὶ πολλὰς χιλιάδας δύο μετακινῆσαι, ὁ τῇ τῶν ἑπτὰ ἱερέων περιόδῳ καὶ τῷ ἰσαρίθμῳ τῶν σαλπίγγων ἤχῳ τὰ μηχανῆς ἀνώτερα καταβαλὼν*

Кто бы могъ описать вопли и рыданія отцовъ, послѣднія объятія сыновей. Дѣти, похищаемыя изъ рукъ отцовскихъ, ‹возглашали печальную› для родителей ‹пѣсню›.

25. Но вотъ чудо: среди всѣхъ этихъ сценъ святой (Георгій) не растерялся душой отъ страха, не думалъ о томъ, какъ-бы избѣжать собственнаго плѣна, не помыслилъ и не сдѣлалъ ничего низкаго; но, высоко поднявъ свою главу, ‹оградой себѣ сдѣлавъ› побѣдное знаменіе креста и держа щитъ вѣры, пробѣгаетъ онъ сосѣднія села; какъ добрый пастырь при нашествіи волковъ, такъ онъ при нашествіи враговъ собираетъ всѣхъ пасомыхъ и, утвердивъ ихъ внутри града, какъ-бы внутри ограды, самъ обходитъ кругомъ внѣ безоружный, подвергаясь опасности за отечество, полагая душу за овцы, подражая пастырю, архіерею и Господу. Что-же Господь чудесъ, дѣлающій способнымъ одного преслѣдовать тысячу и двумъ дающій силу сдвинуть (съ мѣста) многія тысячи? Тотъ, кто обходомъ семи іереевъ и равночисленнымъ трубнымъ звукомъ низвергъ іерихонскія стѣны, недоступныя дѣйствію (осадныхъ) орудій, спасаетъ теперь обходомъ одного іерея городъ многолюдный и обращаетъ вспять народъ, исполненный бѣшенства,

15 *ὁ τῇ* Ni, *ὅτι* PVa, cf. Ni* p. 32

ἱεριχούντια τείχη; ἑνὸς ἱερέως περιόδῳ σώζει πόλιν μυρίανδρον καὶ ἀποστρέφει ἔθνος γέμον μανίας καὶ πᾶσαν ἐκτρῖψαι φιλονικοῦν τὴν τοῦ Χριστοῦ κληρονομίαν, ταῖς εὐχαῖς ὡς βέλεσι βαλλόμενον καὶ ἡττώμενον καὶ οἴκαδε τὴν αἰσχύνην κομιζόμενον. ὄντως, κατὰ τὸ δὴ λεγόμενον, ἀνδρὸς ἀρετὴν αἰδεῖται καὶ πολέμιος, εἰ καὶ μὴ βουλόμενος, ἀλλ᾽ οὖν γε βιαζόμενος, ὡς τότε ἦν θεάσασθαι φεύγοντας, μηδενὸς διώκοντος, πίπτοντας, μηδενὸς βάλλοντος.

26. Τί τούτων, πρὸς τῆς ἀληθείας αὐτῆς, παραδοξότερον; ποῖον διήγημα θαυμαστότερον; πάλαι μὲν τροποῦται Μωϋσῆς τὸν Ἀμαλὴκ
42 *Θεοῦ διατάξει καὶ χειρῶν ἐκτάσει, μυστηρίου μείζονος φέρων εἰκόνα καὶ προχάραγμα· ἀλλ᾽ οὐκ ἀμογητὶ, ἀλλ᾽ οὐκ ἀναιμωτὶ τὸ τρόπαιον ἵστησιν, ἀλλ᾽ ἐδεήθη πολλοὺς ἀνδρῶν λογάδας σιδηροφόρων εἰς παράταξιν, ἐδεήθη τῶν τὰς χεῖρας ἐπερεισόντων διὰ τὴν τῆς μάχης παράτασιν, Ἰησοῦς δὲ καὶ αὐτὸς ὁ τοῦ Ναυῆ τὸν ἥλιον στῆναι κατὰ Γαβαὼ καὶ τὴν σελήνην κατὰ φάραγγας. αὐτὸς δὲ οὐ στρατῷ ὁπλοφόρῳ εἰς τὴν κατὰ τῶν ἐχθρῶν ἀντιπαράταξιν ἐχρήσατο, οὐχ ἱππεῖς, οὐκ ἀκροβολιστὰς, οὐκ ἄλλο τι τῶν ὅσα πρὸς μάχην ἐπιτήδεια, οὐ*

стрем<ивш>ійся стереть (съ лица земли) все наслѣдіе Христа, <а теперь> поража<емый> и побѣжда<емый> молитвами, какъ стрѣлами и унос<ящій> домой свой стыдъ. По истинѣ, согласно съ извѣстнымъ реченіемъ, добродѣтель мужа уважаетъ и врагъ, хотя и не по доброй волѣ, а по принужденію. Такъ и тогда можно было видѣть бѣгущихъ, когда никто ихъ не преслѣдовалъ, падающихъ, когда никто не пускалъ стрѣлъ.

26. Что можетъ быть страннѣе, чѣмъ это истинное событіе? Какой разсказъ удивительнѣе? Въ древности Моисей, по Божьему повелѣнію, обратилъ въ бѣгство Амалика воздѣяніемъ рукъ, нося образъ и начертаніе бо́льшаго таинства, но не безъ труда и не безъ крови достался ему тогда трофей; онъ все-таки нуждался для этого во многихъ от<борны>хъ мужахъ, носящихъ желѣзо, для боя; нуждался вслѣдствіе продолжительности боя въ людяхъ, которые бы поддерживали его руки; точно такъ же и Іисусъ Навинъ <нуждался въ томъ, чтобы> солнце стало противъ Гаваона и луна надъ разсѣлинами. А онъ не пользовался ни вооружен-

2 *φιλονεικοῦν* Va, *φιλονεικοῦντος* P 12 *πολλῶν — λογάδων?* Ni
12 sq. *παρατάξιν* P 16 *ἐχρήσατο* Ni* p. 31, *ἐχαρίσατο* P

τοὺς τὰς χεῖρας ἐν τῇ πρὸς Θεὸν ἐπερείσοντας ἐκτάσει, οὐχ ἡμέρας παράτασιν, οὐκ ἄλλο τι τῶν ἀπηριθμημένων, ἅπερ ἱστορία παραδίδωσιν· ἀλλὰ μόνος ἄοπλος χειρῶν ἐπάρσει πρὸς Θεὸν μόνον ὁσίων τὸ τρόπαιον ἵστησι καὶ τὴν πατρίδα περισώζει καὶ τὴν ἀρετὴν δεικνύει ἀπρόσιτον καὶ τοὺς ἐχθροὺς πείθει μὴ πάντῃ οἴεσθαι τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης αἵρεσθαι καὶ φέρειν τὰ νικητήρια, ἀλλὰ καὶ || τὸ P fol. 67 v
συμβὰν ἡγεῖσθαι τῆς ἄνω προνοίας παραχώρησιν, ἢ ἀποκτείνει καὶ ζῆν ποιεῖ, πατάσσει καὶ ἰᾶται, πατάσσει πάντως, ἵνα τι μέγα οἰκο- 43
νομήσῃ, ἵνα διὰ τῆς παιδείας ψυχικὴν ἐργάσηται σωτηρίαν· ἐπεὶ καὶ τὸν Ἰσραὴλ ποτε συνεχώρει αἰχμαλωτίζεσθαι καὶ εἰς δουλείαν ἄγεσθαι, ὡς ἂν μὴ δουλεύῃ θεοῖς ἀλλοτρίοις, ἀλλ᾿ ἐπιστραφῇ πρὸς τὴν ἀλήθειαν.

27. Ἆρ᾿ οὐ μεγάλα ταῦτα; ἆρ᾿ οὐ θαύματος ἔμπλεα; ἆρα μή τι τοιοῦτον αἱ τῶν Ἑλλήνων ἱστορίαι στρατήγημα φέρουσιν; ποῖος

нымъ войскомъ противъ непріятельскаго строя, не имѣлъ ни всадниковъ, ни стрѣлковъ, ни чего-нибудь другого, пригоднаго въ бою, ни ‹людей,› поддерживающихъ его руки, простертыя къ Богу, ни удлинненія дня, ни чего-либо другого изъ выше перечисленнаго, о чемъ передаетъ исторія, но одинъ безоружный однимъ поднятіемъ ‹святыхъ› рукъ къ Богу поставляетъ трофей (торжествуетъ), спасаетъ отчизну, обнаруживаетъ доблесть неприступную и внушаетъ врагамъ, что‹бы они не воображали, будто во всякомъ случаѣ будутъ› торжествовать побѣду надъ стадомъ Христовымъ, а и случившееся считали попущеніемъ верховнаго Промысла, который убиваетъ и живитъ, поражаетъ и исцѣляетъ; поражаетъ, конечно, для того, чтобы устроить что-нибудь великое, чтобы посредствомъ вразумленія устроить душевное спасеніе. Онъ нѣкогда допустилъ и плѣнъ Израиля и отведеніе въ рабство для того, чтобы онъ не служилъ чуждымъ богамъ, но обратился къ истинѣ.

VII.

Чудеса св. Георгія въ Трапезунтѣ; освобожденіе плѣнныхъ.

27. Не есть-ли это нѣчто великое? Не исполнено-ли чуда? Развѣ еллинскія исторіи представляютъ какую-нибудь подобную

3 *μόνον] μόνων?* Ni **7** *ἀποκτείνειν* P

Ὀδυσσεὺς τοιοῦτον ἵστησι τρόπαιον; ποῖοι Ἡρακλεῖδαι ἢ Πελοπίδαι; ὧν οὐδὲν αἱ ἀριστεῖαι πλέον ἔχειν ἢ αἰσχύνης φαίνονται γέμουσαι. καίπερ δὲ τούτων τοιούτων ὄντων, ὅρα τὰ ἑξῆς ὡς θαυμαστότερα. δηλώσει δὲ νῦν, ὁ λόγος. ἑάλωσάν ποτε τῆς αὐτοῦ πόλεως ἔμποροι δημοσίοις ἐν Τραπεζοῦντι συκοφαντηθέντες ἐγκλήμασιν (τῷ ὄντι δεινὸν ἡ συκοφαντία καὶ τοῦ φθόνου ἔγγονον· ἀμφοτέρων δὲ τέλος ὁ φόνος καθέστηκεν). ἑάλωσαν, καὶ δημοσίᾳ παρὰ τοῦ στρατηγοῦντος φρουρᾷ τηρεῖσθαι παρεδόθησαν, τὸν διὰ ξίφους ἐκδεχόμενοι
44 *θάνατον. καὶ ἦν ἰδεῖν τῶν ἀνδρῶν, ὡς εἰκὸς τὸν τῶν κακούργων μενόντων θάνατον, ὄψεις ἠλλοιωμένας καὶ πρόσωπα συμπεπτωκότα καὶ κάλλος ἅπαν ἠμαυρωμένον καὶ τὴν φυσικὴν ἰσχὺν ἐκλυθεῖσαν καὶ τὴν ὑπερείδουσαν ἀρνησαμένην δύναμιν, καρδίαν συντετριμμένην καὶ ἀτονήσαντα γόνατα, φωνὰς τῷ λυγμῷ κοπτομένας καὶ ἀσήμοις εἰκαζομένας, ὄμματα δακρύων γέμοντα καὶ τὴν ὀπτικὴν ἀχρειώσαντα δύναμιν, ὀδυρομένων στέρησιν παίδων, οἰκείων, συγγενῶν, ἐπιβοωμένων τὸ θεῖον, ἐπικαλουμένων τὸν ἅγιον, ὡς ἐπαΐοντος ἐντυγχάνοντες, «Σπεῦσον» λέγοντες «εἰς τὴν ἡμῶν βοήθειαν· ἐξελοῦ*

стратагему. Какой Одиссей поставилъ такой трофей? Какіе Ираклиды или Пелопиды? Подвиги ихъ имѣютъ развѣ то преимущество, что являются исполненными срама. Если уже разсказанное таково, то далѣе увидишь нѣчто еще болѣе удивительное. Взяты были купцы его города въ Трапезунтѣ вслѣдствіе ложнаго доноса о нарушеніи таможенныхъ правилъ. (По истинѣ страшная вещь ябеда, порожденіе зависти; конецъ обоихъ — убійство). Взяты они были и преданы были воеводою на заключеніе въ государственной темницѣ въ ожиданіи казни мечемъ. И можно было видѣть, какъ у этихъ людей, — <что̀ и естественно для> ожидающихъ смерти наравнѣ со злодѣями — измѣнились и опали лица, омрачилась всякая красота, ослабѣла всякая физическая сила и перестала давать нужную опору; какъ сокрушилось сердце и разслабли колѣна, рѣчь прерывалась рыданіемъ и казалась невнятною, глаза наполнялись слезами и утратили зрительную способность. Они оплакивали разлуку съ дѣтьми, <домашними> и сродниками, взывали къ Божеству, призывали святаго, обращаясь

3 ὄντων Va, om P 3 sq. *ὡς θαυμαστότερα δηλώσει [δὲ] νῦν ὁ λόγος?* Latyšev 13 *ἀσήμους* P

τοῦ ἀδίκου θανάτου· λῦσον τῆς κατεχούσης ὀδύνης· μὴ συγχωρήσῃς τὸν τῶν κακούργων ὑπομεῖναι θάνατον· μὴ ἐργάσηται ἐν ἡμῖν ὁ φθόνος τὸν οἰκεῖον φόνον· μὴ ἐπ᾿ ἀλλοτρίας γῆς τὸ ἡμέτερον χεθὲν αἷμα ὀνειδισμὸν τῇ πατρίδι προσάψῃ· μὴ τῆς συκοφαντίας παρανάλωμα συγχωρήσῃς γενέσθαι».

28. Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις παραπλήσια τῶν ἀνδρῶν ἐν κατωδύνῳ καρδίᾳ φθεγγομένων καὶ τὴν ἐσθῆτα διαρρηξάντων καὶ κόνιν τῇ κεφαλῇ πασαμένων, ὁ θαυμαστὸς ἐν ἐλέει Κύριος ποιεῖ τὸ δρᾶμα 45 *τῷ αὐτοῦ θεράποντι κατάδηλον, ὡς ἂν τῇ πρὸς||τὸ ὁμόφυλον συμπαθείᾳ* P fol. 68 r *τοὺς τῆς ἀρετῆς στεφάνους λαμπροτέρους ἀναδήσηται. καὶ τί γίνεται; ἀπανίσταται τῆς πατρίδος, οὐ πρὸς τὸ τῆς ὁδοῦ μῆκος ὀκλάσας, οὐ πρὸς τὴν ἔξοδον πολλῶν δεηθείς, οὐ νόσον προφασισάμενος σώματος, οὐχ ὥραν χειμέριον, οὐ πλοῦν δυσήνεμον, οὐκ ἄλλο τι τῶν οἷς οἶδεν μικροψυχίας τρόπος παραποδίζεσθαι· ἀλλ᾿ ὁμοῦ τε ἤκουσεν, ἀπηυτομόλησεν· ἀλλ᾿ ὁμοῦ τὸν τῶν προβάτων ἔμαθεν ὄλεθρον ὁ ποιμὴν ὁ καλὸς καὶ τοῦ μεγάλου μιμητὴς ἀρχιποίμενος, ἔσπευσε πρὸς τὴν ἄμυναν. καὶ τῷ πλοίῳ ἐπιβὰς ποιεῖται*

какъ къ слышащему. «Поспѣши», говорили они, «на помощь нашу, избавь невинныхъ отъ несправедливой казни, разрѣши отъ одержащей скорби; не допусти насъ подвергнуться смерти злодѣевъ; да не совершитъ надъ нами зависть свое убійственное дѣйствіе; да не причинитъ нашей родинѣ позора кровь наша, пролитая на чужбинѣ; не допусти насъ сдѣлаться жертвою ябеды».

28. Произнося эти и подобныя слова въ <сокрушеніи> сердецъ, они разорвали свои одежды и посыпали главы пепломъ. И вотъ чудный въ милости своей Господь сдѣлалъ совершившееся явнымъ рабу Его, дабы своимъ состраданіемъ къ соплеменникамъ онъ стяжалъ себѣ <еще болѣе> свѣтлые вѣнцы добродѣтели. И что же происходитъ? Онъ поднялся изъ отечества своего, не убоявшись длиннаго пути, не потребовавъ многаго для своего исхода, не отговариваясь тѣлесною болѣзнію, ни зимнимъ временемъ, ни труднымъ плаваніемъ, ни чѣмъ-либо инымъ, что̀ обыкновенно служитъ препятствіемъ для малодушнаго характера; но, какъ скоро услышалъ мольбы, тотчасъ же добровольно пустился въ путь; какъ скоро узналъ гибель овецъ добрый пастырь и

4 *προσάψοι* P **14** *τρόπος* Va, *τρόπον* P

τὸν πλοῦν πρὸς τὴν τῶν ἀδικουμένων βοήθειαν. καὶ τὸ τάχος ὅσον. πάντα γὰρ τῇ αὐτοῦ προαιρέσει κατεφαίνετο σύνδρομα· πλοῦς αἴσιος, τῆς θαλάσσης γαληνιώσης καὶ τῇ τῶν κυμάτων ἠρέμα παραπεμπούσης φορᾷ καὶ μονονουχὶ φωνὴν ἀφιείσης καὶ τῷ δικαίῳ
46 *ἐπαγγελλομένης ὑπηρετεῖν. (καὶ μηδεὶς ἀπιστήσῃ τοῖς λεγομένοις, ἐπὶ τὸν πρῶτον ἄνθρωπον ἀνατρέχων καὶ τὸ ἐκείνου πρὸ τῆς παραβάσεως ἐννοῶν ἀξίωμα, ὅπως αὐτοῦ πᾶς ὁ ὁρώμενος εἰς ὑπηρεσίαν κόσμος κατεσκευάσθη, ὅπως ὑπὸ τοῦ πλάστου κύριος κατέστη καὶ οἷόν τις οἰκοδεσπότης οἰκέτας ἢ θεραπαινίδας προσηγορίας ἐπετίθει καταλλήλους τῇ φύσει. εἰ δὲ ταῦτα οὕτως εἶχε, διὰ δὲ τὴν παρακοὴν ἀπολώλεκεν τὸ οἰκεῖον ἀξίωμα, ὁ τὴν ἐντολὴν φυλάξας πάντως λήψεται τοῦτο· καὶ γῆν καὶ θάλασσαν ὑπηρετοῦσαν ἕξει. καὶ μαρτυροῦσι τὰ τῶν προφητῶν τεράστια, τὰ τῶν ἀποστόλων καὶ μαρτύρων, ἵνα μὴ καθ᾽ ἕκαστον λέγω, σημεῖα παράδοξα). καὶ ὁ μέν,*

подражатель великаго архипастыря, поспѣшилъ на защиту. Онъ взошелъ на корабль и поплылъ на помощь несправедливо преслѣдуемымъ, — и съ какою скоростію! Ибо все оказалось благопріятнымъ его намѣренію: плаваніе было спокойное, море тихое, кроткимъ стремленіемъ своихъ волнъ оно какъ бы провожало корабль на пути и чуть только не издавало голоса, заявляя о своей готовности служить праведнику. (И пусть никто не относится съ невѣріемъ къ повѣствуемому, но пусть обратится мыслію къ первому человѣку и подумаетъ о его достоинствѣ прежде преступленія: какъ весь видимый міръ приготовленъ былъ для служенія ему, какъ онъ былъ поставленъ отъ Творца господиномъ всего и какъ, подобно домовладыкѣ въ отношеніи къ слугамъ и рабынямъ, назначалъ имена соотвѣтствующія природѣ. Если же это такъ, если онъ потерялъ собственное достоинство вслѣдствіе непослушанія; то сохранившій заповѣдь, конечно, опять получитъ это; земля и море будутъ служить ему. Свидѣтельствуютъ объ этомъ чудеса пророковъ, сверхъестественныя знаменія апостоловъ и мучениковъ, которыхъ я не буду перечислять въ отдѣльности.) Итакъ, нашедши по божественному усмотрѣнію все

5 *ἐπαγγελλομένης* Ni, *ἐπαγαλλόμενος* (sic) P, *ἐπαγαλλομένης* Va 9 *οἰκέταις ἢ θεραπαινιδίοις??* Ni

πάντα σύνδρομα θείᾳ ῥοπῇ τῇ αὐτοῦ εὑρηκὼς προαιρέσει, ἀπέπλει βοηθήσων τοὺς ἀπόφασιν ἐκδεχομένους τὴν τελευταίαν.

29. Ὁ δὲ τῆς ἀληθείας ἀντίπαλος καὶ τῶν δικαίων ἐχθρός, ὁ τὸ καλὸν ἀεὶ βασκαίνων καὶ τὸ κακὸν ἐπισπείρων καὶ πᾶν εἶδος κακίας ἐπινοῶν προτρέχει καὶ τοῦ κακοῦ προκαταρτίζεται τὴν ὁδόν. τὸν γὰρ τοῦ στρατηλάτου ὑπασπιστήν, τῆς κόρτης οὕτως τῇ Ἰταλῶν διαλέκτῳ λεγόμενον, συνεργὸν εἰς τοῦτο παρεσκευάσατο. ὃς ὁμοῦ τε 47
τὴν τῆς ἀφίξεως αἰτίαν μεμάθηκε, καὶ τὴν γλῶσσαν ὡσεὶ ξυρὸν κατὰ τῶν ἀνδρῶν ἠκονημένον ἐκίνησεν, τὰ τῆς συκοφαντίας ἀνανεούμενος καὶ ἐπιβαρύνων τὰ ἐγκλήματα καὶ τὸν φθόνον τοῖς λοιδόροις ἐπι||τρέφων ῥήμασι καὶ βασκάνοις διανοήμασιν, πολλῶν θανά- P fol. 68 v
των ἐνόχους τοὺς ἄνδρας ἀποφαινόμενος καὶ ἐξημαρτηκότας τὰ μέγιστα· νόμους τε παραβαθήσεσθαι καὶ ἔθη ἀναιρεθήσεσθαι, εἰ μὴ δίκην δοῖεν [ἐπισυμβήσεται] τῶν τετολμημένων, διαβοώμενος ἄλλα τε, ὅσα πονηροὶ λογισμοὶ γεννῶσι καὶ γλῶσσα δολία εἴωθεν φθέγγεσθαι. καὶ οὗτος μὲν οὕτως. ὁ δὲ στρατάρχης ἐπείθετο, τὸ μὲν

благопріятнымъ его намѣренію, онъ отплылъ, чтобы помочь тѣмъ, которыхъ ожидалъ послѣдній приговоръ.

29. Но противникъ истины и врагъ праведниковъ, всегда завидующій доброму и посѣвающій злое, измышляющій всякій видъ зла, забѣгаетъ впередъ и предуготовляетъ путь злобѣ: онъ избралъ себѣ къ тому орудіемъ оруженосца воеводы, такъ называемаго на языкѣ Италійцевъ комисъ-кортисъ. Сей послѣдній, какъ скоро узналъ о причинѣ прибытія Георгія, привелъ въ движеніе противъ обвиненныхъ изощренный какъ бритва языкъ свой, возобновляя и еще отягчая обвиненіе ложныхъ доносчиковъ и питая свою ненависть бранными словами и злостными измышленіями: онъ заявлялъ, что эти люди за многое повинны смерти и совершили величайшее преступленіе, вопіялъ, что нарушены будутъ законы и оскорблены всѣ обычаи, если они не будутъ подвергнуты наказанію за свою продерзость, и еще иное прочее, что̀ рождаютъ злые помыслы и что̀ обычно произноситъ злохищренный языкъ. Вотъ что дѣлалъ онъ; воевода же поддавался его внушеніямъ, отчасти добровольно предаваясь безум-

6 ‹*κόμητα*› *τῆς κόρτης?* Latyšev **14** *ἐπισυμβήσεται* spurium esse vidit Va

ἑκὼν, ἄφρονι λογισμῷ χρώμενος, τὸ δὲ ἄκων, κακῷ συμβούλῳ πειθόμενος· δυσαγωγὸν γὰρ τυγχάνον πρὸς ἀρετὴν τὸ ἀνθρώπινον δυσπειθέστερον μὲν πρὸς τὰ βελτίω, εὐπειθέστερον δὲ πρὸς τὰ χείρω διατίθεσθαι εἴωθεν.

30. Τί δὲ ὁ τοῦ Φαραὼ πατάξας τὰ πρωτοτόκια καὶ πολλαῖς θεοσημείαις καταπλήξας τὴν Αἴγυπτον; πηροῖ τῆς αὐτοῦ συζύγου τὰς ὄψεις, ἐπείπερ ἀπειθῶν ἐφάνη τῷ αὐτοῦ θεράποντι, ὡς ἂν
48 *μαλάξῃ καρδίαν ἀντιτυποῦσαν καὶ κάμψῃ τὸν ἀκαμπῆ καὶ ἡμερώσῃ τὸν ἀτίθασσον καὶ τὴν ῥύμην στήσῃ τοῦ φθόνου τῇ ἀναιρέσει φόνου καὶ τὸ τοῦ δόλου δόρυ ἀμβλύνῃ καὶ δῷ τῇ ἀληθείᾳ παρρησιάσασθαι. ὁ δ᾽ ἐπεὶ τὸ συμβὰν εἶδεν, ὅλος ἦν ἐλεεινός· δεόμενος, ἀντιβολῶν, δακρύων, ὀλοφυρόμενος, ἐξομολογούμενος τὸ ἁμάρτημα, τὴν διόρθωσιν ἐπαγγελλόμενος, τοσοῦτον εἰς εὔνοιαν, ὅσῳ πρὶν εἰς ἀπόνοιαν λογιζόμενος. (πεφύκασι γὰρ οἱ περισσότερον, εὐημερίας προσούσης, ὡς τὰ πολλὰ ἀλαζονευόμενοι σφοδρότερον, εἰς τοὐναντίον περιτραπέντες, ταπεινοῦσθαί τε καὶ ἀφόρητα ἡγεῖσθαι τὰ ἐμπίπτοντα, τρόπῳ μικροψυχίας κακῶς πρὸς ἀμφότερα διακείμενοι. ὁ δὲ τοῦ*

ному умыслу, отчасти противъ воли довѣряя злому совѣтнику, ибо человѣческая природа по своему привычному расположенію не легко склоняется къ добродѣтели, съ трудомъ побуждается къ лучшему, но весьма довѣрчива для худшаго.

30. Но что дѣлаетъ Поразившій первородныхъ Фараона и ужаснувшій многими знаменіями Египетъ? Онъ насылаетъ слѣпоту на врѣніе его (воеводы) супруги, за то, что онъ явился непослушнымъ предъ рабомъ Его, и чтобы смягчить сердце строптивое, склонить непреклоннаго, укротить свирѣпаго и остановить стремленіе зависти отмѣненіемъ убійства, притупить остріе злобы и дать дерзновеніе истинѣ. Когда воевода увидѣлъ случившееся, онъ сдѣлался совсѣмъ жалкимъ, просилъ, умолялъ, плакалъ, рыдалъ, признавалъ свой грѣхъ и обѣщалъ исправленіе, и на столько же теперь отличался благорасположеніемъ, сколько прежде суровостію. Ибо тѣ, которые при излишествѣ счастія часто бываютъ высокомѣрны, при рѣзкомъ оборотѣ въ противную сторону, обыкновенно дѣлаются смиренными, считаютъ по-

9 *φόνου] τοῦ φονου?* **Ni** **13** *ὅσον?* **N**

ἑβδομηκοντάκις ἑπτὰ νομοθετήσαντος ἀφιέναι μαθητὴς ἁμαρτήματα, τὸ τῆς συμπαθείας πέλαγος, ἡ τῆς ἀγάπης πηγή, ὁ τῆς ταπεινοφροσύνης ὑπογραμμός, ἐπεὶ τὸ θράσος εἶδεν τραπὲν εἰς ταπείνωσιν, ἐπεὶ τοὺς θρασεῖς ἐλθόντας πρὸς μετάνοιαν, ἐπεὶ ἱκέτας ἐθεάσατο, οὐδὲ πολλῶν ἐδεήθη λόγων, καὶ παραχρῆμα θείαις ἐντεύξεσι τὴν πήρωσιν ἔλυσεν. καὶ οἱ μέν, ἐπεὶ τῇ ἀπλανεῖ ὄψει 49
καὶ οὐ τῇ ἀμφιβόλῳ ἀκοῇ τῶν τοιούτων θαυμάτων τὴν πεῖραν ἔλαβον, δεδιότες καὶ τοῖς ὀφθεῖσι σημείοις ὑποτρέμοντες, τῷ ἁγίῳ τοὺς ἄνδρας παρέσχοντο καὶ τῶν ἐπταισμένων ἐξητήσαν||το τὴν P fol. 69 r
συγχώρησιν.

31. Γυνὴ δέ τις εὐσεβής, θείῳ πυρπολουμένη ἔρωτι, γυνὴ εὐσεβὴς καὶ τοὺς τῆς εὐσεβείας καρποὺς ἐνδεικνυμένη, δέεται τοῦ ἁγίου ἐν τῷ ἑαυτῆς εὐκτηρίῳ οἴκῳ τὴν θείαν ἐπιτελέσαι λειτουργίαν. καὶ ὅρα τὸ θαῦμα τῶν πώποτε θαυμάτων ἐφάμιλλον. ὅπου γὰρ πίστις γυναικός, ᾄδεται θεῖα τεράστια, ὥσπερ ὅπου μῆνις, ἀεὶ τῇ κακίᾳ στηλιτεύεται· καὶ ἀμφότερα ἐν ἑνὶ προφήτῃ καταφαίνεται. διώκεται

стигающія ихъ несчастія невыносимыми — въ томъ и другомъ случаѣ показывая одинаково дурное настроеніе съ характеромъ малодушія. А ученикъ Того, который повелѣлъ отпускать согрѣшенія седьмижды семьдесятъ разъ, море милосердія, источникъ любви, образецъ смиренномудрія — когда увидѣлъ дерзость, обратившуюся въ смиреніе, и людей наглыхъ, пришедшихъ въ раскаяніе и обратившихся въ просителей, то не потребовалъ многихъ словъ и тотчасъ по божественному внушенію разрѣшилъ слѣпоту. И когда они ⟨безошибочнымъ зрѣніемъ, а не мало надежнымъ⟩ слухомъ удостовѣрились въ такихъ чудесахъ, то, убоявшись и вострепетавъ предъ явленными знаменіями, выдали святому тѣхъ людей и просили прощенія, въ чемъ погрѣшили.

31. Нѣкая благочестивая жена, сгорая божественною любовью, благочестивая и обнаруживающая плоды благочестія, просила святаго совершить въ ея молитвенномъ домѣ божественную литургію. И вотъ — зри чудо, не уступающее какому-либо изъ нѣкогда бывшихъ чудесъ. Ибо гдѣ вѣра жены, тамъ прославляются божественныя знаменія, — подобно тому, какъ гнѣвъ всегда знаме-

4 πρὸς P, εἰς Va
1 sq. Matth. 18, 22.

*Ἠλίας ὑπὸ Ἰεζάβελ καὶ οἰκεῖ τὴν ἔρημον, προφήτης οὕτω φοβερός,
ἐν ἑνὶ ῥήματι πῦρ ἀπ᾽ οὐρανοῦ κατάγων καὶ τοὺς τῆς αἰσχύνης
ἱερεῖς καταφλέγων καὶ οὐρανὸν ἀποκλείων καὶ μαστιγῶν τῇ ἀνομ-
βρίᾳ τὴν σύμπασαν. εἰσδέχεται παρὰ τῇ Σαραφθίᾳ χήρᾳ, καὶ τὴν
τοῦ ἀλεύρου δράκα πληθύνει καὶ πολυπλασιάζει τὸν τοῦ ἐλαίου
50 καμψάκην καὶ τεθνηκότα τὸν υἱὸν ἀνιστᾷ καὶ τῇ μητρὶ χαρίζεται.
καὶ Ἐλισσαῖος ξεναγεῖται παρὰ τῇ Σουμανίτιδι, καὶ τὸ ἴσον θαῦμα
ἐργάζεται. καὶ Ῥαὰβ ἡ πόρνη ξεναγεῖ τοὺς κατασκόπους, καὶ σώζε-
ται. καὶ ἵνα μὴ πάντα λέγων ἐπικορῆ τὸν λόγον ἐργάσωμαι, πόρνη
προσφέρει μύρον πολύτιμον καὶ ἀλείφει Ἰησοῦν τὸ ἀληθινὸν μύρον,
τὸν Θεὸν ὁμοῦ καὶ ἄνθρωπον, καὶ τῶν δυσωδῶν ἀπαλλάττεται
πράξεων. καὶ Μαρία ἡ τοῦ Λαζάρου παρὰ τοὺς πόδας τοῦ Ἰησοῦ
καθέζεται τῇ σωτηριώδει διδασκαλίᾳ προσέχουσα. ὄντως θαυμαστῆς
γυναικὸς θαυμάσιον φρόνημα· τὸν φίλον τῇ οἰκίᾳ εἰσδέχεται, καὶ τὰ
τῶν ξεναγούντων οὐ διαπράττεται, ἀλλὰ περὶ τῆς χαμαιζήλου χρείας
διανοουμένη ὑψηλότερα (ᾔδει γὰρ τὸν μάννα ἐν ἐρήμῳ ὀμβρήσαντα*

нуется зломъ. То и другое обнаруживается въ одномъ и томъ же пророкѣ: Илія преслѣдуется Іезавелью и обитаетъ въ пустынѣ; пророкъ столь страшный, однимъ словомъ низводящій огонь съ неба и попаляющій жрецовъ срама, запирающій небо и поражающій бездождіемъ всю страну, принимается Сарепѳскою вдовицей, увеличиваетъ для нея горсть пшеницы и умножаетъ мѣру елея, воскрешаетъ умершаго сына и даритъ его матери. Елисей тоже находитъ пристанище у Сума̃нитянки и совершаетъ равное чудо; Раавъ блудница гостепріимно принимаетъ соглядатаевъ, и спасается; и чтобы, все перечисляя, не сдѣлать рѣчь приторною, блудница приноситъ цѣнное мѵро и помазываетъ Іисуса, истинное мѵро, Бога вмѣстѣ и человѣка, и освобождается отъ своихъ зловонныхъ дѣлъ, и Марія Лазарева садится при ногахъ Іисуса, внимая спасительному ученію. По истинѣ удивительное настроеніе удивительной жены: она принимаетъ въ домѣ друга и не исполняетъ обязанностей гостепріимства, помышляя о томъ, что выше земной нужды. Она знала, что одождившій въ пустынѣ манну и воду изъ камня источившій, насытившій пятью

15 *ἀλλὰ περὶ] ἄλλα?* Ni* p. 31. **16** *τὸν* Ni, *τὸ* PVa

καὶ ὕδωρ ἐκ πέτρας βλύσαντα καὶ πέντε ἄρτοις πεντακισχιλίους κορέσαντα μηδενὸς τῶν σωματικῶν δεῖσθαι, κἂν ὅτι οἰκονομικῶς ἐπείνασε καὶ ἐδίψησε καὶ ἐκοπίασε νόμῳ σώματος)· καὶ ἀκούει παρὰ τοῦ Λόγου, τῆς ἀδελφῆς ἐγκαλούσης, τὴν ἀγαθὴν μερίδα ἐκλέξασθαι τὴν ἀεὶ διαμένουσαν. 32. ταύτην μοι καὶ μᾶλλον ἡ θαυμαστὴ ἐκείνη γυνὴ ζηλῶσαι καταφαίνεται· ἐν τῇ 51 *ἑαυτῆς οἰκίᾳ γὰρ εἰσδεξαμένη τὸν ἅγιον, οὐ μόνον τῶν πρὸς σωματικὴν συντεινόντων χρείαν κατημέλει, ἀλλὰ καὶ αὐτῶν τῶν πρὸς τὴν θείαν ἐπιτηδείων λειτουργίαν, τοῦ ἄρτου λέγω || καὶ τοῦ* P fol. 69 v *οἴνου, ὅλην ἑαυτὴν ἐπὶ τὴν τοῦ ἁγίου μεταθεμένη διδασκαλίαν καὶ τῶν γηΐνων πάντων ἀμνημονήσασα, ἐπελάθετο. διὸ καὶ αὐτὸ τὸ συμβὰν αὐτῇ θαῦμα τὴν ἀγαθὴν μερίδα ἐπιβοᾶται ἐκλέξασθαι, ἥτις ἐξ αὐτῆς οὐκ ἀφαιρεθήσεται. ἄρτι γὰρ τῆς διδασκαλίας συντελεσθείσης τῆς τὰς τῶν ἀκουσάντων ψυχὰς μεταρυθμισάσης ἐκ τῶν γηΐνων πρὸς τὰ οὐράνια καὶ καταφρονεῖν μὲν τῶν προσκαίρων ὡς ῥεόντων καὶ φθειρομένων, ἐπιμελεῖσθαι δὲ τῶν αἰωνίων ὡς μενόντων καὶ διαδοχὴν μὴ ἐχόντων παρασκευασάσης,*

хлѣбами пять тысячъ человѣкъ, не нуждается ни въ чемъ тѣлесномъ, хотя по домостроительству онъ чувствовалъ голодъ и жажду и по закону естества утомлялся; и вотъ, когда сестра обвиняла ее, она отъ самаго Слова услышала, что она избрала благую часть, всегда остающуюся при ней.

32. Мнѣ кажется, что и сія удивительная жена соревновала Маріи; ибо, принявъ въ своемъ домѣ святаго, она не только пренебрегла всѣмъ относящимся до тѣлесной нужды, но забыла и о томъ, что̀ потребно для божественной литургіи — я говорю о хлѣбѣ и винѣ, — всецѣло настроивъ себя къ принятію поученія отъ святаго и не помня о всемъ земномъ. Но происшедшее съ нею чудо громко свидѣтельствуетъ, что она избрала благую часть, яже не отнимется отъ нея. Когда окончилось поученіе, перенесшее души слушателей отъ земного къ небесному и внушавшее презирать временное, какъ скоротечное и тлѣнное, и заботиться о вѣчномъ, какъ остающемся и не имѣющемъ преемства, и наступило уже время начинать божественную литургію, а между тѣмъ не было въ готовности, какъ уже о томъ сказано, потребнаго для предложенія, то святой сотворилъ нѣкоторое

καιρὸς δὲ ἦν λοιπὸν τῆς μυστικῆς λειτουργίας ἀπάρξασθαι, μήπω δὲ παρόντων τῶν πρὸς τὴν πρόθεσιν ἐπιτηδείων, ὡς λέλεκται, θαυματουργεῖ τι ὁ ἅγιος, μᾶλλον δὲ δι᾽ αὐτοῦ Θεός, ὁ προφήτην διὰ προφήτου θρέψας ἐν λάκκῳ καὶ Ἠλίαν διὰ κόρακος καὶ τοῖς μαθηταῖς ἑτοιμάσας τὸ αὐτόματον ἐκεῖνο καὶ θεῖον ἄριστον μετὰ τὴν ἐκ νεκρῶν ἤδη τρίτον ἐμφανισθεὶς ἀνάστασιν, ἐκ ταμιείων ἀκηρά-
52 *των ὧν αὐτὸς οἶδεν ὁ παρασχόμενος τὸν εἰς τύπον τοῦ θείου αὐτοῦ σώματος καὶ τιμίου αἵματος ἄρτον καὶ οἶνον, ἵνα καὶ τὸν αὐτοῦ δοξάσῃ θεράποντα καὶ τὸν εὐσεβῆ λογισμὸν τῆς πιστῆς ἐκείνης γυναικὸς ἀνακηρύξῃ γλώσσης μεγαλοφώνου τρανότερον καὶ ἐκ περιουσίας τοῖς τε θεασαμένοις τοῖς τε ἀκούσασι τοῖς τε οὖσι τοῖς τε γενησομένοις πιστώσηται, ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ εἰρηκὼς μηδὲν τῶν πρὸς χρείαν προσηκόντων μεριμνᾶν, ἀλλ᾽ ἢ τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ, «καὶ ταῦτα πάντα προστεθήσεται ὑμῖν».*

33. Εἰ γὰρ ἡ τῶν τοιούτων καὶ τηλικούτων, ὡς ἐδόκει, τῇ τῆς θείας διδασκαλίας ὁλοψύχῳ προσοχῇ ἀμελήσασα οὐ μόνον οὐχ ὑπεύθυνος, ἀλλ᾽ ἐπαινετή, ὡς τὸ ὑπὲρ λόγον θαῦμα ἔδειξε, πόσων ἂν κακῶν ἄνθρωποι πάντες ἀπηλλάγησαν, πόσων ἀγαθῶν ἠξιώθη-

---

чудо, а лучше сказать—сотворилъ чрезъ него Богъ, напитавшій во рвѣ пророка чрезъ посредство пророка и Илію чрезъ ворона, приготовившій для учениковъ оный самопроизвольный и божественный обѣдъ, когда явился уже третій разъ послѣ своего воскресенія изъ мертвыхъ. Изъ нетлѣнныхъ своихъ сокровищницъ, о коихъ вѣдаетъ самъ, онъ подалъ хлѣбъ и вино во образъ божественнаго своего тѣла и честной крови, дабы прославить своего слугу и возвѣстить благочестивый помыслъ оной вѣрной жены громче многогласнаго языка, и сверхъ того, чтобы удостовѣрить видѣвшихъ и слышавшихъ, живущихъ, а равно имѣющихъ родиться, что онъ есть заповѣдавшій не заботиться о томъ, что на потребу, но о царствіи Божіемъ,—и сія вся приложатся вамъ.

33. Ибо если ради всецѣлаго вниманія къ божественному ученію пренебрегшая, какъ казалось, такими важными предметами, не только не оказалась виновною, но и достойною похвалы, какъ показало сверхъестественное чудо, то отъ какихъ бы золъ

15 *Εἰ]* ἡ P
14 Matth. 6, 33

*σαν, εἰ ἐπιρρῖψαι ἐπὶ Κύριον τὴν μέριμναν ἠβουλήθησαν. ὡς ὤφελον μηδὲ τὴν ἀρχὴν ἐξευρεῖν τὰς κατὰ γῆν ἐμπορίας, τὰς κατὰ θάλασσαν, τὰς ἀκαίρους φροντίδας, τοὺς μακροὺς κόπους, τοὺς πόνους,
τὰς ἀγρυπνίας, ταῦτα δὴ τὰ τῆς φιλαργυρίας πικρότατα ἔκγονα, δι᾿* 53
*ἧς φθόνοι καὶ φόνοι καὶ ναυάγια, δι᾿ ἧς λησταὶ καὶ κλέπται καὶ
ἅρπαγες, || δι᾿ ἧς ψεύδη καὶ ὅρκοι καὶ ἐπιορκίαι καὶ ὁ μυρίος ἄλλος* P fol. 70 r
τῶν κακῶν ἑσμός. ὡς εἴθε ἐπὶ Κύριον ἐπέρριψαν τὴν μέριμναν, τὸν τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ τὰ μήτε σπείροντα μήτε θερίζοντα τρέφοντα, τὸν ἐξ ἀρχῆς τὸν πρωτόπλαστον τῆς μακαρίας ἐκείνης καὶ ἀνωλέθρου διαγωγῆς ἀξιώσαντα, κἂν ὅτι τῷ τῆς παρακοῆς ὀλισθήματι γῆν ἀκανθοφόρον οἰκεῖν κατεδικάσθη καὶ ἄρτον ἐσθίειν ἐν ἱδρῶτι.

34. Ἀλλ᾿ ἵνα μὴ ἔξω τοῦ σκοποῦ ὁ λόγος προάγηται, τετράφθω πρὸς τὸ προκείμενον. ἐπεὶ οὖν τῶν τοιούτων ἡ Τραπεζοῦς ἀπέλαυσε

освободились всѣ люди, какихъ бы благъ они удостоились, если бы захотѣли повергнуть на Господа печаль свою! О если бы и вовсе люди не изобрѣтали ни сухопутной, ни морской торговли, ни безвременныхъ заботъ, ни долгихъ трудовъ и хлопотъ, безсонныхъ бдѣній, всѣхъ этихъ горькихъ исчадій сребролюбія, ради котораго бываютъ ненависти и убійства и кораблекрушенія, ради котораго существуютъ разбойники, воры и хищники, ради котораго — ложь, клятвы и клятвопреступленія и тысячеобразный рой другихъ преступленій! О если бы они возвергли ‹заботу› на Господа, питающаго птицъ небесныхъ, хотя онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, (на Господа), въ началѣ предназначавшаго первозданному ту же блаженную и безмятежную жизнь, хотя онъ за грѣхъ непослушанія и осужденъ былъ потомъ воздѣлывать землю, приносящую тернія, и ѣсть хлѣбъ въ потѣ лица!

VIII.

Другія чудеса св. Георгія, предсказанія и благодѣянія.

34. Но чтобы слово не направлялось внѣ цѣли, пусть оно обратится на предлежащее. Итакъ, послѣ того какъ Трапезунтъ

8 *σπέροντα* P 13 *προάγηται* Va, *προσάγηται* P

θαυμάτων, ἔδει δὲ λοιπὸν πρὸς τὴν πατρίδα παραγενέσθαι τὸν ἅγιον τοὺς σεσωσμένους δῶρον κομίζοντα, ἐκεῖθεν δ' ἐπανῆξαι πρὸς τὴν βασιλεύουσαν—καὶ γὰρ τοσοῦτον ἦν τῇ τε κρατούσῃ τὰ τῶν Ῥωμαίων
54 *σκῆπτρα (Εἰρήνη ἦν τῇ βασιλίσσῃ τὸ ὄνομα) καὶ τῷ ταύτης παιδὶ Κωνσταντίνῳ ἐπέραστος, ὡς μηδ' ἐπὶ πολὺ ἀνέχεσθαι τὴν αὐτοῦ ἀπουσίαν, ἀλλὰ προδήλως αὐτὸν ἐκβιάζεσθαι ἀεὶ συνεῖναι αὐτοῖς καὶ τῆς βασιλείας κοινωνεῖν καὶ τὰς τῆς ἀρχῆς καλῶς διιθύνειν ἡνίας, κἂν ὅτι γνώμῃ ταπεινόφρονι τὰς ἐν βασιλείοις διατριβὰς καὶ τὴν πρὸς αὐτοκράτορας οἰκειότητα, ὥς τι τῶν αἰσχίστων διοριζόμενος, ἀπεστρέφετο — 35. ἐπεὶ οὖν ταῦτα οὕτως εἶχε, καὶ πρὸς τὸ Βυζάντιον παρεγένετο, συμβαίνει τι παράδοξον, ἐν ᾧ μετὰ τῶν ἄλλων ἐδείχθη καὶ προφητικοῦ χαρίσματος ἔμπλεως καὶ πολιτείας ἀρίστης ὑπογραμμὸς καὶ κανὼν τῶν τὰ μέλλοντα προορᾶν ἠξιωμένων εὐθύτατος, ὡς ὁμοῦ τε λέγειν καὶ ἀδήλοις ἐμφάσεσιν ὑποκρύπτειν τῶν μελλόντων τὴν ἔκβασιν, φειδοῖ τῶν μικροψύχων καὶ θερμοτέρων τὴν διάθεσιν, ὡς ἂν μή τινος τῶν ἀβουλήτων αἰτία ἡ πρόρρησις γένηται, ἀλλὰ κεῖσθαι μὲν ἀδήλως τὴν δήλωσιν, συνορᾶν*

былъ свидѣтелемъ такихъ чудесъ, надлежало наконецъ святому прибыть въ свое отечество, приводя съ собою въ видѣ дара спасенныхъ имъ, а отсюда опять отправиться въ царствующій градъ. Ибо онъ былъ столь желаннымъ для державшей тогда римскій скипетръ царицы — имя ей было Ирина — и для сына ея Константина, что они не могли вынести долго его отсутствія, но открыто вынуждали его всегда оставаться съ ними, раздѣлять съ ними царство и благонаправлять бразды власти, хотя онъ смиренною мыслію всегда отвращался отъ пребыванія во дворцѣ и близости къ самодержцамъ, какъ будто видя въ этомъ нѣчто постыдное. 35. При такомъ положеніи дѣла, когда онъ прибылъ въ Византію, случилось нѣчто странное, между прочимъ показавшее, что онъ былъ исполненъ и пророческаго дара, былъ образцомъ наилучшей политики и настоящимъ правиломъ для удостоенныхъ предвидѣнія будущаго; въ одно и то же время онъ и говорилъ, и неясными намеками прикрывалъ исходъ имѣющихъ послѣдовать событій, ради того, чтобы щадить малодушныхъ или слишкомъ пылкихъ по настроенію; — чтобы предсказаніе не сдѣлалось причиною чего-либо нежелательнаго, но чтобы толкованіе оста-

δὲ μετὰ τὴν τῶν πραγμάτων ἔκβασιν τὴν πρόρρησιν καὶ χάριν ὁμολογεῖν Θεῷ τῷ πάντα εἰδότι πρὸ γενέσεως. Ὁ κατ᾽ ἐκεῖνο τοίνυν 55
καιροῦ τῶν δημοσίων φόρων προεστὼς (Νικηφόρος ἦν τῷ λογοθέτῃ ὄνομα), ἐν πρώτοις τῶν αὐτοῦ φίλων καὶ συνήθων τυγχάνων, οὐ μόνων τῶν εἰς ψυχὴν ἀνηκόντων, ἀλλὰ καὶ αὐτῆς τῆς βιωτικῆς ἀγωγῆς ποιούμενος καθηγεμόνα τὸν ἅγιον, ὡς ἂν αὐτοῦ καὶ βίος καὶ λόγος καὶ πρᾶξις καλῶς διιθύνοιτο, οἶκον δἰ ἀγορᾶς βουληθεὶς ἐπικτήσασθαι καὶ τῷ κοινῷ || πάντων καθηγεμόνι τὸ πρᾶγμα κοινω- P fol. 70 v
σάμενος, τῆς μὲν ὁρμῆς ἐπεσχέθη, τῆς δὲ βασιλείας εἴληφε τὰ σήμαντρα, καὶ ταὐτὸν πέπονθε τῷ Σαοὺλ, καθὸ τὸ πάρεργον τοῦ ἔργου ἐφάνη μεῖζον ἐμπορευσάμενος· γυναικὸς γάρ τινος χηρευούσης, οἴκων εὐμεγέθων κτήτορος, κληρονόμον αὐτὸν οὐ μετὰ πολὺ γενήσεσθαι ὁ ἅγιος ἀπεφήνατο. τὸ δὲ ἦν περὶ τῆς βασιλίσσης, μεθ᾽ ἣν τὴν βασιλείαν αὐτὸς διεδέξατο. καὶ τέως μὲν οὐ συνῆκεν αἰνιγματωδῶς ῥηθεῖσαν τὴν τοῦ πράγματος δήλωσιν· ἐπεὶ δὲ τὸ προρρη-

---

валось пока въ неясности, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ исхода событій можно было ясно видѣть пророчество и за то воздать благодарность Богу, вѣдущему все прежде совершенія. Въ это время государственными податями завѣдывалъ логоѳетъ, по имени Никифоръ, находившійся въ числѣ друзей и знакомыхъ Георгія, при чемъ онъ не только въ дѣлахъ, касающихся души, но и житейскаго быта, имѣлъ руководителемъ святаго, дабы и жизнь его, и слово, и дѣло направлялись благимъ образомъ. И вотъ, пожелавъ пріобрѣсти покупкою домъ, онъ сообщилъ о своемъ дѣлѣ всегдашнему своему во всемъ наставнику; стремленіе его было остановлено, но за то подано было указаніе на ожидающее его царство; съ нимъ случилось то же, что̀ съ Сауломъ, такъ какъ обнаружилось, что и онъ по поводу маловажнаго стяжалъ бо̀льшее. Именно святой изрекъ ему, что спустя немного времени онъ сдѣлается наслѣдникомъ одной вдовствующей женщины, владѣтельницы большихъ домовъ; при этомъ подразумѣвалась царица, послѣ которой онъ (Никифоръ) наслѣдовалъ царство. И тогда онъ не понялъ загадочно высказаннаго указанія на дѣло; когда же предреченное исполнилось, и онъ уразумѣлъ

2 sq. ἐκείνῳ — καιρῷ P

56 *θὲν ἐξέβη καὶ τὸ προφητικὸν τοῦ ἁγίου χάρισμα κατενόησεν, οὐδὲν ἦν αὐτῷ τὸ βασιλικὸν διάδημα οὐδὲ πᾶσα ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχὴ πρὸς τὸ ἐκείνῳ συνδιαιτᾶσθαί τε καὶ συνεῖναι καὶ συναυλίζεσθαι, ὡς καὶ αὐτῆς τῆς ἁλουργίδος ὑπερορᾶν καὶ λάθρα τὸ ἐκείνου περιβάλλεσθαι χιτώνιον καὶ τριβώνιον καὶ τῆς αὐτοῦ ἡγεῖσθαι τοῦτο βασιλείας φυλακτήριον καὶ κραταίωμα, ὡς καὶ τῶν ὑψηλῶν περιφρονεῖν στιβάδων καὶ ῥίπτειν ἑαυτὸν ἐπ᾽ ἐδάφους καὶ τῆς ὑψηλῆς ἐκείνης κοινωνεῖν χαμευνίας καὶ ἀγρυπνίας.*

36. Καὶ ταῦτα μὲν οὕτως. ἓν δὲ λοιπὸν ἐκ τῶν πολλῶν ἐπιμνησθέντες, ἐπὶ τὴν λῆξιν τοῦ λόγου χωρήσωμεν. ποιούμενος οὖν ποτε τὸν πλοῦν διὰ τοῦ Εὐξείνου πόντου πρὸς τὴν πατρίδα καὶ γενόμενος ἐν τόπῳ τινὶ, ἐν ᾧ τοῦ Σαγγάρεως (ποταμὸς δὲ ἦν ὁ Σάγγαρις) διὰ τῆς τῶν Γαλατῶν χώρας ῥέοντος τὸ ῥεῖθρον ἐκδίδοται, καὶ δὴ πρὸς αὐτὰς τοῦ ποταμοῦ τὰς ἐκβολὰς εἰσβάλλοντος τοῦ πλοίου, — ἔνθα καὶ μάχη τις συμβαίνει τοῦ ποταμίου πρὸς τῇ ἅλμῃ νάματος, τοῦ μὲν σφοδρῶς ἐπιρρέοντος, τῆς δὲ θαλάσσης τραχυνομένης ταῖς αὔραις καὶ τὰ πελάγια πρὸς τῇ χέρσῳ ἐκπτυούσης κύματα, ὅπου γε

пророческій даръ святаго, то уже ни во что вмѣнялъ царскую діадему и всю свою власть надъ Ромеями — въ сравненіи съ тѣмъ (преимуществомъ), чтобы раздѣлять трапезу, находиться вмѣстѣ и жить подъ однимъ кровомъ съ нимъ (со святымъ). Онъ презиралъ и самую порфиру и тайно одѣвался въ его хитонъ (рубашку) и покровъ, и это онъ считалъ за нѣкоторый талисманъ и укрѣпленіе своего царства; онъ пренебрегалъ высокими кроватями и повергалъ себя долу, чтобы участвовать въ ономъ возвышенномъ возлежаніи на землѣ и бдѣніи.

36. Такъ это было; впрочемъ, припомнивъ еще одно изъ многаго, мы будемъ направлять слово къ окончанію. Совершая однажды плаваніе по Евксинскому понту въ свое отечество, святой очутился въ нѣкоемъ мѣстѣ, гдѣ находится теченіе Сангарія, — а Сангарій есть рѣка, текущая по странѣ Галатовъ, — корабль <входилъ въ самое устье> рѣки, гдѣ происходитъ нѣкоторая борьба рѣчнаго теченія съ морскимъ, при чемъ первое сильно напираетъ, а море подъ вліяніемъ воздушныхъ вѣяній вздымается и изрыгаетъ свои волны на твердую землю, — <гдѣ> дуетъ вѣтеръ и съ суши, сильно затрудняющій пловцовъ, а

καὶ ἀπογείου πνέοντος πνεύματος καὶ πολλὰ τοὺς πλωτῆρας ἀνιῶν-
τος, ἔστι δὲ οὓς σὺν ναυσὶ καὶ βυθίζοντος, τὸ τηνικαῦτα καὶ μάλιστα 57
ἐκ σκαιοῦ τινος δαίμονος βιαιότερον πνεύσαντος, ὡς καὶ τὸ ῥεῦμα
διασχάσαι καὶ ἀνακαχλάσαι καὶ βρασμώδεις ψόφους ἀποτελέσαι, —
καὶ ταῖς κατὰ μικρὸν εἰρεσίαις ἐνεχθέντος ἐπὶ τὴν ἤπειρον, ἀποβὰς
ἔστη ἐπὶ τῆς ὄχθης καὶ τὰς || χεῖρας εἰς τοὺς οὐρανοὺς ἐπάρας ἐπε- P fol. 71 r
τίμησεν τῷ πνεύματι καὶ τὸν κλύδωνα κατεστόρησεν· καὶ ἔμεινεν
τὸ βίαιον ἐκεῖνο πνεῦμα ἐν ἐκείνῳ τῷ τόπῳ τοῦ λοιποῦ μὴ πνεῦ-
σαν, δεσμῷ τινι ἀφύκτῳ, τῷ τοῦ ἁγίου προστάγματι, κατεχόμενον.
τί, πρὸς τῆς ὑμετέρας σωτηρίας, τῶν ὅσα παρὰ τῶν ἁγίων ἔκπαλαι
κατειργάσθη θαυμάτων, τῷ μεγέθει οὐχ ὑπερανέστηκεν; ποῖον τῶν
παραδόξων οὐχ ὑπερηκόντισεν; τὸ γὰρ δαίμονας ἀπελαύνειν καὶ
θεραπεύειν νοσήματα καὶ ἄλλων μυρίων ἐπιτελεῖν θαυμάτων
ἑσμόν, ὧν πλήρεις πᾶσα συγγραφή τε καὶ ποίησις, οὐ μέγα τοῖς
ἁγίοις, ἀκηλίδωτον τὸ κατ᾽ εἰκόνα διατηρήσασι καὶ τῇ πρὸς τὸ
ὁμόφυλον συμπαθείᾳ τῶν τοιούτων εἰληφόσι θαυμάτων τὴν
ἐνέργειαν· τὸ δὲ στοιχεῖα διατάττειν καὶ φορὰς ἀνέμων ἐπιτάττειν 58

иногда и поглощающій ихъ въ бездну вмѣстѣ съ кораблями, на сей же разъ по ‹дѣйствію какого-то злого демона› дувшій съ особенною силою, такъ что разрывалъ и пѣнилъ воду, издавая потрясающій гулъ. И вотъ, едва ‹корабль, по немногу подвигаясь на веслахъ, былъ подведенъ къ сушѣ,› святой, ‹сойдя съ него›, сталъ на берегу и, воздѣвъ руки къ небесамъ, запретилъ вѣтру и укротилъ бурю, и въ слѣдъ за тѣмъ этотъ буйный вѣтеръ болѣе не дунулъ ни разу на этомъ мѣстѣ, связанный, какъ бы несокрушимыми узами, велѣніемъ святаго. — Во имя вашего спасенія! Какое изъ чудесъ, совершенныхъ древле святыми, не было превзойдено величіемъ настоящаго? Что необычайное не было оставлено позади? Изгонять демоновъ, исцѣлять болѣзни и совершать тьму другихъ чудесъ, какими полны всякое писаніе и всякое твореніе (проза и поэзія) — не великое дѣло для святыхъ, сохранившихъ незапятнаннымъ подобіе образу и за свое состраданіе къ единоплеменнымъ получившихъ силу такихъ чудесъ. Но повелѣ-

1 sq. *πλουτῆρας ἀνιῶντας* P **3** *βιώτερον* P **7** *κατεστόρεσεν?* Ni **8** vocum *ἐν ἐκείνω* tres priores litterae manu rec. in ras. in fine versus P **10** *τί]* *ὅ τί?* Ni

καὶ θαλάττιον ἐπιτιμᾶν κλύδωνα καὶ τούτοις οἱονεὶ ἀνένδοτόν τινα χαλινὸν ἐπιτιθέναι καὶ ὅρον ἀπαράβατον, τοῦτο δὴ τοῦτο τῆς θείας φύσεως ἔργον, τῆς ἐκτεινάσης τὸν οὐρανὸν ὡσεὶ δέρριν καὶ γῆν ἐπὶ ὑδάτων πηξαμένης καὶ χαλινούσης τῇ ψάμμῳ τὴν θάλασσαν.

37. Ἠι Γεώργιος δι᾽ ἄκρας, ὡς ἐφικτὸν, ἐξομοιωθεὶς ἀπαθείας καὶ καθαρότητος, τῶν τοιούτων θαυμάτων κατεπλούτησεν τὴν ἐνέργειαν, ὡς ἂν μηδένα τῶν αὐτοῦ καταφανῆναι θαυμάτων ἄμοιρον. ἀλλ᾽ οὓς μὲν ἤδη διὰ γενέσεως ὁ βίος ἐδέξατο, τούτοις τὸ τηνικαῦτα καταλλήλως εὐεργετηθῆναι ταῖς παραδόξοις θαυματουργίαις ἐπισυμβέβηκεν ἀφθονώτατα· οἷς δὲ τοῦτο μὲν τέως οὐκ ἐξεγένετο, ὁ δ᾽ ἐπιὼν χρόνος ἔμελλεν ὑποδέχεσθαι, τούτοις πρὸς τὸ μέλλον τὰ τῆς εὐεργεσίας, ἕως ἐδείχθη, ἐταμιεύετο. θαρρῶν δ᾽ ἄν τις εἴποι καὶ τοὺς πάλαι κεκοιμημένους ἁγίους τῶν αὐτοῦ τι καταπολαῦσαι. τῷ γὰρ τούτων μιμήματι τὸν ὅμοιον τούτων τρόπον κτησάμενος

вать стихіямъ и распоряжаться направленіемъ вѣтровъ, запрещать морскому волненію и налагать имъ нѣкоторую крѣпкую узду и непереходимый предѣлъ — это, это есть дѣло божественнагоестества, распростершаго небо яко кожу, утвердившаго землю на водахъ и обуздывающаго пескомъ море.

37. Георгій, сколько это доступно, уподобился оному (божественному естеству) высотою своего безстрастія и чистоты и за то стяжалъ силу такихъ чудесъ, что не было никого, кто бы являлся лишеннымъ въ нихъ доли участія. Тѣмъ, которые по рожденію были современниками его жизни, уже тогда досталось (на долю) попеременно быть самымъ щедрымъ образомъ облагодѣтельствованными необычайными его чудотвореніями; а для тѣхъ, которымъ этого не привелось, которыхъ готовилось принять только наступающее время (т. е., для людей будущаго поколѣнія), его благодѣянія, какъ въ сокровищницѣ, хранились на будущее, пока они не были оказаны. Даже было бы позволительно сказать, что и прежніе, давно почившіе святые нѣсколько насладились (воспользовались) отъ его дѣяній, потому что, подражая имъ (святымъ), онъ пріобрѣлъ сходный съ ними нравъ, говоря словами Давида, ежедневно полагалъ восхожденія въ сердцѣ своемъ и такимъ образомъ, измѣняясь измѣненіемъ добрымъ, съ одними (изъ свя-

καὶ καθ᾽ ἑκάστην, δαυϊτικῶς εἰπεῖν, ἀναβάσεις ἐν τῇ καρδίᾳ διατι-
θέμενος καὶ τὴν καλὴν ἀλλοίωσιν ἀλλοιούμενος, τοῖς μὲν ἡμιλλήθη, 59
τῶν δὲ ἐκράτησεν· καὶ οἷόν τι ἓν ἀρετῆς εἶδος τὰς πάντων ἀριστείας
ἀπομαξάμενος, εἰς ἑαυτὸν καλῶς ἀπηκριβώσατο, ὥσ||τε μέγα μὲν P fol. 71 v
τούτῳ πρὸς τοιαῦτα ἀφορῶντι ἀρχέτυπα, μείζω δ᾽ ἐκείνοις, τοιοῦ-
τον ἐσχηκόσι τὸν μιμησάμενον, ἐπεὶ καὶ ζωγράφος ἄριστος καὶ στρα-
τιώτης ἐπὶ παρατάξεως τὴν βασιλέως ἀνδρείαν μιμησάμενος ἐπὶ
τὸ πρωτότυπον πεφύκασι διαβιβάζειν τὴν εὔκλειαν.

38. Τὴν γὰρ τῶν λόγων καὶ πράξεων παντευχίαν, ὡς ἄλλους
οἰκογενεῖς, ὁπλισάμενος καὶ καλῶς ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας στρατοπεδεύ-
σας, ὡς ἕτερον Λώτ, ἀπαράτρωτον τὸ ποίμνιον διετήρησεν. καὶ τὴν
μέχρις αἵματος ὑπακοὴν πρὸς τὸν τῶν ὅλων πατέρα Θεὸν προσκτη-
σάμενος καὶ τοῦτο διδάσκων πρακτικῶς ἐμφανέστατα καὶ θυόμενος
καθ᾽ ἑκάστην τῇ προαιρέσει καὶ θύτης τῆς ἀναιμάκτου θυσίας
διαδεικνύμενος, υἱοὺς Θεοῦ καὶ κληρονόμους ἐκ τῆς θεοπρεπῶς 60
ἁρμοσθείσης αὐτῷ ἐκκλησίας, ὡς ἐξ ἄλλης Ῥεβέκκας, πανσόφως
ἀπεγέννησεν. καὶ τὴν ποίμνην οὐκ ἐξ ἀσήμων, ἀλλ᾽ ἐπισήμων καὶ

тыхъ) состязался, а надъ другими одержалъ верхъ и, какъ бы нѣкоторое единичное изображеніе добродѣтели, отпечатлѣвъ вмѣстѣ всѣ ихъ достоинства, точнымъ образомъ воспроизвелъ ихъ въ себѣ самомъ. Великое дѣло для него, что онъ могъ видѣть предъ собою такіе первообразы, а еще бо́льшее для нихъ (прежнихъ святыхъ) имѣть такого себѣ подражателя; ибо и отличный живописецъ и воинъ въ военномъ строѣ, подражающій мужеству царя, естественно переносятъ славу на ихъ первообразъ.

38. Призвавъ на помощь всеоружіе слова и дѣлъ, какъ другихъ домочадцевъ, и хорошо ополчившись за благочестіе, онъ, какъ втораго Лота, сохранилъ неприкосновеннымъ стадо; пріобрѣтя послушаніе даже до крови къ Отцу всего, Богу, и научая этому самымъ яснымъ образомъ на дѣлѣ, ежедневно въ своемъ расположеніи и намѣреніи принося себя въ жертву и въ то же время являясь жрецомъ безкровной жертвы, онъ, какъ отъ другой Ревекки, отъ богочестно обрученной ему церкви всемудро родилъ

5 *τούτῳ] τούτῳ προσγενέσθαι τὸ κλέος?* Ni 5 *μεῖζον?* Ni
1 sq. Psalm. 83, 6. **10** Genes. 14, 14. **17** sq. Genes. 30, 42.

λογικῶν πληθύνας, τὸ εὐδόκιμον ὡς ὄντως ἐπὶ τῇ ποιμαντικῇ ἐκληρώσατο. ταῦτα Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ τὰ πλεονεκτήματα. σωφροσύνην δὲ ἄκραν ἀσκήσας, ὡς ἄλλην αἰγυπτίαν, τὴν πολυμήχανον ἁμαρτίαν τῇ τῶν γηΐνων ἀπεκδύσει εὐπετῶς διαπέφευγεν καὶ τοῦ νέου δημαγωγὸς ἀναδειχθεὶς πνευματικὸς Ἰσραὴλ, ὡς ἐξ Αἰγύπτου, τῆς ζοφερᾶς ἐξαρπάσας ἁμαρτίας, πρὸς γῆν τῆς ἐπαγγελίας νοητῶς διεπέρασεν, στυφούσῃ διδασκαλίᾳ, ὡς ἅλμῃ τῆς Ἐρυθρᾶς, ἅπαν ἀποκλυσάμενος ἐκ μνήμης αἰγυπτιακὸν καὶ ἔκτοπον λείψανον. καὶ τὸ ἐν ἱερεῦσι σεβάσμιον προσκτησάμενος, οὐ Μωσέα εἶχεν τὰ πρὸς Θεὸν ἐξηγούμενον, ἀλλ' ὁμιλίᾳ ἀμέσῳ τὰς πρὸς Θεὸν ἐντεύξεις ποιούμενος καὶ ὑπὲρ τῶν τοῦ λαοῦ καθ' ἑκάστην ἀγνοημάτων τὰς ἱερὰς θυσίας προσφέρων, Ἰωσὴφ καὶ Μωσέα
61 *καὶ Ἀαρὼν ἐναργῶς ἐξεικόνισεν. καὶ Φινεὲς τὸν ζῆλον οὐκ ἀγεννῶς ἐμιμήσατο, φιλαργυρίας καὶ ψεύδους μῖξιν ἐκτεμὼν παρρησίας μαχαίρᾳ τὴν πανώλεθρον καὶ φόνον ἐν τούτοις δολερῶς ἐγκυμονούμενον, τὴν αἰσχίστην διακόψας γαστέρα, πρὶν εἰς τέλος ἐλθεῖν, ἄση-*

сыновъ Божіихъ и наслѣдниковъ; умноживъ стадо не изъ непятнанныхъ, но изъ пятнанныхъ и разумныхъ, онъ пріобрѣлъ по справедливости честь и славу ‹искусствомъ пастыря›. Это достоинства Авраама, Исаака и Іакова. Далѣе, стяжавъ высокое цѣломудріе, онъ посредствомъ совлеченія съ себя земнаго легко избѣгнулъ, какъ другой Египтянки, многоухищреннаго грѣха; явившись духовнымъ вождемъ новаго Израиля, онъ духовно перевелъ его, какъ изъ Египта, изъ мрачной области грѣха въ землю обѣтованія, укрѣпляющимъ ученіемъ, какъ морскою водою, смывъ изъ памяти всякій египетскій и неумѣстный остатокъ; пріобрѣтя іерейскій санъ, онъ не имѣлъ Моисея, который бы руководилъ его, но обращался къ Богу въ бесѣдѣ съ непосредственными прошеніями и приносилъ за ежедневныя безумія народа священныя жертвы: такимъ образомъ онъ дѣйствительно изобразилъ въ себѣ Іосифа, Моисея и Аарона. Онъ не безъ успѣха подражалъ также въ ревности Финеесу, разсѣкши гибельное смѣшеніе корыстолюбія и лжи сѣкирою дерзновенія, проколовши гнусное

1 *λογικῶν] λογικῶν θρεμμάτων?* Ni* p. 33. **1** *τῇ ποιμαντικῇ* P, *τῇ μαντικῇ* Va, cf. Ni* p. 33 **3** *αἰγυπτίαν] αἰγυπτίαν αἰχμαλωσίαν?* Ni **10** *ἀμέσῳ* Ni* p. 20_{66}, *ἀμέσοις* P, *ἀμέσους* Va.

*μον ἀπέδειξεν ἀμβλωθρίδιον. τὸ νεανικὸν πρὸς ποιμαντικὴν τοῦ
Δαυὶδ πρὸ τῆς χρίσεως || ἐξεικονίσας ἀριδηλότατα, τὰς ἀρκώδεις ὁρ-* P fol. 72 r
*μὰς καὶ λεοντώδεις τῶν παθῶν τῇ λογιστικῇ δυνάμει ὡς ἀληθῶς
ἐναπέπνιξεν, καὶ τὸν ἡγεμόνα νοῦν καθοπλίσας τῇ καθαρότητι, τὸν
νοητὸν Γολιὰθ παραταξάμενος ἐσφενδόνησεν. Ἡλιοῦ καὶ Ἰωάννου
ἐσχηκὼς τὸ φιλέρημον, τοὺς ἀσεβείας ἐλέγχους ὑπὲρ τούτους ἐποιή-
σατο. Πέτρου καὶ Παύλου τὸ θερμὸν πρὸς τὴν πίστιν καὶ μεγαλο-
φυὲς ἐνεδείξατο. τῶν λοιπῶν μαθητῶν τοῦ Λόγου τὸ πρὸς ἀποστο-
λὴν ἐβεβαίωσεν ἐν ἑαυτῷ ἀκριβέστατον, πᾶσιν ἀνακαλύπτων τὰ
ζωαρχικὰ καὶ θεοπαράδοτα τῆς αὐτῶν κρυφιομύστου διδασκαλίας
λόγια. τὴν τῶν μαρτύρων ὑπὲρ τῆς ἀληθείας μέχρι θανάτου τῇ
συνειδήσει ἐπεδείξατο ἔνστασιν, ἅπαν ἁμαρτίας ἰσχυρῶς καταστρε-
ψάμενος εἴδωλον. 39. τοὺς ἐν ποιμαντικῇ διαλάμψαντας πατέρας* 62
*ὑπερηκόντισεν· τίς γὰρ οὕτως τὸ πεπλανημένον ἐπισυνήγαγεν καὶ
τὸ ἀπολωλὸς ἐπεζήτησεν καὶ τὸ χωλεῦον ἐπανωρθώσατο καὶ τὸ*

чрево и обративъ созрѣвающее въ немъ злое убійство въ жалкій выкидышъ, прежде чѣмъ оно приведено было въ исполненіе. Изобразивъ самымъ яснымъ образомъ ревность Давида къ дѣлу пастырства прежде помазанія, онъ по истинѣ задушилъ силою разума медвѣдиныя и львиныя устремленія страстей и, вооруживъ направляющій смыслъ чистотою, выступилъ противъ умственнаго Голіаѳа и поразилъ его пращею. Любовію къ пустынѣ равняясь съ Иліею и Іоанномъ, онъ превзошелъ ихъ силою обличеній противъ нечестія. Онъ обнаружилъ ревность по вѣрѣ и величіе Петра и Павла и самымъ точнымъ образомъ воспроизвелъ въ себѣ служеніе апостольству (апостольскому призванію) прочихъ учениковъ Слова, раскрывая всѣмъ живоначальныя и богопреданныя словеса глубокотаинственнаго ихъ ученія; онъ проявилъ въ своемъ сознаніи твердое стояніе мучениковъ за истину, даже до смерти, сильно поборовъ всякій идолъ грѣха. 39. Онъ превзошелъ отцевъ, прославившихся въ дѣлѣ пастырства. Ибо кто какъ онъ умѣлъ собрать разсѣянное и отыскать погибшее, исправить хромающее, исцѣлить болящее? Однихъ онъ сохранялъ невредимыми посредствомъ предохранительныхъ

2 *δᾶδ* P   5 *γολιὰδ* P

ἀρρωστοῦν ἐθεράπευσεν; καὶ τὸ μὲν τοῖς φυλακτικοῖς, τὸ δὲ τοῖς καθαρτικοῖς φαρμάκοις ἀσινὲς διετήρησεν, ἥκιστα μὲν ῥάβδῳ διὰ τὸν λόγον χρησάμενος, τῷ τρόπῳ δὲ μᾶλλον ἢ τῷ λόγῳ τὸ πλεῖστον διορθωσάμενος· ὢ πῶς τὴν μισανθρωπίαν ἀπήλασεν, τὴν δὲ φιλανθρωπίαν τῇ ὑψηλῇ ταπεινώσει ἀντεισήγαγεν, συνεξοστρακίσας μὲν τῇ φιλαργυρίᾳ τὴν πλεονεξίαν, ἀντεισαγαγὼν δὲ τὴν ἀκτημοσύνην καὶ τὸν ἔλεον. καὶ τῇ μὲν δικαιοσύνῃ τοὺς πάντας συνέδησεν, τῇ δὲ σωφροσύνῃ κατακοσμεῖσθαι παρεσκεύασεν καὶ πρὸς ἀνδρείαν καλῶς ἐξεπαίδευσεν, συνεθίζων γενναίως κατὰ τῶν ἀοράτων ἐχθρῶν ἀντιπαρατάττεσθαι· οὐδὲν γὰρ οὕτως ἰσχυρὸν πρὸς ἀρετῆς ἐπίκτησιν πέφυκεν, ὡς ἡ τῶν προεστώτων ἔμπρακτος πολιτεία τοῖς ὑπὸ χεῖρα καθέστηκεν.

63 *40. Ἀλλ᾽ ἐπειδὴ χρεὼν ἄνθρωπον ὄντα λειτουργῆσαι καὶ τὰ τῆς φύσεως καὶ τὴν ὕλην ἀποτιναξάμενον πρὸς τὴν ἀμείνω λῆξιν με-*

лѣкарствъ, другихъ посредствомъ очистительныхъ, всего менѣе прибѣгая къ жезлу посредствомъ слова, исправляя всего болѣе примѣромъ, чѣмъ словомъ. О, какъ онъ изгонялъ человѣконенавидѣніе и вмѣсто того вводилъ своимъ высокимъ смиреніемъ человѣколюбіе! Изгнавъ вмѣстѣ съ сребролюбіемъ всякое любостяжаніе, онъ вмѣсто того утверждалъ нестяжательность и состраданіе. Онъ всѣхъ соединялъ узами справедливости и пріучалъ украшаться цѣломудріемъ; всѣхъ прекрасно воспитывалъ въ мужествѣ, пріучая мужественно ополчаться противъ невидимыхъ враговъ. Ибо нѣтъ ничего столь сильно побуждающаго къ пріобрѣтенію добродѣтели людей, находящихся подъ рукою (подъ властію), какъ дѣятельный примѣръ, подаваемый образомъ жизни начальствующихъ.

IX.

Кончина св. Георгія, погребеніе и чудеса при гробѣ. Молитвенное воззваніе автора.

40. Но такъ какъ онъ былъ человѣкъ и ему слѣдовало также исполнить требованія природы, то есть, отрясти съ себя ма-

2 *ῥάβδῳ* Va, *ῥάβδου* P 11 *πέφυκεν* delendum? N 13 vocis *ὄντα* duae litterae priores manu recentissima supra versum scriptae P ibid. inter *καὶ* et *τὰ* rasura 2 fere litterarum P

ταϑῆναι καὶ τοὺς ὑπὲρ εὐσεβείας στεφάνους ἀναδήσασϑαι, Θεῷ ἀκραιφνῶς συγγενόμενον, τὴν τελευταίαν ὑπελϑὼν ἀρρωστίαν, οὐδαμῶς τὸν ὅρον τοῦ τέλους ἠγνόησεν, ἀλλὰ περιχαρῶς ὑπεδέχετο, χάριν ὁμολογῶν τῷ δήσαντι καὶ διὰ λύσεως ἀπαλλαγὴν τῶν φϑαρ||τῶν οἰκονομήσαντι καὶ συνδήσοντι αὖϑις, οἷς ἐδικαίωσε κρί- P fol. 72 v *μασιν, ὑψηλότερον. καὶ ἐκδημεῖ τοῦ σκήνους τῇ πρὸ δύο τῆς δεκάτης τοῦ Δύστρου μηνὸς, καὶ πρὸς Θεὸν ἐπανέρχεται ἡ ϑεόληπτος ἐκείνη ψυχὴ διὰ νεκρώσεως τῶν ὀρεκτῶν, τὸ ἀκρότατον. καὶ ἦν ἰδεῖν συνδρομὴν βασιλέων καὶ ἀρχιερέων καὶ δάκρυα, ϑρῆνον ἀρχόντων καὶ ἀρχομένων ἀπαράκλητον, τῶν μὲν τὸν ὑπογραμμὸν τοῦ καλῶς ἄρχειν, τῶν δὲ τὸν κανόνα ἀποδυρομένων τοῦ καλῶς ἄρχε-* 64 *σϑαι. καὶ κηδεύεται χερσὶν ἱερέων ϑεοπρεπῶς καὶ προστίϑεται τοῖς ἀρχιερεῦσιν ὁ ἀρχιερεὺς, τοῖς ἀποστόλοις ὁ μαϑητὴς, τοῖς προφήταις ὁ βλέπων τὰ ἔμπροσϑεν, τοῖς μάρτυσιν ὁ καϑ᾽ ἑκάστην τῇ συνειδήσει διὰ Χριστὸν ϑανατούμενος.*

41. Καὶ κρύπτεται μὲν τῷ τάφῳ ἀνϑρωποπρεπῶς, οὐ συγκα-

терію, переселиться въ лучшую страну, надѣть за благочестіе побѣдные вѣнцы, въ состояніи чистоты пребывая съ Богомъ, то онъ подвергся послѣдней болѣзни; и при этомъ онъ никакъ не былъ въ невѣдѣніи о наступленіи конца, но ожидалъ его съ радостію, воздавая благодарность связавшему и устроившему освобожденіе отъ тлѣннаго посредствомъ разлученія, а также имѣющему опять связать (тѣло съ душою) тамъ выше, ими же судилъ судами. И вотъ онъ разлучается съ внѣшнимъ покровомъ за два дня до десятаго числа мѣсяца Дистра; и оная обоготворенная посредствомъ умерщвленія желаній душа возвращается къ Богу въ горняя. И можно было видѣть стеченіе царей и архіереевъ, слезы и неутѣшный плачъ властителей и властвуемыхъ; одни оплакивали въ немъ образецъ для хорошаго управленія, другіе— для добраго повиновенія властямъ. И вотъ онъ предается боголѣпно погребенію руками іереевъ и прилагается архіереямъ — архіерей, апостоламъ — ученикъ, пророкамъ — зрящій будущее, мученикамъ—ежедневно умерщвляемый въ сознаніи ради Христа.

41. Онъ скрывается во гробѣ прилично человѣку, но, какъ

4 *διὰ λύσεως] διαλύσεως* PVa

λύπτεται δὲ λήθῃ ἁγιοπρεπῶς· ἀλλ᾽ ἐκλάμπει τοῖς θαύμασι θεοπρεπῶς, ὧδέ πως, ὡς ἐκ πολλῶν ὀλίγα δηλώσωμεν. οὐ γὰρ πάντα λόγῳ παραστῆσαι πειρασόμεθα, ὁπόσοι ὑπὸ πνευμάτων ἀκαθάρτων ὀχλούμενοι μόνῃ τῇ τῆς αὐτοῦ σοροῦ προσψαύσει τῶν δαιμόνων ἀπηλλάσσοντο, ἢ μέλεσι παρειμένοι, φοράδην κομισθέντες, οἴκαδε ποσὶν οἰκείοις ῥωσθέντες ἐπανήρχοντο, ἢ τῇ στερήσει τῶν ὄψεων ὑφ᾽ ἑτέρων ποδηγούμενοι, εἰληφότες τὸ βλέπειν, τῆς βαθείας νυκτὸς ἀπηλλάγησαν· ἦ γὰρ ἂν καὶ μικρῷ κυάθῳ ἐπεχειροῦμεν μετρεῖν πέλαγος ἢ ψάμμῳ θαλασσίῳ ἀρετὴν καθυπεβάλλομεν καὶ γῆς πρὸς οὐρανὸν ἠριθμοῦμεν διάστημα. ἀλλ᾽ ὡς ἂν ἐξ ὀνύχων, κατὰ τοῦτο δὴ τὸ τοῦ λόγου, τὸν λέοντα διαγράψωμεν καὶ τὴν πρὸς Θεὸν αὐτοῦ παρρησίαν καὶ οἰκειότητα καὶ μετὰ τὴν ἐντεῦθεν ἀνάλυσιν ἔργῳ κατάδηλον ποιησώμεθα, ἓν ἢ δύο τῶν ἐκείνου θαυμάτων ἐπιμνησθέντες, τὸν λόγον εἰς πέρας προάξομεν.

42. Ὑετὸς γέγονε σφοδρότατος, ὡς τοὺς ποτε γεγονότας τῷ

подобаетъ святому, не прикрывается забвеніемъ, а боголѣпно прославляется (сіяетъ) чудесами — такъ, какъ мы это сейчасъ покажемъ, изъ многаго взявъ немногое, ибо мы не будемъ пытаться все объяснить словомъ. Сколько было такихъ, которые, бывъ одержимы нечистыми духами, освобождались отъ демоновъ однимъ прикосновеніемъ къ его гробницѣ; или такихъ, которые, бывъ разслаблены членами и принесены къ нему на носилкахъ, возвращались домой укрѣпленные на собственныхъ ногахъ; или такихъ, которые, лишившись зрѣнія и водимые другими, опять получили способность видѣть, освободившись отъ глубокой ночи! По истинѣ (если бы мы вздумали перечислять, то) мы предприняли бы малымъ сосудомъ измѣрить море или подчинить исчисленію количество песку морскаго, или исчислить разстояніе отъ земли до неба. Но согласно съ извѣстнымъ изреченіемъ, что левъ узнается по когтямъ, мы покажемъ на дѣлѣ его дерзновеніе и близость къ Богу и послѣ разлученія со здѣшнею жизнью, упомянувъ объ одномъ или двухъ изъ его чудесъ, и затѣмъ окончимъ свою рѣчь.

42. Случился сильнѣйшій дождь, <такой, что затмилъ> всѣ

9 *ἀρετὴν] ἀριθμόν?* Va, *ἀρύταιναν?* Ni

πλήθει ἀποκρύψασθαι καὶ ἄλλος κατακλυσμὸς, ὡς εἰκὸς, ἀπεικάζεσθαι. τῶν ὀρῶν ἐπικλυζόντων, τῶν πεδίων πλημμυρούντων, πλήρεις ὑδάτων οἰκίαι, ναοί· τὸ μὲν ἄνωθεν ἐκ τῆς ὀροφῆς, τὸ δὲ κάτωθεν διὰ τῶν θυρῶν ἐπικλύσαν πάντα ἐπλήρωσεν, τῆς πόλεως ταῖς πάντοθεν τῶν ὑδάτων ἐπιρροαῖς ὡς ἐν θαλάσσῃ ναυτιώσης καὶ κλονουμένης καὶ κατα||στροφὴν ἀπειλούσης, εἰ μὴ ἡ ἄνωθεν πάντα P fol. 73 r
πρὸς τὸ συμφέρον διεξάγουσα πρόνοια, ἡ στίλβουσα μὲν τὴν τῆς τιμωρίας ῥομφαίαν, μὴ ἐπάγουσα δὲ τὴν τομὴν, ἀλλὰ μετανοίας ἡμῖν ὁδὸν ὑπανοίγουσα, τὴν ῥύσιν ἐπέσχεν καὶ τὴν σωτηρίαν ταῖς τοῦ ἁγίου πρεσβείαις ἐβράβευσεν, ὡς τὸ τελεσθὲν ἐν τῇ αὐτοῦ σορῷ θαῦμα ἔδειξεν. τοῦ γὰρ ναοῦ πλημμυροῦντος, οὐδαμῶς τῷ τάφῳ τὸ 66
ὕδωρ προσεπέλασεν, ἀλλ' ὁ τὴν Ἐρυθρὰν σχίσας καὶ τὸν Ἰορδάνην ἀνακόψας, αὐτὸς καὶ τηνικαῦτα διὰ τὸν αὐτοῦ ἐτερατούργησεν θεράποντα. καὶ ἦν ἰδεῖν τὴν ὑγρὰν καὶ εὐόλισθον φύσιν εἰς ἀντιτυπίαν μεταχθεῖσαν, ἐντεῦθεν καὶ ἐντεῦθεν τοῦ τάφου διεστῶσαν οἱονεὶ τειχίον τι πάγιον καὶ ἀκίνητον, ὡς μηδὲ μικρὰν ἐμποιῆσαι τῷ τάφῳ νοτίδα. ὄντως θαυμαστὸς ὁ Θεὸς ἐν τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ, ἐπιτελῶν

когда-либо <случавшіеся> множествомъ водъ и <представлялъ>, можно сказать, подобіе другаго потопа: наводнялись горы, плавали въ водѣ долины; дома, храмы были полны водою; отчасти текущая сверху сквозь крышу, отчасти проникающая снизу черезъ двери, вода наполнила все; городъ вслѣдствіе напора волнъ со всѣхъ сторонъ какъ бы плавалъ въ морѣ, колебался въ своихъ основаніяхъ и угрожалъ разрушеніемъ, если бы только Высшій Промыслъ, все обращающій на пользу, сверкающій мечемъ наказанія, но однако не опускающій удара, а открывающій намъ путь покаянія, не остановилъ теченія и не даровалъ спасенія по молитвамъ святаго, какъ это показало чудо, совершившееся въ его гробницѣ. Когда храмъ наполнился водою, то эта вода никакъ не приближалась ко гробу святаго, но Тотъ, кто раздѣлилъ Чермное море и разсѣкъ Іорданъ, самъ и тогда чудодѣйствовалъ чрезъ своего раба; и можно было видѣть, какъ <текучая и неустойчивая> стихія превратилась въ нѣчто <упругое> и стала по ту и другую сторону гроба, какъ нѣкая твердая и неподвижная стѣна, такъ что гробницы не коснулась даже малѣйшая сырость. По истинѣ чуденъ

θαυμαστὰ καὶ ἐξαίσια ὑπὲρ πάντα λόγον καὶ δύναμιν. καὶ ταῦτα μὲν οὕτως.

43. Τὰ δὲ ἑξῆς ὡς λίαν παράδοξα. ἔφοδος ἦν βαρβάρων τῶν Ῥῶς, ἔθνους, ὡς πάντες ἴσασιν, ὠμοτάτου καὶ ἀπηνοῦς καὶ μηδὲν ἐπιφερομένου φιλανθρωπίας λείψανον· θηριώδεις τοῖς τρόποις, ἀπάνθρωποι τοῖς ἔργοις, αὐτῇ τῇ ὄψει τὴν μιαιφονίαν ἐπιδεικνύμενοι, ἐπ᾽ οὐδενὸς τῶν ἄλλων, ὧν πεφύκασιν ἄνθρωποι, χαίροντες, ὡς ἐπὶ φονοκτονίᾳ. τοῦτο δὴ τὸ φθοροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα,
67 *ἀπὸ τῆς Προποντίδος ἀρξάμενον τῆς λύμης καὶ τὴν ἄλλην ἐπινεμηθὲν παράλιον, ἔφθασεν καὶ μέχρι τῆς τοῦ ἁγίου πατρίδος, κόπτον ἀφειδῶς γένος ἅπαν καὶ ἡλικίαν πᾶσαν, οὐ πρεσβύτας οἰκτεῖρον, οὐ νήπια παρορῶν, ἀλλὰ κατὰ πάντων ὁμοῦ τὴν μιαιφόνον ὁπλίζον χεῖρα τὸν ὄλεθρον ἔσπευδεν διαβῆναι ὅση δύναμις. ναοὶ καταστρεφόμενοι, ἅγια βεβηλούμενα, βωμοὶ κατὰ τόπον ἐκείνων, σπονδαὶ παράνομοι καὶ θυσίαι, ἡ Ταυρικὴ ξενοκτονία ἐκείνη ἡ πα-*

Богъ во святыхъ Его, творящій чудесное и необычайное выше всякаго слова и силы.

43. То, что слѣдуетъ далѣе, и еще болѣе удивительно.

Было нашествіе варваровъ, Руси, народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія. Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность уже однимъ своимъ видомъ, ни въ чемъ другомъ, что̀ свойственно людямъ, не находя такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, они — этотъ губительный и на дѣлѣ и по имени народъ, — начавъ разореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигли наконецъ и до отечества святаго, посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ, не жалѣя старцевъ, не оставляя безъ вниманія младенцевъ, но противу всѣхъ одинаково вооружая смертоубійственную руку и спѣша вездѣ пронести гибель, сколько на это у нихъ было силы. Храмы ниспровергаются, святыня оскверняется: на мѣстѣ ихъ (нечестивые) алтари, беззаконныя возліянія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ, у нихъ сохраняющее свою силу (процвѣтающее). Убійство дѣвицъ, мужей, и женъ;

7 *οὐδενὶ?* Ni **9** *λοίμης* P Va

λαιὰ παρ' αὐτοῖς νεάζουσα, παρθένων σφαγαὶ ἀῤῥένων τε καὶ θηλειῶν· ὁ βοηθῶν οὐδείς, ὁ ἀντιπαρατατόμενος οὐκ ἦν· λειμῶνες καὶ κρῆναι καὶ δένδρα σεβαζόμενα· ἡ ἄνωθεν παραχωροῦσα πρόνοια ἴσως διὰ τὸ τὴν κακίαν πληθυνθῆναι, οἷα πολλὰ πεπονθέναι τὸν Ἰσραὴλ παρὰ τῆς Γραφῆς μεμαθήκαμεν.

44. Ὁ ποιμὴν ὁ καλὸς οὐ παρῆν μὲν τῷ || σώματι, συνῆν δὲ fol. 73 v
Θεῷ τῷ πνεύματι, καὶ τοῖς ἀνεφίκτοις ὡς ἐνώπιος ἐνωπίῳ ἐντυγχάνων καὶ μυούμενος κρίμασιν, τῆς πρεσβείας ἠμέλει καὶ τὴν βοήθειαν ἀνεβάλλετο. ἀλλ' εἰς τέλος παριδεῖν οὐκ ἠνέσχετο, θαυματουργεῖ δὲ τῶν ἄλλων κἀνταῦθα οὐκ ἔλάττω. εἰς γὰρ τὸ ἱερὸν τῶν 68
βαρβάρων εἰσελθόντων καὶ τὸν τάφον θεασαμένων, θησαυρὸν εἶναι τὸν ὄντως θησαυρὸν ὑπετόπασαν· καὶ δὴ τοῦτον ἀνορύξαι ὁρμήσαντες, παρειμένοι ὤφθησαν χεῖρας, παρειμένοι πόδας, καὶ δεσμοῖς ἀοράτοις πεδηθέντες ἔμειναν ὅλως ἀκίνητοι, ἐλεεινοί, θάμβους καὶ δέους μεστοί, οὐδὲν ἄλλο δυνάμενοι ἢ φθέγγεσθαι. 45. ὁ δὲ σφῶν

и не было никого помогающаго, никого, готоваго противостать. Лугамъ, источникамъ и деревьямъ воздается поклоненіе. Верховный Промыслъ допускаетъ это, можетъ быть, для того, чтобы умножилось беззаконіе, что̀, какъ мы знаемъ изъ Писанія, много разъ испыталъ Израиль.

44. Пастырь добрый не былъ на лицѣ тѣломъ, а духомъ былъ съ Богомъ и, въ непостижимыхъ судахъ Его читая, какъ посвященный, лицемъ къ лицу, медлилъ заступленіемъ и откладывалъ помощь. Но въ конецъ онъ не возмогъ презрѣть, и вотъ онъ и здѣсь чудодѣйствуетъ не меньше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Когда варвары вошли во храмъ и увидѣли гробницу, они вообразили, что тутъ сокровище, какъ и дѣйствительно это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдругъ почувствовали себя разслабленными въ рукахъ, разслабленными въ ногахъ и, связанные невидимыми узами, оставались совершенно неподвижными, жалкими, будучи полны удивленія и страха и ничего другаго не имѣя силъ сдѣлать, какъ только издавать звуки голоса.

45. А ихъ предводитель, когда увидѣлъ необычайное явленіе,

1 sq. *παρθένων — θηλειῶν]* cf. Ni* p. 33 sq.
10 *ἐλάττω* Ni* p. 34, *ἐλάττων* P

ἡγεμὼν, ἐπεὶ τὸ παράδοξον εἶδε τοῦ πράγματος, δέους ἐπλήσθη καὶ ἐκπλήξεως. καί τινα τῶν τῇ αἰχμαλωσίᾳ ὑπηγμένων προσαγαγὼν ἐπύθετο πρὸς αὐτοῦ, τί ἂν εἴη τοῦτο τὸ γεγονὸς, καὶ ποίου Θεοῦ ἡ τοιαύτη δύναμις, καὶ τί ἂν εἴη τὸ κατορωρυγμένον ἐκεῖ, καὶ τίνι τρόπῳ ἔπαθον οἱ στρατιῶται. «Θεοῦ» φησὶ «τοῦ ἐκ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι τόδε τὸ πᾶν παραγαγόντος αὕτη ἡ δύναμις, τοῦ ποιοῦντος ὅσα ἂν βούληται, ᾧ ἀντειπεῖν οὐ δύναται οὐδεὶς, οὐ βασιλεὺς, οὐ τύραννος, οὐκ ἄρχων, οὐ βάρβαρος, οὐχ ὅντινα ἂν εἴποις, οὐκ ἔθνος
69 *ὅλον· δι᾽ αὐτοῦ γὰρ βασιλεῖς βασιλεύουσι, καὶ τύραννοι κρατοῦσι γῆς». «Τί δέ;» φησὶν ὁ βάρβαρος «οὐχ ἡμεῖς καθ᾽ ἡμέραν θυσίας τοῖς θεοῖς προσφέρομεν, βωμοὺς καὶ σπονδὰς ἐπιτελοῦντες;» «Ἀλλ᾽ οὐδαμῶς, ὦ οὗτος, θεοὶ ἀληθεῖς, οἷς ὑμεῖς σπένδετε, οὐδὲ τοιαύταις θυσίαις ὁ ἡμέτερος χαίρει Θεός· ἀνενδεὴς γάρ ἐστιν ὡς πάντων δεσπόζων». «Καὶ ἔστι τις ἄλλη θυσία» φησὶν «ᾗ ὁ ὑμέτερος*

исполнился тоже страха и ужаса и, приказавъ привести одного изъ уведенныхъ въ плѣнъ, спрашивалъ его, что̀ означаетъ случившееся и какого Бога эта сила, и что такое было здѣсь закопано, и какимъ образомъ пострадали воины. Тотъ отвѣчаетъ: «Это сила Бога, все приведшаго изъ небытія въ бытіе и творящаго все Ему угодное, которому никто не можетъ противорѣчить — ни царь, ни тиранъ, ни князь, ни варваръ, ни кто-либо другой, кого только ты можешь назвать, ни даже цѣлый народъ: ибо Имъ цари царствуютъ и властители владѣютъ землею». «Что же?» отвѣчаетъ варваръ: «развѣ мы не приносимъ каждый день жертвы богамъ, устраивая алтари и возліянія?» — «Но, человѣче, никакъ не суть истинные боги тѣ, которымъ вы совершаете возліянія, и не такія жертвы угодны нашему Богу: ни въ чемъ не нуждается Онъ, какъ надъ всѣми владычествующій». — «Но существуетъ ли какая другая жертва, которая бы угодна была вашему Богу? И какъ нуждающійся въ ней можетъ считаться ни въ чемъ не имѣющимъ нужды?» — «Самъ Онъ ни въ чемъ не нуждается, но, будучи благимъ, принимаетъ благія дѣянія, приносимыя Ему отъ чистаго помышленія. Кто же явился чистымъ предъ Нимъ своими благими дѣлами, тотъ удо-

14 *τίς* **manu prima omissum manus rec. supra versum addidit in P**

στέργει Θεός; καὶ πῶς ἀνενδεὴς ὁ ταύτης ἐπιδεόμενος;» «Δέεται μέν, ὦ οὗτος, αὐτὸς οὐδενός, προσίεται δὲ πράξεις ἀγαθάς, ἀγαθὸς ὤν, ἐκ διανοίας προσφερομένας καθαρᾶς. ὃς δὲ καθαρὸς ὤφθη ἐνώπιον αὐτοῦ δι᾽ ἔργων ἀγαθῶν, οὗτος παρ᾽ αὐτοῦ τιμῆς ἀξιοῦται μεγίστης καὶ ζῶν καὶ θανών». «Καὶ τίς ἡ τιμὴ αὕτη;» φησίν. «Τοῦ πᾶν ὅτι ἂν» ἔφη «θέλωσιν ἐπιτελεῖν ἐπὶ τῷ ὀνόματι αὐτοῦ καὶ τοὺς τιμῶντας αὐτοὺς εὐεργετεῖν καὶ τοὺς ἀτιμάζειν ἐπιχειροῦντας ἀμύνεσθαι. διὰ τοῦτο καὶ οἱ σοί, ὡς ὁρᾷς, στρατιῶται τοῦτον ἀνορύξαι τὸν τάφον τολμήσαντες, ἐπειδὴ ὕβρις ἦν τοῦ κειμένου χερσὶ βαρβάρων ἀνοσίων ἐρευνᾶσθαι, τῇ πρὸς Θεὸν παρρησίᾳ τούτων τὰς χεῖ||ρας καὶ τοὺς πόδας ἐπέδησεν. καὶ εἰ βούλει μαθεῖν οὕτως fol. 74 r
ἔχουσαν τὴν ἀλήθειαν, προσάγαγε τούτῳ δῶρα καὶ δι᾽ ἡμῶν τῶν 70
χριστιανῶν ἐξευμένισαι, καὶ ἀπαλλαγήσονται οἱ ἄνδρες τῶν κατεχόντων αὐτοὺς ὀδυνηρῶν». «Καὶ ποίοις δώροις» φησὶν «οὗτος χαίρει καὶ τίνα προσδέχεται;» «Ἔλαιον» ἔφη «καὶ κηρούς· τοῦτο γὰρ ἔθος ποιεῖν χριστιανοῖς· καὶ αἰχμαλώτων ἐλευθερίαν, καὶ τὴν πρὸς τὰς ἐκκλησίας φυλάττειν αἰδῶ. ταῦτα πάντα εἰ βουληθῇς ποιῆσαι καὶ φυλάξασθαι, ὄψει τοὺς σοὺς στρατιώτας ἐρρωμένους ὡς πρότερον».

стоивается величайшей чести и при жизни и по смерти». «А какая это честь?» спрашиваетъ варварскій князь.—«Все, что̀ ни захотѣли бы, творить во имя Его и благодѣтельствовать почитающимъ ихъ, и останавливать тѣхъ, кто покушается не воздавать имъ чести. Вслѣдствіе того и твои воины, какъ видишь, осмѣлившись раскопать этотъ гробъ (были наказаны): такъ какъ прикосновеніе нечистыхъ рукъ варварскихъ было оскорбленіемъ лежащему въ немъ, то по своему дерзновенію передъ Богомъ онъ связалъ руки и ноги ихъ. И, если хочешь узнать, что все это истина, то принеси Ему дары, умилостививъ чрезъ посредство насъ, христіанъ, и люди твои освобождены будутъ отъ обдержащихъ ихъ печалей».—«А какими дарами можно Ему угодить, и какія приношенія Онъ принимаетъ?»—«Елей и воскъ, какъ это обычно у христіанъ, освобожденіе плѣнныхъ и сохраненіе почтенія къ храмамъ. Если все это хочешь сотворить и соблюсти, то увидишь своихъ воиновъ здравыми, какъ прежде».

14 *αὐτοὺς* Va, *αὐτοῖς* P **16** *ἐλευθερίαν* Va, *ἐλευθερια* P **17** *βουληθῇς* Va, *βουληθεὶς* P

46. ἐφ᾽ οἷς καταπλαγεὶς ὁ βάρβαρος πάντα ποιεῖν ὑπισχνεῖτο ὡς τάχιστα. καὶ τὴν ἐλευθερίαν καὶ παρρησίαν δοὺς χριστιανοῖς, αὐτοῖς καὶ τὴν πρὸς Θεὸν καὶ τὸν ἅγιον πρεσβείαν ἐπέτρεψεν. καὶ δὴ γίνεται φωταυγία δαψιλὴς καὶ πάννυχος στάσις καὶ ψαλμῳδία, καὶ ἀφίενται οἱ βάρβαροι τῆς θεηλάτου ὀργῆς, καὶ γίνεται καταλλαγή τις καὶ κατάστασις τούτων πρὸς χριστιανούς. καὶ οὐκέτι ἐξύβριζον εἰς τὰ ἅγια, οὐκέτι θυσιαστηρίων κατωρχοῦντο θείων, οὐκέτι χερσὶν
71 *ἀνοσίοις ἱερὰ ἀφῃροῦντο κειμήλια, οὐκέτι αἵμασιν ἐκκλησίαι ἐμολύνοντο· ἀλλ᾽ ἤρκεσεν εἷς τάφος ἐλέγξαι βαρβάρων ἄνοιαν, ἀλλὰ παῦσαι τὴν πολλὴν μιαιφονίαν, ἀλλὰ καταστεῖλαι τὴν θηριωδίαν καὶ εἰς προβάτων μεταγαγεῖν ἡμερότητα τοὺς λύκων ἀνημερωτέρους, ἀλλὰ θείους αἰδεῖσθαι ναοὺς τοὺς ἄλση καὶ λειμῶνας σεβαζομένους.*

47. Εἶδες τάφου δύναμιν, σθένος ἔθνους ὅλου καταπαλαίσαντος; εἶδες τάφου δύναμιν, συμβοσκηθῆναι λύκον μετὰ ἀρνὸς παρασκευάσαντος, κατὰ τὸν Ἠσαΐαν, καὶ πάρδαλιν μετὰ ἐρίφου συναναπαύσασθαι; εἶδες σοροῦ δόξαν ὡς ἡλιακὰς αὐγὰς προβαλλομένην τὰ

---

46. Варваръ, пораженный этимъ, обѣщалъ все сдѣлать какъ можно скорѣе. Давъ вольность и свободу христіанамъ, онъ поручилъ имъ и ходатайство предъ Богомъ и предъ святымъ. И вотъ устраивается щедрое возженіе свѣтильниковъ (освѣщеніе), и всенощное стояніе, и пѣснопѣніе; варвары освобождаются отъ божественнаго гнѣва, устраивается нѣкоторое примиреніе и сдѣлка ихъ съ христіанами, и они уже болѣе не оскорбляли святыни, не попирали божественныхъ жертвенниковъ, уже не отнимали болѣе нечестивыми руками божественныхъ сокровищъ, уже не оскверняли храмовъ кровію. Одинъ гробъ былъ достаточно силенъ для того, чтобъ обличить безуміе варваровъ, прекратить смертоубійство, остановить звѣрство, привести [людей], болѣе свирѣпыхъ, чѣмъ волки, къ кротости овецъ и заставить тѣхъ, которые покланялись рощамъ и лугамъ, уважать божественные храмы.

47. Видишь ли силу гроба, поборовшаго силу цѣлаго народа? Видишь ли силу гроба, заставившаго волка пастись рядомъ съ агнцемъ, какъ это говорится у Исаіи, и тигра покоиться вмѣстѣ съ козленкомъ? Видишь ли славу гроба, сіяющую чудесами, какъ

3 *θεὸν* P, *τὸν Θεὸν* Va **13** *σθένος* Va, *σθένους* P
15 Esai. 11, 6.

*θαύματα; εἶδες κόνιν πολλῶν οἰστῶν καὶ δοράτων ἰσχυροτέραν;
εἶδες λειψάνων ἰσχὺν καρδίαν ἀντιτυποῦσαν μαλάξασαν; ὦ τάφε
φαινόμενε καὶ θησαυρὲ νοούμενε! ὦ τάφε τάφους ζημιώσας καὶ
πολλοῖς ζωὴν προξενήσας. ὦ σορός, ἧς ἡ δόξα μέχρις ἔφθασεν
ὁρίων ὠκεανοῦ! ὦ κόνις λικμήσασα βαρβάρους καὶ συντρίψασα
ὅπλον καὶ ῥομφαίαν καὶ πόλεμον! ὦ λείψανα κρυπτόμενα χρυσοῦ
τιμιώτερα, λίθων πολυτελῶν περιφανέστερα, βύσσου καὶ πορφύρας* 72
λαμπρότερα, βασιλέων δυνα||τώτερα, χριστιανῶν κράτος καὶ καύ- fol. 74 v
*χημα! ὦ θεῖον γεώργιον ἐπὶ γῆς σπαρὲν τῇ τοῦ πνεύματος γεωργίᾳ
καὶ ἕως οὐρανοῦ αὐξηθὲν καὶ εὐκαίρως τρυγηθὲν καὶ οὐρανίαις
ἀποθήκαις ἐναποτεθὲν καὶ κατὰ καιρὸν δαψιλῶς διανεμόμενον καὶ
μὴ πληρούμενον, διαθρυπτόμενον καὶ μὴ ἐλαττούμενον, διαδιδόμε-
νον καὶ μὴ κενούμενον, δαπανώμενον καὶ πληθυνόμενον! ὦ δένδρον
ὑψίκομον ἐν διεξόδοις πνευματικῶν ὑδάτων ἐμφυτευθὲν καὶ ἐν
καιρῷ τῶν καρπῶν τὰ θαύματα παρασχόμενον, οὗ τὸ φύλλον, τῶν
χαρισμάτων τὸ κάλλος καὶ πλῆθος, οὐδαμῶς ἀπορρυήσεται οὐδὲ
πληρωθήσεται!*

лучами солнца? Видишь ли прахъ сильнѣйшій многихъ стрѣлъ и копьевъ? Видишь ли <силу останковъ (мощей), сердце строптивое смягчившую>? О видимый гробъ и мысленное сокровище! О гробъ, <гробамъ ущербъ причинившій> и многимъ доставившій жизнь! О гробница, слава которой достигла до предѣловъ океана! О прахъ, развѣявшій варваровъ и сокрушившій оружіе, сѣкиру и войну? О скрываемые останки, драгоцѣннѣйшіе злата, свѣтлѣйшіе многоцѣнныхъ камней, пышнѣйшіе виссона и порфиры, могущественнѣйшіе царей, христіанъ сила и гордость! О божественное насажденіе, на землѣ посѣянное земледѣльчествомъ духовнымъ и выросшее до небеси, благовременно пожатое и сложенное въ небесной житницѣ, а въ свое время щедро раздаваемое и не восполняемое, раздробляемое и не уменьшающееся, раздѣляемое и не истощающееся, расточаемое и умножающееся! О древо высоколиственное, насажденное при исходахъ духовныхъ водъ и во время жатвы дающее чудеса, котораго листъ, то есть красота и полнота даровъ (Святаго Духа), никогда не отпадетъ, нижѐ увянетъ!

2 *λειψάνων* Ni* p. 35, *λείψανον* PVa || **14—16 Psalm. 1,3.**

48. Ὦ τῆς ἄνω Ἱερουσαλὴμ πολῖτα καὶ τῆς ἀληθινῆς σκηνῆς λειτουργὲ καὶ τοῦ ἀνεκφράστου κάλλους ἐπόπτα, ἐποπτεύοις ἡμᾶς ἄνωθεν καὶ περιέποις τοὺς σοὺς ὑμνητάς, ἐλευθερῶν μὲν ἁμαρτιῶν, ἐλευθερῶν δὲ πταισμάτων, ἀπαλλάττων θλίψεων, συμφορῶν, περιστάσεων, κινδύνων, παντὸς οὑτινοσοῦν ἀνιαροῦ. (ἔχομεν ἐκ τῶν θαυμάτων τῆς πρὸς Θεὸν παρρησίας σου ἐναργεῖς τὰς ἀποδείξεις·
73 *οὐκ ἀμφίβολος ἡ χάρις, ἡ πρεσβεία ἀκαταίσχυντος.) καὶ τοῦ μὲν τολμήματος τῆς τῶν σῶν ἐγκωμίων ἐγχειρήσεως σύγγνωθι, τῆς δὲ προαιρέσεως ἀπόδεξαι, ἐπεὶ καὶ Θεῷ τοῦτο εὐάρεστον· οὐ γὰρ προπετείας ὁ τρόπος, πίστεως δὲ διαπύρου τὸ σπούδασμα καὶ τῆς τοῦ εἰς τόδε συνωθήσαντος ἐγχείρημα φιλίας Ἰωάννου τοῦ κλεινοῦ καὶ τῶν καλῶν ἐραστοῦ. οὗ καὶ τῇ παραινέσει πεισθείς, ὡς ἂν μὴ παρακοῆς ἐπισπάσοιμι ἔγκλημα, εἰς τοῦτο ἐμαυτὸν καθῆκα τῶν ἐγκωμίων τὸ πέλαγος. καὶ χαίρω μὲν ἐν τούτοις ἡττώμενος, ὅσον ἐν ἄλλοις ἐπιφερόμενος τὰ νικητήρια· ἡ γὰρ τῶν λόγων ἧττα τῶν ἐγκωμιαζομένων ἔργῳ διαγράφει τὸ μέγεθος, τοῦτο δὲ τὸ ὑψηλὸν τῆς ἀρετῆς διαδείκνυσιν, ἡ δὲ τῆς πρὸς Θεὸν ἐγγύτητος ὑπεμφαίνει.*

---

48. О житель горняго Іерусалима и служитель истинной скиніи, зритель неизреченной красоты! Воззри на насъ свыше, сохраняй твоихъ пѣснопѣвцевъ, освобождая отъ грѣховъ, охраняя отъ паденій, спасая отъ ударовъ, бѣдствій, обстояній, опасностей и всякой скверны! Въ твоихъ чудесахъ мы имѣемъ дѣйствительныя доказательства твоего передъ Богомъ дерзновенія, недвусмысленную благодать, непостыдное заступленіе! Снизойди къ смѣлости, съ которою я взялся за предпріятіе похвалъ твоихъ, но благосклонно пріими (доброе) произволеніе, <поелику сіе> угодно и Богу! Ибо (мое предпріятіе) не есть проявленіе легкомыслія, но произведеніе горячей вѣры и дружбы къ подвигнувшему меня на него — знаменитому и славному Іоанну, любителю изящнаго. Побуждаемый его увѣщаніемъ, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ непослушаніи, я пустился въ это море похвалъ. Потерпѣвъ неудачу, я радуюсь столько же, сколько бы въ другихъ случаяхъ радовался, одержавъ побѣду. Ибо (въ этомъ случаѣ) словесное пораженіе только доказываетъ самымъ дѣломъ величіе восхваляемаго; оно обнаруживаетъ высоту добродѣтели, а сама она является ручательствомъ близости къ Богу. Того ради явися

τὸ βέβαιον. διὸ φάνηθι προστάτης, ἀρωγός, ὑπερασπιστής. δὸς ἡμῖν ἐγκωμίων πλείονας ἀφορμὰς τῇ τῶν θαυμάτων σου ἐπιδόσει ἐν τῇ πρὸς Θεὸν παρρησίᾳ σου. τὴν πόλιν σου ταύτην φρούρησον, τὴν ποίμνην σου ταύτην φύλαξον ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα εἰς τοὺς ἀπεράντους αἰῶνας τῶν || αἰώνων. Ἀμήν. fol. 75 r

---

намъ заступникомъ, помощникомъ и защитникомъ! Подаждь намъ еще больше поводовъ къ похваламъ (новою) придачею чудесъ твоихъ по дерзновенію твоему предъ Богомъ. Охрани градъ сей, соблюди сіе твое стадо во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, которому слава въ нескончаемые вѣки вѣковъ. Аминь.

---

74 # II.

КРАТКОЕ ЖИТІЕ СВ. СТЕФАНА СУРОЖСКАГО.

(По Халкинской рукописи № 75).

Синаксарь 15-го дня Декабря.

Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνήμη τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Στεφάνου τοῦ ὁμολογητοῦ ἀρχιεπισκόπου Σουγδαίας.

1. Οὗτος ὁ ἀοίδιμος καὶ παναγιώτατος πατὴρ ἡμῶν Στέφανος
πατρίδα μὲν ἔσχεν ἐν χώρᾳ τῶν Καππαδοκῶν, κώμης καλουμένης
Μοριβάσου. γονέων εὐσεβῶν καὶ θεοφιλῶν παῖς γενόμενος ἐπεδόθη
75 *παρ' αὐτῶν τὰ ἱερὰ γράμματα ἐκμανθάνειν, καὶ πάντας τοὺς ἐκεῖσε*
συνηλικιώτας καὶ προκαθημένους ἐν τῇ σχολῇ τῶν γραμμάτων
ὑπερηκόντισε. καὶ ἐν τῷ ὀκτωκαιδεκάτῳ ἔτει τῆς ἡλικίας αὐτοῦ τὴν

Въ тотъ же день память преподобнаго отца нашего Стефана исповѣдника, архіепископа Сурожскаго.

Жизнь Стефана до постриженія въ монашество. — Архіепископская дѣятельность въ Сурожѣ. — Обличеніе царя-иконоборца и мученіе. — Возвращеніе къ паствѣ и кончина.

1. Сей незабвенный всесвятѣйшій отецъ нашъ Стефанъ родину имѣлъ въ странѣ Каппадокійской, (происходя изъ села) называемаго Моривасомъ. ‹Дитя› родителей благочестивыхъ и боголюбивыхъ, онъ отданъ былъ ими для изученія Священнаго Писанія. И онъ превзошелъ въ наукѣ всѣхъ тамъ сверстниковъ и начальствующихъ въ школѣ и, на восемнадцатомъ году возраста своего изучивъ внутреннюю и внѣшнюю (духовную и свѣтскую)

‹C = Codex Chalcensis›
5 *μοριβάσου* non *βοριβάσου* C   *γονέων* ‹*δὲ*›? Ni   **7** *σκολῇ* C

ἐντὸς γραφὴν καὶ ἐκτὸς εἰς ἄκρον ἐξασκήσας, γραμματικήν τε καὶ ποιητικὴν, ἀστρονομίαν τε καὶ γεωμετρίαν καὶ πᾶσαν τὴν ἐγκύκλιον παίδευσιν καλῶς ἐκδιδαχθεὶς, καὶ παρὰ πάντων πολυέραστος γίνεται.. τῶν δὲ γονέων αὐτοῦ τὸν βίον ἀπολιπόντων, πάντα τὰ προσόντα αὐτοῦ τοῖς πένησιν διανέμει. ξενιτευθεὶς δὲ τῆς πατρίδος εἰς τὰς Ἀθήνας ἐπέδραμεν· ἔσχεν γὰρ ἐπιθυμίαν τοῦ προσκυνῆσαι καὶ κατασπάσασθαι τὸν ναὸν τῆς Θεομήτορος. εὑρὼν δὲ ἐκεῖσε ἐνδογενεῖς τοῦ τόπου καὶ πατρίους φιλοσόφους τε καὶ ῥήτορας, πάντας προσομιλήσας καὶ διαλεχθεὶς οὐκ ὀλίγα, ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀπέστρεψεν. καὶ πάντων τῶν προυχόντων τὴν γνῶσιν γνώριμος καὶ ἀγαπητὸς γίνεται διὰ τὸ ἄκρον τῆς ταπεινώσεως αὐτοῦ καὶ τὴν ἡδύτητα τοῦ λόγου. ἐμβὰς δὲ ἔν τινι μοναστηρίῳ τὴν κόμην ἐκείρατο· ἐπεπόθει γὰρ τὸν μονήρη καὶ ἀσκητικὸν βίον. καὶ οὐκ ἀπέτυχεν οἷς ἐπεπόθει.

2. Κατὰ δὲ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον τῆς περιωνύμου πόλεως Σουγ- 76
δαίας πρόεδρος τὸν βίον ἀπολιπόντος καὶ πρὸς Κύριον ἐκδημήσας, χρεία καὶ ζήτησις ἐγένετο ἑτέρου ἀρχιερέως. εὑρὼν δὲ ἡ ἐκκλησια-

---

письменность, грамматику и піитику, астрономію и геометрію и хорошо усвоивъ весь кругъ образованія, сдѣлался для всѣхъ многожеланнымъ. Когда же родители его разстались съ жизнію, онъ все свое имущество раздѣлилъ нищимъ и, удалившись изъ своего отечества, прибылъ въ Аѳины, ибо имѣлъ желаніе поклониться и приложиться во храмѣ Богоматери. Нашедши туземныхъ, исконныхъ тамъ философовъ и риторовъ, онъ со всѣми бесѣдовалъ и немало съ ними разсуждалъ, а затѣмъ прибылъ въ Константинополь и сдѣлался извѣстнымъ и возлюбленнымъ для всѣхъ выдающихся знаніемъ по причинѣ крайней кротости своей и пріятности своего слова. Вступивъ въ одинъ монастырь, онъ въ немъ постригся, ибо возлюбилъ монашескую и подвижническую жизнь; и онъ достигъ того, чего возжелалъ.

2. А въ это время предстоятель славнаго города Сугдэи (= Сурожа) разлучился съ жизнію и преставился ко Господу; посему была потребность и происходили поиски другаго архіерея. Такъ какъ церковный чинъ находилъ, что славный мужъ

2 *γϊόμετρίαν* C **7** *κατασπάσασθαι* Va, *κατασπάσαι* C **7** sq. *ἐνδογενεῖς* Ni, *ἐνθαγενῆς* C **9** sq. *ἐπέστρεψε* Va **11** *ἰδύττηταν* C **13** *οἷς* Va, *εἶς* C **14** *τῆς* C, *τοῦ τῆς* Va, *ὁ τῆς?* Ni **14** sq. *σουγδίας* C **15** *τὸν βίον* Va, *τοῦ βίου* C *ἀπολιπὼν?* Ni *ἐκδημήσαντος* Va **16** *εὑρόντες?* Latyšev

στικὴ τάξις τὸν ἀοίδιμον ἄνδρα καὶ διὰ τὴν προσοῦσαν αὐτοῦ ἀρετὴν καὶ τὸ εὐσταθὲς τοῦ ἤθους καὶ τοῦ λόγου βρίθοντα καὶ ὀρθῶν δογμάτων ὑφηγητήν, ψήφῳ καὶ δοκιμασίᾳ τῆς θείας καὶ ἱερᾶς συνόδου καὶ αὐτοῦ τοῦ τοῦ ἀποστολικοῦ θρόνου ἰθύνοντος — Γερμανοῦ, λέγω, τοῦ ἁγιωτάτου καὶ ὁμολογητοῦ — εἰς τὸν ἀρχιερατικὸν θρόνον ἀνάγεται ὁ πανιερώτατος Στέφανος. καὶ τίθεται τὸ φῶς ἐπὶ τὴν λυχνίαν καὶ φέγγει πᾶσιν τοῖς ἐκεῖσε μὴ μόνον πιστοῖς, ἀλλὰ καὶ ἀπίστοις, οὐ μόνον τοῖς ἐγγύς, ἀλλὰ καὶ τοῖς πόρρω· δίκην ἡλίου πάντας καταφωτίζει καὶ καταγλαΐζει τῷ φαεινῷ αὐτοῦ βίῳ. καὶ στέλλεται ὁ ἀοίδιμος εἰς τὴν λαχοῦσαν αὐτῷ ποίμνην.

3. Παραχωρήσαντος δὲ τοῦ Θεοῦ καὶ ὁ ἀνάξιος τῆς βασιλείας Ἀρμένιος Λέων, ἀναξίως καὶ τυραννικῶς κρατήσας τὴν αὐτοκρατορίαν, κατὰ τῶν θείων ἁγίων καὶ ἱερῶν εἰκόνων πόλεμον ἀνερρί-
77 *πισεν σφοδρότατον, καὶ πάντας οὓς εὗρεν πιστοὺς καὶ ὀρθοδόξους φυλακαῖς καὶ ἐξορίαις καὶ πικραῖς τιμωρίαις κατεδίκασεν. καὶ σχεδὸν*

отличался выдающеюся добродѣтелью, постоянствомъ во нравѣ, силою въ словѣ, и былъ учителенъ въ правильныхъ догматахъ, то по опредѣленію и испытанію божественнаго и священнаго собора, а также и самого правящаго апостольскимъ престоломъ, — я разумѣю святѣйшаго Германа исповѣдника, — всесвященнѣйшій Стефанъ возводится на архіепископскій престолъ, полагается свѣтъ на свѣтильникъ и свѣтитъ <всѣмъ> тамъ находящимся, не только вѣрнымъ, но и невѣрнымъ, не только близкимъ, но и отдаленнымъ; на подобіе солнца, онъ всѣхъ освѣщаетъ и веселитъ свѣтлою своею жизнію; и отправляется славный къ доставшемуся ему стаду.

3. Вслѣдствіе попущенія Божія, недостойный царства Левъ Армянинъ, недостойно и тираннически захвативъ самодержавную власть, возжегъ сильнѣйшую брань противъ божественныхъ святыхъ и священныхъ иконъ и всѣхъ, сколько находилъ, вѣрныхъ и православныхъ присуждалъ къ темницамъ, изгнанію и горькимъ мукамъ, и когда онъ потрясъ, можно сказать, всю землю, нечестивое его повелѣніе достигло и знаменитаго града

1 *πρὸςούσαν* C, *προϊοῦσαν* Va *αὐτῷ?* Ni **2** *τὸν λόγον?* Ni *βρίθοντα* Va, *βρίθοντος* C **4** *τοῦ ἀποστολικοῦ θρόνου] τὸν ἀποστολικὸν θρόνον?* Ni **7** *μὴ] μὶ* C, *οὐ* Va **7** sq. *πιστοῖς — ἀπίστοις — τοῖς ἐγγὺς* Va, *πιστοὺς — ἀπιστοῦς — τοῦς ἐγγεις* C **9** *φαεινῷ* Va, *φαïνὸν* C **10** *αὐτῷ* Va, *αὐτοῦ* C

εἰπεῖν πᾶσαν τὴν γῆν σαλεύσας, τὸ μιαρὸν αὐτοῦ δόγμα ἔφθα-
σεν καὶ ἐν τῇ περιωνύμῳ πόλει Σουγδαίᾳ. καὶ πέμψας ὁ θὴρ
Λέων λύκους Ἀράβους συνασπιστὰς αὐτοῦ καὶ συμπράκτορας, καὶ
τὸ πρόβατον τοῦ Θεοῦ κατήρπαξαν· καὶ ὡς μαθητὴς τοῦ διδασκάλου
αὐτοῦ ὡς ἀρνίον ἄκακον ἠκολούθει αὐτοῖς οὐκ ἐρίζων οὐδὲ κραυ-
γάζων. καὶ κατελθόντες εἰς τὸν αἰγιαλὸν — ὢ τοῦ θαύματος! — τὸ
εὐχρηστότατον καὶ ἱερώτατον καὶ ἁγιώτατον σκεῦος, ὥσπερ τινὰ
ἄχρηστον φόρτον, ἐν τῇ νηῒ ῥίψαντες ἐξώρμησαν. καὶ πολλὰ κατὰ
τὸν πλοῦν παθόντες, ὁ ἱερώτατος Στέφανος ἔφθασεν ἐν τῇ βασι-
λίδι τῶν πόλεων. καὶ ἐκβὰς ἐκ τοῦ πλοίου ὁ γενναῖος οὗτος ἀνὴρ
καὶ θωρακισάμενος τὴν πανοπλίαν τοῦ ἁγίου πνεύματος συνεπλάκη
τῷ θηρί. καὶ βρυχησάμενος ὁ Λέων, οὐκ ἔπτηξεν ὁ ἀδάμας, οὐκ
ἐδειλίασεν ὁ γενναῖος. καὶ ἀπὸ τῶν γραφικῶν καὶ πολλῶν δογμάτων
καὶ τοῖς πνευματικοῖς βέλεσιν τοῦτον κατέτρωσεν καὶ τὸ ἀνίσχυρον
αὐτοῦ θράσος κατέβαλεν, καὶ βροντήσας ὁ ἅγιος κατέπτηξεν τὸν δυσ- 78
σεβῆ καὶ κατεφόβησεν αὐτόν. καὶ φησὶν ὁ γενναῖος μεγάλῃ τῇ φωνῇ·
«Ὦ βασιλεῦ ἀνάξιε τῆς βασιλείας! ἡ τιμὴ τῆς εἰκόνος καὶ ἡ προσκύ-

---

Сугдэи. И посылаетъ звѣрообразный Левъ волковъ — Аравитянъ, оруженосцевъ своихъ и сотрудниковъ, и они похитили Божью овцу; и ученикъ учителя своего, какъ незлобивый агнецъ, послѣдовалъ за ними, не поднимая спора, ниже вопля. И достигнувъ берега, они — о чудо! — всеполезнѣйшій, священнѣйшій и святѣйшій сосудъ, какъ нѣкоторый негодный грузъ, ввергнувши въ корабль, отплыли. И, много пострадавъ во время плаванія, священнѣйшій Стефанъ достигъ царствующаго города. И, сошедши съ корабля, сей воинственный мужъ, облачившись во всеоружіе Святаго Духа, схватился со звѣремъ; и зарычавшій Левъ не испугалъ ‹непреклоннаго›; не убоялся мужественный (воитель), но поразилъ его отъ Писанія и многихъ догматовъ, духовными ‹стрѣлами ранилъ его› и ниспровергъ безсильную его дерзость; прогремѣвъ, святой привелъ въ ужасъ нечестиваго и навелъ на него страхъ. И сказалъ мужественный громкимъ голосомъ: «О царь,

2 *σουγδαΐα* C, *Σουγδαίας* Va *πέμψας* C, *πέμπει* Va *θῦρ* C, *θηριώδης* Va **4** *ως* C, *ὁ* Va **5** *αὐτοῖς* Va, *αὐτοῦς* C **6** *κατελθόντες* Va, *κατελθόντως* C **8** *νηῒ* Ni, *νιῶ* C, *νηῷ* Va **9** *παθόντες* Ni, *παθόντως* C, *παθόντος* Va **12** *τῷ θηρί* Va, *τὸν θῦραν* C *βρυχησάμενος* Va, *βυθησάμενος* C *ὁ ἀδάμας* Ni, *ὁ αδάμαν* C, *οὐδαμῶς* Va **14** *βέλεσιν* non *μέλεσι* C, cf. Ni* p. 51 sq. **16** *φησὶν* Ni, *φῦσ* C, *ἔφη* Va

νησις, ὥς πού τις φησὶν, ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει». καὶ ἄλλα πλεῖστα εἰπὼν ὁ ἅγιος ἐφίμωσε τὸν Λέοντα, ὥς ποτε Δανιήλ. καὶ ἀλλοιώσας τὴν ὄψιν εὐθὺς ἀπεφήνατο τοῦ τιμωρῆσαι τὸν ἅγιον· καὶ εὐθὺς οἱ ὁμογνώμονες τοῦ θηρὸς εἰς τὴν γῆν τὸν ἅγιον κατέβαλον, καὶ οἱ μὲν λὰξ ἐντείνοντες, οἱ δὲ ξύλοις παίοντες, ἕτεροι λίθοις βάλλοντες, καὶ πολλὰ τιμωρηθεὶς ὁ ἅγιος, εἰς φρουρὰν αὐτὸν κατέκλεισαν.

*4. Καὶ πολλὰ ὑπομείνας καὶ καρτερήσας καὶ νικήσας εὐδοκίᾳ
Θεοῦ, διά τινος γυναικὸς Εἰρήνης (καὶ τῷ ὄντι αὐτῆς εἰρήνης) ἀπε-
λύθη ὁ ἅγιος τοῦ δεσμοῦ. καὶ ἐπανελθὼν ὁ ποιμὴν ὁ καλὸς εἰς τὸ
ἑαυτοῦ ποίμνιον καὶ εὑρὼν τὰ λογικὰ αὐτοῦ πρόβατα ἐν πολλῇ
θλίψει μεμεστωμένα· καὶ ἰδόντα τὸν ποιμένα τὰ πρόβατα ἐχάρησαν*
79 *χαρᾷ μεγάλῃ ἀνεκλαλήτῳ. καὶ καλῶς ποιμάνας καὶ διδάξας τὸ
ἑαυτοῦ ποίμνιον καὶ πολλὰ θαύματα κατεργασάμενος τὰ μὲν πρὸ
τῆς κοιμήσεως, τὰ δὲ μετὰ τὴν κοίμησιν, καὶ τῇ πεντεκαιδεκάτῃ
τοῦ δεκεμβρίου μηνὸς πρὸς Κύριον ἐξηδήμησεν.*

Ταῖς αὐτοῦ πρεσβείαις, ὁ Θεὸς, καὶ ἐλέει καὶ σῶσον ἡμᾶς.

недостойный царства! Честь образу и поклоненіе, какъ <гдѣ-то нѣкто говоритъ>, восходитъ къ Первообразу. Сказавъ другое многое, святой заградилъ уста Льву, какъ нѣкогда Даніилъ; но измѣнившись въ лицѣ, тотъ тотчасъ повелѣлъ казнить святаго, и тотчасъ <единомышленники> звѣря повергли святаго на землю, и одни попирали его ногами и били палками, другіе бросали въ него камнями. И, когда святой много пострадалъ, заключили его въ темницу.

4. Много испытавъ и вынесши, но одержавъ побѣду, по благости Божіей, святой, чрезъ посредство нѣкоторой жены (по имени) Ирины, и въ самомъ дѣлѣ сущей Ирины[1]), былъ освобожденъ изъ заключенія. И, возвратившись къ своему стаду, пастырь добрый нашелъ словесныхъ своихъ овецъ исполненными многаго сокрушенія, но, узрѣвши пастыря, овцы возрадовались великою, несказанною радостію. И, хорошо упасши и научивъ свое стадо, сотворивъ много чудесъ, одни прежде успенія, другія послѣ успенія, онъ переселился ко Господу въ пятнадцатый день Декабря мѣсяца. Его же предстательствами, Боже, и помилуй и спаси насъ!

1 *ὥς πού τις φησὶν* Ni, *ὡς ποῦ τὴς φῦ* C, *ὡς ποιητοῦ τῆς φύσεως* Va *διαβένη* non *διαμένει* C **3** *ἀλιώσας* C **4** *ὁ|μο|γνώμονες* secunda vocis syllaba in intercolumnio manu recentiore suppleta C, *γνώμονες* Va **11** *ἰδόντα* Va, *ἰδὼν* C

1) То есть, умирительницы, такъ какъ слово Ирина по-гречески значитъ миръ.

III. 80

ЖИТІЕ СВ. СТЕФАНА СУРОЖСКАГО.

(По рукописи Моск. Дух. Академіи, № 90).

Мѣсяца Декамвріа 15, преподобнаго ѡтца нашего Стефана исповѣдника, архіепископа Соурож'скаго, ѡ житіи и ѡ оуспеніи. (*На полѣ:* Благослові ѡтче).

I.

Рожденіе и воспитаніе Стефана; его успѣхи въ наукахъ; прибытіе въ Константинополь. Его слава и вниманіе къ нему патріарха Германа. Постриженіе въ монашество и подвиги.

1. Сій оубѡ преподобный ѡтець нашь Стефанъ. бѣ ѡтъ ве- л. 326
ликыя Каподокіа, села Морисава. христіаноу родителю сынъ.
кормяста же его зѣлѡ с любовію родители его. бѣаше бѡ изъ
дѣт'ска възраста зѣлѡ добръ нравъ имый. възʼдръжася ѡтъ
дѣт'скыхъ глумленій. Егда же бысть сед'ми лѣтъ. вдаⷩ҇ бысть
родителема своима на оученіе святымъ книгамъ. Бѣ же ѡтрокъ
имѣя оумъ ѡстръ внимая оученію и в' малѣ годѣ извыче. бѣаше
бѡ зѣлѡ любѧ оученіе. имѣя страхъ Божій в' себѣ и смѣреніе
веліе. оумъ си оустремивъ день и нощъ на выченіе, желаа болшихъ оученій. Егда же бысть пятинадесять лѣтъ. и ѡтъиде
ѡттуду в лѣто Феѡдосіа царя Анʼдраминдина, и патріарха Германа святаго. и пріиде въ Царьградъ кончати хотя недоꙋченое 81

5 сл. *Рум. № 435:* «Ѿ великіѧ Кападокіискыа страны села Мориваса». *Рум. № 434:* «Ѿ страны Кап'подоскыя великия Ѿ родителю христіаноу».

л. 327 оученіе. прилежати нача тоу зѣлѡ кни||жномоу почитанію да боудеть до конца хитръ. и естьствомь бяше рекше родомъ до конца смысленъ. да тѣмъ всю хитрость скоро в̕ себе въвлече ꙗко гоуба воду. извыче же всю граматикію и риторію и философію изъ устъ. и превзыде учитель всѣхъ иже бѣша въ Цариградѣ. ꙗкоже всѣмъ видящимь и слышащимъ дивитися ѡ мудрости его. бѣаше бѡ душа его и лице ѡсвящен̕но духомь. не точію бѣаше исполненъ человѣческыя мудрости, но и божественаго разоума. слово бѡ дѣлы добрыми оутворено вѣры достойно творитъ. а безъ дѣлъ добрыхъ роугателя и лестьца и своихъ словесъ коудителя ꙗвляетъ глаголющаго. аще и зѣлѡ подвижится оуча. а семоу чюдномоу моужоу ѡбое то бѣаше. еже хитрѣ оучити и добра дѣла имѣти. имиже влагаше реть послоушающимь его. но понеже прослыло имя его въ всемъ Цариградѣ. ѡ моудрости и ѡ разоумѣ и ѡ смѣреніи его. бѣаше бѡ оумъ си възнося на духовныя разоумы подвизаашеся зѣло. да ничтоже л. 327 об. его въ святѣмъ писаніи гонь||знеть.

2. Той же божественый патріархъ Германъ ѡтъ многыхъ слышавъ ѡ немъ. призвавъ и̓ к̕ себѣ и благослови его. ѡн̕ же поклонив̕ся цѣлова святоую роуку его. въпроси и̓ патріархъ. коея страны еси. ѡнъ же рече, Каподокійскыя страны Стефанъ рабъ твой. и видѣвъ и̓ патріархъ ѡстрымъ оумомъ. ꙗко до конца извыклъ бѣ вся хитрости. ничтоже бѡ его гон̕зе. повелѣ емоу часто приближатися себѣ же и церкви поспѣшеніа. наипаче любити и̓ нача. и възлюби добротоу сердца его. изрядно любяше его. видя его смѣреніе. ꙗко спроста набрежааше всякіа славы. или величаніа жизни сея. и пребысть ту въ градѣ лѣтъ 15. въ чистотѣ акы въ церкви святѣй живый. потыкаем̕ же бысть совѣстію. ꙗкоже не довлѣти иже въ градѣ труди славы мира сего. но паче добрѣйши съвратитися въ молчащее житіе. ꙗко съ грѣхомъ есть соуды и труды жизни сея. и сіи помысливъ оутаився ѡтъиде ѡттуду. и въниде въ единъ ѡтъ монастирь. желая л. 328 черне||чскаго жытіа. наипаче любя мол̕чаніе пребывати къ 82 Богоу единомоу бесѣдовати въ молитвахъ. и постриг̕ся тоу, и ѡбрѣте мѣсто темно. и пребысть ту лѣтъ 30. Богови живый постомъ и молитвою. ѡбученіемъ б̕дѣніемъ присно на мол̕бѣ стоя. не дая себѣ покоя беспрестани день и нощь.

II.

Смерть архіепископа въ Сурожѣ и прибытіе Сурожанъ въ Царьградъ для отысканія достойнаго преемника. — Видѣніе патріарха Германа. — Явленіе ангела Стефану, сопротивленіе и покорность послѣдняго. — Патріархъ Германъ посылаетъ за Стефаномъ, онъ является и выслушиваетъ заявленіе объ избраніи его въ архіепископа Сурожу; новое сопротивленіе Стефана, затѣмъ согласіе и посвященіе въ діаконскій и потомъ въ пресвитерскій санъ.

3. И тако тоу соущу святому прежни архіепископъ соурожскый именемъ Стефанъ оумре. и пріидоша Сурожане къ царю, и патріархоу. просяще архіепископа граду своемоу. абіе же в҆зысканію бывшоу ѡ поставленіи архіепископа Соурожу. ти ѡвомоу сего поминающу. ѡвому иного хотящу поставити. друзіи же вертяхоуся мнозіи на ся санъ кождо стяжаще. ѡвіи сіа, ѡвіи ѡныя молящи. не соущеꙗ же на потребу. да се видяще вѣрніи ти моужи Соурожане. пріидоша къ царю и патріарху. глаголюще, въ градѣ нашемъ мало христіанъ. а множество поганыхъ еретикъ велми злыхъ. да хощемъ архіепископа достойна чти святительства того. и добрѣ могуща правити || людіи. и многажды л. 328 об.
съвѣтоу бывшу ѡ томъ ищуще таковааго и не ѡбрѣтааху. но ꙗкоже рече Господь. не можетъ градъ оукрытися верху горы стоя. ни свѣтилникъ горя древянымъ покрывается спудомъ. но на свѣщницѣ поставляють и҆ да свѣтить в҆сѣмъ. ѡткры Богъ сего Стефана на словесную лучю в҆сѣмъ. иже зѣлѡ бяхоу піани невѣр҆ствіемь.

4. Германоу же патріархоу нощію бдящоу. и ѡбычноую пѣснь поющоу. нощнаго правленіа молящоу Бога. ꙗвися ему ангелъ Господень, и глагола к немоу. въставъ заоутра и посли идѣже избран҆никъ Божій именемъ Стефанъ. имать оуже 30 лѣтъ въ ѡномъ мѣстѣ темнѣмъ. ти того приведъ постави архіепископа Сурожу. хощетъ бѡ Богъ имъ многы люди ѡсвѣтити. и на оувѣ- 83
даніе себѣ привести. и показати его единосоущенъ апостолъ. съсудъ из҆бранъ есть Христоу Богу. и к нему посланъ есмь ѡтъ Бога. повелѣти ему не ѡслушатися тебе ни при чемже. но сътворити в҆се глаголемое ему ѡтъ тебе. и рече па||тріархъ къ аг- л. 329
гелу. Господи како оувѣдѣ азъ мѣсто. и того из҆бран҆наго Бо-

13 слл. Матѳ. 5, 14, 15.

гомъ Стефана. и тоу аггелъ абіе поимъ дѣтищъ ѡтъ патріарха, показа ему мѣсто идѣже бѣ святый. и ѡтпусти ѝ къ патріарху. рекъ, тоу оутре ѡбрящете, егоже рекохъ изъбран'ника Божіа.

5. Бѣаше же блажен'ный в той часъ в темнѣмъ мѣстѣ ѡномъ творя ѡбычныя молитвы съ умиленіемъ къ Богу. внезапу же оубѡ пріиде къ немоу аггелъ Господень въ ѡдежи свѣтлѣ. егоже оубояв'ся зѣлѡ и паде на земли трепеща весь. емъ же ѝ аггелъ за роукоу въстави ѝ, глаголя. въстани не бойся моужоу желаніа добра новый Даниле. в немже изволи жити Духъ Святый. чистоты дѣл'ма сердца твоего. ꙗви же ся емоу аггелъ ꙗко человѣкъ. блажен'ный же събравъ сіи оумъ рече к нему. кто еси Господи. имже видъ твой възъмяте мя. и оужасть нападе на мя. се же ѡтвѣщавъ рече к нему. азъ есмь аггелъ Господень. посланъ есмь к тебѣ ѡтъ Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. повѣдати ти
л. 329 об. радо||сть ѡтъ него велику. тебѣ дасть Господь истинѣ видѣніе. ꙗкоже кормити люди твоими оусты ꙗдію негибноущею но пребывающею въ жизнь вѣчную. и заградити оуста еретичскаа. глаголющая неправду на Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа. и въспомянути тебѣ словеса его, ꙗже глагола. ꙗко не требують здравіи врача, но болящіи. и не пріидохъ призвати праведныхъ, но грѣшныхъ на покааніе. да нѣсть ти на потребоу къ тому зде сѣдѣти. но велит'ти пославый мя Господь Богъ нашь Іисусъ Христосъ ити в' Соурожь. оустроити церкви Господня оученіемъ твоимъ. собрати люди многы на вѣрованіе Христово. и спасти
84 в'ся ѡтъ капищныя прельсти. не точію се, но и дроугіа наоучи каатися. възвратитися пръвыхъ грѣхь. и в'зяти царство небесное.

6. Блаженый же Стефанъ припадъ къ стопамъ его, глаголя. Господи мой. кто есмь азъ грѣшникъ. и всѣхъ человѣкъ хоужи. да буду доволенъ на то, ѡ нем'же глагола. нѣсмь достоинъ то-
л. 330 ликы пріати слоуж'бы. немощенъ сый; ѡтвѣ||щавъ же аггелъ рече ему. нѣси ли почиталъ въ писаніи. что рече Богъ Мѡѵсеѡви. егда посла его къ Фараѡноу царю егѵпетскомоу, извести Изральтянъ. ꙗко дамъ тя рече бога Фараѡноу. и мощна тя сътворю ѡ всемъ дѣлѣ. и тебе оубѡ тойже мощна сътворить. и дасть ти даръ служ'бы своея на дѣло на неже тя постави. токмо ты

8 сл. Прор. Даніила, 10, 10—12. 19 слл. Матѳ. 9, 12. 13. 33 слл. Исходъ, 7, 1.

възмози и крѣпися. ти сътвори еже ти повелѣно Богомъ. не
мози никакоже ѡслушатися. не потаи данаго ти дара ѡтъ Бога,
на глаголаніе и съвѣщаніе и оутверженіе людій его твоимъ уче-
ніемъ. ихже ради Христосъ кровь свою пролія, да спасетъ ꙗ ѡтъ
льсти. глаголи слово Божіе безъ боязни. въспомяни Господа рек-
шаго, не бойся малое мое стадо се. имже изволи ѡтецъ мой
царьство дати. и ты оубѡ не бойся. имже изволи благо Христосъ
Богъ нашъ с тобою. и тобою ѡсвѣтити многи душа. имаши же
и въ печали и въ бѣды многи пріити правды ради душевныя. но
терпи аки крѣпкый воинъ. тѣмъ бѡ царство || Божіе пріимеши. л. 330 об.
оутрѣ бѡ патріархъ хощетъ звати тя послати в' Соурожь архі-
епископа. не ѡслоушайся его да не разгнѣвиши Бога. но сътво-
риши повелѣная имъ. оуже бѡ есть ꙗвлено ѡ томъ и ѡ тебѣ
патріарху. и се слетъ церковникы своя по тебе. и се рекъ аггелъ.
глагола к немоу миръ тебѣ. крѣпися и възмози, і абіе в'зиде на
небо.

7. Святый же в недооумѣніи бысть. в'сю нощь безъ сна
пребысть. съ слезами Бога моля. страхомъ ѡбіатъ бывъ ѡ ви-
дѣніи. Преподобный же патріархъ Германъ се видѣвъ пребысть
многы часы акы забывся. чюдяся ꙗвленію в' кѹпѣ и дивяся.
оутру же бывшу сѣдъ пакы помышляше в' себѣ. чюдяся ѡ ви- 85
дѣніи. иже бѣ видѣлъ. и видѣша его иже с нимъ бяхоу сице суща
его. приступивше к нему моляхоуть й. да имъ повѣсть виноу.
сей же въздохноувъ из' глубины сердца и покывавъ главою
своею. прослезися рече, ѡ чада. колико скровеныхъ рабъ иматъ
Богъ. имже нѣсть достоинъ миръ сей ни точенъ. поистинѣ. ꙗкоже
чюдни путіе твои Господи || и неиспытанна дѣла твоя. и пакы л. 331
рече, тайны царевы ѡбꙑꙗвляти не безъ блазна есть. но и зѣлѡ
бѣдоу приноситъ. тайны же Божія покрывше тоуже бѣду иматъ.
рекъ ти и болшу имже ѡ души. вѣчноую муку ключается пріати.
зане нѣсть подоба крыти сего. паче же еже хощетъ Богъ да
оувѣдять раба его. како есть на подражаніе любви его. иже
присніе к немоу прилежатъ. и потружаются ѡ своемъ спасеніи.
но молю вы вѣрніи и добрѣ мысленѣ слышите глаголемоую
рѣчь. тогда исповѣда имъ видѣніе аггелово и вся глаголанаа емоу.

5 сл. Луки, 12, 32. 27 сл. Римл. 11, 33.

8. И ту абіе въскорѣ посла по святаго два попа съ ѡтро-
комъ. емоуже ангелъ повѣда мѣсто. идѣже бѣ святый рекъ, да
не въз̓вратитеся къ мнѣ без него. но аще хощеть, или не хо-
щеть приведѣте его. блюдѣте же да не упустите его. дондеже
и̓ приведете к намъ. и шедше ѡбрѣтоша его. по ѡбычаю моля-
щася Богоу. и поклоншеся емоу глаголаша к нему. гряди ѡтче
л. 331 об. святый имже патріархъ || тя зоветъ. ѡн҆же глаголаше к нимъ.
кто есмь азъ человѣкъ оубогъ и грѣшенъ и страненъ, никимже
знаемъ. да мене ли хощетъ звати патріархъ святый вселенскій
оучитель невѣжу соуща и гроуба. но аще послани есте. то идѣте
къ иномоу. мене бѡ патріархъ святый нѣсть видѣлъ никогдаже,
ни мя знаетъ. да кое дѣло хощетъ имѣти до мене человѣка егоже
не видѣ никогдаже. паче же убога и стран҆на незнаема. ѡни же
пакы въпросиша имени его. ти. ꙗко онъ рече, Стефанъ. имя мое
86 есть рабъ Іисусъ Христовъ. ѡтвѣщавъше рѣша к нему ѡтче
святый, повелѣлъ ны есть патріархъ бес тебе не възвратитися к
себѣ. и паки и не хотяща приведоша его.

9. И вшедше къ патріарху. повѣдаша приходъ его. Великый
же патріархъ Германъ, и вси иже с нимъ срѣтоша его с҆честію.
молившемъся имъ къ Богу ти сѣдшимъ. възрѣвъ патріархъ къ
блаженомоу Стефану, рече. зѣлѡ въжадахъ видѣти честное твое
л. 332 лице преподобный ѡтче. понеже пове||лѣно ми Богомъ се сътво-
рити. тѣмъ же радуйся вѣрный чьстителю Христовъ святыя
церкви. миръ тебѣ исцѣлителю болящимъ душею и тѣломъ. по-
дражателю святыхъ апостолъ. миръ тебѣ. иже погроузи непріазнь
ѡб҆щаго всѣхъ насъ врага діавола. вѣрою Святыя Троица. ꙗкоже
Давидъ древле Голіада иноплемен҆ника на рати връженіемъ пращ-
нымъ треми камени. блаженъ градъ твой Сурожь. ꙗко тя хра-
нило духовное каменіа честнаго плъно намъ ѡбіави. блажени
людіе вси иже пріемлють духовныя твоеа трапезы божественаа
твоя словеса. и піюще с веселіемъ ѡтъ питіа твоего поꙋченіа.

10. Се же глаголющу патріарху. и вси слышаще и дивля-
хоуся. пакы же ѡтвѣща патріархъ рече емоу. Стефане егоже
Богъ почте. и възвыси дѣлъ твоихъ ради добрыхъ. попусти ны
скорѣе сътворити повелѣніе Господне. и сице бѡ намъ лѣпо есть
исполнити всяку правду. въстани пойдемъ въ церковь. да скон-
чаемь волю Господню. еже ѡ тебѣ повелѣно есть намъ. свя-

тый же || ѡтвѣщавъ патріарху глаголя. честный ѡтче молю л. 332 об.
твою святыню да ми повѣси что глаголеши. и что хощеши сътво-
рити на мнѣ. ти тако все велимое мнѣ тобою, и твоимъ препо-
добьствіемъ не ѡтвѣщаяся сътворю. патріархъ же рече. иже
из'бра Господь нашъ Іисусъ Христосъ своя ученикы и апостолы.
пославъ ꙗ в миръ съи ѡтсвѣтити ѡмер'кшая извѣстивъшаяся тоже.
и тебе из'бра цѣлителя и пастуха архіепископа граду Соурожу.
достойна суща сея чти. подражающаго сего истин'наго пастуха.
иже душу свою полѡжи за мысленыя ѡвца.

11. Ѡтвѣща святый рече, тяж'ко ми санъ есть епископьскый
в'селен'скый патріарше. выше бѡ мѣры моея и дѣлъ моихъ есть
се. азъ хоудый не могу сего носити. но прости мя ѡтче святый. 87
не бѡ есмь доволенъ на строеніе жизни сея. но на спасеніе своея
душа. хотя бѡ ю приѡобрѣсти. в'се ѡставихъ. упразднихся ѡтъ
мира сего. видѣвъ же патріархъ не прелѡжащуся оуму его ѡ
томъ. ни || пріемлюща повелѣніа его. епитемьею хотяше оувязати л. 333
его ѡслушаніа ради. паче же вѣдый святый Стефанъ, ꙗко съ
грѣхомъ есть ѡслоушаніе. ѡбаче рече, се предъ тобою есмь го-
товъ. сътвори еже годѣ святыни твоей. азъ бѡ уже ѡтселѣ не
ѡслоушаюся тебе ни при чем'же. и тако ему ѡбѣщавшуся. И тоу
абіе внидоста патріархъ и святый Стефанъ и вси клирици въ
церковь. и възложи патріархъ роукоу свою на главу святому. и
сътворивъ молитву знамена его подъꙗкомъ таже діакономъ.
скоро оубѡ посемъ постави и̇ презвѵтера. абіе прослове и пройде
ѡ немъ слава въ всемъ Кон'стянтинѣ градѣ. ѡтъ слышавшихъ же
ѡтъ патріарха ѡ немъ. и видѣвшихъ его изволена же бысть и
оустроена в' Сурожу. да будетъ архіепископъ. събравшужеся
народу многу. и церковнымъ мужемъ. жадаху бѡ его в'си ви-
дѣти. и хотяще слышати ꙗже ѡ немъ.

III.

Торжественное поставленіе Стефана въ архіепископа. — Бесѣда съ патріархомъ и отправленіе въ Сурожъ. — Встрѣча архіерея его паствою. — Пастырская дѣятельность Стефана, обращеніе еретиковъ и язычниковъ, проповѣданіе слова Божія и учительство, необычайные успѣхи и всеобщее усердіе къ его проповѣди пасомыхъ.

12. А царь велми зѣлѡ любляше и̇ егда въсхотѣ послати
понь. славно творя || поставленіе святому. създва епископы на л. 333 об.

съборъ. краснѣе хотя сътворити славное ему поставленіе. и
събрашася церковници и граднія боляре. и ведоша ѝ въ святую
церковь с подобною честію. и пришедшу цареви. и с нимъ множ'-
ство дроуговъ и рядникъ. иже въ воинѣхъ сановитіи бѣахоу. и
народъ многъ гражанъ. и наплънися вся церковь ѡтъ народа.
бывшу же оуставному чину. се болѣ часа зовущу на священіе.
въведоша преподобнаго Стефана на поставленіе в' санъ архіепи-
88 скопъскаго чину. тоже зде и по уставу священъ бысть архіепи-
скопъ Сурожу граду. и по ѡтпѣтіи церковнѣмъ. проси царь с
моужи своими благословеніа ѡтъ святаго. и в'си церковніи мужи
поклонишася ему. такоже и царь с мужи своими просяше ѡтъ
него молитвы ѡ нихъ къ Богу. ѡ немже моли Бога царю еже
на потребу и в'сѣм' людемъ. и сътворше праздникъ духовенъ ра-
зидошася.

13. И по малѣхъ дьнехъ призва патріархъ Стефана, побесѣ-
л. 334 дова ему еже ѡ спасеніи. || и ѿпусти ѝ в корабли к Сурожу.
блаженый же Стефанъ поклонися ему глаголя. молю тя убѡ
ѡтче святый, моли Бога за мя. и въспоминай ѡ мнѣ и да негли
мощна мя сътворитъ Богъ. и скон'чати в'се, ѡ немже есмь ѡбѣ-
щалъся. ѡтвѣщавъ же патріархъ рече к нему. иди чадо с ми-
ромъ. Господь добрѣ оустроить стопы твоя. и в'сю ти мысль
скон'чаетъ на добро и моливъ Бога зань. руку възложивъ благо-
слови его. и посла въ Сурожь, въсадивъ его въ царьскый ко-
рабль.

14. И по малехъ дьнехъ пріидоша к' Сурожу. таче ꙗко при-
ближишася къ граду. и изидоша мужи старѣйшины градныя на
срѣтеніе ему. и в'ведоша ѝ въ церьковь с подобною честію.
събраша же ся вси народи въ церковь, градніи и живущіи окрестъ
града. и приходящіи стран'ници. тоже не точію да ѝ видять. но
да и слышать поꙋченіе его. той же Святаго Духа силою просвѣ-
тив'ся нача беседовати к' народу повѣстьми многами. ти в'си
л. 334 об. чюдя || хуся ꙗже ѡтъ Бога ему дана есть мудрость. ти тако имъ
раздрѣшаше еже въ Божественѣмъ писаніи бѣдно разумѣти. за
вся бѡ и еже на долзѣ кто что пыташе. краткими словесы в'малѣ
сказаше имъ. еже вмалѣ то продол'жи житіе и велми оукраситъ.
ни дважды едино слово. рече же к нимъ, молитеся Богу ѡ мнѣ.
ꙗко велико бремя и тяж'ко носити поручено ми бысть. и стра-

шит' мя дѣло старѣйшин'ства священію не малы. Петру бѡ и
Павлу и Мѡѵсеоу. таковымъ есть пасти душа словесныя. азъ же
грѣшенъ есмь, паче в'сего сего. ѡбрѣтохъ бѡ еже писано. ꙗко
божественый честный папа Левъ, иже Римляномъ бысть пръвый
настольникъ. до 40 дьній пребысть оу гроба святаго апостола 89
Петра. въ молитвѣ и въ постѣ пребывая моля апостола, да молить
зань Бога. простити ему прегрѣшеніа его. и скончавшемъся
40-мь дьнемь. ꙗвися ему апостолъ, глаголя. молихъ Бога за тя.
ѡтпущени быша грѣси твои || кромѣ священіа. при семь единомь л. 335
истязанъ имаши быти. ѡтвѣщавше же рѣша ему. поистинѣ ѡтче
святый нѣсть пріалъ градъ нашъ никогдаже такова оучителя.
ꙗкоже есть твое святительство. да при томъ славимъ Бога милосердаго.
иже прислалъ тя нама вожа на добро. да крѣпися оубѡ
и възмѡзи рабе Божій, апостоле новый. ти плескааху. възводяще
гласъ горѣ. ѡво ѡкройницами пашуще. ѡвы же скуты
кожулными. ѡвіи роучными оуброусы. а друзіи вѣн'ци въпіюще
и глаголюще. поистинѣ достоинъ еси стола сего третійнадесять
апостоле. Христосъ, тя послалъ к намъ есть, да спасеть душа
наша. и напоиши ѡтъ источникъ спасеньихъ еже ти далъ есть.

15. Сѣдъ же святый на архіепископьскомъ столѣ. моли Бога.
и миръ давъ людемъ, поꙋчивъ ѡтпусти ꙗ. пріим же оубѡ церковное
правленіе. не престая учаше людіи. не точію въ церкви
но и в' домѣх и на торжищихъ, еретики препираа. крѣпко хотя
създати правду. сице бѡ творять || премудрыя древодѣля. пръвое л. 335 об.
разорять зданіе л'жее. послеже положать основаніе истин'ное.
ꙗкоже глаголеть пророкъ, рекій. поставихъ тя въ языцѣхъ. и
царства съкроушать и покоповать и въздражать. ѡво аки ратію.
а дроугое аки зижущеи. ѡтъ сего мнози възвращахоуся ѡтъ
ереси. тако многи зловѣрныя оулови. бесѣдоваше же к нимъ толикы
приводя. иже ѡба ꙗзыка добрѣ вѣдяху. да сіи творя оутрь
въ градѣ многи прел'стившаяся оулавляше. апостольскаго проповѣданіа
истиноу указая. повелѣ же имь дѣти своя оучити божественымъ
книгамъ. и се оухитри ѡтлоучая ихъ и изрѣшая ѡтъ
сѣти тоя иже почитахоуть. и оуказаше имь божественаа словеса.
прослове же слава еже ѡтвсюду изиде ѡ немъ. бѣаше же до-

26 Іеремія, 1, 5, 10.

90 стойно сътворяя ѡтъ Бога. и сего дара хотящая последи быти
предиглаголаше. много же множство людій въ градѣ, и по мѣ-
стомъ тѣмъ. ѡвіи ѡтъ нихъ жряху капищемъ, а друзіи инако,
л. 336 не вядуще (такъ!) коему бы ся подобало Богу молити || и кланятися.
но слоужаху твари чресъ творца. слышавше же людіе поганіи, ѡ
блаженѣмъ Стефанѣ. ꙗко великъ есть рабъ Божій, чюдеса тво-
рить дивнаа. и вѣроваша въ Господь, и крестишася множьство
бес҆чисмене. и постави имъ множьство презвѵтеръ и діаконъ.
ꙗкоже довлѣти людемъ на слоужбу церковную. и жертву чистоую
и бескровноую полѡжи имъ. правленіа оуставы пѣсненыя пре-
дасть имъ, божественую тайну.

16. В малѣхъ же дьнехъ процвѣтоша въ Христову вѣру.
ꙗкоже мнозѣхъ преже вѣровавшихъ выше быти. радоваше же ся
блаженый Стефанъ. видя ꙗ всѣмъ сердцемъ подвижащоуся на
вѣроу. многы дръжимы различными недугы. приношахоу к немоу.
ти именемъ Господа нашего Іисуса Христа. вся исцѣляше ѡтпу-
щаше. и то видяще събирахуся множьство моужій и женъ ѡтъ
окрестныхъ мѣстъ града. хотяще видѣти его и слышати поȣченіе
его. слышаще его бесѣдующа к нимъ дивляхоуся паче славяще
л. 336 об. хвалами многами. не бѡ бяху николиже || видѣли ни слышали
таковаго оучителя преже сего въ градѣ томъ. да где и разоу-
мѣахоу народи и ꙗко хощеть бесѣдовати. вси тамо стечаахоуся
его ради въ церковь. рукодѣлници бѡ ѡставиша дѣла своя роуч-
ная и прихожаахоу. а строители градніи ѡставиша своя строеніа
скоро прихожаху. ти аще боудяше в той день творити позоръ,
или конемъ уристаніе. то в҆се ѡставлеши рано притечаахоу въ
церковь. да ся не лишатъ спроста рещи ни единаго словеси исхо-
дящаго изъ устъ его. т҆щету си то великоу мняще быти. слы-
шаще медомъ текущая та словеса радующеся успѣхъ пріемлюще
душевенъ и ѡбращахоуся въ свояси. таковъ бѡ даръ бѣаше
Господь далъ ему на глаголаніе величьствій своихъ безъ споны.
се же творяше имый въ сердци си Святаго Духа изъѡбилный
даръ кипящь. дающи ему божественая словеса. ꙗкоже ѡтъ та-
л. 337 цѣхъ словесъ мнози кающеся. многи слезы проливаху || изъ очію
своею.

91 17. Притечаще же и градстіи людіе, многажды и въ домѣхъ
и на трапезахъ и на торжищи та оученіа другъ другу пропове-

дахоу. и бѣ видѣти ѡтв'сюду нарѡдъ многъ на конихъ и на колесницахъ грядущь. полны оулици и торжища Богомь оутвореный градъ, и церкви быша. мнози же презвѵтери и клирици бяхоу оустроени на то. ѡвіи словеса почитающе оучахуть ꙗ законоу божественому. а дроузіи крестяще бѣша ѡглашеныя. ꙗкоже есть подоба. въздухъ ѡсвящашеся. еретици же на добрую вѣру прихожаху. христіанѣ Бога хваляху. видѣти же бѣ въ церкви радость и веселіе. събирающуся народу. и съвокупляющуся в ней. кающеся, ѡ немже бяхоу сългрѣшали. пръвое кланяющеся капищемь бездушнымъ. ꙗкоже скончатися пѣсномоу словеси. ꙗкоже глаголеть. ꙗко веселящимся всѣмъ жилище оу тебе. пооучивъ же всѣхъ много святый ѡ вѣрѣ, и ѡ всемъ еже в' законѣ. глаголаше, дръжите еже пріасте преданіе Христово. || л. 337 об.
не помышляйте пакы пръвыхъ вашихъ бѣсовъскыхъ съблазныхъ басній. но сътворите поставите церкви, призовите попы и четца. послоушайте ихъ въ всемъ. еже оучатъ вы божественымъ книгамъ. сами по вся дьни ходите въ церковь. празднующе въ з'боры. и на послушаніе Божественаго писаніа. и ѡтпоущая ихъ глаголаше. Богъ вы изведеть на в'сяку пол'зу вамъ Іисусъ Христосъ, емоуже вѣроваете. тако възвращахоуся кождо в домы своя с радостію. оученіемъ своимь за 5 лѣтъ крести весь градъ, и окрестная села его. семоу же Стефаноу таковъ даръ ѿтъ Бога дасться. пророчьскый хотящая послѣдь быти предиглаголаше. безъдомнымъ домъ бѣ. нагымъ ѡдѣніе. ал'чущимъ и жаднымъ питателя. насилуемымъ заступника. тако ему хранящу, и пасущу люди своя; да оубѡ иже ѿтъ Адама и до нынѣ, губяй человѣкы діаволъ. в то время възмути церковь въ Цариградѣ.

IV. 92

Начало иконоборства при Львѣ Исаврѣ; обличенія Германа патріарха; жестокое преслѣдованіе иконопочитателей и всеобщій ужасъ; ссылка патріарха Германа. — Прибытіе Стефана въ Царьградъ; торжественное обличеніе гонителя и заключеніе въ темницу. — Освобожденіе Стефана и возвращеніе въ Сурожъ.

18. Въздвижеся Левъ царь рекомый Савросъ. наоученъ ѿтъ двою жидовину. и рекоста два жидовина || къ царю. повели оубѡ л. 338
царю, да ѿтложатъ иконы и кресты. не вѣдуще ѡкаан'ніи. ꙗко

Мωѵсѣ то подобіе икон'ное сътвори. царь же мысль свою в'сю
прилωжа к нима. непріазнину тоу думу ωбѣщася има сътворити.
тако послушаше я въ сласть. тацѣми глаголы жидовина свою
мысль сътвориста еже хотѣста. то иже ωнъ к нима ωбѣщася.
крамолу възъдвиже на Христову церковь. повелѣ ставити иконы
высоко, да еже есть чистъ. да въсходя цѣлуетъ ꙗ. пакы повелѣ
повѣсити ꙗ глаголя. иконы пωдобаетъ къ стѣнѣ приг'вождати.
и ина многа нача въздвигати ωкаан'ный.

19. Патріархъ же святый Германъ възбраняше ему, глаголя. ωстанися начинаніа сего злаго. не бω се есть Христовыя
церкви. иже предаша святіи апостоли. и святіи ωтци уставиша,
но прокляша тѣхъ, иже тако творяху. но не оучини ты на ся
проклятіа. не боуди врагъ Божій. разумѣй како ти по в'ся дьни
иже суть добрѣ творили. то тѣхъ поминающе блажатъ. а иже
л. 338 об. суть || зло творили. то тѣхъ поминающе проклинаютъ. друзіи же
именъ ихъ не хотятъ слышати. толма ся соуть пригнусили имъ.
идоша въ темнаа не въ свѣтлаа мѣста. и ωжидаютъ ωгня негасимаго. иже оуготована діаволу и аг'гелωмъ его. нынѣ оубω
ωтвръзи ωтъ себе думу сію злую. поразумѣй, ꙗко дѣло се ωтъ
сотоны есть. въсташа бω еретици, рать въздвизающе. и ωтпадоша сами и прокляти быша. ты оубω не движи рати на церковь. идѣже миръ в'сѣмъ дается. да не мωзи пакы творити. про-
93 зовуть тя единого ωтъ тѣхъ. приωбрящеши себѣ клятву равну
тѣхъ клятвѣ. пишет' бω ся въ Цариградѣ. въстати царю иконоборцоу. того ради тебѣ глаголю. да не будеть въ твоей державѣ,
егда Божій гнѣвъ наведеши на ся. не имать бω дол'го трьпѣти
ти. видя тя тако творяща. сице емоу глаголавшу и ина многа
ωтъ книгъ, повѣдающе ω вѣре. разъгнѣва же ся треклятый. нача
л. 339 хоули || ти Господа Бога нашего Іисуса Христа. и на святыя
иконы хоулу ωбави. ꙗдъ свой, иже въ сердци своемъ крыяше.

20. Пакы рече патріархъ. Ѡ человѣче, безаконіа ωстанися
хоулы сея, да ти не раздрушитъ силы. жестоко бω ти есть противу рожну ступати. не бω въступи на ωстенъ нози си ωкровави. вълны бω камени не разсыплютъ. но сами ся в пѣны раз-

18 сл. Матѳ. 25, 41. **33** Дѣянія, 9, 5; 26, 14. **33** сл. Въ рукописи было написано: «ωкровавивъ», но потомъ въ этомъ словѣ послѣднія двѣ буквы (*въ*) зачеркнуты красными чернилами.

сыплють. нѣсть ничтоже церкви силніе. церкви бѡ и небеси силніе и крѣплѣйши есть. небо и земля преминетася. а словеса Божіа не прѣминоуютъ. каꙗ же словеса еже рече Господь. ты еси Петръ, на семъ камени съзижу церковь мою. и врата адова не оудолѣють ей. аще вѣроуеши словеси тому. то и дѣлу вѣроуй. не бысть ли то тако, ꙗкоже глаголан҆но. како мучители хотѣша, съдолѣти церкви. колико сковрадъ, колико пещниць разжены, колико звѣриныхъ зубъ пущающе на христіаны, колико ѡружіа ѡстра на нихъ с҆дѣлаша. не умол҆коша ли. не въ забытіи ли поլѡжени быша. а церкви || паче солнца свѣтится. а ѡнѣхъ память (л. 339 об.) вся оугасе. а си бесмерти. да ли егда бѣ мало вѣрныхъ. то не могоша имь ѡдолѣти. али нынѣ хощеши ѡдолѣти. егда весь миръ исполнися добрыя вѣры. не въводи рати въ небо. аще бо борешися съ человѣкы, то или ѡдолѣеши имъ. или ѡни ѡдолѣютъ ти. съ церковію же аще борешися. то ѡдолѣти ей не можеши, но 94 ѡдолѣетъ ти. ꙗкоже и прежде тебе бывшимъ.

21. Се глаголавшу патріархоу. и ѡгорчися ѡкааный на святыя иконы, и рече. азъ есмь царь, егоже вы пишете. въстати такомоу царю. и изліа проклятый ꙗдъ свой. нача пометати святыя иконы, и кресты честныя на землю. и топ҆тати ногама, и рече. иже кто тако не сътворитъ, противенъ есть мнѣ. и много зла сътвори. тоу абіе посла по в҆сему граду. и на многа мѣста распусти, рекъ. да ся ѡтмещуть честныихъ иконъ покланяніа. а иже аще не послушаетъ мене, аще в҆ сану есть. тому власти испасти. и грабити в҆се имѣніе его. бивше, в҆садити || его в тем- (л. 340) ницоу. такоже и всякомоу народоу и малоу и великоу. аще кто не пріиметь повелѣніа моего. муками немилостивыми мучити его. и смерти предати его. аще архіепископъ, или епископъ, или игуменъ, или попъ, или чернець, или черница.

22. Се слышавше оужасошася мнози. ѡвіи ѡтъ епископъ плакахоуся. а друзіи исходяще изъ церкви. біахоуся по очима и по честной главѣ, и по ꙗснымъ оустомъ. съ слезами горкими другъ друга цѣлующе. попущеным же бещестникомъ. и бѣ видѣти въ градѣ раны многы и мукы всячьскіа. и бещиньство всея

2 сл. Марка, 13, 31. **3** сл. Матѳ. 16, 18. **12** Слова: «али нынѣ хощеши ѡдолѣти», написаны въ рукописи на верху страницы, а въ текстѣ сдѣлана выноска значкомъ. **32** Въ рукописи «по чтои (надъ строкой с) главѣ».

силы душевныя. ѡвіи роукы своя и главы зряще ꙗзвени бѣжаху. инии же дѣву и жену поимше влечахоу. а другыя разъграбяще в҆се пленяхоу. и святыя съсоуды и иконы. друзіи же презвитеры епископы діаконы и діакы избиша, і поліаша церкви кровію. и в темницу въвер҆гоша ѝ. сице же исполнишася темници акы церкви. л. 340 об. и быша бѡ многы хвалы в ней къ Богу. ибѡ множество || клирикъ и рядникъ ꙗша. раны же и заклинаніа гордаго. и моукы въ церкви бывахоу. идѣже бѡ грѣховная простыни бываше. тоу же кровопролитіе бысть пред нимъ. моужи и жены. ѡвѣм же покровы главныя истръзааше. а еже бяхоу в сану, тѣхъ изъ сана извергоша. имѣніе ѡтъимше, темници предаша. а другыя ранами и муками различными и темницами томяху. друзіи же 95 ѡтъ епископъ и священ҆никъ влачими бяхоу. многы бѣды подъемлюще. грозно же бѣ видѣти царьскый градъ. аки въ клоубъ свися. моужи оубѡяшася боꙗзнію вѣстующу. възмутися аки бурна вода сѣмо и ѡвамо бѣгающе. а друзіи ѡставлеше сердоболя своя ѡтчее имѣніе и славу свою. и бѣды плотныя преѡбидѣвше доброту душа своея храняще. имущи въ оумѣ Божіе слово, еже глаголаше. аще вы изгонятъ изъ града сего. то въ другыя грады бѣжите. Солѡмон же глаголеть. не оуспѣютъ л. 341 имѣніа въ день гнѣвный. и бѣжаша ѡвіи в горы. || а дроузіи инамо хотяще бѣжати нечьстиваго оубійства іоудейска. се слышавъ ѡкаан҆ный постави стража по всѣмъ мѣстомъ. завѣтъ положи не изыти изъ града никомуже. или на распутіа, или царьскіа полаты. видиши народъ Кон҆стянтиня града. слышиши вопль и стенаніе и мукы различныя, и лик҆ черноризиць. добрыхъ же книжникъ. мужъ и женъ, всякого рода. кто можеть сказати, или исповѣдати. поистинѣ позорище бысть аггеломъ и человѣкомъ.

23. Патріархъ же възбраняше ему, глаголя. ѡкаанный человѣче боуй. не устыдѣ ли ся мѣста сего святаго церковнаго. или ерейскаго сану. идѣже грѣхомъ простыни бываше. тоже кровію поліа. церкви бѡ ты никоегоже вреда сътвори. но въсіаетъ паче солнца, а ты скоро ѡтпадеши. царь же болма възмутися ꙗко не слушаше его. того ради и съсла ѝ съ стола. и заточі ѝ въ ѡстровъ. Патріархъ же Германъ снемъ ѡмофоръ свой повелѣніемъ царя,

19 сл. Матѳ. 10, 23. **20** сл. Притчи, 11, 4.

и иде въ зато || ченіе. и възведе на столъ Анастасіа злочестиваго. л. 341 об. и потомъ рати бывши. оуби сына Феѡдосіева и 300 болярь с нимъ. и прия в҆се царство Левъ. и въста на вѣроу христіанскоую. и не ѡстаняше муча родъ христіанскій. избивая и пожигая иконы рас҆кѣпая. кресты по путемъ и по оулицамъ помѣташе. ѡвы мучаше, а другыя убиваше. иныя в темницу вметаше. епископы игумены, и попы и діаконы. черньца и черница. весь нарѡдъ христіанскый, старыя и оуныя, мужа и жены и в҆сякого възраста. 96 въ ты дьни солнце тмою покрывашеся, не испущая лучь своихъ. луна кровію ѡб҆ложися. звѣзды омрачахоуся. мъгла темна покры землю. и бѣ велій плачь и стенаніе и рыданіе. епископы же, ѡвѣмъ рукы ѡтсѣкааше и нозѣ, очи и носы ѡмочая в҆ горящую смолу. кистию ѝ мазахоуть. и оударяюще в лице желѣзными руками. избиваше лице и зубы. и посла по всѣмъ градомъ, да приведуть архіепископы и діаконы. и ноудя||ше ѝ къ своей ереси. аще л. 342 кто послоушаше его. и велми того чтяше. а иже не послушаше его велми мучаше. и посла заповѣдь по всѣмъ градомъ. да не кланяются святымъ иконамъ и крестомъ. ѡни же не послушаше его.

24. Патріархъ же Германъ много възбраняше ему, глаголя. зло твориши, не буди врагъ Божій. того ради съгна его съ престола. и заточи его въ ѡстровъ. И възведе на столъ Анастасіа злочестиваго сѵріанина родомъ. и бысть врагъ Божій царь и патріархъ. раздрушеніе церквамъ бысть. и крови пролитіе много. бѣда велика по земли. изъгинути вѣрѣ христіанстѣй.

25. Ѡтъ того зла къ Соурожу пріиде корабль с послы злыми ѡтъ злочтиваго царя, глаголаахоу: не кланяйтеся крестоу ни иконамъ. ѡтвѣща же святый Стефанъ, и рече. не буди то въ вѣки. не ѡставлю азъ люди своя ѡтступити Христова преданіа и апостольска. иже утвердиша святіи ѡтци. не слушаю азъ повелѣніа сего. но азъ самъ иду къ царю. || нарѡдъ же его не поустяше, глаголя. не поустимъ мы тебе къ царю. аще ны будетъ л. 342 об. біющеся изъмрети, то изъмремъ, а тебе не поустимъ. и ꙗко бысть нощъ. сниде святый на брегъ къ кораблю. ѡтъ гражанъ утаися никомуже не вѣдущу. ѡтвѣщавъ святый Стефанъ к҆ посланымъ ѡтъ царя, глагола имъ. азъ оубо иду къ царю. ибо царь мене ищеть. а градъ мой не съгрѣши ему. възмѣте мя в корабль да иду къ царю.

26. И предъ пришествіемъ святаго. царь злочтивый изымалъ
бѣ митрополиты и епископы, игумены и попы и діаконы 300 и
70 въ анумера въсадилъ бѣ в темницоу. и комоу роуцѣ ѡсѣче.
97 комоу очи и нозѣ и зубы и носы и устны, ꙗко прiидоша съ свя-
тымъ. и ведше ꙗ предъ царемь. и ѡбрѣте ту ложныхъ епископъ
много. сѣдяще съ царемъ. злую думу доумающе. ѡблъкся в ризы
святый Стефанъ, и ста предъ царемъ. царь же въспроси его своима
устнама, глаголя. кто ты еси. ѡтвѣщавъ святый, рече. азъ Хри-
л. 343 стовъ рабъ || архiепископъ Стефанъ Соурожскый. И рече царь,
что ради прiиде сѣмо. глагола святый Стефанъ. пришедше по-
сланiи ѡтъ тебе приведоша мя. рече царь видиши ли съборъ
съсѣдящь съ мною въ чти, послоушай мене. сiи пож'гоша и по-
скѣпаша иконы и кресты. послоушай и ты, будеши ѡтъ мене въ
чти велицѣй. на столъ твой пошлю тя съ честiю. Ѡтвѣща святый
царю, ѡ зломъ соборѣ Iезикiа пишеть. iереи прiаша законъ мой.
а л'жу ѡбратиша на истиноу. а истиноу на л'жу. се да знаеши
царю. а в се слово не пойду. аще мя оумоучиши, или на оудеса
изсѣчеши, или ѡгнемъ съжд'жеши по иконѣ и по крестѣ Господни
все тръплю. мы въ книгахъ находимъ. въ Цариградѣ настанетъ
царь поганый иконоборецъ. пожигая иконы и кресты Господня.
Богъ сего не сътворитъ въ твое царство. и рече царь, аще еси
правъ, рци имя царя того. ѡтвѣщавъ святый, рече. Кононъ.
царь рече, право Стефане нашелъ еси. Кононъ ѡтецъ и мати
л. 343 об. нарекли имя мнѣ. Ѡтвѣщав' || святый Стефанъ. Богъ сего въ
твое царство да не сътворитъ. а иже тако твориши, предтеча еси
ан'тихристовъ. то слышавъ царь ѡтъ святаго. роукою желѣзною
самъ изби емоу лице и браду и оустны и зубы. глаголя святомоу,
како мя нарече предтеча антихристовъ, и рече царь. имѣте и̓ за
власы и за браду. бiюще и̓ влачите и̓ по земли. и в'верзите и̓ в
темницоу. святый же влекомъ въпiаше. възлюблю тя Господь
крѣпость моя. не оубоюся зла ꙗко ты съ мною еси. и всадиша
его въ темницоу. в нейже всаждени святители бяхоу.

27. Минувши недѣли, и рече царь. како мя нарече соурож-
98 скый архiепископъ. бiюще привлецѣте и̓. изидоша с нимъ 7 свя-
титель, глаголюще. идемъ и мы с тобою. да аще ны что будетъ

15 Iезек. 22, 26. **30** сл. Псал. 17, 1; 22, 4.

оумрети с тобою. ꙗко пріидоша къ царю. дръжаще же царь икону в руцѣ. ѡбразъ Спасовъ и Богородици и Іѡанна Крестителя. И рече царь Стефану. како мя нареклъ еси предтечю антихристова апостола Стефана дѣло твое тъ есть. рекл' ти есмь. паки тоже ти глаголю. рече || царь, плюя на иконоу юже в роуцѣ л. 344
дръжрааше. и оудари ю в землю и потопта. и рече Стефану, тако и ты сътвори. святый Стефанъ рече, враже Божій недостоинъ еси царства. како ти не ис'хнуша руцѣ. Богъ да ѡтъиметъ царство твое въскорѣ, и искратить животъ твой скоро. царь же слышавъ се, съ гнѣвомъ повелѣ бити и̇. мало живы (sic) суща ѡстави. повелѣ къ конемъ к' хвосту привязати и влещи ꙗ в темницу. святый же Стефанъ въпіаше, слава тебѣ Господи. ꙗко спѡдобилъ мя еси по себѣ пострадати.

28. Ставше же вси святители, помолиша Бога да скратитъ животъ злочтиваго царя. и молитвою святыхъ скоро оумре царь злый. и наста сынъ его Кон'стянтинъ Гноетезный. а царици его Феѡдора кер'ческого царя дщи. та бѡ вѣдаше святаго, слышала бѣ ѡ добродѣтели его и ѡ оученіи и ѡ чюдесѣхъ его. и рече цареви моужеви своему. господине царю, ѡтецъ твой в'садилъ бѣ въ темницоу архіепископа нашего Стефана Сурож'скаго. но молютися, аще мя люби || ши выпоусти его. ѡнже пославъ повелѣ л. 344 об.
привес(т)и его; в тоже время бѣ родилъся сынъ у царици. и крести его святый Стефанъ. царь же ѡтпоусти святаго Стефана. ѡдаривъ с великою честію в Соурожь на столъ свой. и пріиде в Соурѡжь в корабли. и пасяше оученіемъ своимъ стадо свое.

4 Вмѣсто словъ: «апостола Стефана», въ Толстовскомъ спискѣ житія (л. 326) читается: «глагола святый». 24 сл. Слова: «на столъ свой. и пріиде в Соурожь», были пропущены въ рукописи и потомъ прибавлены внизу, а въ текстѣ сдѣлана выноска значкомъ.

99 V.

Чудеса Стефана при жизни и по смерти. — Чудо съ водою предъ клирикомъ Филаретомъ. — Чудо при смерти святаго надъ Сурожаниномъ Ефремомъ. — Нашествіе князя Бравлина на Сурожъ. — Исцѣленіе царицы. — Молитвенное заключительное воззваніе.

29. *Чюдо А. Ѡ клирикѣ Филаретѣ.* И бѣ етеръ клирикъ именемъ Филаретъ. ходяй право предъ Богомъ, и прѣдъ святымъ. хотяше его поставити попомъ. ѡн҆ же не хотяше, глаголя. не могоу азъ сего носити тяжекъ поуть есть. святый же силою хотяше его поставити. ѡнже съкрыся мня. забоудетъ святый поставити его. святый же разоумѣ что ради крыяшеся. посла же попы и клирикы зваше его дважды ходити по него и не пріиде. третіе же посла бол҆шаго клирика своего с҆ болшими попы, глаголя. аще не пріидеши, въ епитемьи еси ѡтъ мене. ѡнже оубояся глаголаше в҆ себѣ. Господь рече, егоже аще свяжете на земли и л. 345 будетъ связанъ на небеси. и припаде пѡдъ ногама святаго. святый же емъ его || за роуку възведе и рече. тако ли сыну преслушаешися мене ѡтца своего азъ вѣмъ. достоинъ еси поути сего. възми горъшекъ принеси ми воды и оумыю роуцѣ. святый же въ сердци своемъ благослови запрѣти не истещи водѣ. простре роуцѣ да оумыетъ. и водѣ не истекоущи. полну сущоу горшькоу. и рече святый, възлей сыноу что ради не възливаеши воды на руцѣ. ѡнже рече, владыко полнъ горшекъ. лію не идеть. но стоитъ вода ıако камень. святый же рече, се вода бездоушна соущи. боитъся епитеміи моей и не идетъ. а тебѣ далъ Богъ душу разоумну. како не бѡишися. ѡн҆же то слышавъ. постави роуку и оумы ю. и припаде при ногу святаго. плачася и тре- 100 пеща, глаголаше. не въстану ѡтче аще мя не простиши ѡтъ в҆сего сердца. оуже не преслушаюся повелѣніа твоего. но твори еже хощеши. тогда архіепископъ, діакономъ и попомъ ѡсвяти его. і архіепископомъ на свое мѣсто.

1 Буква *А* (т. е. *первое*) написана въ рукописи красными чернилами на полѣ, противъ строки, на которой начинается описаніе чуда. Такъ же написаны при слѣдующихъ чудесахъ буквы: *В*, *Г* и *Д*. Заглавіе — «Ѡ клирикѣ Филаретѣ» — написано въ рукописи на верху страницы красными чернилами.

10 сл. Матѳ. 16, 19; 18, 18.

30. *В. Ѡ преставленіи святаго. и ѡ исцѣленіи слѣпа.* В тоже бѣ время князь Юрій тарханъ. и любя его святый, || [л. 345 об.] по законоу Божію правяше власть свою всегда приходя къ святому Стефану. послоушаше его. како веляше ему тако творяше. святый же велми оучаше его на путь спасеный. По том же времени приключися святому болѣзнь тяжка велми. и преставися мѣсяца декамвріа 15 день. и ꙗко снидошася в'си архіепископи и попове, и поꙗху над нимъ, а народи плакахоу над нимъ. и сътвори Богъ чюдо. Единъ мужь соурожанинъ, именемъ Ефремъ. слѣпъ рождейся. храняше его святый ꙗденіемь, и питаніемь и порты. той оуслышавъ ѡ смерти святаго. възпи глаголя, кто мя ѡтселѣ да хранитъ. ведѣте мя да цѣлоую нозѣ святаго. и ꙗко приведоша его, паде на нозѣ святаго и плачася. тоу абіе прозрѣ. погребше же святаго, и прославиша Бога.

31. *Г. Ѡ прихожденіи ратію к Сурожу князя Бравлина изъ Великого Новаграда.* По смерти же святаго мало лѣтъ миноу. пріиде рать велика роусскаа изъ Новаграда князь Бравлинъ силенъ зѣлѡ. плѣни ѡтъ Корсоуня и до Корча. съ многою || [л. 346] силою пріиде к Соурожу. за 10 дьній бишася злѣ межоу себе. и по 10 дьній вниде Бравлинъ. силою изломивъ желѣзнаа врата. и вниде въ градъ, и земъ мечь свой. и вниде въ церковь въ святую Софію. и разбивъ двери и вниде идѣже гробъ святаго. а на гробѣ царьское ѡдѣало и жемчюгъ и злато и камень драгый, и кандила [101] злата. и съсудовъ златыхъ много, все пограбиша. и в томъ часѣ раз'болѣся. ѡбратися лице его назадъ, и лежа пѣны точаше. възпи глаголя, великъ человѣкъ святъ есть иже зде. и оудари мя по лицу, и ѡбратися лице мое назадъ. и рече князь боляромъ своимъ. ѡбратите все назадъ что есте взяли. ѡни же възвратиша вс'е. и хотѣша и князя пояти ѡттуду. князь же възпи, глаголя. не дѣйте мене да лежу, изламати бѡ мя хощетъ единъ старъ

1 Заглавіе написано въ рукописи внизу страницы красными чернилами. **16** сл. Заглавіе обозначено въ рукописи внизу страницы красными буквами. **18** сл. *Рум. № 435:* «князь Бравлинъ силенъ» («зѣлѡ» нѣтъ). *Рум. № 434:* «и князь бранливъ и силенъ». **18** *Рум. № 435:* «поплени ѿ Корсуня и до Керчева». *Рум. № 434:* «поплени ѿ Корсоуня и до Керчя». **20—23** *Рум. № 435:* «и съ многою силою приде к Сурожу за 10 дьниі приде Бравленінъ с силою изломивъ» («бишася злѣ» пропущено). *Рум. № 434:* «и съ многою силою пріиде к Соурожоу. за 10 дней пріиде. сілою изложи имъ».

святъ моужь. притисну мя, и душа ми изити хощетъ. и рече имъ, л. 346 об. скоро выженѣте рать изъ града сего. да не възметъ ничтоже || рать, и излѣзе изъ града. и еще не въстаняше. дондеже пакы рече князь боляромъ сіи възвратите все елико пограбихомъ священ'ныя съсоуды церковныя. в Корсоуни и в Керчи и вездѣ. и принесите сѣмо все. и положите на гробѣ Стефановѣ. ѡни же възвратиша все, и ничтоже себѣ не ѡставиша. но все принесоша и положиша при гробѣ святаго Стефана. и пакы въ ужасѣ, рече святый Стефанъ къ князю. аще не крестишися въ церкви моей, не възвратишися и не изыдеши ѡтсюду. и възпи князь глаголя. да пріидоуть попове и крестят мя. аще въстану и лице мое ѡбратится, крещуся. И пріидоша попове, и Филаретъ архіепископъ. и молитву сътвориша надъ княземъ. И крестиша его въ имя Ѡтца и Сына и Святаго Духа. и ѡбратися лице его пакы. крестиша же ся и боляре вси. но еще шіа его боляше. попове же рекоша князю. ѡбѣщайся Богоу. елико ѡтъ Корсуня до Корча л. 347 что еси взялъ плѣнникы моужи || и жены и дѣти. повели възвратити вся. тогда князь повелѣ всѣмъ своимъ вся ѡтпустиша кождо въ свояси. за недѣлю же не изиде изъ церкви. донелиже даръ даде великъ святомоу Стефану. и градъ и люди и поповъ почтивъ ѡтъиде. и то слышавше иніи ратніи и не смѣаху наити. аще ли кто наидяше, то посрамленъ ѡтхождааше.

32. *Д. Ѡ исцѣленіи царици корсоунскіа.* Анна же царица 102 ѡтъ Корсоуня в Керчь идоущи. разболѣся на поути смертнымъ недугомъ на Чернѣй водѣ. на оумѣ ей пріиде святый Стефанъ. и рече, ѡ святый Стефане. аще мя ѡтъ болѣзни сея избавиши, много ти дароу и почести въздамъ: тоеже нощи ꙗвися ей святый Стефанъ. глаголя, Христосъ истин'ный Богъ нашь, исцѣляетъ тя. мною служебникомъ своимъ. въстани здрава. иди в путь свой с миромъ. в той часъ прѣста недугъ ея. и бысть здрава ꙗко не болѣвши ей николиже. и почюти исцѣленіе бывшее ей. и добрѣ

18 *Рум. № 435:* «Ѿпустити и идоша». **23** Заглавіе написано въ рукописи красными чернилами на верху страницы. Первая буква А въ словѣ Анна написана красными чернилами; замѣчательно разночтеніе въ *Рум. № 4‑5:* «А іна царица». Еще иначе въ *Рум. № 434:* «А и царицꙗ». **24** *Рум. № 435:* «въ Корчь идоучи». *Рум. № 434:* «в' Керчь идущимъ». **25** сл. *Рум. № 435:* «разболѣся смертнымъ недоугомъ средѣ пути на Чернѣй водѣ». Въ *Рум. № 434:* «разболѣся смертнымъ недугомъ, среди поути на Чер'нѣй водѣ».

похвали Бога, и святаго Стефана. и вси иже с нею въставше заоутра || с радостію великою идоша в путь свой. дѣла Божіа л. 347 об. проповѣдающе бывшая преподобнымъ его. и многы дары дароваша церкви святаго. си же изрядная чюдеса сътвори Господь преподобнымъ своимъ. всюду проповѣдахоу славу его. сице же бысть житіе преподобнаго Стефана. ꙗкоже есть писано. емуже рещи ѡтъ благословеніа Господня земля твоя. ѡтъ горы небесныя росы. ѡтъ глоубины кладязныя здола и по вся часы плѡдныхъ, и ѡтъ исходъ лоуч҆ныхъ. ѡтъ верха источника присно текущь. ты порази чресла противустоящимъ борющимся. избави люди своя горкыя работы. и вторый Мѡѵси ꙗвися на земли. ѡнъ в животѣ точію, а сій и по смерти чюдеса многа творить. Богу нашемоу слава нѵнѣ и присно и в҆ вѣки вѣкѡмъ.

33. || Егоже ради молитвами Богъ да сподобитъ насъ такова л. 348 оубо великаго сего святителя и чюдотворца исправленія. сицевы того труды и поты имиже из҆млада і ѡтъ самыя юности Богу оугоди. ихже ради и Богъ того вопрослави и воздаріе тому дарова. се тебѣ ѡтъ насъ слово похвално, елико по силѣ нашей 103 грубости, изрядный во святителехъ. ѡ нихже ся попеклъ ꙗко безтроуденъ апостолъ о стадѣ порученномъ ти, словесныхъ овцахъ Христовыхъ, ихже своею кровію искоупи. и ты оубо сице вѣроу соблюде. и насъ молим҆ тя назирай и оуправляй свыше. вѣси бо колику тяжесть имать житіе се. в томъ бо и ты нѣкогда троудился еси. но оубо понеже тебѣ пред҆стателя Роусьская земля стяжа. славный же градъ Сурожь честныя твоя мощи, ꙗкоже нѣкое сокровище честно соблюдаетъ || і ꙗкоже тебѣ живу на л. 348 об. всякъ день православніи христіꙗньстіи народи, с теплою вѣрою покланяются, и благословеніе пріемлютъ. вси иже различными недуги ѡдержими въскоре исцѣленіе пріемлютъ. се же бѣ ѡтъ Бога дасться возмѣздіе противу трудовъ твоихъ, иже пострадалъ по иконе и по крестѣ Господнѣ и поручен҆номъ ти стадѣ. ихже наоучилъ еси и оутвердилъ, славити Ѡтца и Сына и Святаго

13 сл. Слова: «Богу нашемоу слава нѵнѣ и присно и в҆ вѣки вѣкомъ». въ *Акад.* были написаны, но потомъ зачеркнуты. Въ *Рум. № 434 и 345* ими кончается вся статья. То, что̀ въ *Акад.* слѣдуетъ далѣе, писано на новой страницѣ другою рукою.

Духа. емоуже подобаетъ всяка слава честь и держава и велелѣпіе ѡтъ ангелъ і ѡтъ человѣкъ. се иже ѡтъ него рожденнымъ преже вѣкъ пресвятымъ Сыномъ, и со безначальнымъ и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ. нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь.

УКАЗАТЕЛИ.

I. Указатель именъ личныхъ.

А.

Ааронъ, первосвященникъ евр., XXXI.—20, 58.

Абул-хасанъ Али Ибн-саидъ, путешественникъ арабскій, CLXXVIII.

Абульфараджъ, писатель сирійскій, LXIV.

Абульфеда, писатель арабскій, CLVIII, CLXXXVIII, CXCV.

Авіенъ, писатель римскій, CXXXVII.

Авксентій, блаж., XV.

Авксивій, св., епископъ солійскій, XVI.

Авраамій, препод., епископъ арвильскій, XIV.

Авраамъ, патріархъ евр., LIV.—6, 7, 24, 58.

Агачь-Пасли, татаринъ, CXCV.

Агаѳія, св. мученица, XIV.

Агаѳія, писатель греческій, CXL.

Адамъ, праотецъ, XCI.—87.

Адамъ, епископъ бременскій, CXXXVIII.

Акиндинъ, еретикъ, XXVII, CC.

Алаеддинъ-Кейкобадъ (Алатинъ), султанъ иконійскій, CLXXIV, CLXXV, CLXXXII.

Алачу, сурожанка, CXCII.

Алачукъ, сурожанка, CLXXVIII, CXCII.

Ал-Бекри, писатель арабскій, CXVII, CXX.

Александръ, царь македонскій, CCLXXIII.

Александръ Монахъ, препод., XVI.

Алексій, сборщикъ податей, CLXXIV.

Алексѣй, митрополитъ русскій, CXXX.

Алексѣй III, императоръ трапезунтскій, CXCVII.

Алексѣй Комнинъ, императоръ визант., CLXIV, CLXXXIX.

Алексѣй Стратигопулъ, полководецъ византійскій, CLXXXIV.

Алляцій, Левъ, ученый, XIX, CLXIII.

Алмади, халифъ багдадскій, LXIII.

Алпъ-Тарханъ, вождь хазарскій, CCLXVIII.

Альбани, кардиналъ, CCXI.

Амаликъ, вождь амалекитянъ, XXXV.—40.

Аммонъ, переводчикъ, CXVII.

Аммосъ, патріархъ іерусалимскій, CCXXXIV, CCXXXV.

Амфилохій, патріархъ константинопольскій, XCVIII.

Анастасій, императоръ визант., CCXXVII, CCXXXVI.—91.

Анастасій Библіотекарь, писатель латинскій, XXVI, LXIII, LXIV.

Анастасія, св. мученица, CIII.

Анаткусъ, севастъ сурожскій, CXCVI.

Ангелы, династія императоровъ визант., CLXV.

Андрей, ученикъ св. Стефана Новаго, CCVIII.

Андрей, апостолъ, XXIV, LIII, CLVIII, CCXVIII, CCLXIX.

Андрей Крисскій, св., CCXXXVI, CCXXXIX, CCXL.
Андроникъ I Гидъ, императоръ трапезунтскій, CLXXIV.
Андроникъ II Старшій, императоръ византійскій, CLXXXIX.
Анна, мать Пресв. Богородицы, 6.
Анна, ученица св. Стефана Новаго, CCVIII.
Анна, пророчица, LIV, CXXV.
Анна, царевна визант., CXLIV, CXLVI, CCXX, CCLXX, CCLXXII, CCLXXXIV, CCLXXXV.—96.
Антоній Алупсу, сурожанинъ, CXCII.
Антоній Патарскій, CVI.
Антонинъ, архимандритъ, CXLVIII, CL, CLIV, CLXXVII, CXC, CCXIX.
Антоновъ, Семенъ, гость московскій, CCIII.
Аполлоній Родосскій, писатель греческій, CXXXVII.
Аристархи-бей, ученый, LXXXIV.
Аристовъ, Н. Я., профессоръ, CCIII.
Аркадій, протоспаѳарій, CLXV.
Арріанъ, писатель греческій, CCLXXX.
Арсеній, архіеп. сугдейскій, CLXIV.
Артаваздъ, претендентъ на византійскій престолъ, CCLXV.
Артемида, богиня греческая, CXXV.
Артемій, императоръ визант., CCXXXVIII.
Аскольдъ, князь русскій, V, VIII, CXI, CXVII, CXXVIII, CXXXV, CXLV, CXLVI, CXLIX.
Астерій, епископъ амастридскій, XXV.
Аттила, царь гуннскій, CLX.
Ашери (d'Achery), ученый, LVI.
Аѳанасій Аѳонскій, св., XLV, LXXIV.
Аѳанасій Великій, патріархъ александрійскій, CLXXII, CXC.

Б.

Бабрій, баснописецъ греческій, XCI.
Байеръ, З., академикъ, CXXVIII.
Бандини, ученый, XVII.
Баракъ, грузинка, CLXXVIII.
Барбаро, I., путешественникъ, CLVIII.
Бароній, кардиналъ, LIV, XCVI, CCXLI.
Барсовъ, Е. В., ученый, CCXV.
Батый, вождь татарскій, CLXXIX, CCXV.
Башкинъ, Матвѣй, еретикъ, CCLXII.
Бейбарсъ, султанъ египетскій, CLXXXI.
Бекъ (Boeck), А., ученый, CLXVI.
Березинъ, И. Н., професс., CLXXIII.
Берке, ханъ кипчакскій, CLXXX, CLXXXIII, CLXXXIV.
Берновинъ, епископъ, CCLXXXV.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., академикъ, CXLIX.
Бильбасовъ, В. А., профессоръ, CCLXXIV, CCLXXV.
Бодянскій, О. М., профессоръ, CCLXXV.
Болкъ, Константинъ, гость сурожскій, CCIII.
Болландъ, Іоаннъ, іезуитъ, III, XVII.
Бонаффе, Е., ученый, XII.
Боре, Евгеній, путешественникъ, XXIII.
Бооръ, де (de-Boor), ученый, XXII, LV, LXIII—LXVII, LXXIV, LXXXII, XC, XCIV, CI, CII, CXII, CLXIV, CCXXXI, CCXXXIII, CCXXXVII, CCXXXVIII, CCLXV.
Борисъ (Давидъ), св., князь муромскій, CLXVII.
Бравалинъ (Бравлинъ), князь русскій, V, CXLIII — CL, CCLXIX, CCLXXII, CCLXXIII, CCLXXVI, CCLXXX, CCLXXXIV.—95.
Брауліонъ, епископъ, CCLXXXIV.
Брацлавонъ, князь, CCLXXXIV.
Брацлавъ, князь, CCLXXXIV.
Броневскій, М., путешеств., CLXXI, CCV—CCVI.
Брунъ, Ф. К., профессоръ, CLIII, CLV, CLVII, CLXV, CLXXIX, CLXXXII, CLXXXIV, CLXXXVI, CXCVI, CXCVIII, CXCIX, CCII, CCVII.
Брячиславъ, кн. русскій, CCLXXXIV.
Будиловичъ, А. С., профессоръ, CCLXXVII, CCLXXVIII, CCLXXX.
Бутилинъ, CCLXXXV.

В.

Валентиніанъ III, императоръ западной римской имперіи, XIX.

Валентъ, св., мученикъ, XV.
Валетта, ученый, XLVII, LXXXIV.
Вамбери, А., путешественн., CCLXVII.
Варвара, св. великомученица, CXCV.
Варда, вельможа визант., III, XCVII, CXXIV.
Варданъ, бунтовщикъ, LXVI.
Варлаамъ, еретикъ, XXVII, CC.
Варнлавъ, князь русскій, CCLXXXIV.
Вартилафъ, князь русскій, CCLXXXIV.
Василій Великій, св., архіепископъ кесарійскій, C, CCXXII.
Василій, св., епископъ корсунскій, CCXVII.
Василій, св. мучен., CCIX, CCX.
Василій Дмитріевичъ, в. кн. московскій, CCII.
Василій Капица, гость московскій, CCIII.
Василій Новый, св., CXXXVI, CCLXXV.
Василій II Болгаробойца, императоръ визант., XVIII, LXIV, CLXV, CCVIII, CCXVIII, CCXX, CCXXXI, CCXXXII, CCLXV, CCLXVI, CCLXVIII, CCLXIX, CCLXXIII, CCLXXV.
Василій I Македонянинъ, императоръ визант., III, LXII, XCI, CXV, CXIX, CXXIII, CCVIII.
Васильевъ (Сурожскій), Степанъ, служилый человѣкъ, CCII, CCIV.
Ватикъ, халифъ багдадскій, CXXII.
Вейль, ученый, LXIII—LXVII, LXXVI, CXIV.
Велико-Комнины, династія трапезунтскихъ императоровъ, CLXVIII, CLXXV, CXCVII.
Вельяминовъ, Василій, тысяцкій, CCII.
Веселовскій, А. Н., академикъ, CXXXVI, CLV, CLXXXVII, CCLXXV.
Весяковъ, Тимоѳей, гость московскій, CCIII.
Владиміръ Святой, в. кн. русскій, V, VIII, CXVII, CXXVIII, CXXXVI, CXXXVII, CLXV, CLXVI, CLXXXVII, CCLXVIII, CCLXXIII, CCLXXIV, CCLXXVI, CCLXXVII, CCLXXXIV, CCLXXXV.
Владиміръ Васильковичъ, князь галицкій, CLXXXVII.
Власій, св. мученикъ, епископъ севастійскій, XV.
Властарь, Матѳей, канонистъ греч., XLV.
Вольтерсъ, ученый, XC.
Вороновъ, А. Д., профессоръ, CCLXXXII.
Востоковъ, А. Х., академикъ, IV, CXLIII, CCLXXXVI.
Вріенній, Никифоръ, писатель визант. CXLI.

Г.

Газе, К. Б., ученый, VII, IX, XX.
Гаконъ, имя норманское, CXVII.
Гаркави, А. Я., ученый, CXXI, CXXIII, CLXXVIII, CXCV.
Гарнакъ (Harnak), А., ученый, CXVII.
Гарунъ-ал-Рашидъ, халифъ багдадскій, LXII—LXVI, LXVIII, LXIX, LXXVI.
Гаскэ (Gasquet), ученый, CXVIII.
Гаяс-эддинъ, султанъ иконійскій, CLXIX.
Гевондъ, армянск. писатель, CCLXVIII.
Гедеоновъ, С. А., ученый, VI, VIII, CXL, CXLVI, CXLVII.
Гейдъ (Heyd), ученый, CLVI, CLXXXI, CLXXXVI, CXCVII—CXCIX, CCIV, CCV.
Геймбахъ, ученый, CVII.
Гельцеръ (Gelzer), ученый, XXVII, LXII, CLXIV.
Генесій, писатель визант., CXI, CXII, CXVII, CXVIII, CXXX.
Генрихъ IV, король французскій, XI.
Геншенъ, Годефридъ, іезуитъ, III, XVIII.
Георгій Амартолъ, писатель визант., VI, LI, LV, LXVI, LXX, LXXXIII, XCVII, CX, CXXXV—CXXXVII.
Георгій Амастридскій, св., I—CXLV, CXLIX, CCXVIII.—1—71.
Георгій Декаполитъ, св., XC; правильнѣе Григорій Декаполитъ.
Георгій Каппадокійскій, великомученикъ, LXXXVII.
Георгій Кипрскій, писатель визант., CLXIV.
Георгій, патріархъ александрійскій,

CCXXII, CCXLI—CCXLIII, CCLIV—CCLVIII, CCLXIV.
Георгій Побѣдоносецъ, св., CCI, CCV.
Георгій, сурожанинъ, CCXI.
Георгій Цулъ, хаганъ хазарскій, CCLXVIII.
Герберштейнъ, баронъ С., посланникъ и писатель, CCXCIV.
Гергенретеръ (Hergenröther), кардиналъ, XIX, XXVI, XXVII, LXXXIII, LXXXIV, XCVIII, CVII, CXIV, CXXVIII.
Геркулесъ, CXXV.
Германъ, патріархъ константинопольскій, CXLVII, CLI, CCXIX, CCXXIII, CCXXIV, CCXXVI, CCXXVII, CCXXX, CCXXXIII, CCXXXV—CCXL, CCXLII, CCXLVI, CCXLVIII, CCLII, CCLXII.—74, 77, 79, 81, 87, 90, 91.
Геродотъ, историкъ греческій, CXXXIX.
Герресъ (Goerres), ученый, LXIII, LXV.
Гефеле, ученый, CCXXXVI.
Гиббонъ, историкъ, LXV, LXIX.
Гиршъ, ученый, CXI, CXVIII, CXXIV.
Гисленій, св. западн. церкви, CCXXI.
Гіакинтъ Амастридскій; см. Іакинѳъ.
Гіероклъ Граматикъ, писатель греческій, LXI, CXXXI.
Глѣбъ (Романъ), св., князь рязанск., CLXVII.
Голіаѳъ, CCXXV.—59.
Головины, русск. двор. родъ, CCII, CCLXII.
Голубинскій, Е. Е., проф., CXXVI, CXXIX, CLIX, CCII, CCLXXVII, CCLXXXVI.
Гомеръ, поэтъ греч., XXI, LVI, XCIX.
Гоммеръ-де-Гель (Hommaire de Hell), путешественникъ, XXIII.
Гопфъ, К. ученый, CCXXII.
Гордіанъ, императоръ римскій, XIII.
Горихъ, викингъ датскій, CXV.
Горскій, А. В., профессоръ, IV, V, CXLIV—CXLVII, CCXI.
Грегоровіусъ, Ф., ученый, CCXXII.
Григорій Александрійскій, CCXXII; правильнѣе Георгій, патріархъ александрійскій.
Григорій Асвеста, митрополитъ никейскій, XCVIII.
Григорій Богословъ, св., патріархъ константинопольскій, C.
Григорій Декаполитъ, св., XC, XCV, XCVI, CV, CVI.
Григорій Неокесарійскій, св., чудотворецъ, LVIII.
Григорій, экономъ церкви амастридской, LXVII.
Григоріи, двое учениковъ Стефана Новаго, CCIX, CCX.
Гротъ, К. Я., профессоръ, CCLXXXIV.
Гуе (де-, de Goeje), ученый, LXXIII, CXIX—CXXIII, CCLXVIII.
Гулагу, ханъ татарскій, CLXXVIII, CLXXXI, CLXXXIV.
Гутцейтъ, фонъ-, ученый, X, LXXXIII, CIV, CXI, CXV.

Д.

Давидъ, армянинъ, CLXXXVIII.
Давидъ, царь евр., CCXXV. — 24, 59.
Давидъ. См. Борисъ, кн. муромскій.
Давидъ Комнинъ, греческій властитель, CLXXIII.
Даніилъ, пророкъ, 76.
Дарій Кодоманъ, царь персидскій, XXI, XXIII.
Деварисъ, Матвѣй, библіотекарь, XI, XIII.
Декій, императоръ римскій, XIV.
Делиль (Delisle), Л., ученый, XII.
Десимони, ученый, CXCVII.
Де-Ту (De-Thou), историкъ, XII.
Джіанноне дель-Боско, консулъ Кафы, CXCVIII.
Димитрій, св. великомученикъ солунскій, L, CXLII, CXCVI, CCLXXIV.
Димитрій, св., митрополитъ ростовскій, CXLIII.
Димитрій Ивановичъ Донской, вел. кн. московскій, CCII.
Димитрій Прилуцкій, св., CCLX, CCLXI, CCLXXI.
Димитрій Шемяка, князь, CCLXI.
Диндорфъ, ученый, LXXIII, CXL, CLX, CCLXVIII.

Диръ, князь русскій, CXVII, CXXVIII, CXLV, CXLVI.
Діабриль Ибнъ-Яхъя, полководецъ арабскій, LXVI.
Діоклетіанъ, императоръ римскій, XV, XXV.
Діонисій, св., епископъ коринѳскій, XXIV.
Діонисій Періигитъ, писатель греческій, CXXXVII.
Діонисій Тельмарскій, писатель сирійскій, LXIV.
Діонисія, царевна персидская, XXI.
Діофантъ, полководецъ Митридата VI, CCLXXXIII.
Дорнъ, Б., академикъ, CCLXXVIII.
Дрессель, ученый, LIII.
Дудо, лѣтописецъ нормандскій, CXXXIX.
Дука, Іоаннъ, историкъ греческій, CXXXI, CXCVII.
Дюммлеръ (Dümmler), ученый, CXV, CCLXXXV.

Е.

Евгеній Трапезунтскій, св. мученикъ, CLXXIV, CLXXVI.
Евдокимъ, архіепископъ амастридскій, XXVI.
Евдокія, императрица византійская, CCLXV.
Еводій, писатель греческій, XLV.
Евпатерій, дуксъ херсонскій, CLXVI.
Евпсихій (Евтихій, Евфроній), епископъ амастридскій, XXV.
Еврипидъ, поэтъ греческій, C.
Евсевій, епископъ сугдейскій, CC.
Евсевій Памфилъ, епископъ кесарійскій XIV, XXV.
Евстаѳій, св. мученикъ, CIII.
Евстаѳій, архіепископъ солунскій, CLXXI, CLXXXII.
Евстратій, инокъ кіево-печерскій, CLXX.
Евтихій Александрійскій, лѣтописецъ сирійскій, CCXLI.
Евтропій, историкъ римскій, CLXIII.
Евфремій, писатель византійскій, CXXX.
Евѳимій, св. архимандритъ, CXII.
Евѳимій Аллупса, сурожанинъ, CXCII.
Едризи, географъ арабскій, CLVI.
Екатерина Медичи, королева французская, XII.
Елевѳерій, св. CCLXII.
Елеуферьевъ, Сидоръ, гость московскій, CCIII.
Елизавета, мать Іоанна Предтечи, 8.
Елисей, пророкъ евр., XXXI. — 20, 48.
Елпидій, перебѣжчикъ визант., LXIV.
Епифаній, монахъ, агіографъ греческій, XXIV, LIII, CLVIII, CLIX, CCLXIX.
Ернштедтъ, В. К. профессоръ, XI.
Ефремъ, епископъ корсунскій, CCXVII.
Ефремъ, протопопъ сурож., CLXXXVIII.
Ефремъ, сурожанинъ, CCLXVII. — 94.
Еѳерій, епископъ корсунскій, CCXVII.

Ж.

Жоберъ (Joubert), ученый, CLVI.
Жукъ, Гридко, москвитинъ, CCIV.

З.

Забѣлинъ, И. Е. ученый, VI.
Залускій, епископъ, CCXLI.
Захарія, пророкъ, XLVIII.
Зимархъ, вельможа визант., CCLXVIII.
Зоилъ, епископъ амастридскій, XXV.
Золотницкій, Н. И., оріенталистъ, CCLXVII.
Зонара, историкъ византійскій, CXXIV, CCXXXVIII.
Зосимъ, историкъ визант., CXXX.

И.

Ибн-Абдеззахыръ, писатель арабскій, CLXXXI.
Ибн-Батута, писатель арабскій, CLVI, CLVIII, CLXVII, CXCIII, CXCV, CXCVI.
Ибн-ель-Асиръ, писатель арабск., LXIV, CLXVII, CLXX, CLXXII.
Ибн-Калдунъ, писатель арабскій, LXIV.
Ибн-Саидъ, путешественникъ арабскій, CLXXVIII, CLXXXVIII, CXCV.
Ибн-Сватихъ, писатель арабскій, CXIX.

Ибн-Хордадбегъ, писатель арабскій, LXXIII, CXIX — CXXIII, CCLXVIII.
Иванъ III Васильевичъ, вел. князь моск., CCIII, CCIV.
Иванъ IV Васильевичъ Грозный, царь, CCIII, CCXV, CCLXII.
Игнатій, діаконъ, агіографъ греч., XVI, XVIII, LV, LXXXVIII — CI, CIV, CXLI.
Игнатій, патріархъ константинопольскій, XIX, XXVI, L, LXII, LXXXVI, XCVIII, CIII, CXXVIII.
Игорь, вел. князь русскій, VI, VII, XX, XXIV, CXXVIII, CXXXVI, CXXXVII, CLXVI.
Изздединъ, султанъ иконійск., CLXXXII—CLXXXIV, CXCIII.
Измаилъ, сынъ Авраама и Агари, CCXV, CCXVI.
Иколипадій, еписк. керченскій, CCLXIX.
Илія, татаринъ, CXCVIII.
Илія, пророкъ, XXX, XXXI. — 17—19, 48, 50, 59.
Иловайскій, Д. И., ученый, CXXVI, CXXIX, CXLVI, CCII.
Ингеръ, митрополитъ никейскій, XCVIII.
Ипатій, св., CXXXVII.
Ираклидъ (Ираклій), епископъ амастридскій, XXV.
Ираклиды, С. — 42.
Ирина, императрица византійск., супруга Констант. Копронима, CLXII, CCXIX, CCXXXI, CCLXV. — 76.
Ирина, императрица византійск., супруга Льва IV, XXXVII, LII, LVII, LX—LXIII, LXV, LXVIII, LXXIV, LXXIX, LXXXVI, CCXIX, CCXX, CCXXXI, 52.
Иринархъ, діаконъ изъ Амастриды, XXV.
Иродъ, царь іудейскій, XIX.
Ирынчей, татаринъ, CCII.
Исаакъ Ангелъ, императоръ византійск., CLXVI, CCLXIX.
Исаакъ, патріархъ евр., 10, 12, 58.
Исаія, пророкъ, 68.
Исидоръ, епископъ севильск., CXXXVIII, CCLXXXIV.
Исихій, писатель греческій, XLIII; епископъ XXV; CCLVI.
Ифигенія, дочь Агамемнона, CXXV, CXXXIX.

I.

Іакинѳъ, амастридскій, св. мученикъ, XXIV, XXV, LXX, LXXXVII, CIII, CIV, CLXIX.
Іаковъ, патріархъ евр., 58.
Іезавель, 48.
Іезекіиль, пророкъ, 92.
Іеремія, пророкъ, CXXXIV.—89.
Іисусъ Навинъ, 40.
Іоанникій Великій, св., LXXXVI, XCVIII.
Іоаннъ Венеціанскій, лѣтописецъ, CXVIII.
Іоаннъ, епископъ амастридскій, LXXXVIII, CV—CVIII (XI, XXVI, XLI).
Іоаннъ, епископъ готскій, XXIV, LX, LXV, CLX, CLXII, CLXIII, CCLXVI, CCLXXXI.
Іоаннъ, епископъ сардійскій, XIV, XIX.
Іоаннъ, епископъ сугдейскій, CXCV.
Іоаннъ Комнинъ, императоръ византійскій, XXVII.
Іоаннъ Ласкарисъ, императоръ никейскій, CLXXXI.
Іоаннъ II Палеологъ, императоръ визант., CXCVII.
Іоаннъ Предтеча (Креститель), XVI, XIX, XXX, CCXXVIII, CCLXVIII. — 8, 10, 12, 17, 19, 59, 93.
Іоаннъ II, митрополитъ амастридскій, XXVII.
Іоаннъ XXII, папа, CXCIV.
Іоаннъ Милостивый, патріархъ александрійскій, CCXLI.
Іоаннъ, патріархъ константинопольскій, еретикъ, CXIV.
Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ константинопольскій, XV, CCXXII, CCXL — CCLVIII, CCLXIV, CCLXXXVII.
Іоаннъ Ксифилинъ, патріархъ константинопольскій, XXVII.

Іоаннъ Мосхъ, монахъ, писатель греч., LXXIV, CCXXXIV.
Іоаннъ, сакелларій патріарха константинопольскаго, CCV.
Іоаннъ, спаѳарій, LIV.
Іоаннъ, татаринъ, CLXXXVIII.
Іоаннъ, ученикъ Григорія Декаполита, XCVI.
Іоаннъ, ученикъ Стефана Новаго, CCIX.
Іовъ, 23.
Іорданъ, историкъ готовъ, CXXXVIII, CCXCVIII.
Іосифъ Гимнографъ, св., XCVI.
Іосифъ, патріархъ евр., XXXIX, LXXIX.— 15, 23, 58.

К.

Каллиника Киснальти, монахиня сурожская, CXCII.
Каллиникъ, митрополитъ амастридскій, XXVII.
Каллистъ, патріархъ константинопольскій, XXVII.
Канале, ученый, CLXXXVI.
Карабулатъ, вождь татарскій, CXCIII.
Карамзинъ, Н. М., историкъ, CXLIII, CCIII.
Карлъ Великій, императ., XCIII, CCLXVII.
Кедринъ, истор. визант., LV, LXIII, LXVI, CXXIV, CXXVIII, CXXX, CXXXV, CCLXVIII.
Кедукъ-паша, в. визирь турецкій, CCV.
Кейкобадъ, султанъ турецкій, CLXXV, CCXV.
Кеппенъ, П. И., академикъ, CLV. CLXII, CLXV, CCLXXXII.
Кипріанъ, митрополитъ московск., CCLIX, CCLXXXVI.
Кириллъ, патріархъ іерусалимск., CCLXXXVII.
Кириллъ Философъ, св. первоучит. слав., XCIX, CXLVII, CLXV, CCLXXVI, CCLXXVIII, CCLXXXII.
Киръ, патр. александрійскій, CCXLI.
Киснальти, см. Каллиника.
Кій, князь русскій, CXXVII.
Клавдій Лепидъ, римлянинъ, XXIII.
Клавихо, Р. Г., посланникъ испанскій, XXII.
Клапротъ, ученый, CLXXI.
Климентъ, еписк., св. мученикъ, CCLXXV, CCLXXXI.
Клинтонъ, ученый, CCXLI.
Ключевскій, В. О., професс., CCLXI.
Ковырь, Козьма, гость русскій, CCIII.
Кольберъ, маркизъ, министръ французскій, CCXLI.
Комитъ, епископъ амастридскій, XXV.
Комнины, династія византійскихъ императоровъ, CLXXVIII.
Кононъ, первоначальное имя императора византійскаго Льва III Исавра, CCXXVIII, CCXXXIII.
Константинъ Великій, императоръ римскій, LXX, CCLXXXI.
Константинъ V Копронимъ, императоръ визант., LII—LIV, LV, LXXI, LXXVIII, LXXXII, CLXI — CLXIII, CCVIII, CCXII, CCXVI, CCXIX, CCXX, CCXXXI, CCXXXVIII, CCXXXIX, CCLXIV, CCLXV (гноеименитый, гноетезный, LXXXVI, CCXXIV. — 93).
Константинъ VI, императоръ визант., LVII, LX, LXII, LXXIV, LXXXVI. — 52.
Константинъ VII Багрянородный, императоръ визант., XXIV, XXVII, XXXVII, CIII, CXI, CXIV, CLXVIII, CLXX, CCLXVII, CCLXXVII, CCXXIX.
Константинъ, архіепископъ сугдейскій, CLXIV.
Константинъ, митрополитъ амастридскій, XXVII.
Константинъ, сынъ и соправитель императора визант. Василія Македонянина, LXXXVI.
Константинъ, сынъ императора визант. Мануила, CXCVII.
Константинъ Философъ, см. Кириллъ Философъ.
Константинъ изъ Арменіи, начальникъ тѣлохранителей, CXXIV.
Константинъ, царь болгарскій, CLXXXIII.
Корессій (Coressius), ученый, CVI.
Коста, севастъ сурожскій, CXCII.
Кубасовъ, С., писецъ хронографа, CXLIII.

Кумбалъ, царь татарскій, CLXXXVII.
Куникъ, **А. А.**, академикъ, IV, V, VII, XI, XLVI, XLVIII, XLIX, CIX, CXVI, CXVII, CXXIII, CXXVIII, CXXXIII, CXXXVI, CXLV, CXLIX, CLIII, CLIV, CLXIX, CLXXII, CLXXIV, CCLXXVIII, CCLXXX.
Курбанъ, царь татарскій, CLXXXVII.
Кутлубуга, татаринъ, CXCVIII.

Л.

Лагусъ, Г., профессоръ, CLXXXII.
Ласкарисъ, Іоаннъ, ученый грекъ, XI.
Лафонтенъ, Ж., баснописецъ франц., XCI.
Лебедевъ, А. С., профессоръ, LXXXIV.
Левъ III Исавръ, императоръ визант., LIV, LXXI, LXXXVI, CVI, CLI, CLXII, CCXIX, CCXX, CCXXVI, CCXXVIII, CCXXXI, CCXXXIV, CCXXXVI, CCXXXVIII, CCXXXIX, CCXLII, CCLXV, CCLXVIII.—87, 91.
Левъ V Армянинъ, императоръ визант., L, LVI, LXVII, LXXV, LXXXI, LXXXII, LXXXVI, XCV—XCVII, C, CCXIX, CCXX, CCXXXI. — 74, 75.
Левъ VI Мудрый, императоръ визант., III, XXIV, XXVII, LXII, XCI, CII, CXII, CLXIV, CLXXXIX.
Левъ, монахъ, CVI.
Левъ, папа, CCXXV, CCXXXIV.—85.
Левъ X, папа, XI.
Левъ, св. мученикъ, XV.
Левъ Грамматикъ, лѣтописецъ визант., LXVI, LXXXII, CXV, CXXXV.
Левъ Діаконъ, историкъ визант., CXXV, CXXXIX, CCLXXXI.
Ле Кьенъ (Le Quien), ученый, XXV—XXVII, XCVIII, CVI.
Леонидъ, архимандритъ, CCLXXXVII.
Леру-де-Ленси (Leroux de Lincy), ученый, XII.
Ливаній, софистъ, CLXIII.
Ликофронъ, поэтъ греческій, XCIX.
Ліутпрандъ, епископъ кремонскій, XLVIII, LXXIII.
Ловягинъ, Е. И., профессоръ, CXXVI.
Логоѳетъ, лѣтописецъ визант., CXI, CXXXV.
Лопаревъ, Х. М., секретарь Общества любителей древней письменности, CCLXXXVIII.
Лотарь, императоръ западн. римск. имперіи, CXVIII.
Лотъ, племянникъ Авраама, 57.
Лука, митрополитъ сугдеофулльскій, CXCV, CXCVI, CCI.
Лука Хрисовергъ, патріархъ константинопольскій, CLXV.
Людовикъ Благочестивый, императоръ западн. римск. имперіи, LIV, LVI, LXXI, CXIV, CXVII, CXX.
Людовикъ IX Святой, король франц., CLXXVIII.

М.

Маврикій, св. великомученикъ, XVI.
Магометъ, основатель ислама, LXIV.
Маґометъ II, султанъ турецкій, XXI, CCV.
Маи, А., кардиналъ, XIX, LIX, CXXX, CLVII.
Макарій (Булгаковъ), митрополитъ московскій, VI, CXLVII, CXLVIII.
Макарій, патріархъ константинопольскій, CCI.
Макарій Колязинскій, препод., CLIII.
Макарій, игуменъ прилуцкій, CCLXI.
Максиміанъ, императоръ римскій, XV, L.
Максимъ Грекъ, препод., CCLXII.
Максимъ, императоръ римскій, XV.
Мамай, темникъ татарскій, CXCVII, CCII.
Мамицій; см. Поликарпъ Севастъ.
Манзи, ученый, XXVI, XXVII, LVIII, LXXVIII, CLXIII.
Мануилъ Комнинъ, императоръ визант., XXVII, CLXVI, CLXVIII, CLXXII.
Маргуній, Максимъ, епископъ киѳирскій, XVIII, CVI.
Марія, сестра св. Лазаря и Марѳы, 48.
Маркеллъ, житель г. Емеса, XIX.
Маркіанъ, императоръ визант., XIX.

Маркъ Аврелій, императоръ римскій, CCLXXIII.
Марсъ, божество римское, CXXXVIII.
Мартиніанъ, препод., XIV.
Мартыновъ, И. М., іезуитъ, CCXXXVI.
Масудъ, сынъ султана иконійскаго, CLXXXIV.
Матранга, ученый, XCI.
Маттеи (Matthaei), ученый, CLIX, CCXXXIX.
Матѳей, патріархъ константинопольскій, CCI.
Матѳій, св. апостолъ, XXXIII.—31.
Мегеѳо, мать Георгія амастридскаго, XXVIII, XXIX, XLI, XLII.—4.
Мелетій, епископъ антіохійскій, XV, XIX.
Меликъ, сынъ султана иконійскаго, CLXXIV.
Менандръ, историкъ греческій, LXXIII, CCLXVIII.
Меѳодій, патріархъ константинопольскій, XXVI, LXXXIV.
Меѳодій, св. первоучитель славянск., CCLXXVI, CCLXXVIII, CCLXXXII.
Микаели, Маркъ, венеціанецъ, CLXXXVI.
Миллеръ, Вс Ѳ., профессоръ, CLVI.
Миллеръ, Г. Фр., профессоръ, CXLII.
Мина, патріархъ константинопольскій, XXV.
Митрофанъ III, патріархъ константинопольскій, CCV.
Митяй, см. Михаилъ, архимандритъ.
Михаилъ, архимандритъ, CXXX, XXXI.
Михаилъ, монахъ, агіографъ, LXXXII.
Михаилъ Акоминатъ Хонскій, архіепископъ аѳинскій, CXXXIX, CLXX.
Михаилъ II Косноязычный (Аморейскій), императоръ визант., LIV—LVI, LXX LXXII, LXXXI, LXXXIII, LXXXV, LXXXVI, XCV, XCVI.
Михаилъ III, императоръ визант., III, CIX, CXII, CXXIV, CXLII, CXLIII, CCXIX.
Михаилъ Керулларій, патріархъ константинопольскій, XXVII.
Михаилъ Клопскій, св., CCXV.
Михаилъ Палеологъ, императоръ визант., XXVII, CLXXXII, CLXXXIV, CLXXXVI, CXCVI.
Михаилъ I Рангавій, императоръ визант., LII.
Михаилъ Сирійскій, христ. сирійскій писатель, LXIV.
Могаммедъ ал-Бакту, владѣтель г. Маранда, CXXI.
Могаммедъ Ибнъ-Раввадъ, владѣтель г. Тавриза, CXXII.
Моисей, пророкъ, XXX, XXXI, XXXV, XXXIX, LXXIX, CCXXIV, CCXXXIV.—17, 19, 40, 58, 80, 97.
Монфоконъ, бенедиктинецъ, XII, CCXLI.
Мордтманнъ, ученый, LXXIV, LXXV.
Мурадъ III, султанъ турецкій, CLXXXII.
Муральтъ, Е., ученый, XCVII, CXIV.
Муратори, ученый, CXVIII.
Мурзакевичъ, Н. Н., ученый, CCVIII, CCLXIX.
Мутавакилъ, халифъ багдадскій, CXXII.
Мухамедъ Равенди, авторъ сельджукидской лѣтописи, CLXXV.
Мухаммедъ I Омайядъ, халифъ кордовскій, CXXIII.
Мюллеръ, К.-Ф., ученый, XC, XCI, XCIX.
Мюльбахеръ, ученый, CXVIII.

Н.

Наукъ, А., академикъ, CXXV, CXXVI.
Некоматъ, сурожанинъ, CCII.
Нерва, императоръ римскій, CCXC.
Несторъ, препод., лѣтописецъ русскій, CX, CXLV, CXLVI.
Несторъ, св. мученикъ, епископъ Перги Памфилійской, XVI.
Никаноръ, св. апостолъ, XXXIII.—31.
Никита Давидъ Пафлагонянинъ (Философъ), агіографъ, XIV, XVIII, XXIII, XXIV, XLV, L, XC, CIII, CIV, CXXVIII, CLXIX.
Никита Мидикійскій, св., XCVIII.
Никита Хоніатъ, писатель визант., CXXXIX.
Никифоръ, св. великомученикъ, XIV.
Никифоръ, епископъ лакедемонскій, CXCV.

Никифоръ, митрополитъ амастридскій, XXVII.
Никифоръ, патр. Константин., XLVIII, L—LIV, LVI, LXXXI, LXXXII, LXXXVII, XC, XCIV—CIV, CXI, CXLI, CCXIX, CCXXXVII, CCXXXVIII, CCXLI, CCLXII.
Никифоръ Григора, историкъ визант., CLXXXIII, CLXXXIV.
Никифоръ Логоѳетъ, императоръ визант., XXXVII, LII, LXI, LXII, LXV—LXVIII, LXXV, LXXVI.—53.
Никифоръ Фока, императоръ визант., XIX, CXXV.
Никодимъ Святогорецъ, ученый, XLII, LIX.
Николай, митрополитъ амастридскій, XXVII.
Николай I, папа, LXXXIV.
Николай, патріархъ константинопольскій, CLXIV.
Николай Студитъ, препод., XIV, XIX, LIX, LXXXVI.
Николай, св., епископъ мирликійскій, LXVII, CXCVI.
Никонъ, св., CVI.
Нилъ, митрополитъ сугдейскій, CXCVI.
Нилъ, патріархъ константинопольскій, CCI.
Нилъ Доксопатрій, писатель визант., CLXV, CLXXXIX.
Новиковъ, Н. И., писатель, CCII.
Ногай, ханъ татарскій, CXC, CXCI.
Нортонъ, I., ученый, CCXLI.

О.

Обе (Aubé), ученый, XII.
Одерико, ученый, CXCVIII.
Одиссей, царь Итаки, C.
Олегъ, в. кн. русскій, XXIV, CXIX, CXXVIII.
Оливьери, ученый, CXCVIII.
Ольга, в. кн. русская, CCLXXIX.
Омонъ, Г., ученый, XII.
Онисимъ, св. апостолъ, XV.
Орсини, фамилія италіанская, XIII.

П.

Павелъ, св. апостолъ, XV, CCXXXIV.—4, 27, 34, 59.
Павелъ Коринѳскій, св., XVII.
Павелъ Латрійскій, св. мученикъ, XV, CCLXII.
Павелъ, ученикъ діакона Игнатія, XCI.
Паги, Антоній, ученый, CCXLI.
Палладій, агіографъ, CCXLI.
Пальмъ, епископъ амастридскій, XXIV, XXV.
Памфилъ, св. мученикъ, XV.
Панаретъ, лѣтописецъ трапезунтскій, CLXXV.
Пападополи, Николай Комнинъ, ученый, XXVI, CVI.
Пападопуло - Керамевсъ, А., ученый, CLXXVII, CCV, CCXXXIII.
Параскева, татарка, CLXXXVIII.
Паригорій, св. мученикъ, XV.
Партей, ученый, LXI, LXII, LXVI, CXXXI, CLXIII, CLXV, CXXXIX.
Парѳеній, епископъ лампсакскій, XIV.
Пасини, ученый, CLXXXI.
Паткановъ, К. П., проф., CCLXVIII.
Пахимеръ, историкъ визант., CLXXXIII.
Пелопиды, С.—42.
Петавій (Petau), Павелъ, іезуитъ, XVII.
Петръ, св. апостолъ, CCI, CCXXXIV, CCLII, CCLIII.—27, 59, 85, 89.
Петръ, дожъ венеціанскій, CXVIII.
Петръ, ученикъ св. Стефана Новаго, CCVIII.
Петръ, митрополитъ московскій, CCLIX, CCLXXXVI.
Петръ, митрополитъ никейскій, XCVIII, CVIII.
Пиндеръ, ученый, CLXIII.
Питра, кардиналъ, LIII, LXXXIV.
Платонъ, философъ греческій, XCIX.
Пленко Сароженинъ, CLXXXVII.
Плиній Младшій, писатель римскій, CCLXXIII.
Плиній Старшій, писатель римск., LXIV, CXXXVII, CCLXXXI.
Плотинъ, агіографъ, L.

Погодинъ, М. П., академикъ, IV, CXLIV, CCLXXIX.
Поликарпъ, св., епископъ смирнскій, XVI.
Поликарпъ Мамицій, севастъ сурожскій, CLXXVII.
Поло, Марко, путешественникъ венец., CLXXX.
Поло, Марокка, венеціанка, CLXXXI.
Поло, Маффіо (Матѳей, венеціанецъ, CLXXX.
Поло, Николо, венеціанецъ, CLXXX.
Поповъ, Андр. Н., ученый, CXLIII.
Порфирій, св., епископъ газскій, XVI, XIX.
Порфирій, св. мученикъ, XV.
Порфирій (Успенскій), епископъ, LXXXIV, LXXXV, CXXVI, CXLIX, CCIII, CCXXXVII.
Потли, ученый, CLXIV, CLXXXIX.
Прессель, ученый, CLXXXII.
Прискъ, писатель греческій, CLX.
Прокопій, писатель греческій, CXXXVIII, CLIX.
Пронскій, князь, намѣстникъ новгородскій, CCIII.
Пруденцій Галиндо, лѣтописецъ, CXVI—CXVIII.
Пселлъ, Михаилъ, писатель визант., CXXV.
Птолемей, географъ греческій, CLVI, CCLXXX, CCLXXXI.
Лулъ, севастъ сурожскій, CLXXVIII.

Р.

Раавъ, блудница, 48.
Радагайсъ, вождь готскій, CXXXVIII.
Радловъ, В., академикъ, CLXXI.
Ражъ-Тарханъ, полководецъ хазарскій, CCLXVIII.
Райнальдъ, ученый, CXCIV.
Ралли, ученый, XLV, CLXIV, CLXXXIX.
Ранке, Леопольдъ, историкъ, LXIII, LXVII.
Рашидъ-эддинъ, историкъ монголовъ, CLXXII.
Ревекка, жена евр. патр. Іакова, 57.
Регель, В. Э., ученый, XLVI, CXI.
Рейсъ-Етумъ, турецкій начальникъ въ Синопѣ, CLXXIV.
Рено (Raynaud), ученый, CLXXXVIII, CXCIV; см. Гейдъ.
Ридольфи, Николо, кардиналъ, XI, XVIII.
Розенъ, баронъ В. Р., академикъ, CLXXV.
Романъ; см. Глѣбъ, князь русскій.
Росвейде, Герибертъ, ученый, XVII.
Рубруквисъ, Рубрукъ, монахъ путешественникъ, CLVIII, CLXVII, CLXXI, CLXXVIII—CLXXX.
Рукнеддинъ Бейбарсъ, писатель арабск., CLXXXIII, CXC, CXCI.
Рюриковичи, династія русск., CXVII.
Рюрикъ, князь русскій, V, XLVII, CXLII, CXLIV.

С.

Савва Готскій, св., CLX.
Садокъ, св. мученикъ, XV.
Саларевъ, Димитрій, гречинъ, CCIII.
Саларевъ, Михаилъ, гречинъ, CCIII.
Саматъ, Савва, армянинъ, CLXXXVIII.
Самуилъ, діаконъ Великой церкви, XCII.
Самуилъ, пророкъ, LIV.—10, 12.
Сарра, жена Авраама, LIX.—6, 7.
Сартакъ, ханъ татарскій, CLXXIX.
Сассаниды, династія персидскихъ царей, LXXIII.
Сатурнилъ, епископъ амастридскій, XXV.
Саѳа (Sathas), ученый, CXXV.
Свида, писатель визант., XLIII, XC, XCI, CIV.
Святополкъ, в. князь русскій, CLXVII.
Святославъ, в. князь русскій, CXL.
Севилъ (Savile), Генрихъ, ученый, CCXLI.
Сейидъ Лукманъ, поэтъ турецкій, CLXXXII.
Селевкій, св. мученикъ, XV.
Семпадъ, армянинъ, CLXXXVIII.
Сергій, архимандритъ, CCLXXVIII.
Сидоній Аполлинарій, писатель римскій, CXXXVIII.
Сисинній, патріархъ константинопольскій, CLXIV.
Симеонъ Богопріимецъ, XIII.
Симеонъ, подвижникъ, XCVI.

Симеонъ, св. мученикъ, XVI.
Симеонъ Метафрастъ, агіографъ, XIII, XVIII, XIX, XLV, LXXXIX.
Симеонъ Магистръ, писатель визант., CXXVIII.
Симсонъ, ученый, LVI, CXVIII.
Скилицій, писатель визант., CXXXV.
Смирковъ, В. Д., профессоръ, CLV, CLXXV, CLXXVIII, CLXXXI, CLXXXIII, CLXXXIV, CXCI, CXCVIII.
Соболевскій, А. И., профессоръ, CLXXXVIII.
Созоменъ, писатель греческій, CCXLII, CCXLIII, CCLIV, CCLV.
Соколовъ, М. И., професс., CCLXIII.
Сократъ, историкъ церковн., CCXLI.
Солиманъ; см. Сулейманъ-Ибнъ-Рашидъ.
Соловьевъ, С. М., академикъ, V, CXLIX.
Соломонъ, царь еврейск., CXXV.—24.
Сотирихъ, еретикъ, XXVII.
Софіанъ, ученый, XI.
Софроній, св., архіепископъ іерусалимскій, XIII.
Срезневскій, И. И., академикъ, XXII.
Ставракій, сынъ и соправитель византійскаго императора Никифора, LXXVI.
Стакконъ, Обертъ, авторъ хроники, CLXXXV.
Старчевскій, А. В., издатель, CCLXXVII.
Стефанъ, архіепископъ амастридскій, XXVI.
Стефанъ, севастъ сурожскій, CLXXVIII.
Стефанъ Баторій, король польскій, CCV.
Стефанъ Новый, св., LIII, LIV, LXXVIII, LXXX, CXXV, CXXXII, CLIV, CLXI, CCVIII, CCIX, CCXXXV, CCXXXVI, CCXXXIX, CCLXV.
Стефанъ Сурожскій, св., IV, V, VII, VIII, CXLII—CCLXXXVIII.—72—103.
Страбонъ, географъ греческій, XXI.
Строцци, Петръ, маршалъ франц., XII.
Сулейманъ-Ибнъ-Рашидъ, сынъ халифа, полководецъ арабск., LXIV.
Сумбатъ (Семпадъ), армянинъ, CLXXXVIII.

Т.

Табари, писатель арабскій, CXXII.
Тагманъ, вельможа хазарскій, CLXII, CCLXVIII.
Тагманъ, тарханъ турецкій, CCLXVIII.
Тамара, грузинка, CLXXVII.
Тарасій, патріархъ константинопольскій, XVI, XVIII, XXXII, LVII—LIX, LXXIX, LXXXII, XC, XCII—XCIV, XCVII, CII.—25, 29, 30.
Тафель, В., ученый, LXVI, CLXXI, CLXXV.
Тацитъ, историкъ римскій, CXXXVIII.
Тексье, ученый, XXIII, LXIV.
Телебуга, ханъ татарскій, CXC.
Тизенгаузенъ, В. Е., ученый, CLV, CLVI, CLXVIII, CLXXII, CLXXIII, CLXXXI, CXC, CXCI, CXCIII.
Тимофеевъ, С. И., изслѣдователь, CCIII.
Тимуръ, ханъ татарскій, XXII.
Титмаръ, епископъ мерзебургскій, CXVI, CXXXIX.
Тихонравовъ, Н. С., академикъ, CCIII.
Тіу, божество германское, CXXXVIII.
Токтай, ханъ татарскій, CXCI.
Токтемиръ, сынъ севаста сурожскаго, CLXXVIII.
Толактемиръ, темникъ татарскій, CXCV.
Толстой, гр. Ѳ. А., владѣлецъ собранія рукописей, CCLXXXVI.
Томашекъ, ученый, CLVII, CLXII, CLXXVI, CCLXVII.
Томмсенъ, ученый, CXVI, CXVII.
Топти, севастъ сурожскій, CLXXVII.
Тохта, ханъ татарскій, CXC.
Тохтамышъ, ханъ крымскій, CXCVIII.
Траянъ, императоръ римскій, CCLXXIII.
Третьяковы, р. дворянскій родъ, CCII.
Трифонъ, св., XIII.
Троицкій, И. Е., профессоръ, CCXVIII.
Тцетцесъ, писатель визант., CLXXI, CLXXII.

У.

Узбекъ, ханъ татарскій, CXCIII, CXCIV, CCXV.
Ульфила, епископъ готскій, CCLXXXII.

Ф.

Фальмерайеръ, ученый, CLXXIV, CLXXVII.
Фараонъ, царь египетскій, 46, 80.
Филаретъ, архіепископъ сурожскій, CCLXVI, CCLXVII, CCLXX, CCLXXII, CCXC, CCXCIV.—94, 96.
Филаретъ Милостивый, св., LXXXVI.
Филаретъ, архіепископъ черниговскій, VI, VII, XX, CXLVI—CXLVIII.
Филиппъ, упоминаемый въ житіи св. Трифона, XIII.
Филоѳей, патріархъ константинопольскій, CCI.
Финеесъ, первосвященникъ евр., 58.
Финлей, ученый, LXVII.
Фишеръ, В., ученый, CLXVIII.
Фотій, патріархъ константинопольскій, VIII, XIX, XXVI, XLIV, XLVII—XLIX, LI, LII, LXII, LXXXIII, LXXXIV, XCVII, CVI, CX, CXI, CXIII—CXXVI, CXXXIII, CXXXIV, CCXLI.
Фравитта, готъ, CCLXXV.
Франдзи, историкъ визант., CXCVII.
Фронтонъ-ле-Дюкъ (Fronto Ducaeus, Fronton-le-Duc), ученый, XVII.

Х.

Хаканъ, имя или титулъ царя Руси, CXV.
Харлампій, мученикъ, XIV.
Хаутома, оріенталистъ, CLXXV.
Хрисиппъ, пресвитеръ іерусалимскій, XVI.

Ц.

Цахаріе-фонъ-Лингенталь (Zachariae v. Lingenthal), ученый, L, LXV, CXXVI, CLXXXIX, CCLXIX.

Ч.

Черный, Дмитрій, москвитинъ, CCIII.
Чиконья (Cicogna), ученый, CLXXXI.
Чингизъ, ханъ татарскій, CLXXIII.
Чингисхиды, династія татарскихъ хановъ, CLXXXI.
Чурило Плекковичъ, богатырь, CLXXXVII.
Чуриловскій, Н. Ф., студентъ с.-петербургск. дух. академіи, CCLXII.

Ш.

Шихъ, Иванъ, торговецъ ногайскій, CCIII.
Шлюмберже, ученый, LXXIV, CLXVI.

Щ.

Щегловъ, Д. Ѳ., писатель, VI.

Э.

Эгидій, св., CCXXI.
Эзопъ, баснописецъ греческій, XCI.
Эймундъ, витязь норманскій, CCLXXXIV.
Эльмуфаддаль, писатель арабскій, CLXXXII, CLXXXIII, CXCI.
Энгельманъ, И., профессоръ, CVII.
Эней Парижскій, богословъ, LVI.
Эннувейри, писатель арабскій, CLXXXIII.

Ю.

Юліанъ, св. мученикъ, XV.
Юлій Капитолинъ, писатель римскій, CCLXXXI.
Юль, Г., ученый, CLXXXI.
Юргевичъ, В. Н., профессоръ, CXCVII, CCVII.
Юрій Тарханъ, кн. сурожскій, CCXXIX, CCLXVII.—95.
Юстиніанъ I, императоръ визант., LIII, LXXV.
Юстиніанъ II, императоръ визант., L, CLXII, CCXXXI.

Я.

Яковлевъ, В. А., профессоръ, CLXX.
Яковъ Аурій, авторъ лѣтописи, CLXXXV.
Януби, писатель арабскій, CXXII.

Яркассъ, правитель Солхата, CXCVIII.
Ярославъ I, в. князь русскій, CCLXXXIV.

Ѳ.

Ѳамарь, грузинка, CLXXVII.
Ѳекла, св. мученица, CIII.
Ѳемистій, епископъ амастридскій, XXV.
Ѳеодора, дочь керченск. царя, CCXXIX, CCXXXI.
Ѳеодора, императрица визант., супруга Юстиніана II, CLXII.
Ѳеодора, императрица визант., супруга Ѳеофила, XLVI, LXXXIV, XCVII, CXXIV.
Ѳеодора; см. Ирина, супруга Константина Копронима.
Ѳеодоръ, епископъ Аланіи кавказской, CLVII, CLVIII.
Ѳеодоръ или **Ѳеодосій**, отецъ Георгія амастридскаго, XXVIII, XLI.—4.
Ѳеодоръ (въ схимѣ Ѳеодосій), архіепископъ сугдеофулльскій, CLXXXIX.
Ѳеодоръ (начертанный), св., XCVIII.
Ѳеодоръ Стратилатъ, св., XIV, XVIII.
Ѳеодоръ Студитъ, св., XLV, LIX, LXX, LXXXII, LXXXIII, LXXXVII, XCV, XCVIII, CVI—CVIII, CLXI, CLXII, CCLXVI, CCLXXIII.
Ѳеодоръ Тиронъ, св., XV.
Ѳеодосій III Адраминдинъ, императоръ визант., CCXXIII, CCXXXVI, CCXXXVII, CCLXIV.—77.
Ѳеодосій, митрополитъ халкидонскій, XCV, CXVIII; см. Ѳеофанъ.
Ѳеодосій, отецъ Георгія амастридскаго; см. Ѳеодоръ.
Ѳеодосій, спаѳарій и патрикій, CXVIII.
Ѳеодосій Мелитиніотъ, писатель визант., CXXX.
Ѳеодулъ, св. мученикъ, XV.
Ѳеоктистъ, временщикъ, CXXIV.
Ѳеоктистъ, митрополитъ сурожскій, CC.
Ѳеофанъ, историкъ визант.; XXII, LIV, LXIII — LXVII, LXX, LXXIV, LXXVI, LXXXII, XCII, CXI, CXIV, CXV, CXVII, CXXXV, CCVIII, CCXXXI, CCXXXIII, CCXXXVII, CCXXXIX, CCLXV.
Ѳеофанъ, митрополитъ халкидонскій, XCVIII, CXVIII.
Ѳеофанъ (начертанный), св., XCVIII.
Ѳеофанъ, спаѳарій, CXV, CXVIII.
Ѳеофилактъ, митрополитъ никомидійскій, CCLXII.
Ѳеофилъ, адмиралъ визант., LXIV.
Ѳеофилъ, императоръ визант., LXX, LXXXII, LXXXVI, XCII, XCVI—XCVIII, CX, CXI, CXIV, CXV, CXVIII, CXXIII, CCLXXVIII.
Ѳеофилъ Іоаннъ, ученый, L.
Ѳома, самозванецъ, LXX, XC.

II. Указатель именъ географическихъ.

А.

Абидосъ, г., LXXIV, CXXXI.
Абхазія, страна, CLIX.
Абхазы, народъ, CLXV.
Авазгія; см. Абхазія.
Авары, народъ, LXX, CXVII, CCLXVII.
Авиньонъ, г., CXCIV.
Агаряне, народъ, XIX, XXXIV, L, LXIX, CLXXVI, CXCIV, CCXV, CCXVI, CCLXI.—38.
Агріосирикійская, гора, XXX, XLI, XLII, LVIII.—19.
Адербейджанъ, страна, CXXI.
Адріатическій заливъ, CXXXII.
Азія, XCV, CXXXIII, CCLXVIII.
Азовское море, CLXX, CCLXXVI, CCLXXVII, CCLXXXV.
Азовъ, г., CCIII.
Аифаръ, порогъ на Днѣпрѣ, CCLXXIX.
Акарнанія, область, LIX.
Акациры, племя, CLX.
Аланія, страна, CLVII.
Аланы, народъ, CXVIII, CLVII—CLIX, CCLXXX.
Александрія, г., CCXLI.
Алеманны, племя, CXL.
Алушта, укрѣпленіе, CLVI, CCLXXXIII.
Амассера; см. Амастрида.
Амастрида, Амастра, г., IV, V, VII, VIII, XX—XXVII, XXXIII, XXXIV, L, LVIII—LXII, LXVII—LXX, LXXIII, LXXV, LXXVI, LXXXVII, XCIII, CIV, CV, CVIII, CIX, CXXVII, CXXXII, CXXXVI, CXXXVIII, CXLIV, CLXIV, CLXVIII, CCLXXIX, CCXLXXX, CCLXXXIII.—5, 32.
Амисъ, г., LXIV, LXVII, CLXVIII, CLXXIII.
Аморій, г., XLV, LVIII, LXIII, LXV, CX, CXIV.
Анадоли, Анадоли-кавакъ, крѣп., CXXXI, CXXXV, CCV.
Аназарбъ, крѣпость, LXVI, LXXVI.
Анапа, г., CCLXXXII.
Ангора; см. Анкира.
Андрасъ, г., LXVI.
Анкира, г., LVIII, LXV—LXVIII.
Антіохія, г., LXIV, CCXLII.
Анты, народъ, CXL.
Анусанъ, мѣстечко, LXIV.
Арабы, **Аравитяне**, народъ, L, LXIII—LXV, LXXVI, CXXIII.—75. Ср. Сарацины.
Ардавда; см. Кафа.
Армяне (Арменіаки), народъ, LXIV, LXVII, CLXV, CLXXXVIII.
Атталія, г., CCI.
Аттика, область, CCXXI.
Ахиллесовъ Дромъ, урочище, CCLXXX—CCLXXXII.
Аю-дагъ, мысъ, XXI.
Аѳины, г., CXLVIII, CL, CLIX, CLXI, CLXX, CCXXI—CCXXIII, CCXXXII, CCLXIV.—73.

Б.

Багдадъ, г., CXIX, CXXIII.
Баджинаки; см. Печенѣги.
Балаклава, г., CXCVIII, CC, CCLXXXIII.
Балтійское море, CXVI, CXVIII, CCLXXX.
Бараній мысъ; см. Аю-дагъ.
Бартина (Пареенія), горы, XXIII.
Бельгія, страна, CCXXI.
Бодричи, племя, CXV.
Болгары, нар., LXXI, CXV, CXVIII, CLX, CLXXXIII, CCLXVII.
Босфоръ, проливъ, LXII, LXIV, CXXIX—CXXXII, CXXXV, CXXXVII, CLXVIII, CCV.
Бравалла, г., CXLIX.
Бухара, страна, CLVI.

В.

Валанготы, народъ, CCLXXX, CCLXXXII.
Варяги (Варанги), **Варяги-Русь**, народъ, CXLI, CXLII, CXLIV, CL, CLI, CLII, CCLXXVII, CCLXXVIII, CCLXXXIII.
Венеціанцы, CLXXXI, CLXXXIV, CLXXXV, CXCVII.
Венеція, г., CXVIII, CLXXXI.
Византійская имперія, III, VII, XXIV, LXI, LXIII, LXV, LXX, CIV, CXVII, CXIX, CXXIII, CXXIV, CXXVIII, CXXXI, CXXXIII, CLXXII, CLXXV, CLXXVIII, CLXXXII, CXCVI, CCLXXV, CCLXXVII, CCLXXXIII, CCLXXXV.—31, 52.
Византійцы, L, LXIV, LXVII, CXIII, CXXIII, CXXIV, CXXVII, CXCIII.
Виеинія, страна, VII, LXV, CXXXVI, CCLXXXIII.
Владиміръ-Волынскій, г., CLXXXVII.
Волга, р., CLXX.
Вологда, г., CCLXI.
Володимерцы, CLXXXVII.
Вонисса, **Вонита**, **Воница**, монастырь, XXXI, XLII, LVIII.
Ворисасъ, **Ворисавъ**, **Морисасъ**, селеніе, CCXXI, CCXXX, CCLXIV.—72.
Воспоръ (Таврическій), г., CLVIII, CLXI, CLXII, CLXIV, CLXV, CLXVIII, CCXXXI, CCLXVIII; см. Керчь.
Вятчане, CCLVI.

Г.

Гаваонъ, 40.
Газарія; см. Хазарія.
Галатія, страна, LXV.
Галаты, народъ, XXXVIII.—54.
Галисъ, р., LXVIII, CLXXIII.
Галлы, народъ, CXXXVIII.
Ганггра, **Ганггры**, **Гангры**, г., XXV, XXXIII, LI, LXI.—33.
Геллеспонтъ, проливъ, CXXXI.
Геннегау, область, CCXXI.
Генуезцы, XXII, CLXXXV—CLXXXVIII, CXCVII, CCV.
Генуя, г., CLXXXV, CXCVIII, CC.
Гераклея Понтійская, г., XXI, CXXXVI, CXXXVII; см. Пендераклія.
Гераклея Притаврская, г., LXV, LXVI, LXXVI.
Геренисъ, г., LXIV.
Германцы, племя, CXXXVIII, CXL.
Гермундуры, племя, CXXXIX.
Гіерополь, г., LVIII.
Готаланы; см. Валанготы.
Готія, **Готеія**, область, CLXI, CLXVIII, CLXXIV, CXCII, CXCVIII.
Готская митрополія, CCI.
Готскіе Климаты, область, CLX, CLXI, CCLXXXI, CCLXXXIII.
Готы Крымскіе, южно-русскіе, Тетракситы, народъ, XXIV, CLVII, CLX, CLXII, CLXV, CLXXVI, CCLXXX—CCLXXXIII.
Греки, народъ, XXVI, XLIII, XLVIII, LI, LXIII, LXV, LXVI, LXXIII, CX, CXV, CXXXI, CXXXVII, CXXXVIII, CXLII, CXLIII, CLIX, CLXVI, CLXXIV, CLXXVII, CLXXXVII, CXCIII, CXCVIII—CC, CCVI.
Греція, страна, LVI, LXXIV.
Греческая имперія; см. Византійская имперія.
Грузины; см. Иверы.
Грузія; см. Иверія.

Гулейскій, монастырь, LXVII.
Гунны, народъ, CLX.

Д.

Дадибры, Дадибра, мѣстечко, XXV, LXI, LXX.
Данія, страна, CXLIX.
Даны, Датчане, народъ, CXV, CXVI.
Дарданелльскій проливъ, LXXIV, CXXVIII, CXXX, CXXXI.
Дафнусія, городъ, CCIX.
Декаполь Исаврійскій, городъ, XCV.
Дешти-Кыпчакъ, орда, CLXXV.
Джебала; см. Мидія.
Джезире, область, CLXIX.
Джихетія, Джихія, страна, CLIX, CLXIX.
Джурджанъ; см. Каспійское море.
Днѣпръ, р., CXVII, CCLXXVII, CCLXXXII, CCLXXXV.
Днѣстръ, р., CCLXXVIII.
Добруджа, область, CLXXXIV.
Доломанъ-Чай; см. Геренисъ.
Донъ, р., CXIV, CLXVI, CLXXI.
Драва, р., CCLXXXIV.
Дреговичи, племя, CCLXXX.
Дромиты, CXXVIII, CCLXXXI.
Дунай, р., CCLXXVIII.

Е.

Евксинъ; см. Черное море.
Евреи, народъ, LXXIX, CXIX, CLXXXVII, CCVII.—38, 41, 65, 80.
Европа, XCV, CXXXIII, CLXIV.
Евфратъ, р., LXIV.
Евхаита, городъ, LXVII.
Египетъ, страна, CXXII, CLXXXI, CXCI, CCXLI.—46, 58.
Елиссъ, мѣстечко, CCI.
Еллада, страна, LXXIV.
Емесъ, городъ, XIX.
Ески-Крымъ (Старый Крымъ), городъ, CLXXXVII.
Ефесъ, городъ, LXV, LXXIV.

Ж.

Жиды; см. Евреи.

З.

Заморье, византійскія владѣнія въ Крыму, CXCVI.
Зинхія, страна, CLIX; см. Джихетія.
Золотая орда; см. Кипчакъ.
Золотой Рогъ, CXXIX, CXXXII, CLXXXVI.

И.

Иверія, страна, CLVII.
Измаильтяне, народъ, CLXXVI, CCXV, CCXVI, CCLXI.
Израиль, Израильтяне; см. Евреи.
Икіаконъ, мѣстечко, LXXXVII.
Иконій, г., LVIII, LXV.
Иліи св. замокъ, CXCIX.
Иллирикъ, Иллирія, страна, XCVI.—27.
Ингельгеймъ, городъ, CXIV, CXVIII, CCLXXX.
Индъ; см. Геренисъ.
Ираклій, г.; см. Гераклея Понтійская.
Иранъ, страна, CLXIX.
Исаврія, страна, LXVI.
Италійцы, народъ, 45.
Италія, страна, XI, XII, XCV, CXXXVIII, CLXI.
Итиль, г., CXIX.

І.

Іерихонъ, г., XXXV.
Іеронъ, м., LXXIV, CXXXI, CXXXV, CXXXVII.
Іерусалимъ, г., CXXXIV, CLXXXVII.—27.
Іорданъ, р., 63.
Іудеи; см. Евреи.
Іунополь, г., LXI.

К.

Кавказъ, CLVI, CLVII, CLIX.
Казань, г., CCIII.
Камахъ, крѣпость, LXIV.
Камлиджъ; см. Итиль.

Кампанидонъ, селеніе, CLXIII.
Кампсадъ, село, XIII.
Каппадокія, страна, LVIII, LXV, LXVI, LXXIV, LXXXVII, CLX, CCXXI, CCXXIII, CCXXX, CCXXXVII, CCLXIV.—72, 78.
Кара-Гиссаръ, г., LXXXVII.
Кара-илаесъ, деревня, CCI.
Карамбисъ, р., CLXXIII.
Кара-су; см. Черная вода.
Карасу-базаръ, г., CCLXXXV.
Карпаѳъ, островъ, LVIII.
Каспійское море, CXIX, CXXIII, CCLXXVIII.
Кафа, CLVI, CLXII, CLXXXV, CLXXXVI, CLXXXVIII—CXCI, CCII, CCIII, CCV, CCXV, CCLXI.
Кафинское море, CXXXI.
Кафинцы, CCIV.
Керчь, г., CXLIII, CXLIV, CLII, CLVIII, CLIX, CLXI, CLXII, CLXV, CLXVI, CXC, CCXXXI, CCLXVIII, CCLXX, CCLXXVI, CCLXXXV.—95, 96; см. Воспоръ Таврическій.
Кесарія Палестинская, г., XV.
Кизикъ, г., CCXXXV, CCXXXVIII.
Кизиль-Ирманъ; см. Галисъ.
Килиджарсланъ, родъ, CLXXII.
Килинія, страна, LXV.
Кинсанъ, г., CCII.
Кипръ, островъ, LXIII, LXVII, CXXXII.
Кипчакъ, **Кипчакская** орда, CLXVI, CLXVIII, CLXIX, CLXXI—CLXXIII, CLXXV, CLXXX, CLXXXIII, CXCIII, CCV.
Китора, село, XXI.
Кіевъ, г., XLVII, CXVI, CXLIII, CLI, CLIII, CLXXXVII, CCLXXX, CCLXXXV.
Козъ, деревня, CXCIX.
Колхида, страна, LXXIV.
Коніэ; см. Иконій.
Константинополь (Царьградъ), г., V, VII, LVII, LIX, LXIV, LXX, LXXIII, LXXIV, XCIII, XCV, CX, CXI, CXV, CXVII, CXVIII, CXXIII, CXXV, CXXVII—CXXXV, CXXXVII, CXLIII, CXLVIII, CLVII, CLXVIII, CLXX, CLXXVIII, CLXXIX, CLXXX, CLXXXII, CLXXXIV, CXCII, CXCVI, CCV, CCXII, CCXXIII, CCXXVI, CCXXX, CCXXXIII, CCXXXV, CCXXXVII, CCXXXVIII, CCXLII, CCLXII, CCLXV, CCLXXVIII, CCLXXX.—73, 77—79, 83, 90.
Корчевъ, **Корчь**; см. Керчь.
Красъ, г., LXVI.
Креста св. замокъ, CXCIX.
Кривичи, племя, CCLXXX.
Крисъ, мѣстность въ Константинополѣ, CCXXXV, CCXXXVI, CCXXXIX.
Критъ, островъ, LXIII, XCVI, CCXXXVI.
Кромна, г., XXI, XXIV, XXIX, XLI, XLII, LVI.
Крымская орда, CCIII, CCIV.
Крымъ, IV, LX, CXIV, CLI, CLIII, CLVI, CLVII — CLXII, CLVI, CLVII, CLXVIII, CLXXV, CLXXX — CLXXXII, CLXXXIV, CLXXXVI, CXC, CXCIV, CCIII, CCVI, CCXII, CCXVI, CCXXXI, CCXLII, CCLXII, CCLXIV, CCLXVIII, CCLXXV, CCLXXXI, CCLXXXIII, CCLXXXV; см. Таврида.
Ксеромеро, LIX.
Кубань, р., CCLXXVIII.
Куманы, народъ, CCXVI.
Корсунцы, **Корсуняне**, XXIV, CLXIX, CLXX, CLXXIV.
Корсунь, г., XXIV, CXIV, CXLII — CXLVI, CLII, CLVII, CLXI. CLXIV — CLXVI, CLXVIII, CLXIX, CLXXIV, CLXXV, CCI, CCIX, CCXVIII, CCLXIX, CCLXX, CCLXXII, CCLXXV—CCLXXVIII, CCLXXXI—CCLXXXIII, CCLXXXV. — 95, 96.
Ыркъ-іери, г., CXC.

Л.

Лака, деревня, CXCV.
Лакедемонъ, г., CXCV.
Латинская имперія, CLXVIII, CLXXX, CLXXXIV.
Латиняне, CC.
Лемносъ, островъ, CXXVIII.
Ливія, страна, CXXXIII.

Ликійская провинція, CXXXII.
Литовцы, народъ, CXXXVIII.
Ліонъ, г., CCLXXIII.

M.

Мавропотамо; см. Черная вода.
Мадьяры, народъ, CXVIII, CCLXXXIV.
Малагины; см. Манганы.
Малакопія, г., LXVI.
Малая Азія, VII, XXI, LXII, LXIV, LXV, CXLIV, CLX, CLXXX, CLXXXII, CLXXXIV, CCI.
Манганы, г., LXV.
Марандъ, г., CXXI.
Мелегобъ; см. Малакопія.
Мидія, страна, CXXI.
Миры, г., LVII.
Монголы, народъ, CLXII, CLXXXI, CLXXXII.
Мопсуестія, г., LXVI.
Моравія, страна, CCLXXXIV.
Моривасъ, Морисава, с., CCXXIII. — 72, 80; см. Ворквасъ.
Москва, г., CCII—CCIV.
Мосуль, г., CLXIX.
Мраморное море (Пропонтида), XL, XLVII, LXV, LXIX, CXXVII—CXXXII, CXXXVII, CLXXXVIII.—64.
Мэларъ, озеро, CXVI.

Н.

Неаполь, г., CCLXXXIII.
Немогардъ, г., CCLXXVII; см. Новгородъ Великій.
Неясыть, порогъ, CCLXXIV.
Нигде, г., LVIII, LXVII.
Никея, г., XXVII, LVIII, LXV.
Никомидія, г., XV, CXXXVI.
Нимвегенъ, г., CXV.
Нимфея, г., CLXXXVI.
Новгородцы, CL—CLII, CLXXXVII.
Новгородъ Великій, г., CXLIII, CCIII, CCLXIX, CCLXXII, CCLXXVII, CCLXXXIII.—95.
Новгородъ Нижній, г., CLIII.
Ногайская орда, CCIII.
Норвежцы, CXV.
Нордманы, Норманы, CXV, CCLXXIV.
Нѣмцы, CLXXXVII.

O.

Оксіаны, жители береговъ р. Окса, CLXX.
Оксъ, р., CLXX.
Олимпъ, г., LXV.
Ольвія, г., CLX, CCLXXXI.
Осетины, народъ, CLVI, CLVIII.
Осетія, страна, CLIX.
Островный порогъ, CCLXXIX.
Осы; см. Осетины.
Отранто, г., XCV.
Отузъ, деревня, CCLXXXI.

П.

Палестина; см. Святая земля.
Пареенита, г., LX.
Пареенійское море; см. Средиземное море.
Пареенія; см. Бартина.
Патара Ликійская, г., XV.
Пафлагонія, страна, VII, XXI, XXIII, XLVII, LVIII, LXI, LXVII, LXXXVI, LXXXVII, CV, CXIV, CXXVII, CXXXIV — CXXXVII, CLXV, CLX, CCLXXIX.
Пелопоннесъ, полуостровъ, LXXIV.
Пендераклія, г., XXI, LXV; см. Гераклея.
Перга, г., XVI, CCI.
Персы, народъ, L.
Пессинунтъ, г., LVIII.
Печенѣги, народъ, XXIV, CXVIII, CLXVI—CLXIX, CCXVI.
Пизанскій Портъ (Porto Pisano, CLXXXV.
Пизанцы, CLXXXV.
Писидія, страна, LVIII, LXVII.
Половцы, народъ, CLXVI—CLXVIII, CLXXI, CLXXXII, CCXVI.
Польша, страна, CXIX.
Помпеополь, г. LXI.
Понтійское море, **Понтъ**, **Понтъ Евксинскій**; см. Черное море.
Потами; см. Икіаконъ.

Принкипо, Принцевы остр., CXXVIII.
Пропонтида; см. Мраморное море.
Псаммаѳій, часть Константинополя, CXXXI.

Р.

Регенсбургъ, г., CLXX.
Рива, р., CXXXVI, CXXXVII.
Римляне, народъ, CLX.
Римъ, г., XCV.
Родосъ, островъ, LVIII, LXVII.
Родсы, племя, CXLV.
Роксоланы, народъ, CXLVI, CLXIII.
Ромеи; см. Византійцы.
Ромейская держава; см. Византійская имперія.
Росія, г., CLXVI.
Россія, CLIV, CLIX, CLX, CLXIX, CLXXX, CCLXXXI.
Россоланы; см. Роксоланы.
Росы (Rhos), племя, VIII, XLVII—XLIX, LI, CI, CXIV, CLVI, CXXVIII, CXXXIII, CXL, CCLXXXIII.
Румели-гиссаръ, крѣпость, CCV.
Румская страна, Румъ; см. Византійская имперія.
Румское море; см. Черное море.
Русская земля, CIX, CLXXIII; см. Русь.
Русскіе, Руссы, III, VI, XXIV, L, LXXII, LXXIII, CXV—CXVII, CXXVIII, CXXIX, CXXXIV—CXXXVII, CXXXIX, CXLII, CXLIV, CXLVI, CLIII, CLXV, CLXVII, CLXX, CLXXV, CLXXX, CLXXXI, CCII, CCXV, CCXVI, CCLXI, CCLXXVI, CCLXXIX—CCLXXXIII.
Русское государство, CXLII, CXLVIII.
Русское море; см. Черное море.
Русь, VI, VII, XX, XL, XLVI, XLVIII, CIV, CVIII, CX, CXI, CXIII, CXV, CXXIII — CXXVIII, CXXXIV — CXXXIX, CXLIII, CXLVI, CXLVII, CXLIX, CLI—CLIII, CLXVII, CLXIX, CLXXVI, CCXLI, CCLXXVII — CCLXXX, CCLXXXIII, CCLXXXV. — 64.

С.

Сава, р., CCLXXXIV.
Сагиды, народъ, CLIX.
Сагра-дахъ, гора, LIX.
Саклабъ (Славянскія страны), CXIX.
Саксы, племя, CXXXIX.
Самакушъ; см. Фанагорія.
Самаркандъ, г., XXII, CLVI.
Самастри, Самастро; см. Амастрида.
Саматіа-калесси; см. Псаммаѳіонъ.
Самосата, г., CXIV.
Самсунъ; см. Амисъ.
Сангарій, р., CXXXII. — 54.
Сарагосса, г., CCLXXXIV.
Сарагуры, племя, CLX.
Сарай, г., CLXXXIV, CCV.
Сарацины, народъ, XXXIV, XLIV, LXII, LXIV, LXVII—LXIX, XCVI, CXIV, CXV, CXVIII, CLXXVIII, CCXV, CCXLI. — 33. Ср. Арабы, Аравитяне.
Саркелъ, крѣпость, CXIV, CXVIII.
Сарматія, страна, CLVII.
Сарукерманъ, г., CXC.
Сафсафъ, крѣпость, LXV.
Святая земля (Палестина), CXXXII, CLXXIX, CCXLI.
Севастія, г., CLXIX.
Селунь; см. Солунь.
Сельджуки, пл., CLXXIII, CLXXV.
Сестъ, г., CXXXI.
Сивасъ, г., CLXIX, CLXXXIV.
Сидирополь, г., LXVI.
Сисамъ, селеніе, XXI.
Сика, г., CXXXII.
Силей, г., CXXXII.
Симферополь, г., CCLXXXIII.
Синай, гора, 18.
Сиинада, г., LXVII.
Синопъ, г., XXI, LIII, CLXXIII—CLXXV, CXCVI.
Синявка, деревня. CLXXXV.
Сирикійская гора; см. Агросирикійская гора.
Сирія, страна, CLXIX, CLXXII.
Ситотроги, племя, CLXIII.
Сіена, г., XII.

Скадаръ, г., CLXXV.
Скандинавія, страна, CXXXVIII, CXLI, CCLXXXI.
Скиѳія, Скиѳика, страна, CLVII, CLX.
Скиѳотавры, народъ, CXXV, CCLXXX, CCLXXXI; см. Тавроскиѳы.
Скиѳы, народъ, XXIII, XXIV, CXXIV, CLVIII, CLXIX, CLXXI, CCLXXVII, CCLXXX.
Скуруевъ, г., CXLIII.
Скутари, г., LXIII.
Славяне, народъ, CXX, CXXIII, CXXXVIII, CXL, CXLI, CXLVI, CLI, CCLXXVII, CCLXXIX.
Смирна, г., XVI.
Согдіане, народъ, CLVI.
Согдія; см. Сугдея, Сурожъ.
Содайя; см. Сугдея, Судакъ, Сурожъ.
Созопетра, г., CXIV.
Солдадія, Солдайя, Солдахія, г., CLVI, CLXXX, CLXXXI, CXCIV, CXCV, CXCVII—CC, CCV; см. Сугдея, Судакъ, Сурожъ.
Солкатъ, Солхатъ (Эски-Крымъ, Старый Крымъ), г., CLXXXI, CLXXXVII, CXCVIII, CCV.
Солія, г. XVI.
Солунь, г., XCV, CXLII.
Сора, г., LXI.
Соренто, г., CXLIII.
Сорозги, народъ, CLX.
Сосѳенъ, мѣстечко, CCIX.
Софія, св., храмъ въ г. Сурожѣ, CXCV, CXCVI, CCXII.
Средиземное море, CXXXII.
Стамбулъ; см. Константинополь.
Суадагъ, аулъ, CLIX.
Сугда; см. Согдіане.
Сугда горняя, Сугдабонъ, Сугдаія, Сугдайя; см. Сугдея, Судакъ, Сурожъ.
Сугдейская, **Сугдеофулльская** епархія, CLXV, CLXXXIX, CCI, CCV, CCLXXXV.
Сугдейцы, Сугъди, CLXV, CCXI, CCLXVI; см. Сурожане.
Сугдея, г., CXLVI, CXLVIII, CLV, CLVI, CLXIII — CLXVI, CLXVIII, CLXX, CLXXII, CLXXIII, CLXXVI, CLXXXI, CLXXXII, CLXXXIV, CLXXXIX, CXCII—CXCVI, CCII, CCVII, CCIX, CCXI, CCXVI. — 73; см. Судакъ, Сурожъ.
Сугдія; см. Согдіане.
Сугровъ, г., CLXVI.
Судагъ-Лиманъ, бухта, CXCIX.
Судакъ, мѣстечко, CLV, CLVI, CLXVIII, CLXXII, CLXXV, CLXXVIII, CLXXXI, CLXXXVIII, CXCI, CXCIX, CCVII, CCXXXVII, CCLXXXI; см. Сугдея, Сурожъ.
Сурдакъ; см. Сугдея, Судакъ, Сурожъ.
Суровъ, г., CXLIII.
Сурожане, Сурожцы, Суровцы, CLV, CLXVII, CLXXIII, CLXXVI, CLXXVIII, CLXXXVII, CCII, CCIII, CCV, CCXIII, CCXV, CCXXIV, CCL.— 79; см. Сугдейцы.
Сурожъ, г., IV, V, CXLII—CLVII, CLX, CLXV, CXCVI, CXCVIII — CCXIII, CCXV, CCXVIII—CCXXI, CCXXIV—CCXXXI, CCXXXVII, CCXXXVIII, CCXLII, CCXLVIII, CCLXI, CCLXIV, CCLXVI, CCLXXI, CCLXXII, CCLXXIV — CCLXXVI, CCLXXX, CCLXXXI, CCXXXIII.—72, 73, 79, 81, 83, 84, 91, 94, 95; см. Сугдея, Судакъ.
Суррентъ; см. Соренто.

Т.

Таврида, полуостровъ, V, XXI, XXIV, CXXIV, CXXV, CXXXIX, CXLIV, CXLVI, CL, CLVII, CLXI, CLXVI, CLXXVI, CLXXXIV, CLXXXV, CXCVIII, CCVII, CCXXXVII, CCLXVII, CCLXXV, CCLXXX; см. Крымъ.
Тавризъ, г., CXXII.
Тавроскиѳія, страна, CXXXIX.
Тавроскиѳы, нар., CXXXIX, CCLXXVII, CCLXXX—CCLXXXIII; ср. Скиѳотавры.
Тавръ, горы въ Крыму, CXXIV.

Тавръ Ликійскій, горный хребетъ, LXIV—LXVI, LXXVI.
Тавры, народъ, CXL, CCLXXX.
Таганрогъ, г. CLXXXV.
Тамань, г., CCLXXVII.
Танаисъ, рѣка; см. Донъ.
Тарантахъ, деревня, CXCIX.
Тарсъ, г., LXIII, LXV.
Тартарія, страна, CCVI.
Татары, народъ, CLVIII, CLXVII, CLXXII, CLXXIII — CLXXVIII, CLXXXI — CLXXXIII, CLXXXVII, CXC, CXCII, CXCIV, CXCVII, CXCIX, CCIII, CCV, CCXVI, CCLXI, CCLXIII, CCLXVII.
Тверь, г., CCII.
Тендра, полуостровъ, CCLXXXII.
Теревинөъ, островъ, CXXVIII.
Тирренскій проливъ, CLXXX.
Тиръ, г., LXXIV, CXXXII.
Тіана, г., LXVI.
Тій, г., XXI.
Тіонвилль, г., XII.
Тмутаракань (Matrica), г., CLXVI—CLXVIII, CLXXI, CCLXXVIII, CCLXXXII, CCLXXXIII.
Торки, народъ, CCXVI.
Трапезунтское царство, CXCVII.
Трапезунтъ, г., XXXV—XXXVII, LXVIII, LXXI—LXXV, CLXXIII, CLXXIV, CLXXVIII, CLXXX, CXCVI.—41, 51.
Триполисъ, г., CXXXII.
Триръ, г., CXVIII.
Троицко-Сергіевская лавра, CCLXXXVI.
Турки, народъ, XXI, CLXXIV—CLXXVI, CXCIV, CCVI, CCLXI.
Туркмены, народъ, CXCVII, CCXVI.
Туркопулы (Турки), народъ, CLXXXIV.
Турція, страна, CLXXX.
Тюрки, племя, CXVIII, CXCIII, CXCV, CCLXVIII.

У.

Угры, народъ, CCLXXVI.
Улворси, порогъ на Днѣпрѣ, CCLXXIX.
Уроги, народъ, CLX.
Ускутъ, деревня, CXCIX.

Ф.

Фанагорія, Фанагуронъ, г., CXIX, CLXIII.
Фризія, Фрисландія, область, CXV.
Франки, народъ, CXIV, CXV, CXVIII, CXL, CXC, CCLXXX.
Франція, страна, XII.
Фуллы, CLXV, CLXXXIX, CCLXXXV; см. Сугдейская епархія.

Х.

Хазарія, страна, CXLV, CLXIX, CLXXXVI, CXCVII, CCV, CCIX, CCXXXI, CCLXXVIII.
Хазары, народъ, XXIV, LXV, CXVII, CXIX, CXX, CLI, CLII, CLX, CLXV, CLXX, CCXVI, CCLXXVI, CCLXXXIII.
Халки, островъ, CXLVIII, CCLXIV, CCLXXXVIII.
Херсонъ; см. Корсунь.
Холопій городъ, CCLXXVII.
Хорзумъ (Cibyra), г., LXIV.
Хоросанъ, страна, LXVI.
Хрисополь, г., LXIII.

Ц.

Царьградъ, Цариградъ, Царьгородъ, Цесарьградъ; см. Константинополь.
Цхарка, горы, XXIII.

Ч.

Чангры, Ченгры; см. Гангры.
Чембало, г.; см. Балаклава.
Черкесъ-Керменъ, г., CCI.
Черкесы, народъ, CLIX.
Чермное море, 63.
Черная вода, CCLXX, CCLXXXV.—97.
Черное море, IV, VII, XXIII, XXXVIII, XXXIX, LX, LXII, LXIV, CVIII, CXIII, CXVIII, CXXIII, CXXIX, CXXXI, CXXXV, CXLI, CXLV, CLX, CLXI, CLXVII, CLXVIII, CLXX, CLXXIII, CLXXV, CLXXXI,

CLXXXIV — CLXXXVI, CCLXXVII, CCLXXXI, CCLXXXIII.—56.
Чуваши, народъ, CCLXVII.
Чудь, племя, CXVI.
Чуфутъ-кале; см. Кыркъ-іери.

Ш.

Шведы, народъ, CXVI, CXX, CXXXIX, CCLXXX.
Швеція, страна, CXVI, CXLV.
Шолдадія; см. Сугдея.

Я.

Ямболи, г., CLXXI.
Ясы, народъ, CLVII, CLIX.

Э.

Эгейское море, XCV.
Эгердиръ, г., LXVII.
Эдесса, г., LXIV.
Эльба, р., CXV.
Эносъ, крѣпость, CLXXXIII, CXCVI.
Эрегли, г., LXV.
Эрзерумъ, г., LXIV, CLXXXIV.

Ѳ.

Ѳеодосія; см. Кафа.
Ѳивасы, мѣстечко, LXIV, LXVI.
Ѳула; см. Скандинавія.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

	Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
На стр. L, въ строкѣ 3	предыдущей страницѣ	XLVII и XLVIII страницахъ
» » *LIII, » строкѣ 1 прим.*	правилъ	Постановленій
» » *LXXIII, » прим. 2*	лѣтоп.	лѣтоп., С.-Пб. 1897, изд. 3
» » *LXXIV, » строкѣ 1 прим. 2*	et	et du
» » *CCLXII, » строкѣ 23*	вывести	вывезти
» » *CCLXXVIII, » строкѣ 17*	глалѫшта	глаголѫшта
» » » » » *18*	прикадаѩ	прикладаѩ
» » *45, » » 14*	ἀλλα	ἄλλα
» » » *46, » » 2*	δυσαγωγὸν	δυσάγωγον
» » » *73, » строкѣ 1 прим.*	γϊὸμετρίαν C	γϊόμετρίαν C 5 διανέμει Va, δϊανύμ(ας), h. e. διανείμας C